

Введение

История Новгорода в начале XVII века – в эпоху, уже в 1620-е гг. получившую название Смутного времени – по сравнению с другими районами Московского государства имеет особую специфику. Сложные взаимоотношения Новгорода с московскими властями, с самозванцами, с Подмосковным и Нижегородским ополчениями, со шведским военачальником Яковом Делагарди придали городу и активно действовавшим в нем социальным группам – служилым людям – импульс к проявлению самостоятельности.

Политический режим, сложившийся в Новгороде летом 1611 г., формально возглавленный генералом Делагарди и боярином кн. И. Н. Большим Одоевским, первоначально был результатом компромисса, к которому новгородцы были принуждены шведской военной силой. Вместе с тем, договор, вырванный Делагарди у новгородских властей через десять дней после вооруженного захвата города, сохранял в условиях распада Московского государства жизнеспособность и, в некоторых смыслах, взаимную выгоду. Такой политический режим эволюционировал в 1613-1615 гг. в режим неприкрытой оккупации как в связи с политическими переменами в Московском государстве, так и в связи с изменением отношения шведской королевской власти к идее занятия московского престола. К 1611 г. новгородское общество было растеряно многолетней Смутой. Новая власть, созданная в Новгороде путем насилия предложила новгородцам некие компромиссы и первые годы ее функционирования характеризовались наведением порядка в управлении.

При сравнительно хорошей изученности политической истории Северо-Запада, представляется, что плохо исследованными остаются процессы, происходившие внутри новгородского общества. Просопографический метод (изучение биографий новгородцев) позволяет во-первых, выявить основные модели поведения новгородцев и, вместе с тем, с тем, не только создать «коллективные портреты», «социальные портреты», «групповые портреты» отдельных общественных групп, но и проследить горизонтальные связи внутри таковых.

Наверное, обращение историка к эпохе Смуты, иногда называемой первой гражданской войной в России – это необходимый этап становления профессионала и личности. Видимо, именно Смутное время – тот период, из которого жители Московского государства, как писал А. И. Яковлев «...вышли обретшими ориентиры – именно своими поисками, резким противопоставлением «прямизны» и «кривизны»¹.

Картина жизни Новгорода эпохи Смуты очень часто ассоциируется с произведением, созданным одним из деятелей этого времени, – дьяком Иваном Тимофеевым, волею разных обстоятельств проведенным в городе десятилетие – с 1606 по 1617 г. и создавшим там свой знаменитый «Временник»². В настоящей работе я попытаюсь представить город глазами не только этого дьяка (хотя и ему здесь уделено некоторое внимание), но и

¹ Яковлев А. Безумное молчание (причины Смуты по взглядам русских современников) // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 651–678.

² В последнее время в ряде работ высказывается сомнение в авторстве «Временника». Я здесь сознательно устранилась от этой полемики.

большого числа других новгородцев, живших в Новгороде и Новгородской земле в начале XVII века.

Термин «Смутное время», примененный в качестве хронологических рамок настоящего исследования, может считаться лишь своеобразным хронологическим репером³. Периодизация Смутного времени – сложный вопрос, существуют различные мнения о том, что считать началом, что концом Смуты XVII столетия. Здесь я намеренно не касаюсь этой дискуссии и подчеркну, что своей задачей ставлю рассмотрение истории Новгорода и новгородцев в хронологическом промежутке 16 июля 1611 г. – 27 февраля 1617 г. Однако судьбы людей, волей или неволей оказавшихся в городе в это время, я по возможности попытаюсь проследить и по более ранним, и по более поздним источникам. Вопрос о том, что предшествовало занятию Новгорода шведами и установлению в городе администрации кн. И. Н. Большого Одоевского – Якова Делагарди, и как город передавался в 1617 г. московской администрации, лежит за пределами моего исследования⁴. Выбор такого периода может показаться парадоксальным, так как с двух сторон он как бы охватывает 21 февраля 1613 г. – дату формального избрания на царство царя Михаила Федоровича Романова.

Задача представленной работы – показать, как в результате просопографического исследования (изучения карьер/биографий) новгородских служилых людей начала XVII века можно получить новую оценку событий Смуты в Новгороде Великом. Анализ служебных карьер и горизонтальных связей служилых людей Новгорода, поставленных в начале XVII столетия в экстремальные условия политической катастрофы, позволяет получить целостную картину эпохи и построить несколько моделей для объяснения стереотипов поведения.

Основной метод, использованный в исследовании – просопографическое изучение служилых людей Новгорода начала XVII в. Реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его представителей представляется важным направлением исторического исследования. Здесь обе составляющих имеют самостоятельную ценность: как изучение человеческих судеб на переломных этапах истории, так и общая картина, вырисовывающаяся на основании анализа полученных массовых данных. Такое исследование отличает воссоздание целостной картины эпохи путем исследования биографий людей и родов.

³ В одной из своих статей Д. В. Лисейцев показал, что термин «Смута» применялся и современниками событий начала XVII в. в Московском государстве (*Лисейцев Д. В. Еще раз о происхождении, содержании и хронологических рамках понятия «смута» // Московский журнал. 2002. № 4*).

⁴ В одной прежней работе я указывал, что важным и пока малоисследованным источником по этому периоду являются поместные грамоты новгородских владык, собранные в сборники 64 и 74 в коллекции актовых книг Новгородского Софийского дома (СПБИН. Кол. 2. Оп. 1) (*Селин А. А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611–1617 годы // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Архангельск, 2003. С. 99–114*). В представленной работе я привлекаю эти источники только постольку, поскольку они содержат информацию о новгородских деятелях 1611–1617 гг.

Сочетание биографического, социологического и демографического подхода, выражающегося в максимально полном охвате всех представителей той или иной социальной группы в течение определенного хронологического периода, рассмотрении разных сторон жизни этих людей – карьер, матримониальных, дружеских и проч. связей, количественные методы анализа – вот основные особенности просопографического метода.

Просопографический метод (изучение биографий новгородцев) позволяет, во первых, выявить основные модели их поведения. Избранная для исследования эпоха особым образом оттеняет такие модели поведения: политические события эпохи Смуты вводят (в терминологию источников и, соответственно, в объяснительный дискурс) такие понятия как «отъезд» и «измена». Применение этих моделей к конкретным судьбам новгородцев позволяет группировать карьеры и жизненные стратегии в зависимости от этих моделей. Вместе с тем, просопографический метод – исследование биографий всех служилых людей Новгорода за конкретный выбранный хронологический отрезок – дает возможность не только создавать т.н. «коллективные портреты» (в историографии также «социальные портреты», «групповые портреты»), но и реконструировать горизонтальные связи между новгородцами – дружеские/враждебные, соседские, родственные и т. п.

Именно исследование горизонтальных связей внутри одной социальной группы позволяет сближать просопографию с генеалогией. Собственно, в отечественной историографии первые исследования, сегодня получившие бы название просопографических, были связаны с генеалогическим изучением различных социальных групп. Просопография методически близка, но не тождественна генеалогическим исследованиям. Задачей генеалогической работы является реконструкция истории рода. В просопографическом исследовании задачей является реконструкция истории социальной группы и того исторического фона, который создается отдельными биографиями. В нашем исследовании, кроме того, выбран достаточно краткий хронологический промежуток, в течение которого представители этой группы вели активную жизнь; таким образом, вопрос о происхождении того или иного рода служилых людей для данной базы данных – не первоочередной.

В просопографическом исследовании целью является максимально полный учет данных 1) о всех представителях социальной группы и 2) всех обстоятельств карьеры/биографии. Только такой полный охват данных может позволить выстраивать общие наблюдения. Для этого необходимо привлечение всех групп источников, сообщающих информацию о выбранной для исследования социальной группы.

Другим родственным просопографии направлением исторических исследований является микроистория. Реконструкция социальных связей – родственных, дружеских, соседских, диктует необходимость привлечения примеров-казусов, демонстрирующих реализацию этих горизонтальных связей конкретными людьми в выбранную для исследования эпоху.

В связи с этим применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных пись-

менными источниками. Одной из таких эпох является начало XVII века – период отечественной истории, на долгие годы определивший судьбы страны и ее населения. Важной чертой этого времени является проявление центробежных тенденций в русской государственности, и отсюда – высокая степень региональной обособленности.

Одним из ярких эпизодов Смуты было образование новгородско-шведского политического альянса в 1611 г. Я употребляю здесь такое определение режима, сложившегося в Новгороде в 1611 г. чтобы подчеркнуть договорные отношения между захватившими город военной силой шведами и подчинившимися этой силе новгородцами. Несмотря на прямые указания короля Карла IX генерал Я. Делагарди совершал политические акты на свой страх и риск. Употребление шведами военной силы в сложной политической ситуации не привело к возникновению прямого военного управления захваченным городом и прилегавшими территориями. Именно поэтому употребляемый многими учеными термин «оккупация» ко всему периоду 1611-1617 гг. не представляется мне корректным.

Сегодня применение метода просопографии к исследованию истории Московского государства XVI-XVII вв. имеет два основных источника.

Самую длительную традицию метод просопографии имеет в изучении римской и византийской знати. Именно этот материал в XIX-XX веках создал классические просопографические работы. Видимо, это обусловлено своеобразием источниковой базы: начиная с позднеимперского времени, источники об имперской знати многочисленны и хорошо исследованы.

Существует открытая база данных «Просопография Византийского мира» (англоязычная), в которой собраны (и продолжают собираться) известия о всех индивидуумах, упомянутых в византийских текстах за период с 642 по 1261 гг. В этом же ключе следует рассматривать традицию просопографических исследований, сложившуюся в балканских странах – Сербии и, особенно, в Болгарии, где просопографический метод имеет длительную традицию и обширную библиографию⁵. Отечественное антиковедение и византиноведение также оказывалось в круге этой историографии⁶; не случайно первые учебные пособия по просопографии на русском языке были написаны исследователями поздней античности и истории Византии⁷.

⁵ Подробнее: *Божилев И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография (1186-1460). 2-е изд. София, 1994.

⁶ Обзоры работ по византийской просопографии публиковались с 1960-х гг. Ср. напр.: *Каждан А. П.* Новые работы по византийской просопографии // Византийский временник. 1968. № 55. С. 254-259; *Байер Х.Ф.Г., Степаненко В.П. Рец.:* Энциклопедический просопографический лексикон византийской истории и цивилизации / Сост. А.Г.Саввидис. Том 1: Амр-Альфиос. Афины: Метрон/Иолкос, 1996. 276 с; *Εγκυκλοπαιδικό Προσωπογραφικό Λεξικό Βυζαντινής Ιστορίας και Πολιτισμού.* Επιμέλεια εκδοτής / Σαββίδης Α. Γ. Τόμος Α: Αμρ-Αλφιος. Αθήνα: Μетρον / Ιωλκος, 1996. 276 σ. // Известия Уральского ГУ. № 7. 1997. Гуманитарные науки. Вып. 1.

⁷ *Петрова М. С.* Просопография как специальная историческая дисциплина. На примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004; Чекалова А. А. Сенаторская знать ранней Византии (спекурс). М., 2000.

Хорошая разработанность просопографии англо-саксонской знати также связана с тем, что сохранившийся источник конца XI века – Domesday Book – дает обильную информацию по персональной истории последнего периода существования англо-саксонских королевств. Именно этому посвящена вторая крупнейшая открытая база данных «Просопография Англо-Саксонской Англии».

Вторым важнейшим источником для современного просопографического исследования общества Московской Руси является исследовательская традиция, заложенная в начале XX столетия Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским. Созданные этими учеными справочники по дьякам и подьячим Московского государства, боярским родам XIV–XVI вв. никогда в историографии не именовались просопографическими, хотя по сути являлись такими. Нельзя сказать, что исследования этих ученых стоят особняком в историографии XX столетия; напротив, они породили достаточно широкий пласт последователей, прежде всего – в комментариях к источникам XV–XVI вв. Понятно, что данный жанр не во все периоды развития отечественной историографии пользовался должным почетом. Особенностью данного направления является внимание более к генеалогии, нежели к изучению горизонтальных связей внутри социальной группы. К данному направлению историографии относятся и исследования В. Л. Янина о новгородском боярстве и других новгородских родах.

С конца 1980-х г. достижения европейской историографии начинают шире использоваться отечественными исследователями. Термин «просопография», ранее употреблявшийся лишь историками античности и Византии, с этого времени достаточно прочно входит в употребление российскими учеными. Появляются серьезные работы, посвященные исследованию отдельных социальных групп московского общества, с использованием «просопографической» терминологии («коллективные портреты» и др.⁸)

Делаются и первые попытки осмыслить теоретическую базу просопографии (в первую очередь, в работах Ю. Юмашевой⁹) и подвести первые итоги. Заметное влияние на теоретические разработки в области метода оказала монография Л. Стоуна. Русский перевод его определения «просопографии» использовался (и используется) в значительном числе работ¹⁰.

Вместе с тем в последние 20 лет в отечественной историографии можно встретить работы и в традиционных направлениях этого метода. В первую очередь, это исследования М. В. Бибикова по просопографии варяжских дружинников в Византии. Ученый

⁸ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI веков. СПб., 2003. С. 232; Нечаева М. Ю. Просопография уральского монашества: перспективы исследования // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17–19 ноября 1994). Екатеринбург, 1995. – С.172–176.

⁹ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. № 39 (2005) Гуманитарные науки. Выпуск 10. С. 95-127.

¹⁰ «Просопография — это исследование общих характеристик группы действующих в истории лиц, которое касается двух главных проблем: 1) путей осуществления ими политических акций; 2) путей и вариантов социальной мобильности и реализации своих карьерных устремлений» (Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. New York, 1972. P. 107).

дает и собственное определение метода. По М. В. Бибикову, особенность просопографии заключается: 1) в конкретности свидетельств; 2) в устойчивой связи имен и людей в группе текстов; 3) в том, «чтобы потом исчезнуть вместе с данным типом информации»; 4) сведения, как правило, разрозненны и собираются учеными из разных типов источников¹¹.

В последнее время в отечественной историографии появилось много работ, в которых так или иначе проводятся исследования персоналий. В книге (и в докторской диссертации) А. И. Филюшкина, возможно впервые в отечественной историографии истории Московской Руси эти исследования были названы просопографическими¹². Его исследование посвящено судьбе кн. Андрея Курбского и, строго говоря, здесь всесторонне рассматривается лишь одна биография сквозь призму эпох. Просопографическим называется метод, примененный для изучения участников Тушинского движения И. О. Тюменцев¹³.

Ученица И. О. Тюменцева, Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»¹⁴. Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десяти, в том числе новгородские. Исследовательнице удалось установить родственные связи некоторых новгородских приказных с московскими бюрократами¹⁵. Незначительной ошибкой Рыбалко явилось причисление к «новгородским» дьякам и подьячим приказных новгородского Софийского дома (сведения о них Рыбалко почерпнула из опубликованной в Актах исторических части актов Новгородского Софийского дома). В другой работе Н. В. Рыбалко рассмотрела родственные связи 673 дьяков и подьячих Московского государства 1598–1613 гг., учитывая как их родственные связи друг с другом, так и с дворянскими родами¹⁶. Персональный состав приказных служителей Смутного времени продолжает оставаться объектом пристального внимания исследовательницы. В своей работе 2007 г. она ставит вопрос о том, что очень сложно восстановить функционирование приказных изб в начале XVII в. Лишь «чудом уцелевшие документы» позволяют реконструировать систему управления. Возможно, следует поверить Н. В. Рыбалко, что таково положение с сохранностью архивов большин-

¹¹ Бибиков М. В. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. Vol. 36. 1990. P. 161–171.

¹² Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 6.

¹³ Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 347, 330, 353, 357, 363, 367.

¹⁴ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5. С. 21–39.

¹⁵ Новгородец Василий Тихонов Аврамов скорее всего был братом дьяка Разрядного приказа Сапуна Тихонова Аврамова.

¹⁶ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные отношения // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2001. Вып. 6. С. 43–56.

ства городов Московского государства¹⁷, но новгородские материалы такому наблюдению противоречат. Рассматривая новгородскую бюрократию в Смуту, исследовательница оценивает новгородскую избу как одну из самых больших приказных городских изб. Для изучения персонального состава дьяков Н. В. Рыбалко привлекает десятидневной раздачи пятин, сохранившиеся лучше, чем для других территорий¹⁸. Н.В. Рыбалко совершила попытку рассмотреть карьеры всех подьячих, служивших в Новгороде в Смуту, но, будучи ограниченной в источниковой базе, явно терпит неудачу. Вывод исследовательницы состоит в том, что Великий Новгород в начале XVII в. имел более разветвленную систему приказного управления, чем другие уездные центры и обширное дворцовое хозяйство. Здесь же исследовательница пишет и об системе управления Софийским домом, что явно привлекается ей для полноты картины¹⁹. Сходны наблюдения Н. В. Рыбалко над материалами Смоленской приказной избы. По ее мнению, только два города – Новгород и Смоленск, не считая столицы имели дополнительные приказные учреждения (в Новгороде – Дворцовый и Судный приказы, в Смоленске – дворцовый, судный, разрядный, сыскной приказы, таможенная изба). Сложно согласиться с общим выводом Н.В.Рыбалко о том, что в результате кризиса центральной власти в Смуту на местах выросла бюрократия (за счет того, что, якобы, провинциалы не рвались в Москву)²⁰.

О просопографическом методе существует скептическое мнение П. Вена: «...просопография никогда и не была методом: это форма изложения»²¹. Это мнение, впрочем, относится к традиционному европейскому пониманию просопографии как базы данных, своего рода словаря-справочника. Так, к примеру, определяется просопография создателями «Просопографии Англо-Саксонской Англии»: «Просопография в общем – это современная форма собирания информации и исследования. Таким образом она родилась в доэлектронную эпоху, добавление компьютерных технологий значительно расширило ее потенциал. Конкретными задачами просопографии являются накопление и представление массива информации обо всех индивидуумах выбранной категории (два совершенно разных примера: владельцы контор поздней Римской империи и современные британские ученые)»²²

Часто просопографические работы представляют собой словари-справочники, биографические и библиографические. Необходимость таких справочников была осознана

¹⁷ Некоторые сомнения вызывает то, что большая часть наблюдения делается исследовательницей только на основе опубликованных источников.

¹⁸ Мне такой путь представляется малоперспективным; далеко не всегда в верстании принимали участие именно городские, а не присланные специально из Разряда дьяки. Таким был, к примеру, дьяк Михаил Огарков, один из организаторов верстания в Ивангороде 27 сентября 1605 г. (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 435–509).

¹⁹ Рыбалко Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV-Начала XX века. Сб. статей памяти Н.Е.Носова. СПб., 2007. С. 287-292.

²⁰ Рыбалко Н. В. Приказная служба... С. 307.

²¹ Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 129, прим. 16.

²² http://www.pase.ac.uk/content/about_pase/prosopography.html.

на исходе XX века многими отечественными историками и американскими славистами. Широко известен заявленный М. По, в сотрудничестве с О. Е. Кошелевой и Б. Н. Морозовым, российско-американский проект «Биографический банк данных Российского государства XIV - начала XVIII в.» и его выполненная часть, посвященная думным и церемониальным чинам 1613-1713 гг.²³

Несомненно, такие словари имеют самостоятельную ценность, особенно применительно к тем историческим эпохам, когда обилие имен в источниках необходимо требует их систематизации. Однако просопографическое исследование предполагает все же не только составление справочника по истории карьер той или иной общественной группы, но и исследование рассматриваемой группы/групп в конкретную историческую эпоху.

Необходимость биографических справочников видимо, не стоит обосновывать. Укажу только на ряд частных случаев, когда биографические сведения о тех или иных лицах могут пролить свет на принципиальные вопросы достоверности и атрибуции источников.

В истории изучения источников и происхождения Нового летописца важную роль играет атрибуция личности упоминаемого в этом памятнике кн. Никифора Мещерского. В. Г. Вовина-Лебедева склоняется к тому, чтобы соотнести его с кн. Никифором Федоровым сыном Мещерским (московский дворянин 1626/27, 1628/29, 1635/36 и 1639/40 гг.)²⁴, а не с кн. Никифором Яковлевым Мещерским (московский дворянин в 1626/27 и 1628/29 гг.)²⁵. Я однозначно связываю князя Никифора Яковлева Мещерского с князем Никифором Мещерским Нового Летописца. Новгородские источники начала XVII века князя Никифора Федорова Мещерского не знают.

Оппонент В. Г. Вовиной Я. Г. Солодкин в качестве источников Нового летописца предполагает также новгородского митрополичьего приказного Максима Куликова, ставшего (ранее 24 мая 1627 г.) патриаршим дьяком (добавляя, что если такая идентификация верна, то в таком случае, работа над официальным летописцем могла начаться ранее декабря 1626 г., когда сослали И. Т. Грамотина).²⁶

Очень часто встречается идентификация Василия Тихонова Аврамова и разрядного дьяка Сапуна Аврамова, также ошибочная. Первым их связал друг с другом С. Б. Веселовский²⁷, современные исследователи (Н. В. Рыбалко и др.) повторяют такую иденти-

²³ *Poe M. The Russian elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. Consular and ceremonial ranks of the Russian "Sovereign Court" 1613-1713. Helsinki, 2004.*

²⁴ В комментариях С. Ю. Шокарева к Новому летописцу также князь Никифор Мещерский идентифицируется с кн. Н. Ф. Мещерским, о пребывании которого в Новгороде вовсе не известно ([Шокарев С. Ю.] Указатель имен // Хроники \Смутного времени. М., 1998. С. 521).

²⁵ *Вовина-Лебедева В.Г. Новый Летописец. История текста. СПб., 2004. С. 56-57.*

²⁶ *Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах происхождения Нового летописца // Очерки феодальной России. Т. 9. 2005. С. С. 337. сн. 15.*

²⁷ С.Б.Веселовский считает, что Сапун Аврамов, дьяк Разрядного приказа и Василий Тихонович Аврамов - одно лицо. По Веселовскому, Сапун Аврамов (Василий Тихонович Аврамов). 17.03.1571 – дьяк в Новгороде, 16.07.1578 в Разрядном приказе, далее – в Москве. 30 августа 1610 г. – 2-й воевода в Кореле, в 1610 – дьяк при приеме казанского царевича. К В.Т.Аврамову

фикацию. В то же время, известно, что у Домашнего Тихонова сына Аврамова – брата Василия Тихонова сына Аврамова был также брат Сапун. Возможно, он служил дьяком Разрядного приказа и был известен С.Б.Веселовскому. По сведениям обыскной книги 1576 г., к 8 мая этого года он лишился поместья и оно, расположенное в Рождественском погосте на Пашеозере, досталось Домашнему Аврамову²⁸.

Сам принцип охвата просопографическим исследованием всех (или по возможности всех) представителей избранной категории предполагает, что среди объектов исследования будут не только выдающиеся деятели, но, прежде всего, люди малоизвестные. Основной упор в исследовании делается прежде всего на человека «второго плана» (а то и «третьего»). Эта тема разрабатывается в последнее десятилетие в Институте всеобщей истории РАН под руководством Л. П. Репиной. Но в Центре Л. П. Репиной основной упор делается прежде всего на интеллектуальную историю, изучение биографии позволяет понять личность. Предлагаемый просопографический метод преследует все же иную цель. Целью такого исследования должен быть скорее поиск мотиваций в изучаемом обществе, путем анализа биографий. Здесь просопографическое исследование сближается с исследованием повседневной жизни. Просопографический метод использован в работах по русской повседневной жизни XVIII в. О. Е. Кошелевой²⁹ и А. Б. Каменского³⁰.

Хороший опыт такого исследования дает работа Д. О. Серова о петровской администрации начала XVIII в.³¹. Она представляет собой краткий биографический словарь петровских администраторов, но неотъемлемой частью этого словаря имеют содержащиеся в приложении подробные биографические очерки, посвященные отдельным представителям ее – П. П. Шафирову, А. Курбатову, А. Веселовскому и др.

Видимо, при исследовании разных хронологических периодов просопографический метод имеет разное применение. Родившись при исследовании поздней античной эпохи, просопографический метод первоначально применялся как накопление всей имеющейся / находимой информации о персоналиях. Сегодня такой метод успешно применяется в работах А. И. Филюшкин (о личности Андрея Курбского), М. В. Бибилова (о варяжской дружине в Византии), исследователями византийской и англо-саксонской знати в Британии. Число документальных источников для этих эпох по определению малочисленны и вряд ли будут пополнены.

здесь может относиться только запись о воеводстве в Кореле (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII веков. М., 1975. С. 9) В труде Н. П. Лихачева о разрядных дьяках идентификация Сапуна и Василия Аврамовых не проводится (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 520-525).

²⁸ Отдел подьячим Яковом Раковым части поместья Архипа Юрьева сына Скобельцына Василию Семенову с. Аврамову и Домашнему Тихонову сыну Аврамову в Рождественском погосте на Пашеозере и одному Домашнему Аврамову поместья его брата Сапуна, бывшего за Григорием Ивановичем Бельским, а ныне оставшимся за половиной оклада у Афанасия Рязанова с братьею. 1576. 8.05 // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 16933, л. 27-31 об.

²⁹ *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

³⁰ *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

³¹ *Серов Д. О.* Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008.

Просопографический метод при исследовании XIX-XX вв. (офицеров Белой армии, рабочих заводов, репрессированных) как правило использует материал однотипных источников (как правило, анкет, следственных дел). На его основе исследователи пытаются создать «коллективный портрет» социальной группы.

История Московского государства XVI-XVII вв. представлена такими источниками, которые, с одной стороны позволяют применить первый способ просопографического исследования (когда собирается весь биографический материал о персоналии) и с другой, позволяют ограничиваться каким-то одним типом документации (десятники, писцовые книги, разрядные записи, боярские списки, т. д.).

Новгородское общество начала XVII в. является, во-первых удачным объектом просопографического исследования (так как источники обеспечивают достаточно подробно биографические данные) и во-вторых сложным объектом такого исследований (непростая общественно-политическая ситуация – интересен поиск мотивов поступков людей).

Полноценное исследование общества невозможно без многоаспектного анализа повседневной жизни его представителей. Именно в этом видится актуальность предполагаемого исследования. В предлагаемой на суд читателя работе я не ограничиваю себя рассмотрением общественной элиты, но целенаправленно концентрирую внимание на средних сословиях.

Просопография методически близка, но не тождественна генеалогическим исследованиям. Задачей генеалогической работы является реконструкция истории рода. В просопографическом исследовании задачей является реконструкция истории социальной группы и того исторического фона, который создается отдельными биографиями. В нашем исследовании, кроме того, выбран достаточно краткий хронологический промежуток, в течение которого представители этой группы вели активную жизнь; таким образом, вопрос о происхождении того или иного рода служилых людей для данной базы данных – не первоочередной.

Новгородское общество начала XVII века – специфический и вместе с тем показательный полигон исследования русского позднего Средневековья. Хорошая сохранность источников, их компактность и многоаспектность позволяют с большой полнотой обозначить различные стороны повседневной жизни социально активных групп – новгородского дворянства, бюрократии, духовенства, выявить систему и особенности матримонимальных связей, обозначить основные тенденции в географии земельного владения, определить этапы служебных карьер и основные задачи, стоявшие перед новгородцем в годы новгородско-шведского политического альянса, наметить темы гражданского выбора для человека в мире, где основные моральные ценности претерпевали коренные изменения. Бурные события длительной гражданской войны сопровождались постоянными служебными перемещениями: новгородцы отправлялись в дальние походы. Тем временем в Новгороде появлялись, а иногда надолго оседали служилые люди из дальних городов, таких как Курск и Астрахань. Интенсивность службы сопровождалась значительными, пусть часто и номинальными выслугами, взлетами карьер; в то же

время крайне низкий уровень обеспечения и легального (т. е. отраженного регулярными источниками) роста доходов, а значит и уровня жизни, приводил к высокой смертности и десоциализации служилых людей, так что взлеты карьер одних сопровождались закатами карьер других. Все эти наблюдения, думается, можно делать лишь на основе изучения всей массы биографий служилых людей, в данном случае – новгородцев. Мне также показалось важным дать историко-географический фон, на котором протекали события 1611–1617 гг. на Северо-Западе, рассмотрев ряд исторических районов в эти годы.

Применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных письменными источниками. Одной из таких эпох является начало XVII века – период отечественной истории, на долгие годы определивший судьбы страны и ее населения. Важной чертой этого времени является проявление центробежных тенденций в русской государственности, и отсюда – высокая степень региональной обособленности. Одним из ярких эпизодов Смуты было образование и существование особой системы власти в Новгороде в 1611–1617 гг. Проблему возникновения и функционирования этой системы мы рассматриваем как взаимоотношение двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия. Вместе с тем необходимо учитывать следующие факторы:

1) И Шведское, и Московское государства в XVI в. пережили этап становления национальных держав, включавший в себя, кстати, и утверждение государственной идеологии. Для Швеции это Реформация, проведенная Густавом Вазой и его наследниками, для России — цепь религиозных реформ конца XV — начала XVI в., получивших свое оформление в актах Стоглавого собора.

2) И шведское и московское общество находились на рубеже XVI/XVII вв. с состоянием религиозного и политического напряжения. Оба общества пережили ломку традиционных отношений дружинной и крестьянской культуры и стремились к самоидентификации в менявшемся европейском пространстве³².

3) В условиях фактического распада к 1611 г. Московской державы для новгородцев обращение к шведской (а для жителей других областей – к литовской) сильной власти было логичным и представляло собой один из немногих реальных выходов из политической неразберихи.

Новгород как особое политическое образование 1611-1617 гг. интересен не только и не столько как феномен развития отечественной государственности, но и как наиболее хорошо обеспеченный источниками регион. Основные источники предполагаемого исследования – материалы архива Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., изученного мной в Стокгольме в 1999–2006 гг. (копии большей части дел этого архива хранятся в Рукописном архиве Санкт-Петербургского института истории и Государствен-

³² Об этом подробнее: Кулакова И. П. Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 254–272.

ном архиве Российской Федерации). Архив состоит из двух основных частей – регулярное делопроизводство (дозорные, обыскные, таможенные и проч. книги) и актовое делопроизводство. Представляется возможным на материалах этого архива выявить всех лиц, действовавших в Новгороде в рассматриваемую эпоху, относившихся к социально активным группам населения — дворянству и приказной бюрократии, и составить базу данных с системой перекрестных ссылок, указывающих на взаимоотношения этих людей: совместные службы, родственные и матримониальные связи. В базе данных учитывалась и география службы дворян и приказных людей, их перемещения и т. п.

В базу данных были включены все лица, упомянутые в материалах Архива Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. и жившие в то время в Новгороде и Новгородской земле, а также скончавшиеся незадолго до установления в Новгороде режима Делагарди – Одоевского, но неоднократно упоминающиеся в материалах архива. Кроме того, туда были включены те новгородцы-участники событий Смуты на Северо-Западе, которые оказались на стороне другого лагеря и принимали участие в боевых действиях на стороне Пскова и Москвы. Самые молодые из этих людей были поверстаны окладами (приняты на службу) под Тихвином и Бронницами или в Москве в 1613–1617 гг., отправившись туда вместе с отцами, дядьями и старшими братьями. Надо сказать, что на службе в Новгороде в 1611–1617 гг. осталось небольшое количество служилых людей Обонежской и Бежецкой пятин; немного и дворян Деревской пятины, особенно молодых. Эти районы очень рано оказались в зоне влияния Москвы, и тамошние служилые люди либо явно выступали на «московской» стороне, либо, как Иван Косицкий, вовсе со службы бежали и жили «тайным образом» в деревне, занимаясь грабежом³³. Напротив, большая часть обонежского и бежецкого дворянства оказалась на стороне ярославского, а позднее – московского правительства³⁴. Примечательно, что после возвращения Новгорода под власть московских царей в начале 1617 г. именно дворяне Обонежской пятины назначаются дозорщиками и переписчиками сохранившегося в Новгороде имущества³⁵.

Я сознательно включил в базу данных и тех упомянутых в архиве Новгородской приказной избы лиц, кто к 1611, а то и к 1605 г. уже скончался. Однако если в ряде случаев мы можем утверждать вполне определенно, что тот или иной сын боярский, чью деятельность некий документ архива относит ко времени, скажем, конца 1580-х годов, к

³³ Отношение псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Гриссу. Псков, 1616, после 19.04 // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 6. С. 28–30.

³⁴ Один дворянин Бежецкой пятины, Иван Дмитриев сын Нарбеков, даже вошел в состав посольства Ярославского ополчения в Новгород в 1612 г. (Роспись жильцам и дворянам и детям боярским – участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55).

³⁵ Среди таковых дети боярские Обонежской пятины Иван Мартьянов, Василий и Данило Скрипицыны, Филипп Арцыбашев (Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 91, 169, 170).

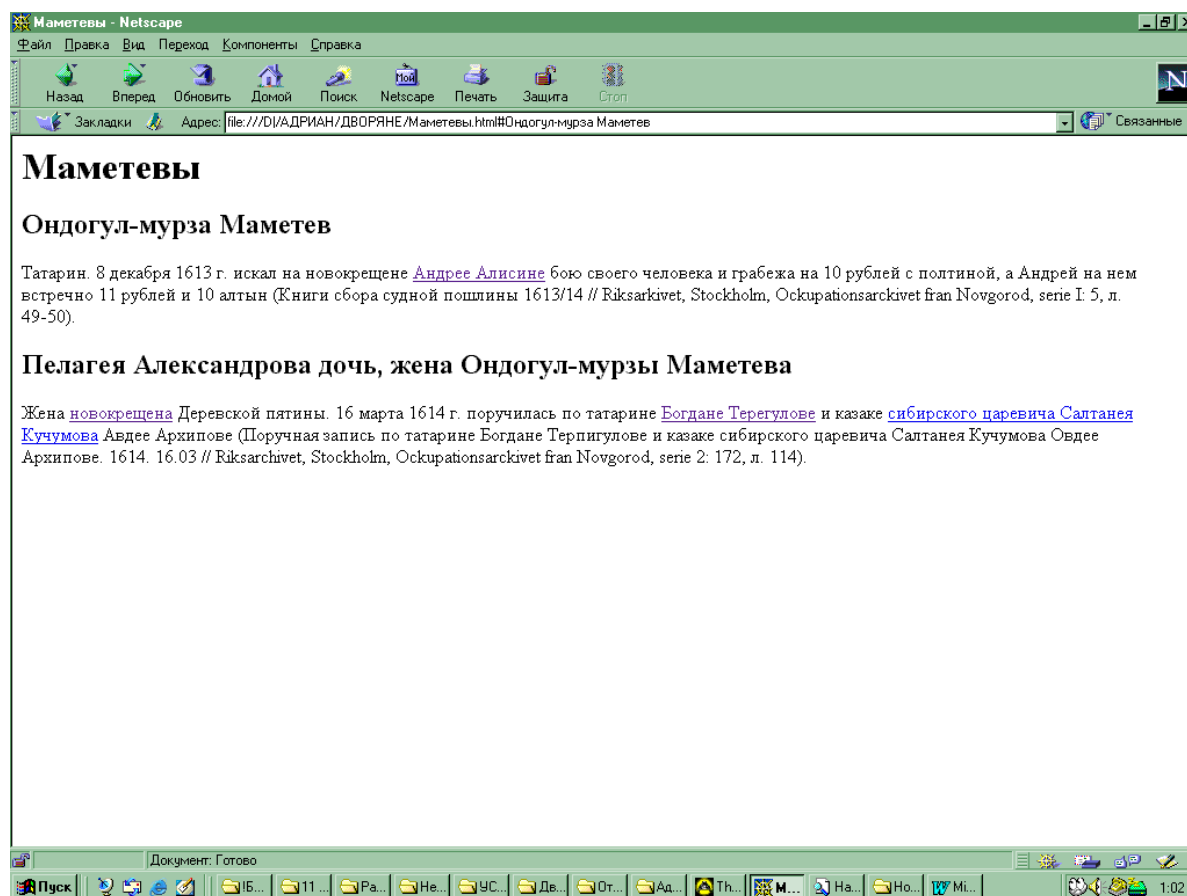
началу Смуты скончался, то все же в большинстве таких ситуаций уверенность полной быть не может.

Еще одна категория лиц, включенная в базу данных и не известная по документам 1611–1617 гг., появляется в источниках более поздних, но незримо присутствует в Новгородской земле на протяжении Смутного времени. Это жены дворян и детей боярских, овдовевшие к моменту составления писцовых и дозорных книг 1620-х гг. Не являясь субъектами права до смерти своих мужей и не будучи упомянутыми в случайных актовых материалах, эти женщины тем не менее жили в своих поместьях и/или городских дворах в годы Смуты; только овдовев, они появились на страницах документов.

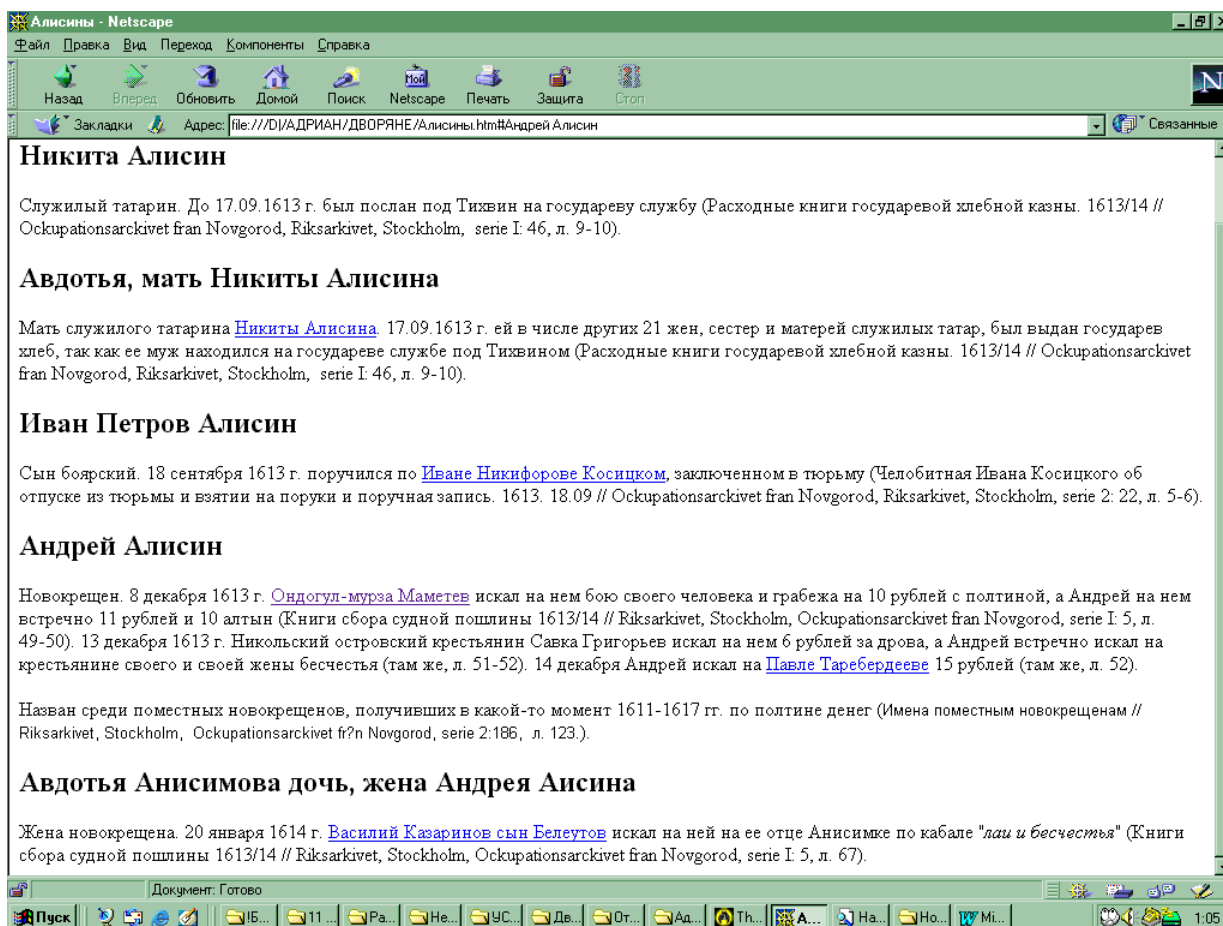
База данных была составлена в формате HTML и снабжена внутренними гиперссылками. Гиперссылки вводятся для указания совместной службы, служебных, деловых и родственных взаимоотношений.

Пример:

Файл, посвященный фамилии служилых татар Маметевых. Об Ондогуле-мурзе Маметеве сказано, что он 8 декабря 1613 г. судился с новокрещеном Андреем Алисиным, обвиняя того в избиении своего человека и грабеже на 10 рублей с полтиной, а Андрей встречно обвинил его в ущербе в 11 рублей и 10 алтын.

Здесь стоит гиперссылка на его соперника в суде, Андрея Алисина, нажав на которую, мы и переходим в раздел, посвященный Алисиным:

Как заметно, в файле Алисины.htm, к которому мы перешли, сконцентрированы данные о других представителях этого рода или их однофамильцах, также снабженные гиперссылками.

В настоящее время мною полностью изучен архив Новгородской приказной избы, выявлены основные публикации и архивные дела, привлечение которых необходимо для создания биографической базы данных. Сегодня созданная база данных доступна в сети Интернет (<http://nwae.spb.ru/documents/selin/gentry.rar>).

При составлении базы данных возможно было бы пойти и иным путем. Даточные книги 1611–1615 гг., хранящиеся в архиве Новгородской приказной избы, как источник типологически близки десятням. Было возможно в качестве первоначальной основы исследования взять списки дворян и детей боярских, сохранившиеся в десятнях 1605/06 г., даточных книгах 1611–1615 гг. и десятнях 1619–1620-х гг. При сопоставлении списков служилых людей десятен и даточных книг с именами помещиков, содержащихся в близких по времени писцовых и дозорных книг, можно было бы получить достаточно полную информацию обо всех активно действовавших в Новгороде служилых людях. Однако база данных, составленная только на основе этих, несомненно важнейших, типов источников, была бы принципиально неполна. В ней не нашлось бы места многочисленным женщинам-вдовам и дочерям помещиков, сыновьям дворян, не дожившим до приема на службу (верстания), и их дочерям, чьи имена «потерялись» бы после их замужества. Кроме того, наблюдения показывают, что далеко не все служилые люди по отечеству проходили верстание в возрасте 15 лет. Особенно это справедливо для низ-

ших слоев дворянства – своеземцев. Так, в даточных книгах 1611–1615 гг. полностью отсутствуют имена своеземцев Быковых Шелонской пятины, но представители этого рода появляются в источниках начала 1620-х годов. Подобных примеров множество.

Однако простой пересказ биографий служилых людей неинтересен: карьеры, как правило, похожи одна на другую. Одновременно мы отказываемся от излишней формализации нашего исследования. Наверное, возможно было бы свести данные о службе новгородцев и псковичей в таблицы (наподобие того, как поставили вопрос об изучении боярской думы XVII века Б. Н. Миронов, М. По и их коллеги). Однако в этом случае от нас ускользнули бы некоторые недискретные стороны жизни изучаемых нами людей – брак, вдовство, дружба и проч., то, что принято называть горизонтальными связями в обществе.

Характерных и ярких карьер новгородцев, а также случаев «особенных» удач в годы Смуты было немало: достаточно привести пример Андрея Федоровича Палицына – неслужилого новика по верстанию 1605/06 г.³⁶ и уже через пять лет представителя Шелонской пятины в посольстве к королю под Смоленск в сентябре 1610 г.³⁷

³⁶ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладьина и Е. Телепнева. 1605/06. Список // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 299.

³⁷ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

Глава 1. Источники исследования

Эпоха Смуты в Новгороде обеспечена источниками довольно своеобразно: с одной стороны, существует множество полемических текстов, тенденциозно описывающих события, происходившие в городе, с другой — сохранилась значительная часть городских документов из архива Новгородской приказной избы за этот период. Большая часть этих документов хранится в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet).

Ниже я привожу обзор источников, использованных в настоящей работе для ответа на основные поставленные во введении вопросы, в первую очередь — для рассмотрения повседневной жизни новгородцев — служилых и приказных людей в эпоху Смуты. Как упоминалось выше, основным импульсом для написания настоящей работы послужило знакомство автора с материалами Новгородской приказной избы. Поэтому основным источником, на котором базируется исследование, — коллекция русских документов, хранящаяся в Государственном архиве (Riksarkivet) Швеции под названием *Oskupationsarkivet från Novgorod* (Оккупационный архив из Новгорода) и представляющая собой материалы деятельности новгородских учреждений. Они попали в Швецию через некоторое время после Столбовского мира. Хронологический период, который охватывают документы коллекции, примерно совпадает со временем существования новгородско-шведского политического альянса 1611–1617 гг. В литературе высказано мнение о том, что коллекция *Oskupationsarkivet från Novgorod* в Государственном архиве Швеции представляет собой разрозненный хаотический материал¹. Цель настоящей главы — показать, что известные документы Новгородской приказной избы, хранящиеся в разных архивохранилищах, но преимущественно в вышеупомянутой коллекции — пусть частично утраченный, но никоим образом не разрозненный — результат правильной деятельности нескольких учреждений, функционировавших в Новгороде в 1611–начале 1617 г. Для этого здесь предпринята попытка классифицировать источники по их происхождению и отношению к деятельности новгородских учреждений начала XVII века. Главная задача здесь — определить степень информативности рассматриваемых документов применительно к тем задачам, которые поставлены во введении.

Я не ставил перед собой целью сделать обзор всех документов Новгородской приказной избы — над этим много лет трудятся мои коллеги в Швеции и России. Моя задача — рассмотреть, какие именно источники позволяют говорить о новгородском обществе эпохи Смутного времени, потому данный обзор не ограничен рамками архива.

Попытки описания всей коллекции предпринимаются с начала XX столетия. Сегодня шведскими учеными Элизабет Лёфstrand и Лайлой Нордквист подготовлено фундаментальное описание всех документов коллекции *Oskupationsarkivet från Novgorod* и других дел Государственного архива Швеции и архивохранилищ России, происходящих из Новгородской приказной избы. Археографическое описание и регесты всех до-

¹ *Кобзарева Е.И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 340.

кументов опубликованы или будут опубликованы в ближайшем будущем².

По крайней мере с начала XX в. архив делится на две основные части — серии. Первая серия — это материалы регулярного делопроизводства в Новгороде в 1611–1616 гг. Именно здесь сохранились свидетельства тех сфер повседневной жизни города, которые практически не отражены в документах других эпох³. Всего в первой серии шведские архивисты насчитывают до 25 000 страниц (141 единица хранения) и около 8000 листов во второй серии (364 единицы хранения). В 1970-е годы страницы в первой серии были пронумерованы (двусторонняя пагинация), равно как и листы во второй серии (односторонняя пагинация и пагинация оборотов страниц со значком V, в тех случаях, когда там есть какие-либо записи). Особенностью хранения второй серии является нерасклеенность большей части столбцов, что, по мнению некоторых сотрудников Государственного архива Швеции, является достижением⁴. Однако чтению дел это подчас мешает (так, дело 351 представляет собой 200-метровый свиток из 573 сставов).

В коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod отразилась деятельность многих учреждений, функционировавших в Новгороде при шведах, — Дворцового приказа, Поместного приказа, Приказа большого прихода, Разряда. Кроме того, в ней содержатся материалы, происходящие из небольших центров Новгородской земли — Тесовского, Ивнинского и Зарецкого острожков, а также часть походной канцелярии Н. В. Вышеславцева за зиму 1611–1612 гг. Некоторые столбцы (в первую очередь отпуски памяти) написаны на оборотах дел более ранних. Так, без сомнения, в 1614–1616 гг. часть делопроизводства новгородского Дворцового приказа велась на оборотах документов (относящихся примерно в 1605 г.) из архива Новгородского Юрьева монастыря⁵.

Специфика историографии Архива Новгородской приказной избы, в отличие от истории изучения других собраний документов, вышедшими из-под пера московской бюрократии, во многом заключается в том, что архив находится вне пределов России (в 1922–1991 гг. — вне пределов СССР). С этим связаны следующие особенности их изучения:

- во-первых, в представлении заметного числа исследователей эти документы кажутся уникальными (хотя они вполне рядовые, уникальность их в том, что это *собрание* (курсив мой. — А. С.), уникальное по происхождению);

² В настоящее время Л. Нордквист и Э. Лёфstrand опубликовали описание первой серии архива на английском языке (*Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series I. Stockholm, 2005*). В скором будущем увидит свет и описание второй части.

³ К примеру, банные книги, в особой работе изученные Андерсом Шёбергом (*Sjöberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138*).

⁴ *Азбель В.* Из опыта работы с Новгородским оккупационным архивом // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 386–389.

⁵ Ср., напр.: Расходная выпись казны Юрьева монастыря (отрывки) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 48 об., 49 (начало листа), 49 об., 50 об.; Сметный список житниц Юрьева монастыря. 1605, июнь // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 31 об.; Роспись сеяного хлеба на разных пустошах Юрьева монастыря. Отрывок. Около 1605 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 20 об.

- во-вторых, к ним обращаются люди, как правило, с иной профессиональной подготовкой, нежели большинство исследователей остальных русских архивных фондов;
- в-третьих, уникальность этого собрания для шведских славистов связана именно с доступностью этих источников для изучения, что приводит ученых к интереснейшим выводам (к примеру, о лингвистическом, а не историческом отличии документов «смоленского» происхождения от документов новгородского происхождения). Несомненно, не менее благодарный материал для изучения языковых особенностей находится в иных фондах, но они хранятся в архивах России и поэтому гораздо менее доступны.

Архив Новгородской приказной избы привлекает к себе исследователей с XIX в.⁶ Первым ученым, обратившимся к его материалам должен быть назван профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев, работавший с коллекцией в 1837–1841 гг.⁷ Он получил разрешение сделать копии русских материалов, хранящихся в Стокгольме, для императорской Археографической комиссии. Вернувшись в Россию, Соловьев предложил Археографической комиссии купить у него русские документы XVI–XVII вв. По всей видимости, часть документов С. В. Соловьев попросту выкрал из Государственного архива Швеции. Однако именно ему принадлежит заслуга введения этих памятников в научный оборот. Из актов, проданных Соловьевым в Археографическую комиссию, составила коллекция Соловьева, частично опубликованная в Дополнениях к Актам историческим⁸.

Летом 1885 г. документы Новгородской приказной избы из Государственного архива Швеции изучал К. И. Якубов. Им же для шведских и русских архивистов было составлено первое краткое описание коллекции. Шведский текст К. Якубова в 1904 г. лег в основу нового описания⁹. В 1897 г. обзор документов Новгородской приказной избы, хранящихся в Швеции, было опубликовано К. И. Якубовым на русском языке в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских». Печатный обзор

⁶ Полная библиография работ шведских и русских исследователей, связанных с архивом содержится в исчерпывающей статье Э. Лёфstrand: *Löfstrand E. Ockupationsarkivet från Novgorod: en presentation* // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 119–126.

⁷ Подробно этапы работы С. В. Соловьева в шведских архивах рассмотрена в статье Г. М. Коваленко. Профессор Соловьев сумел убедить имп. Археографическую комиссию в необходимости поиска русских рукописей в шведских архивах. В 1837 он впервые работал в Швеции, за свой счет. У частных лиц Соловьев купил 178 столбцов, среди которых преобладали посвященные Смутному времени. Весь архив был обнаружен им в красном сундуке, среди множества бумаг походной канцелярии Деллагарди. По Соловьеву, архив в то время насчитывал 500 столбцов и 100 служебных книг и тетрадей. Упоминает также 17 русских столбцов в собрании Брахе (согласно Г. М. Коваленко, до сих пор ученым неясно, что это такое) (*Коваленко Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции* // Скандинавский сборник. Т. 32. 1988. С. 179–183).

⁸ Отписка новгородского воеводы кн. Ивана Одоевского и дьяка Монши Мартынова дворянам Анц Термону и Григорию Обольянинову о сборе кормов и о защите крестьян села Тесова от ратных людей и от разбойников. 1614. 1.09 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. № 22. С. 47 и др.

Якубова вплоть до 1960-х гг. являлся одним из основных источников для русских ученых, так или иначе затрагивавших в своих исследованиях проблемы истории Новгорода начала XVII в., а самому Якубову знакомство с архивом дало возможность закончить свой труд о русско-шведских взаимоотношениях в первой половине XVII в.¹⁰ (в котором активно привлекались данные из других архивных хранилищ, в первую очередь из коллекции «Шведские дела» в Московском архиве Министерства иностранных дел (ныне ф. 96 РГАДА).

В небольшой работе о русских документах шведских архивов упомянул и известный историк церкви и публицист А. А. Папков. Лучше всего, видимо благодаря монографии К. Якубова, ему были известны материалы Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хотя он не обошел вниманием и хранящиеся в Королевской библиотеке (Отдел *Uttlandska Autografer*) документы более позднего периода, равно как и эпистолярное наследие XVI–XIX вв. в Упсальской библиотеке (*Karolina Rediviva*)¹¹.

На рубеже XIX и XX вв. интерес к русским памятникам, хранящимся в архивах Швеции, проявляет Ю. В. Готье. Ученый впервые вводит в оборот отечественной историографии записки капитана Эрика Пальмквиста¹² (откликнувшись на репринтную публикацию этих записок в 1898 г.¹³). Позднее Ю. В. Готье вступает в переписку с руководством *Riksarkivet*, и ему во временное пользование передается т. н. Смоленский архив — часть коллекции русских документов из замка Ску-Клостер, представляющую собой делопроизводство Смоленской приказной избы времен осады города королем Сигизмундом. Ю. В. Готье тогда же подготовил значительную часть этих документов к печати¹⁴, вероятно предполагая продолжать их изучение и далее. Но, как писал один из учеников Ю. В. Готье В. П. Мальцев, «после 1912 г. произошли коренные изменения в русской историографии, изменились и взгляды на историю самого Ю. В. Готье. В 1940 г. он выразил автору этих строк (В. П. Мальцеву. — А. С.) большое сожаление, что не прочел всех тюремных записок в 1912 г., так как в 1940 г. их уже невозможно было снова выписать по почте из Стокгольма в Москву»¹⁵.

Следующим русским ученым, обратившимся к материалам архива был М. А. Полиевктов, работавший в 1900–1901 гг. над диссертацией о балтийской политике России после Ништадского мира. По собственному признанию ученого, он был в то время слабо

⁹ *Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983. P. 5.*

¹⁰ *Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.*

¹¹ *Папков А. А. Шведские архивы // РИЖ. 1917. № 3/4. С. 60–72.*

¹² *Готье Ю. В. Известие Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. Год 7. 1899. № 3/5. С. 65–98.*

¹³ *Palmquist E. Nögre widh Sidste kongl. Ambassaden till Tzaren i Moskou 1674. Stockholm, 1898.*

¹⁴ *Готье Ю. В. Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). М., 1912.*

¹⁵ *Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609—1610 гг. // ИА. 1960. № 5. С. 129–139.*

знаком с шведским языком¹⁶; шведские архивисты, стремясь оказать всю возможную помощь русскому коллеге, вероятно предоставили ему все известные русские документы, в том числе и новгородскую коллекцию, где по определению не могло содержаться информации о послепетровской России. Именно с работой Полиевктова в Стокгольме связана первая попытка шведского архивного описания коллекции, предпринятая С. Класоном¹⁷. После октябрьского переворота 1917 г. М. А. Полиевктон переехал в Тифлис, где принялся за исследование русско-грузинских отношений конца XVI – XVII вв. Примечательно, что среди «героев» его позднейших работ был один из известных деятелей Смуты в Новгороде, кн. Е. Ф. Мышецкий¹⁸.

В 1920-х гг. к русским материалам Государственного архива Швеции обратился советский дипломат, позднее — не возвратившийся С. В. Дмитриевский. Им было составлено первое подробное описание документов Новгородской приказной избы и фактически первый каталог архива. Каталог С. Дмитриевского, составленный в 1951–1964 гг., сегодня служит серьезным подспорьем для шведских исследователей при работе над новым каталогом архива.

В 1945-1951 гг. документы коллекции (а также коллекции Extranea) исследовал кн. Г. Волконский, которого интересовали содержащиеся в ней «русские письма и акты»¹⁹. О результатах этой работы мне ничего не известно²⁰.

После революции 1917 г. на несколько десятилетий материалы Новгородской приказной избы 1611-1617 гг. из Государственного архива Швеции оказались недоступны для ученых, оставшихся в СССР, хотя большой исследовательский интерес к ним сохранялся. Еще в 1950 г. И. П. Шаскольский писал о шведских архивах как об абсолютно недоступных для советского ученого²¹. Но в конце 1950-х гг. новое поколение исследователей обратилось к документам Оккупационного архива. В 1957 г. появилась первая в СССР публикация, привлекающая внимание к шведским архивам, хранящим источники по отечественной истории²², а вскоре, в феврале – апреле 1959 г. из СССР в Швецию прибыла делегация советских архивистов во главе с Л. В. Черепниным. Работа делегации в Riksarkivet была чрезвычайно плодотворной. Советские ученые скопировали

¹⁶ *Полиевктон М. А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725). СПб., 1907. С. X-XI.

¹⁷ *Kalnins I.* Ockupationsarkivet från Novgorod 1611-1617 // *Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976-1977.* Stockholm, 1980. S. 136-142, english resume.

¹⁸ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643 гг. / Подг. и изд. М. А. Полиевктова. Тифлис, 1928 (Международные сношения Грузии с иноземными странами. Вып. 2).

¹⁹ *Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1945-1950.* Stockholm, 1951. S. 10; *Kalnins I.* Ockupationsarkivet från Novgorod 1611-1617 // *Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976-1977.* Stockholm, 1980. S. 136-142, english resume;

²⁰ *Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1945-1950.* Stockholm, 1951. S. 10.

²¹ *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. Предисловие.

²² *Вайнштейн О. Л.* Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции // *Вестник АН СССР.* 1957. № 1. С. 82–91.

многие документы архива, в первую очередь, связанные с личностью дьяка Ивана Тимофеева и совершили серию публикаций документов. Уже в первой информационной печатной работе Л. В. Черепнин указал, какой материал дают документы архива для изучения «политических биографий служилых людей»²³. Вскоре Л. В. Черепнин представил и новое описание большей части коллекции Новгородской приказной избы, снабдив его яркими картинками повседневной жизни — о побеге тюремных сидельцев из Тесовского острога в 1616 г., о приказе крестьянам Сумерской волости «очищать» от «шишей» течение Луги (от Яма до Тесова острожка)²⁴.

Сотрудничество между шведскими и советскими историками в 1960–1970-х гг. шло интенсивно, в особенности в направлении изучения истории XVII в. К 1960 г. был подготовлен и выпущен в свет сборник документов из советских архивов «Русско-шведские экономические отношения» и позднее трехтомник «Экономические связи Швеции и России» (на материалах Государственного архива Швеции). Появились и аналитические статьи, исследовавшие проблему появления в Швеции русских документов. И. П. Шаскольский, виднейший отечественный исследователь русско-шведских связей XVII в., впервые предположил, что Делагарди вывез документы Новгородской приказной избы в Швецию для личных нужд²⁵.

Вскоре после публикаций Л. В. Черепнина часть архива была копирована для советских ученых, и копии оказались распределены между двумя архивохранилищами — микрофильмы документов первой серии (книги) попали в архив ЛОИИ, а второй — в ЦГА-ДА. Эти микрофильмы дали новый материал отечественным ученым. После Л. В. Черепнина к копиям материалов Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. обращались З. А. Тимошенко, П. В. Седов и Е. И. Кобзарева.

Тогда же, в 1960-е гг., русские материалы Государственного архива привлекли внимание шведских славистов, прежде всего — Хенрика Бирнбаума, опубликовавшего первое краткое описание коллекции на немецком языке для шведского читателя²⁶. Тогда же возникла идея нового описания «новгородской коллекции», которую начал эмигрант из Латвии И. Калниньш²⁷. Но важнейшая роль в этом этапе исследования принадлежит, без сомнения, Андерсу Шёбергу, которому удалось создать большой коллектив исследователей, до сего дня изучающих русские документы архива. Андерс Шёберг останавливался и на специальных вопросах накопления архивного фонда. Его перу принадлежит описание трех судебных книг из первой серии архива. Важным замечанием, выска-

²³ Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции // ИА. 1959. № 6. С. 113–126.

²⁴ Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961. С. 221–257.

²⁵ Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII века // Советские архивы. 1968. № 3. С. 115–117.

²⁶ Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. I. Zur Bedeutung und Geschichte der Novgoroder Akten des Stockholmer Reichsarkivs // Scando-Slavica. Vol. 10. 1965. P. 154–173.

занным Шёбергом, явилось то, что, по его мнению, «практически каждое предложение в документах Оккупационного архива содержит слова, не встречающиеся в более ранних текстах»²⁸. Единственной в своем роде является работа Шёберга об общественной бане в Новгороде, основанная на т. н. «банных книгах». Шёберг изучил способ управления баней: кто управлял, по каким дням она была открыта. Важным для ученого, и он это подчеркивал, была возможность учесть динамику посетителей. К примеру, к 7123 (1614/15) г. число посетителей явно уменьшилось. В среднем, в течение года больше всего мылись в июне, меньше всего — в сентябре, каждый год явное уменьшение фиксировалось в апреле. Больше всего человек помылось в период между 22 и 27 апреля 1612 г. — всего 1422²⁹.

Небольшая книжка о Новгородском монетном дворе во время шведской оккупации была напечатана в Швеции на английском языке в 1983 г. Она также базируется на материалах Оккупационного архива (четыре книги монетного двора 1610/11 и с декабря 1613 по февраль 1617 гг.). Работа А. Берглунда и В. В. Захарова — прежде всего нумизматическое исследование, однако в нем затронуты и вопросы организации монетной чеканки в Новгороде в 1611–1617 гг.³⁰. Именно ими было установлено, что в Новгороде существовал особый стол, ведавший денежным делом, в котором в 1613 г. работали шесть подьячих. Важным качеством данной книги является всестороннее исследование проблемы, соотнесение данных книг Новгородского монетного двора с нумизматическими данными, со сведениями о синхронной денежной чеканке в Москве и Ярославле и т. д.

Две ученицы Андерса Шёберга в 1980-е гг. продолжили исследование русских материалов в шведских архивах.

Хагар Сундберг опубликовала две кабальные книги 1614–1616 гг. из коллекции, хранящейся в Швеции. Отметим, что ученый в своей работе рассмотрела не только вопросы языка книг и дала характеристику источника, но и предложила некоторые обобщения. Ее интересовали также место рождения, возраст, пол, предыдущие службы и биография вновь поступающих в холопы и особо — их жизнеописания. По наблюдениям Сундберг, большинство холопов были в возрасте 20–25 лет, многие из поступавших в холопы женщин — вдовы. Всего было учтено 300 имен людей, упоминавшихся в кабальных книгах³¹.

²⁷ *Kalnins I.* Ockupationsarkivet från Novgorod 1611-1617 // Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976-1977. Stockholm, 1980. S. 136-142.

²⁸ *Sjöberg A.* Three judgment Books in the Novgorod Occupation archives 1611–1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Т. 31/32. 1985 (Slavic Linguistics, Poetics, Cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his 60th birthday 13 Dec. 1985). P. 399–404.

²⁹ *Sjöberg A.* The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

³⁰ *Berglund A., Zakharov V. V.* The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983.

³¹ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books 1614–1616. People in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 24. 1978. P. 157–167.

Еще одна статья этой шведской исследовательницы посвящена книгам конской покупки, хранящимся в архиве Новгородской приказной избы³². Пусть попытка датировать этот документ и оказалась неудачной (он относится не к 1614/15, а к 1611/12 г. – подробнее в главе 1 настоящей работы), но исследование памятника было проведено на очень высоком уровне. Х. Сундберг подробно подсчитала номенклатуру лошадей, колебание цен (в 445 записанных в книгах актах продажи), терминологию книг, фиксируемые в них приметы продаваемых/покупаемых лошадей. Сундберг писала, что в книгах у лошадей: обозначается цвет холки (исследовательница приводит статистику: рыжие, гнедые и проч.). Из упоминаемых лошадей 101 лошадь с пятнами / отметинами. Другие приметы лошадей в книгах – звезды на лбу, хвост, зубы. Отечественная историографическая традиция не знает исследований книг такого уровня.

В 1993 г. на конференции “Novgorodiana Extranea” прозвучал доклад Х. Сундберг, опубликованный позднее на русском языке. Исследовательница широкими мазками дала общий обзор жизни Новгорода в «период шведской оккупации». В ее работе акценты поставлены очень жестко: по мнению Х. Сундберг, фактическим правителем города на несколько лет стал М.М.Пальм, хотя подчиненные ему русские органы управления и продолжали нормально действовать. Действия этой гражданской администрации шведская исследовательница признала эффективной. В обзоре Х.Сундберг коротко остановилась на приходо-расходных книгах, купчих на недвижимость, банных книгах, приходо-расходных книгах кабаков, книгах конской покупки, кабальных книгах из архива Новгородской приказной избы. Этот обзор затронул, пожалуй, все работы шведских славистов-учеников Шёберга в 1970-е – первую половину 1990-х гг.³³

Серьезная работа с документами архива Новгородской приказной избы была проделана Ингигерд Нордландер. В 1987 г. ею были опубликованы сборники купчих (и разрозненные документы этого рода), составленных в Новгороде в 1611–1615 гг.³⁴ Публикации было предпослано исследование, где затрагивались вопросы как источниковедения памятника, так и истории повседневного быта новгородцев. Нордландер обратила пристальное внимание на участников купчих сделок. Особое место в них занимают новгородские церковнослужители; есть среди покупателей также и представители администрации, к примеру, дьяк Андрей Лыцов, скупавший земельные участки близ собственного двора³⁵.

Свою оценку публикации купчих дал А. А. Молчанов, который соотнес информацию, в них содержащуюся с данными Описи Новгорода 1617 г. Ученый отметил ценность информации купчих для городской топографии Новгорода (при том, что археологически в

³² *Sundberg H.* Horse-traiding contracts in early seventeenth-century Novgorod. Colour adjectives and other vocabulary in horse description // *Scando-Slavica*. Т. 31. 1985. S. 153-167.

³³ *Сундберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611-1617 гг. // *НИС*. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 273-279.

³⁴ *Nordlander I.* Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies*. № 18. Stockholm, 1987.

³⁵ Там же. С. 94–95.

городе исследуются только слои ранее середины XV века) и согласился с И. Нордландер в том, что купчие акты являются весьма слабым отражением политических событий: по его наблюдениям, среди участников купчих сделок лишь жена Степана Иголкина может быть признана хорошо известной в городе фигурой³⁶.

В 1995 г. в сборнике, посвященном памяти Андерса Шёберга, было опубликовано совместное исследование Ингигерд Нордландер и Хагар Сундберг о кабаках, функционировавшим в Новгороде в годы оккупации. Вновь шведские исследовательницы документов архива проявляют интерес к повседневной жизни, описывая такие обыденные явления, как продажа и отпуск водки и пива в трех новгородских кабаках. Ученым удалось выявить яркие факты: так, с августа 1611 по октябрь 1613 г. одним из получателей бесплатного вина из Рогатицкого кабака был сибирский царевич Алтаней Кучумович, живший в Новгороде, видимо, с конца XVI в. на положении почетного пленника. Очень важное внимание ученые уделили проблеме снабжения алкоголем войск. Летом 1613 г. водка и пиво посылались в войска, стоявшие в Бронницах, Грузине и на Нередице, летом 1614 г., в связи с подходом к Новгороду войска кн. Д. Т. Трубецкого — в Бронницы. В середине июня 1614 г. особая партия вина и пива была выдана кн. И. И. Одоевскому на дорогу до Ивангорода³⁷.

В 1990-х гг. к исследованию фонда Новгородской приказной избы приступило следующее поколение учеников Андерса Шёберга. Назову здесь работы Лайлы Нордквист, Элизабет Лёфстранд и Пера Амбросиани. Коллектив исследователей, возглавляемых проф. Барбро Нильсон, около десятилетия ведет работу над созданием каталога Новгородского оккупационного архива. Подчеркнем, что в первую очередь шведских ученых интересует язык Новгорода XVII в. Лайла Нордквист специально рассматривает язык челобитных, сохранившихся в архиве³⁸. Последние работы Элизабет Лёфстранд посвящены, кроме всего прочего, людям Новгорода и новгородских пригородов — женщинам Новгорода начала XVII в.³⁹, старорушанам, другим категориям населения. Предметом исследований Пера Амбросиани являются топонимы дозорных книг, хранящихся в Новгородском оккупационном архиве. Хочется выделить одну из работ Амбросиани, посвященную топонимам Введенского Дудоровского погоста. Автор сумел соотнести материалы архива Новгородской приказной избы с широким контекстом источников, создав единственный на сегодняшний день полный комментированный словарь топонимов для одного из погостов Новгородской земли⁴⁰.

³⁶ Молчанов А.А. Новая публикация новгородского актового материала начала XVII в. из Шведского национального архива // ИСССР. 1989. № 1. С. 219–223.

³⁷ Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. Т. 24. 1995. P. 139–156.

³⁸ Преимущественно дела 71, 73 и 172 из 2-й серии архива.

³⁹ Лёфстранд Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.

⁴⁰ Ambrosiani P. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish contribution to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana. Lund., 2003. P. 15–21 (Slavica Lundensia Supplement 5).

Один из документов коллекции (свиток 75 из 2 серии) был издан с подробным аналитическим комментарием докторантом университета в Тромсо Е. Сольвик⁴¹. Исследовательницу интересовали в первую очередь языковые особенности памятника (формы, части речи, проч.). В отличие от исследований И. Нордландер и Х. Сундберг историческое значение документов норвежская исследовательница не оценивала.

Большая работа, посвященная ономастике коллекции выполнена в 2006 г. в Геттингенском университете К. Нитшке⁴². Ее подробный анализ помещен мной в специальном разделе 5 главы.

Внимание шведских коллег привлекали в первую очередь документы первой серии, т. е. регулярного приказного делопроизводства, а не акты, содержащиеся во второй серии. Именно эта серия архива описана в уже опубликованной первой части каталога. Выход в свет первого тома описания ввел этот материал не только в шведскую или российскую, но и в мировую историографию.⁴³ Первый том каталога архива дополняют «Введение», написанное московским ученым А. А. Туриловым⁴⁴, и исторический очерк «Смутные годы», созданный Г. М. Коваленко.

В последнее время в архивах Швеции выявляются все новые и новые русские документы, которые, однако, не всегда получают грамотный исторический комментарий. Так, в опубликованном на русском языке описании русских документов в коллекции Militaria⁴⁵ допущено много неточностей; на некоторые из них я обращал внимание в своих прежних работах⁴⁶. В то же время отмечу, что общий взгляд на политическую ситуацию в Новгороде в начале XVII в. претерпел существенные изменения. В большинстве современных исследований, как и в работах Г. А. Замятнина, присутствие шведов на Северо-Западе в эти годы вновь трактуется не как акт агрессии, а как одно из обстоятельств гражданской войны, бушевавшей в стране с начала XVII столетия. Что более важно, воцарение Романовых не считается единственно возможным тогда выходом для страны и не воспринимается конечной точкой войны, на что еще в 1920-х гг. обратил внимание С. Б. Веселовский⁴⁷.

Документы Новгородской приказной избы 1611-1617 гг. хранятся ныне и в нескольких архивохранилищах Санкт-Петербурга. В Российском государственном историческом архиве в фонде св. Синода (Ф. 834. Оп. 5) удалось выявить несколько (9) документов,

⁴¹ *Solvik E.* Королевского величества и наугоротцкого государства бояром і воеводам. Forodninger og bønnskifter fra Novgorod 1612. Tekst og språklig analyse. Tromsø, 1997.

⁴² *Nitschke C.* Die Novgoroder Namenlanschaft zu Beginn des 17. Jahrhunderts. München, 2006 (Slavistische Beiträge. 448).

⁴³ *Löfstrand E., Nordquist L.* Archives of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series 1. Stockholm, 2005.

⁴⁴ *Turilov A.* Introduction // Accounts of the Occupied City... P. 13–16.

⁴⁵ *Дрень Л. В.* Русские документы XVI – начала XVII в. в архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7(17). 1999. С. 379–385.

⁴⁶ *Селин А. А.* Новые материалы о гомосексуализме...

⁴⁷ *Веселовский С. Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 276–296.

относящихся к архиву. Один из них содержит прямые указания на время попадания в Синодальный архив⁴⁸. Он хранится в бумажной обложке XIX в. с карандашной надписью «Олонецк.»⁴⁹, затем эта надпись зачеркнута и написано: «Соловьева». Кроме того, на документе имеется архивная пометка чернилами на шведском языке с указанием даты: «Anno 1621». Полагаю, это довольно определенно указывает, что все 9 документов, хранящихся в РГИА, относятся к тем, что были вывезены С. В. Соловьевым из Швеции; по какой причине они попали не в коллекцию документов С. В. Соловьева, ныне хранящуюся в рукописном архиве СПбИИ (коллекция 124), а в фонд Синода, я сказать затрудняюсь (см. приложение 1.1). Сопоставление документов из коллекции Соловьева с материалами, хранящимися в фонде Синода, позволяет уточнить датировку последних. Так, челобитная Петра Ногина⁵⁰ — часть дела о назначении Петра Ногина к молочению и выделению государева хлеба в Старорусских погостах, полностью вывезенного Соловьевым. Другие документы этого дела хранятся в составе коллекции Соловьева в СПбИИ⁵¹. В тексте документа из фонда Синода упомянуто об указании воеводе Шаховскому выделить рассыльчиков в помощь Петру Ногину. Так как отписка из Новгорода об этом датируется 29 сентября 1613 г., а ответ на челобитную Ногина в Новгород был дан 9 ноября того же года, то документ из фонда Синода следует датировать именно этим хронологическим промежутком.

⁴⁸ Память старостам Оштинских погостов о даче кормов сборщику Нехорошему Вельяшеву. 1612. 27.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 5.

⁴⁹ Это, вероятно, свидетельствует о том, что архивист атрибутировал географическую привязку документа — в нем речь идет об Оштинском стане, в XVII–XVIII вв. это территория Олонецкого уезда, позднее — Олонецкой губернии.

⁵⁰ Челобитная Петра Ногина о назначении к нему двух рассыльчиков для выделения и молочения государева четвертного хлеба с Старорусском уезде. 1613, между 29.09 и 9.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 4.

⁵¹ Отписка Пятого Григорьева Степану Фомичу Тимашеву, бывшему у хлебного выдела в Старой Руссе о возвращении его в Новгород по болезни и о назначении на его место Петра Ногина и передаче последнему наказа, росписи и ведомости по выделу хлеба на государя. 1613, ок. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 543; Память Петру Андреевичу Ногину, посланному вместо Степана Тимашева для выдела хлеба на государя в Старорусском уезде. 1613. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 544; Отписка Степана Тимашева новгородским боярам и воеводам Якову Делаярди и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о положении хлебного сбора в Старорусских погостах до приезда Петра Ногина, назначенного на место Тимашева. 1613, до 31.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 546; Отписка Петра Ногина воеводе Якову Делаярди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548; Отписка из Великого Новгорода от бояр и воевод Якова Делаярди и кн. Ивана Никитича Большого Одоевского воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о даче Петру Ногину рассыльчиков для сбора хлеба и высылки его из Старорусского уезда в государевы житницы в Руссу. 1613. 29.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 501; Отписка Пятого Григорьева в Старую Руссу П. А. Ногину, посланному для выдела государева четвертного хлеба в Старорусском уезде, и об отправке к нему для рассылки из Новгорода подьячих Сергея Дмитриева и Ивана Елисеева. 1613. 9.11 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 551.

Документ о сборе хлеба с изменничьих поместий в Водской и Обонежской пятинах кн. Тимофеем Андреевичем Шаховским⁵² с товарищами также корреспондирует с основными документами Новгородской приказной избы. Известен официальный отчет об этом сборе — «зажинная книга», два экземпляра которой хранятся в Riksarkivet⁵³, а один — в коллекции 115 Рукописного архива СПбИИ⁵⁴. Точная дата ее составления — 14 августа 1614 г. — позволяет августом 1614 г. датировать и челобитную зажинщиков⁵⁵.

Если дело о службе Петра Ногина в Старорусских погостах было полностью вывезено Соловьевым, то другое дело, о хлебном сборе в округе Тесовского острожка, оказалось ныне разрознено и поделено тремя архивохранилищами — фондом Синода в РГИА⁵⁶, коллекцией Соловьева в СПбИИ и коллекцией в Riksarkivet. Интересно, что один из документов, хранящихся в фонде Синода⁵⁷, был опубликован в 1846 г. во 2 томе «Актов, относящихся до юридического быта» как документ из коллекции Соловьева. Это указывает на время попадания этих документов в фонд Синода.

Большая часть документов архива Новгородской приказной избы относится к 1611/12–1614/15 гг. О первых, равно как и о последних месяцах и неделях шведской власти в Новгороде, том времени, когда она с полным правом может считаться оккупационной, практически ничего не известно. Последние по времени дела архива — это росписи Дворцового приказа о посылке лошадей в Ладогу конца 1616 г.⁵⁸ и дело об ограблении

⁵² Сын старорусского воеводы 1611-1617 гг., кн. А. К. Шаховского.

⁵³ Отписная и зажинная книга хлеба в изменничьих поместьях Карельской половины Водской пятины и Обонежской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1: 52 (копия Serie 1: 11)

⁵⁴ Переписная ужинная и умолотная книга письма кн. Т. А. Шаховского и губного старосты А. Неелова по указу королевича и вел. кн. Карла Филиппа и по наказу Якова Деллагарди поместий дворян и детей боярских, которые изменили королевичу и отъехали к Москве и вотчин монастырских в Водской пятине. 1614. 14.08 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 839. 4⁰.

⁵⁵ Челобитная кн. Т.А.Шаховского, Ф.Бестужева и А.Неелова о препятствиях в сборе хлеба с изменничьих поместий в Корельской половине Водской пятины и в Обонежской пятине. 1614, август // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 6.

⁵⁶ Челобитная Григория Муравьева о затруднении в сборе хлеба для немецких людей в округе Тесовского острожка. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 8; Челобитная Григория Муравьева Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, оказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9; Отписка Ф. М. <Муравьеву> от новгородских воевод и дьяков о сборе кормов и вина на немецких ратных людей. 1612, после октября // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 10.

⁵⁷ Челобитная Григория Муравьева Якову Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, оказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.

⁵⁸ Роспись, сколько и кому править недостающие подводы с дворцовых волостей по приказу подьячего Григория Собакина. 1616. 28.12 // RA, NOA. Serie 2: 44. Л. 2–3, 5 об., 4 об.

старцем Троицкого Зверинского монастыря женки Г. С. Обольянинова в январе 1617 г.⁵⁹

Самый ранний документ архива — список с писцовой книги Водской пятины Дм. Китаева 1500 г., сделанный в Новгороде при дьяке Дм. Алябьеве⁶⁰. Среди актов архива самый ранний сохранился в составе одного из поместных дел Шелонской пятины конца XVI века, видимо затребованного в 1611–1613 гг. для решения каких-то земельных споров (предположительно между повзрослевшими фигурантами дела конца XVI века — Федором Вороновым и Андреем Нащокиным)⁶¹. Тогда, в сентябре 1593 г. двенадцатилетний Андрей Нащокин получил государеву грамоту на отцовское поместье в Дубровенском и Опоцком погостах, близ Порхова. В качестве обоснования владения А. Нащокиным поместьем была предъявлена ввозная грамота, выданная деду Нащокина, Семену Истомину сыну Нащокина 14 ноября 1563 г.⁶²

1563, ноября 14. — Ввозная грамота писцов Ф. И. Сабурова и С. И. Бороздина Колядинского на поместье Семену Истомину сыну Нащокину в Дубровенском погосте Шелонской пятины
Список с ввозной грамоты слово в слово.

По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказу и по окладному списку царевы и великого князя новгородские писцы Шелонские пятины Залесские половины Федор Иванович Сабуров да Степан Иванович Бороздин Колядинской с товарищи отделили поместье Семену Истомину сыну Нащокину в Дубровенском погосте деревню Славково да половину деревни Нижние Горки на речке на Степеренке, а были те де полторы деревни Троецкого Клопского монастыря, а отписаны были к Дубровенскому яму. А в тех деревень место против их земли дано Троецкому монастырю в Коситцком погосте. И по отписке наугородских диаков Василья Степанова да Леонтея Онаньина те полторы деревни остались Дубровенскому яму за мерою. И которые крестьяне в тех деревнях учнут жить, и вы б все крестьяне Семена слушали и пашню на него пахали, и доход ему хлебной и денежной платили, чем вас изоброчит. А дворы и во дворех людей по имяном и пашня и сено и всякие угодыя написано подлинно в книгах.

К сей ввозной писцы Федор Иванович Сабуров да Степан Иванович Бороздин Колядинской^а печати свои приложили.

Лета 7072 ноября в 14 день.

⁵⁹ Челобитная Г. С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 115; Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Дионисия. 1617. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 106. Опубликовано: *Селин А. А., Магола А. А.* Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 79–115.

⁶⁰ RA, NOA. Serie 1: 30.

⁶¹ Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/95 // RA, NOA. Serie 2:187.

⁶² Семен Истомин сын Нащокин упомянут в Тысячной книге как дворовый Щирского погоста Шелонской пятины (Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л. АН СССР. 1950. С. 91) и в т.н. «Боярской книге» 1556/57 г., как бывший наместник Берендеева, с новым окладом по 17 статье в 20 рублей (*Антонов А. В.* «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып. 10. 2004. С. 87).

Приписал подьячей Василей Жмакин.

Приписал подьячей Петеля Щелепин

^a в ркп Коляднской

Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187. Л. 10. Список конца XVI в. 28,7×14 см

Примечательны два документа, относящиеся к земельным пожалованиям, сделанным в Новгороде при Иване Михайловиче Салтыкове (осень 1610–весна 1611 г.). Они сохранились в составе дела по челобитной о поместье кн. Ивана Васильевича Кропоткина, служившего одно время русским воеводой Орешка. Он претендовал на поместье, ранее принадлежавшее прежнему воеводе Орешка Венедикту Хомутову⁶³. Разбирая челобитную, подьячие сделали выписку из грамоты «Владиславе за приписью думного дьяка Степана Соловецкого» об окладе В. Хомутова и об отделе тому в 1610/11 г. 325 четвертей в Копорском уезде⁶⁴.

В ходе работы над данным текстом мною просмотрены все дела архива Новгородской приказной избы. Однако нельзя сказать, что все они используются в настоящем исследовании. Так, полностью игнорируются, к примеру, банные книги. Этому уникальному в своем роде источнику было посвящено специальное исследование Андерса Шёберга⁶⁵. Однако информация, представленная этими материалами, носит обезличенный характер, так как в банных книгах содержится лишь статистика посещений общественной бани Новгорода. То же относится и к «пивным книгам», которые подробно рассмотрены в работе двух шведских исследовательниц Хагар Сундберг и Ингигерд Нордландер⁶⁶. Остались вне нашего исследования также книги Новгородского денежного двора, исследованные А. Берглундом и В. В. Захаровым⁶⁷.

Картина новгородского общества эпохи Смуты не может быть полной без привлечения более широкого спектра источников, чем только материалы Новгородской приказной избы. Часть людей, действовавших в Новгороде в Смутное время, имело за плечами большой служебный опыт, часть начинала службу, а то и ожидала верстания. В связи с этим для реконструкции судеб новгородцев привлечены источники, относящиеся как ко времени до 1611 г., так и после 1617 г.

⁶³ Был назначен в Орешек в лагере Сигизмунда III под Смоленском (Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 394. № 681).

⁶⁴ Дело по челобитной о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.

⁶⁵ *Sjöberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.*

⁶⁶ *Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. T. 24. 1995. P. 139–156.*

⁶⁷ *Berglund A., Zakharov V.V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983.*

Нарративные источники

Некоторая, впрочем, всегда лапидарная информация о деятельности наиболее важных представителей Смуты содержится и в нарративных памятниках — летописях, записках иностранцев и проч. Для своего исследования я привлек информацию Нового летописца о новгородских событиях, равно как и сведения Псковской третьей летописи о взаимоотношениях Новгорода и Пскова и об отъезде в Новгород группы псковских детей боярских и приказных. Отдельные обстоятельства службы новгородцев содержатся, разумеется, и в вошедшем в состав многих поздних летописей «Сказании о чуде Тихвинской иконы Богородицы».

Одним из самых дискуссионных нарративных памятников эпохи Смуты, связанных с Новгородом, является «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. Источник привлек к себе внимание со времени своей публикации в 1891 г.⁶⁸ В настоящее время наиболее часто используется его академическая публикация, предпринятая в 1951 г. О. А. Державиной⁶⁹. Традиционно считается, что «Временник» был создан в Новгороде находившимся там дьяком Иваном Тимофеевым, который не смог выехать в Москву в 1610 г. Не входя в структуру управления городом, он, по повелению митрополита Исидора, написал повесть о событиях, приведших к захвату Новгорода шведами⁷⁰. Часто ему приписывается и составление договора новгородцев с Делагарди 1611 г. В последнее время авторство «Временника», казалось бы установленное О. А. Державиной, ставится под сомнение.

Сведения иностранцев о Новгороде того времени представлены многочисленными записками солдат, офицеров и пасторов, служивших в войсках Делагарди⁷¹, а также записки дипломатов, побывавших в Новгороде того времени⁷². Эти источники скупы на

⁶⁸ Даже несколько ранее, так как ему посвящена часть диссертации С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник», опубликованной в 1888 г. Именно С. Ф. Платонов был первым публикатором «Временника».

⁶⁹ Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, перевод и комм. О. А. Державиной. СПб., 2004 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

⁷⁰ *Солодкин Я. Г.* Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 119–122.

⁷¹ *Бреттон Г.* Известия о нынешних бедах России / Сост. Г.М.Коваленко, пер. Е.Н.Козлова. СПб., 2002; Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времен царствования Ивана Васильевича, императора до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавила де Домбаля / Пер. С. А. Мезина, коммент. Я. Н. Рабиновича // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 124–139; *Шаум М.* История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием и о взятии Великого Новгорода // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные кн. М. Оболенским М., 1847.

⁷² Журнал нидерландских посланников Рейнгоута ван Бредероде, Дилериха Басса, Альберта Иоакими об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах. Представлен 17 октября 1616 г. // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 208–284; *Goeteeris A.* Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 ... Graven-Hage, 1619 (привлечен шведский перевод в издании: *En Holländsk besicknings i Ryssland, Finland och Sverige 1615-1616.* Antonis Goeteeris' Journal över den holländska besickningens resa till de svensk-ryska. Stockholm, 1917. Благодарю М. Е. Ворожейкину за помощь в переводе шведского текста. Он опубликован: Голландское посольство в России, Швеции и Финляндии в 1615-1616 гг. Дневниковые записки Антония Хутеериса о по-

биографическую информацию, хотя описания бытовой стороны жизни новгородцев, содержащиеся в них, часто уникальны и важны для понимания условий тогдашней жизни. Этот вид источников имеет давнюю традицию изучения. Надо отметить, что взаимоотношения новгородцев и шведов, а также других находившихся в Новгороде и на Северо-Западе вообще иноземцев, как я постараюсь показать в соответствующей главе, были в эпоху Смуты чрезвычайно тесными. Рассматривая в отдельной главе общий ход политических событий в Новгороде, я непременно буду обращаться и к содержащимся в них сведениям. Разумеется, не следует буквально понимать свидетельства этих источников о тотальном разорении новгородцев (повальной продаже ими собственных жен и дочерей, десятках трупов в деревнях), равно как и об их приверженности «недохристианству», Гораздо важнее, когда эти источники «проговариваются»; когда они, повествуя о тех или иных политических событиях, сообщают тем не менее о повседневной жизни новгородцев.

Особое место в нарративных источниках, посвященных Новгороду Смутного времени занимают работы шведского специалиста по московской политической жизни Петра Петрея⁷³. Предметом его исследований была именно политическая жизнь Московского государства Смутной поры. Политическая заостренность трудов Петрея и актуальность проблемы взаимоотношения России и Запада в политической риторике разного времени заставляет ученых вновь и вновь обращаться к оценкам его труда⁷⁴.

Негативный взгляд отечественных историков последних лет на работу Петрея представлен в сочинениях В. В. Фомина⁷⁵ и отчасти С. Ю. Шокарева. Первый именует его родоначальником норманнской теории, повлиявшим на создание пренебрежительного отношения к России в Европе. Шокарев, не впадая в крайности Фомина, все же оценивает Петрея как шпиона, деятельность и, в частности, творчество которого была направлена на обоснование шведских претензий на русский Северо-Запад⁷⁶.

Высоко оценивал сведения Петрея Г. А. Замятин. По мнению ученого, события в Москве 1612-1613 гг., предшествовавшие избирательному собору были переданы Петреем, не раз бывавшим в Москве, гораздо вернее, чем Новым летописцем⁷⁷. Известный исследователь новгородской «Росики» Г.М.Коваленко в своем обозрении подробно ос-

езде голландского посольства в шведские владения в России // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 96-104).

⁷³ *Петрей Петр*. История о великом княжестве Московском / Пер. А.И.Шемякина. М., 1867 (воспроизведено: *Петрей Петр*. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997).

⁷⁴ Подробнее: *Лимонов Ю.А.* Сочинение шведского историография начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 104-113; особенно: *Коваленко Г. М.* Великий Новгород в памятниках письменности XV –начала XX в. В. Новгород, 2007. С. 67-71.

⁷⁵ *Фомин В. В.* Варяги и Варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 17-21.

⁷⁶ *Шокарев С. Ю.* Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 469-472.

⁷⁷ *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 197-198.

танавливается на работе Петрея, обозначая ее значение для сложения в Швеции представлений о Новгороде. Именно от Петрея, согласно, Коваленко, в Швеции узнали легенду о скандинавском происхождении Рюрика. Вместе с тем Петрей критично относился к генеалогической мифологии, сконструированной московскими государями в XVI в.; в отличие, к примеру от дьяка Ивана Тимофеева, он нисколько не верил в происхождение Рюрика от «Августа Кесаря»⁷⁸. Г.М.Коваленко совершенно справедливо рассматривает Петрея как ученого, а не шпиона, передовыми методами своего времени исследовавший интереснейшее явление – Новгород начала Смуты. Работая над политическим исследованием современного ему Московского государства, Петрей, естественно, старался не допускать ошибок и это ему удалось. Его оценки политических событий на Северо-Западе в 1611 г. и в Московском государстве в 1612-1613 гг. являлись результатом критического анализа; к ним приближаются взгляды современных ученых. Личное участие высококлассного шведского «москововеда» в выяснении личности Псковского вора, в Столбовских переговорах придает его текстам большую достоверность, особенно в подробностях изложения. Все это позволяет оценивать труды Петрея очень высоко.

Разрядные книги

Для дополнительной информации о служебных карьерах новгородцев использованы разрядные книги. Разряды, публиковавшиеся с середины XIX века, применительно к истории нестоличных назначений и служб требуют большого внимания и осторожности. В годы Смуты в разрядах появляется большое число новых имен, из неродовитых фамилий. Одновременно появляются и новые места назначений, так как боевые действия ведутся с большим ожесточением и по всей территории страны. Это вызывает большие сложности в интерпретации многих имен и названий, фигурирующих в разрядных записях этого времени. Поясню это небольшим примером.

В публикации разрядных записей за Смутное время С. А. Белокурова содержится уникальная информация о Новгороде за период, предшествовавший совместному выступлению шведской армии Я. Делагарди и новгородцев во главе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским к Москве (она приведена в III, IV, VI, IX и в XVII списках по нумерации Белокурова). Приведу эти отрывки полностью:.

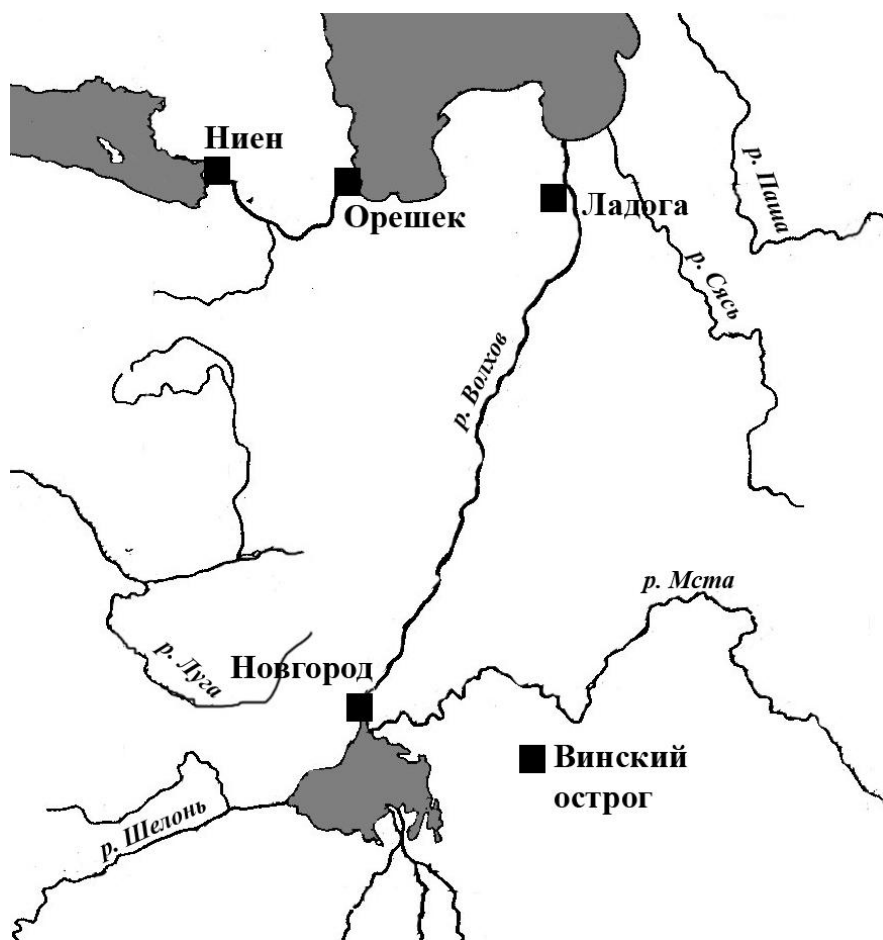
Белокуров, Ш. По рукописи собрания кн. М. О. Оболенского № 100. С. 101–102. «На Неве зделан был острог и головы были в нем:	Белокуров, IV. Из рукописи императорского Эрмитажа (из имп. Публичной библиотеки) № 390а С. 123. «А на Веневе зделан был острог и в нем	Белокуров, VI. Из рукописи Московского Румянцевского музея № 737. С. 162. «На Веневе зделан был острог; головы были Темко сын Жеребцов	Белокуров IX. По рукописи древлехранилища М.П.Погодина (ИПБ) № 1523 С. 187–188. «...а на Волдае были в остроге головы: Темка Жеребцов	Белокуров, XVII. По рукописи собрания И. Д. Беляева в Румянцевском музее, № 1588 С. 233. «На Веневе делан был острог, а головы были
---	---	--	---	---

⁷⁸ Коваленко Г. М. Великий Новгород в памятниках письменности...

Темка Жеребцов да Борис Белеутов да Микита Оболянинов. Посылали от себя збирать подымовных людей: на Волдай в село Казарина Порецкого да княз Андрея Борисова сына Оболенского»	были головы: Темка Жеребцов, Борис Белеутов, Микита Оболянинов, и посылали от себя збират подымовных людей на Волдай сына боярскова Казарина Порецкого да с ним в товарищах князя Ондreja княз Борисова сына Оболенского»	да Борис Белеутов да Никита Оболянинов. И посылали от себя збирать подымовных людей на Волдай в село сына боярскова Казарина Порецкого, да с ним в товарищех князя Ондreja княз Борисова сына Оболенского, княз Федору Черному Оболенскому дядя»	да Борис Белеутов да Микита Оболянинов, и посылали они збирать от себя подымовных людей в село на Волдай Казарина Борецкого да княз Андрея княз Борисова сына Оболенского, а к боярину про то писали»	Темка Жеребцов, Борис Белеутов, Микита Оболянинов, и посылали от себя збирать подымовных людей на Волдаево село сына боярскова Казарина Порецкова да с ним в товарищах княз Андрея княз Борисова сына Оболенского, княз Федору Оболенскому дядя»
---	---	--	---	--

Итак, в первом варианте текста местом строительства острожка группой дворян во главе с Темкой Жеребцовым называется Нева, в трех случаях — Венев, в одном — Валдай. Венев явно назван ошибочно — эта небольшая крепость неподалеку от Тулы не может иметь отношения к событиям в Новгородской земле, о которых повествует данный отрывок. Соблазнительно было бы увидеть местом построения острожка Неву; тогда бы сооружение острожка Темкой Жеребцовым на два года предшествовало бы началу возведения крепости в Невском устье Линдведом Класоном. Однако тщательное рассмотрение этого эпизода показывает, что местом данного строительства была округа Валдая. Все служилые люди, упоминаемые в данном отрывке — Жеребцов, Никита Оболянинов, Борис Белеутов, Казарин Порецкий, — служилые люди Деревской пятины, на территории которой располагалось дворцовое село Валдай. Более того. Известен Винский острожек, построенный, видимо, как раз в 1609 г. в районе дороги из Новгорода в Москву. Он был разгромлен «литовскими людьми» (вероятно, каким-то из тушинских отрядов, следовавших по Московской дороге) в 1610 г., когда в нем служил головой Федор Досадин⁷⁹.

⁷⁹ Дело по челобитной о поместье Аграфены, дочери Михаила Оклячеева, жены Федора Досадина и Ивана Михайлова сына Перхурьева. 1613. 14.02 – 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 90–109.

Карта 1. Расположение Винского острога и города Ниена

Кроме разрядных книг использованы другие источники разрядной документации, такие как списки городовых воевод. Один из них опубликован в 1915 г. в составе «Актов времени междуцарствия»⁸⁰, будучи извлечен публикаторами из документов Литовской метрики. В публикации документ не датирован, но по составу лиц, перечисленных на воеводстве в Новгороде, он легко может быть отнесен ко времени между 15 августа⁸¹ и октябрём 1610 г.⁸² Данный источник содержит уникальные сведения о воеводских назначениях в новгородские пригороды в этот период Смуты.

Некоторые из новгородцев в годы Смуты сделали карьеру и «пробились» в ряды Государева двора, подчас участвуя в дворцовых церемониях при раннем Михаиле Федоровиче. Информация об участии их в жизни Государева двора может реконструироваться также на базе Дворцовых разрядов.

⁸⁰ Список воевод // Смутное время Московского государства. Вып. 3. Акты времени междуцарствия. М., 1915. С. 201.

⁸¹ Взятие П. Делавиллем Ладоги и начало ее осады войсками; среди военачальников был кн. Г. К. Волконский, о котором в источнике сказано: «И князю Григорью велено быти по Ладыгою». Подробнее: Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 3. СПб., 2008. С. 44-48.

⁸² Приход в Новгород Ивана Салтыкова, о котором в источнике нет ни слова.

Даточные книги и десятины

Важная группа документов архива Новгородской приказной избы — дачные (даточные) книги и сопутствующая им документация — росписи дворян, вдов и недорослей, получавших поместные дачи. Полагаю, это практически все, что сохранилось от регулярной документации новгородского Разряда эпохи Смуты⁸³. Сохранилось пять даточных книг (две — по Деревской (1610/11 и 1611/12 гг.), две — по Водской (1611/12 и 1612/13 гг.) и одна по Шелонской пятине (1611/12 г.). Надо полагать, что убыль наличного новгородского дворянства, в первую очередь в связи с постоянным дезертирством — отъездом на сторону политических противников или в поместья, к 1613 г. привела к тому, что позднее новые дачные книги не составлялись. В то же время Разряд, по всей вероятности, не прекратил работы, и справки по поместным делам выдавались вплоть до июля 1616 г.

Е. И. Кобзарева именуется даточные книги, сохранившиеся в составе архива Новгородской приказной избы десятинами⁸⁴. Они действительно функционально близки десятинам, но думаю, что неверно говорить об их тождественности. В отличие от известных десятен конца XVI и XVII вв., как новгородских, так и происходивших из других районов Московского государства, в даточных книгах не содержится ни преамбулы, в которой бы указывалось, когда и на каком основании проведено верстание, ни перечня поручителей за служилого человека.

В даточных книгах фиксировались поместные оклады служилых людей, давались обоснования этих окладов — ссылки на документы, подтверждавшие поместные дачи (десятина 1605/06 г., грамота царя Василия Шуйского о поместной придаче, приказ или приговор бояр и воевод кн. И. Н. Большого Одоевского и/или Якова Делагарди. В даточной книге Деревской пятины 1610/11 г. содержатся также ссылки на список, привезенный из Москвы Иваном Салтыковым. Полагаю, в этом списке фиксировались придачи, совершенные после 1605/06 г.), а также наличная поместная дача и, как правило, имя прежнего хозяина поместья. Вне сомнения, все даточные книги являются беловыми экземплярами, находившимися, впрочем, в текущей работе новгородского Разряда. В них имеются следы редакторской работы уже после завершения составления. Так, поместные дачи сторонников Ивана Салтыкова перечеркнуты⁸⁵, равно как и дачи служилых людей, отъехавших из Новгорода в последующее время⁸⁶.

⁸³ Под новгородским Разрядом здесь и ниже я подразумеваю не Приказ Новгородского разряда, находившийся в Москве, а Разряд (вар.: Разрядный приказ/изба), находившийся, собственно, в Новгороде и функционировавший в 1611–1616 гг.

⁸⁴ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 27, прим. 21.

⁸⁵ Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. Л. 1.

⁸⁶ Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С 47, 51–52; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 19.

Трудно сказать, велись ли дачные книги также для Бежецкой и Обонежской пятин, которые вышли из-под контроля новгородского правительства раньше других территорий. Полагаю, что все же велись, но не сохранились, так как в 1610/11–1612/13 гг. и вплоть до поражения шведов и новгородцев под Тихвином эти территории сохраняли связь с Новгородом, а тамошние дворяне часто бывали в городе.

При работе над составлением даточных книг и при даче справок о поместных окладах и дачах новгородские подьячие начала XVII века привлекали документы, находившиеся, вероятно, в тогдашнем архиве Новгородской приказной избы, но ныне утраченные. Когда в марте 1613 г. сын боярский Деревской пятины Григорий Андреев сын Рясницын бил челом на отъехавшего в Осташков Сотника Иванова сына Веревкина, претендуя на получение его поместья, для составления справки было привлечено значительно более раннее, относившееся ко времени вскоре после 1584/85 г. дело. Тогда Сотник Веревкин вместе с Четвертым Григорьевым сыном Рясницыным бил челом о поместье Леонтия Горяинова сына Дирина. При разборе дела в 1580-х годах была сделана справка об окладах С. И. Веревкина и Ч. Г. Рясницына. Для этого была привлечена новгородская десятина 1583/84 г., согласно которой оклад Ч. Г. Рясницына составлял 300 четвертей, а С. И. Веревкина — 250 четвертей⁸⁷. На более поздний документ, не десятню, но служилый список, указывает дело о поместье А. И. Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины (в котором, как упоминалось выше, сохранился и самый ранний по времени акт архива Новгородской приказной избы). При рассмотрении этого дела в 1593 г. был затребован служилый список Шелонской пятины 1590/91 г., согласно которому один из претендентов, Федор Облезов сын Воронов, имел тогда оклад в 250 четвертей⁸⁸.

К документам Новгородского разряда эпохи Смуты относится также Роспись новгородского войска марта 1613 г.⁸⁹ Документ представляет собой перечень служилых людей Новгорода с указанием их поместных статей и принадлежности к той или иной пятине⁹⁰. Все служилые люди разделены на две категории: написанные в поход с кн. Ф.

⁸⁷ Дело по челобитной Григория Андреева сына Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30–46. В 1982 г. в МГУ была защищена дипломная работа М. Г. Кротова «Десятни XVI–XVII вв. как исторический источник». В ней, кроме всего прочего, содержится список всех известных десятен 1556–1608 гг. Десятня по Новгороду 7092 г. там не упомянута (http://www.krotov.info/yakov/desyatni/ind_des.html).

⁸⁸ Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187. Л. 6.

⁸⁹ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170–В. Документ включает в себя черновую роспись, с исправлениями и пометами о причине неявки на службу (Л. 1–7) и белой экземпляр (Л. 8–13 об.), где также содержатся исправления и приписанные позже уточняющие пометы типа: «[быти] у мостов» и т.п.

⁹⁰ Оказавшиеся в Новгороде иногородние служилые люди записаны под своими городами. Так, Иван Якушкин (в тексте ошибочно: Кушкин) написан под рубрикой «Вязьма». Он и известен как выборный дворянин по Вязьме с окладом в 300 четвертей в 1602–1603 гг. (Боярский список 1602–1603 гг. // *Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков.* М., 2004. С. 258–291).

Черным Оболенским в Старую Руссу и оставшиеся на службе в Новгороде. Данный документ — редкий пример текущей разрядной документации. Несомненно, составлявший его подьячий руководствовался какими-то несохранившимися списками дворян по пятинам. Достоверно известно, что далеко не все упомянутые в рассматриваемом документе служилые люди находились в тот момент, так сказать, в зоне юрисдикции Новгородского правительства⁹¹, таким образом, этот список — своего рода подготовительный материал для сбора и назначения войска.

Е. И. Кобзарева уделила особое внимание этому документу в работах 2002, 2005 и 2006 гг.⁹² Исследовательница точно установила дату составления документа: март 1613 г. Вместе с тем, комментируя документ, московский ученый не привлекает многих давно вошедших в научный оборот источников. Так, она не находит упомянутых в Росписи князей Мышецких и Ададуриных в десятнях 1605/06 г.⁹³, тогда как в опубликованной десятне Водской пятины известно 14 князей Мышецких⁹⁴ и 11 Ададуриных⁹⁵. Представляется, что исследовательница несколько переоценивает значение памятника, равно как и похода кн. Ф. Оболенского к Старой Руссе в марте 1613 г. — гораздо менее значительного предприятия Новгородского правительства, чем, скажем, поход войск Никиты Вышеславцева и Эверта Горна на восток Новгородчины зимой 1611/12 г., противостояние под Тихвинским монастырем лета — осени 1613 г. или события под Бронницами лета 1614 г.

Мне удалось обнаружить в архиве Новгородской приказной избы также две черновых росписи, видимо, составленных ранее росписи новгородского войска марта 1613 г. Это недатированные, без помет подьячих списки дворян соответственно Бежецкой и Деревской пятин. Можно предположить, что такие же документы были составлены для пятин Обонежской, Водской и Шелонской. В списке Бежецкой пятины, озаглавленном «Бежецкие пятины дворяне и дети боярские, которым быти в Новгороде»⁹⁶, на первом месте значатся отъехавшие из Новгорода в июле 1613 г. Самуйло и Богдан Нарбековы, а также Богдан и Угрим Лупандины, в конце списка — отъехавший с ними же Парфе-

⁹¹ Так, к этому времени Бежецкой пятины Вильян (Яков) Березин был взят в плен под Гдовом (Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5).

⁹² Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации города (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивные и музейные исследования. М., 2002. С. 110 (Труды ГИМ. Вып. 133); она же. Новгородский войсковой смотр 1613 г. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 195–204; она же. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 16–28.

⁹³ Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов... С. 110.

⁹⁴ По нумерации новгородских служилых людей, предложенной в публикации десяти 1605 г. Н. В. Мятлевым (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. № 4. С. 435–509): № 6, 7, 8, 9, 17, 25, 71, 72, 104, 165, 462, 467, 512, 725.

⁹⁵ По публикации Н. В. Мятлева № 23 (38), 24 (33), 39, 70, 92, 108, 153, 270, 359, 360, 391.

⁹⁶ Список дворян Бежецкой пятины. // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 121.

ний Нарбеков⁹⁷. Это позволяет датировать список временем ранее лета 1613 г. К тому же времени, вероятно, относится и находящийся в том же свитке список дворян Деревской пятины⁹⁸.

⁹⁷ Подробнее об этом отъезде: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5–13.

⁹⁸ Список дворян Деревской пятины // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 128.

Карта 2. Новгородская земля, разделенная на пятины (по А. Н. Насонову)

Массовыми источниками по истории службы новгородского дворянства являются десятины. В настоящий момент опубликовано три десятины — верстальная новиков 1596 г.⁹⁹, Водской пятины сентября 1605 г. (о характере этого документа см. ниже)¹⁰⁰ и раз-

⁹⁹ Десятна новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. В. Мятлев // ИРГО. 1909. № 3. С. 113–209.

¹⁰⁰ Десятна Водской пятины 1605 года... С. 435–509.

борная десятина по Новгороду 1619 г.¹⁰¹ В работах И. О. Тюменцева и Е. И. Кобзаревой использовалась также десятина Бежецкой пятины 1608 г.¹⁰² Мною привлечены еще пять десятен — новгородцев, испомещенных в Тихвине в 1615 г.¹⁰³, десятина кормовых татар и новокрещенов 1606 г.¹⁰⁴, десятина денежной раздачи в полку кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами¹⁰⁵, десятина денежной раздачи в Шелонской пятине в 1621 г.¹⁰⁶ и десятина денежной раздачи служилым и неслужилым новикам в 1624/25 г.¹⁰⁷ Для реконструкции самых успешных карьер — Никиты Вышеславцева, Воина Новокшенова, Луки и Михаила Милославских, некоторых других новгородцев привлечены боярские списки, роспись русского войска 1604 г. и другие источники о Государевом дворе, введенные в научный оборот А. Л. Станиславским¹⁰⁸.

Возникновение интереса к десятинам в среде генеалогов в конце XIX в. было связано с публикацией в 8 томе «Описания документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции» исследования В. Н. Сторожева о десятинях XVI в.¹⁰⁹ и в 9 томе этого издания — кратких сведений об этом типе источников¹¹⁰. Вслед за тем последовали публикации Н. П. Лихачевым «Разборной десятины новиков» 1596 г., и Н. В. Мятлевым «Десятни Водской пятины» сентября 1605 г.

Последний источник вызвал в недавнее время большую дискуссию в историографии. Он относится к верстанию, начатому Самозванцем осенью 1605 г. и завершеному уже при Василии Шуйском в 1606 г. Спор среди ученых идет, собственно о том, насколько верны слова Карамзинского хронографа о том, что данное верстание было «прелестью самозванца» и не имело реального обеспечения земельными участками. Оспорили такую, откровенно говоря, полемическую точку зрения П. В. Седов и В. Н. Козляков, на основе анализа большого комплекса источников показавшие, что десятины, составленные при Самозванце, не столько увеличивали поместные оклады, сколько

¹⁰¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 242–283.

¹⁰² Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 339–381.

¹⁰³ Десятня беспоместных тихвинских сидельцев. 1615 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 125.

¹⁰⁴ Десятня новгородских кормовых татар и новокрещенов всех пятин. 1606 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122.

¹⁰⁵ Десятня денежной раздачи боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого. 1614 (без начала) // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 297.

¹⁰⁶ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. И. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131.

¹⁰⁷ Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136.

¹⁰⁸ Приложения к изданию: Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

¹⁰⁹ Сторожев В. Н. Десятни XVI в. Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. Т. 8. М., 1891.

¹¹⁰ Документы Разрядного приказа // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. Т. 9. М., 1894.

были призваны упорядочить службу провинциального дворянства¹¹¹, в большей степени унифицируя оклады, нежели их завышая. Это мнение было подвергнуто критике В. М. Воробьевым, утверждавшим вслед за Карамзинским хронографом, что верстание 1605–1606 гг. непомерно завысило оклады мелкого дворянства. Надо сказать, что в позициях сторонников обеих этих точек зрения содержится рациональное зерно. Действительно, как Карамзинский хронограф, так и разрядные книги, сохранившиеся почти дословно такую же оценку верстания 1605/06 г., — в значительной мере памятники идеологические, особенно в своей общеполитической трактовке событий Смуты. Не стоит в оценочных суждениях современников Смуты искать исторического факта. Впрочем, «инфляция» поместных окладов, действительно начатая в 1605 г., продолжилась и в последующие периоды Смуты, и в годы после нее. По такому же пути повышения среднего уровня окладов шли и руководители ополчений, и правительство Михаила Федоровича, оказавшиеся, по сути, заложниками своих авансов служилому сословию. Особняком стоит позиция В. М. Воробьева, определяющего «самозванческое» верстание — как нарушение основополагающего принципа службы — по отечеству (в статье очень четко выражена личная несколько эмоциональная позиция исследователя)¹¹². Примечательно, что В. М. Воробьев считает, что верстание при Лжедмитрии увеличило оклады служилых людей не соразмеряясь с реальными возможностями правительства, в чем исследователь видит авантюру режима Лжедмитрия I. В то же время он не принимает во внимание те придачи к окладам служилым людям, которые в массовом порядке были сделаны после событий под Тулой осенью 1607 г. правительством Василия Шуйского и были обеспечены реальными возможностями правительства не в большей мере. При этом критика В. М. Воробьевым публикации Н. В. Мятлева представляется убедительной и своевременной. Действительно, тот документ, который принято, вслед за Н. В. Мятлевым называть «Десятней Водской пятины» 1605 г., не является десятней в полном смысле слова, а лишь перечнем поместных окладов служилых людей пятины, без указания денежных окладов, очередности этих окладов («первые», «другие» и «свершенные» деньги), а также поручителей за служилых людей, как это предусматривал формуляр других сохранившихся десятен «самозванческого» верстания¹¹³.

¹¹¹ Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 227–241; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1999. Ранее такая мысль была высказана М. Г. Кротовым в дипломной работе, защищенной в МГУ в 1982 г. (Кротов М. Г. Десятни XVI – начала XVII вв. как исторический источник. М., 1982. Доступна по адресу: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html).

¹¹² Воробьев В. М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. 18 - 20 ноября 2003 года. Великий Новгород. 2003. (опубл. в электронном журнале *Oderint dum prodent* (www.milhist.ru)).

¹¹³ В тексте книги я все же буду называть этот документ десятней. Подлинной десятни Водской пятины сентября 1605 г. не сохранилось.

Хронология верстаней на Северо-Западе 1605–1606 гг. исследована М. Г. Кротовым. По его наблюдениям, смотр проводился в два этапа: в сентябре—декабре 1605 г. в большинстве городов (замосковных и низовых), а также в Шелонской и в Водской пятинах. В апреле был начат смотр служилых людей в Невеле, Пскове, Деревской, Обо-нежской и Бежецкой пятинах (добавлю к этому перечню смотр новокрещенов и татар всех пятин). Важной особенностью десятен этого времени является, по наблюдениям М. Г. Кротова, содержащиеся в них пометы о более поздних прибавках служилых людям, уже при царе Василии Шуйском. Он же отметил, что «во время смотра, произведенного Лжедмитрием I, не выдавалось жалованье тем, кто получил его от Годунова, причем упоминается раздача не только под Кромами: «имали денги на Москве у Федора Годунова, и в Новгороде по верстанью денги им не даны»¹¹⁴. Такое получение новгородцами денег в Москве при царе Федоре Борисовиче фиксирует также и десятня Деревской пятины 1606 г.¹¹⁵

По мере перехода разных областей под власть правительства царя Михаила Федоровича начали проводиться разборы служилых людей, оставшихся в живых после многочисленных боевых действий Смуты. В Эрмитажном собрании Отдела рукописей РНБ хранится Книга сыскная, содержащая материалы таких разборов примерно в полутора десятках городов¹¹⁶. Книга эта использована во многих исследованиях по истории русского дворянства. Согласно исследованию А. П. Павлова, в книге списаны сыскные списки ранее мая 1626 г. Видим, она была составлена в Разряде для удобства поиска справок об окладах уездных служилых людей. Список с нее, хранящийся в РНБ был составлен во второй половине XVII в. По наблюдению В. Н. Козлякова, большая часть городов, упомянутых в Книге были подведомственны Новгородскому разряду¹¹⁷.

Коснусь здесь содержащихся в этом памятнике материалов о поместных окладах псковских служилых людей в конце марта 1614 г.¹¹⁸ По мнению А. П. Павлова, псковский список был составлен в апреле 1614 г. на основе верстальной десяти 1606 г. окольников В.П.Морозова¹¹⁹. В отличие от новгородских сыскных десятен 1619 г., где подробно расписаны боевые заслуги детей боярских в годы Смуты, в псковском сыскном списке содержатся лишь глухие упоминания об участии псковичей в боях под Тулой и Калугой в 1607 г., лишь раз упомянута рана, полученная одним из псковских детей боярских в битве на Вырке. При этом именно в данном источнике содержится основная информация о службе псковских дворян в Смуту. Достоверность сведений этой

¹¹⁴ Кротов М. Г. Десятни...

¹¹⁵ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 243.

¹¹⁶ Книга сыскная дворян и детей боярских разных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации).

¹¹⁷ Подробное источниковедческое описание книги: Павлов А. П. «Сыскной список» тверских дворян и детей боярских 1613 года // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 203-222.

¹¹⁸ Список из Пскова воеводы прислали в Москву 7 апреля 1614 г.; видимо, он был составлен в марте.

¹¹⁹ Павлов А. П. «Сыскной список»... С. 206-207.

десятни может быть поставлена под сомнение. Так, в ней упомянут Александр Фомич Тимашев, дворовый сын боярский. В апреле (м. б. конце марта) 1614 г. на верстании во Пскове был установлен его старый (отцовский) оклад по верстанию 1605/06 г. в 600 четвертей и 10 рублей с городом и новый оклад с придачей неизвестно за какую службу в 600 четвертей и 13 рублей с городом. Можно с уверенностью утверждать, что Александр Тимашев на верстании во Пскове отсутствовал: ранее, в сентябре 1613 г., он, находясь в Новгороде, вместе с братом Степаном бил челом о поместье «изменников» — порховских помещиков Мокея Скобельцына и Федора Иванова сына Воронова¹²⁰, а позднее, вскоре после 10 апреля 1614 г. вместе с Моисеем Евреевым и подьячим Семеном Шустовым он получил предписание ехать в Порховский уезд в дворцовые села Карачуницкого погоста для отписки на государя изменничьего поместья Игнатия Харламова¹²¹. 18 июня 1614 г. он поручился по Никите Матвееву Зиновьеву¹²². То же самое относится к Федору Неклюдову, также упомянутому в псковской десятни 1614 г. в качестве городского сына боярского с новым окладом в 500 четвертей. Однако он, приехав в Новгород в 1610 или 1611 г., находился там еще в апреле 1615 г.¹²³ и, вероятно, дождался возвращения города Москве в марте 1617 г.

К этим источникам примыкает еще одна группа документов — списки новгородских недельщиков, губных старост, городских приказчиков и прочих лиц воеводского управления. Как показал В. Н. Козляков, эти документы составлялись в XVII веке в целях доказательства худородности противника¹²⁴. Подробное источниковедческое исследование этого типа памятников еще впереди. Ценность таких источников для изучения истории служб новгородцев в XVI–XVII вв. была отмечена только Н. Е. Носовым, опубликовавшим один такой документ¹²⁵ и упомянувший о существовании другого. В начале XX века иной список недельщиков был опубликован В. И. Гуляевым¹²⁶ и позднее использован Н. В. Мятлевым при публикации десятни Водской пятины 1605 г.

¹²⁰ Дело по челобитной о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.

¹²¹ Грамота от бояр и воевод Александру Фомичу Тимашеву, Мосею Денисьевичу Еврееву и подьячему Семейке Шустову ехать в Порховский уезд в Карачуницкий погост для отписки на государя 7 вытей в дворцовых селах, бывших в поместье за Игнатием Харламовым, съехавшим во Псков. 1614 апреля после 10 // RA, NOA. Serie 2:62. Л. 63 об.

¹²² Поручная запись по Никите Матвееву сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

¹²³ Расспросные речи Д. Плещеева в с. Братошине о вестях. 1615. 31.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 277–284.

¹²⁴ Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1999. С. 37.

¹²⁵ Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347–367.

¹²⁶ Список детям боярским и земцом новгородским помещиком, которые были в Великом Новгороде в неделях, а из недель вышли и которые пущены по государевым грамотам // Heraldica. Исторический сборник. Т. 1. СПб., 1900. С. 20–23.

Многую использованы упомянутые источники, а также список недельщиков, хранящийся в Отделе рукописей РНБ, на который мне любезно указал С. В. Стрельников¹²⁷; сходный документ обнаружен мной в рукописном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН¹²⁸, есть они и в других архивохранилищах¹²⁹.

Кормовые книги Галицкой, Костромской, Владимирской четвертей

К началу XVII столетия часть новгородцев была «пущена в четверть», т.е. стала получать денежное жалование в московских четвертях — Костромской, Владимирской, Новгородской, Устюжской¹³⁰. После успешного снятия осады Тихвина в 1613 г. и Пскова в 1615 и 1616 гг. число пущенных в четверть новгородцев резко возросло. В годы псковской осады из Разрядного приказа жалование новгородцам, служившим Михаилу Федоровичу, регулярно доставлялось во Псков, что подробно фиксировалось. Эти источники опубликованы еще в конце XIX — начале XX в.¹³¹ и давно введены в научный оборот; использовались они и в данной работе при составлении биографической базы данных о новгородцах Смутного времени.

Дело о приезде королевича Иоганна в 1602 г.

Близок к данной группе источников также комплекс документов, хранящийся в фонде 183 рукописного архива СПбИИ, связанный с приездом в Московское государство в 1602 г. датского принца Иоганна. В связи с его приездом множество новгородских дворян было назначено к прибытию в Ивангород и Новгород. Для высылки их из поместий отправлялись специальные высылщики¹³², осуществлявшие свои функции на основа-

¹²⁷ Роспись новгородских недельщиков и губных старост. Около 1604/05 // ОР РНБ, ОЛДП. Ф. 125.

¹²⁸ Роспись (разборные списки) служилых людей по Новгороду Великому. XVI–XVII вв. Список 2-й пол. XVII в. Без начала // СПбИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 188.

¹²⁹ В составе Болтинского II списка разрядных книг 1479–1605 (ОР ГИМ. Муз. № 3257). Л. 499–500. (*Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 287–288), также в составе Болтинского I списка разрядных книг с оригинальными комбинациями записей (ОР РГБ. Ф. 205. № 183). Л. 330–330 об. (Там же. С. 407).

¹³⁰ Здесь я не касаюсь дискуссии о появлении четвертчиков и их связи с прежней системой кормления.

¹³¹ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894; Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 1–116; Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 275–508; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 509–682; Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 683–752; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 19–98.

¹³² Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву с наказом сейчас же послать в новгородские пятины для вызова в Новгород детей боярских и новокрещенов из татар и для сбора кормов, а по ямам подвод для встречи датского королевича. 1602. 12.08 // СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 20; Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе с приказом о сборе пусторжевских помещиков, дворян, детей бо-

нии списков¹³³. Эти списки, как и десяти и дачные книги, содержат информацию об окладах новгородских, торопецких, пусторжевских, луцких, невельских помещиков и также использованы в настоящей работе¹³⁴. Среди тех, кто встречал (или не явился встречать) королевича в Ивангороде и Новгороде, чрезвычайно много будущих героев Смутного времени в Новгороде¹³⁵.

Грамоты ополчений, новгородского правительства, городовых воевод

Значительная информация о новгородцах — полковых и пригородных воеводах и головах содержится в государственных документах Смутного времени. Грамоты об отправке посольств в Ярославль и Москву, в Стокгольм и Выборг содержат информацию об участии (или — как в случае с Г. Н. Муравьевым — неучастии) элиты новгородского общества в важнейших политических событиях этой поры. Именно на этих источниках в своем исследовании остановилась Е. И. Кобзарева¹³⁶. Однако одни лишь эти документы не дают всей полноты сведений даже о политических событиях. Примечательно, что приговор 25 декабря 1611 г. об отправке посольства в Стокгольм корреспондирует с поручными записями, взятыми тогда же по всем участникам посольства, а также по отправленном в Москву гонце Богдане Дубровском и по Никите Андрееве сыне Оболянинове¹³⁷, чье служебное назначение в тот момент не известно.

Период после лета 1613 года был ознаменован постоянными контактами между Москвой и Новгородом. Впервые к документам фонда «Сношения России со Швецией» обратился Н. П. Лыжин в работе о Столбовском договоре¹³⁸. Позднее Г. А. Замятин ак-

ярских и беспоместных новиков для отправки на государеву службу. Список больных. 1602. 16.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 24.

¹³³ Память новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому, Третьяку Савину и Василию Бирину о составлении росписи 20–30 лучших дворов в Новгороде. 1602. 16.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 5. О службе высылщиков в Смутное время ср. ниже, в главе 6.

¹³⁴ Отписка воеводе о вызове на государеву службу кн. Семена Кропоткина из его поместья в Обонежской пятине. 1602. 26.07 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 8; Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власьеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602. 4.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16; Списки детей боярских, новокрещеных татар всех пятин, торопчан, холмичей, невлян, пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. 1602, август // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38 (53 л.); Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву с приказом отправить для встречи датского королевича из всех новгородских пятин детей боярских и новокрещеных татар по особым спискам. Списки. 1602. 24.06 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 6; Отписка новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву из Ивангорода с распоряжением выслать на государеву службу в Ивангород 50 детей боярских Водской и Шелонской пятин и выявить нетчиков и список нетчиков, присланный из Ивангорода. 1602. 26.07 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 7.

¹³⁵ Подробнее о комплексе дел, связанных с визитом королевича Ганса: *Селин А. А.* Комплекс документов о визите датского принца Юхана в Новгород в августе 1602 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3. С. 101–102.

¹³⁶ *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами...

¹³⁷ Тот, который в 1609 г. вместе с Темкой Жеребцовым строил Винский острожек. — Ср. выше.

¹³⁸ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

тивно использовал в своих работах материалы фонда, почерпнув оттуда подробные сведения о посольстве юрьевского архимандрита Никандра в Швецию и отенского игумена Дионисия в Москву. В ходе этих контактов обсуждались не только вопросы признания власти царя Михаила Федоровича и короля Густава Адольфа, контроля над теми или иными территориями, возвращения городов Новгородской земли, самого Новгорода, но и судьбы конкретных людей, оказавшихся на той или иной стороне. После боевых действий лета 1614 г. вопрос о размене пленными встал особенно остро. Он решался в мае 1615 г. на реке Явонь, где московские посланные С. Г. Коробьин с товарищами вели длительные переговоры с шведскими уполномоченными С. М. Аппельманом и Г. Бракилем. В ходе этих переговоров обе стороны представили как списки своих пленных, так и списки тех, кто по их мнению, должен находиться в плену. Не рассматривая здесь сам концепт плена в начале XVII века, отмечу здесь разное понимание этого концепта обеими сторонами. Списки новгородцев и московских служилых людей, а также пленных, принципы обмена пленными, высказанные сторонами, и, разумеется, отношение самих «пленных» к процедуре обмена — вот то, что интересует меня в этих источниках. Кроме того, в ходе переговоров велся взаимный шпионаж. Московская сторона достигла гораздо больших успехов, нежели шведская. В ходе переговоров ей удалось привлечь на свою сторону несколько десятков новгородцев и шведских служащих, тогда как на шведскую сторону из лагеря послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами выехал, вероятно, один лишь Михаил Клементьев¹³⁹.

Вышедших из шведского посольского стана сразу же подробно расспрашивали. Позднее их отправляли в Москву, где наиболее ценных информаторов допрашивали уже в Посольском приказе (думается, что в допросах принимал личное участие думный дьяк Петр Третьяков). Материалы допросов, грамотки лазутчиков, челобитные новгородцев с просьбой о прощении и принятии на московскую службу также сохранились в архиве Посольского приказа.

Остается сожалеть, что указание отправлять всю информацию, связанную с выходцами, в Посольский приказ появилось лишь летом 1615 г., а, к примеру, до тихвинских воевод дошло лишь осенью 1615 г.¹⁴⁰ Ранее эта информация, будучи она и наличествовала, отправлялась в Разряд и, судя по описаниям разрядных документов, не сохранилась.

Документы Посольского приказа о русско-шведских отношениях начала XVII в. исследуются и публикуются более полутора столетия. Их изучение начал Н. П. Лыжин, оста-

¹³⁹ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 372–373.

¹⁴⁰ Тихвинские воеводы получили упрек из Посольского приказа осенью 1615 г.; Н. М. Рогожин приводит выговор шацким воеводам, сделанный еще в 1614 г.: «Так, в 1614 г. из Посольского приказа в город Шацк была отправлена грамота, в которой московские дьяки отчитывали местных воевод: «Да вы ж к нам пишете о посольских делах, а отписки отдавать велите в Розряде. И так делают молодые люди, которым наши дела не в обычай, а вам ведати то мочно, что приказы наши все устроены по-прежнему, и о посольских делах пишут в Посольский приказ, а в Розряд пишут о ратных делах» (Рогожин Н. М. Диалог вероисповеданий в дипломатии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 47–48).

вивший первое в отечественной историографии исследование переговоров, предшествовавших заключению Столбовского мира и опубликовавший несколько, с его точки зрения, наиболее ярких, документов из столбцов Посольского приказа, относящихся к Дедеринским и Столбовским переговорам. В конце XIX в. к этим же документам обратился К. И. Якубов, первым из отечественных исследователей сопоставивший документы Новгородской приказной избы, хранящиеся в шведском Государственном архиве, с документами Посольского приказа. К. Якубов опубликовал статейные списки майских переговоров 1617 г., когда вновь обе стороны заявили о просьбах своих подданных о выдаче им родственников, оставшихся на другой стороне¹⁴¹. Характерно, что и шведы и москвичи обвиняли друг друга в насильственном удержании на своей стороне людей. В первой половине XX столетия эти памятники досконально изучались Г. А. Замятин. Позднее исследованию, весьма обстоятельному, подвергались лишь хранящиеся в этом фонде посольские книги, тогда как столбцы Посольского приказа начала XVII в. оставались вне поля зрения исследователей. Лишь в последние годы к ним чрезвычайно плодотворно обратился Д. В. Лисейцев. В монографии этого автора, посвященной деятельности Посольского приказа в годы Смуты, дана подробная источниковедческая характеристика посольским книгам и столбцам фонда 96, выявлены лакуны и утраты фонда, установлена первоначальная разбивка столбцов¹⁴².

В 1960-х гг., благодаря визиту Н. С. Хрущева в Швецию, налачился чрезвычайно конструктивный обмен специалистами между Швецией и СССР. Кроме взаимных визитов ученых обеих стран состоялся также обмен копиями архивных документов — в ЦГАДА¹⁴³ и архив ЛОИИ поступили копии документов архива Новгородской приказной избы, а в шведский Государственный архив — копии документов фонда 96 ЦГАДА — «Сношения России со Швецией».

Столбцы Посольского приказа содержат не только статейные списки посольств, но и подлинную текущую документацию, накапливавшуюся в Посольском приказе. Видимо, особый комплекс архива в Посольском приказе стал складываться в 1615 г., после начала подготовки к Дедеринским переговорам и миссии С. Г. Коробьина по обмену пленными, совершившемуся летом 1615 г. между Осташковом и Старой Руссой. В столбцы подклеивались отпуски грамот послам и городовым воеводам, отписки послов и иные документы, присылавшиеся «из поля». Особое место среди них занимают расспросные речи перебежчиков, пленных и лазутчиков, составлявшиеся первоначально непосредственно в посольском стане. Расспросные речи представляли собой допрос по определенному плану. Вопросы «следователей» не фиксировались, однако они без труда реконструируются при сопоставлении нескольких хронологически близких расспросных речей (всего я насчитал в столбцах 1615–февраля 1617 гг. 72 расспросных

¹⁴¹ Посольство кн. Борятинского с товарищи в Швецию в 1617–1618 гг. // *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 28–71, особенно с. 66.

¹⁴² *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 212–217.

¹⁴³ Ныне хранятся не в РГАДА, а в Государственном архиве Российской Федерации.

речи). «Вопросник» составлялся на основе тех сведений, которые Посольский приказ наказывал добывать, как правило, о численности войск и передвижениях военных отрядов, а также о местопребывании политических деятелей — королей, военачальников и проч. Число вопросов увеличивалось по мере поступления к послам дополнительных сведений, так сказать, за рамками вопросника.

К сожалению, далеко не все расспросные речи дошли в виде черновых протоколов допросов непосредственно в посольском стане. Некоторая часть подлинных протоколов не сохранилась, однако они достаточно подробно пересказываются в отписках послов в Посольский приказ, хотя, несомненно, в пересказе текст редуцировался.

Порубежные акты

Ценным источником о службах новгородских дворян и подьячих является коллекция «Порубежные акты» (109) в архиве СПбИИ. Документы этой коллекции происходят из Посольского стола Новгородской приказной избы XVII в. Она, кроме всего прочего, включает обыски в Водской и Шелонской пятинах о перебежчиках на московскую сторону в 1620-х годах (часто единственным грамотным человеком в погосте, при отсутствии дьячка и священника, оказывался помещик¹⁴⁴), документы об установлении застав на русско-шведской границе, списки украденного русскими перебежчиками на шведскую сторону имущества. Большинство фигурантов этих документов начали свою службу в Новгороде еще в 1611–1617 гг. Кроме прочего, в «Порубежных актах» удалось выявить информацию о том, как после подписания Столбовского мира, весной 1617 г. осуществлялась присяга новгородцев — и горожан, и сельских жителей — новому царю Михаилу Федоровичу¹⁴⁵.

Писцовые и дозорные книги

Потребность учитывать населенные участки земли на территории, подконтрольной Новгородскому правительству, диктовала необходимость проведения регулярных земельных переписей — обысков и дозоров. До 1590-х годов термин «дозор», как правило, подразумевал чрезвычайное земельное описание, противопоставленное регулярному описанию — писцовому. Однако изменения в системе сельского расселения, разорение целых территорий, начавшееся со второй половины XVI в. привели к тому, что дозоры стали описаниями регулярными. Этой теме посвящена обширная литература. Важнейший источник, привлекаемый мной, — это писцовые книги 1580-х и 1620-х гг. Эти документы как бы маркируют жизнь двух поколений людей, от конца царствования Ивана Грозного до восстановления страны при Михаиле Федоровиче. Как писцовые книги 1580-х гг., так и дозорные и писцовые описания 1615–1620-х гг. фиксирова-

¹⁴⁴ К примеру, в марте 1623 г. в Кривинской волости таким грамотным был Максим Степанов сын Кузьминский (Поручная запись крестьян Матвея Муравьева о сысканных в Кривинской волости перебежчиках. 1623. 8.03 // СПбИИ. Ф. 109. Д. 18).

¹⁴⁵ «В Солецком погосте по приводу Якова Вышеславцова да подьячих Федора Прокофьева ... и в иных приводных имена наши записаны...» (Сыскная и расспросная память в Солецком погосте на Оломне о зарубежных крестьянах. 1623, февраль // СПбИИ. Ф. 109. Д. 29).

ли действительно имена современных описанию помещиков (в отличие от платежных книг, составленных в промежутке между этими валовыми описаниями). Отмечу высокую степень сохранности этого корпуса источников (за исключением начальной части писцовой книги Водской пятины 1582 г.)¹⁴⁶. Писцовые и дозорные книги позволяют не только получить перечень помещиков той или иной пятины. Они указывают и на предположительные соседские, родственные и иные связи между служилыми людьми¹⁴⁷. Лишь очень немногие новгородцы дожили до 1646 г., когда появился новый массовый источник — переписные книги. Однако они также привлечены мною в исследовании¹⁴⁸. Часть новгородских дворян и практически все подьячие имели дворы в Новгороде. Таким образом, и писцовые описания Новгорода конца XVI — начала XVII в. также использованы в данном исследовании¹⁴⁹.

Важным источником по истории возвращения Новгорода под власть московских государей является опубликованная В. Л. Яниным опись Новгорода 1617 г. и напечатанные в том же издании сметные списки новгородских доходов за первые годы после Столбовского мира¹⁵⁰. Этот источник включает в себя выдержки из описаний Новгорода, сделанных сразу после принятия города послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. Имена подьячих и служилых людей, зафиксированные в этом источнике, говорят о некой специфике назначений на службу, которой придерживались московские власти, войдя в оставленный шведами город и несколько опасаясь привлекать к переписным работам тех новгородцев, которые незадолго до этого выполняли сходные распоряжения шведских властей.

¹⁴⁶ В своей книге об исторической географии Водской пятины я довольно подробно рассказал об особенностях описаний Водской пятины 1580-х гг., проводившихся в то время, когда границы между Московским государством и Швецией не существовало. Там же написано и о значении обысков и дозоров середины 1580-х гг. для исторической географии Водской пятины. Это же относится и к изучению персонального состава помещиков (*Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 14–15).

¹⁴⁷ В этом направлении продуктивно соотнесение писцовых книг с книгами записи судебных дел (о них ниже). Подоплека многих тяжб между помещиками заключается в значительной степени в их соседстве друг с другом (ср. глава 6).

¹⁴⁸ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. Г. Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003; Переписная книга (роспись) оброчных дворовых мест, садов, огородов и земель в Новгороде Великом, составленная при воеводах кн. С. А. Урусове и кн. Г. П. Борятинском дьяком Л. Талызиным. 1646 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

¹⁴⁹ Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001; Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова и дьяка Д. Семенова. 1623 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

¹⁵⁰ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984; Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 176–239; Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 240–301.

В фонде Новгородской приказной избы сохранилось около трех десятков дозорных описаний новгородских пятин 1611–1616 гг. Лучше всего представлены материалы Водской и Шелонской пятин, а также Старорусского уезда, входившего в состав последней, но подчиненного непосредственно Новгородскому Дворцу. Не сохранилось никаких указаний на дозорное или какое-то иное описание Новгорода и других (за исключением Старой Руссы) городов и посадов Новгородской земли в 1611–1616 гг. Полагаю, что они и не проводились¹⁵¹. В Водской пятине и в Зарусской половине Шелонской пятины описания были проведены дважды, в 1612 и в 1615 гг. Если для Водской пятины сохранились лишь беловые экземпляры дозорных книг, то для Шелонской существует также подготовительный материал — обыскные книги, предшествовавшие составлению беловых дозорных книг¹⁵². Залесская половина Шелонской пятины была описана только в 1615 г. К осени этого года большая ее часть, вероятно, запустела или вышла из-под контроля новгородского правительства. В октябре 1615 г. были составлены только обыскные книги Петровского и Передольского погостов этой половины пятины. Кроме того, в Водской пятине были дважды проведены описания софийских и монастырских владений.

Сравнительно хорошо сохранился комплекс документов, относящийся к Обонежской пятине. Все они относятся к первым годам новгородско-шведского политического альянса. Проведение там дозоров несомненно связано с походом в Заонежье войска Ганса Мунка в 1611–1612 гг. Сохранившиеся книги охватывают всю территорию Обонежской пятины и укладываются в хронологический промежуток октября 1611 г. – июля 1612 г. Ни одной дозорной книги Деревской пятины не сохранилось; вместе с тем известно, что значительная часть ее территории оставалась под контролем Новгорода вплоть до последних дней шведского правления.

Две дозорные книги относятся к самой удаленной от Новгорода, Бежецкой пятине. Одна из них — результат регулярного дозора пятины в марте 1612 г., когда эта территория находилась под полным контролем новгородского правительства. Вторая книга описы-

¹⁵¹ Возможно, в связи с существованием там своего рода самообложения, которое фиксирует, к примеру, в Порхове обыскная книга 1612 г.: «Порховской никольской поп Иван Григорьев сказал по священству... в Порхове, господине, у нас на посаде земля исстари выпускная оброчная. И с тое мы земли платили оброк годовой, а тягла мы не тянули с сохами опрочь ямского строенья, а тянем мы тягло с рядками вместе, а не с сохами» (Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148). В Новгороде до 1615 г. деньги собирались по раскладке пятиконецких старост; позднее — путем чрезвычайного обложения наиболее зажиточных новгородцев, не присягнувших Густаву Адольфу.

¹⁵² О таком последовательном процессе составления вначале обыскных, а потом дозорных книг для возвращенных по Плюсскому перемирию погостов Водской пятины см.: *Селин А. А. Историческая география Новгородской земли...* С. 14–15.

вает дворцовые Устрецкие волости примерно в тот момент, когда они вышли из-под контроля Новгорода¹⁵³.

Дозорные и обыскные книги составлялись комиссиями из двух (реже — одного) детей боярских и подьячего Поместного приказа¹⁵⁴. Наиболее часто этим подьячим выступал Семен Шустов (вероятно, самый опытный дозорщик), в 1612 г. обыскивавший и дозирувавший Зарусскую половину Шелонской пятины, в марте 1615 г. работавший в Старорусском уезде, а в августе 1615 г. дозирувавший Корельскую половину Водской пятины, в 1614 г. некоторые дозоры Старорусского уезда проводились одним-единственным подьячим Михаилом Нефедьевым.

История описаний Старорусского уезда в 1611–1615 гг. заслуживает отдельного рассмотрения. Этот специфический район Новгородской земли в конце 1611 г. поступил под прямое управление Дворцового приказа, что обусловило хорошую сохранность документов, в частности дозорных книг.

Древнейшее писцовое описание Старой Руссы относится к 1498 г.¹⁵⁵ Более поздние описания города известны гораздо меньше. Со времени работы П. П. Смирнова, посвященной городам Московского государства, в литературе используется описание Руссы в 1624 г., сделанное Александром Чоглоковым, которое содержит ссылки на дозор Руссы в 1606/07 г. Алексеем Безобразовым и Воином Трескиным¹⁵⁶. В 1974 г. З. А. Тимошенкова обратила внимание на находящуюся в Государственном архиве Швеции дозорную книгу 1611 г., в более полной мере, нежели книга 1624 г., сохранившую текст книги 1606/07 г.¹⁵⁷ Ныне она представила подробное исследование состава этой дозорной книги¹⁵⁸. Но имеются и еще некоторые документы, позволяющие более подробно говорить о дозорных описаниях Руссы и уезда в начале XVII в.

Изучение материалов Новгородской приказной избы, хранящихся в Государственном архиве Швеции, показало, что огромная их часть относится к делопроизводству новгородского Дворцового приказа и связана с именем дьяка Пятого Григорьева. Особую

¹⁵³ Книги были доставлены в Новгород, а сами дозорщики около 1 апреля 1613 г. попали в плен к воровским людям: «...и тая поручная запись у Мосея Поскочина да у Ивана Измайлова, а Мосея да Ивана взяли в полон воровские люди, да и рук их у тех книг нет, потому что приложить они не успели» (Отписная книга стоячего молоченого хлеба с побитых, сошных и выморочных участков в дворцовой Устрецкой волости с третями отписи Моисея Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 1.04 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 270 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 350).

¹⁵⁴ Имею в виду Новгородский поместный приказ (вар.: Новгородская поместная изба).

¹⁵⁵ НПК. Т. 5. СПб., 1905; тж. Писцовая книга Шелонской пятины письма Матвея Ивановича Валуева. Отрывки. 1498 // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999.

¹⁵⁶ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 22.

¹⁵⁷ Тимошенкова З. А. Новгородские крестьяне в период шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М., Л. 1974. Ч. 2. С. 3–24.

часть 2-й серии документов Новгородской приказной избы составляют дела 349, 352, 358, 359, 360, 361, 362, 363. Это расклеенные столбцы, большая часть которых имеет пометы: «Старорусской 120-го году». В основном в них содержатся материалы переписки Дворца с воеводами и другими должностными лицами города и уезда. Узкие хронологические рамки комплекса позволяют, сочетая их с другими известными документами, представить динамику земельных описаний города и уезда с августа 1611 по октябрь 1612 г.

Вскоре после смены власти в Новгороде Старую Руссу возглавили воевода Воин Афанасьевич Новокшенов и Третьяк Копнин, ранее подьячий, а с назначением в Старую Руссу — дьяк. Они уже имели опыт сотрудничества. Еще в апреле 1610 г. Новокшенов и Копнин вместе описывали часть имущества казенного новгородцами Ивана Михайловича Салтыкова¹⁵⁹. Но, вероятно, особых успехов в Руссе их администрация не достигла; Воин Новокшенов был назначен русским воеводой при шведском отряде, стоявшем в селе Югостицах в Дремяцком погосте¹⁶⁰, а Третьяк Копнин был переведен в Дворцовый приказ и в декабре 1611 г. отправился в составе новгородского посольства в Швецию.¹⁶¹

Еще в августе 1611 г. новые власти Новгорода озаботились задачей нового дозора Старой Руссы, в районе которой в апреле велись боевые действия. Тогда в Руссу были посланы дети боярские Лука Милославский и Антон Выповской, вместе с которыми на службу отправились дворцовый подьячий Никифор Коптев и торговый человек Семен Иванов¹⁶². В их наказе значилось: вместе со старорусскими посадскими людьми «старорусского посаду дворов, и во дворах людей, и лавок, и варнец, и огородов, и садов, и нив» дозреть и переписать, сравнив эти книги с хранившимися в Руссе дозорными книгами Алексея Безобразова 1607 г. В течение августа 1611 г. Лука Милославский с товарищами провел дозор Старорусского посада¹⁶³ и отправился дозировать уезд. 31 августа того же года воеводе Новокшенову и дьяку Копнину было приказано все доходы с посада и уезда Старой Руссы собирать уже по новому дозору Луки Милославского¹⁶⁴. Через две недели их сменили новые руководители города, а сам город с уездом был переподчинен Дворцу.

¹⁵⁸ Тимошенкова З. А. Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. // Государство и общество в России XV–начала XX века. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 308–315.

¹⁵⁹ Приходо-расходные книги Государева винного погреба. 1611. 28.03–31.08 // RA, NOA. Serie 1:60. С. 3–4.

¹⁶⁰ Кормовые книги немецким ратным людям. 1611, дек.–1612, январь // RA, NOA. Serie 1:74. С. 20.

¹⁶¹ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11 г.. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1–10.

¹⁶² Более о Семене Иванове ничего не известно.

¹⁶³ Дозорная книга Старой Руссы дозора Луки Ивановича Милославского, Антона Силича Выповского, подьячего Никифора Коптева и торгового человека Семена Иванова. 1611, август // RA, NOA. Serie 1:63. С. 4–207.

¹⁶⁴ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов...

В ноябре 1611 г. Старая Русса была передана под прямое управление новгородского Дворца. Новым воеводой в Руссу был назначен сын боярский Водской пятины Герасим Арсеньевич (Янышев сын) Муравьев. К нему был прикомандирован дьяк Томила Сергеев. Так же, как ранее Копнин, именно на посту в Старой Руссе Томило Сергеев впервые назван в чине дьяка. Новый глава Дворцового приказа дьяк Пятой Григорьев приказал немедленно представить сведения о сметных доходах Руссы и уезда, исходя из известных доходов и расходов на 1608/09, 1609/10, 1610/11 и 1611/12 гг.¹⁶⁵ Однако к этому времени было закончено описание только старорусского посада и еще двух погостов, близлежащих к Руссе, — Петровского и Воскресенского¹⁶⁶. Тут же Луке Милославскому и его новому сотруднику, подьячему Ждану Медведеву, было послано строжайшее указание из Дворца — как можно быстрее дозировать погосты¹⁶⁷.

Дворец постоянно требовал от старорусских воевод поступления натуральных и денежных доходов, несмотря на то, что перепись посада и уезда шла медленно. В то же время, кроме дворцовых доходов, город и уезд должны были собирать корма для шведских войск, стоявших на дороге из Новгорода во Псков и Руссу — на Веряжском стане¹⁶⁸. Основной задачей тамошнего русского воеводы Тимофея Тыртова был сбор кормов с окрестных погостов и распределение его между шведскими солдатами. Если дьяк Пятой Григорьев постоянно требовал книг для проведения кормового сбора от старорусской администрации, то к нему самому с просьбами регулярно обращался Тыртов, которому также необходимо было собирать натуральные платежи для отряда, стоявшего на Веряжском стане. Он остро нуждался и в средствах распределения, к примеру в весах¹⁶⁹. Между подьячими, посылавшимися из Руссы в погосты для сбора дворцовых доходов, и кормовыми сборщиками, направлявшимися от русских воевод при шведских

¹⁶⁵ Челобитная (отписка) Пятого Григорьева старорусскому воеводе Г. А. Муравьеву и дьяку Т. Сергееву с сообщением о подчинении Старой Руссы и 11 старорусских погостов Дворцовому приказу и с требованием прислать в Дворцовый приказ роспись доходов, платившихся в Новгород в 117, 118, 119 и 120 гг. 1611, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 1; Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что дозор уезда и посада Старой Руссы еще не завершен, а также о том, что вскоре будут готовы сметные списки старорусских доходов и расходов за прежние 117, 118 и 119 гг. 1611, декабря после 9 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 21–23.

¹⁶⁶ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву Луки Милославского с товарищами о том, что дозор погостов старорусского уезда не закончен, и о скорой посылке росписи оброчных денег с этих погостов в Новгород. 1611, ноября после 5 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 2–3.

¹⁶⁷ Челобитная (отписка) Л. И. Милославскому и подьячему Ж. Медведеву из Дворцового приказа от дьяка Пятого Григорьева о скорейшей присылке в Новгород росписи окладных доходов со старорусских погостов на 120 год. 1611, ноябрь–декабрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 4–5.

¹⁶⁸ Память Ивану Степановичу Забелину и подьячему Василию Сытину о сборе кормов и денег за корма в Новгородском и Старорусском уездах на немецких людей, стоящих на Веряжском стане. 1611. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 24–26.

¹⁶⁹ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25.12. не присылали ему кормов, а собранный им самим корм он отдал немецким ратным людям на неделю, денег вместо кормов немецкие люди не берут, с просьбой прислать ему толмача и весы. 1611, декабря после 25 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 10–11.

гарнизонах, регулярно возникали споры, а необходимость регулярного предоставления корма солдатам диктовала определенную чрезвычайность в сборе. Надо заметить, что в 1611/12 г. за самоуправства в отношении крестьян Дворцовый приказ жестко взыскивал. Так, в январе 1612 г. разгорелось целое дело из-за взятых «сверх росписи» с крестьян Чертицкого погоста семь яловиц¹⁷⁰ — к Тыртову было отправлено укоризненное послание, но не от дьяка Григорьева, а от Делагарди и Одоевского¹⁷¹ с предписанием вернуть этих яловиц крестьянам.

Около 1 января 1612 г. Пятой Григорьев потребовал от старорусского воеводы Муравьева немедленно собрать с посада и уезда половину дворцовых денежных доходов, а вторую половину прислать в Новгород не позднее Мясного заговенья¹⁷². Обвиненные в промедлении со сборами воевода и дьяк оправдывались тем, что «крестьяне от литовских и воровских людей разбежались»¹⁷³. Дело действительно усугублялось тем, что зимой 1611/12 г. в южных погостах уезда, Коломенском и Офремовском, развернулись боевые действия¹⁷⁴.

К концу декабря 1611 г. Лука Милославский с товарищами смогли провести дозор только шести погостов уезда, платежную роспись которых они передали старорусским воеводам и кормовым сборщикам Веряжского стана. Но дозорных книг для южных погостов Старорусского уезда составить не удалось, так как, по отписке дозорщиков, тамошние крестьяне прятались от «воровских людей». «А волость Прутцко в Офремовском погосте за ворами за Сергушкою Пет[ро]вым с товарищи к Пусторжевскому уезду и некоторых податей не платит... к ним ис Старые Руссы давно не въезжают»¹⁷⁵. 12

¹⁷⁰ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что из-за неприсылки к нему кормов от кормовых сборщиков, он взял с Чертицкого погоста семь яловиц для немецких ратных людей. 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 13.

¹⁷¹ Челобитная (отписка) Тимофею Викуличу Тыртову от кн. Ивана Одоевского и дьяков Андрея Лысцова и Семена Лутохина с порицанием того, что тот взял в Чертицком погосте семь яловиц для немецких ратных людей с повелением доправить этих яловиц с погостов, с которых не платят кормов и о возвращении яловиц крестьянам Чертицкого погоста. 1611, декабрь // RA, NOA, serie 2:361. Л. 14.

¹⁷² Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева в Старую Руссу Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву о немедленном сборе половины денежных доходов со Старой Руссы посада и уезда и о сборе второй половины к Мясному заговенью. 1612, января около 1 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 38–39. Великий Мясопуст в 1612 году приходился на 16 февраля.

¹⁷³ Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о посылке в Новгород кормов с Дретенского, Снежского, Воскресенского и Черенчицкого погостов с рассыльщиком Михаилом Лизуновым. 1612, января между 1 и 17 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 40–41.

¹⁷⁴ Челобитная боярам и воеводам крестьян Коломенского погоста Старорусского уезда о том, чтобы не править с их погоста кормов и денег на корм из-за их разорения литовскими людьми и роспись крестьян Коломенского погоста побитых и взятых в плен литовскими людьми. 1612, января около 14 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 42–45.

¹⁷⁵ Челобитная (отписка) Луки Милославского с товарищами дьяку Пятому Григорьеву о том, что часть росписей они дали старорусскому воеводе Г. А. Муравьеву и кормовым сборщикам И. С. Забелину и В. Сытину, а часть, вскоре составив, также вышлют, однако южных погостов Старорусского уезда дозорных книг составить пока невозможно, так как крестьяне прячутся от воровских людей. 1611, декабря между 25 и 30 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 69–70.

января из Дворца последовало предписание: так как Л. Милославский и подьячий Ж. Медведев все еще не дали росписи на девять старорусских погостов, взыскать с Медведева причитающиеся оттуда деньги¹⁷⁶. В ответ 17 января в Руссу были представлены платежные документы по шести погостам, которые удалось описать¹⁷⁷.

После этого старорусским воеводам вновь было послано указание немедленно собирать деньги с погоста и уезда, «а боярским именем приказ есть, что велено кормы збирати, а оплошку правити на вас»¹⁷⁸. Такие упреки от Пятого Григорьева постоянно сыпались на воевод. Вот что он писал вскоре после 15 января о ссылках Муравьева и Сергеева на то, что крестьяне разбежались: «И вы пишете в своих отписках, не справясь хмелем, потому что хмелю не проспав, а новым нако... в приказ въезжаете, и отписок сами мало чтете, только что писать велите»¹⁷⁹

Я упомянул о настойчивости дьяка Пятого Григорьева в требованиях сбора дворцовых доходов со Старорусских посада и уезда. Однако сам дьяк 31 декабря 1611 г. подал челобитную об освобождении его собственного поместья в Старорусском уезде от всех кормовых сборов и платежей «немецким ратным людям»¹⁸⁰. Надо ли говорить, что решение по ней было вынесено положительное.

В конце января 1612 г. Г. А. Муравьев и Т. Сергеев были смещены. Новым воеводой в Руссу был назначен кн. Андрей Константинович Шаховской, удержавшийся на этой должности до ухода шведов из Руссы в 1617 г. Вначале его товарищами были назначены подьячий Ждан Медведев и гость Истома Демидов¹⁸¹, а к июлю 1612 г. — Федор Витовтов, переведенный сюда из Заонежских погостов и прослуживший в Руссе до января 1616 г., — времени, когда он перешел на сторону Москвы¹⁸². В феврале 1612 г. в

¹⁷⁶ Примечательно, что деньги предполагалось взыскать только с подьячего, Лука Милославский оставался вне взысканий.

¹⁷⁷ Челобитная (отписка) старорусского воеводы Г. А. Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что Лука Милославский и подьячий Ждан Медведев дали им роспись еще по шести погостам Старорусского уезда, в трех погостах они не смогли провести дозор из-за Смуты, а крестьяне уезда просят себе для сверки окладов список с дозорных книг, которые отосланы в Новгород. 1612, января после 17 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 22–23.

¹⁷⁸ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву о немедленном сборе кормов с посада Старой Руссы и с тех погостов, роспись на которые по новому дозору имеется. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 83.

¹⁷⁹ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томилу Сергееву о добросовестном исполнении поручений. 1612, января после 15 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 96–98.

¹⁸⁰ Грамота Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву от боярина и дьяков об освобождении от всех кормовых сборов и платежей немецким ратным людям поместья дьяка Пятого Григорьева. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 81–82.

¹⁸¹ Наказ от бояр и воевода кн. А. К. Шаховскому, гостю Истома Демидову и подьячему Ждану Медведеву ехать в Старую Руссу и принять дела у воеводы Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:363. Л. 1–3.

¹⁸² Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о присылке в Новгород недоплаченных денег со Старорусского посада и недоуезженного хлеба с погостов Старорусского уезда. 1612. 2.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 1–2; о переходе Ф. И. Витовтова на сторону Москвы: Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами

связи с продолжавшимся промедлением в сборе доходов в Руссу был послан подьячий Тороп Беляковский, которому было велено доправить 200 рублей денежных доходов, а остальное собирать постепенно¹⁸³.

После разгрома в феврале 1612 г. Руссы и уезда войсками А. Лисовского посадские и уездные люди стали бить челом о новом дозоре¹⁸⁴.

В марте 1612 г. по челобитным крестьян был предпринят обыск в тех погостах (Чертицком, Рамышевском), где за зиму 1611/12 г. произошла явная убыль населения в связи с разгоревшимися боевыми действиями. Эта работа была поручена сыну боярскому Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову¹⁸⁵. Одновременно им было поручено переписать крестьянское имущество, оставшееся в деревнях от умерших и беглых (никакого такого имущества Назимов и Харламов не нашли). Уже первый их отчет, посланный в Новгород, вызвал негативную реакцию Дворцового приказа. Дьяк Пятой Григорьев упрекал дозорщиков: «И то знатно, что вы тех погостов с старосты, и с целовалники, и со крестьяны, зговорясь меж себя заодно по посулом, хотели теми животы, и хлебом, и сеном меж себя завладети»¹⁸⁶. Работой Назимова и Харламова были недовольны не только в Новгороде, но и в уезде; в целом их обыск в 1612 г. расценивался как ложный¹⁸⁷.

Постоянные челобитные от старорусских воевод и от посадского и уездного населения в Новгород о том, что дозор Луки Милославского уже не соответствует действительности, и одновременно, потребность Дворца взыскать хоть какие-то деньги с Руссы при-

в Посольский приказ о выезде на государево имя Я. Боборыкина, У. Лупандина и Ф. Витовтова 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 1. Л. 321–323.

¹⁸³ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева кн. А. К. Шаховскому с товарищами о посылке в Старорусский уезд подьячего для сбора 200 рублей на немецких людей Илегана Самойлова с товарищами. 1612, февраль // RA, NOA. Serie 2:363. Л. 39–41.

¹⁸⁴ Челобитная боярам и воеводам от старорусского посадского старосты Богдана Федорова и от всего посада с жалобой на свое разорение и непомерное обременение платежами с просьбой о льготе. 1612, марта после 7 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 62–65; Челобитная боярам и воеводам верхнего волостного старосты Старорусских погостов Ивана Жилинского и всех крестьян о невозможности после разорения литовскими людьми платить корм по дозору Луки Милославского с просьбой о новом дозоре. 1612, марта // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 52–53.

¹⁸⁵ Память Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову об обыске в околорусских погостах о животах побитых и безвестно разошедшихся крестьян по наказу за приписью дьяка Пятого Григорьева 1612, марта // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 69; Обыск Ивана Осиповича Назимова и подьячего Федора Харламова в Чертицком погосте о том, сколько крестьян побили и в взяли в плен шведы и сколько от них осталось имущества. 1612. 12.03 // RA, NOA. Serie 2:360. Л. 1–2; Обыск Ивана Осиповича Назимова и подьячего Федора Харламова в Рамышевском погосте в Нижнем Конце о том, сколько крестьян побили и в взяли в плен шведы и сколько от них осталось имущества. 1612. 15.03 // RA, NOA. Serie 2:360. Л. 9–11.

¹⁸⁶ Память Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову о переписывании хлеба и всякого живота во дворах побитых и безвестно сошедших со своих участков крестьян вправду, а не по посулам. 1612. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 21–22.

¹⁸⁷ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову об отдаче участков, значащихся пустыми по дозору Ивана Назимова и подьячего Федора Харламова, их прежним владельцам, а действительно пустых — бьющих о них челом крестьянам и бобылям. Без окончания. 1612, июля после 1 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 12–13.

вели к решению 16 июля 1612 г. собрать с посада и уезда лишь две трети доходов, полагавшихся по дозорным книгам Луки Милославского¹⁸⁸. Чуть раньше, 3 июля 1612 г. власти предприняли еще одну попытку осуществить дозор Старорусского посада и уезда. Эта задача была поручена кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому и подьячему Семену Собакину¹⁸⁹, а старорусская администрация должна была выдать им списки с книг Милославского с товарищами¹⁹⁰. Был определен и корм новым дозорщикам. По приказу бояр и воевод было велено кн. Н. Мещерскому и подьячему С. Собакину «на день корму давати: по туши борана, по двое куров, по пяти частей говядины, по пяти хлебов двуденежных, луку да чесноку на две денги, а в рыбные дни давати рыбы против того ж»¹⁹¹.

Однако кн. Никифор Мещерский просил освободить его от поручения, ссылаясь на болезнь, после чего личным указом Делагарди было объявлено еще раз о сложении со Старорусских посада и уезда трети платежей по книгам Милославского и о дозоре ранее не описанных погостов Филоном Аничковым и Гаврилом Карцовым. Им же было поручено провести сыск о злоупотреблениях Ивана Назимова и Федора Харламова¹⁹². Однако выяснилось, что в Старой Руссе на момент посылки новых дозорщиков не было ни списка с книг Алексея Безобразова, ни списка с книг самого Луки Милославского, и тамошним воеводам нечего было дать Филону Аничкову для его нового дозора в качестве справочного материала¹⁹³.

Летом 1612 г. Лука Милославский был отозван из Старой Руссы и включен в состав новгородского посольства в Ярославль. Однако уже в сентябре ему вновь было поручено собирать денежные доходы со Старорусских посада и уезда по дозору Филона

¹⁸⁸ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о сборе со Старорусского посада и с околорусских погостов двух третей доходов, полагавшихся по дозорным книгам Луки Милославского. 1612. 16.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 15.

¹⁸⁹ Грамота от бояр и воевод кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому да подьячему Семену Собакину ехать в Старую Руссу и в погосты Старорусского уезда для составления нового дозора. 1612. 3.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 5–8.

¹⁹⁰ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о написании списка с дозорных книг Луки Милославского с товарищами для дозорщиков кн. Н. Я. Мещерского и подьячего С. Собакина. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 21.

¹⁹¹ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева старорусскому воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову об организации дачи кормов дозорщикам кн. Мещерскому и подьячему С. Собакину. 1612. 5.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 30.

¹⁹² Грамота от Якова Делагарди дьяку Пятому Григорьеву об отмене дозора Старорусского посада кн. Никифором Мещерским, о сложении со Старорусского посада и с уезда трети доходов, причитавшихся по дозору Луки Милославского и о посылке в те погосты, которые не были дозированы Милославским Филоном Аничковым и Гаврилом Карцовым. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 17–18.

¹⁹³ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от старорусского воеводы кн. А. К. Шаховского и подьячего Ф. Витовтова о том, что в Старой Руссе нет ни списка с книг Алексея Безобразова, ни списка с книг самого Луки Милославского и им нечего дать Филону Аничкову для

Аничкова, в целом завершеному в сентябре¹⁹⁴. Милославский сразу же вступил в конфликт с воеводой кн. Шаховским и Федором Витовтовым и пожаловался в Новгород на их недостаточное усердие в сборе доходов. Те же отвечали новгородским властям: «Говорил нам Лука Милославской, что велел ему ты, Яков Пунтосович, говорити нам, что мы твоево приказу и грамот ваших боярских не слушаем, и ни о каких делах не радеем, и денежных доходов не збираем, и ты в том с нами управижься, и мы, Яков Пунтосович, твоево слова никакова не ослышаемся, и по вашему боярскому указу о всяких делах промышляем с раденьем и грамот ваших боярских слушаем»¹⁹⁵. Результатом доноса Милославского было указание Делаярди доправить 40 недоимочных рублей на старорусских воеводах.

Более поздние документы о взаимоотношениях новгородского Дворцового приказа и Старорусской приказной избы разрознены. Известно лишь, что результатами дозора старорусских погостов Филона Аничкова пользовались до августа 1614 г., когда после жестокого столкновения с москвичами под Руссой и Рамышевским острожком дозировать старорусские погосты были посланы Иван Григорьевич Баранов¹⁹⁶ и вновь Лука Иванович Милославский¹⁹⁷. В марте 1615 г. новыми старорусскими дозорщиками были назначены Григорий Никитич Муравьев и подьячий Семен Шустов¹⁹⁸. В 1613 г. хлебный сбор по росписям дозоров Филона Аничкова и Луки Милославского поочередно проводили Степан Фомич Тимашев и Петр Андреевич Ногин (оба — псковские дети боярские, еще в 1609 г. оказавшиеся на новгородской службе)¹⁹⁹.

Отмечу особую сохранность документации, «сопровождающей» дозорные книги Старорусского уезда. Внимательное отношение Новгородского Дворца к достоверности сведений о территориях, Дворцом управлявшихся, проявилось, в частности, в составлении особого списка лиц, засвидетельствовавших дозоры 1613–1614 гг. — погостских

его нового дозора, с просьбой прислать такие списки из Новгорода в Руссу. 1612, июля до 12 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 46–47.

¹⁹⁴ Отписка П. Григорьева кн. А. К. Шаховскому о том, чтобы поторопить Филона Аничкова с отдачей дозорных книг. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 10.

¹⁹⁵ Отписка старорусских воевод в Новгород в ответ на обвинения в их адрес Луки Милославского. 1612, сентября до 6 // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 73–74.

¹⁹⁶ Дозорные книги Снежского, Дретенского, Лосского, Должинского погостов дозору Ивана Григорьевича Баранова с товарищами. 1614 // RA, NOA. Serie 1:29.

¹⁹⁷ Дозорные книги Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского и Офремовского погостов Старорусского уезда письма и дозора Луки Милославского и подьячего Ивана Заденского. 1614 // RA, NOA. Serie 1:106.

¹⁹⁸ Дозорная книга Старорусского уезда дозора Григория Никитича Муравьева да подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA, NOA. Serie 1:7; Отписка Э. Горна и кн. И. Н. Большого Одоевского в Старую Руссу о посылке в старорусские погосты Григория Муравьева и подьячего Семейки Шустова. 1615. 11.05 // RA, NOA. Serie 2: 77. Л. 95–96.

¹⁹⁹ Отписка Петра Ногина Якову Делаярди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548.

священников и старост²⁰⁰. Вполне возможно, что сходные документы составлялись и Поместной избой, однако таковые не сохранились.

Предполагаю, что столь интенсивное описание Старорусского уезда, тщательная фиксация всех изменений, происходивших в этой пограничной со Ржевой Пустой зоне в течение 1611–1616 г., связана с тем, что и город и уезд находились в ведении наиболее правильно управлявшегося учреждения — Новгородского дворца. Это же относится и к другим дворцовым владениям Новгородской земли — дворцовым селам Ракому, Тесову, Королеву и Трясову, Коростынскому погосту с присельями.

Вотчинные писцовые книги, составлявшиеся крупными землевладельцами в 1611–1617 гг., не известны²⁰¹. Дозоры софийских и монастырских вотчин в 1611–1617 гг. проводились только государственными ведомствами.

Отдельные, обыскные, отписные и платежные книги

Писцовые, переписные и дозорные описания Новгорода и новгородских пятин, как было показано выше, дополнялись текущими документами Поместной избы — отдельными, обыскными и отписными книгами. Если в 1610–1616 гг. эти книги оставались в новгородском Поместном приказе, то в более раннее и более позднее время они отправлялись в Поместный приказ в Москве. В отличие от писцовых и дозорных книг, составлявшихся как регулярное описание определенной территории (пятины, половины пятины, определенной категории земель, к примеру дворцовых сел) комиссией из служилых людей и подьячих, обыскные, отдельные и отписные книги составлялись при решении конкретных вопросов о поместном владении, в рамках дела о поместье. После принятия в Новгороде решения о поместной даче, получивший в пятине отдельную грамоту губной староста или неслуживый сын боярский (реже подьячий, недельщик, губной целовальник) должен был взять в понятия священнослужителя и окрестных крестьян, выехать на место отделяемого поместья, проверить верность показаний соискателя поместья²⁰², провести обыск, отделить искомое поместье и составить отдельные книги. В случае, если по приговору поместье делилось между несколькими соискателями, то отдельщик должен был разделить поместье согласно четвертной норме, указанной в отдельной грамоте и приговоре, причем соотношение жилых и пустых четвертей в частях поместья должно было быть пропорционально номинальному размеру поместной дачи. Именно этот вопрос чаще всего вызывал взаимные претензии соискателей поместий после раздела. Неравный раздел «пустого»

²⁰⁰ Роспись свидетелям Старорусского уезда, которые были взяты для дозора выморочного и новосведенного и отписного хлеба Алексеем Колычевым, Лукою Милославским и Иваном Барановым // RA, NOA. Serie 2:70.

²⁰¹ Думается, что такие книги могли бы быть составлены как для Софийских вотчин (впрочем, к 1613 году значительная часть вотчин оказалась недоступна Новгородскому Софийскому дому, так как находилась в Обонежской пятине), так и для крупных владений, например для принадлежавшего кн. И. Н. Большому Одоевскому Славитинского погоста.

²⁰² На деле верность показаний проверялась лишь в спорных случаях. Как правило, в реальном делопроизводстве этот этап пропусклся.

и «жилого» после подачи соискателями соответствующей челобитной приводил к указу о переделе поместья. Если размер делимого поместья был выше, чем номинальные размеры поместных дач соискателей, содержащиеся в приговоре и поместной грамоте, то остаток поместья отписывался на государя — составлялись специальные отписные книги.

Впервые на существование этого комплекса документов обратил внимание Д. Я. Самоквасов. Им же были опубликованы достаточно большие фрагменты сборников таких книг из собрания Московского архива Министерства юстиции. Впрочем, публикация Д. Я. Самоквасова, которая до сих пор часто используется исследователями, была совершена выборочно, так как целью публикации было проиллюстрировать мысли ученого о специфике поместного делопроизводства.

Ценность этого типа источников была подчеркнута Т. И. Осьминским, В. М. Романовским и А. Л. Шапиро в работе 1976 г. и Г. А. Победимовой в 1981 г.²⁰³ В отличие от регулярных описаний пятин, в этих источниках содержится значительно больше биографических сведений: о составе семей помещиков и их судьбах, об отделищике. Скрепки священников и подписи дьячков, имена других лиц, участвовавших в составлении и удостоверении книг, также представляют большой интерес. Иногда при описании поместной дачи подробно описывается усадище — большой двор, где жил прежний помещик и где предстояло жить следующему помещику. Впрочем, не стоит переоценивать достоверность этих источников. В ряде случаев можно утверждать, что отделищики не выезжали на местность, а составляли книги, прежде всего отдельные, на губном стане. Не все территории Новгородской земли были в равной степени безопасны и доступны. Иногда в тексте отдельных книг содержатся прямые указания на то, что отделищик не поехал на место, потому что там находятся «воровские люди»²⁰⁴.

В работе современного исследователя М. Ю. Зенченко высказаны плодотворные предположения о формировании комплекса сборников бывшего Вотчинного архива и указано на исключительную ценность этих источников, но главное — поставлен вопрос о необходимости полного описания всего комплекса документов, насчитывающего несколько тысяч книг, объемом в среднем от 1000 до 2000 листов²⁰⁵. Обыскные книги входящие в 3-ю опись, упоминая об окладах новгородских служилых людей, дают возможность реконструировать более ранние десяти и служилые списки.

Содержание книги начиналось с преамбулы, где пересказывалось содержание отдельной грамоты — наказа отделищнику: по чьему указу, по чьему наказу, по выписи

²⁰³ Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // ВИД. Т. 7. Л., 1976; Победимова Г. А. Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. 12. 1981. С. 47–60.

²⁰⁴ Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311.

из писцовых книг за приписью каких дьяков осуществлялся обыск/отдел, какому служилому человеку из чьего поместья отделялась новая дача. Далее перечислялись имена понятых. В случае обыска пересказывалась речь понятых, в случае отдела констатировалось, что отдел той или иной дачи осуществлялся при таких-то понятых. Писцами отдельных, обыскных и отписных книг чаще всего выступали местные церковные дьячки, несколько реже — земские дьячки соответствующей половины пятины. Подлинные обыскные, отдельные и отписные книги на месте скреплялись по нижнему полю священниками, а также, как правило, отдельщиками и отсылались в Новгород, где их скреплял по правому полю дьяк Поместного приказа. Чаще всего в момент подачи отдельных книг в Новгороде на них ставилась помета о том, когда они поступили, и иногда о том, кто подал их в Поместный приказ. В дальнейшем обыскные, отдельные и отписные книги сплетались в тома по пятинам и годам составления и использовались подьячими Поместного приказа для написания справок при возбуждении новых дел о поместьях. Это было, вероятно, трудоемкой работой, с чем, впрочем, опытные подьячие легко справлялись.

В архиве Новгородской приказной избы сохранилось несколько сотен отдельных и обыскных книг. Большая их часть сплетена в сборники по пятинам и годам обысков и отделов. Некоторое число представляет собой непереpletенные тетради (см. приложение 1. 6). Огромное большинство этих документов относится к 1611/12–1613/14 гг., когда велась и значительная часть поместных дел. Отличие обысков, отделов и отписок поместных дач в рассматриваемый период от тех, что проводились в предшествующие годы, невелико. Заключается оно в первую очередь в том, что подлинные книги посылались в 1610–1616 гг. не в Поместный приказ в Москве, а в новгородское учреждение с тем же названием. Разумеется, отличалась и преамбула книг: со второй половины весны 1611 г. книги составлялись не по указу царствующего государя, а по указу «Московского государства бояр», а со второй половины июля 1611 г. — по указу «Новгородского государства бояр и воевод». Кроме того, мною привлечены сборники отдельных книг за 1582–1601 гг., хранящиеся в фонде 1209 РГАДА²⁰⁶.

Подчас отдельщики поступали недобросовестно. Если отделяемое поместье находилось в двух отдаленных частях Новгородской земли, далеко не всегда можно утверждать, что отдельщик побывал в обеих частях. Поясню примером.

После Ливонской войны в 1584 г. в поместную раздачу поступило несколько дворцовых волостей: Хрепельская дворцовая волость в Хрепельском погосте, Бельская волость и волость Василия Онаньина в Будковском погосте (все три — Водская пятина) и Прибужская волость в Шелонской пятине, неподалеку от Гдова. Часть помещиков — владельцев этих волостей, к 1614 г. умерла, часть «отъехала» из Новгорода, и на их поместья в обеих пятинах появились претенденты.

²⁰⁵ *Зенченко М. Ю.* Сборники писцовых документов в фондах РГАДА: проблемы изучения // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002. С. 127–133.

²⁰⁶ Документы 16942, 16936, 16935, 19933, 16932, 16931, 16960.

Так, в декабре (или чуть ранее) 1612 г. скончался сын боярский Водской пятины Афанасий Васильев сын Неелов, владевший поместьями в Будковском и Прибужском погостах. Бояре и воеводы приговорили дать отцовское поместье сыну Афанасия Неелова, Василию. Грамоту на отдел поместья в Прибужском и Будковском погостах Василию Афанасьеву сыну Неелову получил неслуживый сын боярский Постник Петряшев (скорее всего, сосед Неелова по поместью)²⁰⁷. В качестве понятого был призван иеромонах Троицкого Верхутина монастыря, расположенного в Будковском погосте, Исая. 20 декабря 1612 г. был начат и завершен отдел поместья В. А. Неелову; однако несомненно, что в тот же день П. Петряшев не мог успеть съездить в Прибужский погост, находившийся почти в 200 верстах от Будкова. Для отдела поместья он явно воспользовался сведениями, вписанными в отдельную грамоту подьячими Поместного приказа в Новгороде²⁰⁸.

Однако редкие случаи недобросовестности посланных для отдела детей боярских и подьячих не умаляют ценности отдельных и обыскных книг как источника. Сопоставление наказа отдельщику/обыщику с текстом отдела/обыска всегда позволяет сказать, осуществлялась ли процедура с выездом на место или проводилась на губном стане²⁰⁹. Несовпадающая с наказом информация — вот, собственно, наиболее ценное содержание этого рода источников.

Многу использованы также платежные книги рубежа XVI–XVII вв. Платежные книги, составлявшиеся для взимания регулярных или чрезвычайных платежей с поместных земель, заслуживают того, чтобы несколько подробнее на них остановиться. Эти книги — результат работы губных старост в своих округах над взиманием платежей с поместных (реже — церковных и монастырских) земель. Перед началом работы губным старостам выдавалась роспись поместий по погостам, на основе существовавших писцовых или дозорных книг. Пользуясь этими росписями, губные старосты осуществляли сбор денег, фиксируя в платежных книгах уплаченные или не уплаченные суммы. В большинстве случаев, если владелец поместья к моменту сбора денег менялся, в книгах отмечался новый владелец. Самыми ранними из привлеченных мною платежных книг являются составленные около 1585/86 г., то есть через три года после валового описания 1581/82–1582/83 гг. В них упомянуты представители старшего поколения новгородцев, живших и действовавших в годы Смуты. Сохранились платежные книги денег, собиравшихся в 1601/02 и 1607/08 гг. с поместий служилых людей на прогоны ямским

²⁰⁷ Им в 1612 г. был сын Постника, Федор Петряшев (Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 90)..

²⁰⁸ Обыск неслуживым сыном боярским Водской пятины Постником Петряшевым поместья Афанасья Васильева сына Неелова в Будковском погосте Водской пятины и в Прибужской волости. 1612. 20.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 1–5 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 320).

²⁰⁹ Полагаю, это было понятно и новгородским дьякам начала XVII века, в частности, Андрею Лыцкову, скрепившему вышеупомянутые отдельные книги Постника Петряшева.

охотникам, а с поместий вдов и недорослей — на стрелецких лошадях²¹⁰. Однако считать, что упомянутые в этих книгах помещики жили и активно действовали в момент их составления, не приходится. В ряде случаев губные старосты не отмечали в платежных книгах, что у поместья появился новый владелец, а писали имя того владельца, который был указан в их росписи. В таких случаях в качестве владельца поместья мог быть упомянут давно умерший человек²¹¹. Однако не стоит преуменьшать значения платежных книг как источника. К примеру, в книгах 1607/08 г., фрагментами опубликованных Д. Я. Самоквасовым, содержатся упоминания о службе некоторых детей боярских под Тулой (скорее меньшинства из них). Важнейшая информация платежных книг для данного исследования заключается именно в пометах губных старост о некоторых дополнительных обстоятельствах службы новгородцев, а не в перечне владельцев, взятых при составлении платежниц в других источниках.

Дела о поместьях

Самой многочисленной группой дел архива Новгородской приказной избы являются дела о поместьях. Мне удалось выявить 163 таких дела, самое раннее из которых относится к марту 1591 г., а позднейшее — к июлю 1616 г., семь дел не имеют даты. Надо думать, что верхняя граница здесь не случайна. Видимо, активное делопроизводство по поместным делам в последние месяцы шведской власти в Новгороде прекратилось.

²¹⁰ Мне неясно, зачем стрельцам лошади, но платеж именовался именно так.

²¹¹ Так, в платежной книге Корельской половины Водской пятины 1607 г. в качестве владельца поместья в Хрепельском погосте упомянут Яков Кобылин (Платежные книги денег на прогоны ямским охотникам Водской пятины Полужской половины губных старост Ивана Пушкина и Михаила Неелова. 1607, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 84 об.). Известно, что Яков Кобылин скончался уже около 1593 г., оставив бездетной жену Анну (Обыск губного старосты Селиверста Зиновьева в Успенском Хрепельском погосте о крестьянах, живших в поместье Якова Кобылина, по челобитным Ивана Самарина и Ульяны, вдовы Михаила Краснослепова. 1598. 24.10 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 44–47). Более того, его вдова Анна, дочь Андрея Тушина и сестра Петра Андреева сына Тушина сама скончалась в 1599/1600 г. и ее прожиточное поместье отошло тогда же к З. И. Долгово-Сабурову (Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрёва сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54). Можно быть также уверенным в том, что в качестве приправочной книги для платежниц 1606/07 г. использовались платежницы 1601/02 г. Об этом свидетельствуют совпадающие в обеих книгах, чье составление разделено несколькими годами, указание на прежнего владельца как на недавнего. Так, в Водской пятине к весне 1602 г. прежним поместьем Федора Косицкого владели Никита Григорьев сын Назимов и Иван Картмазов (Книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин, присудных и оброчных денег с сох и с рядка Клеток в Ижерском погосте, поральских денег наместнича дохода с Водосской волости и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Корельской половины губного старосты Бориса Вельяшева. 1602, апреля до 21 // РГАДА, ф. 1209, д. 16964, л. 47 об.). Согласно платежной книге Водской пятины 1607 г. Никите Григорьеву Назимову и Ивану Картмазову недавно было отделено поместье Федора Косицкого (Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Водской пятины Корельской половины сбора губных старост Кузьмы Бровцына да Матвея Кушелева 1607/08 // РГАДА, ф. 1209, д. 16662, л. 205 об.).

Поместные дела распределяются по хронологическим периодам следующим образом²¹²:

1591– лето 1605	лето 1605– лето 1606	лето 1606– лето 1610	лето 1610– лето 1611	лето 1611– 1611/12	1612/13	1613/14	1614/15	1615/16	Всего
6	2	9	11	26	55	34	11	2	163

Дела о поместьях заслуживают того, чтобы более подробно остановиться на их составе. Ведение дела Новгородским поместным приказом начиналось после подачи челобитной соискателем поместья. Челобитная адресовалась действующему правительству (до июля 1611 г. тому или другому царю, с июля 1611 г. — Новгородского и Московского государства боярам, с конца 1611 г. — «государю королевичу Карлусу Филиппу Карлусовичу», либо боярам и воеводам «Якову Пунтосовичу Делегарду» (в 1614 г. — «Эвергорну Карлусовичу») и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому). После того как дьяк Поместного приказа помечал на челобитной «записать», она принималась к рассмотрению в Приказе. Поместный приказ запрашивал в Разряде выписку из десяти и дачных книг об окладе служилого человека и справлялся в отдельных книгах о наличном поместье соискателя или отсутствии такового. Рассматривались и аргументы соискателя, почему он претендует на поместье. Это могли быть:

- 1) родство или свойство с прежним владельцем;
- 2) отсутствие поместья у соискателя, его бедность и невозможность прокормиться, либо несоответствие наличного поместья заслуженному окладу, либо невозможность владеть поместьем по причине того, что новгородское правительство не контролирует территории, на которых это поместье расположено (иногда — соседняя пятина, иногда — дальние города Вязьма, Курск и проч.)²¹³;

²¹² Дела могли вестись и/или возобновляться в течение месяцев и лет, поэтому приведенная в таблице классификация весьма условна. За дату дела принято время его возбуждения. При этом решений по поместным делам, принятым новгородскими властями после июля 1616 г. не зафиксировано.

²¹³ Вопрос о стратегии формулировок петиций (челобитных) достаточно подробно разработан в историографии. Кризисное состояние Новгорода в годы Смуты, голод и нужда, преследовавшие новгородцев всех сословий в 1611-1617 гг. отчасти роднят предмет моего исследования с Лондоном начала XIX в., проблему бедности в котором исследовал Т. Зоколл. Прошения о вспомоществовании, направлявшиеся лондонскими бедняками в свои родные приходы, исследуемые Зоколлом напоминают челобитные новгородцев о хлебных и денежных дачах в начале XVII в. Они столь же наполнены стереотипами (как и в Новгороде, в текстах прошений лондонцев встречаются устойчивые обороты наподобие: «горькая вдова» и проч.). Эти прошения, как и новгородские челобитные также редко написаны самими просителями. Два типа документов сближает также то, что их авторы практически всегда были уверены в удовлетворении своих просьб (Зоколл Т. Добыча пропитания путем переговоров: прошения о вспомоществовании от эссекских бедняков из Лондона (1800-1834) // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 223-259). Разные стратегии составления петиций о приеме на службу в немецких городах XVI-XVII вв. подробно рассмотрены в исследова-

3) измена прежнего владельца действующему новгородскому правительству.

В простых случаях — при отсутствии прежнего владельца или иных соискателей поместье присуждалось претендовавшему на него служилому человеку. Важным условием было личное присутствие в суде соискателя поместья или его доверенного лица — и подьячий фиксировал, повторил ли тот «у выписки» то, что написано в челобитной. Далее следовал боярский приговор, скрепленный подписями и печатями, после чего губному старосте или неслуживому сыну боярскому в соответствующей пятине выписывалась грамота об обыске (вероятно, формальном) на месте о справедливости претензий соискателя и, в случае подтверждения данных, об отделе соискателю искомого поместья.

Впрочем, простых случаев было немного. Населенных крестьянами поместий почти не было, особенно с 1613/14 г., и борьба за них шла жесткая. Претензии соискателя поместья могли быть оспорены путем подачи челобитной и записи ее в приказе.

Оспаривающий претендент, как правило, указывал:

- 1) свое более близкое родство с прежним владельцем поместья;
- 2) свое более бедственное положение;
- 3) сокрытие первым соискателем наличной поместной дачи;
- 4) наличие у первого соискателя какого-то поместья и его полное отсутствие у себя;
- 5) измену первого соискателя.

Разумеется, этим перечнем аргументы не исчерпывались, и большинство случаев было сложнее. Особым образом дело обстояло с выделением прожиточных поместий вдовам. Одинокая вдова или девка-сирота в 1611–1616 гг. могла претендовать на 50 четвертей поместья мужа или соответственно отца. На каждого ребенка, независимо от пола, полагалось еще 50 четвертей, в том случае, если он не служил или вскоре не «поспевал» на службу (в последних случаях за вдовой с таким сыном могли записать мужнино поместье полностью). Часто служба не давала возможности присутствовать на разбирательстве дела. В 1612 г. появилась практика записывать поместья «в пожить»: устанавливалась своеобразная очередь за поместьем. Боярским приговором определялся будущий владелец поместья, который должен был вступить во владение после смерти владельца настоящего. Разумеется, все это порождало множество

нии К.А.Левинсона (*Левинсон К. А.* Бюрократия немецкого города XVI-XVII вв. М., 2000). Ученый отмечал, что при подаче петиций важной квалификационной характеристикой были потребности просителя; встречаются заявления о приеме на службу, где этот аргумент является единственным. Левинсон объясняет это патерналистской концепцией государственной власти. Удовлетворение просьб подданных, независимо от того, насколько они были подкреплены ссылками на закон, традицию или договор, представлялось делом доброй воли властей, «милостью, а не правом» (Там же. С. 91-94, 61). Важной особенностью немецких петиций, на которую обращает внимание К. А. Левинсон, является то, что в кругу представлений просителя се-

злоупотреблений, включая фиктивные беременности и браки. Подчас приговор был подписан боярами, отдельная грамота отправлена в пятину, но тамошнее должностное лицо по какой-то причине не отделяло поместья. Если в Новгород не присылались отдельные книги, то новый претендент мог подать челобитную о своей претензии на данное поместье. Все это происходило на фоне непрерывных военных действий и колебания пределов территории, на которую распространялась власть новгородского правительства²¹⁴.

Далеко не все дела сохранили полностью свои составные части. Иногда в деле присутствует только челобитная и выписка без приговора, известны отдельные челобитные, подписанные, но, возможно, не рассмотренные, и т. д.

Продолжалось дело о поместье уже в пятине, где составлялись обыски о достоверности челобитной (как правило, формальные), осуществлялся отдел поместья соискателю или соискателям. Если наличествовал излишек сверх присужденных приговором поместных дач, он отписывался на государя. Эти процедуры фиксировались в специальных обыскных, отдельных и отписных книгах, о которых было сказано выше. На основании комплексов отдельных и обыскных книг можно с уверенностью говорить о том, что в рассматриваемый период число дел о поместье существенно превышало 163.

Дела о поместьях — богатый источник информации о разных сторонах жизни новгородского служилого люда. Челобитные, будучи написаны профессиональными писцами, отражают тем не менее накал страстей в городе и рисуют служилого человека в состоянии непрерывного поиска поместной дачи. Справки Разряда и Поместного приказа характеризуют высокое качество приказной работы²¹⁵; эти справки обязательно сопровождаются автографом составлявшего их подьячего. «Выписка» — личный расспрос соискателей в приказе фиксирует если не прямую речь соискателей, то близкий пересказ ее подьячим. Далеко не всегда выписка соответствовала содержанию челобитной. В делах о поместьях содержится также важная информация о родстве и свойстве служилых людей, числе их браков, количестве детей и проч.

Кроме собственно информации о выполнении поручения тем или иным подьячим, ценным источником являются скрепы, оставленные на поместных делах дьяками и подья-

мья занимала значительно большее место, чем войны, катастрофы и прочие внешние невзгоды (Там же. С. 25).

²¹⁴ Надо сказать, что практика «приискивания» поместий самими помещиками будоражила низменные инстинкты служилых людей не только в Смутное время. Типологически сходная ситуация была описана А. С. Пушкиным в незаконченной повести «Дубровский», главный герой которой, судя по фамилии, также был из псковских или новгородских дворян. Подьячие, приезжающие к Андрею Гавриловичу Дубровскому, именно «отписывают» его поместье; впрочем, они руководствуются Соборным уложением 1649 г., которого в годы Смуты еще не существовало.

²¹⁵ Возможно даже на основе анализа дел о поместьях примерно определить фонд архивных документов, каковым пользовались подьячие Поместного приказа и Разряда для определения поместных окладов и наличных дач. Эта задача еще ждет своего решения.

чими, записи о сделанных справках, росписи жалованья, заголовки книг и проч. Так, подьячий Константин (Костя) Петров сын Лазарев, начав свою службу еще около 1601/02 г.²¹⁶, оставил запись на деле, составленном в 1624 г.²¹⁷

Книги сбора судной пошлины

Рассматривая выше следственные дела, которые велись в Новгороде в годы Смуты, я привел их сравнительно небольшое число. Полагаю, что значительное количество материалов мелких уголовных и гражданских дел, ведшихся в Новгороде, не сохранилось, а возможно и не сохранялось. Однако характер и номенклатура этих дел достаточно полно отразились в еще одном типе источников — книгах записи о сборе судной пошлины. Таких книг в архиве Новгородской приказной избы сохранилось четыре (см. Приложение 1. 8). Н. Б. Безус досконально изучила эти памятники, привлекая сравнительно широкий круг аналогичных источников из актовых книг Новгородского Софийского дома (СПБII. Кол. 2. Оп. 1), в первую очередь опубликованных²¹⁸. Судебная тяжба отражается в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксируется дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины. Отмечается также, было ли завершено дело; в случае рассмотрения дел прошлого года это обстоятельство указывается; если истец был освобожден от уплаты пошлины по своей челобитной «для бедности», это также отмечается. Особый интерес этот тип источников представляет и тем, что книги сохранили имена тяжущихся новгородцев, предметы их тяжб, а также имена новгородских судей. В них хранятся достаточно яркие биографические подробности. Так, в итоговой записи книги сбора судной пошлины за 1613/14 г. обозначено, что среди других вещей в Судной избе осталась «поличная» шапка «Григория Милославского, что имался у Федора у Лихарева». По поводу оставшихся «поличных» вещей было запрошено правительство. В ответ на запрос из Разряда была прислана память за приписью дьяка Семена Лутохина, «а велено которые поличные залежались прошлых лет и нынешнего 122 году, а истцов тем нет, и то поличное велено, оцени, продавати»²¹⁹.

Судебные дела

Сравнительно небольшое место в составе архива Новгородской приказной избы занимают собственно судебные дела. Приведу общую классификацию таких дел.

²¹⁶ Выписка по челобитной подьячего Петра Лазарева о даче на оброк земли под пашню из порозжих земель Шелонской пятины. 1601/02 // RA, NOA. Serie 2:308. Л. 3–5

²¹⁷ Память откупщику волостелина дохода в Ладожском пороге Якову Шипулину о том, чтобы не брать пошлину с новгородского посадского человека Григория Черного, посланного новгородским митрополитом Макарием в Ладожское озеро на Птинов остров для соления 7 бочек рыбы ладоги. 1624, сентябрь после 28 // СПБII. Кол. 183. Карт. 1. Д. 54.

²¹⁸ Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы науч.-практ. семинара 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 93–98.

²¹⁹ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 116–117

Особой группой являются **дела о государственных преступлениях (измены, непристойные речи и связь с политическими противниками)**. Таких дел в архиве чрезвычайно мало. В январе 1613 г. было начато крупное разбирательство в связи с выявленной контрабандной торговлей крестьян Старорусского уезда с соседними районами Псковской земли²²⁰. Надо сказать, что именно в это время серьезных боевых действий между Новгородом и Псковом не велось, и вполне естественным стремлением местных жителей было наладить нормальные взаимоотношения между приграничными сельскими территориями. Однако на крестьян поступил извет, в котором, в частности, говорилось, что ведущие торговлю «волостные люди то таят и в городех воеводам и приказным людям не объявлявают, а велено то беречь накрепко, что псковичам товаров никаких продавать не велено, что псковичи с Новгородским государством ныне не соединены...»²²¹. В результате хранившийся в волости товар был конфискован, а уличенные в торговле крестьяне биты кнутом. Характерно, что сельские священники, свидетельствовавшие ложные показания крестьян, первоначально отпиравшихся от обвинений в торговле, наказания не понесли, «потому в роспросе они сказали, что к обыском прикладывали руки оне не ведая, и та вина вся на волосных людех, попы знают церковь Божью, и ведают то, что им скажут, волостные люди правды им не сказали»²²².

Измена Новгородскому государству в 1611–1616 гг., как правило, рассматривалась в рамках поместных или иных имущественных споров; в 4 главе я вновь вернусь к рассмотрению этого вопроса. Однако массовые отъезды новгородцев начались с середины лета 1613 г. Первый такой отъезд новгородцев — Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского — расследовался в рамках особого дела. Остальные дела этой группы также связаны со взаимоотношениями новгородцев с «изменниками» (два дела), а также с «непристойными речами» новгородских посадских людей, сказанными по неосторожности или в запальчивости (два дела). К этой же группе примыкают **дела военно-политические** — допросы новгородцев, обладающих информацией о действиях противостоявших Новгороду военных сторон, в первую очередь москвичей (см. приложение 1.2).

Более полутора десятков дел относятся к чисто уголовным. Самое раннее из них, случайно сохранившееся в архиве (на его обороте было начато ведение нового дела), касается расхищения церковной казны церкви Троицы в Паозерье, близ Новгорода. Еще одно дело об ограблении новгородской Козмодемьянской церкви было заведено в апреле 1615 г. Примечательно также дело об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами старца Леохнова монастыря близ Старой Руссы. Два дела связаны с «воровством», а точнее — с преступным поведением новгородцев — посадского человека Дени-

²²⁰ Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами 13.01.1613 – январь 1615 // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.

²²¹ Там же. Л. 2.

²²² Там же. Л. 54.

са Сапожника и девки Дуньки, дочери старосты дворцового села Тесова Титка Романова. В августе 1614 г. расследовалось также дело о разгроме крестьянами судна, шедшего вниз по Волхову с большим грузом ржи. Еще одно дело — об ограблении новгородского стада в сентябре 1616 г. — примечательно тем, что судившие его воеводы Сванте Банер и Ганс Бойе (а точнее — готовившие им для суда вопрос подьячие) не могли найти ни законодательного памятника, ни прецедента для установления ответственности виновников и обратились за советом к самым авторитетным новгородцам — кн. И. А. Мещерскому, Г. Н. и М. Ш. Муравьевым и А. Т. Ногину. Остальные дела этой группы не заслуживают отдельного упоминания (см. приложение 1.2). Особой подгруппой здесь я выделил **дела о расхищении и/или присвоении денежной и хлебной казны и иных злоупотреблениях властью должностными лицами**. Сохранилась, вероятно, лишь малая толика дел такого рода из заведенных в Новгороде в 1611–1617 гг.: мне удалось выявить всего четыре таких дела.

Последняя рассматриваемая здесь группа дел — это **дела по изветным челобитным новгородских служилых людей** друг на друга. Самое известное из них — следственное дело между дьяками Иваном Тимофеевым и Пятым Григорьевым²²³. К нему было присоединено дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. В судебной практике Новгорода того времени это дело стоит особняком, так как касается взаимоотношений в высшем руководстве города.

К этой же группе относится судебный спор двух новгородских подьячих, Третьяка Башмакова и Константина Петрова сына Лазарева в марте 1615 г., в ходе которого выяснилось, что последний, будучи справедливо обвиненным в присвоении государевой ржи, был ограблен на Ивангородской дороге по пути с места службы в Новгород новгородскими детьми боярскими, отъехавшими из Новгорода, но вернувшимися в район своих бывших поместий.

Еще два дела связаны с деятельностью Никиты Матвеевича Зиновьева, воеводы Зарецкого острожка, бывшего сподвижника Лжедмитрия III, присвоившего, видимо, часть казны последнего. В течение 1615–1616 гг. он был дважды обвинен своими недоброжелателями, Федором Одинцовым и Иваном Тырковым, в злоупотреблениях при управлении прилегавшей к Зарецкому острогу территорией. В приложении 1.2 перечислены все выявленные в архиве следственные дела.

Переписные книги имущества

Еще одной категорией источников этого периода являются оценные и продажные списки имущества умерших и отъехавших из Новгорода лиц, сохранившиеся как в архиве Новгородской приказной избы, так и в других архивохранилищах.

²²³ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 454–472.

Хронологический перечень таких документов открывается описью имущества несчастного М. И. Татищева, составленной вскоре после его гибели (незадолго до 14 октября 1608 г.²²⁴) и опубликованной в 1850 г.²²⁵ Наиболее ярко оценил значение этого источника Ю. В. Татищев²²⁶. Историк ставил себе целью отказаться от идеализированного образа кн. М. В. Скопина-Шуйского в пользу оправдания своего предка. Ему это удалось: отметки о продаже и ином распределении имущества покойного М. И. Татищева говорят о прямой материальной выгоде, которую извлекли бояре кн. М. В. Скопин-Шуйский и кн. А. П. Куракин, равно как и московские дворяне, оказавшиеся в Новгороде со Скопиным. Важно, впрочем, подчеркнуть, что источник — опись имущества убитого М. И. Татищева — доносит информацию и о других покупателях «опального» имущества, новгородских и пусторжевских детях боярских, а также членах Государева Двора, оказавшихся в тот момент в Новгороде. Есть в описи и информация о родственных связях М. И. Татищева, указывающая на тесные взаимоотношения внутри новгородской элиты этого периода Смуты.

Нестабильная ситуация гражданской войны начала XVII в., неясность для огромного большинства людей, насколько легитимна та или иная политическая сила, делали обвинения в измене заурядной чертой эпохи. Это приводило к формированию большого фонда изменничьего имущества — привлекательного объекта для лиц, лояльных действующей власти. Среди «изменничьего» имущества в деловой документации Смутного времени чаще всего встречаются поместья (не буду здесь подробно останавливаться на характеристике поместья как собственности) и хлеб, оставшийся в поместьях от покинувших свои дворы или умерших хозяев. В связи с этим сохранилось множество дел по челобитным служилых людей об изменничьих поместьях. Реже встречаются описания имущества, в этих поместьях содержавшегося.

Рассматриваемый тип источников дает богатую картину нравов новгородцев начала XVII в. Среди покупателей имущества изменников и опальных встречаются представители высших слоев новгородского общества, не гнушающихся «ветчаными» деталями не только из татищевского имущества, но и из «животов» простых детей боярских.

Важна также роль приставов и оценщиков имущества. Первыми, как правило, выступает пара сын боярский и подьячий, вторыми — посадские люди. При оценке икон в двух случаях упоминаются одни и те же лица. Ответственность оценщиков, впрочем, была довольно высокой: в случае непроджи имущества по их оценке те должны были выкупить данное имущество за назначенную прежде ими же цену.

²²⁴ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

²²⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850.

²²⁶ Татищев Ю. В. Деятели Смутного времени. I. Михаил Игнатьевич Татищев // ЛИРО. Год 1. Вып. 1. 1905. С. 44–45.

Поручные записи

По наблюдениям С. Б. Веселовского, поддержанным недавно А. В. Антоновым, традиция брать поручные записи, в первую очередь по членам Государева двора прослеживается с 1470-х гг.²²⁷ В 1611-1617 гг. поручные записи по жителям Новгорода и Новгородской земли составлялись в следующих ситуациях:

- 1) по служилым людям о неотъезде их из Новгорода. Такие записи брались в случае извета, отпуска из тюрьмы или в случае отъезда из Новгорода («измены») кого-то из родственников;
- 2) по приказным людям при приеме на приказную службу. В таких случаях поручителями, как правило, становились другие приказные.

Особенности комплектования архива Новгородской приказной избы были таковы, что в составе столбцов 174 и 335 уцелел целый пласт поручных записей, относящихся ко времени до 17 июля 1611 г. Можно считать, что все подьячие, служившие в это время в Новгороде, были связаны друг с другом круговой порукой, фактически каждый подписал поручную запись за каждого. Думается, что эта практика появилась не в Смуту, а еще в XVI в., во время становления приказной службы в Новгороде. В составе архива сохранились сведения, показывающие как этими поручными записями пользовалась новгородская администрация. В январе 1615 г. подьячий Дворцового приказа Семен Зверев взял у крестьянина дворцового Коростынского погоста Первого Иванова вороного мерина для того, чтобы отвезти в Новгород дворцовый хлеб, «и на том мерине тот Сенька съехал безвестно». Поручители Семена Зверева – другие новгородские подьячие должны были выдать дворцовому подьячему Аните Бобровскому 3 рубля для выплаты крестьянину компенсации²²⁸;

- 3) по крестьянам (чаще всего дворцовым) при выполнении кем-то из них выборной земской должности или повинности или в случае какой-то частной или коллективной провинности. В таких случаях поручителями должны были быть волостные крестьян. К этому же типу поручных записей примыкают поручные ямским охотникам;
- 4) военное время наложило свой отпечаток на состав этих документов. Взятые в плен в октябре 1613 г. дворяне из центральных уездов Московского государства также были связаны поручными записями друг на друга. Четыре таких поручных записи сохранились в архиве Новгородской приказной избы. Впрочем, пленных в Новгороде 1611-1617 гг. был значительно больше. Возможно эти четверо «за примерное поведение» на время выпускались из тюрьмы.

В формуляр поручной записи включалось имя человека, за которого поручались, имена поручителей, имя подьячего, пристава или название государственного учреждения (как

²²⁷ Антонов А. В. Поручные записи 1527-1571 годов // РД. Вып. 10. 2004. С. 8-79.

²²⁸ Память из Дворцового приказа подьячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 1615. 17.01 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 53;

правило, таким учреждением выступала «государева казна», что означало материальную ответственность поручителей), а также собственно предмет поручительства. Поручители удостоверяли, что лицо, по которому они поручались, должно было исполнить ту или иную службу, явиться в означенный день в некое присутственное место или не уезжать из Новгорода. Как правило, на оборотной стороне поручной записи грамотные поручители оставляли «рукоприкладство». В Новгороде поручные записи писались обычно площадными подьячими, в сельской местности — церковными, реже земскими дьячками. Все поручные записи имели точную дату составления.

Ценность этой категории источников для рассматриваемой проблематики в том, что они точно фиксируют пребывание всех поручителей в Новгороде (или в другом месте взятия записи), что при известной динамике отъездов и перемещений новгородцев в Смутное время имеет важное биографическое значение.

Перечень поручных записей из архива Новгородской приказной избы приведен в Приложении 1.7.

Приходо-расходные книги и книги сбора и раздачи кормов

Важнейшим элементом ведения хозяйства новгородскими приказами был учет поступающих и расходуемых средств (денег и провианта), что отражалось в приходных и расходных книгах. В 1611–1616 гг. они велись различными ведомствами Новгорода, а также в пятинах, городах и острожках местными властями — губными старостами и воеводами. Специфической чертой военного времени была необходимость снабжать денежным и хлебным кормом войска как служивших под знаменем шведского короля, так и новгородских служилых людей. В многочисленных случаях утраты кормильца новгородское правительство брало на себя ответственность за минимальное кормовое обеспечение беспоместных вдов и детей убитых служилых людей. В 1612 г. (возможно, и позже) новгородским служилым людям по челобитным выдавалась компенсация за полученные в боях ранения, утрату лошадей и проч.

Наиболее полно сохранилась приходо-расходная документация Новгородского дворцового приказа, как ведшаяся непосредственно в Новгородской дворцовой избе, так и поступавшая из дворцовых волостей. Отмечу, что число последних со временем сокращалось постольку, поскольку сокращалась и территория, на которую распространялась власть новгородского правительства. После 1612 г. и вплоть до восстановления Московской власти ничего о дворцовых волостях Осечно и Валдай не известно²²⁹. Видимо, после 1613 г. дворцовый Михайловский погост на Ладожском пороге переходит под непосредственное управление шведской военной администрации Ладogi. Всего сохранилось 15 приходо-расходных книг и близких им документов,

Память из Дворцового приказа подьячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 1615. 17.01 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 53.

²²⁹ В 1612 г. село Валдай переписывали Иван Никитич Порецкий и подьячий Григорий Собакин (Приходные книги государева хлеба с дворцовых сел за приписью дьяка Пятого Григорьева. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 2).

составленных в Новгородском Дворце (см. приложение 1.9). Из территорий, подведомственных Дворцовому приказу, лучше всего сохранились приходо-расходные книги по Старой Руссе и Старорусскому уезду (четыре книги), приходо-расходные книги порховских дворцовых сел (три книги). Сохранилось также две книги из Ямгородских дворцовых сел за 1612 г.

Деньги Дворцового приказа расходовались на самые различные нужды: на содержание государевых ружников и оброчников (в частности, причта Покровской церкви из Каменного города²³⁰, а также расположенной в Каменном же городе церкви св. князя Владимира, прихожанином которой был кн. И. Н. Большой Одоевский²³¹), на чрезвычайные выплаты хлебного жалованья служилым людям, как «немецким», так и русским.

Другим крупнейшим учреждением, собиравшим и расходовавшим средства в Новгороде, был Большой приход, ведавший сбором окладных денег с новгородских посадских людей и денег, взимавшихся за отданные на оброк подгородные пустоши, собиравший пошлыны за поданные челобитные, в том числе с поместных дел, а также государев винный погреб. В Большой приход поступали таможенные и судные пошлыны. Особенностью расходования всех этих средств были многочисленные платежи шведским войскам, так называемые «солдатские деньги» (сохранилось восемь книг сбора и расхода таких денег); кроме того, деньги расходовались на ямские прогоны, дачу жалованья приказным.

В Большой приход также поступали платежи из пятин и других территорий; именно туда посылали деньги на корм «немецким ратным людям», собранные губными старостами пятин, а также специальными сборщиками, отправленными из Новгорода в удаленные территории, в частности, в Заонежье (пока оно находилось под контролем новгородской администрации, т. е. примерно до лета 1613 г.).

Особой группой приходо-расходных документов являются отписные и расходные книги хлеба из поместий изменников. Таковых в архиве Новгородской приказной избы мною насчитано 12 (см. приложение 1.9).

Со временем сбор доходов с новгородских территорий был постепенно перемещен в города и, вероятно, велся под надзором шведских комендантов. Позднейшие приходо-расходные документы сохранились не целиком и распределяются по отдельным крепостям весьма неравномерно. Достаточно широко представлены приходо-расходные книги Порхова (восемь книг). Отрывок одной книги относится к Орешку. Вероятно,

²³⁰ Это правило было заведено не позднее 1607/08 г. (Дело по челобитной соборян Покровской церкви о даче им денежной руги. 1612. 30.01 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 314–317).

²³¹ Ср.: «Генваря в 25 день велено дати по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина князевладимирскому попу Селивестру Феофилахтову да дьячку Омелке Кузмину осмину ржи да четь овса для того, что к той церкви приходит боярин и воевода князь Иван Никитич Большой Одоевской» (Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 31).

существовали приходные и расходные книги по другим городам — Ладоге, Яму, Тихвину, где стояли шведские гарнизоны, а их обеспечение велось силами новгородских служилых людей и приказных (во всяком случае, существование в 1612–1613 гг. обширного делопроизводства в Ладоге фиксируется источниками²³²); но эти документы не сохранились.

С конца 1611 г. редкая крепостная сеть Новгородской земли была усилена острожками, контролировавшими основные магистрали. Там также стояли шведские гарнизоны, а местные воеводы из новгородских служилых людей обеспечивали их кормами. В острожках также велось делопроизводство. Впрочем, более или менее хорошо сохранился лишь архив Тесовского острожка, «запиравшего» Ивангородскую дорогу (18 документов приходо-расходного характера). По одной приходо-расходной книге происходит из Бельского, Ивнинского, Зарецкого и Устрецкого острожков. Вероятно, велось делопроизводство на других острожках: Винском и Коломенском на Московской дороге, Водосском и Равунском на дорогах из Новгорода к Орешку и Ладоге²³³, но документы оттуда не сохранились.

Обеспечение кормами ратных людей велось не только централизованно, новгородской администрацией, но и в чрезвычайном порядке, походными воеводами. До нас дошло делопроизводство полка Никиты Васильевича Вышеславцева, который зимой 1611/12 г. вместе с Эвертом Горном ходил на литовских людей в район Устреки (сохранилось две книги и один фрагмент приходо-расходной документации). Известно, что в ходе других боевых действий на территории Новгородской земли в 1611–1616 гг. документация также велась. В походе на Копорье летом 1612 г. участвовал (и был ранен) подьячий Аксентий Данилов²³⁴, а в войске Густава Адольфа, осадившего Псков в 1615 г., находился дьяк Семен Лутохин²³⁵. Однако хозяйственной документации этих походов не сохранилось. К той же группе документов относятся приходные книги кормового сбора с пятин, составленные в ходе движения по дорогам Новгородской земли шведских и перешедших на их сторону литовских войск в 1612 г. (см. приложение 1.9).

Острая нехватка финансовых средств приводила новгородскую администрацию к необходимости чрезвычайных поборов, взимавшихся с наиболее состоятельных жителей города. Мне известны два документа, свидетельствующие о таких поборах. Первый из них был составлен в марте 1613 г. Тогда сбор денег был произведен в объеме 1000 рублей; в качестве плательщиков названы новгородские митрополит и монастыри, новгородский посад, дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят», а также поименно девять представителей администрации и торговых людей (таблица 1). Е. И. Кобзарева рассмотрела этот документ и пришла к

²³² Подробнее: *Селин А. А.* Ладога при московских царях. Изд. 3-е. СПб., 2008. С. 56–59.

²³³ Подробно география острожков 1610–1617 гг. рассмотрена в главе 4 настоящей монографии.

²³⁴ Челобитная Дмитрия Пушина боярам и воеводам о пожаловании за рану, полученную в бою под Копорьем. 1612. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 66

противоречивым выводам. С одной стороны, исследовательница утверждает, что все перечисленные плательщики относились к «верхушке» новгородского общества, наиболее тесно сотрудничавшей со шведской администрацией, с другой — она согласна с тем, что такой сбор денег с упомянутой «верхушки» «носил принудительный характер, но правительство обратилось к тем, на чью поддержку могло рассчитывать»²³⁶. Полагаю, что поименный перечень плательщиков чрезвычайного побора в марте 1613 г. скорее свидетельствует о своего рода «налоге на богатых», а не о поддержке «оккупационной» администрации данными плательщиками.

Второй документ, составленный в 1615/16 г., приводит следующую раскладку чрезвычайного платежа, выплаченного новгороцами «в помощь» к солдатским деньгам с 7 ноября 1615 г. по 30 мая 1616 г. (таблица 1)

Таблица 1. Чрезвычайные платежи новгородцев в марте 1613 г. и в 1615/16 г.

<i>Плательщик</i>	<i>сумма, уплаченная в марте 1613 г.</i>	<i>сумма, уплаченная в 1615/16 г.</i>
Митрополит и монастыри	350 р.	650 р.
Новгородский посад	350 р.	не упомянут
Дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят»	150 р.	не упомянут
Тимофей Хахин, переводчик, торговый человек	25 р.	100 р.
Гость Истома Демидов	22 р.	100 р.
Гость Первой Прокофьев	20 р.	100 р.
Ануфрий Дьяконов, вяземский купец	15 р.	100 р.
Степан Спячий, митрополичий дьяк	15 р.	100 р.
Богдан Шорин, вяземский купец	15 р.	100 р.
Иван Лутохин, митрополичий приказной	15 р.	50 р.
Дьяк Семен Лутохин	10 р.	100 р.
Василий Зиновьев, митрополичий приказной	10 р.	не упомянут
Дьяк Пятой Григорьев	не упомянут	100 р.
Василий Трусов, новгородский дворянин, судья в 1611/12, 1614/15, в апреле 1616 г.	не упомянут	100 р.
Филимон Вруцкий, новгородский купец	не упомянут	50 р.
Андрей Стеблев, старорушанин, новгородский купец	не упомянут	50 р.
Андрей Васильев	не упомянут	50 р.
Иван Трубицын, рассыльщик из посадских людей	не упомянут	50 р.
Дмитрий Вязметин	не упомянут	30 р.
Пономарь Климентовской церкви на Иворове улице	не упомянут	30 р.
Семен, дьячок Дмитриевской церкви на Славкове улице	не упомянут	20 р.
Третьяк Якушкин, вяземский дворянин, новгородский судья в 1613/14 г.	не упомянут	50 р.
Томило, священник Знаменского	не упомянут	50 р.

²³⁵ Выдельные книги государева ржаного хлеба в Порховских дворцовых селах Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского. 1615, июль // RA, NOA. Serie 1:109. С. 382.

²³⁶ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 345.

монастыря		
Всего	1000 р.	1980 р.

Источники: Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 1613. 20.03 // RA, NOA/ Serie 2:140. Л. 1 об.; Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:357. Л. 15–16.

Замечу, что круг лиц, плативших чрезвычайный платеж, серьезно расширен, да и сами платежи сильно увеличены. Полагаю, нет смысла искать в данном документе следов особой поддержки перечисленными лицами шведской администрации. Скорее здесь, напротив, записаны лица, не присягнувшие Густаву Адольфу. Сообщения о непомерном обложении новгородцев в последние месяцы шведской власти в городе фигурируют практически во всех документах, составленных после осени 1615 г. Платежи эти вносились с достаточно большой регулярностью, несмотря на «конечное разорение» новгородцев. Одна из самых настойчивых просьб жителей города к кн. Д. И. Мезецкому, звучавшая почти во всех обращениях, присылавшихся из Новгорода в Тихвин – это выплата денег шведам, пусть даже в качестве долга, который новгородцы готовы взять на себя и выплатить после возвращения Новгорода Москве²³⁷.

Чрезвычайные платежи по раскладке взимались в Московском государстве в более поздние кризисные эпохи. Когда в годы Смоленской войны собирали хлеб для отправки в войско, то по разметному списку больше всех должны были заплатить в казну Томило Луговской, Федор Лихачев, Иван Грамотин — чрезвычайно богатые дьяки²³⁸.

Информационные возможности приходо-расходных книг для данного исследования велики²³⁹. Обилие имен подьячих, посылаемых в пятины и привозящих деньги и хлеб в Новгород, отметки о командировании новгородских служилых людей в дальние острожки и погосты — такой информацией данный тип документов изобилует. Чрезвычайно интересен анализ персонального состава получателей денег и в первую очередь хлеба из изменничьих поместий или из государевых житниц: среди них, к примеру, матери и жены служивших в сентябре 1613 г. под Тихвином татар²⁴⁰. О расходных книгах государева винного погреба и сборнике челобитных о выдаче вина я писал в другой своей работе²⁴¹.

²³⁷ Ср., например: Грамота митрополита Исидора и всех новгородцев к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами о своем конечном разорении. 1617, января после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 2. Л. 266-270.

²³⁸ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 249.

²³⁹ На большую информационную ценность расходных книг при исследовании провинциального управления Московского государства указал в своей недавней работе Г. П. Енин: Енин Г. П. Расходные книги как источник по истории управления и самоуправления в XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы науч.-практ. семинара 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 66–93.

²⁴⁰ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–11.

²⁴¹ Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

Ужинные и умолотные книги

Пополнение государственных житниц, в первую очередь за счет поставок хлеба из дворцовых сел и волостей, было одной из самых ответственных задач новгородского правительства. Сбор хлеба фиксировался в ужинных и умолотных книгах, засев хлеба — в книгах засевных. В Новгороде начала XVII в. эти процедуры производились и оформлялись следующим образом.

В дворцовую волость назначались сын боярский и подьячий. Сын боярский мог быть назначен специально для жатвы (молотьбы, засева), а мог к этому времени быть приказчиком волости или губным старостой. После жатвы фиксировалось, сколько с какого земельного участка собиралось четвертей отдельно ржи, пшеницы и овса, а также категории хлеба: добрый, средний, худой. По каждой культуре и по каждой категории качества отбирались опытные образцы зерна и в присутствии понятых происходил опытный обмолот. При этом определяли, сколько четвертей какого сыпучего зерна можно получить с засеянного и ужатого участка посевной площади. На основании этого составлялась смета, сколько какого зерна и какого качества должна была дать дворцовая волость. Каждая ужинная и умолотная книга скреплялась по нижнему полю священником (или священниками) дворцовой волости и ужинщиком; по правому полю ужинных и умолотных книг ставилась скрепа дьяка Дворцового приказа.

Такая сложная система с привлечением большого числа свидетелей тем не менее не исключала злоупотребления или, возможно, просто некомпетентную приказную работу. Многие дети боярские, назначенные «к умолоту» или «к засеву», не были настолько знакомы с сельским хозяйством, чтобы проконтролировать искушенных волостных крестьян. Участки высокой урожайности записывались как низкоурожайные, а для опыта по «доброму» хлебу брался хлеб «средний» или «худой».

Новгородское правительство нашло единственный путь борьбы с такими злоупотреблениями: использовать взаимную неприязнь детей боярских и поощрять их доносы друг на друга. По таким доносам возбуждались следствия. Так, осенью 1613 г. по доносу бывшего приказчика дворцового села Тесова Григория Микулина, отстраненного от должности за злоупотребления, было назначено следствие о ложном опытном умолите сменившего его на посту приказчика Ивана Порецкого²⁴². 21 марта следующего 1614 г. бояре и воеводы приговорили «села Тесова прикащика Ивана Порецкого, да целовалников Иванка Четверетцу, да Михалка Пердухина бити кнутом, да в приказе в Тесове тому Ивану Порецкому быти не велели»²⁴³. Неясно, имели ли в действительности место злоупотребления или Порецкий оказался жертвой крестьянской недобросовестности.

²⁴² Список со следственного дела о ложном опытном умолите с. Тесова приказчика Ивана Порецкого по челобитной бывшего приказчика Григория Микулина, проведенного Иваном Барановым (без начала и конца). 28 октября – 19 ноября 1613 // RA, NOA. Serie 2:244. Л. 1 об.–2 об.; 4 об.–9 об.

Отметим, что, несмотря на битые кнутом, он и в дальнейшем назначался на такую же службу, будучи к тому времени одним из самых пожилых служилых людей Новгорода²⁴⁴.

Кроме дворцовых сел такие процедуры проводились также в отписанных на государя поместьях изменников, куда назначались особые служилые люди и подьячие. Ужинные и умолотные книги в этих поместьях относятся в основном к 1614–1615 гг. Кроме того, ужин и умолот производился Новгородским Дворцом и в тех землях, которые давались крестьянам и помещикам на оброк, как правило из пятого снопа. Всего в архиве Новгородской приказной избы сохранилось 17 ужинных, умолотных и засежных книг (приложение 1.10). Значительная их часть относится к дворцовым селам Тесово и Королево. Книги несут информацию о службе служилых людей и приказных и о той конкретной полевой работе, которую им приходилось исполнять в условиях непрекращавшейся гражданской войны.

Кабальные книги

Обширную информацию о новгородских служилых людях содержат кабальные книги, один из наиболее исследованных и хорошо опубликованных в XX столетии вид источников. При этом самые ранние сохранившиеся кабальные книги относятся именно к интересующему нас времени. Значительная часть имен владельцев, записывавших за себя холопов на рубеже XVI–XVII вв., встречается и в документах эпохи Смуты. Специфика новгородских кабальных книг заключается в том, что в годы голода начала XVII столетия, дабы удержать зависимых людей за своим родом, новгородцы часто записывали их не за взрослыми членами семьи, а за детьми, подчас малолетними. Таким образом, в кабальных книгах, особенно в книгах, составленных около 1603 г., упомянуты люди, которым в 1611–1617 гг. было между 16 и 30 годами.

Эти источники, равно как и кабальные записи более раннего времени, имеют особую ценность для реконструкции родственных отношений внутри новгородского дворянства. Мною привлечены в основном опубликованные источники — книга записи крепостей дьяком Дмитрием Алябьевым²⁴⁵ и новгородские кабальные книги, опубликован-

²⁴³ Список хлеба, укрытого выдельщиками с. Тесова Никитой Обольяниновым, приказчиком Иваном Порецким и целовальниками, по доводу Григория Микулина. 1613. 25.10 // RA, NOA. Serie 2: 78.

²⁴⁴ Он начал свою службу, видимо, еще около 1569/70 г. В апреле 1613 г. он в своей челобитной боярам и воеводам так описывал свою службу: «...служил, государи, я, Иванко, государю всякие государевы службы сорок четыре года, всякие службы зимние и летние и временные выборные да в Великом Новгороде у городского приказу был семь лет, а нынеча, государи, волочьсь бес помещейца меж двор, поместийца нет, ни загоноу от литовских людей и от воровских, обезвичен». (Дело по челобитной Ивана Порецкого о пожаловании ему поместья на прожиток после 44 лет службы с внуками. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:157–B).

²⁴⁵ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Подробную источниковедческую и историко-географическую характеристику см.: *Панеях В.М.* Записные книги старых крепостей конца XVI в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. 1963. С. 346–363.

ные А. И. Яковлевым²⁴⁶. Часть крепостных записей была позднее воспроизведена в III томе Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси²⁴⁷.

В архиве Новгородской приказной избы сохранилось две кабальные книги. Они опубликованы в 1982 г. Хагар Сундберг. Обе книги относятся к заключительному периоду действия новгородского правительства — 1614/15 и 1615/16 гг. Этой же исследовательницей дана исчерпывающая источниковедческая характеристика данных документов²⁴⁸. На этом можно было бы и остановиться, если бы не то внимание, какое кабальные книги вызывают у исследователей повседневной жизни Новгорода в последнее время. В первую очередь я имею в виду многочисленные работы Е. И. Кобзаревой. По наблюдениям исследовательницы, на излете «шведской оккупации» новгородские помещики, обеднев, оказываются не в состоянии записывать за себя холопов, зато их интенсивно записывают за себя бюрократы и приказные управленцы²⁴⁹. Такое наблюдение Е. И. Кобзаревой было повторено мной в нескольких работах. Однако проверка показала, что дело обстояло значительно сложнее.

По публикации Х. Сундберг составлена следующая таблица:

²⁴⁶ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938.

²⁴⁷ Запись о полной Василия Романова Секиры Косицкого на Бориса Еремеева. Ок. 1450–70-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 393а. С. 412 (= РИБ. Т. 17. № 527); Запись о полной Есипа Пущи Васильева сына Олоповского на паробка Федорца Тихонкова сына. 1462–80 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 398. С. 415; Запись о полной Александра Михайловича Кобылина на Окулика Иванова сына з женой. Ок. 1460–90-х гг. // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 399. С. 415–416; Запись о полной Микулы Александровича на Филиска с женой и сыном. Ок. 1460–90-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 401. С. 417; Запись о докладной Ушака Елизарьева сына Хвостова на паробка Онаньшу Захаркова сына Новгородца, давшегося ему в холопы по своей невесте-девочке рабе Ефросиньце Емельяновой дочери. Ок. 1470–90-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 410. С. 422; Запись о данной Шаврука Микитина сына Муравьева дочери своей Парасковье на девку Оксиньцу Иванову дочь Барашову. 1585. 5.11 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 415. С. 424 (в публикации ошибочно датирована 1485 г., верно: 1585); Запись о полной Ивана Пестрого Васильева сына Хомутова на Клима Аввакумова сына, купленного в полницу с доклада Костромскому наместнику. Ок. 1485–1495 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 416. С. 424; Запись о полной Федора Иванова сына Скобельцына на Михайла Гридина сына Нерадова. 1490. 5.05 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 418а. С. 425–426; Запись о докладной Константина Борисова сына Кушелева на Дениса Андреева сына Попова, продавшегося ему на ключ в сельцо Луг. 1494. 27.03 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 428. С. 430–431; Запись в докладной Ивана Долгого Хвостова на Василья Ескина, давшегося ему на ключ и по ключу в холопы. 1507. 6.06 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 452. С. 442; Запись о полной Ивана Андреева сына Воронина на Зиновия Степанова сына с женой Марьей Ивановой дочерью, купленных для господина его человеком Филиппом Гридиным сыном. 1508. 11.02 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 454. С. 442–443; Запись о докладной кн. Ивана Мышецкого на новгородца, давшегося на ключ в сельцо Соколово, а по ключу в холопы. 1508. 22.03 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 455. С. 443.

²⁴⁸ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies. Vol. 14). Stockholm, 1982.

²⁴⁹ *Кобзарева Е. И.* Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

Таблица 2. Запись холопов видными новгородцами в 1614/15 – 1615/16 гг.

Имя владельца	Дата записи	Количество записей
Боярские роды		
кн. Никита Иванович Одоевской	12.09.1614, 20.09.1614, 9.11.1614, 16.11.1615, 10.03.1616 (трижды), 2.05.1616, 22.05.1616 (дважды)	10
кн. Иван Иванович Одоевской	9.11.1614, 27.12.1614, 30.06.1615, 16.11.1615 (трижды), 10.03.1616 (дважды), 18.03.1616	9
княгиня Агафья, вдова кн. И. Н. Одоевского	10.03.1616, 23.05.1616 (видимо, примерно в это время умер кн. И. И. Одоевской)	2
Дьяки и подьячие		
Дьяк Пятой Григорьев	11.09.1614, 10.11.1615 (четырежды)	5
дьяк Семен Михайлович Лутохин	23.07.1615, 29.12.1615 (дважды), 21.06.1616 (трижды)	6
подьячий Григорий Дмитриев Собакин	23.11.1615 (четырежды), 30.12.1615 (дважды), 20.04.1616, 22.05.1616, 26.05.1616 (трижды)	11
Федор Иванов Витовтов, старорусский подьячий	8.10.1614	1
подьячий Третьяк Никитин	3.11.1614	1
подьячий Ждан Ермолин Молеванов	9.11.1614	1
подьячий Третьяк Степанов Посадников	22.12.1614, 3.07.1615	2
подьячий Василий Федоров Частый	12.02.1615, 22.03.1615, 8.07.1615, 18.01.1616, 18.04.1616 (дважды)	6
подьячий Дмитрий Игнатьев	15.02.1615, 13.10.1615, 22.01.1616	3
подьячий Семен Кондратьев Шустов	28.02.1615	1
подьячий Казарин Петров Башмаков	14.03.1615	1
Мокей Васильев Брянцов	28.03.1615	1
подьячий Постник Яковлев Раков	29.10.1615	1
Тороп Беляковский	3.11.1615	1
подьячий Логин Перфирьев	6.12.1615	1
толмач Богдан Иванов	22.12.1615 (дважды)	2
старорусский рассыльщик Василий Минин Коломенский	21.01.1616	1
подьячий Емельян Елизаров	7.02.1616	1
подьячий Невер Севастьянов Игнатьев	21.03.1616	1
подьячий Иван Прокофьев	27.05.1616	1
подьячий Иван Пахомов Немков	3.07.1616	1
дворяне		
Никита Васильевич Вышеславцев	25.09.1614	1
Яков Никитин Вышеславцев	7.11.1615 (дважды)	2
Богдан Никитин Вышеславцев	8.11.1615	1
вдова Мария Дементьева, жена Степана Вышеславцева	28.01.1616	1
Григорий Степанов Обольянинов	13.06.1616	1
Григорий Григорьев Обольянинов	26.11.1614, 17.12.1614, 1.02.1616, 16.06.1616	4
Богдан Григорьев Обольянинов	22.12.1614	1
Андрей Григорьев Обольянинов	9.07.1615, 18.06.1616	2
Федор Григорьев Обольянинов	21.06.1616	1
Василий Иванов Обольянинов	1.11.1615	1
Воин Иванов Обольянинов	23.02.1616	1
Михаил Иванов Обольянинов	7.07.1616	1
Тихомир Герасимов Муравьев	7.06.1615, 22.06.1615	2
Петр Герасимов Муравьев	9.09.1615	1
Семен Федоров Муравьев	3.12.1615	1

Матвей Шавруков Муравьев	6.12.1615, 18.02.1616, 13.04.1616	3
Лука Иванов Милославский	8.07.1616	1
Давыд Лукин Милославский	23.04.1616	1
Михаил Старков Неелов	12.01.1615	1
Андрей Иванов Неелов	23.01.1615, 22.06.1615 (дважды)	3
Семен Иванов Калитин	30.01.1615 (дважды), 31.01.1615	3
Никита Иванов Калитин	12.03.1615, 13.03.1615	2
Петр Андреев Ногин	16.10.1614	1
кн. Никифор Яковлевич Мещерский	29.11.1614, 8.08.1615, 14.01.1616 (трижды), 22.01.1615 (трижды), 20.02.1616, 15.04.1616, 26.04.1616	11
Настасья, дочь Афанасия Еремеева, жена Богдана Тушина	2.12.1614	1
кн. Гаврило Иванов Нарымов	16.12.1614	1
кн. Иван Васильевич Кропоткин	4.02.1615 (дважды)	2
Нечай Федоров Ошивкин	19.02.1615	1
Иван Алексеев Суслов	19.03.1615, 4.05.1615	2
Остафий Васильев Зиновьев	4.04.1615	1
Акулина, дочь Третьяка Семеновича Якушкина	3.06.1615	1
Мурат Алексеев Пересветов	20.06.1615, 22.03.1616 (дважды), 28.06.1616, 3.07.1616	5
Мария, жена Тимофея Тыртова	20.06.1615	1
Иван Захарьев Баранов	24.06.1615	1
Никита Матвеев Зиновьев	13.12.1615 (дважды), 18.12.1615 (девки), 7.02.1616 (девка), 26.02.1616 (парень и девка)	5
Семен Григорьев Бахтин	14.12.1615	1
Никита Михайлов Клементьев	26.02.1616	1
кн. Первой Богданов Кудашев	4.04.1616	1
Василий Федоров Бутурлин	7.07.1616	1
софийские дворяне и служители		
Иван Захарьев Лутохин	26.06.1615 (дважды), 22.02.1616	3
Василий Леонтьев Зиновьев	14.11.1615, 8.06.1616	2
софийский протодьякон Никита Васильев	20.12.1615	1
новокрещены		
новокрещен Андрей Аисин	4.09.1614	1
новокрещен Денис Евгостеев	22.09.1615, 6.11.1615, 6.01.1616 (дважды)	4
новокрещен Иван Муралеев	20.01.1616, 11.05.1616	2
новокрещен Гаврило Ак-Кобяков	16.04.1616 (трижды)	3
Семен Андреев, татарин	10.05.1616	1
посадские и крестьяне		
Андрей Иванов Харламов	2.11.1614	1
купец Богдан Григорьев Шорин	3.12.1615, 9.12.1615, 30.03.1616	3
Кирилло Федоров Мыльник	16.12.1615, 18.12.1615, 1.01.1616 (трижды), 8.01.1615	6
митрополичий крестьянин Самуйло Григорьев Серебряник	12.01.1616	1
Томило Михайлов Пристальцов	20.02.1616	1

Источники: 1) Новгородские кабальные книги за приписью дьяка Семена Лутохина. 1614/15 г. Записывал дьяк Семен Лутохин // RA, NOA. Serie 1:65; 2) Кабальные книги за приписью дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1: 107. Опубликовано: *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies. Vol. 14). Stockholm, 1982.

Как явствует из приведенной таблицы, приоритет именно приказной верхушки в записи за себя холопов не столь очевиден, сколь это показалось Е. И. Кобзаревой. Более всего записей в рассматриваемый период (1 сентября 1614 г. – 31 августа 1616 г.) было сделано родственниками новгородского воеводы кн. И. Н. Большого Одоевского. Не стоит здесь впрочем делать вывод об их материальном превосходстве над остальным новгородским обществом. На протяжении рассматриваемого периода скончался сам кн. И. Н. Большой Одоевский, позднее умер один из его сыновей, кн. И. И. Одоевской (видимо, около 23 мая 1616 г.), и родственники спешно оформляли за себя людей, живших за прежними владельцами, как «по записи», так и без оной.

Среди приказных деятелей количеством записанных холопов выделяется подьячий Г. Д. Собакин, в руки которого в 1615 г. перешла власть в Новгородском дворцовом приказе. С осени этого года его припись стоит на значительном числе хозяйственных документов. Дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, виднейшие руководители города в рассматриваемый период также среди тех, кто активно записывал за себя людей. Но это известно и без привлечения кабальных книг: к 1 августа 1614 г., по челобитной дьяка С. Лутохина, в его «домишке» жило 40 человек²⁵⁰. Остальные подьячие (за исключением, быть может, В. Частого) зарегистрировали сравнительно немного записей о холопстве.

Примечательна картина с записями за себя холопов дворянами и детьми боярскими. Новгородский материал 1614–1616 гг. дает ту же картину, что и записные кабальные книги начала XVII в.: среди владельцев холопов много детей. Характерен пример Оболяниновых. Григорий Степанович Оболянинов, начавший службу на рубеже XVI и XVII вв., записал в рассматриваемый период за себя лишь единожды. Однако его дети — Григорий (будущий стрелецкий сотник) — четырежды, Борис — однажды, Андрей — дважды и Федор — однажды. Кроме того, по разу записали за себя холопов его племянники Михаил, Воин и Василий. Заметны среди холоповладельцев и другие дворянские семьи — Муравьевых, Милославских, Калитиных.

Не хотелось бы возвращаться к политической оценке записи за себя холопов служилыми людьми. Связи между доступом к кормилу власти в Новгороде, формальным или неформальным, и возможностью (или потребностью?) записывать за себя холопов не прослеживается, несмотря на утверждение Е. И. Кобзаревой обратного. Если следовать логике исследователя, то противники Густава Адольфа должны были быть устранены от возможности записывать холопов за себя. Однако именно они — кн. Никифор Яковлевич Мещерский и Матвей Шавруков Муравьев, традиционно рассматриваемые как деятельные сторонники Москвы²⁵¹, среди тех, кто записал в этот период наибольшее число холопов. Таким образом, нельзя сказать, что упоминание того или иного лица в кабальных книгах как холоповладельца показывает некий уровень обеспеченности

²⁵⁰ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жалованья. 1614. 1.08 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

²⁵¹ Подробнее об этом в главе 4.

служилого человека или особую благосклонность к нему со стороны правительства²⁵². На рубеже XVI–XVII вв. холопами владело громадное большинство новгородского дворянства, и владение холопом не было свидетельством какого-либо социального или имущественного статуса.

Познавательные возможности кабальных книг заключаются, по моему представлению, не в столь упрощенной схеме: богатый/небогатый или близкий/далекий к власти. Одна из таких возможностей может заключаться в попытке оценить личность некоторых владельцев холопов с иной стороны, с чем, к примеру, было связано обилие девок-холопов у Н. М. Зиновьева, сравнительно молодого дворянина — с потребностями в хозяйстве или со сластолюбием?

Таможенные книги

Таможенные книги — одна из самых хорошо изученных и опубликованных категорий документов Новгородской приказной избы. Начиная с 1990-х гг. было осуществлено четыре издания новгородских таможенных книг 1611–1618 гг.²⁵³ Надо сказать, что для моего исследования значение таможенных книг невелико. Среди участников торговых операций в Новгороде 1611–1616 гг. практически не известны представители служилого сословия. Несколько больше информации таможенные книги дают о деятельности новгородских бюрократов того времени, как назначавшихся к таможенной службе, так и участников торговли. В зоне деятельности новгородского правительства находилось три таможни: в самом Новгороде, в Невском устье, где строился город Ниен, и на Повенце²⁵⁴. На всех трех таможнях делопроизводство вели новгородские подьячие²⁵⁵.

²⁵² Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 340.

²⁵³ 1) Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Подг. Г. М. Коваленко, В. М. Варенцов. СПб., 1996; 2) Новгородские таможенные книги 1614/5 гг. / Подг. Г. М. Коваленко // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 384–466; 3) Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье / Подг. Г. М. Коваленко // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 466–474 (отдельное издание: Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье / Подг. Г. М. Коваленко. Вел. Новгород, 1998; 4) Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475–482. Не опубликована только таможенная книга Повенецкого рядка: Таможенные книги Повенецкого рядка. 1612. 20.06 // RA, NOA. Serie 1:47.

²⁵⁴ Повенец с осени 1613 г. стал недоступен для новгородского правительства, а назначенный туда на службу после мая 1613 г. подьячий Богдан Михайлов так и не вернулся в Новгород (Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 20–21).

²⁵⁵ Ивана Пахомова сына Немкова вернее называть не новгородцем, а ореховцем, так как он происходил из ореховских земцев. Он вел таможенные книги Невского устья в течение 8 месяцев (с апреля по декабрь) 1616 г.: «подьячей Иван Немков, жил в Канцах на восемь месяцев, збирал государеву таможную пошлину, взял государевы казны государевых денег на еству и на питье по два рубли на месец, да Иван же взял по грамоте Монше Мартыновича две бочки ржи» (Cuitentsier ors Befallings Gollen för anno 1613, 1614, 1615, 1616 ors 1617 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 425). В качестве подьячего (или писца) Иван Немков известен с 1597 г., когда он 21 февраля сделал кабальную запись за Романа Макарьева Шуклинского (Кабала, поданная Романом Макарьевым сыном Шуклинского. 1597. 25.12 // Записная книга кре-

Есть, впрочем, сведения о функционировании в 1616 г. таможенной избы в Ивангороде²⁵⁶. Документов оттуда не происходит; полагаю, ивангородская таможня в то время подчинялась непосредственно шведской администрации и делопроизводство велось шведскими приказными людьми на шведском языке.

Купчие записи на недвижимость

Купчие записи на недвижимость в Новгороде — также давно опубликованный и хорошо исследованный источник. Первые публикации купчих 1611–1616 гг., хранившихся по какой-то причине среди актов книг Новгородского софийского дома, были сделаны еще при подготовке императорской Археографической комиссией 2-го и 3-го томов «Актов относящихся до юридического быта»²⁵⁷. Часть этих документов осталась неопубликованной²⁵⁸. Все купчие грамоты архива Новгородской приказной избы, хранящиеся в Государственном архиве Швеции, опубликованы Ингигерд Нордландер в 1987 г.²⁵⁹. Эта публикация заслужила всеобщее признание исследователей и активно используется для решения самых разных задач. Новгородские купчие на дворовые места 1580–1590-х гг. были опубликованы К. В. Барановым²⁶⁰.

В работе Г. Е. Дубровина и Н. Н. Фараджевой комплекс этих документов был использован для реконструкции застройки Коржевой и Славковой улиц Новгорода²⁶¹. Силь-

постным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 35. Ст. 12–13).

²⁵⁶ Известен голова ивангородской таможенной избы Алексей Бабин (Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. ... С. 479).

²⁵⁷ 1) Купчая рассылщика Поместной избы Юрья Лутовинина Марфе Никифоровой дочери на келью в Росткином девичьем монастыре. 1612. 9.09 // АЮБ. Т. 2. № 148. I. Ст. 385; 2) Купчая запись кн. Ф. И. Кропоткина Нефедью Афанасьеву сыну прозвище Богдану Корелянину на двор с хоромами, дворовой и огородной землей на Нутной улице. 1613. 17.02 // АЮБ. Т. 2. № 148. VII. Стб. 389; 3) Купчая на дом. 1613. 1.03 // АЮБ. Т. 2. № 148. VIII. Ст. 390–391; 4) Купчая Дмитриевского дьячка из Торгу Ермолы Федорова сына Чеховского и Емельяна Степанова сына подьячему Василью Частому на церковный двор с хоромами на Конской Горке. 1613. 10.04 // АЮБ. Т. 2. № 148. XI. Ст. 393; 5) Купчая на дом. 1613. 9.06 // АЮБ. Т. 2. № 148. XIV. Ст. 396–397; 6) Купчая на лавочное место. 1612. 17.09 // АЮБ. Т. 2. № 149. II. Ст. 436–437; 7) Разменная запись Дмитриевского дьякона из Торгу Дмитрия Матвеева сына подьячему Василию Федорову сыну Частому на дворовое место на Малой Лубянке взамен места, которым поступил Частый Матвееву. 1613. 21.04 // АЮБ. Т. 3. № 265. I. Ст. 1; 7) Разменная память подьячего Василья Частого Дмитриевскому дьячку из Торгу Ермоле Федорову сыну с племянником на пустое дворовое место на Лубянице улице. 1613. 27.05 // АЮБ. Т. 3. № 265. II. Ст. 1.

²⁵⁸ СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 25. Ср. описание этой книги Б. Д. Грековым: *Греков Б.Д.* Описание актов книг XVI–XVII вв., хранящихся в архиве императорской Археографической комиссии. Пг., 1916. С. 61–67. «По полям скрепа дьяка Семена Лутохина. На л. 1 надписи "Книги купчие и питейные 121-го году" и "Anno 1621, in diesem Buche seint die gekouffte vndt vorkouffte Heuser vorschreiben vndt aufgezeichnet"». Приобретена в Швеции С. В. Соловьевым.

²⁵⁹ *Nordlander I.* Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies.* № 18. Stockholm, 1987.

²⁶⁰ Записная книга купчих, закладных и меновных на дворы в Великом Новгороде. 1590/91 // Великий Новгород во второй половине XVI века / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001.

²⁶¹ *Дубровин Г. Е., Фараджева Н. Н.* Сведения о населении и усадьбах Славковой и Коржевой улиц по актам передачи недвижимости конца XVI – начала XVII вв. // НИС. Вып. 10 (20). С. 176–194.

ной стороной работы исследователей является реализованная попытка реконструкции городских усадеб как совокупности отдельных построек, перечисляемых в документах. Для большей точности и убедительности реконструкций Дубровин и Фараджева привлекли весь известный комплекс источников, как писцовые книги Новгорода, так и акты. Однако попытку ученых сделать биографические наблюдения следует признать неудачной. Для этих наблюдений ими были использованы лишь писцовые книги 1580-х гг. и купчие записи. Это все же не весь комплекс документов (даже из опубликованных), который требуется для биографических реконструкций.

Книги конской покупки

Особый интерес представляют сохранившиеся в архиве две книги покупки лошадей²⁶². Одна из них впервые была подробно рассмотрена в статье Х. Сундберг²⁶³. Шведскую исследовательницу прежде всего интересовала терминология, связанная с обозначением масти лошадей, однако в ее статье дается исчерпывающая информация об этом источнике. В книге было зафиксировано 445 контрактов на покупку лошадей. По подсчетам Х. Сундберг, цены на лошадей варьировались от 20/22 алтын до 6–9 рублей, но самая частая цена на лошадь составляла 2 рубля. Среди проданных/купленных лошадей 295 мерин, 27 жеребцов, 2 коня, 2 лошади, 108 кобыл, 13 жеребьев. У лошадей обозначался цвет холки, 101 лошадь имела пятна / отметины, звезды на лбу. Описывался также хвост, другие приметы, иногда зубы.

Х. Сундберг и, вслед за ней Л. Нордквист и Э. Лёфstrand датируют этот памятник временем не позднее 1615 г., когда из Новгорода уехал Дм. Бестужев²⁶⁴. Однако более важным датирующим основанием является здесь упоминание о вотчине Троице-Сергиева монастыря²⁶⁵, которая была отписана во Дворец к июлю 1612 г.²⁶⁶ Следовательно, книга относится ко времени более раннему. Кроме того, в ней упомянут как покупатель гнедого жеребца Василий Левшин, взятый в плен под Гдовом в 1612/13 г.²⁶⁷. В то же время, в ней упомянуты как погибшие в 1613 г. под Тихвином новокрещен Макар

²⁶² 1) Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141; 2) Книги конской покупки. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:137. С. 97–141 (страницы перепутаны).

²⁶³ Sundberg H. Horse-trading contracts in early seventeenth-century Novgorod. Colour adjectives and other vocabulary in horse description // Scando-Slavica. Vol. 31. 1985. P. 153–167.

²⁶⁴ Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City... P. 291.

²⁶⁵ Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 61.

²⁶⁶ Память приказчику Пересвету Тараканову о наряде крестьян косить сено на приезд королевича Карла Филиппа. 1612. 23.07 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 524–525.

²⁶⁷ Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5.

Семенов²⁶⁸ и Семен Федоров сын Палицын²⁶⁹, равно как и человек умершего летом 1613 г. дьяка Андрея Лысцова²⁷⁰. Таким образом, книгу следует датировать 1611/12 г.

В обеих книгах (вторая — serie 1:117, значительно меньшая по объему) содержится примечательная информация о новгородцах, покупавших и продававших лошадей в 1611–1613 гг. Примечательно, что среди участников сделок по купле-продаже лошадей в 1611/12 гг. я насчитал 19 представителей духовного чина (священников, дьячков, пономарей, монастырских старцев, из них четверо продали и пятнадцать — купили лошадей) и 13 детей боярских (из них шесть продавцов и семь покупателей, причем один — митрополичий сын боярский Иван Лутохин выступает в обоих качествах), а также двух подьячих — покупателей.

Ямские книги

Еще один комплекс документов касается обустройства дорог от Ивангорода до Новгорода и от Новгорода до Москвы накануне визита в Москву датского королевича Иоганна в 1602 г. Эти документы, попавшие в середине XVII в. в архив Тайного приказа, были изучены, подготовлены к печати²⁷¹ и частично изданы²⁷² в начале XX в. И. Я. Гурляндом. Они также содержат ценную биографическую информацию о назначении новгородских дворян и подьячих в 1602–1603 гг. на службу для сбора кормов, ставки пшты, досмотра за состоянием дорог вдоль всей трассы следования принца.

Актовые книги Новгородского Софийского дома

Акты Новгородского Софийского дома, описанные в начале XX в. Б. Д. Грековым, содержат обильную информацию о службе софийских дворян, подьячих и приказных людей середины XVI – конца XVII в. Надо заметить, что именно здесь содержится уникальная информация о софийских дворянах в годы Смутного времени²⁷³. Особо следует сказать о трех книгах записи поместных грамот новгородских владык, выданных архиепископами и митрополитами новгородскими в XVI–XVII вв. (некоторые из них опубликованы в Актах исторических в XIX в.). В архиве Новгородской приказной избы материалов, связанных с Новгородским Софийским домом, практически нет. В то же вре-

²⁶⁸ Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 125. О его гибели: Челобитная вдовы новокрещена Мартьяна (Мартына) Семенова Авдотьи о даче жалованья. 1613 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 13 об.

²⁶⁹ Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 169. О его гибели: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 2. С. 60 и далее.

²⁷⁰ Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141. С.173. После смерти дьяка Лысцова, последовавшей между 13 апреля и 3 июля 1613 г., упоминаются только «бывшие» его люди, ср.: 26 июля 1613 г. на вдове Андрея Лысцова Анне бывший человек Андрея Лысцова Степанко Михайлов искал за «собинную свою кобылку» 2 рубля, за корову 3 рубля, за приказного мерина рубль, а отец Анны, Иван Кузминский, искал на Степанке встречно за свою дочь 7 рублей, тот же Степанко Михайлов искал встречно на Аксеньице, крестьянке Анны Лысцовой, на 150 локтей гоги (так!), цена 3 рубля (Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 111–112).

²⁷¹ Ямские дела // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27.

²⁷² Дела Тайного приказа. Т. 2 // РИБ. Т. 22. СПб., 1908.

²⁷³ СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63, 64, 74.

мя на основании софийских актов можно судить о том, что в 1611–1616 гг. поместные грамоты владычным дворянам продолжали выдаваться. По сути дела, эти акты содержат уникальную информацию о жизни софийских служащих в годы Смуты. Эти данные корреспондируют с дозорами 1612 г. восточной части Обонежской пятины, где располагалось значительное число поместий софийских детей боярских. Примечательно, что в хронологии софийских поместных грамот наблюдается серьезная лакуна: практически ничего не известно о каких-то поместных дачах в период 1611–1617 гг. Отцы — софийские дети боярские получали поместные грамоты в 1603 г., их дети — на те же поместья — в середине 1620-х. Если в трех сборниках содержится всего 371 поместная грамота (за период с марта 1552 по март 1654 г), то к рассматриваемому хронологическому промежутку относится всего 13 (при том, что всего при митрополите Исидоре в 1603–1619 гг. была выдана или подтверждена 101 грамота). Большинство софийских помещиков как бы исчезает на годы. Так, Василий Владимиров сын Боровитинов, потомок владычного ясельничего середины XVI в. и дед известного новгородского дьяка конца XVII в., 31 июля 1600 г. вместе с братом Данилом получил грамоту на поместье в Пиркинском погосте²⁷⁴. Следующее упоминание о Василии Боровитинове относится только к декабрю 1619 г. — тогда он вновь получает грамоту на поместье в том же Пиркинском погосте²⁷⁵.

Другие источники

В архиве Новгородской приказной избы содержатся также выписки из следственных дел, отрывки из частных писем, памяти служилым людям, разные приказные росписи и проч. В моей отдельной работе был рассмотрен сборник челобитных 1610/11 г. на получение вина и т. д.²⁷⁶ Кроме вышеописанных комплексов документов и категорий источников я также привлекаю публикации документов Разрядного приказа, осуществленные А. Поповым в 1890 г. (касаются преимущественно противостояния Новгорода и Тихвина в 1613–1614 гг.)²⁷⁷. Любопытный документ об обмене пленными близ Славкович, между занятым шведами Порховом и уже присягнувшим царю Михаилу Романову Псковом, был обнаружен в начале XX в. в собрании рукописей Киевской духовной академии (документ 703)²⁷⁸.

²⁷⁴ Жалованная грамота Варлаама, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук своим детям боярским Василию и Данилу Володимировым детям Боровитиновым на поместье в Рождественском Пиркинском погосте Обонежской пятины. 1600. 31.07 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 64.

²⁷⁵ Отметка о пожаловании в декабре 1619 г. митрополитом Исидором своего сына боярского Василия Владимировича сына Боровитинова поместьем в Рождественском Пиркинском погосте. 1619, декабрь // СПБИИ. Кол. 2. Д. 64. Л. 13 об.

²⁷⁶ Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // *Palaeoslavica*. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

²⁷⁷ Акты Московского государства. М., 1890. Т. 1.

²⁷⁸ Лебедев А. Рукописное собрание Киевской духовной академии // Труды ПАО. Вып. 8. Псков, 1913. С. 207–208.

В канун 300-летия царствования дома Романовых отечественные источниковеды А. М. Гневушев, Н. П. Лихачев, Л. М. Сухотин, С. К. Богоявленский, И. С. Рябинин и другие ученые предприняли масштабную серию публикаций документов начала XVII века под общим названием «Смутное время Московского государства». Часть этих документов была рассмотрена мной выше; часть (к примеру, подготовленные А. М. Гневушевым акты времени правления Василия Шуйского) также использована для получения биографических сведений о новгородцах, служивших в Кореле и Орешке в 1607–1608 гг. К этому изданию примыкают документы Печатного приказа, также изданные Л. М. Сухотиным²⁷⁹.

В последние годы сотрудники РГАДА предприняли беспрецедентную публикацию документов, касающихся служилых землевладельцев Московского государства XVI–начала XVII в. Часть этих документов затрагивает новгородскую и псковскую служилые корпорации и привлечена в нашей работе²⁸⁰.

Особая группа документов содержится еще в одном фондохранилище в Государственном архиве Швеции. Это материалы коллекции *Baltiska fogderäkenskaper* («Балтийские писцовые книги») — части *Kammararkivet*. Коллекция *Baltiska Fogderäkenskaper* сложилась из поземельной документации, ведшейся в городах северо-запада Новгородской, севера Псковской земель и Прибалтики в конце XVI – начале XVII в. Дела в коллекции сгруппированы в тома соответственно городам (из русских городов — Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург/Орешек, Гдов, отдельно Ямской уезд, также Ниен и Нарва). В свою очередь в томах дела сгруппированы по характеру документов мантальные переписи (материалы ежегодного регулярного кадастра)²⁸¹ и «квитанции» — повседневная финансовая документация. В этой коллекции (в томах 415–425) собраны документы периодов, когда юридический статус прибалтийских территорий не был ясен — 1582–1589 и 1611–1617 гг. После 1619 г., по всей вероятности, началась более интенсивная интеграция бывших новгородских пригородов в Шведское королевство, и происходившее оттуда делопроизводство оседало, по всей видимости, в других архивных фондах. Большинство документов составлено на шведском языке. Однако сохранились и русскоязычные документы. Подробный обзор этих документов и частичная публикация их

²⁷⁹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) / Под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915.

²⁸⁰ Баранов К. В. Новые документы из истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI – начала XVII века. № 36 // РД. Вып. 5. М., 1999.

²⁸¹ Еще в середине XIX в. эти документы стали известны отечественным архивистам: *Jordebocker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1862. Т. 1, часть 2. С. VI.

осуществлена мной в недавней статье²⁸²; одному из них — таможенной книге Невского устья 1616 и 1618 гг. — посвящена отдельная работа²⁸³.

Значительная часть документов составлены на двух языках: шведские тексты мантильных росписей и кормовых книг скрепляются «рукоприкладствами» русских священников. Появление таких билингвистических текстов не могло не произойти в условиях сосуществования двух культур и двух традиций делопроизводства. Так, к примеру, среди квитанций, происходящих из Ивангорода 1615–1616 гг., мне встретились приписки:

«К сей кормовой памяти в толмачево Васильево место У никоску²⁸⁴ в семи бочках без полуосмины хлеба подьячей Семен Будынской²⁸⁵ руку приложил»; также «Подьячей Семен Будынской взял из казны пол-8 бочки хлеба у Петра». Последняя квитанция содержит также подпись «Федор Аминева»²⁸⁶, принадлежавшую, несомненно, русскому воеводе Ивангорода и родоначальнику шведского дворянского рода Федору Григорьевичу Аминева. В другом томе 1616 г., также связанном с Ивангородом, шведская расписка об уплате денег сопровождается русской подписью:

«127-го мая числа в 23 день по сей отписи заплачено денег кузнецу самопальному десеть ефимков двадцать копеек». В том же томе, среди других квитанций: «Яз, Афонасей, голова кабацкой, взял на кабак королевской солоду 20 бочек да хмелю 3 пудка, а имано во 121-м году»; также в двух местах: «Подьячей Семен Будынской взял из казны 7 бочек без полосмины»; «125-го году марта в 15 день взял ивангородской подьячей Семен Будынской у прикащика у Дениса за прошлой 121 год по боярскому приказу денег восемь рублей»²⁸⁷.

Несколько расписок из Яма, Ивангорода и Копорья называют не только посадских людей, но и дворян, оставшихся на службе у шведского короля. Кроме известных Исаия и Федора Аминева здесь встречаются Семен Абрамов, Василий и Григорий Хорошевы, Борис Тыртов. Самые поздние документы коллекции также связаны с Ивангородом и

²⁸² Селин А. А. Балтийские писцовые книги — часть Каммар-архива в Государственном архиве Швеции // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 437–449.

²⁸³ Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475–482.

²⁸⁴ Так в рукописи.

²⁸⁵ Прозвище подьячего «Будынский», вероятно, связано с его происхождением из села Будино Озерецкого погоста Копорского уезда, где в XVI в. была построена церковь Воскресения Христова (Отрывок писцовой книги Водской пятины письма кн. П. Оболенского и И. Зюзина. 1568 // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Боярские и городские книги. Д. 1–а. Л. 316). Ныне это д. Будино Волосовского района Ленинградской области. Сведений о подьячем Семене Будынском вне этого тома коллекции я не нашел.

²⁸⁶ *Jannis Smits. Räkenskap för Ivangorod. 1615–1616 // RA, Kammararkivet. fogderäkenskaper. F. 415. № 11 (без пагинации).*

²⁸⁷ *Jannis Smits. Räkenskap för Ivangorod. 1616 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 415. № 12 (без пагинации).*

относятся уже к концу 1620-х гг. Это расписки о получении жалования «столбовым дьячком» Ивангорода в 1627 и 1628 гг.

Важнейшие, на мой взгляд документы связаны с Орешком/Нотебургом и уездом. Мантальные книги за 1615²⁸⁸, 1616²⁸⁹ и 1618²⁹⁰ гг. сохранили имена православных священников Егорьевского Лопского, Куйвошского, Корбосельского, Ижерского и Дудоровского погостов. Они скрепляли мантальные росписи погостов и деревень, так же, как дозорные книги традиционного московского делопроизводства. Наиболее интересен документ, также созданный на двух языках, фиксирующий количество посадских людей в Орешке на 1 мая 1618 г.²⁹¹

Специфический источник по истории новгородского и псковского дворянства Смутного времени — это надгробные надписи Псково-Печерского монастыря, опубликованные И. Плешановой. Они содержат подчас уникальную информацию о конце жизненного пути многих деятелей Смутной эпохи — гдовского воеводы Парфения Обухова, отца и сына Андрея и Петра Ногиных, других представителей служилого сословия. Впервые для исследования персонального состава городского дворянства эти источники были привлечены В. А. Аракчевым²⁹².

Тривиальной является мысль о том, что значительная часть источников, бывших в распоряжении у приказных деятелей рассматриваемой эпохи, безвозвратно утрачена. Известны даже названия многих из этих документов, случайно или сознательно уничтоженных в последующее время. К примеру, совершенно точно в текущем делопроизводстве Новгородского разряда существовали естные и нетные списки явок служилых людей на службу²⁹³ (о подобном сохранившемся корпусе документов начала XVII в. упоминалось выше в связи с визитом датского королевича Ганса 1602 г.). Ссылки на эти документы отразились в поместных делах, в документации новгородского разряда, в переписке воевод. В приложения 5.1 фигурируют такие списки, составленные мной на

²⁸⁸ Knut Ericksons Rächenskap för ovbörd och utgift midh Nötheborgs Befestnings för Katersaksurg anno 1615 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁸⁹ Knut Ericksons Rächenskap för ovbördh och utgift midh Nötheborgs Befestnings för anno 1616 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁹⁰ Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03 – 1618. 28.02 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁹¹ Опубликовано: *Селин А. А.* Балтийские писцовые книги...

²⁹² *Аракчев В. А.* Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.

²⁹³ В деле по челобитной Г. А. Рясницына о поместье, поданной в марте 1613 г. упомянуто о нетном списке, присланном из Старой Руссы в Новгород 14 марта 1613 г., в котором указан один из его конкурентов и родственников Сергей Сидоров сын Дирина (Дело по челобитной Григория Андреева сына Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30–46). Замечу, что при рассмотрении этого дела вообще было использовано достаточно много уникальных документов (ср. выше о новгородской десятне 1583/84 г.). Характерно, что в деле о поместье по другой его челобитной использованы нетные и естные списки, присланные из Устрецкого стана после смотра 25 марта 1612 г. (Дело по че-

основе этих упоминаний: это ни в коем случае не реконструкция нетных и естных списков (где, к примеру, указывался оклад служилого человека), но именно аккумуляция информации о них. Данное утверждение можно распространить также и на составленные мной списки губных старост, стрелецких голов и сотников и проч. (приложения 5.2.1-5.2.6). Известные аутентичные тексты такого рода — это использованные в XVII в. документы-материалы для местнических споров, часто лишенные дат и с трудом поддающиеся проверке.

Глава 2. Историография

Историография Смутного времени – практически ровесница отечественной историографии. Разным вопросам истории Смуты посвящены части трудов всех первых отечественных историков (за исключением, пожалуй, «великих немцев» середины XVIII в. – Байера и Миллера). При этом последний несколько раз все же подступал к вопросу о Смуте начала XVII в. – в статье о новгородской истории¹.

Мощный импульс для осмысления Смуты дал несомненно официоз времен патриарха Филарета – Новый летописец. Это источник, пожалуй, сегодня изучен лучше всех других памятников послесмутного времени. Значение его трудно переоценить. Вплоть до сегодняшнего дня концепция Смуты, изложенная в Новом летописце продолжает оказывать мощное влияние на историографию. Из работ последних лет, посвященных, кроме всего прочего, источникам Нового летописца, нельзя не упомянуть труды В. Г. Вовиной-Лебедевой и Я. Г. Солодкина. Важно подчеркнуть, что именно новгородские страницы Нового летописца имеют важное значение в исследовании этого памятника. Все исследователи Нового летописца принимают во внимание личность хутынского архимандрита Киприана, князя Н.Я.Мещерского, известных Новому летописцу (первый из них часто считается одним из авторов этого произведения). Я.Г. Солодкин вводит в число возможных летописца еще и имя софийского дьяка Максима Куликова. В любом случае, именно к Новому летописцу восходит значительная часть историографических оценок Смуты XVIII-XX вв. Часто описания значительных эпизодов Смуты базируются лишь на Новом летописце.

В.Н.Татищев в Смутном времени интересовала в первую очередь проблема взаимоотношения царской власти и общества, и, более конкретно, законодательства эпохи Смуты². В первую очередь, речь идет о судебнике Шуйского 1607 г. В недавней своей работе В.А.Аракчеев попытался показать, что этот документ может быть связан не с неизвестными нам «источниками Татищева», но с политической деятельностью и законодательными идеями последнего (участием в подготовке «конституционного проекта» 1730 г. и написании наброска)³. Так или иначе, место исторических изысканий В.Н.Татищева в историографии Смутного времени невелико (иначе недавно высказался Я.Н.Рабинович)⁴.

Первое опубликованное исследование по российской истории «История Российская с древнейших времен» князя М. М. Щербатова значительное место отводит событиям конца XVI в., предшествовавшим Смуте. Кн. Щербатов менее многих своих предшест-

¹ Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новгород и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онога города случаях // Сочинения и переводы к пользу и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. СПб, 1761.

² Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. М., 1968. С. 154-159, 390-394 и др.

³ Аракчеев В. А. Соборное уложение 9 марта 1607 г. // Российское государство в XIV-XVII вв. Сб. статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 98-115.

⁴ Рабинович Я.Н. В.Н. Татищев о русско-шведских отношениях в Смутное время (1609-1617 гг.) Седьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 17-18 апреля 2008 г. / Под ред. С.П. Постникова. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. С. 103-111.

венников и последователей был привязан к историографической традиции Нового летописца. Историк обратился непосредственно к источникам, которые вплоть до XXI в. будут востребованы историками – архиву Посольского приказа и Разряда. Впервые на обширном материале – вводится в научный оборот огромный массив источников, история – дипломатическая и проч. – в обилии подробностей. Работа построена на Разрядах и архивных материалах. Каждый тезис ученый сопровождал рассуждением, правда в них господствовал здравый смысл. Очень активно Щербатов использовал архив Иностранной коллегии (сношения с Швецией, сношения с Польшей), описание Бантыш-Каменского. Кроме того, везде, где цитируются шведские дела есть отсылки к внутренним событиям Шведского королевства по Истории Швеции Пуффендорфа.

Для кн. Щербатова история Московского государства накануне Смуты – часть Европейской истории. Он, в отличие от многих современных ученых, рассматривает Швецию в Смуту (и накануне ее) не как цельное государство с четкой политикой, а указывает на сложную, подчас катастрофическую, политическую жизнь⁵. Привлечение архива Посольского приказа позволило кн. Щербатову исследовать сложную дипломатическую ситуацию на Северо-Западной границе и умелое использование правительством Бориса Годунова «транспортного коридора» между Выборгом и Нарвой, который закрывался и открывался для разных политических сторон Швеции по воле московской администрации⁶.

Историк справедливо утверждал, что стремление Карла IX заключить союз с Россией было необходимо для обеспечения гарантированного пути в Ливонию, что вступало в противоречие с претензиями России на Лифляндию, а паче Нарву⁷. Рассматривая этот эпизод, Щербатов использует книгу Петра Петрея (видимо, в изложении Г.Ф.Миллера)⁸. В этом же контексте кн. Щербатов утверждает, что одной из причин, побудивших Сигизмунда оказать помощь Лжедмитрию было стремление к тому, чтобы Россия не смогла оказать помощь Швеции⁹.

В оценке Н.М.Карамзина призывание в 1609 г. шведской вспомогательной армии и деятельность кн. М.В.Скопина вообще была чрезвычайно позитивна. Весь эпизод с призыванием войск Делагарди и освобождением Москвы Карамзин описывал кратко, но приподнятым слогом: «Россияне и Шведы, одни с веселием, другие с гордостью, шли как братья, Воеводы и воины, на торжество редкое в летописях мира»¹⁰. Большое внимание историк уделил рассмотрению договора Жолкевского с московскими боярами¹¹,

⁵ Ср.: «Швеция в то время – в совершенно смутном состоянии. Карлу не подчиняются многие провинции, он тщетно пытается письмами склонить племянника к выполнению обещаний. Противодействие ему в Швеции. Это заставляет его поддерживать с Москвой добрые отношения. Отдает Корелу» (*Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1904. С. 53-54*)

⁶ *Щербатов М. М. История Российская... С. 54-59.*

⁷ Там же. С. 149-150.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Там же. С. 287.

¹⁰ *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. СПб., 1892. С. 129.*

¹¹ Там же. С. 149-152.

равно как и приговора Подмосковного ополчения 1611 г. По мнению Карамзина, следующего здесь за Новым летописцем, инициатором кандидатуры шведского принца на московский престол был сам король Карл IX. Это мнение продержалось в историографии примерно столетие, до появления трудов Г. А. Замятина. В интересных тонах Н. М. Карамзин описывал события в Новгороде зимы 1611 г., когда после взятия Ладоги новгородцы «призвали Салтыкова из Ладожского стана, удостоверили крестным обетом в личной безопасности - и посадили на кол, возбужденные к делу столь гнусному злым Дьяком Самсоновым». Взятие Новгорода Делагарди Карамзин также описывал вслед за Новым летописцем, обвиняя по ходу дела Бутурлина в совместных с Делагарди попойках и повторяя рассказ о предательстве Ивана Шваля, пропустившего шведов через Чудинцевы ворота. Карамзин вновь художественно описывает взятие города: «Все спали: обыватели и стража. Шведы резали безоружных». Договор Делагарди с Новгородом Н.М.Карамзин относил к 17 июля. Как и договор с Жолкевским, а также приговор 1611 г. он описывает очень подробно¹². Видимо, вслед за Татищевым интерес Карамзина к политической жизни в Смуту, к конституционным проектам и договорам (и возможность свободно писать о существовавших в прошлом договорах государей с подданными) были соблазнительны для ученых как в XVIII, так и в XIX в.

Уже в русской историографии начала XIX в. утвердился стереотип Смуты как польско-шведской интервенции (что будет впоследствии воспроизводиться в советских и некоторых современных российских школьных учебниках истории). В приложении к монографии В. Берха об истории царствования Михаила Федоровича приводятся идеологические документы, выработанные в начале царствования Романовых, осуждающие шведов — оккупантов и разорителей Новгорода: «И оплоша разговоры и ссылкой, Новгород за ссылкой и крестным целованием взял, и многую крестьянскую кровь полили, и монастыри и церкви Божии разорили, больши семьдесят одних монастырей опричь мирских церквей, а мирских церквей больши 1500 без Божия пения учинили. И образы многих святых осквернили, и двory всяких людей пожгли... И ныне в Новгороде и во всех наших городех, Митрополита Исидора и боярина и воеводу князя Ивана Одоевского держит в неволе, и Новгородское государство и ноугородцкие пригороды и уезды разоряют и пустошают»¹³. В начале XX в. Г. А. Замятин убедительно показал, что данная сентенция была подготовлена в московских приказах уже после избрания на царство Михаила Романова и не отражает, к примеру, впечатлений, полученных о Новгороде в 1612 г. С. Л. Татищевым и П. И. Секириным¹⁴.

История взаимоотношений Московского государства и Швеции в канун Выборгского договора нашла свое отражение и в «Истории России» С. М. Соловьева. Он достаточно

¹² Там же. С. 196-197.

¹³ Берх В. История Михаила Федоровича. Ч. 2. СПб., 1832. Приложение 15. Грамота царя Михаила Федоровича к французскому королю от мая 1615 г. С. 116–159.

¹⁴ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 85–87.

подробно рассмотрел авансы Карла IX правительству Василия Шуйского, а также Выборгский договор и действия сил Скопина и Делагарди 1609-1610 гг.¹⁵

Достаточно подробно Соловьев описывает и взятие Новгорода Делагарди: «8 июля Делагарди повел приступ, но после жестокой сечи ему не удалось вломиться в город; посады были сожжены по приказанию Бутурлина. Семь дней после того шведы стояли в бездействии. Это ободрило новгородцев: в то время как некоторые из них молились день и ночь, другие стали пить, ободряя друг друга: "Не бойтесь немецкого нашествия, нашего города им не взять, людей в нем множество. Пьяные лазили на стены, бесстыдно ругались над шведами. У последних в плену был Иван Шваль, холоп Лутохина. Шваль, зная, как плохо стерегут город, обещал шведам ввести их в него. 15 июля (как рассказывал потом сам Делагарди) приехал в шведский стан дьяк Анфиноген Голенищев от Бутурлина, который велел сказать Делагарди, чтоб шел прочь от Новгорода, а не пойдет, так его проводят, Делагарди велел отвечать: "Бутурлин меня все обманывает, присылает с угрозами, хочет меня от Новгорода проводить, так пусть же знает, что я за такие речи буду у него в Новгороде". И действительно, ночью на 16 июля Шваль ввел шведов в Чудинцовские ворота так, что никто не видал; жители только тогда узнали, что неприятель в городе, когда шведы начали бить сторожей по стенам и по дворам». В приведенном отрывке интересно, что в целом следуя Новому летописцу, С. М. Соловьев вводит и новые материалы: пересказывает письмо Делагарди к королю и «додумывает» неясные указания источника. В рассказе о штурме Новгорода ученый привел обычные пассажи о героизме защитников города, вслед чему поместил достаточно подробное изложение договора новгородцев со шведами. В той же главе своего объемного труда ученый пишет о посольстве С. Л. Татищева в Новгород. В этом рассказе, важном для династической концепции Романовых, Соловьев почти буквально следует Новому летописцу. Однако, описывая посольство игумена Геннадия Вяжицкого и кн. Ф. Черного Оболенского в Ярославль, ученый использовал какой-то иной источник. Примечательно, что ход именно этих переговоров занимает большое место в «Истории» Соловьева. По мнению ученого, в ходе этих переговоров и сразу после них уже наметилось противостояние Новгорода и ярославского правительства; он отмечал, что в июле 1612 у Пожарского было так много людей, что он может послать отряд Образцова в Белозерск для противодействия нападению шведов¹⁶. Согласно С. М. Соловьеву, уже отправляя послов в Стокгольм в декабре 1611 г., они были не уверены в своих действиях, а после избрания на царство Михаила Федоровича «несчастные новгородцы стали между двух огней: отделиться от Москвы значило оторваться от всех жизненных начал; порвать связь со Швецией не было никакой возможности, ибо они были в руках Делагарди». По Соловьеву, летом 1613 г. архим. Киприан и члены его посольства испытывали большие затруднения именно в связи с тем, что было непонятно, на какой престол и кем был избран Карл Филипп. Дальнейшие действия шведской администрации в Новгороде – в целом неудачная присяга Густаву Адольфу и начало переговоров с Москвой

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 8. М., 1989. С. 520-521.

¹⁶ Там же. С. 656.

излагаются С. М. Соловьевым по Новому летописцу и Шведским делам. Ученый приводит очень интересное сравнение действий кн. Д.Т.Трубецкого под Москвой в 1612 г. и на Бронницах в 1614 г. и приходит к очень точной характеристике обеих ситуаций – «нестроение в войсках». Описывая поход короля под Псков в 1615 г. он опирается на письма Густава Адольфа к шведским чинам и цитирует их. Касаясь вопроса о Дедеринских переговорах, Соловьев использует посольские книги, а также упоминает о записках Антониса Хутеериса (именуя того Гетеерисом). Над думать, что при всем влиянии на изложение «Истории» С. М. Соловьева Нового летописца, ученый был явно не удовлетворен им как основным источником, пытаясь привлечь какие-то новые, пусть и скудные материалы¹⁷. Обилие имен в этом памятнике создают определенную иллюзию достоверности.

Другой крупнейшей фигурой историографии середины XIX в. является Н. И. Костомаров. Отношение Н. И. Костомарова к проблематике Смутного времени можно определить двояко. С одной стороны, ученый посвятил этому периоду значительную часть своего творчества. Одной из важнейших работ Костомарова является книга «Смутное время Московского государства в начале XVII века»¹⁸. Вместе с тем не стоит забывать и о научно-публицистической позиции Н. И. Костомарова, направленной против официальной науки своего времени, а следовательно, и против норманнской теории¹⁹. В связи с этим Н. И. Костомаров сформулировал и свое отношение к шведскому фактору в годы Смутного времени. Он упоминает о шведских предложениях помощи Борису Годунову против поляков, упоминая о миссии Ганса Англера в Швецию и Германию для изучения известий о том, что в этих странах думают о России, в связи с началом гражданской войны²⁰. Ученому было известно, что еще в 1607 г. шведы предлагали помощь царю Василию. Выборгский комендант прислал к корельскому воеводе кн. Мосальскому шведские предложения военной помощи (о мотивах Костомаров не пишет). Однако по приказанию Шуйского ответ был не только отрицательный, но и надменный: «вы неведомо каким обычаем пишете такие непригожие и злодейские слова». Из-под Тулы, куда был отправлен шведский гонец, ответ был дан вежливый, но тоже отрицательный²¹. Однако, когда новый претендент разбил тушинский лагерь, в Москве вспомнили про шведские предложения и Шуйский послал в Новгород кн. М. В. Скопина²². Эпизод с бегством Скопина к Ивангороду Костомаров оценивает как отражение готовности новгородцев перейти на сторону Тушина. Как известно, Скопина со свитой не пустили ни Ивангород, ни Орешек. Лишь митрополит Исидор убедил пятиконецких старост позвать воеводу назад²³. После известий об этом из Тушина прислали Кернозицкого, рас-

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 1990. С. 75.

¹⁸ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII века. Т. 1. Т. 2. Т. 3. СПб., 1868.

¹⁹ Этот вопрос подробно освещен в недавно опубликованной (но написанной около 1965 г.) книге Л. С. Клейна (*Клейн Л. С. Спор о варягах*. СПб., 2008).

²⁰ Костомаров Н.И. Смутное время... Т. 1. С. 169-170.

²¹ Костомаров Н.И. Смутное время... Т. 2. С. 149.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 171.

считывая на то, что Новгород сдастся. Татищев вызвался идти на него, но был заподозрен в измене и растерзан новгородцами. Скопин похоронил его тело в Антониеве монастыре, а имущество было распродано. Костомаров писал: «Тогда в Московском государстве уже никому не верили, и редкий по совести мог сам за себя поручиться»²⁴. Этот приход тушинцев, особенно после того, как Кернозицкий встал лагерем в Хутынском монастыре, вновь приблизил новгородцев к отпадению от царя Василия. У Костомарова присутствует идея о том, что окрестности Новгорода предалась Дмитрию²⁵. Это утверждение основано на опубликованном в «Актах исторических» донесении В. Вербышева²⁶. Многие более поздние исследователи Смутного времени (Г. А. Замятин, И. О. Тюменцев) на основании этого же известия полагают, что в 1608 г. все новгородские пятины присягнули Тушинскому вору²⁷. Источником для описания событий 1609 г., связанных с Выборгским договором и вхождением шведского войска в новгородские приделы послужила Н. И. Костомарову монография Ю. Видекинда, которую автор, вероятно, читал по-латыни. Костомаров писал: «Московское государство навсегда уступало Швеции свои давние претензии на Ливонию Шведы дорого продавали свои услуги: они потребовали уступки Корелы с уездом». Ученый указывал, что Скопин выплатил 4800 рублей из 5000 аванса, дозволил ходить в Московском государстве шведской монете, обеспечил шведов подводами. В то же время он замечал: хотя шведы и дорого продавали свою военную помощь, сами они тоже нуждались в том, чтобы помочь Шуйскому против поляков²⁸. Описывая встречу Я. Делагарди в Новгороде в 1609 г. Н. И. Костомаров довольно точно следовал апологетическому труду Ю. Видекинда, упоминая пальбу из пушек и восхваляя Скопина, утверждая, что иноземцы любовались «русским вождем». Почти полностью ученый приводит речи Делагарди и Скопина, которые, разумеется, Видекиндром были домыслены. Так же описан и поход Скопина и шведов на восток и Порхов, битвы под Торжком и Тверью (при описании битвы под Торжком, впрочем, привлечены были также записки Н. Мархоцкого). Н. И. Костомаров, однако, предполагает тайную мысль Делагарди – подольше повоевать, чтобы Шуйский не мог выплатить жалованья и вынужден был отдать северные области²⁹. Использует он также и не столь давно ставшие известными русскому читателю записки

²⁴ Там же. С. 171-172.

²⁵ Там же. С. 172-173.

²⁶ Отписка Василия Вербышева к вычегодцам о вестях про кн. М.В.Скопина Шуйского, принесении образа преп. Дмитрия Прилуцкого в Вологду, усердии вологжан к государю, о неприязни к ним тотмичей и об отказе усольских ратных людей продолжать службу без жалованья. 1609. 13.01 // ААЭ. Т. 2. 1836. № 99. С. 195-197. Есть определенные сомнения в том, чтобы на основании сообщения Вербышева: «С Вологды послали в Новгород для вестей 3 человек 14.12, они стояли на Тихвине до 6 января, нельзя было в Новгород проехать, все пятины Вору крест целовали, и Ладога и Корела и Ивангород» делать вывод о том, что в новгородских пятинах – в сельской местности была проведена правильная присяга «царю Дмитрию Ивановичу». Скорее всего данное указание следует трактовать как просто крайне низкую степень безопасности на дорогах Новгородской земли.

²⁷ Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 272.

²⁸ Костомаров Н.И. Смутное время... Т. 2. С. 245-247.

²⁹ Там же. С. 256.

Бреретона, утверждая, что шведы в 1609-1610 гг. так же как и поляки вели себя как в завоеванной стране³⁰. Видекинда и Бреретона Костомаров привлек для описания поведения войск Делагарди накануне Клушинской битвы, о бунте Колвилла и Пинарта³¹. Рассматривая взаимоотношения Новгорода и Подмосковного ополчения, Костомаров писал: «Охотнее откликнулся на присланные из Ярославля грамоты Великий Новгород. ... Люди новгородские собрались и просили благословения своего владыки Исидора на ратное дело». Они арестовали Салтыкова и Чеглокова. Грамоты из Новгорода были разосланы во все пригороды, также Псков, Торжок, Тверь, Устюжну³². Интересно, что ученый обратил внимание на тот факт, что кн. Василия Голицына под Смоленском обвинили в феврале 1611 г. в сношениях с Делагарди и в идее призвать шведского королевича. Якобы перехвачено было письмо, где Делагарди предлагает признать царем шведского королевича, обещая его переход в греческую веру³³. Описывая в специальной главе «Взятие Новгорода шведами», Костомаров указывал, что политика Швеции – в видах самосохранения противиться усилению Польши. Подробно цитируется письмо Делагарди боярам после получения им известия о выборе в Москве Владислава. После этого двинулся занимать Корелу, действовать против Ивангорода, Ладоги, Орешка³⁴. Подробно Костомаров описывает взятие Ладоги (которое считает, в целом, неудачей шведов) и Корелы. Здесь он также следует Видекинду³⁵. По мнению ученого, Салтыков из Новгорода намеревался идти в Москву, за что новгородцы посадили его в тюрьму, а затем (здесь ученый следует Никоновской летописи), когда ненависть к полякам возросла, его вывели из тюрьмы и посадили на кол, после чего в город приехали кн. И.Н.Большой Одоевский (тот на самом деле уже находился в городе. – А.С.) и В.И.Бутурлин и начались переговоры со шведами о размене пленных. Вслед за этим новгородцам от короля и Делагарди поступили предложения об избрании на престол одного из шведских принцев³⁶. События июня- июля 1611 г. Н.И.Костомаров излагает преимущественно следуя Видекинду, но и сравнивает его известия с отечественными источниками, замечая: «По единогласному сообщении шведских и русских источников, Бутурлин хотел не только признать шведского королевича на русский престол, но и отдать Новгород в руки шведов»³⁷. Это, по Костомарову, вызвало резкую отповедь кн. И.Н.Одоевского, твердившего, что все равно, поляки или шведы – это враги Московского государства. Большое внимание Н.И.Костомаров уделил договору Делагарди с Новгородом, снова апеллируя к «Истории» Видекинда. Костомаров ошибочно утверждал, что согласно договору, Новгород должен был стать особым государством, не присоединенным к Швеции, при этом гарантировалась неприкосновенность товаров и имущества, а в отношении народов «положено равенство». На этом основании ученый

³⁰ Там же. С. 265.

³¹ Там же. Т. 2. С. 342-344, 352-353.

³² *Костомаров Н.И.* Смутное время... Т. 3. С. 116-117.

³³ Там же. С. 167-168.

³⁴ Там же. С. 191.

³⁵ Там же. С. 192-193.

³⁶ Там же. С. 193-194.

³⁷ Там же. С. 201.

делает вывод: северная часть государства была отторгнута. Русские должны были убедиться в том, что искать среди принцев себе государя не стоит, поляки и шведы, все едино³⁸.

Некоторые страницы исследования Н. И. Костомарова посвящены Пскову в годы Смуты. Авантюру Псковского вора ученый трактовал следующим образом: псковичи признали его, потому что слишком «мерзким казалось им любое иноземное господство, хоть польское, хоть шведское». По мнению Костомарова, приход 4 декабря 1611 г. Вора во Псков из Ивангорода совершился по инициативе псковичей (прямых источников, указывающих на это сегодня не известно)³⁹. Конец этой авантюры Костомаров описывал, следуя «Истории» Юхана Видекина: «На дороге напал на провожавший его отряд Лисовский, и тут пришел конец вору; казаки, провожавшие царика бежали и тащили за собой связанного вора на коне; вдруг он упал с лошади; тогда кто-то из казаков проколол его копьем; потом ему накинута на шею веревку и привязали к лошади»⁴⁰. Костомаров отдает этому известию предпочтение перед русскими источниками, сообщаящими о казни Вора в Москве.

Переговоры Новгорода с ярославским правительством летом 1612 г. Н. И. Костомаров пересказывает в режиме диалога, следуя опубликованным в «Актах исторических» документам. Ученый повторяет версию Нового летописца о том, что сами переговоры велись только для того, чтобы шведы не мешали походу на Москву⁴¹. При этом гонца Богдана Дубровского ученый считал делегатом на избирательный собор от Новгорода, который от имени Делагарди уверял собор, что королевич уже идет в Новгород. Ему велели передать Делагарди, что иноземца на русский престол уже не ждут⁴².

Интересно суждение Костомарова о том, что территориальные потери по Столбовскому миру были незначительными. Он (вероятно, справедливо) полагал, что налаженный путь через Архангельск вполне устраивал внутреннюю русскую жизнь⁴³. Публицистическое замечание ученого о том, что в московском обществе отсутствовали внутренние связи (те, которые ныне именуются «горизонтальными»), а цементирующей его силой являлась лишь государственная власть, было отмечено и подвергнуто критике Б. Н. Флорей⁴⁴.

Монография Н. П. Лыжина, посвященная установлению мира между Москвой и Швецией и основанная на материалах архива Посольского приказа, была написана в этом же русле историографии: Москва абсолютно права во всех своих действиях, а шведы с 1611 г. стремятся отторгнуть от русской земли тот или иной кусок. Старорусский же

³⁸ Там же. С. 207-209.

³⁹ Там же. С. 209-213.

⁴⁰ Там же. С. 263.

⁴¹ Там же. С. 257-259.

⁴² Там же. С. 292-293.

⁴³ Там же. С. 326.

⁴⁴ Флорей Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 11.

воевода кн. А. К. Шаховской, служивший на этом посту с 1612 по 1617 г., должен считаться предателем⁴⁵.

В трудах В. О. Ключевского тема Смуты рассмотрена достаточно своеобразно и, вместе с тем, характерно. Обнаружить зависимость от Нового летописца в его работах сложно. В то же время анализ общего превалирует над рассмотрением вопросов частных. Это вполне объяснимо: ученый писал именно университетский курс русской истории, а такой подход соответствует дидактической задаче курса. Общее было важнее объяснить студентам. Если сравнивать, к примеру, сколько места в «Курсе» Ключевского отводится Выборгскому договору 1609 г. и сколько - подкрестной записи Василия Шуйского, то такое сравнение будет явно в пользу последнего⁴⁶. Важное место в «Русской истории» В.О.Ключевского занимают документы Смуты, показывающие отношения власти и общества. Это не только подкрестная запись Шуйского, но и проект договора с Сигизмундом 4 февраля 1610 г., который ученый характеризует как «целый основной закон конституционной монархии»⁴⁷. И далее: «Люди хватаются за писанный закон, когда чувствуют, что из-под ног ускользает обычай, по которому они ходили... Салтыков с товарищами... старый колеблющийся обычай... стремились закрепить новым, писанным законом, его осмыслявшим». Сразу же после этого ученый пишет о подмосковном договоре 17 августа и о земском приговоре июня 1611 г. По мнению Ключевского, приговор более всего ограждал интересы провинциальных служилых людей. Ополчение еще ничего не совершило, а выступило всевластным распорядителем земли⁴⁸. Ученый не вдавался в частности, ему необходимо было показать гражданские памятники и общественные достижения Смуты. Поэтому он очень неточно (в разделе об образовании Второго ополчения) пишет, что «шведы взяли Новгород и выставили одного из своих королевичей кандидатом на московский престол»⁴⁹. Очень вскользь ученый упоминает и о кандидатуре Карла Филиппа, как в июле-августе 1612 г., так и в январе-феврале 1613⁵⁰. Гораздо важнее Ключевскому новые мысли о природе власти в Московском государстве, проявившиеся в Смуту. Г. Сунбулов, свергая Василия, говорит о всенародном собрании. Князь Г. К. Волконский, на посольстве в Польше говорит, что силой Дмитрию не удержаться⁵¹. В оценках ученого очень заметно проявляется исследовательский интерес к отношениям власти и общества, к парадоксам и альтернативам Смуты. В то же время, реальная альтернатива Романовым, существовавшая в 1612-1613 гг., им рассмотрена не была.

⁴⁵ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

⁴⁶ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М., 1993. С. 158-159.

⁴⁷ Там же. С. 159-161.

⁴⁸ Там же. С. 164.

⁴⁹ Там же. С. 176.

⁵⁰ Там же. С. 178.

⁵¹ Там же. С. 186-187.

Сухой и объективный взгляд на позицию Шведского королевства в Смутное время высказал в своем богатом источниковой базой исследовании Г. В. Форстен⁵². Основным источником для Форстена – шведская историография (начиная с истории Густава Адольфа, написанной Галленбергом в середине XIX в.) и документы Стокгольмского архива. В значительной степени работы Г. В. Форстена были направлены на знакомство русского читателя с шведскими материалами и историографией. Кроме того, ученый впервые в русской историографии сделал важные наблюдения над «русской политикой» Швеции XVI-XVII вв. По наблюдениям Форстена, целью Карла IX с 1605 г. являлось проникновение на территорию Московского государства⁵³. Однако в 1605 г., в связи с занятием Лжедмитрием I Московского престола, шведский король впервые обратился к новгородцам с посланием, обличающим политику римского папы, сеющего Смуту в России⁵⁴. Основным принципом политики Карла IX, по Форстену был *Utilitätprincip*⁵⁵. 30 августа 1609 г. король так писал Эверту Горну: «Нам всего важнее – собственная польза, а потому и следует позаботиться о вознаграждении за все понесенные нами убытки в настоящей войне»⁵⁶. Карл IX действительно постоянно побуждал своих военачальников к активным действиям по захвату русских крепостей. Его преемник, Густав Адольф, в целом продолжал политику отца. В 1614 г. молодой шведский король принял решение лично отправиться на войну. Обозрев занятые шведами земли, Густав Адольф, как считал Г. В. Форстен, принял решение уступить Москве наиболее разоренные уезды Новгорода, Ладоги, Порхова и Старой Руссы.

Особый концептуальный взгляд на Смутное время с оригинальной периодизацией был сформулирован С. Ф. Платоновым в фундаментальной монографии, выдержавшей бесчисленное количество переизданий⁵⁷. Взгляд на события в Новгороде 1611 г. и более поздний период шведско-новгородского альянса и, позднее, оккупации у С.Ф.Платонова однако не разработан досконально. Важнейший источник для ученого здесь – Новый летописец. По мнению С. Ф. Платонова, шведы с самого начала стремились к поглощению Новгорода, а договор 25 июля 1611 г. отторгал Новгород от Московского государства и соединял его со Швецией наподобие унии между Польшей и Литвой⁵⁸. Это положение было аргументировано опровергнуто Г. А. Замятиным⁵⁹, работа которого в свое время не была опубликована, и С. Ф. Платонов с ней не познакомился.

⁵² *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февраль. С. 325–349; сентябрь. С. 185–213.

⁵³ Уже после Тязинского мира и начала династической борьбы в Шведском королевстве проблема коридора между Выборгом и Нарвой стояла очень остро.

⁵⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции... С. 329.

⁵⁵ Там же. С. 345.

⁵⁶ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 85.

⁵⁷ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Издание 5-е. СПб., 1995.

⁵⁸ Там же. С. 357.

⁵⁹ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 217-218, прим. 82.

В 1913 г. в империи помпезно отмечалось 300-летие царствования дома Романовых. В том же году в Юрьеве вышла в свет монография Г. А. Замятина «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.)»⁶⁰, где автор, уже заявивший о себе как о ярком источниковеведе⁶¹, последовательно проводит мысль о том, что кандидатура Михаила Романова была не главной на Соборе февраля 1613 г. и что ранее, летом 1612 г., важнейшие лица Второго ополчения, включая князя Дмитрия Пожарского, поддерживали идею избрания на московский престол шведского принца (эта идея была сформулирована еще в Первом ополчении). Замятин критиковал не только официальных идеологов Романовского царствования — от московских бояр 1615 г. до своих современников, но и С. Ф. Платонова, сомневавшегося в легитимности Совета всей земли 1611 г. и в его правомочности выбирать царя (во всяком случае, и на Соборе 1613 г. новгородцы представлены не были). Основным источником для исследований Г. А. Замятина послужила коллекция «Шведские дела» из бывшего архива Посольского приказа (ныне ф. 96 РГАДА). Русские документы шведских архивов были ему знакомы только по конспективным публикациям К. Якубова. Однако ученому удалось воссоздать точную картину переговоров новгородцев с Первым и Вторым ополчениями и продвижения идеи избрания шведского принца на московский престол. Причину занятия Новгорода шведами Замятин видел не в вероломстве последних, а в саботаже переговоров с Делагарди чашником Бутурлиным⁶², который, как известно, во время взятия шведами острога на Софийской стороне разграбил ряды на Торговой стороне и ушел из Новгорода на Бронницы. Подчеркнул Замятин и то, что никаких сведений в документах московского происхождения о разорениях, чинимых шведами в Новгороде, не найдено. Описание состояния Новгорода и православной церкви в нем, данное послом из Ярославля С. Л. Татищевым было вполне благоприятным. Уже в первой своей монографии Замятин поставил вопрос о причинах появления оппозиции шведам в Новгороде. По всей вероятности, вызвана она была разочарованием новгородцев в не приехавшем в город Карле Филиппе и военными поражениями под Тихвином и Старой Руссой в 1613–1614 гг. Как заметил Г. А. Замятин, лица, которых в 1615 г. посланный из Новгорода в Москву Я. М. Боборыкин перечислял как наиболее преданных слуг царя Михаила Федоровича в занятом шведами городе (боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, митрополит Исидор, дьяк Семен Лутохин), стояли у руля власти в Новгороде в 1611–1615 гг.

В заключительной части книги Замятин привел жизнеописание Якова Боборыкина, новгородского дворянина, заподозренного в промосковской позиции, даже приговоренного к смерти, но успешно ее избежавшего и во время переговоров в Дедерине перебежавшего на сторону Москвы⁶³. Очерк о Я. М. Боборыкине был напи-

⁶⁰ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа...

⁶¹ Замятин Г. А. Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году (отд. оттиск. из ЖМНП. С. 63–87).

⁶² Там же. С. 18.

⁶³ Там же. С. 122, прим. 2. Г.А.Замятин ссылался на «Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы его в бывшую со шведами

сан ученым по его челобитной, поданной в 1622 г. и составившей особое дело в коллекции «Шведских дел»⁶⁴. Замятин не проследил дальнейшую судьбу Боборыкина, хотя известно, что после возвращения Новгорода под власть московских царей, он был назначен на воеводство в Старую Руссу, затем вновь оказался на службе в Москве, был записан в московский список и служил судьей Поместного приказа.

В 1915 г. ученый побывал в Швеции. Ему удалось познакомиться с документами об избрании Карла Филиппа, хранящимися в Государственном архиве Швеции⁶⁵. Вторая монография Г. А. Замятина, также подготовленная в Юрьевском университете, осталась неопубликованной из-за начавшейся Гражданской войны. После Гражданской войны Замятин остался в СССР. Стремившийся продолжить исследование выбранной им раз и навсегда научной темы, он был оторван от важнейших источников, хранившихся в заграничных – шведских и эстонских архивах. В 1950-х гг. вышли из печати еще две небольшие работы ученого — о военных действиях в Поморье в 1612–1614 гг.⁶⁶ и об осаде Пскова Густавом Адольфом в 1615 г.⁶⁷.

В 2008 году три монографических работы Замятина, хранившиеся в нескольких архивохранилищах, были опубликованы. Творческий путь Г. А. Замятина рассмотрен в специальной статье Г. М. Коваленко, составитель и редактор этой публикации⁶⁸. Коваленко показал, что в межвоенный период ученый активно продолжал заниматься выбранной еще в студенческие годы темой, но, по странному стечению обстоятельств, именно в Новгороде встретил противодействие своим планам. В планы новгородской секции ИИ АН СССР в 1930-е гг. входило издание сборника документов по истории шведской интервенции в России. В 1939 г. Замятин шлет из Молотова (Перми) копии документов из Государственного архива Швеции руководителю секции, А. А. Строкову. В этом же году он высылает в секцию статьи «К истории унии Новгорода со Швецией» и «Выступление новгородцев против первого царя из рода Романовых в 1613 г.». С.В.Бахрушин очень высоко оценивал вторую статью, но его смутила тема: неудобная, когда проявляется интерес к борьбе против интервентов. Выводы статьи противоречат выводам недавно опубликованной статьи В. А. Фигаровского «Отпор шведским интервентам...». В конце концов, ни сборник документов, ни статьи опубликованы не были. Докторскую диссертацию в ЛОИИ перед войной Замятин защитить также не смог⁶⁹. Спорное место у Г.А. Замятина с В.А. Фигаровским. Последний предполагал: переговоры в Выборге

войну к Российскому государству показанные», архивный шифр которого в начале XX в. был следующим: МГАМИД, Шведские дела 1616. № 12. Св. 15.

⁶⁴ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12.

⁶⁵ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин (1882-1953) // ИЗ. Т. 9 (127). М., 2006. С. 364-373.

⁶⁶ Замятин Г. А. Походы шведов в Поморье в начале XVII века // УЗ Молотовского ГПИ. Вып. 2. Молотов, 1951. В Молотове Замятин находился с 1938 г.

⁶⁷ Замятин Г. А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // ИЗ. Т. 40. 1952. С. 186–213.

⁶⁸ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин (1882-1953) // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 9-30.

⁶⁹ Там же. С. 16-17.

велись о присоединении Новгорода к Швеции, а не об избрании Карла Филиппа русским царем. Замятин высказывал иное мнение. Оно было сформулировано ученым еще в диссертации 1918 г.

Три опубликованных в 2008 г. работы Замятина, написанные в первой половине XX в., были посвящены трем разным эпизодам Смуты. Со студенческих лет Г.А. Замятина волновал вопрос об избирательном соборе 1613 г. Этому вопросу и кандидатуре принца Карла Филиппа была посвящена самая объемная из работ, написанная в 1918 г. Рукопись ее хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В этой работе Замятин более подробно рассмотрел последовательность установления шведской власти в Новгороде, а также вопрос о взаимоотношении шведов и новгородских властей. Более детально он изучил проблему формирования антишведской оппозиции в Новгороде, а также способы сбора информации как шведами, так и москвичами с помощью лазутчиков, вербовку сторонников обоими враждебными лагерями среди новгородцев. Так, в 1615 г. подьячий Григорий Собакин разослал лазутчиков из Старой Руссы «по Моншину приказу» (т. е. по прямому указанию секретаря М. М. Пальма), а строитель Ивановского монастыря близ Ладоги Варсонофий, к которому князь Данило Мезецкий с товарищами отправил в 1616 г. «для вестей» крестьянина Ларку Федорова, сообщил Ларке: «слухом» он, строитель, слышал, «что Яков Пунтусов из Новгорода июля в 8 день в понедельник разослал по государевым городам для вестей лазутчиков русских людей...»⁷⁰. В этой монографии Замятин поместил еще один биографический очерк, на этот раз посвященный Никите Калитину, одному из наиболее последовательных сторонников шведов, в чем-то авантюристу, 2 июля 1620 г. принятому в шведское дворянство⁷¹.

Ученый достаточно убедительно показал, что кандидатура принца не просто имела сильных сторонников, но первоначально победила на соборе. Позиция казаков, переломившая ход выборов в пользу Михаила Романова, была сформирована еще в ходе разногласий 1611 года. Противоречия в Подмосковном ополчении, приведшие к его распаду, сформировались и при обсуждении кандидатуры шведского принца на Совете всей земли. И. М. Заруцкий резко выступал за «Воренка»⁷². В. И. Бутурлин вел переговоры с Делагарди, опираясь на приговор Совета всей земли от 16 июня 1611 г.⁷³ Парадокс заключался в том, что после штурма и взятия Новгорода 16-17 июля 1611 г. новгородцы договорились с Делагарди о том, о чем было поручено договориться Бутурлину. При этом идея выбора принца на московский престол не имела поддержки ни у

⁷⁰ Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 96-101.

⁷¹ Там же. С. 149-150. При написании биографического очерка о Никите Калитине Замятин использовал документы из фонда «Сношения России с Швецией», в частности – показания Юрия Копнина.

⁷² Об этом писал еще Н. И. Костомаров, утверждая, что Ляпунов ждал Делагарди, лишь бы Карл Филипп принял православие, Заруцкий же выступал сильно против этого (*Костомаров Н.И.* Смутное время... Т. 3. С. 203).

⁷³ Замятин Г.А. Россия и Швеция... С. 54.

Карла IX, ни в подмосковных таборах⁷⁴. Положение усложнилось со смертью Карла IX и восшествием на престол Густава Адольфа, который считал Новгородскую землю подчиненной своей короне. Замятин – единственный ученый, который документально обосновал пожалования королем новгородских дворян уже в 1612 г. («начал даже раздавать русским пожалования в Новгородской области»). Он ссылается на работу Седергрена, где приводятся данные о трех пожалованиях. А в архиве Делагарди в Тарту сохранились два подлинных пожалования Густава Адольфа Петру Федорову (?) и Федору Боборыкину⁷⁵. В январе 1612 г. король писал в Новгород о своих милостях новым подданным, в то время как Делагарди настаивал перед королем о прибытии Карла Филиппа в Выборг. Обычно в качестве примеров пожалований земель новгородцам приводят документы Новгородского Поместного приказа (из фонда Новгородской приказной избы). Однако эти пожалования не были королевской инициативой, а были, так сказать, продолжением обычной поместной практики. Замятин же в качестве аргумента приводит ссылки на документы из архива Делагарди – жалованные королевские грамоты 1612 г.⁷⁶ Интересно замечание Замятина о том, что ярославское правительство долго медлило с посылкой послов в Новгород, опасаясь, что их постигнет та же участь, что и кн. В.В.Голицына в Речи Посполитой⁷⁷. Однако самый главный для Замятина вопрос – это судьба кандидатуры шведского принца на московском избирательном соборе. Он подчеркивает, что представитель Новгорода (не Богдан Дубровский, как считал Костомаров, а Федор Боборыкин) 26 декабря 1612 г. выехал в Москву (в тот же день вместе с Рихардом Розенкранцем вернувшись из Швеции с письмами короля)⁷⁸. При этом далее ученый подчеркнул, что Боборыкин так и не стал участником собора, на котором, таким образом, не было выборов от Новгорода⁷⁹. Г.А.Замятин, единственным из отечественных ученых, рассматривал избирательный собор 1613 г. в Москве как важный фактор общеевропейской политики. По его мнению, Собор должен был решить, кто победит, католическая или протестантская партия в Европе⁸⁰.

Вторая опубликованная в 2008 г. работа Г.А.Замятина была написана уже после Второй мировой войны и посвящена осаде Пскова фельдмаршалом К. К. Юлленгельмом. Ценным вкладом Замятина в достаточно длительную историю изучения псковских осад и оборон XVI-XVII вв. является активное привлечение материалов Посольского приказа (ф. 96 РГАДА) и резко критическое отношение к нарративным (летописным) данным. Даже характеризуя режим Псковского вора, установленный в конце 1611 г., Г.А.Замятин писал, что в его описании летописец явно сгустил краски – насилие, правед в кормах и проч. видимо имели место, но не в большей мере, чем это практиковали другие политические режимы того времени⁸¹. Сам же Замятин выступает в этот период

⁷⁴ Там же. С. 56, 59.

⁷⁵ Там же. С. 63; С. 220, сн. 102.

⁷⁶ Там же. С. 63.

⁷⁷ Там же. С. 75.

⁷⁸ Там же. С. 91.

⁷⁹ Там же. С. 139.

⁸⁰ Там же. С. 92.

⁸¹ Там же. С. 277.

своего научного творчества с довольно резкими оценками: коллаборационистами он именуется не только Никиту Калитина (чья судьба была рассмотрена им еще в книге 1918 г.), но и князей И. И. Одоевского и И. А. Мещерского, участвовавших в осаде Пскова в 1615 г.⁸² И другие новгородцы, сотрудничавшие со шведской администрацией получают у Замятина резкие оценки (к примеру, он пишет, что все ясно с «политическим лицом» Семена Муравьева, участвовавшего в рекогносцировках 1616 г.)⁸³ Вместе с тем, ученый попытался найти логику в выборе шведами и оставшимися на службе в Новгороде новгородцами мест для поимки языков в 1615-1616 г. По мнению Г. А. Замятина, набег на поместье Курапа Мякинина был своего рода мстью за переход того в московский стан в 1614 г. под Бронницами. Ученый подробно рассмотрел биографию Мякинина; впрочем все же маловероятно, чтобы в выборе места для набегов присутствовала какая-то осмысленность⁸⁴. Вообще, один из излюбленных Замятиным приемов изложения был таков: упоминание о каком-то из деятелей сопровождалось развернутым пересказом его биографии. Так, к примеру, Замятин добавил довольно подробную биографическую справку о Богдане Дубровском, упомянув о его расспросных речах после возвращения из Москвы⁸⁵.

Третья работа Г. А. Замятина, вышедшая из печати в 2008 г., была написана для публикации в Карелии. Чрезвычайно подробно в ней рассматриваются обстоятельства заключения Выборгского договора, его условий и, в особенности, передачи Корелы Швеции. Особое место – роль кн. М. В. Скопина-Шуйского и мера его самостоятельности при заключении договора. В результате получается следующая картина: по Замятину, Скопин-Шуйский, имея определенный карт-бланш, в ситуации, когда шведские уполномоченные фактически «выкрутили руки» московским посланным, согласился на передачу Корелы Швеции, но как мог долго скрывал это от царя Василия Шуйского. Здесь Скопин вырисовывается такой же фигурой, какой через год-два стали Делагарди и Жолкевский: удаленные от своих государей, те на свой страх и риск будут принимать решения о кандидатурах на московский престол.

Четыре книги Замятина (из них три – опубликованные в 2008 г.) очень разные. Две последние (об осадах Пскова и судьбе Карелии) относятся уже к историографии второй четверти XX века (несмотря на мощный образовательный фундамент ученого, сильно отличающий его наследие от наследия младших современников) и являются исследованиями по региональной истории. Во всех напечатанных работах Г. А. Замятина читается общая концепция истории Новгорода в Смуту: новгородские власти в 1611 г. заключили договор с Делагарди; в 1611-1612 гг. шли активные переговоры последнего с ополчением в Ярославле о призвании на московский престол принца Карла Филиппа,

⁸² Там же. С. 320-322. В другой своей работе Г. А. Замятин так писал о кн. И. А. Мещерском: «Типичный для начала XVII в. летун, переметчик». Довольно резки и суждения о его военной судьбе: служил полякам (речь, видимо идет о походе кн. Мещерского в 1610 г. под Ладогу, о котором писал П. Делавилль), потом шведам в Порхове, потом за него перед царем Михаилом Федоровичем просил Курап Мякинин (Там же. С. 457).

⁸³ Замятин Г.А. Россия и Швеция... С. 342.

⁸⁴ Там же. С. 368-369.

увенчавшиеся успехом. После политической неудачи начала 1613 г., приведшей к избранию на московский престол Михаила Федоровича и падения Тихвина и Гдова, в 1614 г. начинается новый период действий шведских властей в Новгороде, сопровождавшийся эскалацией насилия. Мне такой взгляд Замятина на события в Новгороде представляется взвешенным и оправданным. Однако, неопубликованные при жизни автора, эти работы не оказывали влияния на отечественную историографию вопроса вплоть до 1990-х гг.

Небольшая работа Ю. В. Готье, посвященная Смутному времени вышла в начале 1920-х гг. В книге в целом традиционное изложение истории рубежа начала XVII в. оказалось отчасти подчинено новой риторике. Слова «Московское государство опустошалось гражданской войной» в России 1921 г. звучало особым образом; вместе с тем еще ничего не говорится о крестьянской войне, хотя движению Болотникова Ю. В. Готье уделяет достаточное внимание. Вступительный очерк посвящен краткому обзору революций и эволюций в разных странах. Очень образно Ю. В. Готье охарактеризовал причины Смуты – и служилый человек и крестьянин – впряжены в службу государству. Над ними витали два призрака – земля и воля. Он подчеркивает: уже при Болотникове идея справедливости потонула в крови и насилии⁸⁶. Вполне точно ученый описывает роль соседей Московского государства: корыстная помощь Швеции и столь же корыстный интерес Польши⁸⁷. Интересно, что переворот в Москве 17 июля 1610 г. Готье именовал «революционным» (в соответствии с формулировкой революции во введении). Примечательно объяснение ученым событий лета 1612 г. По его мнению, в Ярославле появился настоящий кандидат на престол, его выдвинули новгородцы. Отклонить его Пожарскому было нельзя – получили бы еще одного врага, Швецию⁸⁸. Это мнение ученого заставляет предположить знакомство его с первыми исследованиями Г.А. Замятина (книжка «К вопросу об избрании...» и статьей в Журнале министерства народного просвещения). Вывод Ю.В.Готье таков: раздражение против шведов – гораздо менее, чем против поляков. Делагарди вел себя гораздо «корректнее». Королевич Карл Филипп и Густав Адольф, ведшие войну – оставили после себя не такую память как Сигизмунд и его сын Владислав⁸⁹.

В 1920-х гг. в сборнике «Века» были опубликованы две работы молодых тогда историков, посвященные людям XVI–XVII вв., чья судьба так или иначе была связана с Новгородом. В очерке П. А. Садикова «Царь и опричнина» подробно рассматривалась судьба одного из членов позднейшего опричного правительства Василия Грязного, который, кроме всего прочего, после взятия в опричнину Шелонской пятины получил поместья в Которском погосте. Портрет В. Грязного, нарисованный П. А. Садиковым, многосторонне и ярко представляет его как неординарного человека, волею судеб при-

⁸⁵ Там же. С. 106.

⁸⁶ Готье Ю. В. Смутное время. Очерк революционных движений начала XVII столетия. Б.м., 1921. С. 59.

⁸⁷ Там же. С. 69-70.

⁸⁸ Там же. С. 99.

⁸⁹ Там же. С. 145.

ближенного к безумному царю.⁹⁰ В очерке С. В. Бахрушина речь идет об уже упоминавшемся мной участнике событий Смуты на Северо-Западе Андрее Палицыне, который был охарактеризован автором как «русский интеллигент XVII века»⁹¹. Личность Андрея Палицына обрисована ученым нелицеприятно: в 1608 г. он был послан И. М. Заруцким «от Спаса на Тушине» в Тотму, после чего оказался в плену у сторонников Василия Шуйского. В 1610 г. А.Ф.Палицын участвовал в посольстве к Сигизмунду как представитель городского дворянства, в то время как его отец, Федор Палицын, служил окольным Псковскому вору. После прихода к власти Романовых А. Ф. Палицын сохранил чин стряпчего и получил воеводский пост в Угличе. В 1614 г. «под его командой образовался отряд казаков с довольно темным прошлым, с которыми он засел в Рамышевском острожке под Старой Руссой, угрожая одновременно и этому городу, занятому шведским ротмистром Вагнером, и самому Новгороду» (речь идет об участии А. Ф. Палицына в боевых действиях кн. Д. Т. Трубецкого под Новгородом). В марте 1614 г Палицын нанес поражение «немецким людям» между Руссой и Новгородом и одновременно оказал поддержку Г. Валуеву в Невеле. В челобитных царю Михаилу Федоровичу Палицын писал: «А брат, государь, мой родной... за твое государское имя от Якова Пунтусова по составам розрезан, а мертвое его тело брошено в Волхов». Это было ложью: Семен Палицын продолжал служить в Новгороде при правительстве Де-Лагарди — Одоевского и получал прибавки к поместным дачам. Он погиб при осаде Тихвина летом 1613 г.⁹²

В 1930–1950-х гг. в Советском Союзе тема шведского присутствия в Новгороде в начале XVII в. рассматривалась исключительно в рамках иностранной интервенции в Московское государство. Именно в этом ключе выдержаны даже работы самых доскональных исследователей, как правило редко вводивших в оборот новые документы. К примеру, в работе В. Шункова, основанной на материалах, опубликованных К. Якубовым, заметное внимание уделялось содержащимся в них указаниям на взаимоотношения помещиков с крестьянами⁹³. В. Шунков обратил внимание на два важных сюжета. Первый из них является примером крестьянской верности. Один помещик Водской пятины, Богдан Ададунов, уехал из Новгорода во Псков. По нормам, бытовавшим в Новгороде в то время, хлеб из изменничьего поместья должен был быть отписан на государя. Часть хлеба, вероятно, помещик скрыл в лесных тайниках — «ямах». Как выяснилось, зимой 1613/14 г. Ададунов нелегально приезжал к себе в поместье и, пользуясь расположением оставшихся своих крестьян, вывозил и прятал свои хлебные запасы. Взятый по доносу крестьянин Ададунова Иван Кондратьев Косяга всячески отрицал свою вину, по-

⁹⁰ *Садиков П. А.* Царь и опричнина (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574–1576 гг.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 36–78.

⁹¹ *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 79–110.

⁹² *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга... Т. 2. С. 60.

⁹³ *Шунков В.* Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII века // ИЖ. 1945. № 1–2. С. 3–8.

крывая своего прошлого владельца⁹⁴. Другой сюжет касается Арины Новокшеновой, чей муж оказался вдали от своего поместья. В отсутствие мужчины ее крестьяне отказались оказывать Новокшеновой повиновение, на что она и жаловалась новгородскому правительству⁹⁵.

Надо заметить, что остро негативное отношение к шведскому фактору в годы Смуты присутствует далеко не во всех работах советских ученых. В 1930-е гг. появилось несколько работ, посвященных Новгороду периода оккупации, принадлежащих перу В. А. Фигаровского. Ученый впервые рассмотрел все сложные перипетии посольства архимандрита Киприана и Якова Боборыкина с товарищами в Москву весной 1615 г., используя вслед за Г. А. Замятиным коллекцию «Шведских дел» из архива Посольского приказа (ныне ф. 96 РГАДА). Употребляя понятие «измены» по отношению к новгородцам начала XVII в., Фигаровский не следовал политической риторике своего времени, но скорее пользовался терминологией московских документов 1615–1617 гг.⁹⁶ Позицию новгородцев в 1615 г. Фигаровский также толкует как неоднозначную: они (лично архим. Киприан) утверждали в Москве, что узнали об избрании Михаила Романова только в августе 1614 г., несмотря на то, что Эверту Горну было известно об этом уже в июле 1613 г. Характерным было, по мнению ученого, и заявление новгородцев о том, что если к сроку московское правительство не начнет переговоров о мире, то они поцелуют крест Густаву Адольфу. Разумеется, в своей статье 1937 г. ученый был вынужден использовать терминологию, принятую в то время. Так, споры в Новгороде в 1611 и 1615 гг. он именуется следствием классовой борьбы⁹⁷. При этом Фигаровский достаточно точно анализирует предшествующую

⁹⁴ Дело по челобитной Г. Обольянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б. Ададунова и Б.Мальшева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

⁹⁵ Дело по челобитью Арины, жены Воина Новокшенова на своих крестьян. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:30.

⁹⁶ Ученый писал: «Это (рассмотрение всех новгородцев как изменников в Москве. — А. С.) подтверждается следственным делом приказного стола Разрядного приказа за 1614 год: «О сношениях Ратмана Вельяминова, воеводы в полку князя Трубецкого, князя Андрея и Григория Шаховских с дядей последних новгородским изменником холмитином князем Андреем Константиновичем Шаховским». На всем протяжении следствия новгородцы называются изменниками» (Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 57, прим. 3).

⁹⁷ Надо сказать, что здесь В. А. Фигаровский учитывал достижения историографии своего времени: там, где он пишет о классовой борьбе в Новгороде в 1611 г., он апеллирует к примеру борьбы во Пскове 1607–1609 гг. В 1930-е годы события во Пскове того времени были охарактеризованы в монографии М. Н. Тихомирова, посвященной событиям 1650 г. (Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1935). Позднее этим событиям была посвящена особая статья ученого: Тихомиров М. Н. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию ак. В. П. Волгина. М., 1955. С. 181–189). Вплоть до 2000 года в отечественной историографии борьбу во Пскове представляли либо как классовую, либо как борьбу «верхов» с «низами», либо как социальную (в этом ключе оцениваются события во Пскове даже новейшим исследователем И. О. Тюменцевым — Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999). Новый взгляд на развитие событий во Пскове был изложен в работах В.А.Аракчеева (Аракчеев В. А. 1) Псков-

историографию, называя отрицание приговора об избрании шведского принца в ляпуновском ополчении — официальным мнением царской историографии: «Эта позиция дворянской историографии совпадает с официальными утверждениями правительства Михаила Романова»⁹⁸.

В работах В. А. Фигаровского также впервые была сделана попытка прояснить позицию новгородского правительства летом 1611 г. По его наблюдениям, большинство новгородской знати склонялось к принятию союза со шведами (о «недоумении» кн. И. Н. Большого Одоевского вскользь упоминает Новгородская третья летопись). Впрочем, анализируя договор новгородцев с Делагарди, Фигаровский пользуется терминологией классовой парадигмы: по словам ученого, в договоре «охраняются интересы духовенства, боярства и дворянства». Интересен анализ В. А. Фигаровским событий в Новгороде в 1614 г.: результаты «плебисцита» 31 июля 1614 г., когда «изо всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать», ученый объясняет не абстрактной «патриотической позицией», а прежней присягой жителей города королевичу Карлу Филиппу⁹⁹. При всей антишведской риторике текстов Фигаровского, они кажутся результатом вдумчивого и кропотливого исследования ученого, рассмотревшего много конкретных обстоятельств новгородской жизни эпохи Смуты. Пусть о чашнике В. И. Бутурлине Фигаровский пишет, что тот «изменил Родине и стал шведским шпионом»¹⁰⁰, но последовательность событий и сложность взаимоотношений между людьми, оказавшимися на службе в Москве и, соответственно, в Новгороде, передана Фигаровским досконально¹⁰¹. Возможно, впрочем, что оценка Бутурлина как предателя может восходить к известному Г. А. Замятину письму Делагарди королю Карлу IX о том, что во время переговоров Бутурлин предложил шведским войскам обманным образом удалиться от Новгорода на Северо-Запад, за это время Бутурлин должен был отдалить новгородское войско от города и, таким образом, сдать город шведам. Но Делагарди Бутурлину не поверил¹⁰². Впрочем, знакомство В. А. Фигаровского с этим письмом сомнительно.

Обстоятельные исследования И. С. Шепелева, появившиеся в печати еще в сталинские годы также вполне объективно, в духе Замятина, трактовали взаимоотношения шведов

ский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 165–200; 2) Псков и Новгород: две стратегии в хаосе Смуты // Чело. 2004. № 3. с. 25–32).

⁹⁸ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства... С. 60.

⁹⁹ Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3/4. 1938. С. 58–85.

¹⁰⁰ Это утверждение базируется по всей видимости, на знакомстве Фигаровского с делом о приезде посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г. Обвинение Бутурлина в «измене» было высказано Я. М. Боборыкиным (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 171а–172).

¹⁰¹ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 53–82; Он же. Отпор шведским интервентам...

¹⁰² Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 55.

и Первого земского ополчения¹⁰³.

Гораздо более поверхностна работа В. Лилеева, где в основном пересказывались труды конца XIX – начала XX в. — К. И. Якубова и Г. А. Замятина. Вновь, вслед за В. А. Фигаровским, фигура чашника Бутурлина у Лилеева была названа «изменничьей»¹⁰⁴.

В послевоенное время большое место события эпохи Смуты в России заняли в трудах И. П. Шаскольского. В трудах И. П. Шаскольского очень точно восстанавливаются конкретные события Смуты, такие как борьба вокруг Корелы и Орешка в 1610 г., на новом витке гражданской войны¹⁰⁵.

Новый всплеск внимания к истории Новгорода начала XVII в. проявился в 1960-х гг., после поездки советских ученых во главе с Л. В. Черепниным в шведские архивы. Ученый очень точно определил значение документов коллекции для реконструкции повседневной жизни, нравственных ориентиров и социального облика новгородцев, поставив вопрос о необходимости изучения биографий новгородских дворян, указав на «их изменчивые судьбы в сложных условиях интервенции и острых социальных конфликтов».

Особое место в работах Черепнина занял поиск новых сведений о дьяке Иване Тимофееве, чей «Временник» в 1951 г. был заново опубликован О. А. Державиной. Им было обнаружено судное дело, возбужденное дьяком Пятым Григорьевым, всеильным руководителем Новгородского дворцового приказа, против Ивана Тимофеева. Л. В. Черепнин подчеркнул связь между судебными преследованиями, которым дьяк Иван Тимофеев подвергался в Новгороде при шведах, и строками его «Временника», говорящими о злобствовании в Новгороде не только шведов, «иже граз враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих» но и «неверных» «же приседят о нас татю в ловителях ко еллинам», которых Тимофеев обвинял в расколе общества. По мнению Черепнина, под этими неверными Тимофеев имел в виду скорее всего новгородских дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина¹⁰⁶. Рассматривая данное судебное дело, Черепнин попытался выявить политическую приверженность его фигурантов. По его наблюдениям, дьяк Тимофеев был врагом и дьяку Ефиму Телепневу (перебравшемуся ко времени завершения «Временника» в Москву и имевшему чины дворянина

¹⁰³ *Шепелев И. С.* Шведская интервенция в России в 1610–1611 гг. и отношение к ней Первого земского ополчения // УЗ Пятигорского ГПИ. Вып. 4. Кафедра отечественной истории. 1949. С. 175–198.

¹⁰⁴ *Лилеев В.* Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С. 100–110. Представляется, что «изменником» В.И.Бутурлина сделал генеалогический парадокс: его часто путают с другими Василиями Бутурлиными, оказавшимися в Новгороде в 1611–1617 гг., в первую очередь с юным В. Бутурлиным, взятым в плен в 1614 г. в Гдове и оказавшимся под прямым покровительством короля Густава Адольфа в Швеции (подробнее: *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 19). Полагаю, что чашник В. И. Бутурлин вряд ли признал бы того за своего родственника.

¹⁰⁵ *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.

¹⁰⁶ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 454–472.

московского, позднее — думного дьяка), и М. И. Татищеву. Черепнин считает, что «между смертью Скопина в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь». Здесь Черепнин склонен вслед за традиционной русской историографией XIX в. идеализировать Скопина. По мнению Черепнина, челобитчики на Тимофеева в апреле 1611 г., в том числе гость Степан Иголкин, входили в число бывших сторонников Татищева¹⁰⁷. По какой-то причине Черепнин счел гостя Степана Иголкина, члена Выборгского посольства 1611–1612 гг., сторонником шведской династии¹⁰⁸, хотя позиция С. Иголкина на переговорах с королем была совсем не однозначной и даже, как сказали бы советские ученые 1960-х гг., «патриотической»¹⁰⁹.

В своей поздней работе Андерс Шёберг вернулся к проблеме, захватившей советских ученых в 1960-е гг. — кто же были те самые неизвестные враги Ивана Тимофеева в Новгороде. Интересно, что Шёберг подошел к этому вопросу комплексно, подробно

¹⁰⁷ Л. В. Черепнин неточно характеризует взаимоотношения внутри новгородской администрации в апреле 1611 г. вследствие одной ошибочной идентификации. Дело о пропавших образах было возбуждено в ходе проверки дел, оставшихся в приказе после отъезда дьяка Петра Третьякова под Москву. В Новгород бывший тушинский думный дьяк П. Третьяков прибыл осенью 1610 г. вместе с Иваном Салтыковым и уехал в Москву, вероятно, вскоре после его гибели. Говоря о том, что Петр Третьяков и Степан Иголкин — участники посольства 1611–1612 гг. в Стокгольм, Черепнин пугает дьяка Петра Третьякова с подьячим Петром Третьяковым Копниным, сыном дьяка Третьяка Копнина, действительно сопровождавшим отца в Стокгольм.

¹⁰⁸ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры...

¹⁰⁹ Так, апологет Якова Делагарди шведский историк XVII века Юхан Видекинд описывает поведение С. Иголкина на аудиенции у Густава Адольфа: «Неуместная речь новгородского старосты. Когда те уже собирались это сделать, вдруг бестолково вмешался новгородский староста (в латинском переводе: один из бургомистров) Степан Иголкин (Igolkinus) и спросил, что это еще за присяга? Может быть, они решили совсем покориться шведской власти? Ему-то она столь же противна, как и польская (в латинском переводе: Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели)» (Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 281–282). По наблюдениям комментатора Видекинда В. Геймана, «очевидно, текст присяги, принесения которой требовали шведы, говорил не о признании Карла Филиппа самостоятельным от Швеции русским царем, а об инкорпорации Новгорода в состав Шведского государства. Инструкция Густава Адольфа от 18 июля 1613 г. шведским сенаторам, сопровождавшим Карла Филиппа и уполномоченным для ведения переговоров в Выборге, предписывала добиваться присоединения Новгорода к Швеции в том случае, если в Выборг придут послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода... Поэтому речь Иголкина далеко не была "бестолковой", а имела большой политический смысл. Она изложена Г. В. Форстеном несколько в иной редакции, чем у Видекинда: "О какой клятве идет тут речь, уж не намерены ли шведы подчинить русских своей Короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше"... Интересную аналогию случаю с купцом Иваном (так у В. Геймана. — А. С.) Иголкиным можно усмотреть в эпизоде, относящемся уже к началу XVIII века. Во времена Северной войны некий купец Иголкин (однофамилец, а возможно и потомок современника Смуты), оказавшись в плену у шведов, убил двоих из них за оскорбительные слова в адрес России и Петра I. По легенде, шведский король Карл XII, изумленный храбростью и патриотизмом Иголкина, отменил вынесенный ему смертный приговор и отправил на родину. Позднее, в 1830-х гг. этот случай послужил сюжетом для картины "Подвиг купца Иголкина"» (Немировская М. А. Акварель и рисунок XVIII – первой половины XIX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1982. С. 23 — цит. по В. Гейману).

рассмотрев взаимоотношения между новгородскими властями и Швецией, а также Выборгские переговоры 1613 г.¹¹⁰ Совершенно точно недоброжелателем Ивана Тимофеева был гость Степан Иголкин, которого шведские информаторы о Выборгских переговорах называли «новгородским бургомистром»¹¹¹.

В одной из своих недавних работ Л. Е. Морозова, пытаясь анализировать историографию Смуты в трудах ее современников высказала несколько экстравагантную идею. По ее мнению, митрополит Исидор после событий лета 1611 г. и захвата шведами Новгорода «стал вынашивать план создания отдельного Новгородского государства во главе со шведским принцем Карлом Филиппом. Фактически такое государство существовало с июля 1610 (так! — А. С.) г. по 27 февраля 1617 г.». Исследователь считает, что «Временник» Ивана Тимофеева был написан с целью политического обоснования такого государства¹¹². Представляется, что произведение дьяка, одного из страдательных (в отличие от Пятого Григорьева и подьячего Григория Собакина) элементов приказной бюрократии Новгорода, никак не может считаться обоснованием независимости Новгорода; напротив, мнения дьяка чрезвычайно резки в отношении практически всех фигурантов политической жизни того времени¹¹³.

В конце XX в. появились первые исследования Новгорода как служилого города. Важным стимулом для исследования новгородского поместного землевладения явилась деятельность семинара А. Л. Шапиро в 1960–1970-х гг., результатом работы которого явилось издание четырех томов «Аграрной истории Северо-Запада России». Главной целью исследований большой группы ленинградских историков было крестьянское хозяйство Северо-Запада. Обратившись к исследованию комплекса массовых письменных источников XV–XVII вв., основу которого составляли писцовые книги, тема поместного землевладения, а также персонального состава новгородского дворянства непременно возникала во многих работах участников семинара, создававшихся параллельно с написанием коллективных монографий. В первую очередь следует отметить публикации Г. А. Победимовой, специально исследовавшей весь комплекс делопроизводства Поместного приказа, касающийся Деревской пятины. Результатом наблюдений над этим комплексом явилась специальная статья Г. А. Победимовой, посвященная генеа-

¹¹⁰ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies in Novgorod // *Scando-Slavica*. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

¹¹¹ Конфликтовавший со Степаном Иголкиным дьяк Иван Тимофеев рисует его портрет не столь патетически. Дьяк обвинял купца в злоупотреблениях при сборе тамги: «Да тот же, государь, Степан Иголкин, сидячи в таможенной избе, торгует всякой мяжкой рухлядью. И как, государь, придет гость вс товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе – соболи и рыси и бобры, и всякой мяжкой товар для своей корысти. И как, государь, тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль сидячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровый ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяжкой рухлядью торгуют». Попытку привлечь Иголкина к ответственности Тимофеев предпринял сразу по прибытии в Новгород, в феврале 1607 г. (*Корецкий В.И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // *АЕ* за 1974 г. М., 1975. С. 145-167.С. 152-153).

¹¹² *Морозова Л. Е.* Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // *Культура средневековой Москвы. XVII век.* М., 1999. С. 249–277.

логии служилого сословия XVI в.¹¹⁴

В 1990-е годы исследования новгородских писцовых книг продолжились уже в Российском государственном архиве древних актов. Результатом этих исследований стала до сих пор продолжающаяся публикация писцовых книг Новгородской земли XVI в. под редакцией К. В. Баранова. Одновременно А. В. Антонов и К. В. Баранов ведут масштабную работу по выявлению следов частных архивов московских служилых людей в архивах центральных учреждений Московского государства. Эти изыскания принесли много новой информации для понимания обстоятельств сложения новгородского служилого города. Равно значимы и отдельные исследования К. В. Баранова, посвященные родословиям новгородцев, их связям/несвязям с послужильцами московских бояр, родству с новгородскими родами XV в. (здесь, надо сказать, К. В. Баранов, следует той традиции, которая была заложена еще в начале XX в. Н. В. Мятлевым)¹¹⁵.

Близкие идеи более развернуто сформулированы в статье А. П. Павлова о специфике новгородской и псковской служилых корпораций. Исследователь подчеркивает, что удаленность северо-западных городов на протяжении XVI–XVII вв. затрудняла проникновение выходцев оттуда в состав Государева двора. Со временем эта тенденция усиливалась. Хотя после Смуты значительная часть новгородцев оказалась записанной в состав дворян московских, это не усиливало, но ослабляло город¹¹⁶.

З. А. Тимошенкова, чье особое внимание всегда привлекали материалы, связанные с Иверским монастырем и соответственно Старорусским уездом, в небольшой статье о новгородских крестьянах в 1611–1617 гг. основное внимание уделила описанию Старой Руссы и ее уезда, хотя в статье содержится и общий обзор других дозоров, составленных при шведах¹¹⁷.

Два ярких явления эпохи Смуты рассмотрены П. В. Седовым в нескольких работах, основанных на копиях архива Новгородской приказной избы. Первая из этих работ посвящена Лжедмитрию III, гротескной фигуре Смутной эпохи, значение которой было в том, что в 1611 г. ему присягнуло Подмосковное ополчение, а также города Арзамас, Орел, Рязань, некоторые другие города. Несколько недель «Вор Матюшка» властвовал во Пскове. Архив Новгородской приказной избы сохранил немало косвенных сведений о новгородцах, служивших Псковскому вору и даже входивших в его двор. Эти сведения были обобщены П. В. Седовым. Результатом обобщения стала статья — самое ис-

¹¹³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888. С. 135.

¹¹⁴ Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Т.14. 1983. С. 59–64.

¹¹⁵ Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 85–97.

¹¹⁶ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

¹¹⁷ Тимошенкова З. А. Новгородские крестьяне в период шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М., Л. 1974. Ч. 2. С. 3–24.

черпывающее на сегодняшний день исследование этого движения¹¹⁸. Подчеркну здесь лишь то, что именно со Псковским воеводством связано возвышение Михаила Милославского, плененного в Ивангороде, перевезенного во Псков и там, вероятно в союзе с Н. Плещеевым и кн. И. Ф. Хованским, участвовавшего в свержении самозванца и присяге псковичей Михаилу Федоровичу.

В двух других статьях П. В. Седова содержится подробное исследование обстоятельств взятия Новгорода войсками Я. Делагарди 15 июля 1611 г. и переговоров, предшествовавших этому событию¹¹⁹. П. В. Седов оперировал целым комплексом синхронных источников, в частности двумя документами из архива Новгородской приказной избы, связанными с делопроизводством новгородского винного погребца за 1610/11 г.¹²⁰ Эти материалы довольно подробно показывают интенсивность действий новгородского правительства в мае — июне 1611 г. по налаживанию добрых взаимоотношений с Делагарди. П. В. Седов впервые четко выявил роль В. И. Бутурлина в ведении и срыве переговоров в Хутыньском монастыре. Интересен взгляд П. В. Седова на личность чашника Бутурлина. В источниках содержатся разные оценки этой фигуры: Новгородская третья летопись и Новый летописец чествуют его как изменника. Но правительство Михаила Федоровича посылает его осенью 1613 г. под Новгород. Хутыньский архимандрит Киприан в Москве в 1615 г. в ответ на вопрос о шведских лазутчиках обвиняет его в сношениях с Делагарди во время стояния войска боярина кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами. По мнению ученого, Бутурлин не был склонен к полю брани, но скорее к тайным переговорам, что и проявилось в мае—июне 1611 г. П. В. Седов цитирует строки памфлета на сторонников В. И. Шуйского, повествующие о Бутурлине: «А такого вора и доводчика нет, и на отца родного доводил»¹²¹. При этом позиция Бутурлина на переговорах, согласно П. В. Седову, заключалась в том, чтобы любыми усилиями склонить шведов к выступлению под Москву против польского гарнизона. Очень точно ученый характеризует состояние города в середине июля 1611 г. и действия новгородцев в критические дни после перемирия, достигнутого 27 июня. Присланный от ополчения дьяк Афиноген Голенищев еще 8 июля позволил себе открыто угрожать шведам, при том что Новгород был совершенно не готов к обороне. В тот же день новгородцы под прикрытием дыма от подожженных ими предместий напали на шведов. 12 июля 1611 г. последовала «сильная вылазка» новгородцев, вскоре произошел «правильный» штурм города войсками Делагарди. Седовым найдены два синодика Входаиерусалимской церкви Новгородского кремля, в которых записаны имена павших при взятии

¹¹⁸ Седов П. В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22–33.

¹¹⁹ Седов П. В. 1) Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127; 2) Интриги Смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

¹²⁰ Эти документы рассмотрены мной в двух работах: Селин А. А. 1) Осколки тушинского двора на Северо-Западе, или Кто и сколько пил в Новгороде в 7119 году // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4(14). С. 65–67; 2) Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

Новгорода Тимофея Шарова, Афиногена Голенищева, неизвестного Седову Степана Теглева¹²², которых поминали в течение трех столетий после взятия города.

Чрезвычайно ценным является наблюдение П. В. Седова о том, что в сообщении Новгородской третьей летописи о взятии шведами Новгорода использована «Повесть о взятии Московском и о пленении земли Руские от царя Тохтамышша» (равно как, по наблюдениям И. О. Тюменцева, в описании Авраамием Палицыным осады Троице-Сергиева монастыря Сапегой использована «Повесть о нахождении Батория под град Псков») ¹²³.

В. Г. Вовиной-Лебедевой принадлежит обстоятельное исследование Нового летописца – памятника, много места уделяющего истории Новгорода в Смуту. Рассматривая фигуру архимандрита (позднее – митрополита) Киприана, ученый касается проблемы посольства новгородцев в Москву 1615 г. Касаясь персонально состава посольства, В. Г. Вовина ищет представителей родов Муравьевых, Боборыкиных, а также упоминаемого Новым летописцем (в редакции Ундольского) в положительных контекстах кн. Н. Я. Мещерского, среди членов Государева двора эпохи Филарета. Источником для этого отрывка вероятно послужили материалы столбцов Посольского приказа 1615-1617 гг., в которых именно Я. М. Боборыкин, М. Ш. Муравьев и кн. Н. Я. Мещерский постоянно фигурируют в качестве сторонников царя Михаила¹²⁴; вряд ли их родственники в 1630-х гг. оказали влияние на именно такую сохранность архива Посольского приказа. Упоминание Новым летописцем о просьбе Киприана, который «паде у ног государевых и просяще милости у него государя о тех, кои воровали и посягали на православных крестьян» совершенно точно соотносится с официальным приказным отчетом о посольст-

¹²¹ Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992. М., 1994. С. 317–319.

¹²² Степан Теглев — помещик Бежецкой пятины, верстанный на 250 четвертей новичным верстанием в 1596 г. (Лихачев Н. П. Десятина новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 113–209), выславший осенью 1610 г. на службу дворян Бежецкой пятины. (Дозездная память Бежецкой пятины Суглицкой волости попа Дмитрия Агафонова о выезде боярских детей на службу в Новгород. 1610. 22.10 // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 304. С. 359). По моим сведениям, он не погиб при взятии Новгорода, 20 августа 1613 г. Степан Теглев привез из Выборга грамоту от Карла Филиппа, написанную 7 августа, в которой тот объявлял о желании присоединения к Новгороду Московского и Владимирского государств (Грамота шведского принца Карла Филиппа новгородским митрополиту Исидору, воеводе кн. И. Н. Одоевскому и земским чинам о принятии мер к истреблению гдовских и тихвинских мятежников и о скорейшей присылке в Выборг уполномоченных от всего государства. 1613. 7.08 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 8–10; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 98). По списку, данному на Москве Ивану Салтыкову, имел оклад в 750 четвертей. По даче 1605/06 г. владел в Бежецкой пятине: с 1597/98 г. в Егорьевском погосте в Минце помещьем Григория Пустошкина; в 1606/07 г. получил 45 четвертей поместья Якима Теглева, в 1610/11 г. — 322 четверти Никиты Мякинина (Дело по челобитью Степана Теглева и Егупа Боборыкина о поместье Антона Лихарева. 1614, до 20.01 // РА, NOA. Serie 2:315). 20 января 1614 г. получил вместе с Егупом Боборыкиным отдельную грамоту на поместье Антония Лихарева в Шелонской пятине (445 ч.). По подписной челобитной пошлин с них взято не было (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // РА, NOA. Serie 1:44. С. 43).

¹²³ Тюменцев И. О. Смута в России... С. 294-295.

¹²⁴ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 191-192.

ве. В 4 главе мы вернемся к вопросу о позиции Киприана в 1615-1616 гг. Отмечу здесь, что действительная картина происходившего в Москве при приеме посольства Киприана неясна: то, что рассказывал приехавший в Новгород Киприан противоречит официальному отчету Посольского приказа: согласно последнему, тайного приема у дьяка Петра Третьякова, отдельно от Киприана и посадских людей удостоились Я.М.Боборыкин и М.Ш.Муравьев, однако Киприан рассказывал в Новгороде о том, что такой встречи с посольским дьяком удостоился он¹²⁵, что похоже на правду. Именно к Киприану в апреле 1615 г. обратился Горн с просьбой уговорить новгородцев присягнуть Густаву Адольфу. За отказ Киприан был подвергнут репрессиям¹²⁶. Вместе с тем, по сведениям англичанина Павла Томасова, рассказ Киприана Горну о московских новостях был совсем не панегиричным. Именно этот рассказ содержал донос на Боборыкина и Муравьева и явился причиной настойчивости Горна в приведении новгородцев к присяге¹²⁷. Очередным репрессиям Киприан подвергся летом 1616 г., после того как шведы обнаружили составленную при его участии грамоту к московским послам и признал свою подпись на грамоте¹²⁸. В.Г. Вовина подчеркнула, что в Новом летописце делается акцент на особых страданиях Киприана после возвращения посольства в Новгород; именно в этом отрывке прослеживается его судьба, до новгородской митрополии¹²⁹. Важными должны считаться наблюдения В. Г. Вовиной над оценкой личности кн. И. Н. Большого Одоевского в «Новом летописце» (и, соответственно, в последующей историографии). По справедливому утверждению Вовиной, «роль Одоевского явно положительная, хотя он сам ничего не совершил». В источнике скупо говорится об обстоятельстве целования креста принцу Карлу Филиппу; хотя несомненно и князь Одоевский и митрополит Исидор участвовали в принятии решения об этой присяге. Митрополит Исидор, как и кн. И. Н. Одоевский, оценивается Новым летописцем нейтрально. 16 июля 1611 г. он, как свидетельствует источник, стоял на городской стене и пел молебны. По мнению исследовательницы, такое отношение к кн. Одоевскому и митрополиту Исидору связано с близостью к ним архимандрита Киприана; в то же время, с его личностью может быть связана и негативная оценка Новым летописцем чашника В. И. Бутурлина, обвиняемом в постоянном пьянстве и называемом виновником отсутствия совета между воеводами¹³⁰.

В 1990-е годы группа исследователей в Санкт-Петербургском университете, возглавляемая В. М. Воробьевым, также обратилась к изучению городских служилых корпораций. Однако путь, по которому пошли ученые при изучении, в частности, новгородского дворянства, был не исследованием судеб людей, но, основанным на десятнях и

¹²⁵ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70-85.

¹²⁶ Расспросные речи новгородца Федора Баишева о новостях в Новгороде и в немецком стане. 1615.16.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 201.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастыря перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369-374.

¹²⁹ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец... С. 312-314.

¹³⁰ Там же. С. 334.

близких к ним по содержанию документах статистическим подсчетом, направленным в первую очередь на установление боеспособности тех или иных городских полков¹³¹. Наиболее важными и основательными работами этой группы представляются исследования Н. В. Смирнова, посвященные преимущественно тверской городской корпорации. Впрочем, его перу принадлежат и обобщающие исследования о боеготовности и обеспеченности всего русского войска¹³².

Новгороду эпохи Смуты посвятил серию своих статей Г. М. Коваленко. Его перу принадлежит обзорный очерк деятельности Якова Делагарди в Новгороде¹³³, большой текст о новгородских переводчиках XVII в.¹³⁴ Ценнейший вклад Г. М. Коваленко в исследование новгородского общества той поры заключается в открытии и публикации сообщения М. Клементьева о Московском государстве после избрания Михаила Федоровича¹³⁵. Это единственный нарративный документ, вышедший из-под пера одного из рядовых героев новгородской жизни Смутного времени, по своей критичности приближающийся к известной «Повести о земском соборе 1613 г.»¹³⁶

В последние годы большое число работ о Новгороде и новгородцах Смутного времени опубликовала Е. И. Кобзарева. Ее исследования базируются на копиях столбцов Новгородской приказной избы, сделанных для советских ученых в 1960-е годы и хранящихся в ГАРФ. Серия статей Кобзаревой в недавнем прошлом завершилась монографией, защищенной как докторская диссертация¹³⁷. Важное место в монографии занимает исследование судеб новгородцев в 1611–1617 гг. Е. И. Кобзарева противопоставляет тех служилых людей, которые сотрудничали со шведской властью тем, кто саботировал или противостоял ей. Полагаю, что такого противопоставления недостаточно для того, чтобы понять особенности жизни служилых людей в Новгороде начала XVII в. и только просопографическое исследование может приблизить к такому пониманию.

Е. И. Кобзаревой принадлежат ценные наблюдения о взаимоотношениях внутри новгородского общества в 1611–1617 гг., о политической истории этого времени¹³⁸. Исследо-

¹³¹ Смирнов Н. В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 91–99; Алой А. А. Рязанское и новгородское поместное землевладение в первой половине XVII века // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 85–91.

¹³² Смирнов Н. В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г.Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 369–382.

¹³³ Коваленко Г. М. Яков Делагарди в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1998 г. Новгород, 1998. С. 88–91.

¹³⁴ Коваленко Г. М. Новгородские переводчики XVII в. // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 123–128.

¹³⁵ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1992. С. 128–131.

¹³⁶ Повесть о земском соборе 1613 г. // Хроники Смутного времени. М., 1998.

¹³⁷ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005..

¹³⁸ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

ватель пишет о том, что материалы архива Новгородской приказной избы позволяют говорить о проблемах выбора простого человека в Смутное время, выявляют мотивы тех или иных поступков новгородцев в эту непростую эпоху¹³⁹. Справедливым кажется суждение исследовательницы том, что нельзя именовать кн. И. Н. Большого Одоевского «последовательным сторонником шведской власти»¹⁴⁰. Ценными являются наблюдения о значительном числе представителей Первого ополчения, оказавшихся в Новгороде в 1611 г. и игравших существенную роль в переговорах со шведами. Однако утверждение Кобзаревой о том, что отход этих людей от власти в 1613 г. имел следствием ослабление контактов Новгорода с Москвой кажется преждевременным. Утверждая, что «представители... ополчения остались для Новгорода инородным телом», исследовательница не замечает того, что многие из них были новгородцами по происхождению¹⁴¹. Связывать настроения в Новгороде 1608-1609 гг. в пользу царя Василия Шуйского с тем временем, когда боярин кн. В.И.Шуйский был новгородским воеводой, искать среди новгородцев консервативную группировку, сложившуюся в конце XVI в. и поддерживавшую в 1608 г. кн. М.В.Скопина Шуйского наверное слишком смело.

Особенностью исследований Е. И. Кобзаревой является то, что шведы в них предстают с определенным знаком минус — оккупантами, а сотрудничество новгородцев со шведами рассматривается не просто как компромисс, но как измена. Наиболее продуктивные наблюдения Кобзаревой встречаются там, где исследователь вводит в оборот материалы Разрядного архива¹⁴².

По мнению исследователя, войско М. В. Скопина-Шуйского в 1608/09 г. в основном состояло из крестьян (на что нет совершенно никаких указаний в источниках)¹⁴³. Выводы исследователя парадоксальны: новгородцев на шведской службе оставалось много. И даже когда шведам пришлось прибегнуть к серьезным карательным мерам (имеется в виду высылка из поместий на службу, что практиковали все власти в XVI–XVII вв.), это не привело к массовым отъездам¹⁴⁴.

Специальные исследования посвящены особой группе новгородских служилых людей, оставшихся после 1617 г. на службе у шведского короля Густава Адольфа (так называемым «байорам» — от русского «боярин», «сын боярский»). Появление таких исследований связано с тем, что часть потомков этих шведских родов (Аминовы, Пересветовы-Мураты) до сих пор живут в Швеции и Финляндии. Среди генеалогических работ наиболее обстоятельна и критична переведенная недавно на русский язык большая статья датского исследователя Дж. Х. Линда, выпущенная отдельной книгой. Ученый рассмотрел все посвященные этим родам исследования, начиная с XVIII в., и показал, что

¹³⁹ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 12.

¹⁴⁰ Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // *Novgorodica* 2006. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. В. Новгород, 2007. С. 182-183.

¹⁴¹ Там же. С. 183-187.

¹⁴² Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 16, 26, прим. 6.

¹⁴³ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 68.

наибольшее число генеалогических преданий возникло в середине XVIII столетия, в связи с необходимостью шведским дворянским родам доказывать, что утерянные ими в Ингерманландии земли — не жалованные королем, но их родовые владения. Происхождение и внутренние связи «байорских» родов Барановых, Насакиных, Разладиных, Аминовых, Бутурлиных, Калитиных и Рубцовых досконально изучены датским ученым, в его работе рассмотрены и многие обстоятельства попадания этих родов на шведскую службу, преимущественно в годы Смуты¹⁴⁵.

В исследовании шведского слависта А. Пересветова-Мурата, также опубликованном на русском языке, в целом повторяются основные тезисы Дж. Х. Линда о неродовитости большинства «байорских» фамилий. Здесь в большей степени использованы материалы Новгородской приказной избы и отчасти затронуты некоторые аспекты повседневной жизни (к примеру, развернуто цитируется письмо Олфера Северова в «действующую армию» к Мурату Пересветову)¹⁴⁶.

Серия работ об облике сельского пространства Северо-Запада в эпоху Смуты и, шире, в конце XVI – начале XVII века принадлежит А. А. Шенникову и Ю. Г. Малкову. Оба ученых в своих архитектурно-градостроительных изысканиях, обратились к рисункам Антониса Хутеериса, секретаря голландского посольства, отправленного Генеральными Штатами с посреднической миссией для заключения мира между Швецией и Москвой в 1615 г. Особое внимание ученых привлекли две гравюры Хутеериса — одна изображает «боярскую усадьбу» (Тесово)¹⁴⁷, на другой помещен вид участка Ивангородской дороги между Чащинским монастырем и Орлинским погостом, в районе будущей русско-шведской границы¹⁴⁸.

Этот раздел главы был бы неполным без упоминания появившихся в 2007-2008 гг. годы статей саратовского исследователя Я. Н. Рабиновича о малых городах Новгородской земли в 1611-1617 гг. Ученому принадлежит вступительная статья к новому переводу записок полковника Делавилля, в которых дается яркая характеристика автора записок и последовательно излагаются те исторические обстоятельства 1609-1611 гг., в которых Делавиллю довелось участвовать (в частности, оборона захваченной им Ладоги зимой 1610-1611 гг.)¹⁴⁹ Основные источники для Я. Н. Рабиновича — это материалы Посольского приказа (ф. 96 РГАДА), извлеченные им из работ Г. А. Замятина (опубликованных только в 2008 г.) в сопоставлении с «Историей» Юхана Видекинда, а также мате-

¹⁴⁴ Там же. С. 204.

¹⁴⁵ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции...

¹⁴⁶ Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие байог'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376. На самом деле, письмо было написано из действующей армии, из Бронниц (Частное письмо Мурату Пересветову от Олферия Сидорова // РА, НОА. Serie 2:24. Л. 7 (лист разорван)).

¹⁴⁷ Шенников А. А. Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей: Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980. С. 130–143.

¹⁴⁸ Малков Ю. Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год) // Древний Новгород. История, искусство, археология. М., 1983. С. 338–353.

¹⁴⁹ Мезин С. А., Рабинович Я. Н. Пьер Делавилль и его сочинение о Смутном времени // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 111-123.

риалами архива Новгородской приказной избы, изложенных в публикации К. И. Якубова.. Следует отметить, что статьи Я. Н. Рабиновича, базирующиеся преимущественно на пересказанных источниках, вместе с тем имеют достаточно важное значение. В них ученый ставит вопросы в целом, в соответствии с научными запросами современности. Статьи Рабиновича, хоть и основанные преимущественно на трудах Г. А. Замятина, практически лишены риторики и пафоса, характерных для эпохи, когда писались работы его предшественника. Среди небольших исследований Я. Н. Рабиновича – статьи о Порхове, Ладого, Гдове в Смутное время; одна работа посвящена личности английского посредника на русско-шведских переговорах Джона Мерика, другая – кн. Е. Ф. Мышецкого, новгородца и саратовского воеводы¹⁵⁰.

* * *

Можно констатировать, что история Новгорода в годы Смуты, история русско-шведских отношений начала XVII в. хорошо изучены и продолжают привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных ученых. Политическая история событий на Северо-Западе 1611-1617 гг. также может считаться хорошо разработанной. Своей целью в настоящей книге я ставлю разработку вопросов внутренней жизни Новгорода и, прежде всего, новгородских служилых людей под шведской властью. Именно эта сторона истории Новгорода начала XVII в. наименее исследована.

¹⁵⁰ Рабинович Я.Н. 1) Малые города Северо-Запада России в Смутное время (Гдов в 1610-1621 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XIX. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 3-31; 2) Порхов в противостоянии Пскова и Новгорода в Смутное время (1608-1617 гг.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XX. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 3-31; 3) Порхов в противостоянии Пскова и Новгорода в 1608-1612 гг. // Чело. № 3 (40). 2007. Великий Новгород, 2007. С. 3-5.

Глава 3. Новгородская земля в начале XVII века. Историко-географический обзор

Большая часть документов архива Новгородской приказной избы происходит не из Новгорода, а из Новгородской земли. В них содержится обширный материал о деревнях, погостах, острогах, городах, селах и деревнях, территории, которая была подвластна новгородско-шведскому правительству 1611–1617 гг. Надо сказать, что облик этого пространства в годы Смуты чрезвычайно изменился. В данной главе я рассмотрю исторический ландшафт Новгородской земли, на фоне которого происходили политические события начала XVII в., коснусь общих процессов, характерных для всей рассматриваемой территории, и дам описание основных ее районов и пунктов.

В годы правления, а позднее царствования Бориса Годунова Новгородская земля постепенно выходила из кризиса, в который ее завлекла разрушительная политика Ивана IV и прокатившиеся по ее территории бои заключительного этапа Ливонской войны. Восстановление Новгородской земли заключалось, в частности, в воссоздании поселенческой системы, существовавшей в докризисную эпоху, т. е. в первой половине — середине XVI в. Однако позднейшие события полностью расстроили наметившийся процесс восстановления.

Начавшаяся в конце 1604 г. гражданская война в Московском государстве первоначально лишь косвенно коснулась Новгородской земли: вплоть до 1607 г. новгородские служилые люди принимают участие в боевых действиях сначала на Северщине, позднее, при Василии Шуйском, под Калугой, Тулой и в других районах Московского государства. Однако уже в 1608 г. боевые действия докатываются до Новгородской земли, которой угрожает непосредственная опасность быть подчиненной тушинскому правительству.

В условиях непрекращающейся войны власть новгородского правительства в разные периоды его существования распространялась на разные территории, подчас и за пределами «большого» Новгородского уезда¹. Вопрос о подчинении тех или иных территорий Новгороду в 1611–1617 гг. изучен комментаторами к труду Юхана Видекинда. Составленные ими карты на сегодняшний день — наиболее содержательная иллюстрация к историческому исследованию шведского историка. Именно они лучше всего демонстрируют динамику подчинения Новгороду тех или иных территорий в годы Смуты². В настоящей главе я попробую наметить не освещенные данными картами явления, происходившие в сельском расселении на Северо-Западе в рассматриваемый период.

Географические особенности Северо-Запада определяли многие повторения маршрутов в годы Смуты. И в 1609 г. кн. М. В. Скопин-Шуйский, и в 1611 г. В. И. Бутурлин требовали от генерала Я. Делгарди идти как можно быстрее к Москве. И в том, и в другом случае шведские руководители предпочитали действия в непосредственной близости от

¹ Подразумеваю здесь территории, подчиненные Новгороду: собственно Новгородский, Ладонский, Копорский, Ореховский, Корельский, Порховский, Ямской, Ивангородский и Старорусский уезды.

² Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.

Новгорода и Пскова. Движения из центра к Новгороду не раз останавливались на Бронницах, к востоку от города: здесь накануне входа в город остановился в октябре 1610 г. И. М. Салтыков, в июле 1611 г. здесь ненадолго остановился изгнанный из города В. И. Бутурлин, весной – летом 1614 г. в Бронницах встало войско кн. Д. Т. Трубецкого и Д. И. Мезецкого. Позднее, в дни новгородского восстания 1650 г., здесь остановилось войско боярина кн. И. А. Хованского.

В то же время, гражданская война и политическая неустроенность на Северо-Западе коренным образом изменила исторический ландшафт. Важную роль здесь играло иностранное военное присутствие, которое в начале XVII в. реализовывалось сходными путями в разных районах страны.

И. О. Тюменцев, описывая способы управления тушинцами в замосковных городах, подробно рассмотрел технику «приставств». Тушинский отряд занимал сельскую территорию, охранял ее от других отрядов тушинцев или сторонников Василия Шуйского, а сам кормился за счет территории. Эта система, по наблюдениям ученого, была отработана сапежинцами в Белоруссии и в Инфлянтах³.

По данным Б. Н. Флори, в Ркчи Посполитой приставства являлись способом запорожских казаков обеспечить себя как сословие, претендующее на то, чтобы быть вторым после шляхты военным сословием. В перерывах между войнами они брали в приставства территории, с которых брали поборы в свою пользу. Русским исследователям не удалось обнаружить претензий русского казачества на то, чтобы быть военным сословием. Согласно А. Л. Станиславскому, казаки стремились объединиться и требовать за свою службу корм. В то же время, язык эпохи называл систему обеспечения казаков и иностранных войск тем же словом. Для получения корма они брали себе приставства, так в 1615 г. подошедшие к Москве казаки добивались получения в приставство Северских городов⁴.

Этот же ученый утверждает, что в Приговоре подмосковного ополчения 1611 г. сохранился запрет на взятие тех или иных территорий в приставства, что было распространено в казачьей практике по примеру польско-литовского войска⁵. В Новгородской земле начала XVII в. я лишь один раз встретился с таким механизмом, в районе Старой Руссы⁶.

³ Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 397.

⁴ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 45-46.

⁵ Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // ИЗ. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

⁶ Подьячий Афанасий Муранов в начале января 1615 г. получил память по челобитью части крестьян Буржеского погоста о приписке их к Старорусскому уезду, так как они фактически проживают под Старой Руссой, в «Лаврентьеве приставстве», в Неговской и в Чертицкой волостях. Несомненно, Лаврентием здесь назван ротмистр Лоренц Вагнер (Память подьячему Афонасию Муранову по челобитью крестьян Буржеского погоста и с. Двориц. 1615. 9.01 // РА, НОА. Serie 2:77. Л. 92.). Надо сказать, что термин «приставство» упоминается и в более поздних источниках. Сообщавший в 1630 г. новгородским воеводам вести из-под Смоленска белянин Воеводин, утверждал, что пяти тысячам «литовским людям», собравшимся под Смоленск «Олександро Гансевской роздает приставства» (Расспросные речи торгового человека белянина

На Северо-Западе страны в годы Смуты доминировала иная система обеспечения войск. После заключения договора Делагарди с Новгородом 25 июля 1611 г., в города и острожки назначались два воеводы – шведский («немецкий») для военного командования и русский – как правило для организации хозяйственного обеспечения. Такая схема «работала» и в других районах Московского гсоударства, где, к примеру взаимодействия шло между польскими и русскими властями. И. О. Тюменцев писал, что, согласно запискам Н. Мархоцкого, после Болхова царик обещал назначать в города по два воеводы – иноземца и русского⁷.

I. Пригороды

В годы Смуты на Северо-Западе обозначилось серьезное противостояние крупных городов – Новгорода и Пскова и их пригородов. Именно псковские пригороды выступили на стороне «царя Дмитрия Ивановича» летом 1608 г. против воеводской власти во Пскове⁸. Сходное положение наблюдалось и в Новгородской земле. Около 8 сентября 1608 г. на сторону самозванца перешли Ивангород, Корела, Орешек. Причем присяга самозванцу проводилась при активном участии воевод, направленных туда Шуйским: кн. И. Ф. Хованском (Ивангород), кн. А. Д. Приимковым-Ростовским (Корела), боярином М. Г. Салтыковым (Орешек)⁹. Все они были удалены царем Василием Шуйским из Москвы как сторонники Первого самозванца. В исследовании Б. Н. Флори подчеркивается, что Василий Шуйский назначал в провинциальные города удаляемых им из столицы аристократов, тогда как тушинские власти выбирали в качестве воевод представителей верхушки местного дворянства¹⁰.

Возможно, именно воеводы Шуйского и подняли бунт в малых городах Северо-Запада¹¹. Г. А. Замятин привел сведения Шраффера о политической ситуации на Северо-Западе в 1608 г. Нотебург и Кексгольм предались Лжедмитрию. Товары в этих городах конфисковывались сборщиками самозванца¹². Следуя информации А. Рожнятовского, к 29 октября 1608 г. Вору присягнула Устюжна.

Иванова сына Воеводина, прибывшего из Риги. 1630. 1.06 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 553). В челобитной кн. С. В. Прозоровского, написанной в Москву из-под Смоленска в 1633 г., упоминается, что воеводы боярин М. Б. Шеин и окольничий А. В. Измайлов Смоленский уезд «рознили себе в приставстве, и во всех волостех живут люди их на приставстве» (Челобитная воеводы Передового полка окольничего кн. С. В. Прозоровского из-под Смоленска о ходе военных действий. 1633. 21.04–3.07 // *Петров К. В.* Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 125–131).

⁷ *Тюменцев И. О.* Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 221.

⁸ Там же. С. 244-245

⁹ Там же. С. 269.

¹⁰ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 177-178.

¹¹ *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 341.

¹² *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 418-419.

По И. О. Тюменцеву, после того, как Устюжна перешла на сторону Тушина слилось движение в пользу Вора в Западном Поморье и в новгородских пятинах¹³. Действительно, есть сведения, впрочем достаточно глухие о том, что в конце 1608 г. Тушинскому вору присягнули Ладога, Ям и «все пятины»¹⁴; полагаю, их следует трактовать как некое движение в пользу самозванца, но не правильную присягу в пятинах. Неясно, что могла побудить новгородские пятины – сельскую местность – в конце 1608 г. присягнуть самозванцу, а уже через несколько недель – следуя И. О. Тюменцеву – выступить вместе с земцами Поморья, Бежецким верхом и тверскими городами в составе земского движения¹⁵. Полагаю, в пятинах присяги не было. Однако малые города Северо-Запада действительно в годы Смуты, при слабости и незащищенности коммуникаций получили возможность проведения самостоятельной политики. Это политика (равно как и вполне утилитарное стремление шведов подчинить своему контролю эти города) и обусловила споры между шведским экспедиционным командованием и кн. М. В. Скопиным-Шуйским о выборе приоритетных направлений совместных действий. И после июля 1611 г. важной целью нового новгородского правительства стало подчинение пригородов.

Старая Русса

Старая Русса — ближайший и важнейший пригород Новгорода. Особое положение Руссы в системе новгородских пригородов было связано в первую очередь с его соляным производством и с большим числом занятых в этом производстве людей. Одновременно Русса была центром огромного района, практически лишённого поместного землевладения, Уже в годы царствования Бориса Годунова Старая Русса и старорущане привлекали особое внимание правительства. В дни приезда в Московское государство датского принца Юхана осенью 1602 г. для встречи королевича в Новгород было вызвано 200 старорущан в «красном» платье для демонстрации многолюдности и благосостояния московского Северо-Запада¹⁶.

¹³ *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 304.

¹⁴ Отписка Василия Вербышева к вычегодцам о вестях про кн. М.В.Скопина Шуйского, принесении образа преп. Дмитрия Прилуцкого в Вологду, усердии вологжан к государю, о неприязни к ним тотьмичей и об отказе усольских ратных людей продолжать службу без жалованья. 1609. 13.01 // ААЭ. Т. 2. 1836. № 99. С. 195-197; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 272; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 419.

¹⁵ *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 444.

¹⁶ Список посадских людей старорущан, направленных по указу в Новгород. 1602 // СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 46.

Карта 3. Погосты Новгородской земли

Вскоре после взятия Новгорода шведами, в августе 1611 г. в Руссу был отправлен новый воевода Воин Новокщенов с дьком Третьяком Копниным. В ноябре 1611 г. Русса с уездом была передана в Дворцовый приказ. Воеводой Руссы стал Герасим Муравьев, а в конце января 1612 г. — князь Андрей Константинович Шаховской, удержавшийся на этой должности до ухода шведов из Руссы в 1617 г. Вначале его товарищами были назначены подьячий Ждан Медведев и гость Истома Демидов, а к июлю 1612 г. — Федор Витовтов, переведенный сюда из Заонежских погостов, также служивший в Руссе до 1616 г.¹⁷

11 февраля 1612 г. Русса подверглась разгрому от войск Лисовского. Разграбив город, «литовские и польские люди» удалились. И город, и уезд были разорены¹⁸.

К марту 1612 г. в Руссу пришел новый крупный воинский контингент с русским воеводой Матвеем Семеновичем Львовым, которому было поручено собирать корм для шведских солдат¹⁹. Кроме того, «они же... в Старой Русе город и на городе острог поставили и около города ров выкопали и в городе в зимнею пору дворы про ратных людей на стужи поставили, да ныне в остроге дворы ратным людям ставят же»²⁰. Матвей Львов тут же вступил в конфликт со старорусской администрацией²¹. В октябре 1612 г., в Старую Руссу товарищем к кн. Андрею Шаховскому был назначен Смирной Отрепьев, посланный в посольство в Швецию вместе с дьяком Пятым Григорьевым, а летом 1612 г. участвовавший в посольстве кн. Ф. Т. Черного Оболенского в Ярославль²².

В конце 1613 г. Руссу ненадолго захватили казаки — часть войск кн. Д. Т. Трубецкого, шедшего на Новгород. Только к лету 1614 г. Русса была освобождена, там была восстановлена подчинявшаяся Новгороду администрация.

По сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г., «...в городех, в Старой Русе, в Порхове людей не по многу, потому что те уезды от немецких людей разорены.

¹⁷ Подробнее: *Селин А. А.* Дозорные описания Старой Руссы и Старорусского уезда в 1611-1612 гг. // Тезисы докладов XIV Всеросс. конф. «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв.». СПб., 2004. С. 57-61.

¹⁸ Челобитная боярам и воеводам от старорусского посадского старосты Богдана Федорова и от всего посада с жалобой на свое разорение и непомерное обременение платежами с просьбой о льготе. 1612, марта после 7 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 62-65; Челобитная боярам и воеводам верхнего волостного старосты старорусских погостов Ивана Жилинского и всех крестьян о невозможности после разорения литовскими людьми платить корм по дозору Луки Милославского с просьбой о новом дозоре. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 52-53.

¹⁹ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе Матвее Семеновичу Львову о сборе на немецких ратных людей, стоящих в Руссе на посаде и в остроге, кормов пока только на два месяца и о точной фиксации всех кормов в книгах. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 1-2.

²⁰ Память из Дворцового приказа (?) в Старую Руссу воеводе Матвее Семеновичу Львову о сборе на немецких ратных людей, стоящих в Руссе на посаде и в остроге, кормов пока только на два месяца. Без начала. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 3-5.

²¹ Грамота от бояр и воевод старорусскому воеводе кн. А. К. Шаховскому по челобитной об отсутствии денег и кормов и о самоуправстве Матвея Львова. Без окончания. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 31-34.

В Русе запасов королевских нет ничего. Книхтов свийских всего человек с [...], дают с кабака поденной корм по два гро[оша] человеку на день. А хлеба покупают в Русе из Новагорода, а четверик ржи по дватцати алтын, а [...] мало...»²³. Немецкий переводчик Арн Бук, также перешедший на сторону Москвы, сообщал, что «в Старой Русе немецких людей с тридцать человек, а наряду и зелья нет ничего»²⁴. Летом 1616 г. английский переводчик сообщал о чрезвычайной хлебной дороговизне в Руссе: «хлеб в Русе купять четь ржи по 8 рублей», а тамошний гарнизон оценивал в 40 солдат²⁵. При этом Русса оставалась единственным городом, где до последних дней шведской власти сохранялась совместная новгородско-шведская администрация, в отличие от Копорья, Орешка и Ладogi, откуда, по сообщению Эверта Горна, Делагарди удалил новгородскую администрацию после тихвинских событий лета 1613 г.²⁶

Опись 1617 г. зафиксировала в Старой Руссе «2 пищали медяных полуторных, 4 тюфяки железных, 3 пищали затинных, 70 ядер железных, пуд с четью зелья, 2 пуда с четью свинцу, 11 заступов железных, 70 сажен снуров, да кабацких судов медяных: котел 32 ведра, котел в 28 ведр, котел в 16 ведр, котел в 8 ведр, ведро пудовое в 16 кружек, яндова в ведро, осмина винная, 12 труб винных. Деревянных судов: 4 тцаны больших, русло большое, 4 бочки»²⁷.

Неизвестны точные обстоятельства передачи Руссы от шведов к московским властям. Новым воеводой Руссы был назначен Яков Михайлович Боборыкин, дьяком – Илья Дубровский.

Порхов

Порхов — каменная крепость, новгородский пригород на пути к Пскову. В противостоянии Новгорода и Пскова, наметившемся в 1611 г., важная роль принадлежит псковскому пригороду Гдову и Новгородскому пригороду Порхову — два этих центра являлись районом противоборства сторонников Тушинского лагеря и позднее Москвы и сторонников Василия Шуйского и еще позднее шведов. Периодические набеги псковичей на Порхов, военные действия шведов и новгородцев под Гдовом создали в бывшем новгородско-шведском пограничье ситуацию нестабильности и безвластия. Сложно представить себе, кто мог жить в эти годы в Карачуницком или Ясенском погосте Шелонской пятины, что творилось в районе Кобыльеого городища!

Важнейший город в новгородско-псковском приграничье, Порхов, в годы Смуты выдержал как минимум три разорения. Вероятно, в 1607 г. Порхов разорили казаки («воровские люди») Тимохи Рогалева, позднее под Порхов приходили «воровские и литов-

²² Грамота бояр и воевод о посылке в Руссу вторым воеводой С. Е. Отрепьева. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 114–117.

²³ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова. Без начала. 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31–33.

²⁴ Расспросные речи толмача Арна Бука перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 8.02 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 244–250.

²⁵ Расспросные речи переводчика Ивана Рихтерева, приехавшего из Старой Русы. 1616, июня // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 158.

²⁶ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 124.

ские» люди с кн. В. А. Тюменским, угнавшие скотину порховских посадских людей. В 1609 г. в нем были осаждены войска, верные Василию Шуйскому (видимо, тушинским полковником Я. Кернозицким).

О судьбе Порхова в дни смены власти в Новгороде летом 1611 г. ничего не известно; скорее всего, порховский гарнизон не проявил самостоятельности и присягнул новгородскому правительству. Когда город был отвоеван в 1611 г. новгородскими войсками во главе с кн. И. А. Мещерским, то посад вновь пережил разорение²⁸. Летом 1613 г. к Порхову из Пскова пришел Артемий Лодыгин; после этого похода большинство порховских дворян во главе с порховским воеводой Иваном Крюковым отъехали в Псков. До августа 1615 г. Порхов пережил еще один приход казаков Игнатия Харламова²⁹. В результате к 1615 г. полностью опустели погосты, лежавшие к югу от Порхова. Этим пользовались те дворяне, кто старался «избыть» службы и, прикрываясь неразберихой и безвластием в пограничных территориях, занимался разбоем. Интересно, что вскоре после похода шведов на Псков и осады города псковская администрация обратилась к порховскому шведскому воеводе Геннингу Гриссу с просьбой обуздать одного из таких разбойников: «Иван Косицкой по зиме збежал, и жил тайным образом в псковском пригороде на Опочке, а с Опочке шол в Порховской уезд марта в 1 день, а ис Порховского уезда во Псков и во Псковские пригороды и в уезды не бывал. А ведомо нам подлинно есть Порховского же уезда с крестьян, что те воры Ивашко Коситцкой с товарищи живут в Порховском уезде у вотца своего в Гавриловых деревнях Коситцкого и ходя ворует, православных крестьян мучит и побивает и грабит»³⁰.

Первоначально шведские военачальники Порхова соседствовали с русским воеводой кн. И. А. Мещерским. 7 февраля 1612 г. он вместе со вторым воеводой С. Ф. Тимашевым писал в Новгород из Порхова о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. В их распоряжении, по отписке, почти не было и кабацких доходов, а для «курения» нового вина отсутствовали средства. Посланные в уезд сборщики Федор Воронов и Петр Ногин писали воеводам, что у них в сборе кормов тоже почти нет, стрельцам жалованье не добавлено³¹. В конце 1612 г. кн. Мещерский был смещен И. И. Крюковым. Именно И. И. Крюков, переведенный сюда из Тихвина, летом 1613 г. вступил в переговоры со псковича-

²⁷ Описание Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 168.

²⁸ Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148–150.

²⁹ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 3. Замечу, что как И. И. Крюков, так и И. Х. (Ж.) Харламов — помещики ближайшей порховской округи.

³⁰ Отношение псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Гриссу. Псков, 1616, после 19.04 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 6. С. 28–30.

³¹ Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129.

ми и попытался сдать им Порхов, однако лишь увел часть новгородцев к псковичам. Шведы сумели удержать порховскую крепость. Русским порховским воеводой был вновь назначен кн. И. А. Мещерский. По сведениям новгородцев, в начале 1615 г. в Порхове находились «воевода князь Иван Мещерской, а с ним немецких людей человек с 100»³². В то же время, по сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г. «...в Порхове запасов толко королевских немного поболши 1000 чети ржи, и тот де хлеб велено ныне привести в Новгород, а вперед взяти корму с старорусского и с порховского уезда нечего, потому что те уезды запустошены»³³.

В последние недели шведской власти воевода Генинг Грисс («Гениграс») вывез в Швецию «с города со стены 2 колокола да в январе – 2 пушечки полковых»³⁴. При этом опись 1617 г. фиксирует оставленный шведами большой артиллерийский запас (2 полуторных и 19 затинных пищалей, большое число ядер, еще одна полуторная пищаль, спрятанная под папертью и 15 затинных пищалей, спрятанных под церковью), правда, каменная крепость оказалась разрушенной. Опись же говорит о том, что в Порхове при шведах действовал кабак; во всяком случае, там оставались «котел большой медной 90 ведер, с крюки. Другой котел меньшей, с ушми. 3 трубы винных»³⁵.

После Смуты в апреле (вероятно) 1617 г. город был принят московскими воеводами. Первым воеводой стал Игнатий Жданов сын Харламов, из помещиков Порховского уезда.

Орешек

В 1610 г. Орешек, вероятно, признал власть царя Владислава; ничего не известно о противостоянии Орешка и Новгорода. При этом воеводы Орешка кн. И. С. Путятин и Л. И. Милославский выступали самостоятельными участниками переговоров со шведскими военачальниками, действовавшими на Северо-Западе. 1 апреля 1611 г. Делагарди сообщал королю, что жители Нотебурга тремя неделями ранее вместе с другими крепостями, кроме Пскова, Ивангорода, Ямы, Копорья, отреклись от поляков и соединились друг с другом³⁶.

После взятия Новгорода в июле 1611 г. Орешек не подчинился новой власти и стал вторым городом, который осаждал шведский полковник Клаус Сланг совместно с новгородцами. Осада Орешка продолжалась осенью — зимой 1611/12 г. Соппротивление ореховцев было для шведов весьма неожиданным. Очень красочное описание осады Орешка приведено в «Истории» Юхана Видекинда: «Оказалось, однако, что крепость

³² Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 167.

³³ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова (без начала). 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31–33.

³⁴ Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к графу Якову Делагарди и шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 12. С. 41-57.

³⁵ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 169.

(Нотебургский замок) стоит посредине реки, окружена быстротекущей водой и укреплена лучше, чем ожидалось, а ворота ее сколочены из дубовых, плотно скрепленных бревен и для большей прочности засыпаны землей. Кроме того, доступ затрудняют колья, скрытые в воде, так что никак невозможно было воспользоваться силой петард. Поэтому он обложил город и начал осаду, а внутри стали страдать от скученности и недостатка провианта»³⁷». По наблюдениям Н. П. Лыжина, Орешек сопротивлялся (шведам) так упорно, что и в 1688 г. писали, будто из всего гарнизона в нем уцелело два человека, и те, сдав крепость шведам, удалились с честью³⁸. Город продержался до начала мая 1612 г. Ореховские «осадные сидельцы», возглавляемые кн. Д. Т. Мышецким, после сдачи города все вернулись на службу в Новгород.

Позднее город утратил свое военное значение. Некоторое время им управляли шведский военачальник Клаус Сланг и русский воевода кн. И. В. Кропоткин; позднее власть сосредоточилась в руках шведской администрации. В 1612 г. началась «отписка» прилегающих к Орешку территорий от местных помещиков к городу, а также к строящемуся неподалеку Ниеншанцу. Южная часть Ореховского уезда была приписана к городу Орешку/Нотебургу.

В начале 1615 г. в Орешке (Нотебурге) стоял небольшой гарнизон, всего примерно в 50 человек³⁹. В самом городе в это время служил «русский дьячек» Третьяк Гаврилов, в задачи которого входило какое-то местное делопроизводство. Документы этого времени упоминают и русских пушкарей, что указывает на то, что в 1613 г. из Орешка были удалены только дворяне и дети боярские, а служилые люди по прибору оставлены на своем месте⁴⁰. К 1616 г. в Орешке оставались только «осадные люди», т. е. гарнизон⁴¹. Мантальные книги уезда за 1615⁴², 1616⁴³ и 1618⁴⁴ гг. сохранили имена православных священников Егорьевского Лопского, Куйвошского, Корбосельского, Ижерского и Дудоровского погостов. Они скрепляли, вполне в традициях московского делопроизводства, мантальные росписи погостов и деревень. Крайне интересен документ, также соз-

³⁶ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 64.

³⁷ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 143.

³⁸ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 7, прим. 11.

³⁹ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 167.

⁴⁰ В конце мантальной книги Нотебургского лена 1615 г. приплетены росписки разных лиц в получении денег. Под одной из них, среди множества подписей по-шведски, крестов и прочих обозначений подписи написано по-русски: «русской дьячек Третьяк Гаврилов руку приложил и в товарищей своих место в пушкарей в Третьяково да в Тимофеево, да кузнеца в Семеново Иванова» (Knut Ericksons Rächenskap för ovbörd och utgift midh Nötheborgs Befestnings för Katersaksurg anno 1615 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424).

⁴¹ Распросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

⁴² Knut Ericksons Rächenskap...

⁴³ Knut Ericksons Rächenskap för ovbördh och utgift midh Nötheborgs Befestnings för anno 1616 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

⁴⁴ Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03–1618. 28.02 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

данный на двух языках, фиксирующий количество посадских людей в Орешке на 1 мая 1618 г. подписью, указывающей, что в это время в Орешке на посаде жило 17 человек, судя по именам — русских⁴⁵.

Ладога

Сведения о Ладоге в первые годы Смуты отрывочны. Известно, что осенью 1608 г. туда, навстречу вспомогательному шведскому войску был послан И. Н. Ржевский, будущий боярин Лжедмитрия II. Из конфискованного имущества М. И. Татищева ему «для встречи немецких людей» были посланы «кафтан холодной, камка адамашка черевчата, нашивка золотная, головки обнизаны жемчужком мелким..., шапка с околлом, полушарлат, петли низаны жемчугом большим, по одной петли на порехе, по 30 жемчугов в петле, цена 10 рублей»⁴⁶.

В начале августа 1610 г. к Ладоге подошли три роты французских наемников во главе с Пьером Делавиллем. Тогдашнее новгородское правительство серьезных сил противопоставить Делавиллю не могло – посланное войско князя Ивана Афанасьевича Мещерского не только не смогло изгнать французов, но просто разбежалось. 15 августа, на праздник Успения Богородицы, Делавилль вошел в Ладогу почти без боя. Вместо петард для взрыва крепостных ворот он использовал снятые с ближайшей церкви колокола, начиненные порохом, и какую-то неизвестную нам военную хитрость⁴⁷.

Вскоре после захвата Ладоги П. Делавиллем, осенью 1610 г. под Ладогу был послан кн. Г. К. Волконский. Осада им крепости велась вяло. Обе стороны использовали «наряд» — артиллерию. Когда в октябре–ноябре этого же года все новгородцы целовали крест королевичу Владиславу, то энергичный Иван Михайлович Салтыков стал проводить политику выдавливания шведов с территории Новгородской земли. 11 января нового 1611 г. Салтыков лично возглавил войска, осаждавшие Ладогу — служилых людей новгородцев во главе с князем Волконским, татар Исинея Мусаитова и казаков Тимофея Шарова. С собой Салтыков привел сильный отряд Солового Протасьева с детьми боярскими, в основном, бывшими сторонниками Тушинского лагеря, пришедшими с ним в Новгород из южных уездов, главным образом из Астрахани. Ладога была окружена с двух сторон — князь Волконский пошел на север, занимать Никольский Медведский монастырь, а сам Салтыков занял Гостинопольский монастырь на юге. Обе эти укрепленные точки располагались примерно в 12 верстах от города.

⁴⁵ Список посадских людей г. Нотебург. 1618. 1.05 // Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03–1618. 28.02 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424. Л. 22.

⁴⁶ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 2–3.

⁴⁷ Делавилль не первый раз использовал петарды для штурма русских крепостей. Так в начале 1610 г. он взял Иосифо-Волоколамский монастырь: Делавилль берет Иосифов: «Этот последний, взяв с собой около 500 французов, глубокой ночью приказывает подвести медную петарду к деревянным воротам укрепления, тянущегося перед кирпичным строением монастыря. Подведенная петарда тотчас с такой силой изрыгнула и широко раскинула пламя, что ворота расцелись большой брешью и открыли вход наступающим французам. Тут же ворвались они сначала в предместье (vestibulum) крепости, потом в город, и, перебив, кого могли найти, распростра-

В ходе полугодовой осады Ладоги за фуражом и провизией в окрестные деревни устремились и французы, и воины Салтыкова. И через год после событий крестьяне Михайловского погоста на Ладожском пороге были освобождены от уплаты недоимок, потому что «как немцы город Ладогу взяли, и как под Ладогою ратные всякие люди стояли, и как немцы шли к Новгороду, и тем крестьяном учинился убытков болши того, что на них довелось взяти на сто осьмой на десять год (т. е. 7118 – 1609/10 г.) денежных доходов»⁴⁸.

Среди осаждавших Ладогу зимой 1610/11 г. выделяются две наиболее яркие фигуры. Это новгородец Роман Иванович Неелов и казачий атаман Тимофей Васильевич Шаров. Сразу после прихода в Новгород Ивана Салтыкова поздней осенью 1610 г. они разделили между собой дворцовую Михайловскую волость на Ладожском пороге. По грамоте «царя Владислава Жигимонтовича» было пожаловано «Роману Неелову да Тимофею Шарову волостка Михайловская з деревнями на Порошке и кабак со всеми угодьями, всего 400 чети»⁴⁹.

Роман Неелов упомянут среди тех, кто в лагере Сигизмунда III под Смоленском в 1610 г. получил земельные пожалования лично от короля. Пожалуй, Неелов был одним из немногим приспешников Сигизмунда, кто вступил во владение искомыми землями вскоре после прихода Салтыкова в Новгород⁵⁰. Интересно, правда, что под Смоленском Роману Неелову были пожалованы несколько другие земли — рядок «Устье реки Сясь»⁵¹. В 1610–1611 гг. Роман Неелов привел под Ладогу из Новгорода 40 стрельцов⁵². В годы новгородско-шведского управления 1611–1617 гг. Неелов жил тихо, не привлекаясь к ответственным поручениям. Но после возвращения Новгородской земли под власть московских царей он снова среди уважаемых людей, так называемых «окладчиков» — наиболее авторитетных дворян, чье мнение о достоинстве всех остальных служилых людей спрашивалось при определении жалованья⁵³.

Имя казачьего атамана Тимофея Шарова появляется в источниках еще в ходе событий 1606–1607 гг. под Волоком Ламским. 1 ноября 1606 г. ему было выдано 5 рублей из казны Иосифова Волоколамского монастыря, «от того, чтоб монастырских сел не гжли

нили ужас повсюду» (*Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны...* С. 115).

⁴⁸ Приходо-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie I: 136. С. 150–151.

⁴⁹ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

⁵⁰ Приходо-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг.... Л. 150–151.

⁵¹ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава, на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. Ст. 347.

⁵² Дело по двум челобитным...

⁵³ Десятидневная денежная раздача служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 6.

и людей не губили»⁵⁴. В ноябре 1610 г. мы застаем Тимофея Шарова уже в Новгороде, получающим вино из государева винного погреба. В марте 1611 г. его станица (220 казаков и 2 есаула)⁵⁵ вместе с воеводой Леонтием Андреевичем Вельяминовым участвует в походе под Старую Руссу. В июне 1611 г. Тимофей Шаров участвует в переговорах В. И. Бутурлина с Делгарди⁵⁶. 11 июля 1611 г. ему было велено выдать полведра вина из государева погреба в Новгороде⁵⁷. Это последнее упоминание о Шарове — в ходе «новгородского взятия», предпринятого Делгарди 16 июля 1611 г., Шаров с 40 казаками погиб. Согласно одному из Хронографов XVII в., в июне 1611 г. отряд Шарова из 500 казаков был единственным, кто оказал сопротивление шведским войскам⁵⁸, а «июля в 16 день Тимофея Шарова немецкие люди убили»⁵⁹.

Зимой 1610/1611 г. под Ладогой решалась судьба Северо-Запада. Взять Ладугу в феврале удалось только путем чрезвычайного напряжения сил. Для борьбы со шведами были согнаны тысячи дворян и детей боярских, новокрещеных татар, казаков, крестьян-даточных людей. Как осажденные, так и осаждавшие Ладугу войска испытывали и серьезные невзгоды, и небольшие радости. В сочельник 1610 г. из-под Ладогой в Новгород была послана память о даче новокрещеным татарам 7 ведер вина (от 84 до 116 литров водки) для празднования Рождества.

Француз, командовавший осажденными в крепости, так описывает свои злоключения:

«...Медленное развитие событий привело к тому, что Иван Михайлович Салтыков получил время послать в Москву за помощью, чтобы меня осадить. Собрав ещё три или четыре тысячи человек, послал на меня сначала князя Григория Константиновича с двумя тысячами человек, которые расположились в трёх лье от крепости. Не будучи уверенным, что они находятся там, я отправил моего брата, чтобы взять языка. Он, зная, что русским неизвестно число неприятелей, видя их лагерь в укромном месте, въехал в него.

Началась тревога, большая часть русских бежала. Но мой брат запутался во вражеском лагере, имея с собой шестьдесят всадников. Он хотел отступить, но на него напала вышедшая через задние ворота лагеря рота копейщиков, прежде чем мой брат построил

⁵⁴ Из расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря казначея старца Гавриила. 1606, сент.–1607, авг. // *Бибиков Г. А.* Новые данные о восстании Болотникова // *ИА.* Т. 1. 1936. С. 12–20.

⁵⁵ По данным, выявленным П.В.Седовым, после старорусского похода, накануне июльского штурма Новгорода, у Шарова было 230 казаков; надо полагать, к ним присоединились казаки других станиц (*Седов П. В.* Захват Новгорода Шведами в 1611 г. // *НИС.* Вып. 4 (14). СПб., 1993. С. 121).

⁵⁶ Сборник памятей в новгородский винный погреб о выдаче вина // *РА, NOA.* Serie 2:124. Л. 23, 82, 103, 110, 164, 185, 199.

⁵⁷ Память погребному приказчику Григорию Офонасьеву да целовальнику Ивану Федотову с товарищи выдать казачьему голове Тимофею Васильевичу Шарову полведра вина за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1611. 11.07 // *РА, NOA.* Serie 2:116. Л. 2.

⁵⁸ О рождении князя Михаила Васильевича. По списку Хронографа Древлехранилища Погодина № 1451 // *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Поповым.* М., 1869. С. 388.

⁵⁹ Дело по двум челобитным...

отряд в порядок. Это было причиной того, что он был разбит и взят в плен, все его товарищи были убиты или пленены, ибо неприятелей было две тысячи человек.

После такой потери у меня осталось в крепости тридцать господ и тридцать слуг, большей частью без оружия.

Неприятели, зная о моём положении, стали осаждать меня с близкого расстояния. Но прежде привели моего брата и всех пленников на вид крепости, требуя от меня её сдачи в обмен на брата, а в противном случае угрожая умертвить его на моих глазах.

Я предложил им выкупить моего брата за деньги или обменять его на пленных. Об этом они не хотели и слышать. Узнав мой ответ, что честь моя велит мне охранять крепость, и что я решил не поддаваться на их угрозы, они сделали вид, что убивают моего брата, но вместо него убили двух пленных. Они полагали, что, увидев это, я посчитаю брата убитым и сдам крепость. Видя, что хитрость не удалась, Иван Салтыков идёт на приступ, расстреливает меня калёными ядрами, пытается зажечь крепость, но по милости Божьей огонь мы затушили. Но солдаты наши были этим так испуганы, что четверо из них спрыгнули со стен и перешли к неприятелю.

В этом бедственном положении, претерпев два или три приступа, без надежды на помощь, я сдал крепость Ивану Михайловичу, который согласился выпустить меня с оружием и обозом, с развёрнутым знаменем, при звуке труб и со всеми нашими богатствами. Согласно условиям капитуляции, мне отдали моего брата, всех пленных французов, бывших в его распоряжении, мне позволили уйти, куда я хочу. Дали мне в качестве проводника вплоть до шведской границы князя Ивана Мещерского, знатного придворного»⁶⁰.

Согласно русским источникам, 15 января 1611 г. Жак Делавилль, младший брат Пьера Делавилля, предпринял вылазку из осажденной Ладуги в северном направлении. Надо думать, что Делавилль-младший дошел до самого Медведского монастыря. Его действия были направлены против засевших там дворян князя Волконского и казаков Миня Карамышева и Тимофея Шарова. Но осажденные потерпели неудачу. Их «побили наголову и топтали» целых 15 верст. Было пленено 64 участника вылазки. Самых важных пленных Волконский и Шаров отправили в Москву. Эта неудача, а также тяготы зимней войны побудили Пьера Делавилля сдать Ладугу Ивану Салтыкову.

После капитуляции Делавилля в начале февраля 1611 г. Ладугу занял русский гарнизон во главе с воеводой Г. Н. Муравьевым. Основная сила гарнизона — это две сотни стрельцов, служивших в городе еще в 1610 г. В начале лета 1611 г. Муравьев получил приказ из Новгорода выдать гарнизону хлеб из государевых житниц и сообщить им,

⁶⁰ Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавилля де Домбала. 1611. (Пер. с фр. С.А. Мезина, коммент. Я.Н. Рабиновича) // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 137-138.

что их могут сменить только после того, как новгородские правители заключат договор с Делагарди⁶¹.

Упоминания о событиях лета 1611 г. под Ладогой, ремонте и благоустройстве городов показывают, что в это время существует уже два города — земляной и каменный. Видимо, именно это благоустройство фиксируется археологически. Известно, что в насыпи вала ладожского Земляного Городища, в щели пола одной из построек найден золотой дукат, отчеканенный в г. Гельдерн (Испанские Нидерланды), датирующийся 1603–1607 гг. Некоторые ученые предположили, что и сам деревоземляной город был построен в годы Смуты⁶²; однако существуют сведения о нем еще при Борисе Годунове⁶³. По сообщению Юхана Видекинда, из Ладогой и Нотебурга генералу Делагарди писали, что жители этих городов «готовы разделить стремление и судьбу новгородцев и москвичей и примкнуть к избранному князем шведскому принцу», но они отказались присягать новому кандидату на престол, пока его не поддержит вся страна, а не один только Новгород⁶⁴. Осенью 1611 г. Ладожскую крепость пытались принудить к капитуляции войско во главе с Клаусом Слангом (впоследствии — шведским комендантом Орешка/Нотебурга) и дворянином В. Ф. Клепиком Бутурлиным, который еще в 1610–1611 гг. служил головой в полку князя Волконского, осаждавшего Ладожскую крепость⁶⁵. Немногие сохранившиеся источники показывают, что оборона Ладожской крепости осенью 1611 г. также была достаточно упорной, шведы подвезли «наряд», размещенный первоначально на Вындине Острове⁶⁶. По Видекинду, увидев непосредственную угрозу городу, ладожане решили присоединиться к новгородцам, но составлявшие гарнизон стрельцы заняли крепость («кремль», как пишет Видекинд) и пытались удержать ее до тех пор, пока в Новгородскую землю не прибудет шведский принц. Однако шведы принудили их сдаться, после чего 50 стрельцов было поселено внутри крепости, «в избышках близ вала»⁶⁷. Это сведение Видекинда часто некритично принимается современными исследователями Смуты на Северо-Западе⁶⁸; при этом совершенно неясно, где могли располагаться данные «избушки»; впрочем, и облик укреплений Ладогой этого времени не ясен.

В 1611–1612 гг. в Ладогой служат двое русских воевод — Иван Григорьевич Шея Секирин (его вотчина находилась в Федоровском Песоцком погосте, близ современной д.

⁶¹ Отписка новгородских воевод кн. Ивана Одоевского и Василия Бутурлина в Ладогой о доставлении хлебных запасов московским стрельцам, осажденным шведскими ратными людьми. 1611, прежде июля // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 331. С. 398.

⁶² Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И. Ладожские бастионы и горизонт В Земляного городища (проблема хронологии) // Ладогой и Северная Европа от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 195–199.

⁶³ Подробнее: Селин А. А. Ладогой при московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладогой, 2006. С. 51, 129–132.

⁶⁴ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 190.

⁶⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 105–106.

⁶⁶ Дело по челобитной боярам и воеводам Духова монастыря игумена Тихона. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 106–115.

⁶⁷ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 212.

⁶⁸ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 15.

Кисельня) и Василий Федорович Клепик Бутурлин, дважды участвовавший в осаде Ладоги в течение 1611 г. Новые власти на первых порах занимались обустройством мирной жизни. В первую очередь восстанавливались доходные статьи. По инициативе шведской администрации в 1612 г. восстанавливается ладожский кабак. 3 апреля 1612 г. секретарь Монс Мортенсон Пальм («Монша Мартынович» русских источников) указал за счет государства соорудить три медные трубы, стоимостью в рубль, к винным котлам на ладожский кабак⁶⁹. В 1612 году возникает план воссоздания ладожского яма, для чего в город из Новгорода присылается ямской устрощик Иван Курицын⁷⁰.

Самым известным шведским военачальником Ладоги, занимавшим этот пост в 1612–1613 гг., был полковник Ганс Рекинберг (Рекинбергер), ветеран походов Делагарди по Московскому государству, участник «Новгородского взятия» 16–17 июля 1611 г. Иван Шея Секирин и Василий Клепик Бутурлин постоянно вступали с ним в конфликты. От Рекинберга доставалось и церковнослужителям окрестных монастырей. Игумена Никольского Медведского монастыря Феодорита с монахами он посадил в тюрьму и подверг пыткам, а монастырь и, главное, монастырские припасы разорил полностью, свезя их в Ладогу⁷¹.

В ноябре 1613 г. Ладога была осаждена «двумя тысячами русских и татар, перерезавшими дороги к Новгороду». В это время из Новгорода в Ладогу был послан дворянин, не раз побывавший в плену у шведов, участник переговоров лета 1611 г. под Новгородом Гаврило Савинович Бекетов. По дороге его взяли в плен «тихвинские казаки»⁷². Только в январе 1614 г. осаду с города снял полковник Йеспер Крус, специально пришедший из Швеции с личной хоругвью (ротой гвардейцев) короля Густава Адольфа⁷³.

Начиная с лета 1612 г. о русских воеводах в Ладоге ничего не известно. Иван Шея Секирин в 1613 г. участвует в посольстве игумена новгородского Отенского монастыря Дионисия в Москву, В. Ф. Бутурлин в сентябре 1613 г. также находится в Новгороде. Возможно, Ладога в августе 1612 г. лишается русской администрации. По сообщению взятых тихвинцами пленных немцев, к весне 1614 года в городе стоял только шведский гарнизон, а русских ратных людей здесь не было. Да и состояние шведского гарнизона было плачевным: «А в Ладоге де немецких всяких людей с 300 человек, и то де все ху-

⁶⁹ Отписка М. М. Пальма о даче рубля на устройство трех винных труб к винным котлам Ладожского кабака. Русский и шведский текст // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 20.

⁷⁰ Челобитная (отписка) ладожского воеводы В. Ф. Бутурлина в Новгород о том, что, несмотря на запрещение, он все же послал в Нагорную половину Исая Глотова собрать там корма, так как по прибывшим в Ладогу дозорным книгам Ивана Коковцова объявился недоплатеж кормов с этой половины за более раннее время, и о том, что ямской устрощик Иван Курицын в Ладоге пока не появился. 1612, между 23.06 и 2.07 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 18.

⁷¹ *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 95–96. Н. Е. Бранденбург ошибочно считал, что жалоба монахов Медведского монастыря относится не к Рекинбергу, а к Самуилу Коброну.

⁷² Выдельные книги дворцового Голинского погоста приказчика Лучанина Еремеева и подьячего Сидора Коптева. 1613. 21.08 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 339.

⁷³ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны... С. 309.

дые люди кнехты пешие, и запасов де никаких и конских кормов в Ладоге нет, потому де и оне из Ладоги вышед, стоят для кормов, а русских людей в Ладоге нет никого»⁷⁴

Ладога, видимо после событий под Тихвином 1613 г. и после попыток казаков взять Ладогу стала для новгородского правительства чрезвычайно важной точкой обороны, важнейшей из новгородских пригородов в военном отношении. В начале 1615 г. по сведениям новгородцев «в Ладоге воевода Григорей Исаков, а с ним неметцких людей человек з 200 и болши»⁷⁵.

В марте 1614 г. неподалеку от Ладоги боярин кн. Д. Т. Трубецкой тщетно пытался привлечь денежными раздачами оголодавших за зиму казаков на службу⁷⁶. Осажденный в Ладоге полковник Линдвед Класон писал 4 ноября 1613 г. в Новгород к Якову Делагарди, сообщая, что в городе достаточно денег и съестных припасов, но есть необходимость в присылке дополнительных средств и продовольствия, а также потребности в подкреплении военной силой⁷⁷.

В 20-х числах ноября 1613 г. казаки сумели перехватить большое число писем, отправленных из Ладоги в Новгород, как служебных, так и частных. 4 ноября прапорщик Йорг Фалькенберг писал из Ладоги к Христиану фон Баху, находившемуся в Новгороде с просьбой узнать, какая часть жалования Фалькенберга начисляется деньгами, а какая часть – съестными приписами и указанием послать к Фалькенбергу его коня. Командир Фалькенберга Вильгельм Киннайрт (англичанин или ирландец), был вызван из Ладоги приказом генерала Делагарди. По дороге он попал в плен к казакам и прапорщик Фалькенберг принял командование ротой. Его солдаты были плохо обуты, несмотря на это в своем письме к Делагарди Фалькенберг изъявлял готовность совершить переход от Ладоги к Новгороду (в середине ноября!). В донесении полковника Класона сообщалось, что из отряда Киннайрта от русских ушел только один человек, а отдельные казачьи разъезды появляются под Ладогой на расстоянии пушечного выстрела. В ноябре 1613 г. в Ладоге продолжал служить и полковник Рекинберг, видимо отстраненный от командования. Его жена Екатерина находилась в Новгороде. В своем письме она просила мужа быть осторожным, избегать ездить по опасным местам без провожатых и не повторить судьбу плененного капитана Киннайрта. Другая шведская женщина сама находилась в осажденной Ладоге. Екатерина Матсон, жена ладожского писаря, писала 14 ноября своему мужу, уехавшему в Новгород. Она печалилась, что долгое время не получает от него писем. Екатерина просила мужа как можно скорее возвращаться домой, хотя и сообщала, что путь весьма опасен и что отправившийся в Новгород капитан

⁷⁴ Отписка воевод Д. Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Расспросные речи языков. 1614, марта 30 // АМГ. 1890. Т. 1. № 78. С. 115–118.

⁷⁵ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 167.

⁷⁶ «Книги денежные раздачи под Ладогою боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофевича Трубецкого с товарищи всяких чинов служилым людем 122-го году» (Опись архива Разрядного приказа XVII в. / Подг., вст. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 391).

⁷⁷ Письма шведских офицеров и должностных лиц. 1613, июнь – декабрь // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 2. Л. 37-42.

Киннайрт был взят в плен⁷⁸. Еще один из осажденных, Генрих Беренс, беспокоила судьба имений Киннайрта. Видимо, тот был должником Беренса. В своем письме подполковнику Стебронну Беренс просил проследить, чтобы имущество пленного было продано за долги раньше, чем его любовница это имущество промотает. Пастор шведского гарнизона Ларс не смог получить письмо от полковника Торведсона из Новгорода. Его прочитали в Москве подьячие и переводчики Посольского приказа. Полковник сообщал пастору, что получил повеление отправиться из Новгорода в Стерьебю (т. е., вернуться в Швецию) и поручал ему позаботиться о платье, которое полковник оставил в Новгороде. Ганс Бойе, наместник соседнего с Ладогой Орешка (Нотебурга) 19 ноября 1613 г. писал к Линдведу Класону о том, что главные шведские войска в это время находятся в Старой Руссе, а под Псковом была заметна разведка польских войск⁷⁹.

Большой отряд верных Москве войск привел под Ладогу романовский татарин Бараймурза Кучумов. Он писал домой, в Романов: «Яз ныне на царской службе под Ладогою, генваря по 9 день жив, до воли Божию, а впредь уповаю на Бога. Да как мы пошли с Романова на государеву службу, и вы ничем нам не помогали, и как к вам ся грамота придет, и вам бы прислати ко мне на царскую службу 20 ведер вина да 10 пуд меду»⁸⁰. 8 мая 1615 г. в поисках пропитания под Ладогу приходила станица атамана М. И. Баловнева, одного из самых известных казачьих лидеров и бунтовщиков того времени⁸¹.

Летом 1616 г. Ладога превращается в центр, откуда шведские политики начинают сношения с московскими послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами, находившимися в Тихвине. Несмотря на стремление обеих сторон к миру, здесь, в Ладоге, концентрируются сильные военные контингенты шведской армии. Так, к примеру, расположился пришедший в Ладогу отряд во главе с Выборгским наместником Арвидом Теннисоном: «А острошку у Арвея нет, стоит в шатрах без острошку, а в полку де у Арвея три пушки, уставлены на три стороны, по Тихвинской да по Орешковской дороге, а запасу всякого в Ладогу хлеба, и коров, и боранов, и коз, и питья всякого привозили из Немецкие земли добре много, а ссыпаны де всякие хлебные запасы в Ладоге в житницы, а питья ставили по погребом, а животны ныне не бьют, пасут на поле, а сена де на зиму припасают немецкие люди добре много, а говорят де немецкие люди, что в Ладогу немецкие прибыльные люди из Лопи ещо будут, а вскоре ль будут и сколко человек, того не ведает»⁸². Вскоре в город из Новгорода пришли Делагарди и секретарь М. М. Пальм, проводившие там все время до начала посольских съездов в Столбове. Ладога на эти полгода стала важнейшим центром русско-шведских переговоров.

⁷⁸ Там же. Л. 56.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Список с Барай мурзиных да с Сююш мурзиных грамоток слово в слово, которые грамотки посылали о запасе к посадским людям. 1612-1613 // Смутное время Московского государства. Вып. 5. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. М., 1911. С. 198. № 4.

⁸¹ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 154.

⁸² Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

В середине сентября 1616 г. из-под Пскова в Ладогу пришли остатки разбитых войск фельдмаршала К. К. Юлленъельма. Сам фельдмаршал приехал в Ладогу повидаться с Яковом Делагарди, всего с 15 человеками. Все это тут же было сообщено московским представителям, Соломову Протасьеву и подьячему В. Волкову пришедшим с Юлленъельмом кн. И. М. Мышецким⁸³.

По договоренностям, достигнутым в Столбово, шведы очищали Ладогу в течение двух недель после 1617 г. На смену Риккертю Розенкранцу в марте 1617 г. сюда пришли тихвинские воеводы В. Ф. Неплюев и В. И. Змеев. Они переписали город, в котором сохранялся воеводский двор, 15 жилых посадских дворов, 8 дворов служилых людей. При шведах, вероятно, в связи с подготовкой к переговорам 1616–1617 гг. в Ладоге было поставлено еще «всяких хором, светлиц и изб и клетей и житниц 15 хоромин»⁸⁴. После возвращения под власть Москвы в Ладогу переселилась часть ореховских посадских людей⁸⁵. По всей вероятности, они не утратили связь с родным городом. Когда летом 1617 г. посольство кн. Ф.П.Борятинского, посланное для ратификации Столбовского мира, шло из Москвы к шведской границе, шведы узнали о его движении от «нотбургского писца» Ивана Верина, «находившимся в переписке с одним своим другом в Ладоге», видимо кем-то из переселившихся туда ореховцев⁸⁶.

Гдов

История Гдова в Смутное время хорошо изучена, в особенности тот хронологический промежуток, в течение которого Гдов переходил из рук в руки от Лжедмитрия III к шведам, затем под власть Москвы и снова к шведам.

К истории нахождения Лжедмитрия III в Гдове обратился С. М. Каштанов, который, исследуя жалованную грамоту Никольскому монастырю во Гдове, столкнулся с необходимостью прокомментировать подтверждение этой жалованной грамоты в 1611 г. «царем Дмитрием Ивановичем». По Каштанову, самозванец находился в Гдове с апреля до начала июля, с конца августа до начала декабря 1611 г., когда двинулся на захват Пскова.⁸⁷

Военная история Гдова в Смуту изучалась в связи с общим интересом историков к осаде Пскова Густавом Адольфом. Еще Г. В. Форстен, анализируя политику Швеции в Смутное время, подробно рассмотрел две осады Гдова. Первая из них была предпринята в августе 1613 герцогом Саксонским Юлием Генрихом и С. Коброном. Осада была безуспешной, по данным Форстена, на одной из первых вылазок гдовляне перебили

⁸³ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 380, 383, 385.

⁸⁴ *Опись Новгорода 1617 г.* Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984, Ч. 1. С. 170–171.

⁸⁵ Подробнее: *Селин А. А.* Ладожские торговые люди Немковы и Гиблые // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XVIII вв. Сб. материалов науч. конф. СПб., 2001. С. 40–45.

⁸⁶ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 143.

⁸⁷ Две жалованных грамоты 1510 г. Псковским монастырям / Публ. С. М. Каштанова и А. Н. Робинсона // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 24. 1961. С. 221–258.

«всех русских, сдавшихся шведам»⁸⁸ и 300 человек из отряда Коброна. В конце 1613 г. шведы от Гдова отошли. В 1614 г. сам Густав Адольф предпринял поход к Гдову. После двух штурмов, 10 сентября Гдов сдался на милость победителям⁸⁹.

К трехсотлетию юбилею осады Пскова Густавом Адольфом была опубликована небольшая монография В. А. Бочкарева, в которой Гдову также было уделено заметное внимание.

По наблюдениям Бочкарева, Эверт Горн, в июне 1613 г. явившийся к королю, сообщил последнему об избрании Михаила Федоровича Романова в московские цари. Горн также донес королю, что «Михаила признал и Псков, и Тихвин, и Гдов, что шведский наместник в Гдове Вольдемар фон-Унгерн захвачен в плен и отправлен во Псков, что укрепления шведов в Гдове и Тихвине снесены и что кнехты, прибывшие было к шведам на помощь, обращены в бегство». В связи с этим 28 августа 1613 г. началась осада шведами Гдова. По сведениям Бочкарева, «...силы шведов были внушительные; кроме своих войск были наемные, под командой герцога Саксонского и 3000 финской конницы. Тем не менее русские, сделав удачную вылазку, напали на шведский лагерь, перебили в нем всех русских, сдавшихся шведам, и 3000 человек из шведского войска...». В первой половине 1614 г. состоялась новая попытка Эверта Горна нечаянным нападением захватить Гдов, состоявшаяся одновременно со штурмом Старой Руссы, предпринятым полковником Мённинггофом. К июлю 1614 г. шведские гарнизоны заняли Руссу, Порхов, Бронницы. В конце августа 1614 г. началась третья осада Гдова. 25 августа под Гдов прибыл Густав Адольф, и 10 сентября Гдов сдался.⁹⁰

Вновь к истории Гдовской крепости в Смутное время в одной из последних своих работ, посвященной походу Густава Адольфа на Псков, обратился Г. А. Замятин. Он упомянул, что летом 1612 г. «Гдов впервые попал в руки шведов»⁹¹, но был освобожден в 1613 г. в результате восстания гдовлян, и лишь 10 сентября 1614 г. шведы вновь овладели Гдовом⁹². По мнению ученого, во взятии Гдова 1613 г. приняли участие псковичи. Ученый ошибочно считал, что гдовские воеводы Крячко Елагин и Степан Лазарев были присланы из Москвы (тогда как они сами были местными помещиками)⁹³.

В последнем по времени исследовании об осаде Пскова Густавом Адольфом, принадлежащем А. Н. Кирпичникову, судьба Гдовской крепости не рассматривается, хотя именно этому исследователю принадлежит последняя монография о Гдове⁹⁴.

⁸⁸ Полагаю, нанесли урон новгородцам-участникам похода под Гдов.

⁸⁹ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Сент. С. 201, 208.

⁹⁰ *Бочкарев В. А.* Шведско-русские отношения в Смутное время и осада Пскова в 1615 г. Псков., 1916. С. 9–12.

⁹¹ Точнее было бы сказать, «присягнул Карлу Филиппу»; впрочем, эта работа Г. А. Замятина была написана в годы «борьбы с космополитизмом», так что в такой оценке явно присутствует элемент самоцензуры.

⁹² *Замятин Г. А.* «Псковское сиденье». Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. Т. 40. 1952. С. 186–213.

⁹³ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 285.

⁹⁴ *Кирпичников А. Н.* Крепость древнего Гдова. СПб., 2000.

Серия следующих документов очень точно характеризует положение в сельском пространстве между Ивангородом и Псковом после появления в Нарве короля Густава Адольфа и взятия Гдова. После этого жившие в своих поместьях псковские дети боярские стали в массовом порядке целовать крест королю Густаву. Если в те месяцы в Новгороде стойко сопротивлялись присяге Густаву Адольфу, расценивая ее как измену королевичу Карлу Филиппу, то жители сельской глубинки — Гдовщины, Кобыльского уезда, возможно не зная о согласованной позиции новгородцев, били челом о службе «пресветлейшему и велеможнейшему и высокорожденному князю и государю государю королю Густаву Адольфу», прямо называя себя «подданными его королевского величества». Среди присягнувших в те недели королю псковичи Отуч Перхурьев, Сергей Воронцов⁹⁵, Никита Симанский⁹⁶. Именно у Густава Адольфа искали они защиты от напастей, связанных с военными действиями на Псковщине⁹⁷.

Документы, касающиеся Гдова, стоят особняком в коллекции *Baltiska Fogderäkenskapet* (том F 416). Гдов никогда формально не входил в состав Шведской державы; однако в томе F 416 есть материалы как конца XVI, так и начала XVII в. Среди документов начала XVII в., относящихся к Гдову и Гдовскому уезду и хранящихся в данной коллекции, находятся также мантальные переписи уезда 1610-х гг. и «квитанции» — приходо-расходная документация. Большая часть этих документов составлена по-шведски; однако многие из них относятся к деятельности русского населения (так, удалось выявить расписку в получении денег, подписанную гдовским воеводой Исаем Федоровым сыном Аминевым). Три документа, составленных в Гдове в 1619 г. по-русски, также хранятся в коллекции. Подчеркну, что они относятся к наименее исследованному периоду истории Гдова — между 1617 и 1621 гг., когда город с уездом находились в залоге у Швеции. Все три документа⁹⁸ являются расписками гдовлян. Первый имеет отношение к городским приказным служащим низшего звена — это расписка гдовского земского дьячка Демида Иванова о получении жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г. за себя, житничного целовальника Гаврила Поздякова и сторожа Дьячьей избы Дениса Микитина. Жалованье этих служителей измерялось бочками ржи⁹⁹. Второй документ — также расписка в получении хлебного жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г. девятью гдовскими пушкарями, палачом и кузнецом. Документы написаны дьячком гдовской Дмитриевской церкви и скреплены рукой священника этой церкви Перфирия Павлова. Употребление в документе арабских цифр говорит, вероятно, о близком знакомстве гдовского церковного дьячка с традициями шведской деловой

⁹⁵ Крестоцеловальная запись Отуча Перхурьева и Сергея Воронцова королю Густаву Адольфу. Список. 1614 (?) // RA, Militaria: 1287: 6.

⁹⁶ Крестоцеловальная (?) запись Никиты Осиповича Симанского. Без начала // RA, Militaria: 1287:24.

⁹⁷ Челобитная Сергей Воронцова Густаву Адольфу о его разорении и освобождении от поставки кормов ратным людям. 1615 // RA, Militaria: 1287: 17.

⁹⁸ Опубликовано мной: *Селин А. А.* Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда конца XVI – начала XVII в. // *Археология и история Пскова и Псковской земли 2001–2002.* Псков, 2003. С. 143–150.

письменности, во всяком случае учета¹⁰⁰. В документах используется шведская система измерения — бочка (*шв. amt*) вместо русской четверти/чети. Впрочем, та же тенденция наблюдается и в других документах коллекции, относящихся к данному периоду (к примеру, в Таможенной книге Невского устья 1616–1618 гг.¹⁰¹).

Третий документ — расписка гдовского посадского человека Острата Яковлева Колтыри в получении коровы, ранее конфискованной у него в качестве компенсации за погибших королевских телят. Еще в 1616/17 гг. корова была конфискована гдовским воеводой «Ефимом Андреевичем Фанколином»; теперь же, после подачи Остратом Колтырей челобитной и проведенного по ней сыска, фельдмаршал Карл Юлленъельм распорядился корову вернуть, что и было исполнено новым гдовским воеводой капитаном Симоном Лангом. Данный документ написан гдовским площадным дьячком¹⁰².

Все три «гдовских» документа, будучи составленными на русском языке, продублированы аналогичным шведским текстом. Следует полагать, что до нас дошла малая часть материалов местного гдовского делопроизводства начала XVII в. Присутствие в городе площадного и земского дьячков предполагает большее число актов на русском языке, вероятно к настоящему времени утерянных.

В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается документ, касающийся возвращения Гдова под власть московских царей. Одним из дискуссионных вопросов в переговорах русских и шведских властей была судьба крепостной артиллерии. В Описи содержится следующее сообщение: «Да о том же наряде грамота от Ругодивского державца от Гендрика Флямина во Псков ко князю Ивану ж Троекурову»¹⁰³. В результате 28 августа 1621 г. Гдов был передан под власть московских воевод на условиях возвращения русскими «немецкого наряда».

Ивангород

Специального исследования об Ивангороде в годы Смуты нет. В коллективной монографии, посвященной Ивангородской крепости¹⁰⁴ М. И. Мильчик лишь вскользь касается истории города после Ливонской войны¹⁰⁵. Хорошо изучен и Ивангород в составе Шведского королевства¹⁰⁶. Имеет смысл рассматривать историю этого города со времени возвращения его под власть московских царей в 1590 г.

⁹⁹ Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 416. (Гдов). Л. 42 об. и 42.

¹⁰⁰ Там же. Л. 44.

¹⁰¹ Селин А. А. Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475–482.

¹⁰² Pader Ericksons Refenitar jor. 1618... Л. 51.

¹⁰³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 176.

¹⁰⁴ Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.

¹⁰⁵ Мильчик М. И. История Ивангорода в конце XV–XVI в. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 52–53.

¹⁰⁶ Здесь следует назвать работы А.Соома, к примеру: Soom A. Den Ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617 // Svio-Estonica. 1936. Tartu, 1936. S. 34–45.

Ивангород после Тявзинского мира стал одним из важнейшим пунктом московской власти в этом районе, позже получившем название Ингерманландии. Администрация времен Бориса Годунова, нацеливаясь вообще на укрепление руководства городов Северо-Запада, выделяла приоритетные города – Ивангород и Корелу. Если в другие новгородские пригороды назначался воевода и подьячий, то сюда, как правило – воевода и дьяк. Здесь была концентрация служилых людей, здесь формировались стрелецкие сотни. Город Ивангород, пограничный с Нарвой, был на протяжении всего конца XVI – начала XVII в. местом тесных взаимоотношений двух культур, московской и европейской. Это создавало подчас атмосферу шпиономании и доносительства. Так, в сентябре 1599 г. было возбуждено дело по доносу первого воеводы кн. В. И. Ростовского на второго воеводу кн. Д. Бельского. В доносе, в частности, значилось: «сходятца ко князю Дмитрею Бельскому да дьяку Григорью Витовтову [в] вечере позд[н]о и ночью голова Федор Супонев да голова стрелетцкая Иван Мунзорин да сын боярской Вотцкие пятины Василей Трусов, сходясь думают неведомо что». Проводившие следствие Иван Пушкин и дьяк Второй Поздеев, допросив дворян, выяснили, что те «у князя Дмитрея и у диака у Григорья Витовтова с ним со князем Дмитреем [в] вечере позд[н]о не сжижали, и измены никоторые не думывали и не советовали, а меж себя едали и пивали и ввечеру у них бывали, как которой голова и дети боярские в дьячей избе начуют, и оне к ним прихаживали, а не для которого умышленья. А коли бывало [в] вечере позд[н]о и ночью сходитися, а живет он, князь Дмитрей и диак Григорей Витофтов в городе, а Федор Супонев, Василей Трусов живут за городом, и ночью было им ходити нелзе, ключи городовые всегда живут у князя Василья, а не у них». Однако воевода кн. В.И. Ростовский продолжал настаивать на вине кн. Бельского и новгородцев: «кому [у] князя Дмитрея да у дьяка у Григорья Федор Супонев а Иван Мунзорин да Василей Трусов да Осан Отяев пируют, и с ними всякие дела говорят, и князь Дмитрей и диак Григорей у нево, у князя Василья, ключи имывали, и их из города к себе выпускали, а про то ему, князю Василью, сказывали, что пропускают людей своих и женок из города».¹⁰⁷ Дело кончилось ничем; впрочем, вероятно, Москва специально поддерживала взаимную враждебность воевод.

Ивангород находился не просто на границе с владениями Швеции в Ливонии. Невозможность достойно конкурировать с Нарвой, особенно четко обозначившаяся после явной дипломатической неудачи Москвы – Тявзинского мира компенсировалась возможностью запретить шведам возможность свободного сообщения Финляндии с Ливонией. Именно эта потеря была для Швеции конца XVI в. была особенно острой, в условиях династической борьбы и тлеющей гражданской войны в королевстве.

В начале января 1599 г. ивангородские воеводы получили указание в Ивангородском уезде «заказ и заставы учинить, что из Выбора в Ругодив немец не пропускать». Воеводы жаловались в Москву, что у них нет для этого детей боярских, а все наличные разо-

¹⁰⁷ Допросные речи по извету кн. Д. Г. Бельского ивангородскому воеводе кн. В. И. Ростовскому и дьяку Г. Витовтову о чинимых им с ругодивским иноземцем Арманом замыслах к измене. 1599, сентября // РГАДА. Ф. 96. 1599. Д. 2.

сланы для «государевых дел с головами», «и в светлице и в Вышегороде и в Большом каменном и в земляном городе и в остроге, и в захабе, и в остроге в дозоре, и для всякого береженья и у ключей городовых, и в выимке в городех и в остроге и на большом посаде и на Гостином дворе для всякого ж береженья и на море на заставе и на стороже»¹⁰⁸.

Шведские подданные, впрочем, всячески старались сообщение Нарвы с Выборгом наладить, обходя большие дороги. Ивангородские воеводы жвловались в Москву, что в Нарву из Выборга ездят «ругодивские и шкотцкие немцы и латыши... на Котлин остров, а с Котлина острова в Дудоровский погост в д. на Сипере<во>», а оттуда – в Копорской уезд в деревню Варьявалду. Нарвский же губернатор постоянно обращался в Ивангород с просьбой пропустить «ругодивских немцев» и «выборских латышей».¹⁰⁹ В условиях, когда Нарва поддерживала Карла Сёдерманландского, а Финляндия – Сигизмунда, тем же путем, «из Выборского уезда из Валкосари на Котлин остров, а с Котлина острова в Ореховской уезд в Дудоровской погост на деревню на Сипереву, а из деревни ис Сиперевы в Копорской уезд в деревню Варьявалду, а из деревни из Варьявалды Копорским же уездом в Ругодив» был доставлен из Выборга в Нарву «Арцы Карлусов воевода Ганш Ганшев» (Юхан Юхансон?)¹¹⁰.

В 1602 г. Ивангород «пережил» визит датского принца Юхана. С воцарением Лжедмитрия власть в городе была сменена. 27 сентября 1605 г. здесь был проведен смотр Водской и Шелонской пятин назначенными сюда воевоами кн. Г. П. Ромодановским, кн. П. И. Кропоткиным, В. И. Белеутовым и дьяком Михаилом Огарковым¹¹¹. Вероятно именно в ходе этого смотра – верстания был «прислан с Москвы в-Ивангород приводить ко кресту от Ростриги столпик князь Михаило Васильевич Скопин Шуйской»¹¹².

В 1609–1612 гг. Ивангород был предоставлен сам себе. Номинально воеводами города при Воре служили кн. И. Ф. Хованский, кн. С. Н. Кропоткин, однако тушинские порядки здесь не чувствовались. Согласно известиям, обнаруженным Б. Н. Флорей, в марте 1609 г. кн. И. Ф. Хованский имел столкновение под Копорьем с войсками Делагарди. После этого он обратился за военной помощью к польскому державце Дерпта о совместных действиях против Нарвы¹¹³.

¹⁰⁸ Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1599, января после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 182-183.

¹⁰⁹ Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского, кн. Д. Г. Бельского и дьяка Гр. Витовтова в Посольский приказ. Сильно повреждена. 1598, декабря после 19 или 1599, января // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 122-123.

¹¹⁰ Отписка ивангородских воевод кн. В. И. Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1598, декабря около 18 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 148-158.

¹¹¹ Мятлев Н. В. Десятня 1605. Десятня Шелонской пятины не сохранилась; десятней Водской пятины называется конспект таковой, составленный в начале XVII в.

¹¹² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время... С. 218.

¹¹³ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 94.

С этим временем связаны документы переписки ивангородских и нарвских военачальников в 1609 г.¹¹⁴, начатой по инициативе шведской стороны прибывшими из Стокгольма Микаэлем Олаффсоном и Гансом Нильссоном (в это время Яков Делагарди успешно действовал на Верхней Волге). 23 сентября 1609 г. в Ивангороде был получен лист со шведской стороны с предложением о съезде на Нарове реке. Воевода князь Хованский 25 сентября писал в Нарву: «И мы на Нерову реку выслали к вашим к Ругодивьским дворяном на съезд дворян добрых, Ондreja Онтоновича Булгакова с товарищи, и те государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии дворяне с вашими с королевскими дворяны на Нерове реке на съезде были. И государя вашего Карла короля дворяне на съезде государевым дворяном, Ондрею Онтоновичу Булгакову с товарищи, говорили, чтобы из нас воевод одному, который ни буди воеводе съехатца на съезд с вашими с королевскими послы о великих делах говорити. И нам с вами с королевскими послы съехатца на Нерове реке не уметь»¹¹⁵. Таким образом, шведская сторона настаивала на более высоком уровне переговоров, на что тушинская сторона пойти отказалась. Дополнительным аргументом в пользу такого отказа была неопределенность предмета переговоров: по словам Хованского, шведы прислали также лист о переговорах «о земских делах, а о каких делах не пишете». Неизвестный нам ответный лист из Нарвы, посланный в Ивангород между 25 сентября и 5 октября, был тут же отправлен назад, так как он был адресован не воеводам «царя Дмитрея Ивановича», но воеводам царя «Василия Ивановича». 5 октября шведы высказали свое недоумение по поводу возвращения листа. В ответ они получили новую грамоту князя Хованского с полным изложением царского титула Лжедмитрия: «Божию милостью великого государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии самодержца Владимирского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Астраханского, царя Сибирского, государя Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вяцкаго, Булгарского и иных государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондиньского и всеи Северныя страны повелителя и государя Иверские земли, Карталинских Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей и иных многих великих государств государя и обладателя» и претензией: «тот ваш лист писан к нам недельно: в том вашем листу великого прироженного государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии имени не написано, а написано имя государева царева и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии изменника и врага Креста Христова и губителя всего православного хрестьянства Васьки Шуйского». При этом, по мнению князя Хованского, в листе не был достаточно подробно изложен предмет переговоров, а лишь содержались призывы

¹¹⁴ Об этом подробнее: *Селин А. А.* Псковские и новгородские документы Смутного времени, найденные в коллекциях Militaria и Extranea в Государственном архиве Швеции // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени акад. В. В. Седова. Материалы LIII семинара. Псков, 2007. С. 185–198. Там же опубликованы некоторые из этих документов.

к «измене» «царю Дмитрию Ивановичу», во всяком случае этот неизвестный нам «лист» назван «недельным» и «смутным». В своей грамоте князь Хованский просил также об освобождении захваченных «ругодивскими немцами» в верховьях Наровы торговых людей — «дву человек ивангородцов, Иванка Малахова да Сеньку Редозуба, а третьеве псковитина торгового человека, Ларивонку зовут»¹¹⁶.

6 октября в Ивангороде был получен новый лист из Нарвы. Шведские дипломаты упорно именовали ивангородцев подданными царя Василия Шуйского, что вызывало опять-таки упорное сопротивление ивангородцев, хранивших верность Тушинскому вору. В шведском листе также содержалась просьба освободить «королевских латышей», взятых в плен ивангородцами. 9 октября князь Хованский отвечал, что «латыши» являются военнопленными, тогда как сами шведы удерживают взятого в плен ивангородского парламентаря¹¹⁷. Личность этого парламентаря хорошо известна. Им был Федор Аминев. Настоящее биографическое сведение об этом человеке является связующим звеном в реконструкции его биографии. С 1601 г. псковский сын боярский Федор Аминев служил ивангородским стрелецким сотником¹¹⁸. Видимо, он оставался на этой службе и в последующее десятилетие. Вместе с Псковом и Ивангородом, Аминев в 1609 г. оказался среди сторонников Тушинского вора, а осенью 1609 г. во время переговоров был захвачен шведами в плен. Позднее, после занятия войсками Густава Адольфа Ивангорода весной 1614 г., Аминев становится дьяком Ивангорода.

С этим документом корреспондирует другой. Это написанное по-русски письмо шведского пленника Асмуса, содержавшегося в тюрьме в Ивангороде, своему брату Францу Фангилцу в Нарву с просьбой о заступничестве перед шведскими представителями (т. е., вероятно, о включении Асмуса в список пленных, подлежащих размену) и о присылке необходимых вещей — сала, чулок и поршней¹¹⁹.

Следующий документ — наиболее яркий из всех рассматриваемых¹²⁰. Это обращение служилых людей Ивангорода к новгородцам Богдану Ададунову, Ивану Секирину и Ивану Ожогину, оказавшимся осенью того же 1609 г. в Нарве. В отличие от Аминева, освобождения которого требовали ивангородцы, Ададунов, Секирин и Ожогин оказались в Нарве добровольно, по всей вероятности в ходе совместных со шведами боевых

¹¹⁵ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского ругодивскому державцу Филиппу Шедингу, стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о переговорах. 1609. 25.09 // RA, Militaria, М–1287:3

¹¹⁶ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам. 1609, октябрь // RA, Extranea. 156:1.

¹¹⁷ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам, стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о титулах царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) и о размене пленных. 1609. 9.10 // RA, Militaria, М–1287:4.

¹¹⁸ Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель – 1601, июль // Дела Тайного приказа. Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 270–308.

¹¹⁹ Письмо шведского пленника Асмуса из Ивангорода своему брату Францу Фангилцу в Нарву с просьбой прислать необходимое. 1609/10 (?) // RA, Militaria: 1287: 20.

действий против занятой тушинцами Старой Руссы и присягнувшего Тушинскому вору Пскова. Новгородские дворяне ранее обратились к ивангородцам с предложением целовать крест Василию Шуйскому (видимо, поддерживая в этом шведских переговорщиков). В ответ они получили жесткую отповедь. Грамота из Ивангорода написана не только от воеводы, а «от воевод и от дьяка¹²¹ и от головы стрелецкого, и от сотников стрелецких, и от протопопа, и от попов, и от стрельцов, и от пушкарей, и от посадцкого старосты, и ото всих посадцких людей». Ададулов, Секирин и Ожогин названы «боготступниками и врага Креста Христова изгубителями крестьянские веры и сотониными советниками государевым царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии изменниками». Их предложение отступить от Тушинского вора толкуется ивангородцами как измена православию, а сами новгородцы, следуя риторике ивангородской грамоты, «души свои сатане и слугам его отдали и в люторскую веру учили веровать». Далее ивангородцы, повторив Символ веры, предлагают Ададулову, Секирину и Ожогину попечья о своих душах и отступить от лютеранства, которое, следуя ивангородцам, принято новгородскими дворянами. В заключении грамоты содержится призыв повиниться «прироженному государю своему царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси» и обещание прощения. Подлинная грамота была скреплена ивангородской таможенной печатью. Наиболее интересно в этом документе настойчивое обвинение новгородских дворян в «лютеранстве», вызванное, несомненно, тем, что несохранившаяся их собственная грамота к ивангородцам написана из-за Наровы, со шведской стороны. Это один из немногих известных в настоящее время документов тушинского Ивангорода.

После Клушинской битвы, осенью 1610 г. Делагарди, направившись на север, послал Горна к Нарве, имея в виду что в это время Герман Врангель уже начал осаду Ивангорода. Задачей Горна было взаимодействовать с Врангелем и добиться капитуляции Ивангорода¹²².

Яркий, хотя наименее изученный, эпизод жизни Ивангорода — пребывание там «псковского вора» Матюшки. Подробности этого периода почти не известны. 23 марта 1611 г. ивангородцы приняли Вора. В Ивангороде ему служили назначенный туда ранее дьяк Михаил Милославский и местные помещики Никита Зиновьев и Пятой Воронин. Им же в Ивангороде был замучен Юрий Булгаков Пушкин, отправленный в 1607/08 г. на службу в Ивангород, видимо в стрелецкие головы. После начала смуты в Ивангороде Юрий Пушкин ушел в Новгород. Перед походом кн. М. В. Скопина-Шуйского 1609 г. к Москве он был отставлен от службы по старости, вместо него на службу был взят Насон Пушкин. Сам же Юрий уехал к себе в поместье, где был захва-

¹²⁰ Грамота ивангородских воевод, стрелецких сотников и посадских старост Богдану Ададулову, Ивану Секирину и Ивану Ожогину в Ругодив об их измене. Список. 1609/10 (?) // RA, Militaria, М-1287:5.

¹²¹ Дьяком в Ивангороде в то время был, по всей видимости, Михаил Милославский (Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 85), с марта 1613 г. дьяк во Пскове (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 332).

чен «ворами», пришедшими из Ивангорода. «...и в Иванегороде его пытали разными пытками, и с пытки вкинули его в тюрьму, и в тюрьме де его на Иванегороде с пытки не стало, а после де него осталась жена его вдова Ульяна да сын», Насон¹²³. Пробыв «царем» в Ивангороде весну и лето 1609 г., при первой возможности Вор ушел на юг и в декабре 1611 г. обосновался во Пскове.

После взятия в декабре 1612 г. Ивангорода войсками Горна город становится важнейшей базой шведских войск. В начале 1615 г. в городе стоял ротмистр Эверн Бремент с 100 человеками гарнизона, «а русские люди по-прежнему живут на посаде, а в городе воевода Федор Аминев да немцы, а Федор Аминев целовал крест королю»¹²⁴.

С этого времени постепенно начинается слияние Ивангорода с Нарвой, завершившееся в 1636 г. Судьба этих городов была общей вплоть до 1940 г. «Немцы», живущие на ивангородском посаде, известны уже в 1615–1616 гг. После Столбовского мира русская и немецкая общины Ивангорода шли к сближению. В конце 1629 г. произошел примечательный эпизод. 17 декабря этого года в Новгород приехал из Швеции торговый человек москвич Сенька Гласков, рассказавший, что в июне 1628 г. в Стокгольме к нему обратился ивангородский «немчин Тимошка» с сыном с просьбой о займе в 100 ефимков. Гласков одолжил им эти деньги без расписки, после чего Тимошка уехал в Нарву, а в Стокгольме остался только его сын Ивашко. Забеспокоившись, московский купец обратился к губернатору Клаусу Горну с просьбой взыскать деньги с Ивашка. На очной ставке Ивашко все подтвердил, но сказал, что платить ему нечем и попросил разрешения отработать долг. Сенька Гласков приехал в Новгород уже с этим своим слугой, «а в роспросе тот малой сказал: отец де ево Тимошка родом иванеградец, бывал русской человек, а ныне живет в Ругодиве в немецкой вере». Горн приговорил Ивашке жить у Сеньки 8 лет, «а он де хочет в нашей стороне и в православную в христьянскую веру хреститца». Новгородские власти велели Гласкову вместе с Ивашком ехать в Москву в Посольский приказ для решения их проблемы¹²⁵. Очевидно, что интеграция посадского населения Ивангорода в шведскую городскую среду шло в XVII веке интенсивно.

Копорье

Среди городов новгородского Северо-Запада Копорье в конце XVI в. стало постепенно терять значение ключевой крепости, каковое в это время перешло к Ивангороду. Основное стратегическое значение Копорья в этот период – пограничный контроль за морским побережьем, осуществлявшийся «копорскими земцами». В конце XVI в., в годы военного противостояния в Швеции между Сигизмундом и Карлом (и, в то же вре-

¹²² Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 135.

¹²³ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05–1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237.

¹²⁴ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 166.

¹²⁵ Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород воеводе кн. Д.М.Пожарскому с товарищами о присылке в Посольский приказ купца Семена Гласкова вместе с его человеком ивангородцем Иваном Тимофеевым, желающим креститься. 1629. 15.01 // РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 2-4.

мя, между Нарвой и Финляндией), задачей копорского воеводы был контроль также над сухопутным путем из Выборга в Нарву. Следовавшие из Выборга обычно ехали Финским заливом на остров Котлин, отсюда – к деревне Варьевалде и далее к Копорью и Ивангороду. Так, 13 января 1599 г. в Ивангород приехал «из Выбора немчин Бруслов», «ехал тот немчин из Выбора на Котлин остров, да в Копорской уезд на деревню Варьевалду да на Копорье, был у Матфея Хлопова и, наняв в Копорье подводу, ехал ис Копорья в Ивангород». ивангородские воеводы вернули «Бруслова» в Копорье к Матвею Хлопову, чтобы тот проводил его на Выборгский рубеж¹²⁶

Копорье в 1608-1611 гг. было одним из своеобразных разбойнических городов, на словах признававших власть Тушинского вора, а фактически самоуправлявшихся. Так, из Копорья происходили своеземцы Заболоцкие и Шавкаловы. Согласно боярской грамоте от 23 апреля 1610 г., земцы Тимофей Шавкалов и Филимон Заболоцкий «воровали с изменники, и их в воровстве убили немецкие люди». По словам дворян Водской пятины, они «служили копорскую осадную службу, и как Копорье заворовало, и оне заворовали ж с нашими изменники, и их неметцкие люди в прошлом во 117-м году побиили на выласке»¹²⁷. Именно против Копорья был направлен первый поход Якова Делагарди в 1610 году. В феврале 1610 г. под Копорьем стоял Эверт Горн, написавший оттуда несколько писем королю¹²⁸.

Шведско-новгородское войско взяло Копорье только 16 июня 1612. После этого Копорскую крепость занял гарнизон из 100 человек, причем воеводой был назначен русский (кто был этим русским неясно)¹²⁹. После падения в 1613 г. Копорье не являлось крупным центром. В начале 1615 г. там стоял «воевода Ефим Берн» (Йоахим Бернс) и с ним 100 человек «немецких людей»¹³⁰. В октябре этого года он принял в своем городе нидерландских посредников и проводил их до Заречья. «В пути мы немного покормили лошадей в деревне [село, хутор, поселок и т. п.] Onstoppel (Ansztepel) в трех милях от Яма, и переночевали в другой деревне под названием Vroudа (Wruda ?) еще через мили. В этот день была ужасно дождливая погода. На следующий день мы отправились в путь после завтрака и, после обеда, проехав еще полмили, мы были встречены и приняты юнкером Иоахимом Беренсом - комендантом Копорья во главе отряда всадников на 150 лошадях. Сопровождаемые ими мы прибыли в крепость Zaris, где комендант Яма простился с посланниками и возвратился домой. Крепость была со всех сторон окружена водой и палисадом, внутри ее валов стояло несколько деревянных домов. Утром 18

¹²⁶ Отписка ивангородских воевод кн. В.И.Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1599. 15.01 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 175-181.

¹²⁷ Дело о поместье Василия Матвеева сына Зиновьева и Афанасия Степанова сына Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142. Л. 3–11; Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Куракину, М. Б. Боборыкину и дьяку Ивану Тимофееву по челобитной дворян Водской пятины Василия Матвеева сына Зиновьева и Афанасия Степанова сына Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.

¹²⁸ [Хорошкевич А. Л. Примечания] // Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 582.

¹²⁹ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 280.

октября под конвоем коменданта с конными и несколькими мушкетерами мы оставили Стариц»¹³¹. Позднее Йоахим Бернс стал одним из шведских представителей на размежевании границы в 1618 г.¹³²

Копорский уезд был сельскохозяйственной территорией, достаточно стабильно снабжавшей хлебом Новгород и округу. По сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г. «...что было в Копорье и в Копорском уезде по селом хлеба, и тот хлеб велел корол свийской вывести в Выбор. А как сам корол был ныне в Копорье с ратными людьми, и он достал запустошил»¹³³.

В июне 1616 г. из Копорья в Тихвин вышли люди Шума и Венедикта Хомутовых, кормившиеся там «Христовым именем». По их сообщению, в Копорье в то время воеводами служили новгородец Василий Чеботаев «да немчин Ондрей, чей словет, того не ведают, а с ними немецких ратных пеших людей 100 человек»¹³⁴.

В последние месяцы перед Столбовским миром Копорье становится важной базой шведских войск. Сюда направляются новгородские новокрещены и татары, не пожелавшие служить царю Михаилу Федоровичу. Однако именно отсюда в Новгород уходит в феврале 1617 г. большая группа детей боярских во главе с Петром Хомутовым. Новая шведская администрация в 1617 г. предпринимает жесткие шаги по управлению территорией Копорского уезда. Генерал-губернатор К. К. Юлленгельм сурово обратился к погостским старостам с требованием немедленно по получении указания прибыть в Копорье вместе с волостными приходо-расходными документами¹³⁵.

Русские уполномоченные в ходе размежеваний новой границы после Столбовского мира получили указание сделать попытку сохранить за Московским государством часть Копорского уезда (в обход договоренностей, достигнутых в Столбово). Поводом для этого было то, что впосле Тязвинского мира и возвращения Копорского уезда Москвой, семь погостов Копорского уезда были розданы в поместья новгородцам (по мысли московски властей, из этого следовало, что эти погосты таким образом отошли к Новгородскому уезду). Однако шведские уполномоченные не восприняли всерьез эту уловку, заявив, что «то дело не статочное, в те поры вся Ноугородца земля была государева. А те погосты искони вечные Копорского уезду». Во время Столбовских переговоров «в тех семи погостех в Копорском уезде жили помещики дети боярские ноугородцы. И как

¹³⁰ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 167.

¹³¹ Дневниковые записи Антония Хутеериса о поездке голландского посольства в шведские владения в России // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 96.

¹³² Отписка Семена Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими межевальщиками. 1617. 23.10 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 166-194.

¹³³ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова (без начала). 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31-33.

¹³⁴ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133-135.

де мирное вечное постановенье великие посыл утвердили, а те дети боярские ноугородцы захотели ити ко государю, а королю служить не похотели, и Яков де Пунтосов тот же час велел тех детей боярских ноугородцов ис Копорского уезду ис тех семи погостов из их поместий выслати вон»¹³⁶.

Ям

Ям, город на реке Луге, на рубеже XVI – XVII вв. как и Копорье постепенно утрачивал свое значение. После возвращения Яма в 1590 г. под власть Москвы в уезде этого города была организована дворцовая волость. Гарнизон Яма оставались ямгородские своеземцы. В этом смысле судьба Яма и Копорья в Смуту чрезвычайно близка. Город присягнул Тушинскому вору во второй половине 1608 г., фактически, как и Копорье, выйдя из подчинения всем властям. Это сделало его целью, пусть и не основной, действительный ведско-новгородских войск в 1609-1612 гг. В феврале 1610 г. Горн, двигаясь на помощь к Деллагарди, оставляет полковника Линдведа Класона осаждать Ям. Сам же шведский военачальник ставил своей задачей обеспечение безопасности местным крестьянам, в частности – от нападений из Яма¹³⁷. После взятия Яма в 1612 г. в город был введен небольшой гарнизон. 10 августа 1612 г. старец Спасского монастыря в Яме Иоасаф обратился к генералу Деллагарди с просьбой компенсировать монастырю утрату двух кип хмеля, взятом а обиход Деллагарди. Старец писал, что уже шесть недель ждет денег в Новгороде, «а в монастыре, государи, присмотрити некому»¹³⁸. Вскоре русским воеводой города, отвечающим за снабжение войск и государственные доходы становится (видимо надолго) Феоктист Никитин сын Муравьев (переведен из Тихвина). В августе 1612 г. он получает указание новгородского правительства поправить дела в кабаке Яма¹³⁹.

В начале 1615 г. в Яме служили «ротмистр Тизнус, с ним немецких людей 50 человек»¹⁴⁰. «Тизнусом» новгородцы называли Дитриха фон Тизенгаузена. К осени его сменил барон Грип, гостеприимством которого в 1615 г. пользовались нидерландские посланники Ван Бредероде с товарищами: «16 октября господа отправились в путь сопровождаемые комендантом бароном Грипом, а также несколькими конными из Яма, где им был оказан дружелюбный прием и где лучшим образом позаботились об их угоще-

¹³⁵ Письмо фельдмаршала Карла Гюлленельма в Копорский уезд с наказом об обязательном прибытии в Копорье 18 марта со своими жалобами и приходо-расходными книгами с погостов под угрозой штрафа за неявку. 1620. 17.03 // RA, Militaria: 1287: 18.

¹³⁶ Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове государевых верящих грамот. 1618. 4.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 239-249.

¹³⁷ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 113.

¹³⁸ Челобитная старца Спасского монастыря с Ямы города о компенсации ему за взятый хмель. 1612. 10.08 // RA, NOA. Serie 2:288. Л. 6.

¹³⁹ Грамота Якова Деллагарди и И.Одоевского Ф.Н.Муравьеву о поправке дел в государеве кабаке на Яме. 1612, авг. // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 21.

¹⁴⁰ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 167.

нии и удобстве»¹⁴¹. Весной 1616 г. шведским комендантом города становится Клаус Хале, разбиравший дело об украденной у Гурия Муравьева лошади¹⁴².

II. Остроги

События, протекавшие на Северо-Западе России в конце XVI – начале XVII в. повлекли за собой значительные изменения в структуре сельского населения. Большие подвижки населения, вызванные опричниной и событиями Ливонской войны и усугубившиеся после недолгой стабилизации в годы правления Бориса Федоровича Годунова разорением в Смутное время, привели к сокращению числа небольших деревень и починков и концентрации населения в сравнительно крупных селах и погостах¹⁴³.

Но выбор этих крупных селений был обусловлен различными, непростыми причинами. Еще в конце XVI в. близ многих погостов Новгородской земли возникают небольшие укрепления. Так, упоминается «городок» у Офремовского погоста Шелонской пятины,¹⁴⁴ возникает городок «у Спаса на Неве»¹⁴⁵.

Новый этап в строительстве небольших укреплений на погостских центрах начинается, по всей видимости, после Выборгского договора 1609 г., во время похода кн. М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Троице. По мнению С. Ф. Платонова, именно систематическое строительство небольших острожков на основных дорогах государства и, таким образом, взятие под контроль транспортных магистралей обеспечило успехи этого военачальника¹⁴⁶. Современный исследователь О. А. Курбатов пишет о том, что распространение такой тактики строительства острожков связано с передовым нидерландским способом ведения войны начала XVII в.¹⁴⁷

Дозорные книги 1612 г. зафиксировали чрезвычайно динамичный процесс восстановления селений, начавшийся, вероятно, еще при Борисе Федоровиче Годунове. Важно отметить, что в это время проявляются и новые факторы, влияющие на колонизационные процессы. В условиях непрекращающихся военных действий, особенно в период 1613–1615 гг., особая роль в этих процессах принадлежала военной администрации. И здесь важное место занимали острожки — укрепленные поселения, образованные в сельских районах Новгородской земли как зоны концентрации военных сил и продовольствия вблизи важнейших транспортных магистралей. В этот период острожки ста-

¹⁴¹ Дневниковые записи Антония Хутеериса... С. 96

¹⁴² Донесение ямбургского наместника Клауса Халла к графу Якову Делагарди. Ямбург, 1616, после 25.05 // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 9. С. 35-37

¹⁴³ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 57.

¹⁴⁴ Книга записей Софийской пошрины. 1576/77 // ОР РНБ, Соф. 1548. Л. 91 об.

¹⁴⁵ Грамота царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси в Великий Новгород дьякам Ф. Еремееву и К. Дубровскому о посылке приказчиков в Кипенский погост и к Спасу на Неву для приготовления корму войску царевича Кайбалы. 1555. 4.12 // ДАИ. Т. 1. № 70, V. С. 130–131

¹⁴⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995, 5-е изд. С. 267.

¹⁴⁷ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 24.

новятся локальными центрами для нескольких погостов¹⁴⁸. Остроги играют важнейшую роль в системе защиты границ и временных зон влияния. Такие укрепления воздвигают и шведы, и москвичи в ходе военного противостояния¹⁴⁹.

В 1614–1617 гг. восточные районы Новгородской земли были зоной безвластия, доступной для разного рода разбоев и, вероятно, совершенно разоренной. Если в том же году нидерландские посланники отмечали, что единственными населенными местами на Ивангородской дороге являются Тесово и Заречье¹⁵⁰, т. е. два укрепленных места, то для востока Новгородской земли таким укреплением, притягательным для населения, собиравшегося под его защитой, была Устрека. Далее на восток, вплоть до Торжка, никаких защитных сооружений не было, и передвижение здесь было исключительно опасным. В августе 1617 г. двигавшийся к Новгороду боярин кн. И. А. Хованский и посланный в Швецию кн. Ф. П. Борятинский были разгромлены казаками: «7125-го августа в 13 день по Устюженской дороге меж Устрецких волостей и Волочка Держкова приходили на боярина на кн. Ивана Андреевича Хованского и на послов на кн. Федора Борятинского с товарищи литовские люди и черкасы и, разгрома боярина, послов осадили в обозе и к ним приступали»¹⁵¹. В ходе этого боя с литовскими людьми в плен была захвачена жена дьяка Третьяка Копнина Екатерина.¹⁵²

Сами казаки также сооружали укрепления на своих станах; впрочем, не всегда ясно, так сказать, «партийная принадлежность» этих казаков. В 1623 г. разбиралась деятельность бежечанина Л. С. Плещеева, который в марте 1613 г. с отрядом казаков засел неподалеку от Новоторжского уезда в острожке. Тогда же, в марте 1613 г. новоторжским воеводам кн. М. В. Белосельскому и И. С. Урусову было велено отправить на Плещеева новоторжских дворян и стрельцов, дабы «переимать и посадить в тюрьму» плещеевских казаков¹⁵³. Впрочем, в 1623 г. Плещеев давал в Москве совершенно иное толкование своих тогдашних действий: «...живучи я на Москве при боярех во 121-ом году, бил челом о поместьях с Иваном Гурьевым в Новгороцком уезде на князь Ивана Путятина да на Федора Тахтамышева да на Микифора Байчурова да на Якова Аналеева, и те нам поместья даны и нынеча в Помесном приказе».

¹⁴⁸ Об этом подробнее: *Селин А. А.* Города и уезды Новгородской земли... С. 145–150.

¹⁴⁹ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 359.

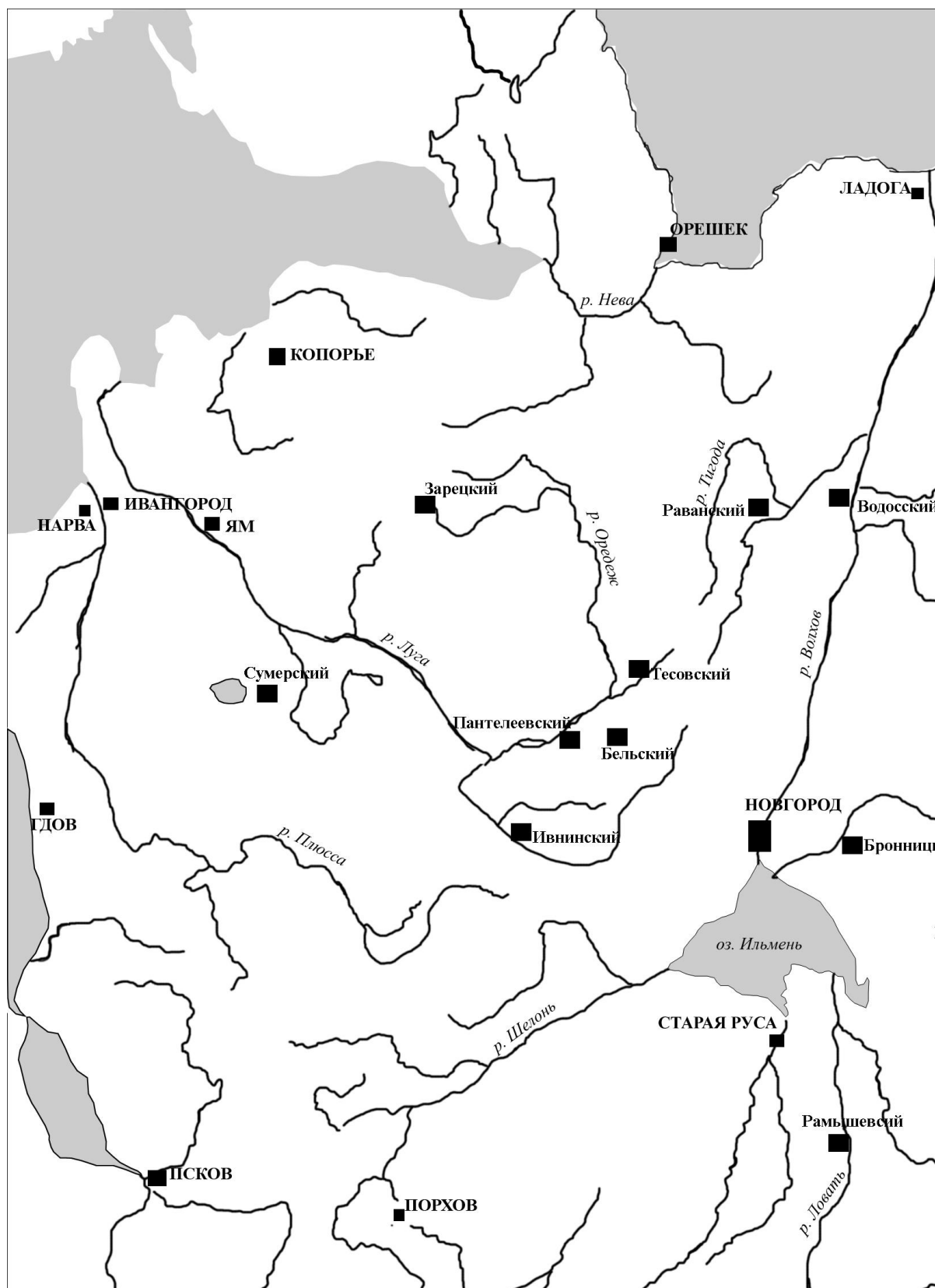
¹⁵⁰ Донесения Нидерландских посланников... С. 37.

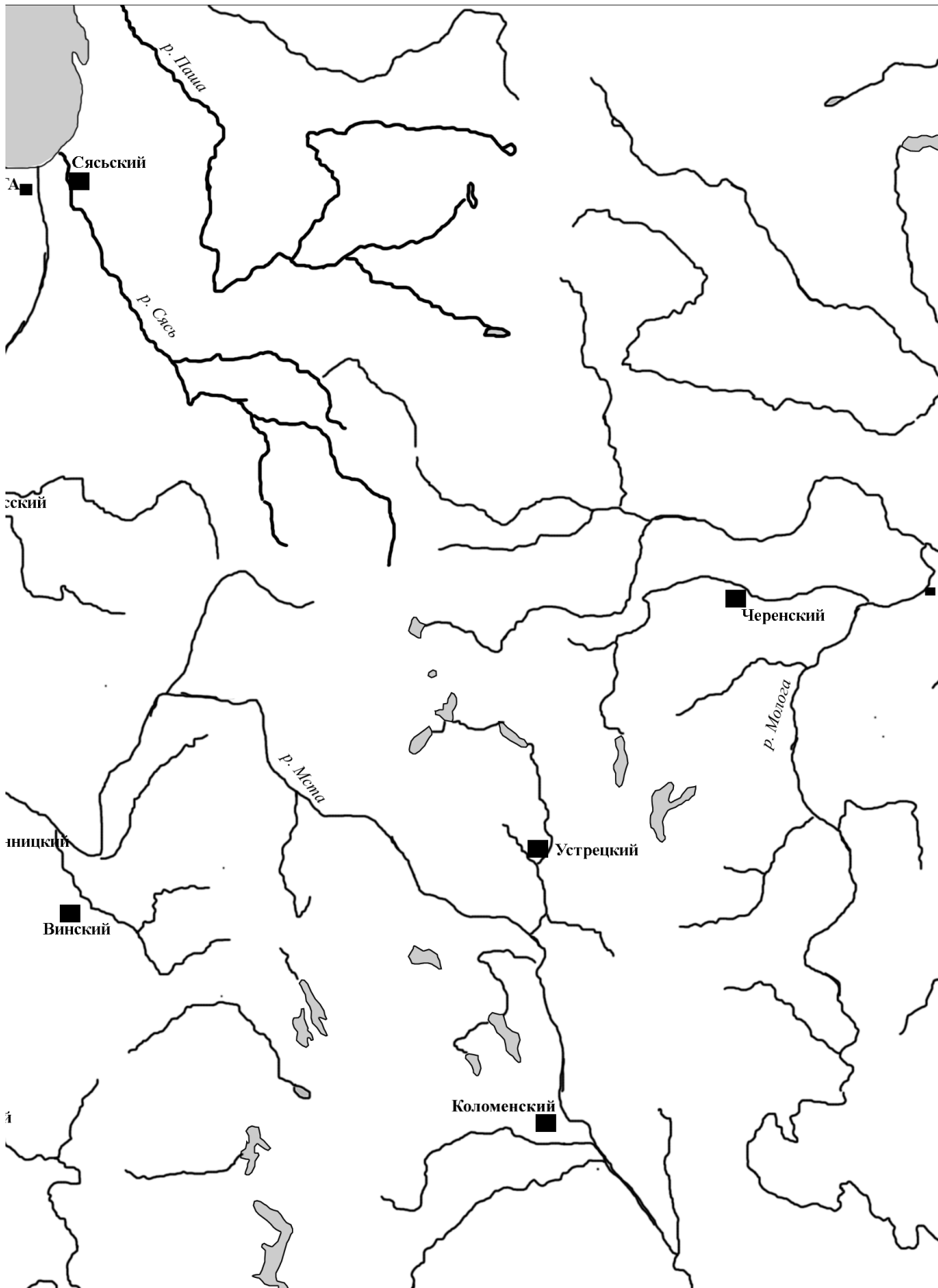
¹⁵¹ *Веселовский С. Б.* Белозерский край в первые годы после Смуты // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 276–296.

¹⁵² Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ с сообщением о пленении жены дьяка Третьяка Копнина и об опасности дороги к Новгороду. 1617, августа около 17 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 148.

¹⁵³ Грамота в Торжок к воеводам кн. М. В. Белосельскому и И. С. Урусову о действиях против казачьего отряда Л. С. Плещеева. 1613 марта 18. // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по историю и источниковедению. М., 2004. С. 226.

Карта 4. Острожки и пригороды

Потом (т. е. до 3 марта 1613 г.) они с Гурьевым приехали в Торжок к воеводе кн. М. В. Белосельскому с грамотами на поместья. «И князь Михайла нам теми поместьями владеть не дал для того, что теми поместьями владел сам. А ф ту, государь, пору в Новгородском уезде стояли немецкие люди и князь Михайла Белосельской и новоторцы с немецкими людьми ссылались и торговали без ведома бояр, которые Москву очистили. И в то жа, государь, время пришли пот Торжок казаки и учали мне говорить, чтоб мне у них быть воеводаю, а итить с ними на немец». Л. С. Плещеев ходил с ними на шведов, разбил их в Удомле, потом – в Устреке и, наконец, сошелся близ Устреки с кн. С. В. Прозоровским и Л. А. Вельяминовым. После этого плещеевские казаки соединились с ними, а Плещееву государь указал «быть из Тихвины к Москве», однако он, будучи ранен, остался на Тихвине, когда началась осада города немцами, позднее получил за тихвинскую службу наградные золотые. По его словам, после того, как им были разгромлены «немцы» в Удомле, кн. М. В. Белосельский не смог с ним ссылаться и торговать, после чего затаил на него обиду¹⁵⁴. По мнению О. А. Курбатова, уход казаков из Торжка к Устреке привел к тому, что в районе Тихвина сконцентрировалось большое московское войско.

Другой такой казацкий острожек был сооружен весной 1615 г. на границе Осташковского и Торопецкого уездов казаками атамана Микитки Жеребца. 3 апреля 1615 г. осташковский воевода Борис Кокорев пытался справиться с этим гнездом. Видимо, побудительным мотивом для Кокорева было присутствие в Осташкове С. Г. Коробьина, посланного из Москвы для съезда со шведскими представителями и размена с ними пленных. В состав карательного отряда были включены жившие в Осташкове дети боярские с головой Тимофеем Виселицыным¹⁵⁵ и 50 стрельцов, пришедших из Москвы с Коробьиным. Т. Виселицыну поначалу не удалось разбить засевших в остроге казаков; в своем неуспехе он обвинял московских стрельцов, которые «на первый приступ своим изволением не пошли, и с теми воры битца не стали, свинец и зелья тем вором продавали». После этого казакам Жеребца удалось укрепиться и выкопать ров вокруг острога¹⁵⁶. Практически в то же время в Осташков пришла весть о том, что в Ржевском уезде стоит атаман Бессонко, якобы с двумястами казаков, намереваясь напасть на Коробьина и шведских посланных. Жеребец же со своими 50 казаками «идет в сход к вору Безсонку с товарищи, а сшедши де, государь, з Безсонком хотят приходить на нас». Т. Виселицыну, которому не удалось разбить Жеребца, посчастливилось лишь захватить семь человек, шедших на соединение с Жеребцом. Довольный уже этим успехом, он возвра-

¹⁵⁴ Расспросные речи Л. С. Плещеева. 1623, не ранее 5 августа // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века... С. 231–234.

¹⁵⁵ Сотенный голова Тимофей Виселицын ранее отличился под Рамышевским острожком, на службе с воеводой Осипом Хлоповым, за что был награжден золотым «в четь золотого угорского» (Приходно-расходная книга золотых и золоченых денег в Разряде 121-127 гг. // *Приходно-расходные книги московских приказов.* Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 765).

¹⁵⁶ Отписка осташковского воеводы Б. И. Кокорева о походе осташковцев на вора Никитку Жеребца и о плохой службе стрельцов, присланных С. Г. Коробьиным. 1615, апреля после 25 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 6.

тился в Осташков¹⁵⁷. Пленные в Осташкове показали, что все они — служилые по прибору, почти все сидели в осаде в Невеле в вольных казаках, один — красногородский стрелец, сошедший с Красного, «как Лисовский Красный взял». Они показывали, что первоначально они, 15 человек, пробирались в Москву с челобитными. Однако по дороге большинство решило пройти «к вору к Жеребцу», некоторых из них, по словам плененных, потащили силой. На стычке с Виселицыным (у которого, как мы помним, было 50 человек стрельцов и осташковские дворяне) восемь человек было убито, а семеро ему сдались.¹⁵⁸

Во время Дедеринских переговоров обе стороны, опасаясь друг друга, также сооружали временные укрепления. Присланный перед прибытием шведской делегации на стан в Романово переводчик Эрик Андерссон («Ирик Ондреев») привел из Старой Руссы 50 человек «подымных русских людей», «а делает Ирик в Романове острог и в остроге двory ставит»¹⁵⁹.

Накануне подписания акта о размежевании Новгородского и Ладожского уездов с Копорским, Ямгородским и Ивангородским в 1618 г. обе стороны были весьма напуганы известием о походе Владислава вглубь Московского государства. Шведские уполномоченные сообщали московскому межевальщику С. Жеребцову, стоявшему в с. Белом Будковского погоста: «А до съезду велели мы на своей стороне зделати острог и около острогу велели ров копати и крепости поделати, чтоб тут стоять нам от польских людей бесстрашно». Внутри они планировали поместить до 300 человек «с пушечными и другими запасами»¹⁶⁰.

Невский острог

Самым известным острогом, возникшим на Северо-Западе был построенный шведами весной 1611 г. острожек на Неве, давший начало будущему городу Ниену. О существовании в устье реки Охты несельскохозяйственного поселения, с корабельной пристанью и гостиным двором уже в конце XVI в. мне уже приходилось писать¹⁶¹. Есть сведения, указывающие на существование заставы в Невском устье «у Столбов» уже в 1596 г. 25 сентября этого года в Орешек к воеводе кн. Ивану Вяземскому приехал «з

¹⁵⁷ Отписка посланных С. Г. Коробьина, П. А. Обернибесова и дьяка И. А. Шевырева царю Михаилу Федоровичу о воровской опасности. 1615, апреля после 26 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 29–32.

¹⁵⁸ Допрос языков, приведенных в Осташков Тимофеем Виселицыным. 1615. 24.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 33–35.

¹⁵⁹ Отписка послов кн. Д.И.Мезецкого с товарищами о ходе подготовки к посольскому съезду. 1615, октября после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 322–330.

¹⁶⁰ Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336.

¹⁶¹ Селин А. А. 1) Новый документ о поселении рубежа XVI-XVII вв. в устье Невы // *Archaeologia Petropolitana*. № 2. 1997 (1998). С. 18–21; 2) К исторической топографии Невского устья на рубеже XVI-XVII вв. // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийск. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. А.Д.Грача*. СПб., 1998. С. 269–272.

заставы с Невского устья от Столбов сторожевой земец Сенка Данилов. А в роспросе, государь, мне, холопу твоему, сказал: приехал деи к ним на заставу из Выбора колыванского торгового немчина Индрика Столнева человек Кяртейко да с ним выборской немчин Тюней Андрешев. И сказали, государь, те немцы земцу Сенке Данилову с товарищи: едет деи из Выбора колыванец торговой немчин Индрик Столнев в бусе с товаром в Невское устье торговати. И прошатися де, государь, ему и в Орешке торговати. А какие де, государь, у него товары в бусе, и тово те немцы земцом Сенке Данилову с товарищи не сказали»¹⁶². В 1599 г. застава в Невском устье была одним из препятствий на пути из Выборга в Нарву для подданных шведской короны. При получении известия о движении 5 прапоров немецких и финских людей, якобы следовавших пешим строем по этому пути, ивангородские воеводы выслали на эту заставу детей боярских и стрельцов и приказали им «чтобы стояли с великим береженьем»¹⁶³. Однако угроза оказалась ложной.

14 августа 1610 г. в Невском устье лагерем стояло войско Якова Деллагарди. Оттуда он двинулся к Орешку, где узнал о занятии Делавиллем Ладоги¹⁶⁴. Вскоре Линдвед Класон возводит здесь укрепления. Поместья же окрестных детей боярских конфисковываются в пользу короля¹⁶⁵. Возвращавшееся ранней весной из Выборга в Новгород посольство юрьевского архимандрита Никандра 8 дней простояло «в шанце у Ньюена»¹⁶⁶. Сведений о сколько-нибудь крупных военных сооружениях здесь до Столбовского мира неизвестно.

После 1617 г. город Ниен начал развиваться. В 1618 г. московский посол в Швецию кн. Ф. П. Борятинский упоминал о том, что на обратном пути из Выборга на реке Сестре его встретил «Невского устья из острошку приказщик Фредрик Данилов да с ним солдат человек з дватцать и провожал нас, холопей твоих до Орешка»¹⁶⁷.

Остроги на Московской дороге

1. Бронницкий острожек

Село (погост) Бронницы на Мсте находилось примерно в 20 верстах от Новгорода. С начала Смуты Бронницы часто упоминаются в источниках как место остановки войск и послов на ближних подступах к Новгороду. В 1608 Я. Кернозицкий шел с тушинским войском на Бронницы (куда должны были послать с передовым отрядом М. И. Татище-

¹⁶² Отписка ореховского воеводы кн. Ивана Вяземского в Посольский приказ о присылке на Невское устье грамоты из Выборга. 1596. между 25 сентября и 6 октября // РГАДА. Ф. 96. 1596. Д. 4. Л. 10. Сторожевой Ореховский земец Сенька Данилов упомянут в десятне 1605 г. среди орешковских земцев, верстанных на 20 чети и служащих в Орешке осадную службу (Десятня 1605 г.. С. 494, № 647)

¹⁶³ Отписка ивангородских воевод кн. В.И.Ростовского с товарищами в Посольский приказ. 1599, января после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 184-191.

¹⁶⁴ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 142-143.

¹⁶⁵ Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева сына Оболянинова (без окончания). 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:123; Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 32.

¹⁶⁶ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 287-288.

ва, якобы хотевшего предаться Тушинскому вору), но, узнав о приходе к Новгороду рати с Севера, отступил к Старой Руссе¹⁶⁸. В 1611 г. после штурма Новгорода шведами именно к Бронницам первоначально ушли покинувшие город В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов. Место Бронниц было выбрано для остановки неслучайно. Неподалеку от погоста располагалась Бронницкая гора, служившая укреплением с раннего железного века. Однако на известной гравюре Адама Олеария¹⁶⁹ изображена не она. По замечанию И. И. Еремеева, там скорее показан вид с перевоза через р. Мста на юг – юго-восток от храма, стоявшего на месте современной церкви Спаса Преображения. В поле зрения художника находилась речка Глушица – старица Мсты, расположенная к северу от Бронницкой горы. По рисунку видно, что протока неглубокая и узкая, а берег, ведущий к ней – пологий. Расстояние от церкви, из которой выходит процессия (которой посвящена гравюра голштинца), до воды явно небольшое (кстати, и сама она стоит на сваях – возможно, из-за близости воды).

В таком месте, на ближних подступах к Новгороду Московскую дорогу защищал Бронницкий острог близ Бронницкого яма, где летом 1614 г. развернулось основное противостояние войск кн. Д. Т. Трубецкого и шведов¹⁷⁰. Часть войска Трубецкого (так же, как в 1608 г. войско Кернозицкого, через Борковский и Лажинский погосты) двинулось к Старой Руссе, где выстроило еще один, Рамышевский, острог. После Смуты, в дни мятежа 1650 г. в Бронницком остроге остановилось войско кн. И. А. Хованского, осадившего Новгород.

2. Винский острожек

Активное возведение укреплений в Новгородской земле относится ко времени деятельности здесь кн. М. В. Скопина-Шуйского. Сооружение важнейшего из них — Винского острога на Московской дороге¹⁷¹ отмечено разрядными записями. Он был построен в селе Вейно (ныне Вины). В 1609 г. этот острог был захвачен отрядом Лисовского, с большим кровопролитием. ««И в прошлом, господине, во сто седмом на десять году на Виньском деле в остроке Лисовские люди побили нашего Еглинского погоста 64 человеки тяглых крестьян»¹⁷². В 1614 г. Винский острог снова стал важным узлом боевых действий. В начале года здесь остановился 3-хтысячный отряд Исаия Сунбулова, аван-

¹⁶⁷ Отписка в Посольский приказ послов кн. Ф.П.Борятинского с товарищами о своем следовании из Выборга к Ладоге. 1618, октября около 16 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 1. Л. 218-220.

¹⁶⁸ *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «бунташного» века... С. 34. Согласно С. М. Соловьеву, именно за попытку бежать в Бронницы Татищев был казнен (Соловьев, т. 8, гл. 5. С. 521).

¹⁶⁹ *Олеарий Адам.* Путешествие из Московии в Персию. М., 1909. С. 25.

¹⁷⁰ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 26.

¹⁷¹ Ныне д. Вины Крестецкого района Новгородской области, близ шоссе Санкт-Петербург – Москва.

¹⁷² Обыск и отдел губным старостой Андреем Обутковым князьям Богдану и Мурзе Федоровым Мышецким и вдове Дея Хвостова Марфе с сыном Иваном и пятью дочерьми поместий из новоприсписных деревень Валдайского села в Еглинском погосте и отписка деревень Хутынского монастыря в Неречком погосте к селу Валдай. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 407–444 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 296).

гард армии боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого¹⁷³. Весной 1614 г. к острожку подошло основное войско Трубецкого. В конце марта (в Великий пост) Делагарди направил под острожек С. Коброна на своего рода разведку боем¹⁷⁴. После этого вселось от Винского острожка (Юхан Видекинд именует его «укреплением на московской дороге в 12 милях от Новгорода») войско кн. Д. Т. Трубецкого двинулось к Бронницам к Бронницам¹⁷⁵ ..

3. Рахин острожек

Рахин острожек располагался, видимо, в окрестностях д. Рахино (Рахин мост). Осенью 1613 г. в нем стоял, ожидая войска кн. Д. Т. Трубецкого, Исак Сунбулов¹⁷⁶. Более в источниках начала XVII в. не упоминается.

4. Коломенский острожек

Коломенский острожек стоял на Московской дороге на Коломенском погосте, во всяком случае, осенью 1611 г. 30 ноября там произошло столкновение между новгородскими войсками во главе с воеводой Н. В. Вышеславцевым и сторонниками Владислава во главе, видимо, с кн. В. А. Тюменским. Дворецкий кн. Тюменского Ивашко был в этом бою пленен новгородцем Деревской пятины П. В. Косаковским¹⁷⁷.

Остроги в Полужье

1. Тесовский острожек

Лучше всего сохранилась информация по Тесовскому острогу. В нашем распоряжении имеется значительная часть его архива, известны все острожные головы, возглавлявшие его с 1611 по 1617 г. Тесовский острог находился близ Климентовского Тесовского погоста, по всей вероятности, в районе Успенского монастыря на островке, в низине, образованной протоками р. Тесовой в озеро Пристанское. Он контролировал Ивангородскую дорогу — магистраль, связывавшую Новгород с крепостью на Нарове. В 1611 г. острожку были приписаны погосты и волости Поореджья¹⁷⁸.

¹⁷³ Расспросные речи Никиты Калитина. 1614. 12.02 // Арсеньевские шведские бумаги / Подг. М.В.Муравьев // Сборник НОЛД. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 26-29.

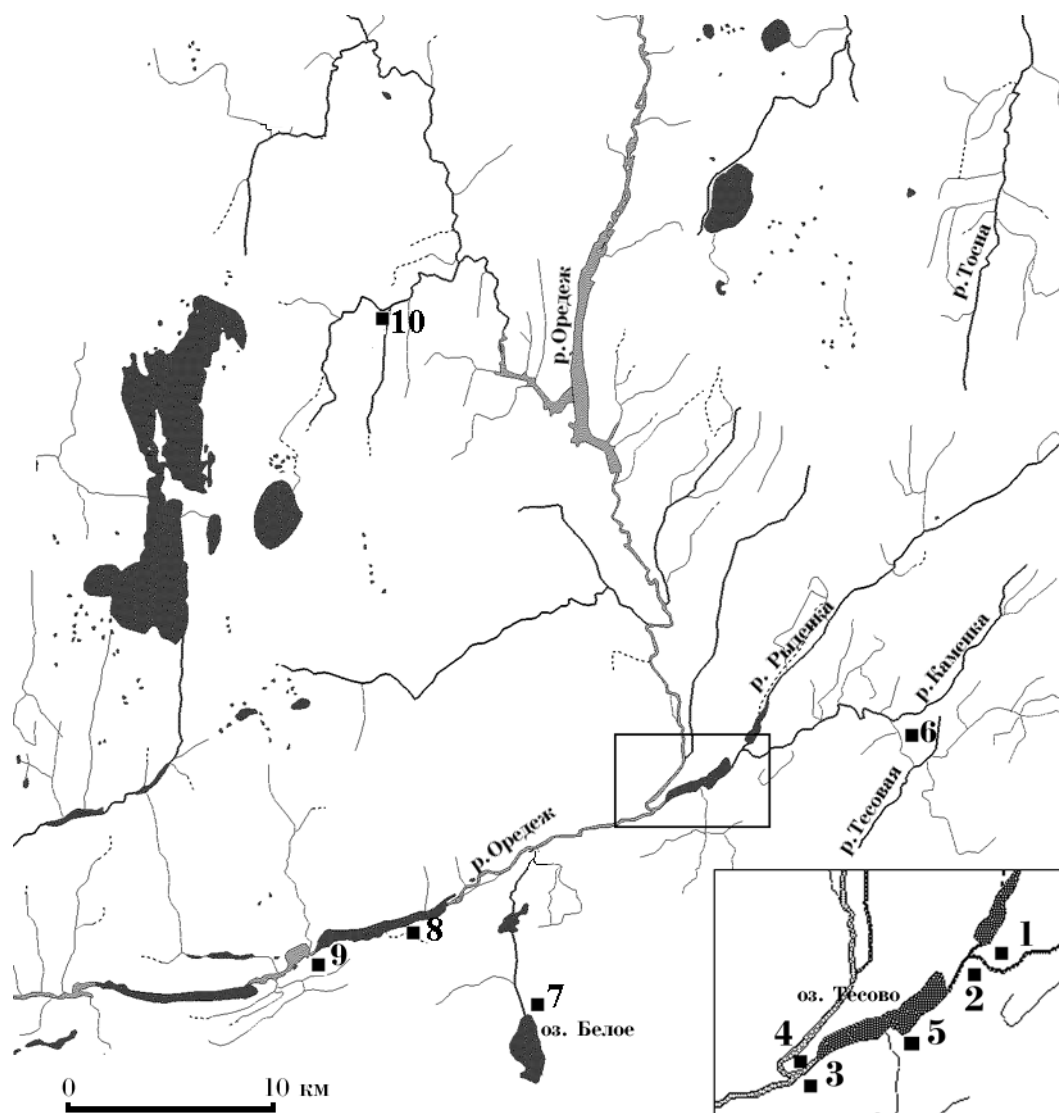
¹⁷⁴ Отписка воевод Дмитрия Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Расспросные речи языков. 1614, марта после 30 // АМГ. Т. 1. М., 1990. № 78.

¹⁷⁵ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 314.

¹⁷⁶ Турилов А. А. «Мелочи новгородской жизни» начала XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1 (1). С. 121, тж. прим. 3. А. А. Турилов ошибочно поместил Рахин острожек близ Тихвина.

¹⁷⁷ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Пронки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 31.

¹⁷⁸ История Тесовского острожка подробно рассмотрена мной: *Селин А. А. Тесово (исторические исследования и археологические перспективы) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 284–299.*

Карта 5. Тесовская округа. 1 — Климентовский Тесовский погост; 2 — Успенский монастырь в Тесове и Тесовский острог; 3 — Спасский погост в Тесове и Тесовский ям; 4 — Никольский Клинский монастырь; 5 — Государева пристань; 6 — Фроловская церковь в Тесове; 7 — Бельский острог; 8 — Никольский Будковский погост; 9 — Пантелеевский острог; 10 — Троицкий Зверинский монастырь.

Какой-то острог в Тесовской округе существовал в XVI веке. По всей вероятности, он выполнял таможенные¹⁷⁹ и военно-санитарные функции¹⁸⁰. В годы русско-шведской войны 1590-х гг. здесь была база концентрации войск¹⁸¹; по окончании боевых действий — проходили переговоры о границе. В период новгородско-шведского политического альянса Тесовский острог (наряду с Зарецким, Пантелеевским, Ивнинским) —

¹⁷⁹ Грамота об отставке от службы. 1556. 12.03 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 47. IV. С. 66; Памятники дипломатических сношений России со Швецией // Сб. РИО. 1910. Т. 129. С. 360, 368, 370.

¹⁸⁰ Ср.: «...а от сосны к дороге, которая дорога от государева села Тесова к Спаскому яму, а у дороги сосна, а на ней грань, и от дороге засеком, что была засечена от Божия поветрея до Тесовского озера» (Список с межевой книги дворцового села Тесова дьяка А.Арцыбашева и подьячего С. Емельянова. 1586 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 15 об.–16).

¹⁸¹ Разрядная книга 1550–1636 г. М., 1975. Т. 2. Вып. 2. С. 105.

важный элемент в системе обороны Новгорода с Северо-Запада. При этом функция Тесовского острога в эти годы заключалась в значительной степени в обеспечении хлебным кормом как шведского гарнизона острожка, так и проходивших по Ивангородской дороге отдельных воинских частей и проезжавших военачальников и дипломатов. Шведские роты сменялись в Тесове с периодичностью 20 дней¹⁸². Такая система установилась в конце 1611 г.¹⁸³, возможно вскоре после визита Эверта Горна, также бравшего корма в Тесовском острожке¹⁸⁴. Примерно к 1615 г. относится известное нам изображение погоста Тесово, помещенное в книге голландца Антониса Хутеериса¹⁸⁵. В Тесовском остроге кроме гарнизона находилась и тюрьма, возможно, какие-то другие учреждения¹⁸⁶. «Острог Тессау», по словам голландца ван Бредероде, являлся в 1616 г. «единственным обитаемым местом в области»¹⁸⁷.

Тесовский острог, расположенный в центре большой земледельческой дворцовой Тесовской волости, являвшийся ее важнейшей защитой и вместе с тем местом концентрации продовольственных ресурсов для шведских войск, в 1611–1614 гг. переносился. Григорий Муравьев зимой 1611–1612 гг. стоял, вероятно, на Тесовском яме, в районе перевоза через Оредеж — узлом стратегическом пункте Ивангородской дороги (ныне — в районе дд. Ям-Тесово и Горыни Лужского района Ленинградской области).

На Страстной неделе крестьяне округа Тесова подверглись насилию «воровских, литовских и немецких людей», позднее, в Петров пост, «приходили ... в Тесово воры казаки, и на тех воров казаков приходили из Новагорода в Петров день немецкие ратные люди да с Ъваня города шли литовские и немецкие люди в Новгород, да из Новаграда многажды приезжали литовские и немецкие люди», что привело все дворцовые деревни в состояние полнейшего запустения¹⁸⁸. В августе 1614 г. новая русская администрация Тесовской волости вынуждена была собирать по лесам разбежавшихся крестьян, которые, будучи допрошены, показали: «как деи приходили неметцкие ж люди из Ругодива, а литовские люди от Корелы и от Орешка, и стояли деи в Тесове недели 3 две, и в твоём государеве в селе в Тесове крестьян многих побили, а иных жгли и мучили и хлеб и лошади и всякой живот у них весь поимали». При этом выяснилось, что сеять хлеб на

¹⁸² Книги сбора и раздачи кормов в Тесовском острожке при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь – 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87. С. 2.

¹⁸³ Книги сбора и раздачи кормов Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12–1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1:71. С. 57–128.

¹⁸⁴ Книги раздачи кормов немецким ратным людям по Тесовскому острожку при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 23.12–1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 137–166.

¹⁸⁵ *Goeteeris A. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 ...* Graven-Hage, 1619. С. 32.

¹⁸⁶ Челобитная черного попа Никольского Клинского монастыря Ионы об обидах, понесенных от немецких людей. 1614–1616 // *Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского архива* // ЧО-ИДР. 1890. № 14. С. 34; *Донесения нидерландских посланников о их посольстве в Швецию и Россию в 1615–1616 г. Сообщения из Нидерландского государственного Архива* // Сб. РИО. Т. 24. 1878. С. 37.

¹⁸⁷ *Донесения нидерландских посланников...* С. 37.

¹⁸⁸ Челобитная дворцовых крестьян села Тесова, поданная Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому. 1614. 25.07 // RA, NOA. Serie 2:168. Л. 15.

новый год уже поздно¹⁸⁹. У крестьян же после разорения во всей волости осталось «всево девятеро лошадеи, а болши деи того у них лошадеи нет»¹⁹⁰..

Боевые действия весны 1614 г., будучи разорительными для местного крестьянства, создали тем не менее благоприятную обстановку для злоупотреблений, в частности — для контрабандной торговли солью. Тогда же, на Страстной неделе 1614 г., в село Тесово приехал из Ивангорода новгородский купец Милей Белянин, который остановился «у Пречистой Богородицы на Городки у попа у Кузмы Иванова», т. е. в Успенском Тесовском монастыре и не явился к приказным Тесовского острога. Милей начал активно торговать солью в волости, причем немало заповедного товара извел на взятки: воевода Тесовского острога взял в острог восемь мехов соли, были и другие получатели взятки. Вскоре окрестности Тесовского острога были заняты «воровскими» казаками, которые отобрали у Милея соль и сами стали продавать ее крестьянам Тигодского и Ижорского погостов, через которые, вероятно, они пришли в Тесово. Однако после того, как шведские войска отогнали казаков от Тесова, было начато следствие, и воевода Тесовского острога Г. С. Обольянинов, опасаясь обвинений в злоупотреблениях, первым подал челобитную на крестьян села Тесова в том, что те во время казацкого прихода якобы также получили бесплатно три меха соли (т. е. поддержали политических противников новгородского правительства)¹⁹¹. Однако тесовские крестьяне также били челом на Обольянинова и губного старосту Сильвестра Зиновьева и просили совершить справедливое рассмотрение дела. Обольянинов в ответ на крестьянскую челобитную отчитывался, что он отписал на государя, т. е. фактически конфисковал соль у Милея «про немецкий обиход», действуя совместно с ротмистром Гансом Адамсом, а когда казаки фактически овладели Тесовской округой, то крестьяне, забрав спрятанную на островке (т. е. в Успенском монастыре) соль, попросту ее разграбили¹⁹².

В августе 1614 г. был построен новый Тесовский острог, близ Климентовского погоста, тот, который нидерландские посланники в 1615 г. назовут единственным жилым местом в округе. Как и при строительстве других острожков, в качестве строительного материала в Тесове использовались разобранные крестьянские дворы, особенно из опустевших деревень: «А по дозору и по сыску Бутковского погоста попов и волостных людей те деревни пожжены, а иные дворы сжожены в Тесовский острог»¹⁹³. Видимо, организация строительства легла на плечи Г. С. Обольянинова, назначенного воеводой острога. Строительство ложилось бременем на местных крестьян. В сентябре 1614 г., после боевых действий в Тесовской округе лета 1614 г., новопостроенный Тесовский острог стали укреплять. 6 сентября 1614 г. подьячий Евдоким Сипягин был послан Г. С.

¹⁸⁹ Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2:284. Л. 3, 3 об.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 33–35.

¹⁹² Память Г. С. Обольянинову по челобитью новгородского посадского человека Якуша Масленникова. 1614. 17.08 // RA, NOA. Serie 2:148. С. 10.

¹⁹³ Дозорные книги Полуужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 87.

Обольяниновым и шведским ротмистром Гансом Термом (Hans von Termo) в Полянскую волость для отправки 20 посошных с топорами, мешками, веревками и лопатами на острожное дело¹⁹⁴.

После бурных событий 1614 г. в Тесове наступило затишье. Шведские историки показывают, что пехота, стоявшая гарнизоном в Тесове, Заречье и других небольших укреплениях, зимой 1614/1615 гг. жила хорошо, сравнительно с гарнизоном собственно Новгорода¹⁹⁵.

В 1614–1615 гг., будучи местом концентрации не только военных соединений, но и государственных продовольственных запасов, Тесовский острог нередко подвергался грабежу. Так, 11 октября 1615 г. «немецкие люди Крест Анцовы да Петра Бронса роты в селе в Тесове из житнец государева десятинного пашенного хлеба» взяли, а 16 декабря того же года «взяли грабежом немецкие люди из Новагорода идучи к Невскому устью восм четъей овса»¹⁹⁶. Летом 1616 г. в Тесовском остроге стояло «для остереганья от государевых людей» 40 шведских солдат¹⁹⁷.

При выводе войск в марте 1617 г. шведы зарыли в Тесове колокола с нескольких новгородских церквей¹⁹⁸. После ухода шведов Тесовский острог является уже единственным укрепленным поселением к Северо-Западу от Новгорода. Уже к 23 мая 1617 г. туда был введен русский гарнизон и учреждена пограничная стража для упорядочения пропуска по Ивангородской дороге, в первую очередь — «немецких людей». Интересно, что новая администрация назначила головой Тесовского острога Г. С. Обольянинова, служившего там воеводой в 1613–1614 гг.¹⁹⁹. Острог здесь просуществовал до конца XVII в., оставаясь важным пограничным пунктом.

2. Пантелеевский острожек

В 1612–1614 гг. какое-то время на берегу Оредежа существовал еще один острожек — Пантелеевский. Он, по всей вероятности, был сооружен на высоком левом берегу Оредежа, близ деревни Пантелеевичи, известной с 1500 г., в 2 км от современного пос. Оредеж. Он был разрушен, по всей видимости, в 1614 г., когда в районе Тесова развернулись боевые действия²⁰⁰. До этих событий в августе 1614 г. в Пантелеевском острож-

¹⁹⁴ Память ротмистра Г. Терма и Г. С. Обольянинова подъячему Евдокиму Сипягину о доправке посошных людей с Полянской волости. 1614. 6.09 // RA, NOA. Serie 2:182.

¹⁹⁵ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 341.

¹⁹⁶ Приходные книги государева хлеба из дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:108. С. 86, 87.

¹⁹⁷ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.

¹⁹⁸ Описание Новгорода 1617 г. ... С. 133–134.

¹⁹⁹ Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 13. С. 57–63.

²⁰⁰ Ср.: «пустошь, что была деревня Пантелеевичи, что была за Иваном за Серковым да за Васильем за Колобовым да за Тимофеем за Митковым... дворы помещицкие выжгли воровские люди, как приходили под острог...» (Дозорные книги Полужской половины Водской пятины... 1615. С. 47).

ке стоял шведский гарнизон — «конные и пешие ратные люди» во главе с ротмистром Гансом Термом²⁰¹. К острожку были приписаны помещичьи и митрополичьи крестьяне всех окрестных погостов (до строительства Ивнинского острога в конце 1614 или в начале 1615 г.), а воеводе Г. С. Обольянинову (одновременно ведавшему Тесовским острогом) было предписано собирать с корма²⁰². После лета 1614 г. Пантелеевский острожек не возобновлялся.

3. Бельский острожек

Невдалеке от Тесовского острожка, близ с. Белое в Будковском погосте, примерно в 1614–1616 гг. находился Бельский острожек, контролировавший Будковский погост и дорогу с верхней Луги к Оредежу. Туда в марте 1614 г. к ротмистру Гансу Терму и голове Григорию Обольянинову вышли перебежчики из-под Пскова²⁰³. Бельский острожек, видимо, дублировал Пантелеевский, разгромленный в ходе боевых действий летом 1614 г. Скорее всего, располагался на берегу озера Белого, ближе к д. Пожарищи. По всей вероятности, в районе Бельского острога попытались укрепиться русские межевые послы С. Жеребцов с товарищами при получении известий о движении вглубь Московского государства войск королевича Владислава²⁰⁴.

4. Зарецкий острожек

Спасский Зарецкий погост впервые упомянут в писцовой книге 1500 г. В ходе русско-шведской войны 1590-х гг. Заречье выступает как важный опорный пункт в отвоеванных землях. В ходе осады Нарвы в феврале 1591 г. царь Федор Иванович посылает в Заречье к князю Даниилу Ногтеву, который возглавлял стоявший в Заречье военный отряд, указ подвозить хлебные припасы в Ивангород.

Ям в Заречье на Ивангородской дороге отмечен многими документами начала XVII в. . Несколько ранее, на рубеже XVI–XVII вв. известен приказчик Зарецкого яма Петр Кондратьев . В 1602–1603 гг. на Зарецкий ям бегут крестьяне Троицкого Зверинского монастыря, в 1603 г. ямские охотники Зарецкого яма разбойничают в округе Врудского погоста и в Ямском околородье.

Работы по укреплению Зарецкого погоста и попытка (неизвестно, первая ли) сооружения здесь острога была предпринята копорским комендантом Йоахимом Беренсом в сентябре 1615 г. 23 сентября Яков Делагарди благодарил Беренса за строительство ук-

²⁰¹ Приходо-расходные книги сбора и раздачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48.

²⁰² Память Г. С. Обольянинову о посылке к нему вместо Михаила Неелова Селивестра Зиновьева. 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:148. Л. 20; Приходо-расходные книги сбора и раздачи кормов... С. 34.

²⁰³ Поручная людей Бажена Иванова по своим односельчанам. 1614. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 56.

²⁰⁴ Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336.

реплений в Заречье и указывал назначить туда ответственного человека и снабдить острог всем необходимым²⁰⁵.

Однако есть сведения, что Зарецкий острог существовал уже осенью 1613 г., будучи выстроен для контроля над Ивангородской дорогой. Возможно, там от нее отходила трасса к Кипенскому погосту и далее к Невскому устью. 19 ноября 1613 г. Даниил Геббер писал из Новгорода своему слуге Валентину Югерсу с указанием отправляться в Заречье и далее в Нарву²⁰⁶. В августе 1616 г. вышедший в Тихвин новгородец Богдан Нащокин доносил, что «по Ивангородской дороге на яму на Заречье поставлен острожок, от Ивангорода во штидесяти верстах, а в нем, государь, немецких людей француз сто пятьдесят человек конных». После поражения Густава Адольфа под Псковом отряд французов, по словам Нащокина, ушел в Ивангород, а на их место были посланы «немцы» из Новгорода²⁰⁷.

Укрепления в Заречье существовали и после Столбовского мира. В ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг., в весеннюю кампанию 1657 г. там происходила концентрация шведских войск близ границы. «Царица» — известный пункт на «Обычной зимней дороге из Нарвы в Новгород», по описанию Эриха Пальмквиста. Этот же пункт на дороге в Новгород упоминает Ю. С. Спарвенфельд²⁰⁸. Однако в шведской Ингерманландии, вероятно, роль Зарецкого погоста свелась лишь к военно-административной. В годы Северной войны Заречье — важный пункт на сохранившей свое значение коммуникации. Именно к Заречью из Дудергофа был послан за провиантом шведский полковник Армфельд из прорвавшегося в Ингерманландию в 1708 г. шведского отряда²⁰⁹.

5. Ивнинский острожек

Ивнинский острожек был построен в 1614 г. для защиты водной дороги по Луге от «шишей», контролировавших Сумерскую волость²¹⁰, а также для контроля за теми погостами Шелонской пятины, где еще продолжалась жизнь (заметим, что если какое-то управление в Водской пятине мы фиксируем вплоть до февраля 1617 г., то об администрации для Шелонской пятины неизвестно ничего. С 1614 г. пятина, видимо, опустела полностью, за исключением Порхова, Старорусского уезда, нижнего течения Плюсы).

²⁰⁵ Частные письма шведских служащих из-под Пскова // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 6. Л. 45-47 об.

²⁰⁶ Письма шведских офицеров и должностных лиц. 1613, июнь – декабрь // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 2. Л. 67–68 об.

²⁰⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе из Новгорода подьячего Казарина Башмакова и сына боярского Богдана Нащокина. 1616, августа после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 256–261.

²⁰⁸ J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684-87 / ed. U. Birgegård. Stockholm, 2002. 69, 73, 173.

²⁰⁹ Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708-1714 г. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5). СПб., 1893. С. 27.

²¹⁰ Грамота Якова Делагарди в Ям немецкому воеводе Клаусу Харлу и Никите Ивановичу Калитину о розыске и грабежах крестьян Сумерской волости. б/д (ок. 1615 г.) // RA, NOA. Serie 2:164. По мнению Е. И. Кобзаревой, не сведущей в исторической географии Новгородской земли, он находился на р. Ивине, притоке Свири, что неверно (Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 350–351).

Он был построен в бывшем с. Ивня, близ впадения речки Удрайки в Лугу. В дозорной книге 1615 г. есть характерные пассажи, свидетельствующие о том, что для строительства острожка разрушались крестьянские дома: «За Федором за Григорьевым за Бутурлиным селцо, что было Ивно, а ныне стоит острог, храм Никита Страстотерпец и крылоские дворы свезены в острог... Да в том же сельце за рекою за Удраею места дворовые, что был двор помещика Вельямина Трусова, хоромы свозили с тово места немецкие люди в острог на помещика на Ивана на Боранова...»²¹¹. Развалины Ивнинского острожка видны и сегодня в дер. Ивня Батецкого района Новгородской области. В 2006–2007 гг. они подверглись археологическому исследованию, предпринятому К. В. Шмелевым²¹².

Остроги в Поволховье

1. Водоский острожек

Два острожка были сооружены в Корельской половине Водской пятины. Однако о них известно несравненно меньше, чем об острогах в районе Тесовской округи и в Полужье. Водоский острожек был построен, видимо, в селе Водоси. Здесь одно время начальствовал Никита Калитин — яркая фигура эпохи Смутного времени, свойственник Аминовых, оставшийся на службе у Густава Адольфа²¹³. Известно, что в конце лета — осенью 1614 г. здесь служили подьячий Третьяк Посадников²¹⁴ и, возможно, выезджий пан Иван Федоров. Из района Водоского острожка шведы и новгородцы пытались контролировать близлежащие деревни на правом берегу Волхова²¹⁵.

2. Раванский острожек

Последний острожек Водской пятины, Раванский, наименее известен. Его местоположение в Кривинской волости, видимо, связано с дер. Равань, в районе впадения р. Равань в Тигоду²¹⁶. Скорее всего этот острожек был устроен для контроля над Ореховской дорогой, соединявшей Новгород с крепостью в истоке Невы.

²¹¹ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины... 1615... С. 58, 63.

²¹² Шмелев К. В. Исследование комплекса памятников в районе дер. Ивня. Опубликовано на сайте Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ: <http://www.nwae.spb.ru/?0-200608>

²¹³ О Никите Калитине подробно см.: *Замятин Г.А.* Россия и Швеция... С. 149-150; *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие байог'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

²¹⁴ Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 1; Память подьячему Третьяку Посадникову о розыске в Полистском монастыре об украденных у литвина Ивана Федорова лошадях. 1614. 9.10 // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 31.

²¹⁵ Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водоского острожка 1614 (?), сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

²¹⁶ Память Якову Шепякову об обмолоте ржи Ивана Секирина. 1615. 23.05: Розыск о животе Ивана Борисова сына Секирина в Ильинском Тигодском погосте. 1615, авг. // RA, NOA. Serie 2:141. Л. 10–11.

Остроги в удаленных от Новгорода областях

1. Сумерский острожек

В архиве Новгородской приказной избы практически не сохранилось документов о Сумерской дворцовой волости — глухом районе, лежавшем южнее р. Луги, между Ямом и Гдовом, который долго не могли контролировать никакие силы. Именно крестьян этой волости шведы и новгородцы чаще всего именуют «шишами». Однако к 1615 г. Гдов надолго попал в шведские руки. В те дни намечался поход Густава Адольфа под Псков, и в Сумерском остроге строятся укрепления, в которые поместили шведский гарнизон. После отхода Густава Адольфа от Пскова Сумерский острожек оказался под угрозой. В мае 1616 г. он подвергся нападению псковских казаков. Копорские посадские жители, перешедшие 13 июня 1616 г. в Тихвин, рассказывали об этих событиях, что «оне слышали от иванегородцких посадских людей, которые ходят из Ыванягорода в Копорью: стояло де в Сомерском острожку неметцких людей 400 человек, и приходили на них казаки, и тот де острожек взяли взятем и неметцких людей побили наголову, и ис Копорья де пот тот острожек неметцкие люди ходили на помочь, и те де неметцкие люди пришли в Копорью назад, а помочи им не учинили, а сколь далече от Пскова Сомерской острожек, того сказали не ведают»²¹⁷. Часть разгромивших Сумерский острог казаков после боя пришла в уже слабо контролируемый шведами район Тесова и сообщила местным крестьянам, что «стояло де в Сомерском острожке неметцких людей 400 человек для остереганья от государевых людей. И о Николине дни приходили на них изо Пскова государевы люди и Сомерской острожек взяли изгоном и неметцких людей побили наголову, а тот де острожек меж Гдова и Пскова, ото Гдова в 10 верстах»²¹⁸. Следует критически отнестись к сведениям, полученным при допросе перебежчиков; особенное сомнение вызывает то, что в обеих допросных речах повторяется численность шведского гарнизона острожка — 400 человек. Однако существование острожка в Сумерской волости отрицать невозможно: после Столбовского мира здесь, во всяком случае с 1629 г., находилось одно из важнейших укреплений на русско-шведской границе²¹⁹.

2. Устрецкий острог

Как заметный пункт в ходе боевых действий гражданской войны Устрецкий острог появляется на страницах источников в конце 1608 г. 21 декабря на Устрецком стане собрались «вологжане и белозерцы и устюжане и галечане и кашинцы и Бежецкого Верху и городечане, обвестясь» с дворянами Бежецкой пятины и дали бой тушинцам, «и из-

²¹⁷ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

²¹⁸ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253. Оба этих дела упомянуты в работе Г. А. Замятина (*Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 372*).

²¹⁹ Память голове заставы в Сумерской волости Ивану Измайловичу Шипилову об усилении бдительности при охране границы от морового поветрия в связи с новыми известиями и о посылке к нему на заставу еще 10 стрельцов в прибавку. 1629. 25.11 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 436. Многие другие документы коллекции упоминают о заставе в Сумерской волости.

менников государевых Осипка Застолпенского²²⁰ да пана Матьяша²²¹ убили, а Федора Маврина²²² взяли, а иных панов велели, переимав, посадити в тюрьму до государева указа...»²²³. В течение всего периода боевых действия 1611–1614 гг. Устрецкий острог представлял собой важный узел коммуникаций: здесь соединялись дороги из Москвы на Новгород и к Тихвину из Бежецкого Верха.

После захвата шведами Новгорода оттуда ушли чашник В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов, с воинскими силами пробираясь к Подмосковному ополчению. Крестьяне Устрецких волостей жаловались новгородскому правительству в августе 1611 г.: «В нынешнем, государь, во 120 году приходили, государи, на Устрецкой стан и в Устрецкую волость изгоном воевода Василей Буторлин да Левонтей Вельяминов с тотары и с казаки, и нас, сирот, из корму мучили насмерть, и мы, сироты, корм на них людцкой покупали, и на государи, стало, людцкой корм покупаючи, опрочно сена и овса пятьдесят пять рублев. А как, государи, тот Василей Буторлин да Левонтей Вельяминов слышали, что воевода Никита Васильевич Вышеславцов с ратными с неметцкими людьми на ряд в Боровичи пришел, и тот Василей и Левонтей с Устрецкого стану со всеми ратными людьми с тотары и с казаки пошле назад, и идутчи, на Устрецком стану и в Устрецкой волости платье и лошадей у многих пограбили, и от того, государи, грабежю многие мы, сирота, оскудали». Вскоре на Устрецкий стан пришли шведские и русские войска во главе с воеводой Н. В. Вышеславцевым приводить к присяге «околных погостов дворян и детей боярских х крестному целованью...»²²⁴.

Зимой 1611/12 г. в Устреке наблюдалась большая концентрация новгородских и шведских войск. Вероятно, в этот период численность новгородцев и шведов была вполне сопоставима. В январе 1612 г. в острожке стоял подчиненный новгородскому правительству отряд казаков под предводительством головы Ивана Паршина²²⁵. Русский воевода Устрецкого острожка Игнатий Харламов проводил там смотр дворян Деревской пятины (до 25 марта)²²⁶. Видимо, и там новгородские власти пытались наладить в 1612 г. правильное сообщение. Так, в конце апреля 1612 г. один из окрестных крестьян был

²²⁰ Иосиф Застолбский.

²²¹ Матиас (Матвей) Заруцкий.

²²² Федор Дмитриев Маврин, сын боярский Бежецкой пятины, помещик Устрецкой округи. В 1609/10 г. получал из Галицкой четверти 7 рублей; 9 декабря 1613 г. ему было прибавлено 4 рубля за тихвинское осадное сидение (Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 97).

²²³ Окружная грамота от боярина кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в разные города, для укрепления граждан в верной к законному государю службе, с возвещением о поспешающих на помощь от шведского короля войсках. 1608 // СГГД. Т. 2. 1819. № 166. С. 343–344.

²²⁴ Челобитная боярам и воеводам от крестьян Устрецкой и Видимерской волостей о сбавке с них требуемых денег с перечислением своих несчастий. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 69–71.

²²⁵ Приходо-расходные книги государевым денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 7.

²²⁶ Дело по челобитной о поместье Деревской пятины новика Афанасия Васильева Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:81; Дело по челобитью о поместье Григорья Андреева сына Рясницына. 1612 // RA, NOA. Serie 2:127.

обязан поставить на Устрецкий стан 6 колес «для государева дела»²²⁷. Вероятно, тогда же острог подвергся атаке «литовских людей», но взят не был²²⁸.

Устрецкий острог лежал на пути от Московской дороги к Тихвину. Борьба за обладание Устрецким острогом — одна из важнейших страниц новгородско-шведско-московского противостояния 1613–1614 гг. Не сумевшие пробиться ко Пскову войска кн. С. В. Прозоровского получили указание двигаться к Тихвину мимо Устрецкого острога²²⁹, с чего, собственно, и началось противостояние московских и шведских войск под Тихвинским монастырем. Уже после того как Тихвин стал надежной базой московских войск, стрелецкий сотник новгородец Степан Анисимов Оклячеев 16 декабря 1614 г. вместе с тихвинскими посадскими людьми был послан в Устюжну «для зелья и свинцу». 23 декабря они прибежали в Тихвин, сообщив, что не доехали до Устюжны 70 верст, там «стоят черкасы многие, пришли из Устрецких волостей»²³⁰. Таким образом, дорога из Тихвина к Москве и другим городам, признавшим власть Михаила Федоровича, была перерезана именно в районе Устрецкого острога.

3. Черенский острог

Самым отдаленным от Новгорода новгородским острожком был острожек в Черенском погосте Бежецкой пятины. Он находился на реке Кабоже близ ее впадения в Чагодошу. Черенский острожек известен с 1611 года, когда там стоял отряд шведского ротмистра Франца Стрюйса²³¹. В 1612 году этот острог продолжал представлять опасность для москвичей²³². Вообще восточная граница Новгородской земли (с Устюженским и Белозерским уездами) как наиболее вероятное направление вторжения московских войск была хорошо укреплена шведами²³³. К острожкам приписывали некоторое количество

²²⁷ Поручная запись крестьян Липенского Котлована по Елизарке Васильеве о поставке тем в острожек на Устрецком стане шести колес для государева дела. 1612. 28.04 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 3.

²²⁸ Челобитная сына боярского И. Паршина о вспомошествовании. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 11.

²²⁹ Грамота царя Михаила Федоровича кн. С. В. Прозоровскому и Л. А. Вельяминову о том, что для борьбы с шведами следует идти к Тихвину и в Устрецкую волость: 1613, апреля. Уп.: *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 39.

²³⁰ Отписка Тихвинского монастыря осадных воевод Василия Неплюева и Ивана Баклановского белозерскому воеводе Петру Чихачеву о присылке пороха и свинца по случаю ожидаемого приступа к монастырю шведов и литовцев. 1614. 26.12 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 53–55.

²³¹ Отписка боярину и большому ратному воеводе Я. П. Делагарди и боярину кн. И. Н. Большому Одоевскому Т. Загоскина, посланного в Черенский острог для сбора кормов с Белозерской половины Бежецкой пятины ратным людям ротмистра Франсбрука, о том, что 12 погостов Белозерской половины дают кормы ротмистру Ирику Берсу, что кормы с погостов, дозренных Казарином Унковским, будут собираться по росписи с нового дозора, что ротмистр Франсбрук не отпускает его, Загоскина, и что подьячий Дружина Харитонов, посланный с ним для дела не годится. 1611 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Картон IV. Д. 505.

²³² «А иные, господа, немецкие же люди от Белозерского уезда верст за сорок, в Новгородском уезде, в Черенске, и острог поставили» (Отписка Белозерского воеводы Гр. Образцова воеводам кн. Трубецкому с товарищами про немецких людей и о малом числе войска на Белоозере. 1612, декабрь // ААЭ. Т. 2. 1836. С. 368).

²³³ В 1613 году Устюженский воевода сообщал на Белоозере: «А немецкие люди из острожков отошли» (Отписка Устюжно-Железнопольского воеводы кн. Андрея Сицкого с товарищами

погостов, которые должны были поставлять корм для шведских гарнизонов (так, к Тесовскому острогу было приписано три погоста, к Черенскому — двенадцать).

Казацкие острожки

В свою очередь, и московская сторона принимала участие в строительстве долговременных укреплений в сельской местности.

Еще в ходе боевых действий 1611–1612 гг., когда наименее спокойными территориями для новгородской администрации являлись Заонежские погосты, вскоре (к лету 1613 г.) потерянные безвозвратно, там возникли укрепления. В 1612 г. в Заонежье появились войска Ганса Мунка и отогнали оттуда казаков. Окрестные крестьяне сообщали, что в Пиркиничском погосте на Свири в «прошлом де во 120 году воровские люди казаки Заонеских погостов и каргопольцы и белозерцы Богданко Медведников да Фторой Игнатъев да Микитка Еремеев да Ондрюшка Разин в нашем в Пиркинском погосте в Кондуской волости в остроге стояли восьми недель, а кормы и подводы на нас правили»²³⁴. Острожек в Кондушской волости был поставлен вновь уже после Кардисского мирного договора, 20 декабря 1662 г.²³⁵

В 1614 г. воеводе Богдану Чулкову было приказано собрать ратных людей «и итить на твою государеву службу на Волховское устье, что над Ладожским озером, и поставить острожек, и ис того острожку, промышлять над литовскими и над немецкими людьми»²³⁶. Но Чулков изменил свой путь, видимо, следуя навязанной подчиненными ему казаками траектории, и направился в Заонежье, на Пудогу, где собрал казаков и охочих людей из двух острожков — Пудожского и Шальского (близ соответствующих погостов) и двинулся на занятый «литвой» Андомский острожек (также близ соответствующего погоста) и выбил оттуда неприятеля²³⁷. Вскоре тот же Богдан Чулков построил острожки в Егорьевском Толвуйском и в Никольском Шуйском погостах²³⁸. Практически вокруг каждого Заонежского погоста в 1614 г. было построено укрепление.

Кстати, и в Волховском устье укрепления, грозившие Ладоге с севера, были сооружены казаками. Шведские источники упоминают местечко Posowa (вероятно, совр. Птинов остров), где русские успели построить укрепления в 1614 г.: «Русские успели, между тем, построить некоторые укрепления на южном берегу Ладоги, около местечка Posowa, где Волхов впадает в Ладожское озеро. Наместник Ладоги Розенкранц с не-

Белозерскому воеводе Гр. Образцову о движении шведов и литовцев в Новгородском уезде. 1613. 4.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 179. С. 311).

²³⁴ Обыскные книги Рождественского Пиркиничского погоста Юна Ириксона, Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 26.09 // RA, NOA. Serie 1:66. С. 217–234.

²³⁵ Переписная книга разным делам Новгородской приказной избы. 1661–1666 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–12 об.

²³⁶ Отписка Б. Чулкова о поражении им с казаками и охочими людьми под Андомским острожком в Заонежских погостах литовских людей и о погоне за ними под Каргополь, с приложением списка казаков и охочих людей, кои были с ним в Андомском острожке. 1614 // АМГ. 1890. Т. 1. № 47. С. 82–84.

²³⁷ Там же.

сколькими кораблями двинулся вниз по течению Волхова с целью захватить эти крепости, но попытка не увенчалась успехом»²³⁹. Впрочем, к 1616 г. этого острожка уже не существовало.

В конце 1614 – начале 1615 г. укрепления казаков в Заонежье попытались противостоять шведы, укрепившись на Сермаксе на Ояти. В 1615 г. Яков Боборыкин говорил в Москве, что ротмистр «Самойло Кобрин» стоит на Сермаксе с 1000 человек, «а пошел де ныне на казачьи острожки»²⁴⁰. Однако те выстояли.

По всей вероятности, такая тактика, приведшая к существенным изменениям в сельском ландшафте, была обусловлена спецификой военных действий эпохи Смуты. По словам иностранных описаний, острожки часто были единственными населенными местами на многие десятки верст. Такая новая география поселений не прошла бесследно и для периода после 1617 г.

Острожек на Сяси и укрепления округа Столбова

На переговорах в Дедерине в 1615–1616 гг. было условлено, что в следующий раз представители Москвы и полномочные шведские послы должны встретиться не между Осташковом и Старой Руссой, а между Тихвинным монастырем и Ладогой. Боязнь провокаций во время посольств побуждала обе стороны концентрировать войска и укрепления в местах будущих переговоров.

Тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому было поручено сообщать в Посольский приказ о строительстве укреплений шведами. В середине мая до Тихвина дошел слух о том, что Делагарди приказал совершить нападение на Тихвин до начала переговоров. Как подготовка к такому нападению расценивалось начало строительства шведами укреплений к востоку от р. Волхов — в устье реки Сясь и выше по Сяси, в районе деревни Бардовщины. Таким образом, перерезалась дорога от Тихвина к Заонежью²⁴¹. После того, как об этом стало известно в Москве, Неплюев и Баклановский получили указание опередить шведов и выставить острожки между Тихвином и Ладогой раньше них, проведя перед этим разведку и ни в коем случае не давая шведам перерезать дорогу из Тихвина в Заонежские погосты: «и укрепити велели гораздо, чтоб нашим людям сидети было безстрашно и запасы к вам из Заонежских погостов провести было мочно, а немецким людям из Заонежских погостов запасов имать и в их острожек про-

²³⁸ Отписка воеводы Б. Чулкова об отбитии польских и литовских людей от Никольского и Шуйского острожков с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска. 1614 // АМГ. 1890. Т. 1. № 59. С. 95–96.

²³⁹ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февр. С. 325–349; Сент. С. 185–213.

²⁴⁰ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2.

²⁴¹ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ о числе немецких людей в Новгороде и пригородах. 1616, мая // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 94–95.

возить не дать». Равным образом и подготовка к посольскому съезду требовала создания временных укреплений в районе переговоров²⁴².

Большой удачей тихвинских воевод был контакт с казачьим атаманом Чегодаем (Чаадаем) Спешневым, пришедшим к устью реки Сясь и подчинившимся московской администрации. 16 июня 1616 г. Спешнев писал в Тихвин, что он пришел в Сясьское устье 15 июня, «и острог поставил, а пищалей де государь, затинных и пороху и свинцу у него в остроге нет, а казаков де, государь, у него на Сяском устье полтретьяста человек, а немецкие люди многие ходят из Ладоги в Корелу и ис Корелы в Ладогу с товары, и они им ничем задору не чинят». Тихвинские воеводы послали служилых людей осмотреть острог Спешнева, и те сказали, что «Чегодай пришед на Сяское устье поставил острожек невелик, вдоль сажен 3 десять, а вперед де, государь, тут острожку никоими обычаи стоять не мочно, что блиско Ладоги, всего в пятнатцати верстах». Усомнившись в необходимости Сясьского острога, Неплюев и Баклановский попытались провести розыск в Тихвине, насколько он обеспечивает безопасность монастыря и дороги из Заонежских погостов. Общее мнение допрошенных дворян и посадских людей было резко против Сясьского острожка: он располагался в 70 верстах от Тихвина и в 15 верстах от Ладоги и не прикрывал дорог, «а толко тут острожку стоять, и с немецкими людьми задратца, и на съезд для мирного постановенья свейские послы не поедут, потому что тот острожек стоит на ладожской земле». После этого тихвинские воеводы приказали Ч. Спешневу острожек «раскидать» и перейти вместе с казаками ближе к Тихвину, поставив новый острог в 30 верстах от Тихвина, также на Сяси²⁴³. Однако Спешнев этого приказания воевод не исполнил, вероятно, лучше владея обстановкой и представляя свои возможности по обороне сооруженных им скромных укреплений. Несмотря на многочисленные предостережения Неплюева и Баклановского, он простоял в устье Сяси до Столбовского мира, контролируя сообщение между Ладогой и Тихвином; задуманный Делагарди рейд на Тихвин (о котором есть сведения и у Видекинда²⁴⁴) летом–осенью 1616 г. не состоялся, потом же начались переговоры в Столбове.

Весной 1616 г., за несколько недель до них, в Посольском приказе интересовались состоянием укреплений в зоне будущих переговоров. Прибывший из Тихвина стрелецкий сотник Петр Уваров сообщал, что в районе Рождественского погоста на Паше острожек не готов, хотя туда и пришли «плавные казаки ореховские и ладожские, человек с полтора, и стоят тут, а острог ишо не ставлен»²⁴⁵.

²⁴² Грамота из Посольского приказа к тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому о постройке острожка на р. Сясь. 1616, мая 30 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 134.

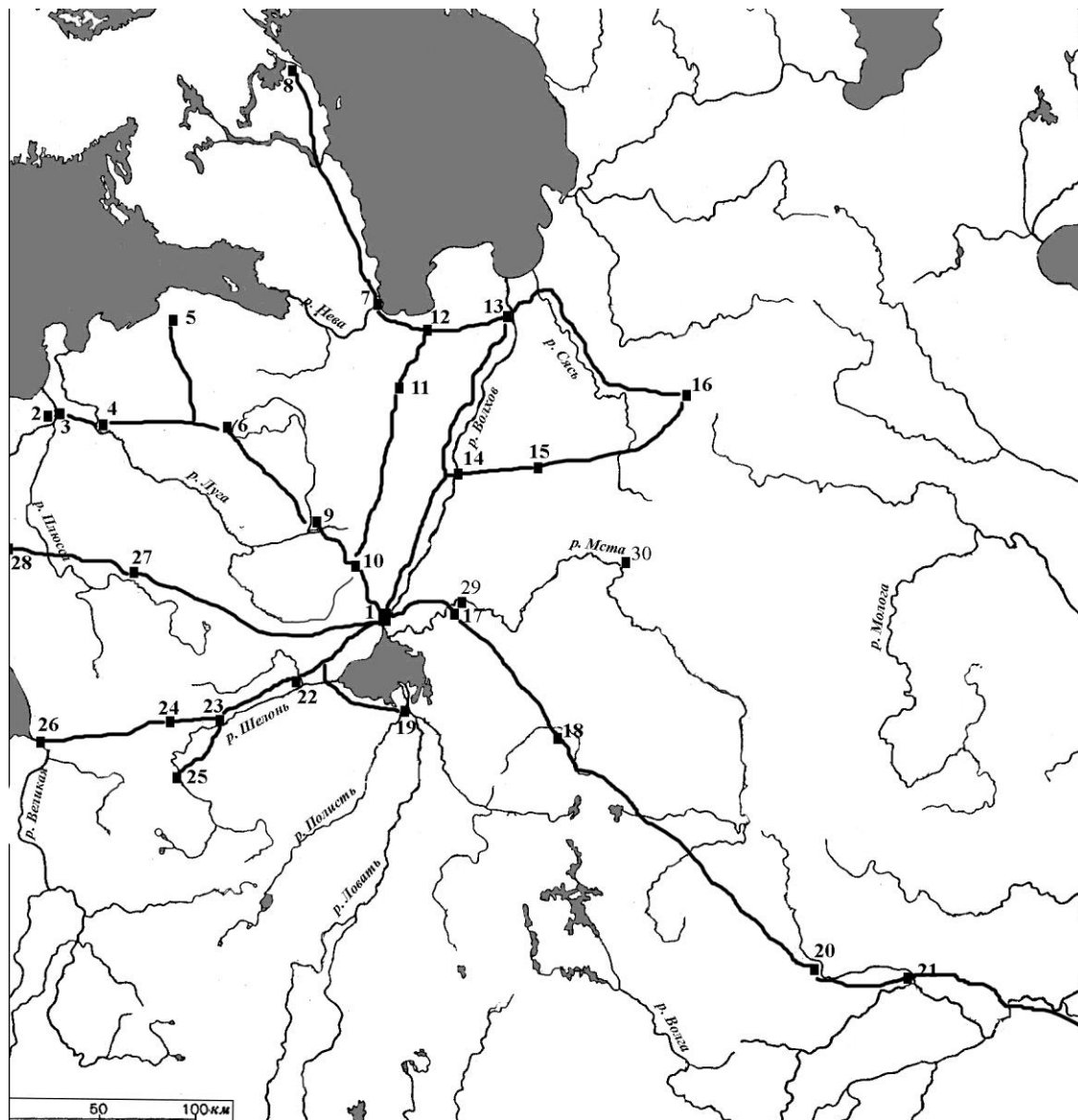
²⁴³ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаадая Спешнева о построенном на Сясьском устье остроге. 1616, июня после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 242–244. Это дела в первой половине XX в. было исследовано Г. А. Замятиным, который впрочем, не придавал большого значения указанию тихвинских воевод скрыть Сясьский острожек (Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 367–370).

²⁴⁴ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 398.

²⁴⁵ Расспросные речи стрелецкого сотника Петра Уварова в Посольском приказе о вестях из Тихвина. 1616, мая около 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 96–97.

При этом в устье Свири острог был поставлен сыном боярским Матвеем Арцыбашевым, видимо ранее, к 1615 г.: «А Заонежским погостам обереганье тот острожек на Свири реки, что поставил Матвей Арцыбашев, потому что воинским людям идти из Ладожского озера Свирью рекою в Онего»²⁴⁶.

III. Дороги

Карта 6. Дороги Новгородской земли. 1 — Новгород; 2 — Ругодив (Нарва); 3 — Ивангород; 4 — Ям; 5 — Копорье; 6 — Зарецкий острог; 7 — Орешек; 8 — Корела; 9 — Тесовский острог; 10 — Лусский ям; 11 — Шапецкий ям; 12 — Назьинский ям; 13 — Ладога; 14 — Грузино; 15 — Деревя; 16 — Тихвин; 17 — Бронницкий острог; 18 — Яжелбицкий ям; 19 — Старая Русса; 20 — Торжок; 21 — Тверь; 22 — Пшажский (Мшажский) ям; 23 — Опоцкий монастырь; 24 — Дубровенский ям; 25 — Порхов; 26 — Псков; 27 — Лядский погост; 28 — Гдов; 29 — Прилуки; 30 — Белое.

Дорожная сеть на территории Новгородской земли стала активно развиваться вскоре после присоединения Новгорода к Москве. К концу XVI в. густая сеть дорог, соеди-

²⁴⁶ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаадая Спешнева...

нявших Новгород с Москвой, Псковом и всеми пригородами, оплела Новгородскую землю²⁴⁷. Особое внимание дорожному строительству новгородские власти уделяли в первые годы XVII в. при подготовке к визиту в Москву датского принца Иоганна. В ходе перемещений русских и шведских воинских контингентов в годы Смуты забота о магистральных дорогах легла на плечи новгородского правительства, которое где-то до 1613 г. в целом справлялось с поддержанием дорожной сети.

Однако уже к 1615 г. основное движение шло не по мощеным дорогам, а по рекам. Направленные на Пески, между Осташковым и Руссой, для обмена пленными шведские уполномоченные капитан С. Аппельман и Г. Бракиль так объясняли московским посланным С. Г. Коробьину и П. А. Обернибесову свое опоздание к намеченному сроку: «А что вы писали к нам, чтоб нам на общее мест на Пески самим ехать мая в 7 день, и нам на тот день николи успети, потому что нас буря задержала на Илмене озере, а до Селищ едучи також подъемы на порогех тяжелые, и аще если Бог произволит, и мы чаем подлинно безо всякого мотчания на опчем месте быти мая в 11 день, а из Русы пойдем мая в 4 день. А посланных ваших мы с сею грамотою отпустили не задержав. Лета от Рождества Христова 1615-го мая в 3 день»²⁴⁸.

К рассматриваемому периоду относится и единственное изображение Ивангородской дороги. Это гравюра участника голландского посольства 1615–1616 гг., предпринятого, как и миссия Джона Мерика, с целью заключения мира между Россией и Швецией²⁴⁹. На этой гравюре изображен какой-то участок дороги между Врудским и Тесовским ямами, расположенный в болотистой местности. Дорога на гравюре образована рядами вплотную прилегающих друг к другу бревен, лежащих перпендикулярно движению путников и укрепленных жердями. В правом углу автором изображены голландцы-всадники, вступающие на гать. Такой картине соответствует и описание Ивангородской дороги, сделанное другим участником этого посольства: «...Дороги очень дурны; почти половина дороги состоит из дерев, которые кладутся по болоту. Деревя эти во многих местах были переломаны, а стороною нельзя было ни ехать, ни идти...»²⁵⁰. Самое неожиданное, что очень похожими красками рисует нам дорогу и позднейшая устная народная традиция: «Лет 80 тому назад (эта запись относится к 1923 г.— А. С.), помнят еще некоторые старики, находили груды леса, поросшие мхом. Лес был хвойный, толстый, и некоторые деревья совершенно здоровые, только сверху погнили, они даже употреблялись на починку мостов и дорог. Лес этот был остатки дороги, проложенной войском Иоанна IV. Он предполагал употребить этот лес на переправы через ручьи, бо-

²⁴⁷ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в. // Вопросы географии. Т.20. М., 1950. С. 270–300.

²⁴⁸ Грамота капитана С. Аппельмана и Г. Бракилева об их прибытии на съезд для размена перебежчиками. 1615. 3.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 107–109.

²⁴⁹ *Goeteeris A. Journael der legatie .. Fig. 28/29.*

²⁵⁰ Донесения нидерландских посланников... С. 37.

лотистые и сырые места, но почему-то не удалось, и так этот лес остался лежать и большею частью сгнил»²⁵¹.

Однако к 1616 г. Новгородская земля представляла собой пустое пространство, по которому передвигались самые разные люди. Движение по дорогам Северо-Запада даже в последние месяцы, предшествовавшие Столбовскому миру, было интенсивным. Заставы стояли только в острожках. Люди же придумывали себе всевозможные маршруты.

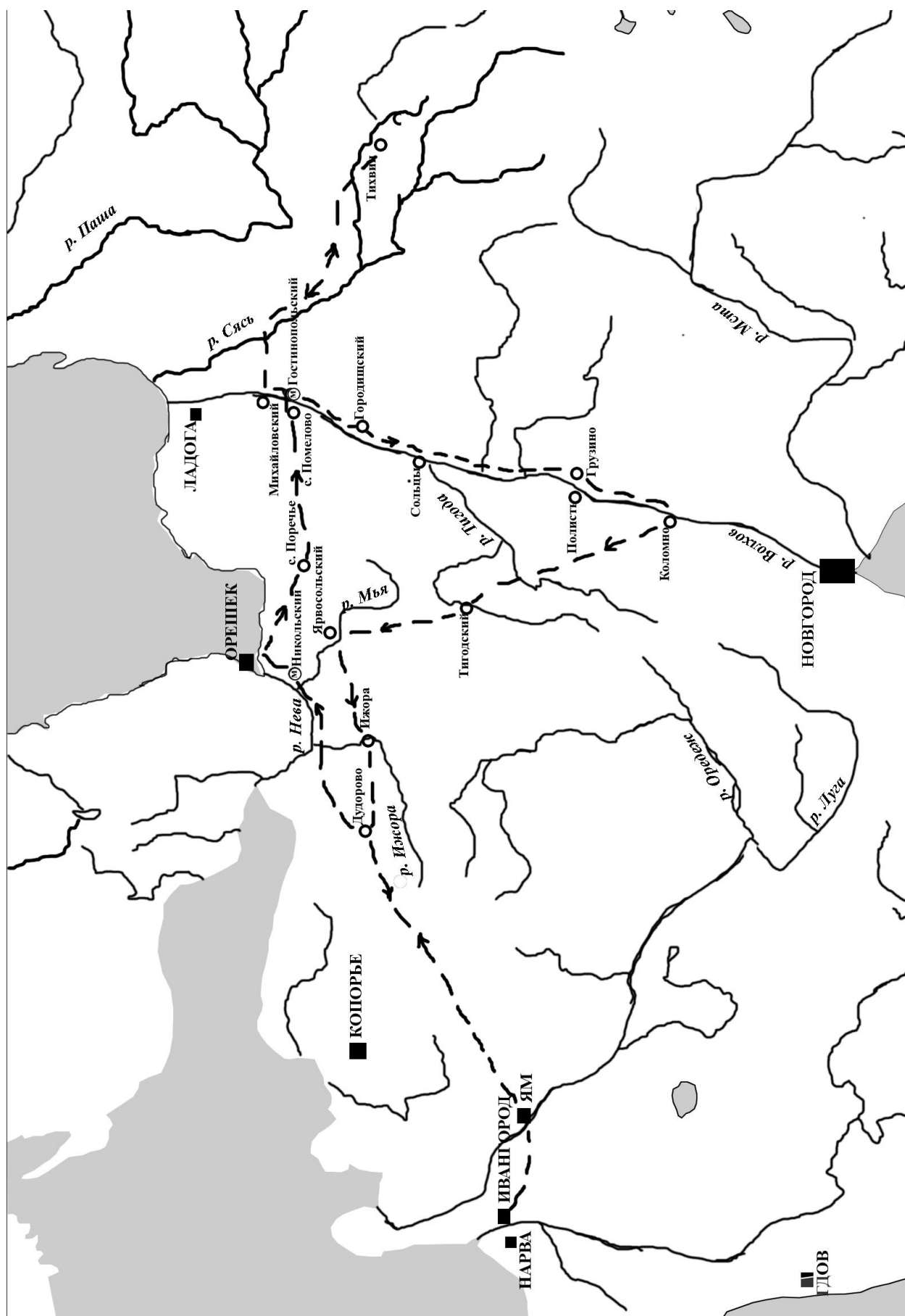
В июле 1616 г. в Тихвин пришли двое псковских стрельцов, ранее взятых в плен шведами и поселенных на мызе, принадлежавшей одному из членов Нарвской администрации. За три дня до дня Рождества Иоанна Предтечи (21 июня) они бежали с мызы, расположенной в семи верстах от Нарвы, смогли дойти до Ивангорода, откуда, на Петров день (29 июня), двинулись к г. Ям, оттуда на Словенку (село в Ижерском погосте), затем — к Лопскому погосту (совр. п. Путилово) и далее к Волхову. В трех верстах от Ладоги, занятой шведским гарнизоном, они переплыли Волхов и подошли к Сясьскому острожку, где стояли казаки Ч. Спешнева²⁵².

15 июля 1616 г. тихвинские стрельцы Петрушка Максимов и Ивашка Васильев были посланы на разведку к Ивангороду. Они вышли из Тихвина на Михайловский погост, далее на Коломенской погост на Волхове (вверх по реке), оттуда свернули на запад, на Ярвосольский, Ижорский и Дудоровский погосты, «и з Дудоровского погосту пришли в Ъвангород на посад июля в 27 день, в неделю, к знакомцу своему Федотку Федотьеву, ночевали у него ночь, и пошли с Ъвангорода 29 июля до Ярославского погоста тем же местом, а из Ярославского погоста» они пошли в Орешек. 2 августа Семеновской поп из села Поречья Юрий Мосеев привел их в Орешек к своему «знакомцу». Той же ночью лазутчики ушли из Орешка в Никольской монастырь, находящийся в четырех верстах от города, где провели следующую ночь. В монастыре их застал поп Ю. Мосеев, после чего они стали возвращаться в Тихвин. Путь лазутчиков лежал мимо Ладоги к вотчинному селу Духова монастыря Помялово и к Гостинопольскому монастырю. «Да как де они шли из Орешка на Михайловской погост, и сказывал им Помяловской выставки михайловской церковной дьячек Матюшка Юрьев сын Громов», что в Ладоге на Успенье ожидают Якова Делагарди и М. М. Пальма²⁵³.

²⁵¹ Легенды и предания о Тесовском крае. Материалы, собранные кружком по изучению Тесовского края. 29.04.1923. // ОПИ НГОМЗ. Ф.6. Оп.1. Д. 177. Л. 3.

²⁵² Расспросные речи псковских стрельцов Ивашка Федорова и Ларки Офремова перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 8.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 24–28.

²⁵³ Расспросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

Карта 7. Путь тихвинских стрельцов Петрушки Максимова и Ивашки Васильева из Тихвина в Ивангород и обратно. 15 июля — 12 августа.

После присоединения Ингерманландии к Швеции на ее территории дорожная система развивалась довольно активно. В частности, Ивангородская дорога получила несколько ответвлений и уже не являлась важнейшей для Ингерманландии магистралью (как это было в XVI в.). Уже в 1617 г. использовалась дорога из Ивангорода к Копорью, причем в Копорье существовал особый Копорский ям²⁵⁴.

Скорость передвижения по дорогам

Проблема сроков передвижения по дорогам Северо-Запада в годы Смуты – достаточно сложная. Источники сильно противоречат друг другу. Накануне Смуты, в 1596 и 1598 гг. расстояние от Новгорода до Москвы нарочный гонец покрывал в 6-7 дней²⁵⁵. По наблюдениям Г. А. Замятина, в 1612-1613 гг. документы доставлялись из Москвы в Новгород (и обратно) примерно за 3-5 недель²⁵⁶, тогда как еще в 1611 г. дорога из Москвы в Новгород занимала 8-9 дней²⁵⁷.

После Столбовского мира на преодоление того же расстояния приходилось около 2 недель в 1617 г.²⁵⁸ Однако дольше всего в 1617-1618 гг. курсировал между Посольским приказом и русским межевым станом сын боярский Василий Философов. 23 октября 1617 г. он выехал с Лавуи в Москву с грамотой от послов, а 15 ноября подал отписку в Посольском приказе²⁵⁹. Дождавшийся в Посольском приказе новых «верующих грамот», только 11 января 1618 г. Философов приехал к послам в д. Стронье на Луге²⁶⁰. Не до-

²⁵⁴ «126 году сентября в 13 день. Памет копорскому ямщику Ивану Григорьеву сыну с товарищи, что мы платили Ивангородскому прикащику Пентелею Васильеву сыну прогонных денег 8 рублей для того, что проехали ивангородские крестьяне с подводы мимо Копорья. А отпись писал Фетка Якимов сын Попов» (Bengt Halsolls Räkenskap för Ivangorod. 1618–1619 // RA, Baltiska fogderäkenskap. F. 415. № 13).

²⁵⁵ Казачий сотник Иван Остафьев сын Ожогин в 1596 г. 8 октября поехал из Новгорода к Москве, а 12 октября привез в Посольский приказ грамоту (Отписка новгородского воеводы кн. Д.А. Ногтева с товарищами о посылке в Москву грамоты, присланной из Орешка. 1596. октября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1596. Д. 4. Л. 1); Никон Бутурлин 18 декабря 1598 г. повез в Москву отписку из Новгорода, 22 декабря привез ее в Посольский приказ (Отписка Постника Ушакова в Посольский приказ. 1598. 18.12 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1, ч. 1. Л. 61).

²⁵⁶ Замятин Г.А. Россия и Швеция... С. 137.

²⁵⁷ Там же. С. 213, сн. 51.

²⁵⁸ Подьячий Гаврило Кувшинов 8 июня 1617 г. выехал с отпиской из Москвы в Новгород, 17 июня подал ее в Посольском приказе (Отписка в Посольский приказ послов кн. Д.И. Мезецкого с товарищами из Новгорода о посылке расспросных речей о меже от раздвоения реки Лавуи до Неважского ручья. 1617. 8.06 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 123-124); Иван Степанов Тырков около 23 сентября 1617 г. повез из Ладоги от межевщика С. Жеребцова грамоту в Посольский приказ, 7 октября подал грамоту в приказе (Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ с сообщением о прибытии в Новгород и отправлении к межевому съезду. 1617, сентября около 23 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 149-150); Захарий Долгово-Сабуров 1 февраля был послан из межевого посольского стана в Будковском погосте в Посольский приказ, 19 февраля подал отписку в Посольском приказе (Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о том, что дети боярские от них разъезжаются, об известиях о литовских людях в Новгородском уезде и о предложении шведских межевальщиков встретиться на Осиновой горке. 1618. 1.02 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 291-293).

²⁵⁹ Отписка Семена Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими межевальщиками. 1617. 23.10 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 166-194

²⁶⁰ Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22

ждавшись известий из Москвы, межевой посол Жеребцов отправил 4 января 1618 г. в Москву стрелецкого пятидесятника Максима Судоплатова, который добрался до Москвы только 27 января²⁶¹. 19 февраля Судоплатов прибыл к послам на Осиновую Горку²⁶². Ездить в это время было тяжело, мокро и совсем некомфортно. От тяжелых условий страдали как люди, так и важные документы. Захарий Долгово Сабуров, посланный в Москву с важными документами ехал из Новгорода через Устюжну. Посланные с ним «две харатьи» «в осень едучи дорогою в возу в реке измокли и учернились и мы их посылали в Новгород вычищать»²⁶³.

Но Философов, Судоплатов и Долгово Сабуров ездили по зимнему пути. Весенняя дорога в это время давалась с большим трудом. Иван Алексеев сын Суслов около 13 марта 1618 г. был послан из Новгорода с отпиской в Посольский приказ и прибыл в Москву 3 апреля²⁶⁴. Иван Большой Герасимов сын Ушаков 18 марта 1618 г. был послан с отпиской из Новгорода в Посольский приказ и 7 апреля прибыл в Москву²⁶⁵.

Однако есть примеры того, как расстояние между Москвой и Новгородом в эти годы покрывалось за неделю. Михаил Иванов сын Арцыбашев 1 ноября 1618 г. повез отписку в из Новгорода в Посольский приказ²⁶⁶, а уже 8 ноября 1618 г. был послан из Посольского приказа в Новгород²⁶⁷. Буквально в те же дни путь из Пскова в Москву проделывался почти за месяц²⁶⁸.

(листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294-312, 314, 318-320, 317, 315, 321-334, 336.

²⁶¹ Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове государевых верящих грамот. 1618. 4.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 239-249.

²⁶² Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294-312, 314, 318-320, 317, 315, 321-334, 336.

²⁶³ Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294-312, 314, 318-320, 317, 315, 321-334, 336.

²⁶⁴ Отписка новгородских воевод кн. И.А.Хованского и М.Вельяминова в Посольский приказ о том, что живущий в Новгороде человек М.Мартынова подал им лист, с выражением сомнений в правильности титулов. 1618, марта после 13 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 2. Л. 177-178.

²⁶⁵ Отписка новгородских воевод кн. И.А.Хованского и М.Вельяминова в Посольский приказ о получении известий из Нарвы о возможности нападения литовских людей на Псков. 1618. 18.03 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 2. Л. 181.

²⁶⁶ 4 отписки царю и великому князю Михаилу Федоровичу ладожских воевод В.Ф.Неплюева и В.И.Змеева о мероприятиях по встрече шведских послов. 1618. 23.09 – 1619. 24.01 // СПБИБИ, кол. 153, оп. 1. Д. 52.1.

²⁶⁷ Царская грамота (из Посольского приказа) об отправке в Новгород денег, оставшихся после отправки шведских послов в Швецию. 1618. 8.11 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 2. Л. 587-588.

²⁶⁸ Дементий Мокеев был послан из Пскова в Москву около 18 декабря 1618 г., прибыл в Москву 10 января 1619 г. (Отписка псковских воевод кн. И.Ф.Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова и о запросе последнего о возможной службе уволенных из шведской армии ратных людей Московскому государству. 1618, декабря после 18 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 1. Л. 46-48); Федор Дмитриев Зеленин 30 ноября 1618 г. был послан с отпиской из Пскова к Москве, 29 декабря прибыл в Москву (Отписка псков-

Грабежи на дорогах

На дорогах в эти годы было весьма беспокойно.

Осенью 1613 г. совершенно опасным для передвижения стало течение Волхова, вдоль которого проходила дорога, соединявшая Новгород и Ладогу. В это время казаками (вероятно, тихвинскими) было перехвачено несколько писем, посылавшихся шведскими военными и гражданскими лицами друг другу. Они осознавали всю опасность таких перемещений. Так, ладожский воевода Ганс Рекинберг находился в те дни в Новгороде. Его жена Екатерина писала ему 13 ноября о том, чтобы он, отправляясь в Ладогу, был осторожен и, взяв с собой большое число провожатых, ехал туда другим путем²⁶⁹. Со временем безопасность на этой дороге не стала большей. В ноябре 1615 г. два крестьянина Солецкого погоста с Волхова, вышедшие в Тихвин, рассказывали на допросе, что они были посланы из Новгорода в Ладогу к воеводе с листом из Новгородского разряда. Им «...велели... тот лист в Ладогу проносить не большою дорогою, окольными залескими дорогами, а из Ладоги, государь, велели против того листа принять от воеводы лист же, а как, государь, оне в Новгород против того листа из Ладоги от воеводы лист принесут, их де король за то пожалует». Поручение было дано крестьянам, а не шведугонцу из опасения «русских шишей». Однако посланные пошли не в Ладогу, а в Тихвин, к московским послам²⁷⁰.

Торговые люди, возившие товары по дороге из Новгорода в Ивангород и Нарву, подвергались ограблениям. В 1614 г. в Новгородском дворцовом приказе перед дьяком Пятым Григорьевым слушалось дело об ограблении двух таких купцов — Федора и Данила, везших в 1613 г. товар в Ругодив. Они обвиняли некоего Якуша в том, что тот «их, Федку и Данилку, с своими племянники и с товарищи в Заречье в деревне в Русковичах били и грабежу у них двое лошадей возами хмелем в тридцат рублей, да денег тридцать рублей, да платья по кафтану по лазоревому, да по зипуну, да по кресту, да по перстню, да две лисицы, да две пищали, всего на пятнатцат рублей взяли». Ранее обвиняемый Якуш сам занимался извозом на Ивангородской дороге и одновременно был старостой Врудского погоста. Как на свидетелей своей невиновности Якуш ссылался «села Тесова на хрестьянина на Офонку Воробьева с товарищи, которые у Клауса (Храмборна. — А. С.) в ызвозе были, Зарецкого яму на охотников на всех в слух и в виденье, Врутцкого погоста на хрестьян деревни Глумиц на Степанка да на Петрушку, деревни Донца на Пашка и на всех Врутцкого погоста крестьян, Копорского уезда Ласковицкого погоста

ских воевод кн. И.Ф.Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова и о запросе последнего о возможной службе уволенных из шведской армии ратных людей Московскому государству. 1618, декабря после 18 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 1. Л. 46-48; Отписка псковских воевод кн. И.Ф.Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова. 1618. 30.11 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 1. Л. 52-58.

²⁶⁹ Письма шведских офицеров и должностных лиц. 1613, июнь – декабрь // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 2. Л. 57–60.

²⁷⁰ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ о посылке в Москву немецкого листа, секретно посланного из Новгорода в Ладогу. 1615. 15.11 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 349.

деревни Губаниц на Онтонка на Минина з братьею.... да на детей боярских на Никиту Тыркова да на Офонася Охлабаева да на Петра Савина в том, что он, Якуш с своими племянники и с товарищи тех своих исцов Данилка и Федка не бивали и не грабливали»²⁷¹.

19 июля 1616 г. из Новгорода тайно в Тихвин отправился служка Хутынского монастыря Куземка Яковлев, посланный архимандритом Киприаном с вестями к московским послам. Кроме вестей он должен был доставить в Тихвин церковную казну: «две ризы камчатые, одно белое, другое черное, да третье ризы дороги двоичные да оплечье на золоте, да образы складни окладные да архимаричья платья: 2 клабука да манос да ряску да протодьяконову Микитину однорятку да фerezи женских да 2 книги да мерин гнед с седлом и с уздою». Все это нужно было передать тихвинскому игумену Макарию. По дороге из Новгорода в Тихвин в д. Кашире, в 80 верстах от Новгорода, по всей вероятности где-то между Грузиным и Оскуйским погостом, на него напали стрельцы, бежавшие из Тихвина, по словам Куземки, 16 человек и дочиста ограбили, взяв даже письмо архимандрита. После этого он смог дойти до Тихвина лишь с небольшими «памятцами» из Новгорода²⁷².

Грабежам и нападениям подвергались как гонцы, так и посольства. Выше я писал о разгромленном караване первого назначенного после Смуты новгородского воеводы кн. И. А. Хованского. Послу кн. Ф. П. Борятинскому, возвращавшемуся из Швеции в Москву Посольский приказ указывал ехать в столицу «через те города, которые лучше и от литовских и воровских людей бесстрашнее»²⁷³. Это указание не было пустой предосторожностью. Борятинский до конца ноября 1618 г. стоял в Ладоге, выжидая, когда прекратится распутица и 26 ноября вышел к Москве через Тихвин. Через 2 дня, 28 ноября в Тихвине, только собравшись идти к Белоозеру, кн. Борятинский получил известие, «что литовские многие люди прошли к Белоозеру, а около Устюжны ходят же. И мы, холопи твои, по тем вестям декабря во 2 день воротились в Великий Новгород». К Новгороду из Тихвина он шел 9 дней²⁷⁴. Именно этот район, между Тихвином и Устюжной дольше всего оставался опасным. Здесь, еще летом 1619 г. шведский гонец ехал «летнею порою и притчею несчастьем, как наш гонец приехал блиско Устюжны и встретили его литов-

²⁷¹ Отрывок из судного дела у дьяка Пятого Григорьева по поводу некоего Якуша (зачеркнуто, следовательно, до сент. 1614) // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 22 об., 24 об.

²⁷² Расспросные речи хутынского служки Куземки Яковлева, посылавшегося в Новгород перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами на Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 325–331.

²⁷³ Царская грамота (из Посольского приказа) послам кн. Ф.П.Борятинскому с указанием ехать из Ладоги в Москву безопасной от литовских людей дорогой. 1618. 1.11 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 1. Л. 204.

²⁷⁴ Отписка в Посольский приказ послов кн. Ф.П.Борятинского с товарищами о своем следовании от Ладоги к Тихвину, а оттуда к Новгороду. 1618, декабря 12 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 1. Л. 238.

ские люди от которых он одва, сказал, ушел в Ладогу и тамо стоял пока литовские люди мимо проехали»²⁷⁵. Безопасность восстановилась только в 1620-е гг.

Ивангородская дорога

Восстановление сети магистральных дорог, из которых важнейшей была Ивангородская, началось незадолго до русско-шведской войны 1590-х гг. Мероприятия правительства по благоустройству дороги продолжались, вероятно, вплоть до подписания в 1609 г. Выборгского договора (так, в апреле 1606 г. известен посланный на дорогу ямской стройщик Иван Линева²⁷⁶), вслед за которым началось постепенное проникновение шведских войск на Северо-Запад России, завершившееся в 1611 г. занятием Новгорода. На плане Новгорода, изображающем осаду его Делагарди, отмечена *Via Sorogiam dicens* (Большая Копорская дорога), со стороны которой наступает на Софийскую сторону шведское войско²⁷⁷. По всей видимости, это была Ивангородская дорога, а два храмовых комплекса — скорее всего, Богоявленский и Трехсвятский монастыри на Вотской дороге.

Новый интенсивный этап истории дороги приходится на 1611–1617 гг. Дорога начинает непрерывно функционировать, в первую очередь как военная коммуникация, обеспечивавшая связь Новгорода с Балтийским морем и Швецией. В июне 1612 г. по Ивангородской дороге (впрочем, несколько уклоняясь от основной трассы, через Сабельский погост и Кусони) перешедшие под Устрецким острожком на сторону Эверта Горна «литовские люди» были отправлены в Ивангород, в связи с чем на станах в Кусонях, Тесове и Заречье были устроены продовольственные склады²⁷⁸. Уже летом 1613 г. большое число конных и пеших людей сгоняется на дорожные работы, в том числе и из отдаленных районов Новгородского государства. В июне 1613 г. порховский воевода Иван Крюков должен был «с Порховских дворцовых сел на Ивангородскую дорогу к мостовому делу доправить» дополнительно 34 человека конных и 27 человек пеших. При этом пригнанные прежде «Карачюницкого и Болчинского погоста посошные люди» уже успели замостить «за Тесовом старых мостов поделано и новым лесом двести одна сажень... а лес клали мелкой еловой и осиновою и березовой»²⁷⁹. На мостовое дело по Ивангородской дороге собирались деньги и с далеких Устрецких волостей²⁸⁰. Дорога

²⁷⁵ Перевод листа шведских межевальных послов Ганса Мунка с товарищами к новгородскому воеводе кн. Д. И. Мезецкому с подробным изложением хода межевых переговоров. 1620, января после 5 // РГАДА. Ф. 96. 1620. Д. 2. Л. 69-104.

²⁷⁶ Память стройщику Линева об отчинах Вяжицкого монастыря в Луском погосте. 1606, апрель // ААЭ. Т. 2. 1836. № 42. С. 98–99.

²⁷⁷ Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII в.: Из истории политических и культурных связей // Rapportserie utg. Av Forskningsarkivet vid Umeå Universitet. Scriptum № 40. 1995. С. 28.

²⁷⁸ Наказ от бояр и воевод о корме для литовских людей, идущих из-под Новгорода к Ивангороду и память по этой грамоте Симона Блаженкову и Гаврилу Мякинину. Без начала. 1612. 8.06 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 51–52.

²⁷⁹ Начало отписки от бояр и воевод из Новгорода в Порхов воеводе И. И. Крюкову о неисполнении тем прежних грамот бояр. 1613, после июня // Дело о выделении С. И. Скрипицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2:50. Л. 48 об.

²⁸⁰ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 259–261.

берется шведами под контроль. В Зарецком и Тесовском ямах возникают «острожки» или «шанцы»²⁸¹. Эти военные мероприятия не были перестраховкой: английского посла Джона Мерика в 1615 г. ограбили какие-то «двое русских», которых, пойманных с личным, содержали в Зарецком остроге²⁸². Из переписки Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского известно, что в те годы использовался и вариант дороги из Новгорода на Копорье²⁸³. Материалы Новгородской приказной избы показывают принципы обеспечения дорожного устройства, сложившиеся еще при Борисе Годунове. Так, нам известны данные о том, что в 1612/13 г. хлебное жалованье ямским охотникам Тесовского яма выдавалось из доходов Новгородского дворца²⁸⁴. В то же время деньги на мощение мостов по Ивангородской дороге раскладывались на дворцовые волости, причем даже на такие удаленные от Новгорода, как Устрецкую и Кострецкую²⁸⁵. Летом 1613 г. новгородское правительство не оставляло попыток наладить правильное сообщение хотя бы по основным магистральным дорогам, соединявшим важнейшие остроги и крепости — Ивангородской и Ладужской. В июне подьячие Григорий Собакин и Максим Васильев были отправлены в Ивангород для сбора посошных людей из Сумерской волости для мощения дорог на Ивангородской дороге²⁸⁶.

После заключения в 1617 г. русско-шведского мира в Столбове произошло размежевание границ двух государств. Соглашение о границах было подписано именно на Ивангородской дороге — в местечке Осиновая Горка — точке пересечения дороги со шведской границей²⁸⁷. С этого времени характер дороги изменяется. Она становится магистралью, соединяющей два государства, причем московское правительство не было заинтересовано в ее восстановлении. Купцы, ездившие по Ивангородской дороге в Швецию, писали, что «из Новагорода до Тесова бывала дорога мостовая, а ныне мостов нет, и дорога худа, грязна и водяна, и через речки и по мхам достальные мосты нынешнею великою водою поняло, и ехать ныне с телеги тою дорогою некоторыми обычии нельзя, только по нужи проедет верхом, и тут по местам итти пеш»²⁸⁸. В это время одно из названий Ивангородской дороги — «Тесовская дорога», по наиболее важному пункту на ней²⁸⁹.

²⁸¹ Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского архива // ЧОИДР. Вып. 2, 4. С. 33–34; Донесения нидерландских посланников... С. 37, 406.

²⁸² Лист Джона Мерика графу Эвердту Горну от 28 февраля 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. 6. Новгород, 1912. С. 13; Лист Джона Мерика графу Эвердту Горну от 10 апреля 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. 6. Новгород, 1912. С. 18.

²⁸³ Письмо графа Делагарди кн. Ивану Одоевскому, во время путешествия его из Новгорода в Ревель к королю Густаву Адольфу. 1614. 10.08 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 41.

²⁸⁴ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 63–65.

²⁸⁵ Там же. С. 459.

²⁸⁶ Там же. С. 481.

²⁸⁷ Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладужского и Гдовского уездов от Шведских владений. 1618. 29.03 // ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1838. С. 203.

²⁸⁸ Расспросные речи новгородских торговых людей в Новгородской съезжей избе о дорогах из Новгорода к шведскому рубежу. 1633. 15.04 // РШЭО. № 53. С. 84.

²⁸⁹ Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга в новгородскую приказную палату о выдаче ему товаров, задержанных в Новгороде, и об отпуске за шведский рубеж. 1668. до 1.05 // РШЭО. № 189. С. 309–310.

Ладожская дорога

Дорога из Ладоги в Новгород лежала вдоль Волхова, мимо селений Водской пятины, т. е. вдоль левого берега реки. Ладожская дорога начинает обустраиваться как важная, постоянно действующая магистраль лишь со второй половины XVI в. Специфика этого времени была такова, что сухопутные дороги, пришедшие в упадок в ходе Ливонской войны и опричнины в 1580-е гг., стали заменяться водными, или, во всяком случае, водные пути «подстраховывали» сухопутные магистрали в летнее время.

В 1586 г. был издан указ, требовавший перевести ямских охотников с Волжинского яма на Ладожскую дорогу и учредить там ямские станции. В этом году были учреждены т. н. «поперечные», т. е. второстепенные ямы на Вылегах, в Грузине, на Солецком погосте, «для скорой подмены лошадей». На всех этих ямах в 1586 г. поместили по пять человек ямских охотников. В 1591 г. ямскими устройщиками Степаном Кузминским и подьячим Одинцом Ивановым был организован ям в Ладоге. В 1597 г. происходят существенные реформы в области дорожной сети в Новгородской земле. Ликвидируются Ореховская и Корельская дорога, и их место занимает Ладожская, причем используется оба ее варианта — водный и сухопутный. На последний, впрочем, как на требующий наибольших затрат, надеялись мало²⁹⁰. В ходе реформы поперечные ямы ликвидировались. Вместо них создавались крупные ямские станции на двух сторонах Волхова — «первой ям на Вотцкой стороне в деревне на Смолках, а другой ям на Обонежской стороне на Пчеве»²⁹¹. После этого ключевую роль начинает играть Смолковский ям. Именно он становится перекрестком Ладожской и Тихвинской дорог. Но в 1601 г. из-за неудобства положения дороги на левом берегу р. Волхов, охотники были переведены на Обонежскую сторону на вновь образованный Пневский ям. Известен документ, относящийся примерно к 1597 г. и перечисляющий ямы на Ладожской дороге. Это Пневский, Пчевский и Ладожский ямы²⁹². В 1601 г. ямы на Ладожской дороге были укрупнены. На каждый из них было поселено по 10 ямских охотников²⁹³. По всей видимости, на рубеже XVI–XVII вв. путь по Ладожской дороге был преимущественно водным и санным (по реке). На это указывает расположение ямов и по правому, и по левому берегу Волхова.

Нам мало известно о функционировании Ладожской дороги в начале XVII в., хотя движение между Ладогой и Новгородом в 1610–1618 гг. было чрезвычайно активно. Несколько раз за это время Ладога, Порожская волость, район Гостинопольского монастыря становятся ареной боевых действий. Ладожский ям как важный транспорт-

²⁹⁰ «Ныне [1597 г.] той [Ореховской] дорогой не гоняют, а из Новгорода Волховом в Ладогу и до Орешка и назад» (Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. (РИБ. Т. 22). Ст. 757–772).

²⁹¹ Там же.

²⁹² Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в. // ВГ. Т.20. М., 1950. С. 296.

²⁹³ Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

ный узел был объектом особого внимания правительства Делагарди—Одоевского в 1612 г. в ходе подготовки к визиту послов из Ярославля²⁹⁴.

После освобождения Новгородского и Ладожского уездов от шведов в 1617 г. восстанавливаются ямские станции. Но сухопутная дорога от Ладоги к Новгороду оказалась заброшенной. Источники, относящиеся ко времени сразу после заключения мира, свидетельствуют о некотором недоумении путников при выборе пути от Ладоги к Новгороду и к Москве. 28 октября 1619 г. кн. Ф. П. Борятинский, О. Прончищев и Б. Кашкин писали в Москву, что стоят в Ладоге «за розпутицею. А как зимней путь учинитца, и мы пойдем из Ладоги ко государю к Москве, розспрашивая, на те места, куда лутче пройти»²⁹⁵. Когда в 1619 г. возникла необходимость отправить из Ладоги в Москву выходца Воина Бедринского из полка литовского полковника Косименкова, его направили к Свири и далее через Вытегру к Вологде²⁹⁶. Однако, к 1622 г. Ладожский ям был восстановлен²⁹⁷. В 1650 г. обязанности ладожских ямских охотников были строго регламентированы, Они должны были обеспечивать коммуникации «от Ладоги до Новгорода и до свейского рубежа до Лавуи реки и до Пашского яму»²⁹⁸. Таким образом, в середине века дорога из Ладоги в Новгород и из Ладоги в Орешек была восстановлена.

Ореховская дорога

Ореховская дорога, соединявшая Новгород с Орешком и продолжавшаяся далее, уже под названием Корельской, на север, являлась составной частью сети магистральных путей Водской пятины, образовывавшейся Ивангородской, Копорской, Корельской и Ладожской дорогами, а также дорогой из Ладоги к Орешку. Она отходила от Ивангородской в Лусском яме и далее шла почти строго на север. Ореховская дорога проходила через болотистые малозаселенные местности, что приводило к определенной нестабильности в ее использовании. Когда у государства не хватало средств на поддержание коммуникаций, оно оставляло Ореховскую дорогу. Военные действия, в конце Ливонской войны затронувшие и территорию Водской пятины, привели на некоторое время к взятию основных сухопутных магистралей (Ореховская, Ивангородская дороги) под контроль шведами. Но русские дороги не очень устраивали шведов в военном отношении. Их «дурной характер» считался современниками основной причиной провала похода на Новгород в 1582 г. Так описывает один из участников этого похода

²⁹⁴ «Бил челом Тифина монастыря игумен Иосиф з братьею, а сказал: правять де на посадцких на Тифинских по вашему указу подьячей Василей Ушаков под послов ста подвод с санми и с хомуты и с проводники и на ладожской ям мимо всей пятины, а не по тому указу, каков вам из Новагорода послан» (Отписка кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков С. Лутохина и А. Лыцова в Ладогу В. Ф. Бутурлину по челобитью тихвинского игумена Иосифа. 1612. 15.01 // РА, NOA. Serie 2:74. Л. 14).

²⁹⁵ Челобитная кн. Ф. П. Борятинского, О. Прончищева и Б. Кашкина. 1620 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 537–538.

²⁹⁶ Отписки ладожских воевод В. Ф. Неплюева и В. И. Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02–30.03 // СПбИИ. Кол. 153. Оп. 1. Д. 52.2.

²⁹⁷ Отписка Василя Неплюева из Ладоги к новгородскому воеводе кн. Д. И. Мезецкому о корельских перебежчиках. 1622, сент. // СПбИИ. К. 109. Д. 82.

²⁹⁸ *Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога... С. 66.

Ореховскую дорогу: «Когда на этот раз была потеряна надежда на Нетеборг, шведы должны были снять свой лагерь и отступить с убытком. Тогда все гофлейты в Мартинов день²⁹⁹ пошли к Новгороду по дурной дороге, на которой все лужи были переполнены водой, и непогода с ливнем длились и день и ночь, и все мосты в России плавали под водой»³⁰⁰.

Между 1572 и 1586 гг. ямские охотники с запустевших ямов были переведены на продолжавшие функционировать Ореховский и Волжинский ямы³⁰¹. В 1586 г. Ореховская дорога была обустроена, ямские станции укрупнены — если раньше на станциях сидело по два охотника и два «поддатчика», то в 1586 г. на каждую станцию поместили по 10 ямских охотников³⁰². В документах 1580-х гг. описана структура ямской станции. В эти годы станция включала в себя ямскую слободу — комплекс дворов ямских охотников, ямской пригонный двор — место, где помещались подошедшие подводы, и ямской двор — административное помещение. Но Ореховская дорога прослужила, по всей видимости, до начала русско-шведской войны 1591–1593 гг. По ее окончании, с отвоеванием Ивангорода, Яма и Копорья с уездами, главной становится Ивангородская дорога. В 1597 г. Ореховская дорога была упразднена, а ямских охотников перевели с нее на Ладожскую дорогу, на вновь учрежденный Пчевский ям.³⁰³ Одним из основных аргументов для упразднения Ореховской дороги была дальность и неудобность пути по ней и заметная выигрышность и удобство Ладожской дороги³⁰⁴. Если с вновь учрежденного Пчевского яма можно было «гонять» к Новгороду и к Ладоге «водяным путем» практически по прямой, легко охватывать территорию в Обонежье радиусом 20–30 верст, а также достигать «горним путем» Орешка и Тихвина (по 70 верст от Ладожского яма), то с упраздненного Волжинского яма на Ореховской дороге подобных рейсов делать было нельзя, а расстояние от него до Новгорода равнялось 85 верстам³⁰⁵. Вероятно, основной выигрыш использования Ладожской дороги состоял именно в возможности водного варианта пути, более дешевого, чем требовавшие постоянного ухода и осмотра прямые дороги через болота.

В изгонных книгах, обнаруженных и опубликованных И. А. Голубцовым, существует подробная роспись Ореховской дороги и действовавших на ней до 1597 г. ямах. Этот документ перечисляет пункты на Ореховской дороге в следующем порядке: Лусский ям, Гдицкий ям, Волжинский ям, Шапецкий ям, Назьинский ям, Ореховский ям. Рас-

²⁹⁹ По всей видимости, день св. Мартина I, папы римского, празднуемый 13 апреля.

³⁰⁰ *Рюссов Балтазар*. Ливонская хроника. [1584] // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 345.

³⁰¹ Книги ямские Новгородского уезда И. Г. Вельяминова да дьяка С. Собаки Васильева. 1586 // ОР РНБ. ОСРК. Q IV. 261. Л. 130.

³⁰² Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

³⁰³ Две челобитные охотников Пчевского яма. 1603. декабрь // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908 (РИБ. Т. 22). Ст. 752–753.

³⁰⁴ Ср.: «...тою дорогою в Орешек и из Орешка государевы воеводы и всякие посланники и гонцы не гоняют для великих грязей, а гоняют от Новгорода Волховом на Ладогу от Орешка, а из Орешка в Новгород гоняют на Ладогу же...» (Книги ямские Новгородского уезда И. Г. Вельяминова да дьяка С. Собаки Васильева... Л. 176).

³⁰⁵ Там же.

стояние между этими ямами исчислялось в 25–30 верст³⁰⁶. При этом ко времени составления Изгонных книг Ореховская дорога и находившиеся на ней ямы уже не действовали, функционировал лишь водный путь из Новгорода в Орешек и Корелу через Ладогу и Ладожское озеро.³⁰⁷

В XVII в., однако, Ореховская дорога восстанавливается. Уже в 1612 г. по ней, двумя переходами, от Новгорода до Волжинского яма и от того до Орешка, передвигаются шведские войска³⁰⁸. В конце этого столетия путь по Ореховской дороге мимо Костовской заставы описывает И. Ф. Кильбургер³⁰⁹. Если Ивангородская дорога приходит в запустение на территории Московского государства и продолжает активно использоваться в шведской Ингерманландии, то Ореховская дорога, напротив, функционирует в России, а в Швеции забрасывается. По карте Бергенгейма³¹⁰ этот участок ее трассы сложно установить. В качестве сухопутной дороги из Ниеншанца в Новгород старая Ореховская дорога шведами не использовалась, вместо нее Эрих Пальмквист в 1674 г. описывает прямую дорогу из Ниеншанца через Ижерский погост, выходящую к трассе прежней Ореховской дороги в районе Шапецкого яма³¹¹.

Дорога из Ладоги в Орешек

Дорога из Ладоги в Орешек являлась, по всей видимости, одной из важнейших магистральных дорог Новгородской земли в XVI – начале XVIII в. Она шла от центра г. Ладога вдоль течения небольших рек Ладожки и Кобоны мимо Федоровского Песоцкого погоста к д. Городище на Лавуе, близ которой в XVII в. был построен Лавуйский острог — пограничный пункт на русско-шведской границе. От реки Лавуи (Лавы) дорога шла к Егорьевскому Лопскому погосту, а от него — к Назьинскому яму на Ореховской дороге, где с ней соединялась.

Большинство сведений о дороге из Ладоги в Орешек относится к рубежу XVI–XVII вв., а также к началу XVIII в. Нам известен только один ям, расположенный на этой дороге — Ладожский. Дорога из Ладоги в Орешек изображена на карте Нотебургского уезда и Дудергофского погоста 1688 г., хранящейся в Государственном архиве Шве-

³⁰⁶ Голубцов И. А. Пути сообщения... С. 295.

³⁰⁷ «Дорога к Ладоге и к Орешку и к Кореле рекою Волховом и берегом от Великого Новгорода, куда ныне гоняют по ямам порознь» (Там же. С. 296).

³⁰⁸ Память Андрею Волнину и подъячему Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 35–37.

³⁰⁹ Кильбургер И. Ф. Краткое известие о русской торговле как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // 6-й сборник статей членов студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев, 1915. С. 194–195.

³¹⁰ Карта бывших губерний Иваньгорода, Яма, Копорья и Ноэтеборга, составленная под приглядом Генерал-Майора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1-м. СПб., 1827.

³¹¹ Пальмквист Эрих. Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 году / Пер., ред. Г. М. Коваленко. Новгород, 1993. С. 18.

ции³¹². В то время дорога шла примерно по трассе современного Мурманского шоссе, но близ русской границы раздваивалась – одна дорога вела к озеру (там – Lawoi hof), другая к Colosaribek, т. е. к мосту через речку Сарью (ср. д. Колосарь в Теребудском погосте). К концу XVII в. отсутствовал и Назбинский ям, известный в XVI столетии.

Н. И. Репников в ходе своих исследований военно-исторических памятников Южного Приладжья зафиксировал народные предания, соотносимые с дорогой из Ладоги в Орешек. По его данным, в начале XX в. крестьяне, жившие близ бывшей русско-шведской границы, рассказывали о «Карыгановской» или «Киргановской» дороге, на которой, по преданию, была застава — стан разбойников³¹³. Несомненно, в этих рассказах содержалось указание на дорогу, соединявшую Ладогу и Орешек. Ее народное название перекликается с названием деревни Курыханово (Курганцы, Куруханово), известной в Егорьевском Теребужском погосте с 1568 г.³¹⁴ и когда-то лежавшей на дороге из Ладоги в Орешек. Этой дороге была посвящена отдельная статья В. П. Петренко³¹⁵. Им была проведена локализация дороги, по данным Генерального межевания 1790-х гг.³¹⁶ Интересно, что на карте, составленной В. П. Петренко, отмечены как раз те пункты на дороге, которые не назвал в своем описании дороги из Нотебурга в Ладогу Эрих Пальмквист: Ахматова Гора, Кисельня, Пески, Чаплино, Васильково³¹⁷. Это связано с тем, что в своей работе В. П. Петренко опирался не только на документальные свидетельства, но и на собственные полевые изыскания (фольклорные, археологические данные)³¹⁸, материалы которых ныне утеряны.

В источниках конца XVI³¹⁹ и начала XVII в.³²⁰ зафиксирована точная длина дороги — 70 верст. Описание, данное этой дороге шведским разведчиком Эрихом Пальмквистом, было нелицеприятным: «Когда-то, а именно во времена графа Якова Делагарди, эта дорога очень хорошо была обстроена мостами и т. п., но теперь же пришла в совершенную негодность и почти непроходима, особенно летом из-за густых зеленых зарослей и болотистой топкой почвы»³²¹. Неясно, какими источниками начала XVII в. пользовался Пальмквист. В документах середины – второй половины XVII в. дорога из Ладоги в Орешек не упоминается. Однако существование Лавуйской заставы, расположенной близ пересечения этой дорогой русско-шведской границы, косвенно указывает на использование этого пути в XVII в.

³¹² Geografisk Charta öfver Nöteborgs län Ingermanland Undantagauides Duderhof pogost. 1688 // RA. Lantmäteristyrelsen Leveranser. Nr. 307.

³¹³ Репников Н. И. Памятники военной старины в низовьях Волхова // Записки разряда военной археологии Русского военно-исторического общества. Т. 3. Пг., 1914. С. 6, прим. 2.

³¹⁴ Писцовая книга Водской пятины И. В. Булгакова и подьячего П. Шепелева. 1568 // РГАДА. Ф.137. Оп.1. Новгород. Д. 7. Л. 451об.

³¹⁵ Петренко В. П. Городище на реке Лаве // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 71–75.

³¹⁶ По какой-то причине автор статьи не сделал сноски на номер архивного дела.

³¹⁷ Там же. С. 74.

³¹⁸ Любезно сообщено мне В. Ф. Игнатенко.

³¹⁹ Выпись из Новгородских изгонных книг // Голубцов И. А. Пути сообщения... С. 294–300.

³²⁰ Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

³²¹ Пальмквист Эрих. Некоторые заметки о России... С.16.

Псковская дорога

Дорога из Новгорода в Псков была, по всей видимости, одной из наиболее древних. «Путь из Новгорода горою и водою» упоминается в договорной грамоте Пскова с Дерптом 1474 г.³²² Тремя годами ранее, примерно по трассе дороги, мимо «Мусцы и Сольцы» (т. е. Мусецкого погоста и Солецкой слободы на Шелони) шли новгородская и московская рать к Шелонской битве³²³. В 1477 г. по ней ехал в Новгород сложивший с себя крестное целование Пскову князь Ярослав³²⁴. Эта же дорога известна по статейному списку 1493 г.: «А как поедет тот посол из Новагорода, и вы бы велели давати Елке по ямом по семи подвод, да ему по две подводы до псковского рубежа... а где будет им надобно судно и гребцы, да и корм» (это, кстати, одно из первых упоминаний о существовании налаженных ямских станций)³²⁵. Первое подробное описание Псковской дороги было составлено бароном Сигизмундом Герберштейном³²⁶. При этом ямские станции на ней упоминаются достаточно поздно, лишь к концу XVI столетия. Псковская дорога начиналась в Новгороде, в Алексеевской ямской слободе (с церковью Алексея, человека Божия)³²⁷. Ближняя к Новгороду часть Псковской дороги проходила через болотистые места. Еще в середине XIX в. наблюдатель писал: «За нынешнюю Софийскою стороною в 4 верстах от города начинается дремучий болотистый лес, который по Псковской дороге идет на 35 верст, оканчиваясь за 4 версты до д. Меньюши»³²⁸. В «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым, упомянуты следующие ямы на Псковской дороге: Веряжский, в 20 верстах от Новгорода, Пшасский — еще в 30 верстах, дальше в 20 верстах — Раицкий ям, еще в 20 — Сухловский, далее в 15 верстах — Дубровенский, от него в 20 верстах — Загорье, откуда оставалось 30 верст до Пскова³²⁹.

С конца XVI в. практиковался и путь из Пскова в Москву мимо Новгорода, к Юрьеву монастырю на Городище, «а через озеро прямо на Бронничу»³³⁰, т. е. на Большую Московскую дорогу. В годы Смуты, Псковская дорога — важная магистраль на новгород-

³²² Михайлов А. В. К изучению волока в междуречье Черехи и Узы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995. Псков, 1996. С. 69–73.

³²³ Псковская 3-я летопись. Строевский список // ПЛ. Т. 2. М., 1955. С. 182

³²⁴ «И по сем, едя до рубежа, на Прощеникоу две ночи стоял, а на Мелетове три ночи, а все то волости псковския, троучи на 40 верст 5 ночей, а весь Псков всего того не рядя, такы слали на всяк стан, емоу корм из града и мед и вологоу и всю приправеу с честью; и он злосердый всего того добра не рядя псковского, да с последнего стану с Мелетова поехал» (Псковская 3-я летопись. Строевский список... С. 208).

³²⁵ Статейный список сношений великого князя Иоанна Васильевича с князем Мазовецким Конрадом. 1493 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 106. С. 375.

³²⁶ Впрочем, Герберштейн проезжал в Новгород из Великих Лук и на Псковскую дорогу выехал только в Опоках (Герберштейн С. Записки о московитских делах. М., 1988. С. 236).

³²⁷ Перепись охотников Алексеевской слободы, их семей и имущества. 1602. 30.05 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. (РИБ. Т. 22). Ст. 456–492.

³²⁸ Н-в. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842. С. 85.

³²⁹ Голубцов И. А. Пути сообщения... 297.

³³⁰ Лихачев Н. П. Дело о приезде Антония Поссевина // ЛЗАК. Т. 11. 1903. С. 64.

ско-псковском фронте³³¹. Особенно важен был расположенный на дороге Веряжский ям, где находилась развилка — на восток дорога шла к Старой Руссе, на запад — ко Пскову. Зимой 1611–1612 гг. Веряжский стан стал местом зимовки одного из шведских отрядов. В конце декабря 1611 г. к этому отряду прибыл русский воевода Тимофей Викулич Тыртов. По прибытии он сразу же разослал в окрестные погосты кормовых сборщиков за продовольствием³³². Около 25 декабря 1611 г. он писал в Новгород дворцовому дьяку Пятому Григорьеву о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25 декабря не присылали ему кормов, а собранный им самим корм отдал «немецким ратным людям» на неделю. Как и в других местах, попытка выдать шведским солдатам деньги вместо провианта встретила отказ. Проблемой для Тыртова было и общение со шведами: в своей следующей отписке в Дворцовый приказ Тыртов просил прислать ему толмача и весы³³³. Однако толмача ему до 10 января не прислали. В эти дни Тыртов писал в Новгород, что кормов на Веряжский стан привезено недостаточно, весь наличный корм он раздал немецким людям. Он вновь просил Дворец прислать толмача и «прямой» указ от Якова Делагарди о том, сколько давать «немецким людям» ячменя. По словам Тыртова, те «тот корм емлют не по указу... а денгами по указу не емлют, дай де нам солод». В толмаче же «к кормовой раздаче» была прямая необходимость, «потому что Иван Боранов не ездил к кормовой раздаче, и оттого великая смута»³³⁴.

После Смуты Псковская дорога временно перестает использоваться. В 1624 г. псковские ямщики так вспоминали об этом времени: «Как де Новгород и Порхов и Иваньгород и Гдов взяли Немецкие люди, и в то де время к Москве прямые дороги не было, а отпускали де подводы под нашими посланники и под гонцы изо Пскова до Торопца и до Москвы». В связи с этим ямщики просили сделать обязательным путь изо Пскова к Великим Лукам через Новгородско-Псковскую дорогу, в чем им было отказано. В 1624 г. правительство сделало всего одну промежуточную станцию на дороге из Пскова в Новгород — Загорский ям³³⁵.

³³¹ Память Андрею Волнину и подьячему Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 35–37.

³³² Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Тимофею Викуличу Тыртову о посылке новой росписи, по которой должны собираться корма или деньги за корм с погостов Новгородского и Старорусского уезда. 1611. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 13–15.

³³³ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25.12. не присылали ему кормов, а собранный им самим корм он отдал немецким ратным людям на неделю, денег вместо кормов немецкие люди не берут, с просьбой прислать ему толмача и весы. 1611, декабря после 25 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 10–11.

³³⁴ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормов на Веряжский стан привезено недостаточно, весь наличный корм он раздал немецким людям с просьбой о толмаче и о прямом указе от Якова Делагарди, сколько давать немецким людям ячменя. 1612, января после 10 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 57–59.

³³⁵ Царская грамота псковским воеводам Ахамашукову и Глебову об устройении ямов в Пскове и Загорье. 1624. 10.12 // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 158. С. 224–226.

Тихвинская дорога

Дорога из Новгорода к Успенскому Тихвинскому монастырю существовала по меньшей мере с XVI в. Самые ранние сведения о дороге «от Новагорода к Тифине» содержатся в «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым³³⁶. Надо полагать, что дорога возникла из старого пути в Обонежье, подобно Гдовской дороге, т. е. из системы небольших, второстепенных дорог, без регулярной ямской гоньбы, связывавшей отдельные погосты друг с другом. Возобновленная в начале XVII столетия Тихвинская дорога отворачивала от Ладожской в Пневском яме и далее шла к Пшегужскому яму. Ямские охотники с Пневского яма, ища более легкого пути, подвозили гонцов и прочих проезжающих Волховом до Грузина, и далее рекой Оскуей, а только последний участок пути шли «горней» дорогой³³⁷. Далее, со Пшегжи, дорога шла на Креницкий погост и к Сяси³³⁸. «Выпись из Новгородских изгонных книг» довольно скупо говорит о трассе Тихвинской дороге, упоминая на ней лишь Сухловский ям, лежавший на Ладожской дороге, от которого шел поворот на Тихвин, и Пшегужский ям, известный по множеству других источников. Таким образом, предлагаемая реконструкция трассы Тихвинской дороги весьма приблизительна. Ничего не известно о яме в самом Тихвине. В то же время, надо полагать, что современная дорога из г. Чудова в Тихвин в общих чертах совпадает с Тихвинской дорогой эпохи позднего Средневековья.

Дорога между Тихвином и Ладогой

Движение между Тихвином и Ладогой осуществлялось по реке Сясь, затем, в районе Никольского погоста на Сяси, дорога поворачивала на запад и выходила по прямой на Васильевский погост на Волхове, напротив ладожского «каменного города», где существовал перевоз через Волхов. Ближняя к Тихвину половина этой дороги была в июне 1616 г. подробно описана Семеном Дуниловым³³⁹. Но была и другая, «прямая» дорога из Тихвина к Ладого, через Зеленецкий монастырь к митрополичьей Спасской Заболотской волости, далее Волховом вниз до Ладожского порога и оттуда к Ладого. Именно этой дорогой шли в июне 1616 г. стрельцы, посланные в лазутчики к Ладого³⁴⁰.

Дорога между Тихвином и Москвой

Сообщение между Москвой и Тихвином осуществлялось двумя путями. От Московской дороги был поворот на реку Мсту в районе Боровичей. Оттуда шла дорога к Мологе, на Устрецкие дворцовые волости и далее на Колбязжский погост. Сведений об этой дороге немного; однако именно таким образом передвигались к Тихвину в 1613 г.

³³⁶ Голубцов И. А. Пути сообщения... С. 296.

³³⁷ Челобитная игумена Деревяницкого монастыря на охотников Пневского яма. 1604. 1.07 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 128–129.

³³⁸ Челобитная ямских охотников Пшегужского яма. 1604 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 136, 133 (листы перепутаны).

³³⁹ Роспись головы Семена Дунилова о предполагаемом месте съезда московских и шведских послов. 1616 августа 18 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 219–226.

войска кн. С. В. Прозоровского и Л. С. Плещеева. Дорога использовалась и после окончания Смуты: когда в 1624 г. сгорел губной стан в выставке Сенне Колбязжского погоста, новгородский воевода кн. Д. И. Мезецкий указал: «Преж де сего в Колбецком погосте в деревне в Горе губной стан не бывал; а бывал де преж сего губной стан в их же Колбязском погосте в выставке на Сенне, тут де и место жило, крестьянских дворов с пятнадцать да три двора помещицких, а стало де то место близко большия Московские дороги и из иных из многих городов»³⁴¹.

Другая дорога вела от Тихвина на восток, на Устюжну Железнопольскую. Сообщение тихвинских воевод, а с лета 1616 г. — послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами с Москвой шло преимущественно по этой дороге, а не через опасную Бежецкую пятину. Ямские станции на этой дороге между Тихвином и Устюжной упоминаются еще в самом начале Смуты.³⁴²

Московская дорога

Большая дорога из Новгорода в Москву шла через Бронницкий ям. Ее активное функционирование относится, видимо, уже к первой половине XVI в., именно на ней был неподалеку от яма в Едрове пойман мятежный кн. Андрей Иванович Старицкий³⁴³. В годы Смуты по Московской дороге постоянно шло передвижение войск, на ней ставятся укрепленные Бронницкий, Винский и Коломенский острожки. На ближних подступах к Новгороду московская дорога проходила мимо Хутынского монастыря³⁴⁴. Осенью 1616 г. по Московской дороге были разсланы отряды новгородских детей боярских и новокрещенцов для поимки языков — в Новгороде не хватало информации о действиях московской стороны³⁴⁵. Это последнее известие об участии новгородцев в совместных со шведской администрацией военных акциях.

После Смуты Московская дорога не была ни зоной безопасности, ни надежной коммуникацией. Мосты были разрушены и восстанавливались постепенно. Такой наказ был в 1620 г. дан подьячему А. Муранову, посланному организовать восстановление мостов на Московской дороге: «На Большой де на Московской дороге, на Нише реке скота и перевозу нет, а государевым де гонным лошадем от тово ставитца нужда великая, в осень, и в весне лошадей пловят... А зделати тот плот в пазы на иглах из вотцати бревен

³⁴⁰ Расспросные речи тихвинских стрельцов-лазутчиков, вернувшихся из-под Ладоги в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 18.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 270–273.

³⁴¹ Воеводская грамота Обонежской пятины Нагорной половины губному старосте Палицыну о построении губного стана на Сенне, где он прежде находился. 1624, июля // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 154. С. 220–221.

³⁴² Списки с подорожных, выданные из Москвы и других городов // Смутное время Московского государства. Вып. 2. Акты времени царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). / Пред. А. М. Гневушева. С. 60–64.

³⁴³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220–224.

³⁴⁴ Прозоровский Д. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887. С. 44.

³⁴⁵ Расспросные речи дьячка Никольского монастыря с Островка Ульянка Григорьева перед послами кн. Д.И.Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 25.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 384–387.

да ему... велети на той реке на Нише для въезду с обеих сторон от берегов зделати мосты, как бы мочно на лошадех с телегами на тот плот въезжати, и велети укрепить накрепко»³⁴⁶.

Дубецкая дорога

Дубецкая дорога — одна из самых старинных на востоке Новгородской земли. Ее локализация на местности проведена в работе А. А. Фролова³⁴⁷. По мнению ученого, дорога, известная по дозорной книге Деревской пятины 1572 г., существовала уже во второй половине XV в. Именно по ней к Новгороду шел в ноябре 1475 г. Иван III. В рассматриваемый период Дубецкая дорога вела, вероятно, далее не к Москве, а на восток. Так, в мае 1612 г. по ней были посланы дети боярские Семен Корсаков и Друган Масленицкий с подьячим Третьяком Посадниковым до «Белозерского рубежа» для выбора лучшего пути, по которому к Новгороду проследовали бы послы из Ярославля³⁴⁸. Корсакову, Масленицкому и Посадникову было предписано собирать корма и доставлять на станы Дубецкой дороги. «А на котором стану какова корму будет, и... о том отписать к посольским приставам, а что кормов останетца, и те кормы отдавати назад волостным людем, а лишних кормов не збирати»³⁴⁹. В июне 1612 г. для сбора кормов для проходящих на восток «немецких ратных людей» на стан Теребышево Дубецкой дороги в Крестецкий, Листовский, Тухольский и Холовский погосты Деревской пятины был послан сын боярский Иван Базлов³⁵⁰. Это последнее по времени известное упоминание данной дороги. После Смуты она, видимо, не восстанавливается.

Бельская дорога

Бельская дорога шла вдоль реки Мсты от Боровичей через погосты на р. Белой (Прокофьевский, Богородицкий и Никольский), далее на стан в Прилуках и к Бронницкому острогу. Дорога проходила по реке и поэтому использовалась в основном в зимнее время. Крестьяне Кострицкой волости в 1612 г. жаловались, что через их деревни проходят сразу четыре дороги — водная по реке Мсте и «горние дороги, Дубецкая и Билская и Тихвинская»³⁵¹, из-за чего волость разорена. В 1612 г. новгородское правительство озаботилось обустройством Бельской дороги, начав сбор

³⁴⁶ Память подьячему Афанасию Муринову. 1620. 20.06 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 405–407.

³⁴⁷ Фролов А. А. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998. С. 80–82.

³⁴⁸ Память Семену Корсакову, Другану Масленицкому и подьячему Тренке Посадникову ехать Дубецкой дорогой до Белозерского рубежа, расспрашивать, куда лучше ехать в Ярославль послу Степану Лазаревичу Татищеву и собирать корм на послов. 1612, мая 17 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 33–34.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Челобитная боярам и воеводам крестьян Холовского погоста Венской волости Спаса Хутыня монастыря о счете в кормах с окольными погостами и память по ней. 1612, июня // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 3–5.

³⁵¹ Челобитная боярам и воеводам крестьян Устрецкой меньшей Кострицкой волости о сбавлении с них денег на корм немецким людем. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 72.

сил и средств для ее ремонта³⁵². К этому времени относится сохранившаяся роспись станов Бельской дороги — первый от Новгорода стан на Прилуках, второй в Покровском Хубецком погосте, третий — в Коломне на Мсте³⁵³. В августе 1612 г. по Бельской дороге из Новгорода был направлен подъячий Михаил Кудрявцев для встречи возвращающегося из Ярославля посольства вяжицкого игумена Геннадия и кн. Ф. Т. Черного Оболенского вместе с посланным от ополчения в Новгород П. И. Секириным³⁵⁴.

Запустение пространства на периферии Новгородской земли

Непрекращающиеся боевые действия, ведшиеся на пространстве между Псковом и Новгородом, сделали район между устьем Шелони, Псковом и Порховом совершенно безлюдным. Новгородские сборщики хлебных запасов сын боярский Ф. А. Одинцов и подъячий М. Константинов, не рискнув в начале мая 1615 г. ехать в приписанные к дворцовым селам Свинорецкий, Струпинский и Любынский погосты, послали туда для поиска крестьян Томилка Негодяева, жителя дворцового Коростынского села. «И тот Томилка Негодяев ис тех погостов пришел, в роспросе сказал Федору Офонасьевичу Одинцову да подъячему Михайле Костянтинову Коростынского погоста перед священником перед Гаврилою Костянтиновым да перед волостными людьми... что в тех погостех был, а жилцов никакова человека не сыскал, и хлеба де в тех погостех ни ржи, ни ярового не сыскано. Да он же де, Томилко, едучи в те погосты, ведел детей боярских ис Порхова в деревне во Княжем Дворе Ивана Овцына с немецкими людьми на заставе и память де у него прочитали и ему де сказывали что в тех погостех жилцов нет. Да он же де, Томилко, видел в деревне Соснице в Струпинском погосте Медвецкого погоста крестьянина Пименка Офремова, лежит болен один, его Пименка спрашивал: где старосты и крестьяне тех погостов. И он де Пименко ему сказал: старосты де тех погостов и крестьяне и иные сошли безвестно, а иные померли, а хлеб де у них, тех погостов у крестьян, ни у кого никакой не сеян, а ходят де в тех погостах воровские люди шиши безпрестанно»³⁵⁵.

Именно Медведский погост по какой-то причине был особенно облюбован «шишами» и оказался весной 1615 г. совершенно лишен крестьянского населения. Посланный собирать посошных людей к новгородской винной поварне подъячий Девятый Иванов в этот погост крестьянина Коростынского погоста Томилку Михалева за старостой и лучшими людьми, «а сам ехать в Мед(ве)цкой погост за воровскою смутю не смел,

³⁵² Челобитная боярам и воеводам крестьян Холовского погоста Венской волости Спаса Хутыня монастыря о счете в кормах с окольными погостами и память по ней. 1612, июня // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 3–5.

³⁵³ Роспись дворян, посланных для сбора кормов. Без начала и окончания // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 41.

³⁵⁴ Грамота бояр и воевод подъячему Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.

³⁵⁵ Расспрос крестьянина Томила Негодяева, посланного Ф. А. Одинцовым в Медведский, Свинорецкий, Струпинский и Любынский погосты для сыску крестьян. 1615. 4.05 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 108.

что там, сказывают, живут без престани воровские люди шиши. и тот крестьянин, приход к нам из Медвецкого погоста, сказал, что де я не нашел в Медвецком погосте не единого человека»³⁵⁶.

Весной же 1615 г. полностью опустели отписанные во Дворец бывшие вотчины Троице-Сергиева монастыря, Сытинский погост и Мокрый Остров. Приказчик Василий Зиновьев указывал, что пашенных крестьян нет ни одного человека, здесь «побиты от московских и от воровских людей, как стояли на Бронничи».³⁵⁷

К июлю 1615 г. недоступными для новгородских властей стали южные погосты Старорусского уезда — Троицкая и Борисоглебская трети Офремовского погоста³⁵⁸, Должинский и Лосский погосты, Замошский стан Дретенского погоста, где в тот момент власти, вероятно, не было вовсе: там ходили «воровские люди шиши»³⁵⁹.

В условиях непрерывных военных действий появились целые погосты, полностью лишённые какого бы то ни было населения. В августе 1615 г. во всей южной части Заруской половины Шелонской пятины никто не жил. Такую картину представляют дозорные книги: «В Шелонской ж пятине в Заруской половине погост Струпинской, погост Любынской, погост Дворецкой, погост Шкнятинской, погост Дретенской, погост Илеменской, погост Смолинской, погост Бельской, погост Высотцкой, погост Ясенской, погост Жедрицкой, и те погосты по дозору все пусты, крестьян и бобылей нет, и пашня непахана, лежит перелогом. Погост Павской, погост Опотцкой, погост Буреской, погост Облутцкой да Старорусские погосты: погост Петровской, погост Воскресенской, погост Чертецкой, и те все погосты не дозираны за шиши, потому что те погосты от Порхова удадели, а шиши в тех погостах жили не выходя...»³⁶⁰. Среди таких пустых пространств бродили отдельные дозорщики, посланные за кормами, или обнищавшие дворяне, разыскивающие себе пропитание.

В 1616 г. в Которском погосте шведским разъездом было задержано девять новгородских детей боярских. Картина, которую они нарисовали во время допроса, была более чем характерна. Дезертировав из Новгорода, они попытались перезимовать во Пскове. Но на Пасху 1616 г. воевода И. Н. Салтыков отпустил их кормиться «где хотят» (то есть, попросту выгнал из города). Первоначально они пошли в д. Скреблово, затем к «Богослову», т. е. к Черемецкому монастырю, там сошлись с «шишами», посланны-

³⁵⁶ Отписка подьячего Девятого Иванова в Дворцовый приказ о том, что в Медведском погосте нет ни единого человека и он правит всех посошных людей только с Коростынского и Бурезского погостов. 1615, мая до 31 // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 69.

³⁵⁷ Отписка приказчика Василия Зиновьева в Дворцовый приказ об отсутствии крестьян в Сытинском погосте. 1615, марта между 13 и 26 // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 93.

³⁵⁸ В Никольской трети этого погоста дозорщик Гаврило Карцов просто не обнаружил сеяного хлеба.

³⁵⁹ Сметные и переписные книги ржи, засеянной на участках убитых и безвестно сошедших крестьян Старорусского уезда дозорщика Гаврила Карцова. 1615, июля до 23 // RA, NOA. Serie 1:109. С. 491–569.

³⁶⁰ Дозорная книга Заруской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 53.

ми воевать в Новгородский уезд. Оттуда дети боярские отошли к Которску, где и были захвачены шведами³⁶¹.

Очень похоже выглядели пространства Обонежской пятины. Практически все деревни на правом берегу Волхова были пусты. В то же время для шведских гарнизонов, равно как и для новгородцев и для тех, кто служил в Тихвине на стороне Москвы, эти земли представляли большой интерес как пахотные угодья и сенные покосы. В июле–августе 1615 г. Петр Ногин собирал корма для шведских войск в округе Водосского острожка. 25 июля он получил из Новгорода предписание взять у капитана в остроге «немецких людей и татар» и с ними идти в Обонежскую пятину в поместья Горчака Ханыкова (д. Матушкино) и Тимофея Качалова (д. Крутая Гора и др.). Эти два сына боярских к тому времени уже были на московской стороне и служили в Тихвине. Уже 28 июля П. А. Ногин послал в эти деревни детей боярских Никиту Вельяшева и Богдана Тыркова, но те побоялись ехать без шведской охраны. Солдаты же не поехали с ними, так как им не хватило судов для переправы через Волхов. 4 августа Ногин послал туда же Ивана Бестужева уже и с татарами и с немецкими людьми. Отряд сборщиков столкнулся на следующий день, 5 августа под д. Матушкино с Горчаком Ханыковым, стоявшим в своем усадище с казаками. Одновременно в митрополичьих деревнях Обонежской пятины Богдану Тыркову удалось намолотить некоторое количество хлеба, у Никиты же Вельяшева крестьяне-молотильщики разбежались. После этого П. А. Ногин послал Никиту Вельяшева с татаринном Михаилом Юрьевым в Солецкий погост ловить разбежавшихся молотильщиков, чтобы заставить их домолачивать оставшееся в деревнях Обонежской пятины. Сам же П. А. Ногин с Василием Ушаковым поехал в Ильинский Тигодский погост разыскивать, что случилось с хозяйством и хлебом Ивана Секирина. В Ильинском погосте они пробыли 2 дня, с 7 по 9 августа. Там в д. Тухани («Духанино») они застали казаков, которые, по словам окрестных крестьян, собирались идти к Тихвину, а переезжать Волхов в Сольцах. Об этом П. А. Ногин тотчас послал весть в Водосский острожек с татаринном Иваном Исуповым. Вскоре после этого, 11 августа П. А. Ногин и Василий Ушаков вернулись в Водосский острожек³⁶².

2 декабря 1615 г. посланный из Тихвина в Посольский приказ пскович Петр Ногин, к тому времени уже перешедший на московскую сторону, привез перехваченное под Ладогой письмо Якова Деллагарди к немецким хлебным сборщикам Йорану Бриму и Петеру Бримсу, собиравшим провиант и фураж в разоренной округе Ладого, с просьбой прислать на стан в Коломно (видимо, Коломенский погост на Волхове) по первому санному пути 1000 четвертей ржи, сосредоточенных в Селевнинском острожке (единственное встреченное мной упоминание о таком острожке). В этот период, вероятно,

³⁶¹ Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30.09 // RA, NOA. Serie 2:39. Л. 4.

³⁶² Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка. 1615, сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

процесс кормового сбора уже полностью сосредоточился в руках шведской администрации³⁶³.

Обезлюдившие земли становились местом, где совершались разного рода злоупотребления. Местные воеводы и другие начальные люди активно пользовались ослаблением центрального контроля и разворачивали торговые операции. По словам бежеченина Л. С. Плещеева, обвинения его в воровстве новоторжским воеводой кн. М. В. Белосельским были связаны с тем, что после разгрома Плещеевым «немцев» в Удомле воевода Белосельский не смог с ними «ссылаться» и торговать, после чего затаил на него обиду³⁶⁴. Вполне возможно, что в данном случае Плещеев не грешил против истины. Во всяком случае о такой несанкционированной торговле между крестьянами Старорусского уезда и псковичами известно из источников начала 1613 г.³⁶⁵

Географические представления новгородцев

Представления людей XVII в. об окружающем их пространстве, несомненно, сильно отличались от современных. Рассматривая отечественную историографию изучения политико-географических представлений XVII в. С. М. Шамин пишет, что Е. И. Кобзарева пыталась исследовать эту проблему на материалах Посольского приказа; М. Е. Бычкова – на материалах дворянских представлений в родословных. Сам же Шамин попытается рассмотреть вопрос о тах представлений в придворной среде конца XVII в., опираясь на Куранты³⁶⁶.

Очевидно, что взгляд на пространство с птичьего полета, характерный для общества индустриальной и постиндустриальной эпохи, для которого географическая карта — неременный бытовой атрибут, в ту эпоху только начинал формироваться. Именно к XVI–XVII вв. относятся первые чертежи и карты Восточной Европы. Кое-что знали о них и новгородцы, жившие в эпоху Смуты, к примеру — Никита Тырков, привезший 2 октября 1616 г. в Москву «чертеж новгородским, и ладожским, и ореховским, и копорским, и ямским, и иванегородцким погостем»³⁶⁷. Впрочем, ни один подлинный такой чертеж ныне не известен.

³⁶³ Перевод с листа, посланного Яковом Делагарди в Ладожский уезд приказному Петру Брису. 1615. 17.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 351.

³⁶⁴ Расспросные речи Л. С. Плещеева. 1623, не ранее 5 августа // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 231–234.

³⁶⁵ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворовых сел с псковичами 13.01.1613 – янв. 1615 // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.

³⁶⁶ *Шамин С. М.* Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 1. М., 2007. С. 198–220.

³⁶⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о привозе к ним чертежа Ямского, Копорского и Ореховского уездов Никитой Тырковым. 1616. 2.10 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 174.

Именно этот³⁶⁸ чертеж хранился летом 1617 г. у послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами. Межевой посол С. Жеребцов должен был взять его для своей межевой службы³⁶⁹. В наказе Жеребцову и его товарищами (Ивану Доможирову и дьяку Ивану Льговскому) содержалось указание и самим им, «которые места и урочища сверх росписи придут, и... те места и урочища у себя и в росписи написать, да и на чертеж то все начертить, выпрося себе ж тайно»³⁷⁰. Однако, прибыв в Новгород, Жеребцов не застал там кн. Д. И. Мезецкого, а назначенный на место того новгородский воевода кн. И. А. Хованский заявил, что послы этот чертеж в Новгороде не оставили³⁷¹.

Однако какой-то чертеж русским межевым послам добыть все же удалось. Более того, они предъявили его на последних переговорах по размежеванию, и этот чертеж оспаривался шведскими уполномоченными: «они сами росписи и чертежи наши смотрели ж и говорили: токо де по вашей росписи и по чертежи меже быти по Плюсое устье, и у Ивана де города и уезду не будет и дров сечи негде, и городу де как без уезду?»³⁷².

Новгородские служилые люди имели довольно четкое представление об административном делении. В феврале 1612 г. Яков Деллагарди упрекнул кн. Ивана Большого Одоевского в том, что русские воеводы Ладоги «водят за нос» полковника Рекинберга, который не знает, какая пятина Водская, а какая Обонежская, и толкают его на сбор кормов с тех территорий, откуда фураж и продовольствие должны поступать в полки, осаждающие Орешек. Воеводы Шея Секирин и Василий Бутурлин отвечали на эти обвинения Деллагарди письмом: «И мы, Яков Гер Пунтосович, того ничево воеводе Анц Рекберю не говаривали и ево на то не учим, учен воевода Анц Рекбер преж нас, да и знает, а кормы имали с одной Обониской пятины, а с Воцкой пятины кормов не имывали, опрично Порогу Михайловского погоста дворцового села, как из Великого Новагорода грамота пришла. И ты, Яков Гер Пунтосови, вели наше воровство сыскати, а здесь воевода Анць Рекбер сказывал, что я к Якову Гер Пунтосовичю не писывал»³⁷³.

Многое о географических представлениях новгородцев начала XVII в. дает анализ их допросов, проводившихся с разными целями послами и судьями Посольского приказа. Практика выяснения у новгородцев, служивших Московской стороне, о дорогах, мес-

³⁶⁸ Указание, что речь идет о чертеже, привезенном Никитой Тырковым: Список с росписи рубежам, присланной из Новгорода и наказ по ней С. Жеребцову. 1617. 24.05 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 100-122.

³⁶⁹ Роспись дел, данных Семену Жеребцову для межевания. 1617. 1.05 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 6-8.

³⁷⁰ Наказ С. Жеребцову, И. Доможирову и дьяку И. Льговскому, отправляемым на межевание. 1617. 31.05 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 9-77.

³⁷¹ Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, что посланные с ними дети боярские и стрельцы не способны к межевальской службе, в Ладоге им не удалось получить нормальных подвод и о спорном острове Зеленце в Ладожском озере. 1617, октября около 23 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 223-230.

³⁷² Отписка С. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове государевых верящих грамот. 1618. 4.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 239-249.

³⁷³ Челобитная Якову Деллагарди от ладожских воевод с просьбой избавить их от напрасных обвинений в дезинформации воеводы Ганса Рекинберга. 1612 февраля после 4 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 122-123.

тах, удобных для строительства укреплений, расстояниях между географическими пунктами и т. п. была вполне естественной для воюющей и/или ведущей переговоры стороны. Летом 1616 г. были предприняты действительно серьезные усилия для того, чтобы выбрать подходящее место для будущих переговоров между Тихвином и Ладогой. Прибыв в Тихвин, послы кн. Д. И. Мезецкий с товарищами первоначально вызвали на службу отпущенного, видимо по старости, к себе в поместье Ивана Большого Герасимова сына Ушакова, бывшего ранее стрелецким головой, так как «сказали нам, холопом твоим, ноугородцы дворяне и дети боярские, что он знает меж Тифины и Ладоги места, где нам с свейскими послы съезжатца»³⁷⁴. Практически сразу после этого была предпринята целая экспедиция во главе с головой ярославцем Семеном Дуниловым для определения перспективных мест для переговоров. 18 июня Дунилов привез в Тихвин «роспись и чертеж местом, росписав против росписи, сколько до которово места верст»³⁷⁵. На основании росписи послы сделали вывод: нельзя идти на поводу у шведов, которые хотят съезжаться в 10–15 верстах от Ладоги, в Рождественском погосте на Сяси, так как это место чрезвычайно далеко от Тихвина, в 60 верстах, «грязно и болота и мхи непроходимые, а рекою пороги великие». Послы же были предупреждены служившим в Ладоге сыном боярским Агишем Уваровым о возможных провокациях шведов.

Роспись Дунилова примечательна. Она насчитывает три возможных места для посольского съезда между Тихвином и Ладогой, подробно описывает, где, в каком случае стоять острогу для московских послов, где должна быть ставка посредника Джона Мерика и где — шведский стан. Подробно рассматривается и военно-стратегическое значение каждого из мест, насколько возможно строительство острога, насколько такой острог будет безопасен в случае внезапного нападения неприятеля, и в какой степени местность обеспечена фуражом и водой. Именно в этой росписи, подробно фиксирующей половину дороги от Тихвина к Ладоге, впервые как возможное место переговоров была названа д. Столбово. Чертеж, о котором говорится в отписке кн. Д. И. Мезецкого в Посольский приказ, вероятно, не сохранился.

Посольский приказ требовал от новгородцев показаний о географии и топографии Новгородской земли не только для разведки местности, но и для более глобальных геополитических задач того времени. В делопроизводстве приказа начала XVII в. отразились и представления новгородцев о расстояниях между городами и значении различных районов Новгородской земли. Здесь особую роль занимает Невское устье.

Невское устье в XVI столетии представляло собой достаточно динамично развивающийся район Новгородской земли. Важное значение этого места для военных и торговых путей внутрь Московского государства, особенно в годы после Ливонской войны, когда «нарвское мореплавание» было потеряно, сегодня хорошо изучено. На рубеже

³⁷⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о привлечении ими на службу находящегося не у дел новгородца Ивана Герасимова Ушакова. 1616, июня после 13 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 154.

XVI–XVII вв. в районе Охтинского устья стояла государева корабельная пристань, неподалеку находился гостиный двор, рядом, в поместье Богдана Хорошева, была выстроена церковь архангела Михаила.

Весной 1611 г. здесь разворачиваются масштабные инженерные работы под руководством Линдведа Класона, в задачи которого входит принуждение Орешка к сдаче. Именно эти работы и дали начало городу Ниену, стоявшему до 1703 г., пока он не был взят войском Петра. Уже в 1611 г. здесь была устроена таможня, где до 1618 г. велось делопроизводство на русском языке. Однако новгородцам начала XVII в. дальнейшие судьбы этой территории были неведомы; кто знал в 1611, да и в 1615 гг., какая власть какого государства будет распространяться на устье Невы в ближайшие годы!?

В расспросных речах московских посланников и иных информаторов Посольского приказа в канун Столбовского мира Невское устье занимает важное место. Вернувшийся из Швеции Богдан Долматов-Карпов 18 августа 1616 г. рассказывал о своих впечатлениях, полученных в Невском устье: «На пристанище в острошку нам дали судно большое полукорабелное покрытое, да в провожанье гребцов дватцет человек. И я, холоп твой, на Невском устье стоял неделю за ветром, и как учал по нас бьет ветер, и мы ехали две ночи да день болшим морем, и стал опять ветер сильной и волна велика и мы стояли на море на якорех другую неделю»³⁷⁶. Месяцем ранее строитель Ладожского Ивановского монастыря Варсонофий сообщал в Тихвин о том, что «на Невском устье стоит буса большая с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцать пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»³⁷⁷.

Однако для новгородцев того времени Невское устье было не просто важным местом, активно развивающейся частью Новгородской земли. Они видели здесь своего рода перспективу для развития.

В ночь на 23 января 1616 г. из шведского посольского стана в московский выехали три новгородца: дворяне Яков Михайлович Боборыкин, Угрим Иванович Лупандин и старорусский подьячий Федор Витовтов. Прежние их (в особенности Боборыкина) услуги московской стороне, а также высокая информированность о действительном состоянии занятой шведами территории стали причиной высокого внимания Посольского приказа к их личностям. Доставленные в Москву, новгородцы подверглись тщательному расспросу.

Надо сказать, что информация Посольского приказа того времени о пространстве, которое занимали шведы на Северо-Западе, в том числе о городах и уездах, которые стоило отобрать у шведов, была достаточно скудной и ограничивалась в лучшем случае

³⁷⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о поиске удобного места для будущего съезда. 1616, июня около 19 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 217–218.

³⁷⁶ Список дворянина Богдана Карпова как он ездил в Швецию к голландскому посланнику с письмом от государя. 1616. 18.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 485–494, 498, 504.

³⁷⁷ Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

перечнем. В Посольском приказе всерьез раздумывали, требовать ли у шведов на московскую сторону, скажем, город Толщебор (Тольсбург) без четкого представления о его местоположении. Н. П. Лыжин упоминал эпизод Дедеринских переговоров: когда зашел спор о Лифляндии, московские посланные стали утверждать, что Лифляндия — отчина московских государей от Георгия Владимировича, который построил город Юрьев «своим именем». Шведские же послы спросили государевых, «видели ли они каков Юрьев Ливонский делом»?³⁷⁸ Здесь новгородцы оказались информаторами очень важными, не только рассказавшими, где какой город находится, но и оценившими фискальный (здесь, несомненно, пригодился опыт подьячего Витовтова) и геополитический потенциал каждого из новгородских пригородов.

Так, к примеру, они рассуждали об Орешке: «Орешек государю прибылен, уездом велик и пошел уездом блиско к Новугороду, толко за семдесят верст от Новагорода. И Ладожское озеро и Нева река и Заневские погосты — все то к Орешку. И толко Орешка поступятца, и Новгородцкого уезда Заонежские погосты и Олонец будут за хрептом, и Ладожское озеро и Нева река отойдет»³⁷⁹.

А так они судили о Копорье, Яме и Ивангороде: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новугороду Копорской уезд блиско помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые села от Новагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским уездом. А помещиковы земли от Копорья приписаны к Новугороду и называют Новгородским уездом, и ведали к Новугороду, а х Копорье помещиковых земель не ведают. И доходом Копорья Орешка болши, токмо Орешек город крепче и Новугороду замок в государеву сторону лутчи. А Яма город и Ямской уезд подошел к Иваню городу, а уезд невелик, всево пять погостов, а доходом Копорья гораздо был менши, а Ивангородцкого уезда доходом был болши. А Ивангород крепок городом, и что было доходов с посаду и тамги, тово не ведает, а уездом невелик, и в болшом мести от города уезд на 15 верст, и доход с уезда был невелик, менши всех городов».

Однако и в этом случае Боборыкин не ограничивается описанием, но приводит чрезвычайно ценное наблюдение: «А толко вместо Иванягорода учинити судовая пристань на Невском устье, и в Иванегороде прибыли не будет, а Невское устье в Ореховском уезде».

Иными словами, налицо анализ новгородским дворянином геополитической ситуации в Новгородской земле. Явная неудача Ивана III с выбором места для строительства Ивангорода — возможного торгового соперника Нарвы, могла, по мысли новгородца, быть компенсирована возведением торговой фактории в Невском устье. Обращает на себя внимание то, что Боборыкин, несмотря на свою особую роль в истории последних двух лет существования шведской администрации в Новгороде, все же не принадлежал

³⁷⁸ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 48.

³⁷⁹ Здесь и далее приведены цитаты из: Расспросные речи Якова Боборыкина и Федора Витовтова в Посольском приказе о расстояниях в Новгородской земле. 1616, февраля между 10 и 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 181, 183, 182, 184 (листы перепутаны).

к лицам, принимавшим в Новгороде сколько-нибудь ответственные решения. В этом сообщении новгородца мы сталкиваемся с общими представлениями новгородского дворянства о перспективах развития урбанизма на Северо-Западе, как выяснилось через столетие—полтора, достаточно точными.

Сумерский погост и Старорусский уезд в Посольском приказе описывал старорусский подьячий Григорий Сулешев, также перешедший в Дедерине на московскую сторону.

«Про Сумерской погост сказал старо[русской] подьячий Григорей Сулешев. Сумерский погост Старорусково уезда, а подо[шел блис]ко Иванягорода и Ямы. От Иванягорода Сумерского погоста Старопольская село Корино 30 верст, а от Ямы ближние деревни Сумерские [волости] деревня Муравейна 15 верст. А всего было Сумерского погоста по дозору Олексея Безобразова да подьячих Воина Трескина да Ивана Болотникова 115-го году в живущем 225 вытей, а впусе было и вдвое, а стоило живущих. А доход был великой хлебной и денежной з живущего и с пуста, а сколко каких доходов было, того не упомнит, в Староруском в уезде давали пстые пашни ис семян ис шестого снопа, а в Сумерском погосте ис третьево снопа и из другого. А от Новагорода Сумерская волость ближняя деревни 160 верст, а от Старые Русы ближние деревни 160 же верст». Надо полагать, что Сулешев не пользовался никакими записями; таким образом, его наблюдение — свидетельство высокой профессиональной памяти бюрократа.

На основании данных расспросных речей была составлена роспись расстояний между Новгородом, его пригородами и отдельными территориями, отправленная к послам в Дедерино (впрочем, там им эта роспись уже не пригодилась, но, возможно, была востребована на переговорах, предшествовавших Столбовскому миру. Приведу ее здесь полностью.

«Подал Яков Боборыкин с товарищи. Ис таковой росписи слово в слово послано к государевым послом с пошехонцом с Яковом Павловым.

От Новагорода до Ладоги 150 верст.

А до Орешка от Ладоги 70 верст.

А от Новагорода до Орешка 150 верст.

А Ореховской уезд от Новагорода 70 верст.

Заневские погосты за Невою рекою на Корельской стороны подошли к Орешку к посаду, уезд Ореховской.

Копорья от Новагорода 170 верст.

А уезд Копоровской по Вруде реке подошел к Тесовскому погосту от Новагорода верст с восьмдесят.

Яма город от Новагорода 170 верст.

А уезд Ямской с Копорским сшелся.

От Ямы до Иваня города 15 верст.

А уезд Ивангородцкой от Иванягорода верст на семь и на десять, а большая статья на 15 верст.

Старорусской уезд Сумерской погост и Старопольская волость подошла блиско Ивангорода и Ямы. Старопольской волости село Корина з деревнями от Ивана 30 верст. А Ложголовская сотня села [...] ближние от Ямы города по реке по Луге в 15 верст. А все то Сумерские волости»³⁸⁰.

Значение этой росписи и сведений, поданных в Посольский приказ, сам информатор, Яков Боборыкин, оценивал очень высоко. Когда после удаления от дел посольского думного дьяка Петра Третьякова Боборыкин бил челом о дополнительном пожаловании, он в своей большой челобитной, упоминал о том, что как подал в Москве географическую роспись новгородским пригородам³⁸¹.

Уже в 1617 г., когда в Москве уточнялись положения, о которых Мезецкий с Делагарди договорились в Столбове, вновь в качестве географических экспертов были привлечены новгородские дети боярские, находившиеся в столице (надо сказать, что Посольский приказ совершенно точно выявил тех служилых людей, чьи поместья в 1611 г. располагались именно в интересовавших правительство местах):

«А про ижеру в которых она пятинах того же дни генваря в 21 день роспрашиваны дворяне ноугородцы Воцкие пятины Иван Тырков, Иван Кузминской, Микита Супонев, в которой пятине Ижерский погост и в одной пятине ли или не в одной и города Ивангород и Яма, Копорья, Ладога, Гдов, Порхов, Старая Руса в которых пятинах?

(ответ): Ижерской погост в Вотцкой пятине в Ореховском уезде.

А Орешек и Яма и Копорья и Ладога в Воцкой же пятине.

А Ивангород, Гдов³⁸², Порхов, Старая Руса в Шелонской пятине».³⁸³

Послы использовали эту аргументацию на переговорах о титуле шведского короля. Когда шведы заговорили об «Ижерском» и «Водской пятины», то кн. Д. И. Мезецкий с товарищами этот титул стал оспаривать, что «Вотской пятиной» писать короля неправильно, «И то тебе, государю, будет грубо, потому что ижера Вотцкая пятина за тобою, государем, твоя государева отчина Великой Новгород да и иные многие земли». Далее он говорил: «Ижерская земля в Вотцкой пятине, а в Вотцкой пятине начало Великой Нов город и иные многие земли за тобою, государем». Шведы отвечали: «Хотя де в Вотцкой пятине Великий Новгород, а земли де к нему толко верст на семдесят, а то де Вотцкая пятина мало не вся за государем их, потому что Корела, Орешек, Копорье, Яма в Вотцкой пятине, а мерою де будет одной Корелы болши семисот верст, а ижерской де язык весь осереды Вотцкой пятины, государя их в стороне»³⁸⁴.

³⁸⁰ Роспись расстояний между городами в Новгородской земле. 1616, февраля между 10 и 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 179–180.

³⁸¹ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12. Л. 45.

³⁸² Ошибка: Гдов располагался вне пятин, в пределах Псковской земли.

³⁸³ Посольство кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 14. 1617, январь – февраль // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 257.

³⁸⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о новом съезде со шведами и о споре о титулах «облаадателя» и «ижерского». 1617. 5.02 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 2. Л. 89–116.

Граница между Ладожским и Ореховским уездами была не столь очевидна для послов и новгородцев, которые их консультировали. Первоначально (7 января 1617 г.) ею была названа не река Лавуя, а река Кобона, расположенная значительно восточнее³⁸⁵. Только в середине января было уточнено, что встреча межевых послов должна состояться «меж Орешка и Ладоги, на усть реки Лавуи и Ладожского озера июня к 1 числу»³⁸⁶.

Если новгородцы имели достаточно отчетливое представление о дорогах, городах и административных границах своей земли, то ни в Москве, ни среди казаков, действовавших на Северо-Западе в годы Смуты, не было ясной картины о расстояниях и направлениях в Новгородской земле. По мнению О. А. Курбатова, когда в 1613 г. кн. С. В. Прозоровскому было приказано идти с казаками ко Пскову, то в плане его было движение по линии: Устрека — Крестцы — Бронницы — Русса — Псков. Поход ко Пскову по данному маршруту не состоялся только потому, что шведы перекрыли Белую и соответственно не дали выйти к Крестцам³⁸⁷. Однако и сам план, если верно предположение Курбатова, кажется фантастичным. Прорываться с Бронниц к Руссе, имея чрезвычайно близко новгородский гарнизон, а далее выбивать шведов из Руссы и мимо занятого еще одним шведским гарнизоном Порхова идти на выручку Пскову было по меньшей мере наивно. Не исключено, что в Москве действительно не знали, как пройти к Пскову через Новгородскую землю (а не южнее, через Ржев и Торопец). В книжном памятнике, написанном несколькими десятилетиями позже событий под Тихвином 1613-1614 гг. в соответствии с документами указывается, что «воинство» было послано после освобождения Москвы под град Псков, а не к Тихвину. Тайно пришедший к Тихвинскому монастырю Леонтий Арцыбашев, согласно сказанию, сообщил А. Г. Трусову и игумену Ануфрию, что царь послал их под Псков³⁸⁸.

Упомянутый выше строитель острожков в Заонежских погостах Богдан Чулков так же, как и С. В. Прозоровский, не выполнил собственного наказа строит острожек в Волховском устье, выйдя в Заонежье и развернув там самую активную деятельность

В середине февраля 1619 г. к Ладоге подошел отряд литовских людей с полковником Тимофеем Косименковым, который просил у ладожских воевод пропустить его мимо Ладоги к Новгороду, на что был получен твердый отказ. Выходец из полка Косименкова Воин Бедринский сообщил воеводам В. Ф. Неплюеву и В. И. Змееву о совершенно фантастических планах полковника: «...идти деи, государь, литовским людем мимо Ладоги Обонежскою пятиною горою на Васильевской монастырь, а прошод де, государь, Васильевской монастырь, идти им рекою Волховом к Великому Новгороду, а обшод де, государь, Великой Новгород, идти им на Старую Русу и проходит в

³⁸⁵ Окончание статейного списка послов кн. Д.И.Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. 1617, января и февраля // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 3. Л. 65.

³⁸⁶ Там же. Л. 72-73.

³⁸⁷ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 24.

³⁸⁸ Извлечение из рукописи об осаде Тихвина монастыря шведами в 1613 г. // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 408, 411.

Свею»³⁸⁹. Если такой вариант не удавался, «литовские люди» планировали, обойдя Ладугу, идти на Спасскую волость в Заболотье, а оттуда — опять-таки через Новгород к Старой Руссе. Зачем нужно было идти к шведским владениям из Заонежья через Ладугу, Новгород и Старую Руссу — совершенно неясно.

Проблема политического подчинения той или иной территории в годы Смуты очень остро воспринималась служилым людом. Помещику было необходимо выбрать место, где бы его права на земельное владение были определены. Так, по челобитным помещиков, претендующим на земельные владения в разных районах, можно попытаться определить время реального подчинения Новгороду той или иной территории. 24 декабря 1610 г. тогдашнему второму новгородскому воеводе из торопецких детей боярских Корниле Никитичу Чоглокову, думному дворянину царя Владислава³⁹⁰, новгородские власти пожаловали получил 269 четвертей из поместья Вериги Зеленого в Загорском стане Холмского уезда. Воевода, вероятно, остался недоволен отделом, так как по получении им в Новгороде отдельных книг подал челобитную о переделе, в результате чего в Торопец, воеводе Ивану Михайловичу Кафтыреву была «послана грамота переделная..., а велено ему в то поместье послати дворянина добра да подьячего да то поместье велеть переделить изнова по государеву указу и верстать живущее и пусто по вытню по четьям, а дворы и воды и ех крестьян и против пашни»³⁹¹. Видимо, власть тогдашнего новгородского правительства распространялась на Торопец и Холм, чего не было уже в 1612 г. Но еще летом 1611 г. торопецкий помещик Лев Петров сын Скворцов³⁹² бил челом в Новгороде о поместье вдовы Анны, жены Григория Мисюрева сына Непейцына, находившемся в Торопецком присуде³⁹³. При этом Корнил Чоглоков в это время уже находился под Москвой.

Отметим, что территория, подконтрольная новгородскому правительству Одоевского — Деллагарди постоянно сокращалась. При этом все города до 1617 г. сохранялись под его властью. Москвичи не взяли ни одного города, кроме Тихвина.

В развитии сельского пространства Смутного времени обращают на себя внимание следующие явления:

³⁸⁹ Отписки ладожских воевод В. Ф. Неплюева и В. И. Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02–30.03 // СПБИИ. Кол. 153. Оп. 1. Д. 52.2.

³⁹⁰ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610-1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. № 248. С. 348-349.

³⁹¹ Отдел Никитой Сокуровым вдове Вериги Зеленого Татьяне с дочерью мужнина поместья в Морховском стане Холмского уезда и остатка этого поместья в Загорском стане уезда Корнилу Никитичу Чоглокову. 1610. 24.12 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 563-583 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 296).

³⁹² В июне (м.б. конце мая) 1614 г. на верстании в Торопце был записан как городской сын боярский с окладом в 400 четвертей, получавший с городом 13 рублей (Книга сыскная дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации).

³⁹³ Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 72.

1. Концентрация платежеспособного крестьянского населения в дворцовых волостях, в первую очередь прилегавших к Новгороду, — Ракомо, Королево, Трясово, отчасти Тесово, на начальном этапе — Старорусские погосты.
2. Появление целых районов в Новгородской земле, где крестьянское население отсутствует, однако деревни почти полностью заселены помещиками. Прежде всего это район верховьев р. Рыденки, притока р. Тесовой, в Климентовском Тесовском погосте, все население которого к августу 1615 г. составляли помещики.

Дворцовые земли

Общеизвестно суждение о том, что для поместного обеспечения служилых людей, не имевших связей в Новгороде и оказавшихся там в результате событий Смутного времени, определялись дворцовые волости и села. Стоит отметить, что раздачи и конфискации таких поместий проводились в течение 1611–1617 гг. в одних и тех же районах Новгородской земли. Такими дворцовыми селами были села Заянье (Хоромно) и Боброво в Лядском погосте³⁹⁴, село Бор в Карачуницком погосте. Надо сказать, что села Заянье и Боброво с середины XVI в. регулярно поступали в поместную раздачу чуждым Новгороду лицам. Еще в 1571 г. владельцем его был дьяк Данило Микулин сын Барте-нев, получивший его после дворцового дьяка Дятла Мошкова³⁹⁵. В 1610 г. сын боярский Второй Семенов сын Львов просил короля Сигизмунда вернуть ему данное еще при Годунове поместье в Лядском погосте (неясно, в Заянье или в Боброве), ранее принадлежавшее Богдану Бельскому³⁹⁶. В августе 1612 г. дворцовое село Боброво было пожаловано порховскому воеводе Ивану Крюкову, дьяку Ивану Тимофееву и кн. Никифору Мещерскому³⁹⁷. Возможно, в середине XVI столетия оно принадлежало дьяку Казарину Дубровскому.

Другой такой район испомещения новгородской администрации находился в Антоновском погосте на Волхове, в его восточной, «обонежской» части. 5 марта 1606 г. назначенный в Новгород дьяк Василий Оладьин получил здесь поместье прежнего дьяка Андрея Арцыбашева, кстати, новгородца по происхождению³⁹⁸. Кроме этого, в Обонежской пятине поместья, переходившие от одних приказных служащих к другим (не род-

³⁹⁴ Примечательно, что к 1678 г. село Заянье стало вотчиной боярина Ивана Богдановича Милославского (Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи стольника Степана Александровича Аничкова и подьячего Антипа Федорова. 1677/78 // РГА-ДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8570. Л. 216).

³⁹⁵ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Ст. 548.

³⁹⁶ Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. Под Смоленском, 1610 // *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 111.

³⁹⁷ Отдел подьячим Якимом Вешняковым кн. Никифору Мещерскому, Ивану Крюкову и дьяку Ивану Тимофееву в Лятцком погосте Шелонской пятины дворцового села Боброва. 1612, авг. // RA, NOA. Serie 1:41. С. 513–526 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф. 293).

³⁹⁸ Отдел подьячим Иваном Галактионовым поместья Андрея Арцыбашева дьяку Василию Аладьину в Антоновском погосте на Волхове Обонежской пятины. 1606. 5.03 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 351–353.

ственникам) отмечены в Петровском погосте на Пчевже. Там к 1602 г. поместье переведенного в Москву дьяка Второго Федорова было разделено между новгородскими подьячими Будаем Сартаковым и Истомой Дедковым³⁹⁹.

В первые годы новгородско-шведского политического альянса дворцовые земли Старорусского уезда использовались как резервный фонд поместных земель для экстренных пожалований. Именно в Петровском погосте Старорусского уезда был помещен дворцовый дьяк Пятой Григорьев. Важное земельное пожалование было совершено 26 декабря 1611 г. (на следующий день после подписания известного приговора об отправке посольства в Швецию). Поместья в Петровском погосте в этот день были пожалованы «Анце Брякилеву» (Гансу Бракилю), Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому. Первые двое очень скоро были посланы в Заонежские погосты со шведским военачальником Гансом Мунком, а последний был отправлен гонцом в Москву⁴⁰⁰.

Именно этот земельный фонд в первые годы Смуты также использовался для испомещений лиц, находившихся в Новгороде временно, к примеру дьяка Василия Янова⁴⁰¹. В связи с этим упомянуты «старые писцовые книги», предшествующие письму Алексея Безобразова 1606/07 г.: «В Петровском погосте которые были деревни преж сего за Пятым за Киршиным, а после того были в поместьи ж за Васильем за Яновым по старым книгам Юрья Тимирева да Василья Зыбина»⁴⁰². Отметим здесь же, что и Славятинский погост, пожалованный в 1611 г. боярину кн. Ивану Большому Одоевскому⁴⁰³, также находился в Старорусском уезде.

Поместьем в дворцовом Струпинском погосте поочередно владели назначенный в королевском лагере под Смоленском ореховским воеводой Венедикт Тимашев, а после него Тимофей Тыртов (воевода Веряжского острога, утративший поместья в Ивангородском и Ямском уездах) и Федор Кожа Неклюдов, отъехавший из Пскова в Новгород, а также Иван Захарьев и Иван Воинов Барановы⁴⁰⁴.

³⁹⁹ Книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Обонежской пятины Нагорной половины губных старост Ивана Змеева и Михаила Бахтина. 1602, мая до 23 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964. Л. 80.

⁴⁰⁰ Отдел Федором Корповским поместий Анце Брякилеву, Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому в Воскресенском, Офремовском и Петровском погостах Старорусского уезда. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 399–415 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф. 293).

⁴⁰¹ Новгородский дьяк в 1603–1604 гг. (?), на заключительном этапе Смуты эмигрировавший в Речь Посполитую. О его поместье в Старорусском уезде: роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1–1; Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятине. Без начала и окончания. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–410.

⁴⁰² Отдел Федором Корповским поместий Анце Брякилеву, Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому в Воскресенском, Офремовском и Петровском погостах Старорусского уезда. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 399–415 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф. 293).

⁴⁰³ Дело о пожаловании в поместье кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому Старорусского Славятинского погоста. 1611, сент. // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 160. С. 278–280.

⁴⁰⁴ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 26, 28.

Село Бор Карачуницкого погоста в 1611–1612 г. было пожаловано гдовскому воеводе Парфению Елагину⁴⁰⁵, «а сам Парфений съехал во Псков, да туто после Парфенья отданы были в поместье Игнатью Харламову да князю Булату Мещерскому, и в нынешнем 122-м году тот Игнатий съехал во Псков». В апреле 1614 г. село было возвращено в Дворцовое ведомство⁴⁰⁶.

Такой же зоной были небольшие территории в Старорусских погостах, преимущественно, в лежащих к востоку от Старой Руссы Чертицком и Петровском, где в 1611/12 гг. получили поместья вязьмитин Иван Третьяков Якушкин, пскович Федор Неклюдов, Богдан Гостев сын Лупандин⁴⁰⁷, позднее второй воевода Старой Руссы Смирной Отрепьев. Эти помещики в 1613 г. били челом старорусской администрации о непомерно большом обежном окладе в их поместьях: «...били челом Иван Якушкин, Смирной Отрепьев, князь Федор Черной Оболенской, а сказали, что у них в поместье в Старорусском уезде в тягле десять обеж, а положено де у Ивана Якушкина на обжу по четырнадцать мужиков, а у Смирново и у князя Федора на обжу по двенадцати мужиков, и от тово де их крестьяне охудели, а во всех деи пятинах ныне по новому дозору кладено на обжу по дватцети по пяти мужиков и по тритцети и болше...»⁴⁰⁸.

Власть всех правительств в тех районах, где не было укреплений — острожков и городов, была чисто номинальной, а тамошние жители были страдательным элементом по отношению к многочисленным воинским отрядам. Так, сын боярский Михаил Давыдов подал челобитную еще новгородскому правительству в конце 1611 г. В 1608/09 г. в его поместье приходил пан Красовский, его люди убили 15 человек, и сожгли «деревнишки» Давыдова. На Рождество 1609 г. приходил пан Костенецкий с внушительной силой — 4 тысячами литовских людей, которые четыре дня стояли в поместье М. Давыдова и убили его брата Максима. 18 августа 1610 г. еще один отряд литовских людей численностью 300 человек прошел на Липенский Котлован. 20 августа 1611 г. 150 казаков и черкас — вероятно, из войск В. И. Бутурлина, разбежавшихся из Новгорода, снова посетили поместье Давыдова. Позднее с тремя сотнями человек прошел воевода Бегичев, простоявший в его поместье неделю. На Крещение 1612 г. к нему в поместье пришло 100 казаков и черкас из войска, разгромленного Горном и Вышеславцевым. Причиной своего разорения Михаил Давыдов считал его окраинное положение, на границе Новгородского уезда с Новоторжским, Тверским и Осташковским⁴⁰⁹. Именно в Торжок, Тверь и Осташков

⁴⁰⁵ Там же. Л. 27.

⁴⁰⁶ Грамота от бояр и воевод Александру Фомичу Тимашеву, Мосею Денисьевичу Евреву и подьячему Семейке Шустову ехать в Порховский уезд в Карачуницкий погост, видимо для отписки на государя 7 вытей в дворцовых селах, бывших в поместье за Игнатием Харламовым, съехавшим во Псков. 1614 апреля после 10// RA, NOA. Serie 2:62. Л. 63 об.

⁴⁰⁷ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины... Л. 26.

⁴⁰⁸ Челобитная Федора Витовтова, Андрея Шаховского о том, переписывать ли им заново поместья Ивана Якушкина, Смирново Отрепьева и кн. Федора Черного Оболенского. 1613 // RA, NOA. Serie 1:51. С. 81.

⁴⁰⁹ Челобитная боярам и воеводам Бежецкой пятины Михалки Алексева сына Давыдова о полном разорении его поместья с просьбой не брать кормов // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 192–193.

после ухода войск Горна к Старой Руссе весной 1612 г. стали отъезжать новгородцы; вероятно, не в силу политических убеждений, а намереваясь получить хотя бы минимальную защиту от проходивших войск.

Среди районов Новгородской земли выделяется ее Северо-Запад — Водская пятина, вплоть до 1617 г. ни разу не занимавшаяся москвичами (не считая отдельных казацких рейдов под Ладогу и Орешек). Именно дворяне Водской пятины наиболее стабильно служили новгородскому правительству (при этом в 1615 г. в присягнувшем царю Михаилу Романову Пскове находилось 89 детей боярских Водской пятины⁴¹⁰).

В работах 2002 и 2006 гг. Е. И. Кобзарева утверждает, что Бежецкая пятина не входила в зону, подконтрольную новгородскому правительству 1611–1617 гг.⁴¹¹. Но именно в Бежецкой пятине располагался Черенский острожек, по поводу которого велись споры с ярославским ополчением в 1612 г. Контроль над этой частью Новгородской земли был утерян, видимо, только в 1613 г., после событий в Устреке, а последнее дозорное описание Устрецких дворцовых волостей было организовано новгородским правительством 25 марта 1613 г.⁴¹², позже, чем роспись новгородского войска, рассматриваемая Е. И. Кобзаревой. Устреку не удалось бы удерживать без занятия Бежецкой пятины, в частности без гарнизона в Черенском острожке.

Вместе с тем роль Бежецкой пятины действительно особенная; не случайно в состав первого Ярославского посольства в Новгород входил и представитель Бежецкой пятины — И. Д. Нарбеков. Надо полагать, что после ухода из восточных районов войск Эверта Горна и Никиты Вышеславцева, там вскоре должны были появиться эмиссары ярославского ополчения. Думается, что в 1612–1613 гг. шла интенсивная борьба за эти земли, до осени 1613 г. имевшая переменный успех. Так было сказано в Росписи дворцовых сел 1614/15 г. об Устрецких волостях Бежецкой пятины: «а по 119 год по Яковлеву приказу Пунтусова, как пришел в Новгород, ведали те Устрецкие волости и всякие доходы збирали в четверти на Москве, а во 121 году посылал Яков Пунтусов в те волости дозорщиков, и после дозору с тех волостей окладных доходов в Новгороде не плачивали, а ныне те волости ведают московские люди...»⁴¹³ Следует согласиться с мнением О. А. Курбатова о том, что дворяне Бежецкой пятины присоединялись к войску кн. С. В. Прозоровского по мере его продвижения к Тихвину⁴¹⁴.

Обонежская пятина оказалась под контролем московского правительства только после успеха войск кн. С. В. Прозоровского под Тихвином летом–осенью 1613 г. После этого

⁴¹⁰ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 331.

⁴¹¹ Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации города (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивные и музейные исследования. М., 2002. С. 110 (Труды ГИМ. Вып. 133).

⁴¹² Дозорная книга Устрецкой, Кострецкой, Видимирской, Глининецкой волостей Бежецкой пятины Мосея Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:68 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 350). С. 7–240.

⁴¹³ Роспись государевым новгородским дворцовым селам, что в тех селах живущих вытей и в которых селах сколько пашут десятинные пашни и сколько с которого села в нынешнем в 123 году взято денежных доходов и иных податей платят. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л.19 об.

⁴¹⁴ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г.... С. 12.

новгородское правительство перестало контролировать практически всю территорию восточнее Волхова. Губные старосты Обонежской пятины, ранее подчинявшиеся Новгороду и Ладогe, стали выполнять указания кн. С. В. Прозоровского⁴¹⁵. Лишь изредка отдельные отряды зажинщиков выбирались из острожков Поволховья для сбора хлеба в брошенных пустошах на правом берегу⁴¹⁶.

⁴¹⁵ Память воеводы кн. С. В. Прозоровского в Обонежскую пятину Исаю Глотову о челобитье игумена Александрo-Свирского монастыря. 1613. 7.11 // СПбИИ. Кол. 153. Оп. 1. Д. 47.

⁴¹⁶ Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка. 1615, сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

Глава 4. Очерк политической истории Новгородской земли начала XVII века.

История Новгорода накануне Смуты исследована сегодня недостаточно. Более всего сведений известно о политическом положении города в первые годы XVII века и дипломатических действиях московского правительства близ новгородско-шведской границы. Если политическая жизнь конца XVI в. была подробно исследована Б. Н. Флорей¹, то очерк истории русско-шведских отношений в последние месяцы накануне Смуты принадлежит перу В. И. Ульяновского. Ученый справедливо отметил, что события 1605-1606 гг. в Новгороде плохо изучены, и, как правило, освещаются историографией тенденциозно. Наиболее подробно история Северо-Запада в эти годы рассматривалась в шведской историографии, в первую очередь Х. Альмквистом. По мнению шведского ученого, Лжедмитрий в отношениях со Швецией выполнял требования Сигизмунда и папы, следовательно – поддерживал претезии Сигизмунда на Швецию. В последние годы своего царствования Годунов искал союза со Швецией против Польши. В 1604 г. к шведской границе был отправлен окольный М. Г. Салтыков, еще в 1602 г. встречавший здесь датского принца Юхана. В декабре 1604 к «свейскому рубежу» был отправлен немецкий толмач Яков Яковлев. Продолжались переговоры со Швецией П. Шереметева, кн. И. П. Ромодановского, Г. Клобукова и И. Максимова. Это возымело достаточно быструю реакцию шведской стороны. 12 февраля – 25 марта 1605 г. в Орешке находились шведские комиссары, а войска в Нарве приведены в боевую готовность. 14 июня 1605 г. в Ивангород пришла весть о новом царе. Это вызвало панику в соседнем городе. Шведы начали срочные военные приготовления. Уже в июле 1605 г. были составлены послания Карла IX в Новгород, изобличающие Лжедмитрия. В феврале 1606 он предложил русским помощь против Самозванца в Польше. В эти месяцы прослеживается стремление шведской стороны установить самостоятельные отношения с Новгородом и Ивангородом.

В августе 1605 г. возник спор из-за московского служащего Ганса Англера, захваченного шведами на датском корабле (эта миссия и судьба Англера исследована Д. В. Лисейцевым²). Окольный М. Г. Салтыков, находившийся в Ивангороде, безуспешно требовал его отпустить. Интересны строки письма Англера, приведенные В. И. Ульяновским: «В письме от 28 сентября 1605 г. русскому толмачу в Ивангороде Габриэлю Савиновичу, он (Англер – А. С.) заявил, что шведы "много от меня хотят узнать, а я ничего не знаю"». Этот Габриэль Савинович – это Г. С. Бекетов, бывший пленный Ливонской войны и участник событий Смутного времени в Новгороде. 3 февраля 1606 г. шведские власти из Нарвы обратились в Ивангород с предложением о мире и добрососедстве. В письме содержалось очень большое опасение возможной войны с Москвой³.

¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века. М., 1973.

² Лисейцев Д. В. Русско-шведские посольские связи в Смутное время начала XVII века: новые архивные находки // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002 (Труды ГИМ. Вып. 133). С. 88-89.

³ Ульяновский В. И. Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. 1990. С. 60-75.

При этом Новгород жил своей обычной жизнью. Среди документов архива Новгородской приказной избы сохранилось несколько отрывков дел, ведшихся в 1605/06 г., при царе Дмитрие Ивановиче⁴. Среди них – наказ новгородским кабацким головам, содержащий типичный для эпохи запрет на продажу вина вне кабаков и регламентирующий деятельность последних⁵.

Первым серьезным, значимым событием в Новгороде, непосредственно связанным с началом Смуты, может считаться «самозванческое» верстание осени 1605 г. (о нем подробно было сказано в первой главе книги)⁶. Наименее известны политические события в городе в последующие два года. Известно, что новгородцы, в том числе – дети боярские новгородского Софийского дома принимали участие в походе на юг, на борьбу с Первым самозванцем. Существует традиция, восходящая к «Новому летописцу», что находившиеся под Кромами новгородцы, которых приводил к кресту царю Федору Борисовичу новгородский митрополит Исидор составляли большую часть войска, смутившегося из-за интриг военачальников и разбежавшегося. Несколько новгородских служилых людей находилась в Москве при царе Федоре Борисовиче (Василий Неклюдов сын Корсаков, получил деньги от царя Федора Борисовича, а Лобан Иванов сын Лугвенева уехал из Москвы в Новгород между 3 и 13 мая 1605 г.), а также при Лжедмитрии в 1605-1606 гг. (из них Ефим Никифоров сын Коковцов был убит 23 мая 1606 г.).

Позднее особенно много новгородцев участвовало в боевых действиях против Болотникова. В 1606/07 г. очень многие новгородские дети боярские получили денежные и поместные придачи к окладам, значительная часть их была пущена в Четверть именно при Василии Шуйском. По моим подсчетам не менее 129 новгородцев участвовали в боях с Болотниковым под Калугой, и как минимум 209 – под Тулой. Не менее 19 новгородцев участвовали в Болховской битве, многие из них погибли⁷.

⁴ Расходная выпись казны Юрьева монастыря (отрывки) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 48 об., 49 (начало листа), 49 об., 50 об.; Сметный список житниц Юрьева монастыря. 1605, июнь // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 31 об.; Роспись сеяного хлеба на разных пустошах Юрьева монастыря. Отрывок. Около 1605 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 20 об.

⁵ Наказ новгородским кабацким головам. Отрывок. 1605/06 // RA, NOA. Serie 2: 341. Л. 33 об.

⁶ Мнение о том, что это верстание, равно как и другие действия Первого самозванца были подготовкой к предполагавшейся войне со Швецией было аргументировано оспорено А. В. Лаврентьевым (*Лаврентьев А. В.* Собирался ли Лжедмитрий I воевать с Карлом IX? (Внешнеполитические планы Самозванца и Швеции. 1605-1606 гг.) // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002 (Труды ГИМ. Вып. 133). С. 72-78).

⁷ Основная информация об участии новгородских детей боярских в походах Смутного времени содержится в разборных десятнях 1619 г. Однако к этому времени значительная часть новгородцев погибла или умерла естественной смертью и, следовательно, информация об их участии в событиях Смуты потеряла актуальность для документов. Косвенные данные об участии новгородцев в разных событиях эпохи Смуты соедержатся в информации о придачах к окладам в поместных делах 1611-1614 гг.: Г. А. Самарину и И. В. Мусину, И. М. Ватазину, В. Ю. Лошакову, В. Н. Корсакову, Г. Б. Исакову, И. Б. и И. М. Порецким явно было придано по 50 четвертей (а Василию Федорову Глебову и Гавриле Леонтьеву Палицыну по – 100 четвертей) за участие в Тульской кампании царя Василия или походе кн. М. В. Скопина-Шуйского к Москве. Но наверняка это сказать нельзя.

По мнению И. О. Тюменцева, к концу 1608 г. Новгород оказался в осаде, фактически отрезанным от пригородов, где местные служилые люди по прибору признали власть Тушинского вора. Новгородское же правительство не контролировало ничего за пределами городских стен. Это привело к анархии, прекращению правильного управления и, вследствие этого, остановке поступления в город доходов из пятин и пригородов. Именно в этих обстоятельствах произошло бегство кн. М. В. Скопина-Шуйского из города и последующее убийство М. И. Татищева. По наблюдениям Ю. М. Эскина, младший брат последнего, Юрий, в 1622 г. местничавший с С. В. Головиным, обвинил того в убийстве Михаила Татищева: «по ево наносу зять ево, боярин князь Михайло Васильевич Скопин Шуйской, убил за ним, Семеном, вместе у себя на дворе без вины и без государева... указу брата моево роднова окольниковичева, Михайла Игнатъевича Татищева, а нанес ему Семен за те же случаи, мстя ему недружбою». По Эскину, виновность Головина сомнительна — он находился в Выборге⁸. Однако приверженность его Скопину-Шуйскому, явно одобрявшего расправу над М. И. Татищевым, вероятно и сделала Головина объектом обвинений.

18 января 1609 г. правительство царя Василия Шуйского, контролировавшее менее половины уездов Московского государства, заключило договор с представителями шведского короля Карла IX о военной помощи в обмен на уплату содержания наемному корпусу и город Корелу с уездом. Совместное войско шведов, возглавляемых генералом Делагарди, и новгородцев, возглавляемых кн. М. В. Скопиным-Шуйским, освободило от осады Москву и Троице-Сергиев монастырь. Вскоре после вступления в Москву Скопин-Шуйский скончался при таинственных обстоятельствах. Слухи об отравлении воеводы в 1610 г. действительно бытовали в стране. Так, Степан Исленьев был обвинен вологодским воеводой Нелюбом Суколеповым, «будто как он Степан ехал на Белоозеро для денежного збору, и будто он царя Василья злословил для смерти боярина князя Михайла Васильевича Шуйского. И царь де Василей велел ему бытии на Колмогорах до своего государева указу. А был де он на Колмогорах на данном дворе, а не в тюрьме, и не за осадные вины. А поместья де ево и вотчины при царе Василье у него не отыманы и никому не отданы»⁹. По мнению современных исследователей, слухи об отравлении Скопина, запущенные в Москве в 1610 г. были несправедливы¹⁰. По наблюдениям Б. Н. Флори, после смерти Скопина начался отъезд новгородцев из Москвы к себе в поместья¹¹.

Московскую армию, двинувшуюся вместе с корпусом Делагарди походом на польского короля Сигизмунда III Вазу, осаждавшего Смоленск, возглавил боярин князь Дмитрий

⁸ Эскин Ю. М. Смута и местничество // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 67.

⁹ Выписка Поместного приказа с изложением сказки Степана Ивановича Исленьева о его опале при ц. Василье Шуйском. Около 1629. 3.03 // Акты служилых землевладельцев XV-нач. XVII века. Т. 2. М., 1998. № 511. С. 437.

¹⁰ Примечание Г. М. Коваленко к «Истории» Юхана Видекинда. По наблюдению ученого, подробную сводку данных источников и мнений исследователей по этому вопросу см.: *Иконников В.С.* Князь М.В. Скопин-Шуйский. Киев, 1879. С. 146-173 (*Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 581).

¹¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 175.

Шуйский. 10 июня 1610 г. гетман Станислав Жолкевский наголову разгромил Шуйского, после чего Делагарди отошел на север и двинулся к метрополии, а Жолкевский подошел к стенам Москвы. В Москве произошел переворот; Василий Шуйский был свергнут, а московские бояре, по согласованию с Жолкевским, избрали царем принца Владислава Вазу, сына Сигизмунда III, и отправили посольство под Смоленск. Однако польский гарнизон вошел в Кремль, и боярское правительство было отстранено от власти, а послов арестовали в королевском лагере.

В королевском лагере под Смоленском побывали многие видные новгородские служилые люди. В ноябре – декабре 1610 г. они получили от короля воеводские назначения. Так, Аксентий Сназин был назначен воеводой в Кострому, Матвей Ржевский (помещик Шелонской пятины) – в Ярославль, Венедикт Хомутов – в Орешек¹². После Смуты большинство из них остались на важных воеводских постах. В небольшой работе И. С. Беляева был рассмотрен вопрос о земельных пожалованиях Смутного времени. Он впервые справедливо заметил, что многие из таких дач, в частности дачи Сигизмунда III под Смоленском, носили декларативный характер. В ряде случаев пожалованные волости просто не существовали¹³. Этой работе, равно как и более позднему исследованию Л. М. Сухотина, посвятил несколько строк Г. А. Замятин, обративший внимание на то, что с момента избрания Владислава до конца 1610 г. было совершено 557 поместных пожалований от имени короля Сигизмунда. С 1 января 1611 г. их количество падает. Максимум пожалований произведено в последние 4 месяца 1610, когда в стране всерьез ждали Владислава. С образованием правительства Подмосковного ополчения к Сигизмунду прекращают обращаться с челобитными. В 1612 г. пожалований вовсе не было¹⁴.

Среди пожалованных Сигизмундом много лиц – активных участников политической жизни Новгорода зимы 1610–1611 гг., времени, когда город присягнул Владиславу. Отметим двоих из таких фигурантов – Романа Неелова и Андрея Палицына. Первому было пожаловано «в Обонежской пятине в Рождественском стану на Сясьском устье селцо Рядок, а в нем по обе стороны реки пашни 20 четвертей...»¹⁵. Оказавшись в Новгороде вместе с Иваном Салтыковым, Роман Неелов получил в поместье не только это селцо (правильное название начала XVII века – рядок на Сяси, позднее, в XVIII веке село Сясьские Рядки), но и соседний Михайловский погост на Ладожском пороге (пополам с казачьим атаманом Тимофеем Шаровым)¹⁶. Андрею Палицыну,

¹² *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция... С. 313.

¹³ *Беляев И. С.* По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // *Старина и новизна.* 1914. Т. 17. С. 45-56.

¹⁴ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 203-204.

¹⁵ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610–1612 // *Акты Западной России.* Т. 4. СПб., 1851. № 229. С. 347.

¹⁶ Дело по челобитной жителей Сясьского рядка о неправке с них денег по их бедности. 1612. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 318–321.

получившему от Сигизмунда чин стряпчего, было пожаловано «в Новгородском уезде в Деревской пятине сельцо Тысво и две деревни к тому же сельцу...»¹⁷. Особенность этой дачи в том, что село Тисва, расположенное невдалеке от реки Пола, было родным местом Андрея Палицына и на момент пожалования принадлежало его брату Семену Палицыну. Вскоре после июльского переворота в Новгороде, в ноябре 1611 г. личностью и поместьем Андрея Палицына заинтересовались новгородские власти, видимо, в связи с челобитной пусторжевца Петра Федорова Лихарева и Ивана Негодяева об отделе им поместья Палицына. Интересно, что поместье числилось за ним несмотря на службу во дворе Якова Михайловича Годунова, и, видимо, позднее, когда Палицын отъехал к Вору в 1607/08 г. и стал у него сыном боярским¹⁸. В наказе подьячему Постнику Кувшинову, посланному обыскивать о поместье Палицына в Влажинском погосте в 1611 г., содержалось требование выяснить, где он живет, в поместье или в Москве, кто его поместьем владеет, сколько живота, платья, коров и лошадей, хлеба молоченого и не молоченого в поместье. По словам старожилов, «тот Андрей в Лажинах в своем поместьи не живал, а нынеча живет у Троицы в Сергиеве монастыри под Москвою». Хлеб из его поместья брат его Семен Палицын к этому времени свез в Новгород¹⁹.

В Новгороде в это время царила растерянность. Гонсевский, заняв Москву, отправил И. М. Салтыкова в Новгород приводить к присяге царю Владиславу. И. М. Салтыков был назначен королем Сигизмундом главой Стрелецкого приказа, но Гонсевский отправил его в Новгород до получения королевской грамоты²⁰. Согласно найденному Б. Н. Флорей источнику, существовало письмо А. Гонсевского И. М. Салтыкову в Новгород с предложением, чтоб он «новгородцов и новгородские пригороды приводил на королевство»²¹, т. е. заставлял их присягать не Владиславу, а Сигизмунду.

«Летопись о многих мятежах» сообщает, что инициатором отправления в Новгород И. М. Салтыкова и кн. Г. К. Волконского был отец первого, М. Г. Салтыков²². Однако существует документ, противоречащий такому утверждению. В письме М. Г. Салтыкова Льву Сапеге, отправленном осенью 1610 г., содержится следующий призыв: «Да смилуйся надо мною, Лев Иванович, вели сына моево Ивана из Новагорода к Москве отпустит для того, что мало могу, приходит старость, а жена ко мне приехала конечно больна, и наши б кости было кому прихоронит, а я тебе, государю своему, челом

¹⁷ Жалованные и другие грамоты... № 538. С. 380.

¹⁸ Расспросные речи А. Ф. Палицына в Вологде. 1608, конец // ААЭ-2-91.3. С. 186-187; Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 192.

¹⁹ Обыск подьячего Постника Кувшинова о поместье Андрея Федорова Палицына во Влажинском погосте Деревской пятинны. 1611. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1025–1029 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²⁰ Рукопись Жолкевского // Львовская летопись. Русские летописи Т. 4. Рязань, 1999. С. 597.

²¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция... С. 299, сн. 92.

²² Летопись о многих мятежах и разорении Московского царства от внутренних и внешних неприятелей. М., 1788. С. 195.

бью»²³. Интересно, что боярыня Ульяна Салтыкова также оказалась в Новгороде в 1610 г., вторично после 1605 г.

До прибытия Салтыкова документы, происходящие из Новгородской приказной избы, писались от имени царя Василия Шуйского, притом что в Новгороде были осведомлены о состоявшемся в Москве перевороте. Город в это время возглавляют боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, кн. В. Т. Долгорукий, Р. А. Вельяминов и М. Б. Боборыкин²⁴. 10 октября 1610 г. Салтыков с группой дворян из Москвы (среди них новгородец Матвей Муравьев и Яков Дашков, участники похода 1609 г. кн. М. В. Скопина-Шуйского) вступил в город.

В это же время под Смоленском в королевском лагере оказалось некоторое количество новгородцев и других лиц, известных как участники событий времен Смуты в Новгороде. Так, в Осипове монастыре был взят в плен Murat Pereswietok (несомненно, Мурат Пересветов), получивший 6 июня вместе с другими русскими детьми боярскими 80 флоринов²⁵. Среди присягнувших королю русских упоминается получивший пожалованье 30 ноября Бенедикто Хомутов *et socys, missis cum iuramento fidelitatis a Magna Nowogardia*²⁶. Вместе с кн. Ф.А.Елецким из Великого Новгорода под Смоленск осенью 1610 г. приехали Uthorin (Угрим?) Львов, Роман Неелов и Богдан Дубровский (с ними же торопчанин Тимофей Веригин и *palatino* Осиповский Михайло Белосельский)²⁷.

После присяги Новгорода Владиславу Сигизмундовичу в конце лета–осенью 1610 г. шведский экспедиционный корпус, не получивший достаточного жалованья от московского правительства, занял Ладогу и Корелу. Делагарди в это время находился в Выборге. 30 октября 1610 г. к нему были отправлены посланные к Карлу IX еще Шуйским Смирной Отрепьев и подьячий Пятой Григорьев, будущий новгородский дворцовый дьяк²⁸. Еще в Выборге Делагарди получил известие, что жители Москвы, Новгорода и Орешка присягнули Владиславу. Противостояние Новгорода, признавшего власть Владислава и действовавших на Северо-Западе шведских войск, не были острым. Нельзя сказать, что Делагарди не связывался с правительством Ивана Салтыкова в Новгороде. 25 октября 1610 г. он обратился к нему с посланием²⁹.

1610/11 год, столь богатый политическими переменами в Новгороде, сохранил обильную приходо-расходную документацию государственного новгородского винного погребя. В архиве Новгородской приказной избы хранится примечательный столбец до-

²³ Конец письма боярина М. Г. Салтыкова к Л. Сапеге. 1610, осень // Смутное время Московского государства. Вып. 6. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 г. М., 1912. С. 253–254.

²⁴ В июле 1610 г. Ратман Вельяминов местничал в Новгороде с кн. В. Т. Долгоруким (*Эскин Ю. М. Смута и местничество...* С. 117).

²⁵ *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский и место погребения его в Польше. Т. 2. Приложения к историческому исследованию. Варшава, 1902. С. VII.

²⁶ Там же. С. XI–XIII.

²⁷ Там же. С. VIII.

²⁸ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 38.

²⁹ *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1894. С. 11.

кументов, относящийся к 7119 (1610/11 г.)³⁰ Сам по себе хронологический период показателен: между 1 сентября 1610 г. и 31 августа 1611 г. произошли важнейшие события в истории Северо-Запада — от прихода в Новгород Ивана Салтыкова до установления и упрочения там правительства Якова Делагарди — кн. Ивана Одоевского. Столбец насчитывает 222 сстава, ныне расклеен. Большая часть столбца (сст. 1–208) является сборником памятей от новгородского правительства о выдаче вина. Памяти сгруппированы в хронологическом порядке. На сставах 209–212 и 222 — случайно попавший отрывок из Дела по челобитной о поместье Петра Игнатьева сына Обольянинова, относящегося к марту 1614 г.³¹ Наконец, сставы с 213 по 221 — набор челобитных новгородских служилых людей сперва государю Владиславу Жигимонтовичу, а позже — Московского и Новгородского государства боярам о выдаче вина. Другой документ, позволяющий реконструировать хронологию событий этого периода, — приходо-расходная книга новгородского винного погреба за 1610/11 г., которая начала составляться после конфискации вина у Ивана Салтыкова 28 марта 1611 г. и была закончена 31 августа 1611 г.³² Книга хранится в I серии коллекции, не имеет скрепы по листам. Она содержит записи о выдаче вина, а также о поступлении вина в результате упомянутой конфискации.

Впервые оба этих источника были использованы для реконструкции политических событий 1610/11 г. в исследовании П. В. Седова. Ученого интересовали обстоятельства переговоров, предшествовавших взятию Новгорода шведами 16 июля 1611 г. В этой связи он привлек данные обоих источников для иллюстрации хода переговоров³³.

Однако 1610/11 год был одним из самых бурных в политической истории Новгорода; перемены в городе не ограничивались созданием новгородско-шведского политического альянса. Определим важнейшие события этого года:

- 1) приход в Новгород Ивана Салтыкова и присяга новгородцев царю Владиславу Жигимонтовичу;
- 2) арест и казнь Ивана Салтыкова. Приход в Новгород представителей подмосковного ополчения;
- 3) переговоры с Яковом Делагарди и занятие Новгорода шведами.

Все эти перемены сопровождались появлением в Новгороде представителей политической элиты, не связанных службой с городом.

Большинство пришедших в Новгород с И. М. Салтыковым было связано с Тушинским лагерем. Московское общество, совершившее переворот 10 июля 1610 г. и заключившее договор с Жолкевским, было организовано на началах широкого компромисса ме-

³⁰ Сборник памятей о выдаче вина. 1610/11 // RA, NOA. Serie 2:124 (далее в сносках — Сборник памятей).

³¹ Начало дела в столбце 123.

³² Приходо-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.03–31.08 // RA, NOA. Serie 1:60.

³³ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.

жду бывшими членами Государева двора, в годы гражданской войны оказавшимися по разные стороны, но сохранившими, несмотря на это, тесные связи друг с другом. Однако именно бывшие члены тушинского двора были наиболее активной группой среди сторонников Владислава, возможно в связи с большей молодостью и отсутствием стереотипов, сковывавших прежних верных сторонников Василия Шуйского. Вспомним, что сам Иван Михайлович Салтыков был наиболее последовательным сторонником воцарения в Московском государстве не Владислава, а собственно польского короля Сигизмунда III Вазы.

Первые дачи из винного погреба, которые фиксируют имеющиеся у нас источники, адресованы двум виднейшим деятелям, пришедшим из Москвы, — князю Г. К. Волконскому (26 сентября) и И. М. Салтыкову (27 сентября). Это несколько противоречит сообщению самого Салтыкова о том, что он пришел под Новгород только 4 октября³⁴. Интересно, что еще 15 октября 1610 г. в Новгороде (во всяком случае, в Шелонской пятине, в двух днях езды от города) считали легитимной властью еще царя Василия Шуйского, а город возглавляли воеводы кн. Иван Никитич Большой Одоевский и Ратман Андреевич Вельяминов³⁵.

В своем ноябрьском сообщении Сигизмунду III Салтыков упоминает также, что прислал в Новгород вперед себя двух дворян — Якова Дашкова и Матвея Муравьева. Если последний был новгородским помещиком в четвертом поколении³⁶, то первый, так же как и другие пришедшие с Салтыковым деятели, был в Новгороде чужим³⁷. 22 октября

³⁴ Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей во Псков, Ивангород, Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610. 17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452–463.

³⁵ Отдел губным старостой Федором Вельяминовым Богдану Жданову сыну Блеклому поместья вдовы Анны, жены Дмитрия Сертякина в Дремяцком погосте Шелонской пятины. 1610. 15.10 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 139–141 (копия без пагинации: СРБИИ, м/ф. 293).

³⁶ Подробнее о Муравьевых в Новгороде: *Селин А. А.* Григорий Никитич Муравьев: Кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2003. С. 125–135.

³⁷ Яков Авксентьевич Дашков известен как сын боярский, служивший по Серпейску с 1606/07 г. с окладом в 550 четвертей (Боярский список 1606–1607 гг. с указаниями об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 150). Еще его отец, Авксентий Яковлев Дашков утратил княжеский титул (назван без титула как романовский воевода в 1610 г. — Указная грамота царя Василия Ивановича (Поместного приказа) в Романов воеводе Аксентию Яковлевичу Дашкову о разделе яровой и озимой ржи в поместьях кн. Федора Ивановича Волконского и Фоки Ратманова сына Дурова с. Рыжиково и сд Сидоровское с дд. и пустошами в Васильевском стане Романовского уезда. 1610. 10.07 // Акты служилых землевладельцев XV–нач. XVII века. Т. 2. М., 1998. № 85. с. 90–91). Яков Дашков уже бывал в Новгороде: в 1608–1609 г. он был среди дворян московских, прибывших в Новгород с кн. М.В.Скопиным Шуйским (Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850). С 1613 г. он служит Михаилу Федоро-

1610 г. из новгородского винного погреба ему было выдано 2 ведра вина³⁸. Через месяц, 23 ноября «для литовские посылки» он получил еще ведро вина вместе с подьячим Василием Бехтеевым (они прибыли к королю под Смоленск и получили пожалование 3 января 1611 г.)³⁹. 18 декабря полведра вина получила София, жена Якова Дашкова, «для болезни», видимо, оставленная мужем в Новгороде. Еще ведро вина Яков Дашков получил, вернувшись в Новгород 31 января 1611 г.

Неоспоримо первое место среди приехавших с Салтыковым в Новгород сторонников Владислава занимает Петр Третьяков — виднейшая фигура Тушинского лагеря, думный дьяк Второго самозванца, возглавлявший тушинский Посольский приказ. После свержения Василия Шуйского 28 августа 1610 г. он ушел из Калуги от Лжедмитрия II и принес присягу королевичу Владиславу. Приехав в Москву, он был лишен думного чина и вместе с И. М. Салтыковым отправлен в Новгород приводить новгородцев к присяге, а в ноябре 1610 г. вместе с Салтыковым уведомлял Сигизмунда о присяге Новгорода Владиславу. По предположению Д. В. Лисейцева, Петр Третьяков продолжал быть новгородским дьяком до переворота в марте 1611 г., после чего отправился в подмосковное ополчение, где 20 августа 1611 г. упоминается в качестве думного дьяка Поместного приказа⁴⁰.

Рассматриваемый нами источник позволяет несколько подробнее говорить о деятельности Петра Третьякова в Новгороде осенью—зимой 1610/1611 г. 7 ноября 1610 г. к нему было послано пять ведер вина из новгородского винного погреба⁴¹. Через два месяца, 7 января 1611 г., он женился на Варваре, вдове помещика Деревской пятины Федора Клементьева (об этой свадьбе пойдет разговор в 6 главе)⁴². В этот день дьяку Петру Третьякову на свадьбу было дано 10 «ведер вина горячего для того что у него в здешнем городе поместья и вотчины нет»⁴³. Память на получение вина, в отличие от других документов сборника, была скреплена личной печатью Ивана Салтыкова. Через пять дней после свадьбы дьяк был отправлен в поход, в войска, осаждавшие Ладогу⁴⁴, где заперся отряд Пьера Делавилля. Перед походом дьяк Третьяков получил еще 10 ведер

вичу на воеводских постах в Троице-Сергиеве монастыре, позднее — в Белгороде. Иван Михайлович Салтыков уже бывал в Новгородской земле: в августе 1605 г., после прихода к власти в Москве Лжедмитрия I, он вместе с матерью выехал в Ивангород, где воеводу кн. Г. П. Ромодановского сменил его отец, боярин М. Г. Салтыков. На службу молодой Салтыков ехал вместе с матерью, Ульяной Ивановной, которая встретится нам ниже (Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. // *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 132–134).

³⁸ Сохранилась и челобитная Якова Дашкова, в которой он просил этого вина взаймы, «доколе свое вино искурю» (Сборник памятей. Л. 214).

³⁹ *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский... С. XII.

⁴⁰ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 113.

⁴¹ Сборник памятей. Л. 24.

⁴² Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матфеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 – янв. 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.

⁴³ Сборник памятей. Л. 55.

⁴⁴ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

вина⁴⁵, через шесть дней, 18 января, — еще 10 ведер вина⁴⁶. После этого о деятельности дьяка Петра Третьякова в Новгороде нам ничего не известно⁴⁷.

Видимо, там под Ладогой, в сочельник 7119 г., Петр Третьяков подписал такую память⁴⁸:

Лета 7119-го декабря в 24 день. По государеву цареву и великого князя Владислава Жигимонтовичя всеа Русии указу бояром и воеводам князю Ивану Микитичю Одоевскому да князю Володимеру Тимофеевичю Долгорукому с товарищи. Велети им прислати к боярину Ивану Михайловичю Салтыкову про ратных людеи семь ведр вина в приимочное ведро.

^a—А послати то вино под Ладогу татарам. Диак Петр Третьяков^{—a}

^b—Отпусти и быть в готовых судех^{—b}.

^{a—a} — написано другим почерком, ^{b—b} — написано третьим почерком

Вместе с Иваном Салтыковым в Новгороде оказалась и его мать, боярыня Ульяна Ивановна Салтыкова. Именно на ее двор шли самые большие поставки вина из государева погреба, не связанные с военными нуждами (ведро вина 1 октября, два ведра вина 16 октября, два ведра вина 22 октября, два ведра вина 30 октября, по два ведра вина 8 и 9 ноября)⁴⁹.

Уже в январе 1611 года в Москве знали о поражении Салтыковым войск шведского короля под Ладогой 15 января⁵⁰. 19 же января Ивану Салтыкову было выдано «в полки под Ладогу для ратных людей 100 ведер вина». Видимо, вскоре после этого он с победой вернулся в Новгород.

К 22 февраля в Новгороде появляется еще один крупный отряд казаков, пришедший из Москвы, явно с «тушинским» прошлым. 22 февраля ведро горячего вина было выдано «атаманом, которые пришли в Великий Новьгород с Москвы, а были с паном Микулаем Юрогою, Богдану Березину да Семену Зарутцкому да Ивану Зворыкину да Максиму Панилову да есаулу Томилу Кайдашеву». Казаки их станиц в тот же день получили три ведра вина.

8–10 марта винная раздача была устроена во всех стрелецких сотнях и казачьих станицах.

⁴⁵ Сборник памятей. Л. 63.

⁴⁶ Там же. Л. 69.

⁴⁷ По С. Б. Веселовскому, 20 августа 1611 г. Петр Третьяков служил думным дьяком Поместного приказа у подмосковных бояр, 31.08, в ноябре и декабре 1611 г. думный дьяк там же. 5.09.1611 — в стане Трубецкого и Заруцкого. 25.01.1613 находился в Москве с боярами, скрепил грамоту в Ярославль и Кострому увещанием присоединиться к Владиславу. 21.11.1612 — дьяк (не думный) Посольского приказа в соединенном ополчении. 13.06.1613 получил опять думное дьячество и продолжал управлять Посольским приказом вплоть до своей смерти в 1617/18 г. Постригся в Троице-Сергиеве монастыре (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 522–523*).

⁴⁸ Сборник памятей. Л. 48.

⁴⁹ Там же. Л. 3, 11, 19, 22, 25, 26.

⁵⁰ Отписка московской Боярской думы польскому королю Сигизмунду и сыну его Владиславу о поражении воеводами Салтыковым и кн. Волконским шведских ратных людей под Ладогой. 1611, янв. // АИ. Т. 2. 1841. № 316. С. 373–374.

Таблица 1. Вино, полученное Иваном Салтыковым из новгородского винного погреба в сентябре 1610 г. – феврале 1611 г.

Дата	Количество, ведро	Цели
27 сентября	2	
8 октября	2	
16 октября	10	«про ратных людей»
17 октября	5	«для ратных людей»
27 октября	10	«для ратных людей»
17 ноября	6*	
17 ноября	20	«на государев обиход»
18 ноября	6	
23 ноября	3	«для астраханских стрельцов, которые посланы на государеву службу в Порхов»
Между 10 и 13 декабря	20	
24 декабря	30	«про ратных людей астраханских стрельцов и казаков и на иные стрелцы для праздника Рождества Христова»
24 декабря	7	«под Ладогу татаром»
8 января	30	
12 января	10	
19 января	100	«в полки для ратных людей под Ладогу»
28 января	14	«в полки для ратных людей»
2 февраля	50	«для ратных людей»
21 февраля	10	«для ратных людей»
25 февраля	20	«для ратных людей»

* — также 15 ведер пива и шесть четвертей солода ячменного; ** — также три ведра вина «двоеново».

Источник: Сборник памятей о выдаче вина // RA, NOA, serie 2:124.

События, происходившие в Новгороде в канун переворота и сразу после него, в феврале-марте 1611 г., не поддаются подробной реконструкции. К 12 марта Иван Салтыков и Корнил Чоглоков были объявлены изменниками, посажены в тюрьму⁵¹, и вскоре первый был казнен, а второй, видимо, остался под стражей и отбыл из города вместе с представителями Первого ополчения незадолго до взятия Новгорода шведами⁵². «Новый летописец» называет инициатором казни Салтыкова дьяка Семейку Самсонова⁵³. Примерно в те же дни, когда шведский гарнизон капитулировал в Ладоге, а в Новгороде произошел переворот, Делагарди двинулся вглубь Новгородской земли, миновал Орешек и занял Лопский погост (Loppis)⁵⁴, откуда письменно обратился к кн. И. Н. Большому Одоевскому⁵⁵. Затем, простояв несколько недель в Солецком погосте⁵⁶, шведский генерал 28 мая 1611 г. двинулся на Новгород.

⁵¹ Отписка новгородцев о единодушном намерении их стоять за православную веру, о заключении в тюрьму Ивана Салтыкова и других изменников, о посылке ратных людей на помощь Прокопию Ляпунову и о поражении литовских людей, приходивших в Новгородскую область. 1611, марта после 12 // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 183. С. 313–314.

⁵² Во всяком случае, в июне 1612 г. Корнил Чоглоков продолжал оставаться в подмосковном ополчении и был посланником кн. Д. Т. Трубецкого в Ярославль (Замятин Г. А. Из истории борьбы... С. 56).

⁵³ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 358.

⁵⁴ Ныне п. Путилово Кировского района Ленинградской области.

⁵⁵ Замятин Г. А. Из истории борьбы... С. 11–12.

⁵⁶ На левом берегу Волхова, напротив современного г. Кириши Ленинградской области.

Последний раз вино было выдано Ивану Салтыкову 21 и 25 февраля. Отмечу, что в эти дни Салтыков находился, по всей видимости, в войсках — обе дачи (соответственно 10 и 20 ведер вина) были предоставлены Ивану Салтыкову «для ратных людей».

28 марта 1611 г. приказчик новгородского винного погреба Григорий Афанасьев с целовальниками «взяли на государев на винной погреб у Воина Новокщенова да у дьяка у Третьяка Копнина опального вина», ранее конфискованного у Ивана Салтыкова — 63 двенадцатикружечных ведра вина и 10 пудов без четверти пушного меда. Конфискованный алкоголь пошел в раздачу⁵⁷.

Фигуры Новокщенова и Копнина как приставов при конфискованном у Ивана Салтыкова имуществе знаменательны — это первый пример их совместной службы. 12 марта 1611 г. из Новгорода назначается военная экспедиция под Старую Руссу во главе с Леонтием Вельяминовым, закончившаяся очищением Руссы от «воровских людей» к началу апреля. Сборник памяти содержит недвусмысленные записи о снабжении вином участников похода: 11 апреля пять ведер вина получил Леонтий Вельяминов «для старорусские посылки», а 17 апреля по кружке вина «для старорусские службы» получают пять казачьих атаманов, также вино выдается дворянам, детям боярским, новокрещеным татарам и монастырским служкам, «которые были против полских людей с воеводою с Леонтьем Андреевичем Вельяминовым под Старою Русою». После взятия Руссы тамошнюю администрацию возглавили воевода Воин Афанасьевич Новокщенов и дьяк Третьяк Копнин, прослужившие там до августа–сентября 1611 г.⁵⁸

Второй воевода Новгорода, кн. Иван Никитич Большой Одоевский, поддержал переворот, направленный против Салтыкова (а возможно, был среди его организаторов), и стал главой Новгородского правительства. Сменилось и приказное управление. Дьяками стали лица новгородского происхождения — Семен Лутохин, Андрей Лысцов, позднее — Томило Сергеев⁵⁹. Первый происходил из софийских детей боярских, двое других — из новгородских подьячих⁶⁰. Уже 5 мая 1611 г. Андрей Лысцов, впервые названный дьяком, подписывал память о даче вина братьям Никите и Семену Калитиным⁶¹.

Примечательно, что о точном времени ареста и казни И. М. Салтыкова неизвестно. Почти до конца февраля 1611 г. он еще упоминается среди тех, кто управляет Новгородом. Сохранился польский перевод его письма в королевский лагерь под Смоленск, на-

⁵⁷ Приходо-расходные книги государева винного погреба... С. 3–4.

⁵⁸ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11 г.. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1–10.

⁵⁹ 20 декабря 1610 г. новгородский подьячий (еще не дьяк) Томило Сергеев был послан к Москве «для государева дела», получив на дорогу полведра вина.

⁶⁰ В 1604 г. подьячий Андрей Лысцов исполнял мелкую службу — устраивал Заечевский ям под Новгородом (Челобитная охотников Заечевского яма на бывшего их окольного П. Ф. Басманова, проезжавшего в Новгород, и на других обидчиков. 1604, марта после 24 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Л. 58–61). Вскоре после переворота он бил боярам челом о вине, указывая, что «от неметские государи пустоты болень я внутренюю болезнью» (Сборник памяти. Л. 218).

⁶¹ Сборник памяти. Л. 142.

писанного 6 февраля 1611 г., на следующий день после взятия Ладоги⁶² Первые известия о свержении Салтыкова относятся к началу марта 1611 г., а отмена пожалований, произведенных в Новгороде от имени царя Владислава осенью–зимой 1610–1611 гг., датируется 15 апреля 1611 г., когда по приговору воеводы Одоевского, отправленному в Дворцовый приказ дьяку Семену Лутохину, все дворцовые земли, розданные по дачам королевича Владислава, было указано вернуть во Дворец⁶³.

Вопрос о виноватых в убийстве И. М. Салтыкова был поставлен авторами Нового летописца достаточно остро; при этом разные списки памятника дают противоречивую информацию об обстоятельствах трагедии. Как показала В. Г. Вовина-Лебедева, списки Академической группы называют виновниками убийства Салтыкова находившихся в Новгороде московских стрельцов. В списках редакции Ундольского и Никоновском вина за пытки и гибель Салтыкова возложена на всех новгородцев⁶⁴. По мнению исследовательницы, некий человек, находившийся в время Смуты в Новгороде, но новгородцем не бывший, стремился при составлении одной из редакций Нового летописца обвинить в убийстве Салтыкова новгородцев. Тот же человек дважды сознательно включает в текст памятника упоминания о кн. Никифоре Мещерском, хранившего верность Москве в годы шведской власти. Однако мне ситуация представляется несколько сложнее. Заметное место кн. Никифора Мещерского при Иване Салтыкове в Новгороде неоспоримо. Вопрос идентификации князя Никифора Мещерского, упомянутого в «Новом Летописце» также подробно рассмотрен В. Г. Вовиной-Лебедевой. Она допускает оба возможных варианта идентификации фигуранта памятника - и кн. Никифор Федоров Мещерский (московский дворянин 1626/27, 1628/29, 1635/36 и 1639/40 гг.) и кн. Никифор Яковлев Мещерский (московский дворянин в 1626/27 и 1628/29 гг.), склоняясь все же к Никифору Федорову сыну⁶⁵. Я однозначно связываю князя Никифора Яковлева Мещерского с князем Никифором Мещерским Нового Летописца. Заметим, что новгородские источники начала XVII века князя Никифора Федорова сына не знают. После убийства Ивана Салтыкова верстальный список, составленный при Салтыковской администрации в Новгороде, хранился у князя Никифора Яковлевича (Кудеярова сына) Мещерского⁶⁶. Этот князь – новгородский сын боярский, по Новгороду служили и его отец, князь Яков (Кудеяр) Иванов сын⁶⁷, и братья, князя Алексей⁶⁸ и

⁶² Copia listu od Saltykowa z Ladogi de data Februarÿ 8 dnia // RA. Skoklöster Samlingen. № E 8596. С. 12–15. Благодарю Михала Страшевича за указание на этот документ и Яцека Ганкарсона за его перевод в польскую орфографию.

⁶³ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 40–41.

⁶⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 54–55.

⁶⁵ Там же. С. 56–57.

⁶⁶ Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль – 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18; Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:65.

⁶⁷ Помещик Дудоровского погоста Водской пятины в 1568 г. (Отдельная выпись писца Мещанина Константиновича Морозова с товарищами кн. Кудеяру Иванову сыну Мещерского на же-

Богдан⁶⁹. Сам князь Н. Я. Мещерский известен как новгородский служилый человек с 1594/95 г., а служба по московскому списку – это вершина его карьеры, достигнутая уже при царе Михаиле Федоровиче⁷⁰. Следовательно, нет оснований однозначно утверждать, что человек, внесший поправки в Новый летописец редакции Ундольского: добавивший имя кн. Н. Я. Мещерского – верного сторонника царя Михаила и переложивший вину за убийство Ивана Салтыкова с московских стрельцов на всех новгородцев был именно оказавшимся в Новгороде неновгородцем.

В архиве Новгородской приказной избы от богатых событиями 1610/11 г. уцелели не только описанные выше документы. Сохранились, к примеру, даточные книги Деревской пятины за тот же год⁷¹. Начало книги утрачено, даты, когда были выданы те или иные поместные грамоты, отсутствуют. Первые из сохранившихся записей о дачах — Семену Никифорову Матюшкину, Степану Кузьмину Мельницкому и новокрещену Евстрату Мустофину имеют отсылки к некоему «служивому списку», который привез из Москвы боярин и воевода Иван Михайлович Салтыков⁷², а царь Василий Шуйский именуется бывшим царем, хотя грамоты его признаются легитимными. Запись о даче новокрещену Мустофину интересна также тем, что она содержит указание на прежнюю службу Евстрата Мустофина Тушинскому вору. По грамоте царя Василия Шуйского поместье Мустофина было отписано на государя и в 1609/10 г. передано Петру Семеновичу Лутохину, сыну софийского сына боярского Семена Лутохина, вскоре ставшего новгородским дворцовым дьяком. Осенью 1610 г. Евстрат Мустофин оказался в Новгороде и по приговору Ивана Салтыкова возвратил себе поместье⁷³.

Списки всех поместных дач, сделанных по наказу Ивана Салтыкова, в рукописи перечеркнуты (впрочем, они занимают лишь первые 9 страниц). На с. 9 новый заголовок: «Деревские пятины дачи при боярине и воеводе при князе Иване Никитиче Большом Одоевском да при дьяках 119-го году». В остальной части книги дачи выписываются от имени кн. И. Н. Большого Одоевского, Одоевского с дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым⁷⁴, Одоевского с боярином князем Владимиром Тимофеевичем Долгоруковым (в отсутствие Салтыкова в Новгороде)⁷⁵ и Одоевского с чашником В. И. Бутурлиным⁷⁶.

ребей д. Рядиково в Дудоровском погосте Водской пятины Новгородского уезда. 1568. 12.09 // Акты служилых землевладельцев. Т. 1. М., 1997. С. 142-143). Известен и позднее.

⁶⁸ Новик Водской пятины в 1596 г. с окладом в 300 четвертей (*Лихачев Н. П.* Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 113-209). Известен ранее как владелец холопов.

⁶⁹ В 1603/04 г. служил по Водской пятине с отцовских 400 четвертей. 27 сентября 1605 г. верстан на 400 четвертей (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 484).

⁷⁰ Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 83.

⁷¹ Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38.

⁷² Там же. С. 1–8.

⁷³ Даточные книги Деревской пятины... С. 7–8.

⁷⁴ Там же. С. 76–77.

⁷⁵ Там же. С. 56–57, 69–70.

⁷⁶ Там же. С. 70–71, 83–84.

Арест и убийство в Новгороде Ивана Салтыкова не повлекло за собой немедленного союза с Подмосковным ополчением; вплоть до апреля 1611 г. документы из новгородских приказов выдавались именем царя Владислава Жигимонтовича и бояр Ивана Никитича Большого Одоевского и Владимира Тимофеевича Долгорукова.

Дальнейшие политические события 1610/11 г. связаны с начавшимися под Новгородом новгородско-шведскими переговорами, закончившимися провалом и имевшими результатом штурм Новгорода войсками Якова Делагарди 16 июля 1611 г. и установлением в Новгороде новой власти во главе с Яковом Делагарди и боярином кн. И. Н. Большим Одоевским.

Имеющиеся в Сборнике памятей сведения говорят о том, что переговоры новгородцев со шведами начались заметно ранее прибытия в город представителей подмосковного ополчения. Ведро вина, предназначенное «немецким людям», было отпущено с Михаилом Борисовичем Боборыкиным из новгородского винного погреба уже 23 марта 1611 г. В тот же день три ведра вина было выдано «для немецкие посылки» Гаврилу Бекетову.

Личности обоих новгородцев, с помощью которых были начаты отношения с Делагарди, примечательны. Михаил Борисович Боборыкин служил третьим воеводой Новгорода в 1605/06 г.⁷⁷ В 1608 г. он вместе с Иваном Судаковым и Андреем Бунаковым, а также смоленскими дворянами провожал из Москвы к польской границе Александра Гонсевского и других польских послов⁷⁸. В 1609–1610 гг. Боборыкин в составе войск М. В. Скопина-Шуйского участвовал в походах к Александровой слободе, Троице, в снятии осады с Москвы. В разгар битвы при с. Клушино М. Б. Боборыкин вместе с думным дворянином Гаврилом Пушкиным был послан кн. Дмитрием Шуйским уговаривать «немцев» не уходить от московского войска. И «Михайла тут немцы в полон взяли, а Гаврила Пушкин ушел»⁷⁹. В феврале 1610 г. М. Б. Боборыкин вместе с Василием Терентьевым сыном Чепчугова был послан Скопиным Шуйским в Орешек к И. М. Пушкину, назначенному передавать Корелу шведам⁸⁰.

Полонный опыт имел и Гаврило Савинов сын Бекетов. В десятне Водской пятины 1605 г. его скитания описываются следующим образом: «В Иванегороде в толмачах для свейсаго языку, а в московском списке и в десятне 112 году к поместному и к денежному верстанью не написан: 59. Гаврило Савинов сын Бекетов, и во 114 году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Свееи 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без

⁷⁷ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 84.

⁷⁸ Это от них бежали к Тушинскому Вору Марина Мнишек с отцом (Из родословной росписи, представленной в Герольдмейстерскую контору камергером А. Дивовым и гвардии капитаном Н. Дивовым, с известием о службе их предка В. И. Дивова, в том числе и об участии его в боях с восставшими в 1606–1607 гг. под Смоленском, Вязьмой, Можайском, Москвой, Калугой и Тулой. 1789 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 359–360).

⁷⁹ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 208.

⁸⁰ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 443.

верстанья за полон и за службу в Вотской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иване-городе на время для толмачества свейсакого языка, а поместным де окладом не верстан, и государь бы его пожаловал, велел его поверстать поместным верстаньем, кому он в Вотской пятине в версту отечеством и службую. А денежное де государево жалованье оброк емлет из чети, и прежнюю свою ввозную поместную грамоту клал, а в грамоте прежний его оклад написан 400 чети. И боярин и воеводы Михайло Глебович Салтыков да Василий Иванович Белеутов да дьяк Михайло Огарков Гаврила Бекетова поместьем поверстали по его поместью с детьми боярскими Вотския пятины. А окладчики про него сказали, что пригодится ему быть в 550 чети»⁸¹. Миссия Боборыкина и Бекетова, по всей вероятности, была ответом на письма Делагарди к князю Одоевскому из Лопского погоста, написанные в марте 1611 г.⁸²

Одновременно с началом переговоров были предприняты меры по усилению обороны города. 29 марта ведро вина было выдано атаману Семену Заруцкому и 50 казакам его станицы, стоявшим на карауле у Петровских ворот, «за то что они у тех ворот стоят, днюют и ночуют».

В апреле взаимоотношения со шведами активизировались. 11 числа «для немецкие посылки» было отпущено из государева погреба 28 ведер вина. Получали вино Потап Нарбеков⁸³, уже упоминавшийся Гаврило Бекетов и подьячий Василий Бехтеев, которому на следующий день, 12 апреля было также выдано для немецких людей «три пуда меду, буде им кислово не дано». Тогда же ведро вина получил толмач Тимофей Хахин. В эти дни Сборник упоминает и небезызвестного дьяка Ивана Тимофеева. 21 апреля он был с ратными людьми послан к Москве, получив на дорогу пять ведер вина⁸⁴. Судьба этой миссии неизвестна, во всяком случае осенью 1611 г. Тимофеев находился в Новгороде.

Следующий этап политической истории Новгорода, как правило, связывают с прибывшими в Новгород представителями Подмосковного ополчения и прежде всего с чашником Василием Ивановичем Бутурлиным. Однако кроме него крупными представителями московских таборов, появившимися в Новгороде после переворота, были бывшие тушинцы князь Семен Григорьевич Звенигородский и дьяк Денис Софонов.

Вместе с ними в Новгород приехали дворяне московские — князья Юрий Звенигородский и Семен Хованский, Данило Замыцкий, Федор Пушкин и Борис Поливанов, а также некоторые другие москвичи, 6 мая они получили по два ведра вина.

Князь Семен Григорьевич Звенигородский служил боярином и дворецким у Лжедмитрия II. Интересно, что служба кн. С. Г. Звенигородского была связана с Новгородом и в более раннее время. В 1600 и 1607 гг. он служил воеводой в Копорье, одном из новго-

⁸¹ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 472.

⁸² *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 42.

⁸³ Помещик Бежецкой пятины. Служил письменным головой дворян Бежецкой пятины, посланным в 1608 г. из Москвы против Лисовского под Иосифо-Волоколамский монастырь с думным дворянином и воеводой Гаврилом Григорьевичем Пушкиным (*Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 48).

⁸⁴ Сборник памяти. Л. 124.

родских пригородов⁸⁵. 6 мая 1611 г. он оказывается в Новгороде⁸⁶. Между 11 и 13 мая 1611 г. к нему и к думному дьяку Д. И. Софонову было послано три ведра вина, 28 мая им же было отослано два ведра вина (вероятно, на переговоры, на которые Софонов и кн. Звенигородский поехали с подьячими Тимофеем Внуковым и Исаком Кудринным). 9 июня (опять одновременно с Софоновым) получил три ведра вина, 6 июля — еще три ведра вина.

Еще один деятель Тушинского лагеря, оказавшийся в Новгороде в конце весны 1611 г. — печатник и думный дьяк Второго самозванца Денис Игнатьевич Софонов, потомственный московский приказной⁸⁷. В Сборнике он именуется не думным дьяком, а думным дворянином. В середине мая Д. И. Софонов несколько раз получал вино вместе с кн. С. Г. Звенигородским, а 28 мая отправился на переговоры с Делгарди. Оба они покинули Новгород за 10 дней до штурма, 6 июля 1611 г., видимо незадолго до заключения перемирия⁸⁸.

Прибывший в город в апреле чашник и воевода В. И. Бутурлин впервые упоминается как получатель вина 9 мая 1611 г.⁸⁹ С этого времени ему регулярно выдают вино почти до самого новгородского штурма. В июне 1611 г. в Новгород прибывают еще два деятеля Подмосковного ополчения.

Первый из них — дьяк Афиноген Голенищев, известный тем, что еще в 1605 г. вместе с Василием Ивановичем Бутурлиным раздавал деньги под Кромами⁹⁰, позднее, в 1610/11 г., был назначен земским дьяком в Ярославль⁹¹. 2 июня 1611 г. получил из новгород-

⁸⁵ Князь С. Г. Звенигородский известен как выборный дворянин по Дорогобужу в 1577 г. (Боярский список 1577 г. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191–202) и в 1588–1589 гг., когда был назначен в посольство в Грузию (Боярский список 1588–1589 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора ... С. 203–248); позднее, в 1598–1599 гг. (Боярский список 1598–1599 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора... С. 250–258) и в 1606–1607 гг. — дворянин московский, написан на службе в Чернигове (Боярский список 1606–1607 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора... С. 291–302). В 1600 г. служил воеводой в Копорье, вместе с Матвеем Степановичем Хлоповым (Дело о трех беглых латышах. 1600, апрель // *Дела Тайного приказа.* Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 267–269), также в 1607 г. (Письмо к воеводе Копорскому князю Семену Григорьевичу Звенигородскому, от шведского фельдмаршала и Выборгского ландсгевдинга Акселя Рининга просительное, о свободном пропуске шведских войск, по обещанию российских послов, чрез Российскую область, для учинения полякам отпору в нападении на Лифляндию, и о даче оным войскам за наличный платеж съестных припасов // *Реестр грамотам шведского двора* // *ДРВ.* 1782. Ч. 2. № 19. С. 57). В тушинском лагере — боярин и дворецкий (*Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 582). В боярской книге 1627 г. — дворянин московский (Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 67).

⁸⁶ Сборник памятей. Л. 141, 149.

⁸⁷ Печатник и думный дьяк Разрядного приказа у Лжедмитрия с октября 1608 по июнь 1609 г., с 21.10.1611 г. по 25.07.1612 г. думный дьяк и печатник в ополчении Трубецкого и Заруцкого, в конце февраля 1613 г. — дьяк в Москве, в 1619 г. дьяк Владимирского судного приказа. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 484–486).

⁸⁸ *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами... С. 119.

⁸⁹ Сборник памятей. Л. 146.

⁹⁰ Опись архива Разрядного приказа XVII в. / Подг., вст. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 48.

⁹¹ Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // *ЧОИДР.* 1909. Кн. 3. С. 85.

ского винного погреба пять ведер вина⁹², а за день до взятия Новгорода шведами, 15 июля 1611 г. подписал память о выдаче двух кружек вина стрелецкому сотнику Ивану Паршину⁹³. По словам Ивана Плещеева (в октябре 1611 г.), просившего у правительства Владислава поместья Афиногена Голенищева в Ярославском уезде, тот «умер в воровских таборех»⁹⁴. На самом деле Афиноген Голенищев был убит при взятии Новгорода шведами⁹⁵.

Другим представителем ополчения был князь Петр Иванович Пронский. Единственная запись о выдаче ему ведра вина относится к 21 июня 1611 г.⁹⁶. Вероятно, он покинул Новгород вместе с кн. С. Г. Звенигородским и дьяком Д. И. Софоновым, однако в Новгороде осталась его жена Авдотья. Повесть о Земском соборе 1613 г. упоминает боярина Петра Пронского как восьмого из кандидатов на царский престол⁹⁷. Примечательно, что его жена жила в Новгороде и во время Земского собора, уехав в Москву с гонцом Воином Богучаровым 14 марта 1613 г.⁹⁸, уже после избрания на московский престол Михаила Романова.

28 мая 1611 г. Деллагарди двинулся из Сольцов на Новгород (в Сольцах, вероятно, простоял с начала зимы 1611 г.)⁹⁹. К Новгороду он подошел 2 июня 1611 г. и встал в Хутынском монастыре.

Активные переговоры начались только 6 июня 1611 г. В этот день к чашнику и воеводе В. И. Бутурлину в Спасский Хутынский монастырь, где велись переговоры, было отправлено 20 ведер вина, столько же — на следующий день. Особая порция вина была отпущена в конце месяца, 27 июня — десять ведер вина «в приимшное ведро, а вино бы было доброе, чтобы неметцким людям въ почесть было».

Именно в конце июня — начале июля 1611 г., в дни накануне «новгородского взятия», наиболее интенсивно выдавалось вино из государственных запасов. 1 июля было выдано пять ведер вина казакам и по кружке вина есаулам приказа атамана Тимофея Шарова, а также ведро вина сотне дворян Водской пятины, возглавляемых Никитой Выше-славцовым. Тогда же 10 ведер вина было отпущено вновь в Хутынский монастырь чашнику и воеводе В. И. Бутурлину, «для болшого неметцкого съезду, а взяти вина доброго», а также ведро вина посланному туда же князю Ивану Афанасьевичу Мещерскому. 4 июля пять ведер вина с подьячим Немиром Ручкиным было отправлено лично Якову Деллагарди и десять ведер вина для шведских дворян-участников переговоров

⁹² Сборник памятей. Л. 158; вар.: 2 июля (Приходо-расходные книги государева винного погреба... С. 18).

⁹³ Память погребному приказчику Григорию Афанасьеву да целовальнику Ивану Федотову с товарищи выдать сотнику стрелецкому Ивану Паршину две кружки вина за приписью дьяка Афиногена Голенищева. 1611. 15.07 // RA, NOA. Serie 2:119. Л. 3.

⁹⁴ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 120.

⁹⁵ [Шокарев С.] Указатель имен // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 493.

⁹⁶ Сборник памятей. Л. 189.

⁹⁷ Повесть о Земском соборе 1613 года // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 457.

⁹⁸ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 547, 549–550.

⁹⁹ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 46.

«дияку Монше Мартынову» (секретарю М. М. Пальму). Еще два ведра вина было предназначено толмачам. На следующий день, 5 июля, в Хутынский монастырь отправили еще три ведра вина.

Интересна запись от 6 июля. Получателями вина в этот день явились боярин кн. С. Г. Звенигородский и думный дьяк Денис Софонов. В Сборнике не отмечены обстоятельства получения ими вина, но это последние упоминания об этих представителях подмосковного ополчения в источнике. Вероятно, вскоре после 6 июля они вместе с московскими дворянами отбыли из Новгорода под Москву.

Последняя запись о посылке шести ведер вина чашнику В. И. Бутурлину, но уже не для переговоров, а «про ратных людей», относится к 9 июля, т. е. на следующий день после заключения перемирия с Делагарди.

Обстоятельства взятия Новгорода подробно рассмотрены в двух статьях П. В. Седова. Ученый выяснил, что рассказ об этих событиях, содержащийся в Новгородской третьей летописи, использует «Повесть о взятии Московском и о пленении земли Руские от царя Тохтамышша», и он не может считаться достоверным¹⁰⁰. По мнению Седова, город в июле 1611 г. совершенно не был подготовлен к обороне. За три недели до штурма 27 июня стороны обменялись заложниками. Еще во время переговоров, 8 июля, дьяк Голенищев позволил себе открыто угрожать шведам. В тот же день новгородцы напали на шведов, прикрываясь дымом подожженных ими предместий. Через 4 дня, 12 июля новгородцы вновь осуществили серьезную вылазку против войск Делагарди. 16 июля Софийская сторона Великого Новгорода была взята штурмом. Через день, 17 июля, шведы заняли и Торговую сторону. В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов, разграбив торговые ряды, ушли из города вместе с казаками. Отметим, что никто из новгородцев за ним не последовал. По мнению Н. П. Лыжина, эти действия Бутурлина вызвали под Москвой одобрение главы ополчения, П. Ляпунова¹⁰¹. Василий Гаютин, Тимофей Шаров и Афиноген Голенищев погибли при штурме Новгорода. П. В. Седову удалось выявить другие имена защитников, павших на улицах города: Афанасий Бутенев¹⁰², Тимофей Бундов, Степан Кузминский, Михаил Нармацкий, Русин Данилов сын Хомутов, Шестой Палицын. Кн. Михаил Иванович Мещерский и есаул Степан Неустроев были тяжело ранены. Ученый обнаружил записи в синодиках Входеоерусалимской церкви Новгорода, свидетельствующие о том, что павшие при штурме Новгорода в июле 1611 г. поминаясь в этом храме на протяжении трех столетий¹⁰³.

Государев винный погреб продолжал выдавать вино по памятям и после штурма. Так был дан заголовок новому разделу в приходо-расходной книге государева винного по-

¹⁰⁰ Седов П. В. Интриги смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

¹⁰¹ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 4.

¹⁰² По П. В. Седову неверно: «Батенев»

¹⁰³ Седов П. В. Интриги смутного времени... С. 89, прим. 22.

греба: «Да старого ж вина¹⁰⁴ в росходе июля с 17 числа»¹⁰⁵. Первые недели получателями вина являются только представители новой шведской администрации: Делагарди, М. М. Пальм, Ганс Бойе (Анц Бой), Эверт Горн (Ивер Гор) и другие. Только 16 августа два ведра вина из казенных запасов получил представитель русской администрации, упоминавшийся выше дьяк Андрей Лысцов¹⁰⁶. Аналогичная документация по более поздним годам в архиве Новгородской приказной избы не сохранилась.

25 июля 1611 г. новгородцы во главе с митрополитом Исидором и кн. И. Н. Большим Одоевским заключили с Делагарди договор, по которому один из шведских принцев должен был стать царем «Новгородского и Московского государства». Почти одновременно под Москвой был убит один из вождей ополчения Прокопий Ляпунов. В марте 1612 г. ополчение во главе с кн. Д. Т. Трубецким признало царем Псковского вора — т. н. Лжедмитрия III¹⁰⁷. Делагарди, заняв Новгород, на свой страх и риск принимает решение продолжать навязывать кандидатуру одного из принцев в качестве кандидата на престол. В этом смысле типологически близки действия Жолкевского под Москвой на переговорах с боярами в августе 1610 г. и Делагарди на переговорах с Бутурлиным, позднее с новгородцами. Дальность расстояний и необходимость оперативно принимать решения толкали обоих военачальников на самостоятельные действия, граничащие с авантюрой. Как пишет И. О. Тюменцев, в конце лета 1610 г., «когда Сапега с войском подошел к столице, где уже стояли войска Жолкевского, последний явно блефовал, стремясь спровадить первого из-под Москвы, когда предлагал Лжедмитрию II на выбор Самбор или Гродно, если тот уйдет из под Москвы»¹⁰⁸. В аналогичном положении оказался и Делагарди.

Примечательна пересказанная Г. А. Замятиным прокламация псковского Вора, обращенная к жителям Старой Руссы от 28 июля 1611 г. (через 11 дней после того, как Новгород был окончательно покорен шведским генералом). «Царь Дмитрий Иванович» объявлял, что когда он прибыл в Ивангород, к нему стали стекаться дворяне, казаки и прочие. Король Карл послал к нему Петра Петрея, предлагая в помощь своего сына Густава и войско. Вор убеждает жителей Руссы с ним соединиться против поляков и шведов. Он писал, что отказался от шведской помощи, потому что и раньше чужеземцы приносили одни несчастья. Замятинская оценка прокламации в целом верна: в ней звучала «патриотическая нота, призыв к защите страны и религии от чужеземных захватчиков»¹⁰⁹.

¹⁰⁴ «Новым» вином именовалось вино, конфискованное 28 марта 1611 г. на дворе Ивана Салтыкова, расход которого в книге отмечался отдельной статьей.

¹⁰⁵ Приходо-расходные книги государева винного погреба... С. 21.

¹⁰⁶ Там же. С. 31.

¹⁰⁷ *Седов П. В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 30.

¹⁰⁸ *Тюменцев И. О.* Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607–начало 1610 года // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283..

¹⁰⁹ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 270.

Осенью 1611 г. умер шведский король Карл IX, и старший из принцев, Густав Адольф, становится королем. Незадолго до того, 27 августа, из Новгорода в Швецию отправился вяземский сын боярский Иван Якушкин. В ноябре, уже после смерти Карла IX, Якушкин прибыл в Нючепинг, в начале 1612 г. он был дважды принят Густавом Адольфом и в начале февраля отпущен из Стокгольма¹¹⁰.

25 декабря 1611 г., вслед за Якушкиным, в Стокгольм отправилось новгородское посольство с просьбой о присылке королевича на Московское царство. История этой миссии была подробно рассмотрена в монографии Г. А. Замятина¹¹¹. Ученый подробно выяснил состав посольства архим. Никандра. В записках Тордсена, бывшего секретарем Карла Филиппа в Выборге 1613 г. сохранился перевод присяги, принесенной послами Карлу Филиппу перед отъездом на Родину 17 сентября 1613. В нем упомянуты дьяк Мина Третьяк Копнин, гости Степан Иголкин и Иван Харламов, дворяне Федор Бутурлин, кн. Василий Кропоткин, кн. Мурза Мышецкий, Гордей Судокон, Дмитрий Зеленин, Никита Калитин, Юрий Копнин, подьячие Петр Копнин и Орефа Башмаков, Полуэкт Колычев и Михаил Боборыкин скончались один на пути из Стокгольма в Або, другой уже в Стокгольме¹¹².

Среди участников посольства юрьевского архимандрита Никандра, отправленного в конце декабря 1611 г. в Новгород, лучше всего изучена биография торговых людей Иголкиных. Современный комментатор «Истории» Юхана Видекинда И. П. Кулакова привела подробный анализ их биографий¹¹³. Она связала Степана и Ивана Иголкиных с родом псковских купцов Иголкиных, потомков жившего в XV в. псковского купца Игнатия Иголкина. Участники посольства Степан и Иван Иголкины были сыновьями псковского купца Юрия Иголкина и принадлежали к верхушке псковского купечества. В феврале 1600 г. Юрий Иголкин был послан в Ригу для переговоров о принятии русского подданства¹¹⁴. Степан Иголкин был новгородским таможенным головой в 1592 г. По предположению исследовательницы, Иголкины могли быть среди бежавших из Пскова «лучших людей» в 1608 г. Однако это не так. Юрий Иголкин обосновался в Новгороде уже в начале XVII в. В 1602 г. с его двора была взята «колымажка» для эскорта датского принца Ганса, следовавшего в Москву¹¹⁵. Жена С. Иголкина Устинья осталась в Новгороде и испытывала денежные затруднения. В 1612 г. ей по указу Деллагарди из судебных пошлин было выдано 30 рублей денег¹¹⁶.

¹¹⁰ Там же.. С. 63.

¹¹¹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа...

¹¹² Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 219, сн. 94.

¹¹³ [Кулакова И. П. Комментарий] // Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 600.

¹¹⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века. М., 1973. С. 128.

¹¹⁵ Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власьеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602. 4.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16.

¹¹⁶ Книги сбора судной пошлины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122. С. 115.

Поздней осенью 1611 г. объединенное новгородско-шведское войско под руководством Никиты Вышеславцева (сына боярского Водской пятины, оборонявшего в 1609 г. Ярославль от тушинцев) и Эверта Горна выступило на восток Новгородской земли. Поход был призван восстановить власть Новгорода над пятинами, прежде всего Деревской и Бежецкой. Ключевым пунктом этого похода стал район Липенского Котлована и Устрецкий острожек. Однако по пути к ним шедшие по Московской дороге новгородцы и шведы столкнулись на Коломенском погосте, где также стоял особый острожек, с казаками во главе с кн. Василием Агишевичем Тюменским¹¹⁷.

В начале 1612 г. Второе ополчение оказывается в Ярославле. Оттуда оно отправляет посольство к Делгарди в Новгород для обсуждения кандидатуры шведского принца на московский престол.

В это время в Новгороде и Новгородской земле постепенно восстанавливается правильное управление. Источники фиксируют сбор платежей за прошедшие «117-й, 118-й и 119-й» годы. При этом установившийся в городе режим не полностью повторял московские порядки. При формальном соправительстве большая часть доходов передавалась гражданскими властями властям военным, т. е. шведскому корпусу. Численность войск, стоимость их содержания, вероятно, превосходила платежный потенциал города. Роль кн. Ивана Никитича Большого Одоевского, видимо, была номинальной. Решения принимались М. М. Пальмом¹¹⁸, чья виза на документах была приравнена к визам новгородских дьяков. Надо думать, новгородцы чувствовали трагизм и двойственность ситуации.

Г. А. Замятин, изучая вопрос о реальности кандидатуры шведского принца на Московский престол, особое внимание уделил обмену посольствами между Новгородом и Ярославским ополчением. В апреле 1612 г. из Ярославля в Новгород выехало посольство дворянина С. Л. Татищева, прибывшее 12 мая и пробывшее в городе неделю. Тати-

¹¹⁷ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Пронки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 31. Князь Василий Агишевич Тюменский еще в июле 1578 г., будучи вторым воеводой Большого полка, местничал с первым воеводой Передового полка В. Ф. Шереметевым (*Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 65. № 254). 31 декабря 1581 г. в зимнем походе на свейских немцев служил воеводой в полку левой руки (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 324). После 5 апреля 1583 г., с ним, первым воеводой Большого полка и Передового полка, местничал первый воевода Передового полка и полка Левой руки П. Я. Салтыков (*Эскин Ю. М.* Местничество... С. 77. № 375). 1 августа 1585 г. с ним, первым воеводой Передового полка, и его братом Романом, первым воеводой Сторожевого полка, снова местничал второй воевода Большого полка П. Я. Салтыков (Там же. С. 83. № 428). После 15 апреля 1589 г. с ним, вторым воеводой Большого полка, успешно местничал кн. В. К. Черкасский, первый воевода полка Левой руки (Там же. С. 94. № 530). 7 марта 1591 г., будучи первым воеводой Сторожевого полка, успешно местничал с кн. Б. К. Черкасским, первым воеводой Большого полка (Там же. С. 99. № 588). 1 мая 1595 г., будучи вторым воеводой Передового полка, успешно местничал с кн. В. И. Буйновым, вторым воеводой Большого полка (Там же. С. 110. № 701). 29 апреля 1596 г., будучи вторым воеводой полка Левой руки, безуспешно местничал с боярином Ф. Н. Романовым, вторым воеводой полка Правой руки (Там же. С. 111. № 716). Видимо, к 1611 г. он был достаточно пожилым человеком.

шев уже был участником посольств Смутного времени: в сентябре 1610 г. он был послан в лагерь короля Сигизмунда III под Смоленск¹¹⁹. Сохранилось известие о дарах ярославскому посольству: у посадского Ивана Пепельникова было взято на 24 рубля 22 алтына камки «на ярославских послов в дары»¹²⁰, еще 125 аршин без четверти камки было взято на 100 рублей 10 денег у посадского Филиппа Шапочника¹²¹.

Степан Татищев прибыл в Новгород вместе с сыном Федором. Интересно, что когда его сыну и другому посланному, Ивану Чебышеву, были выданы дополнительные кормовые деньги, то их из Дворцовой избы принес Алексей Григорьев сын Татищев¹²², псковский помещик и дальний родственник дмитровских Татищевых, из которых происходил посланник из Ярославля.

Путь ярославского посольства из Новгорода был непрост. 17 мая, за два дня до отправления послов из Новгорода, на восток были посланы Семен Корсаков, Друган Масленицкий и подьячий Третьяк Посадников готовить корма по станам до Белозерского рубежа. «А на котором стану какова корму будет, и (имярек) о том отписать к посольским приставам, а что кормов останетца, и те кормы отдавати назад волостным людем, а лишних кормов не збирати»¹²³. Однако дорога не была безопасной. 27 мая 1612 г. часть посольства возвратилась с полдороги в Новгород из боязни «литовских людей», перекрывших дороги¹²⁴. Они оставались в Новгороде до 6 июня¹²⁵. Замятин, не знакомый с архивом Новгородской приказной избы, недоумевал: почему задержалось ответное новгородское посольство в Ярославль. Видимо, причина такой задержки заключалась именно в опасных дорогах к востоку от Новгорода.

Все же впечатление от увиденного в Новгороде ярославским посольством было исключительно позитивное. Переговоры шли конструктивно, ярославские посланные отмечали, что православным церквям в Новгороде «никакого насильства не чинится» (этот вопрос будет чрезвычайно интересоваться Москву на всех переговорах 1615–1617 гг.). 8 июня 1612 г. в из Новгорода в Ярославль выехало ответное посольство вяжицкого игу-

¹¹⁸ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 2.

¹¹⁹ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

¹²⁰ Книги сбора судной пошлыны. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122.

¹²¹ Сборник памятей от шведской канцелярии в Новгородскую таможенную избу. Русск. и шв. языки. 1613 (?) // RA, NOA. Serie 2:137–А. Л. 15.

¹²² Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

¹²³ Память Семену Корсакову, Другану Масленицкому и подьячему Тренке Посадникову ехать Дубецкой дорогой до Белозерского рубежа, расспрашивать, куда лучше ехать в Ярославль послу Степану Лазаревичу Татищеву, и собирать корм на послов. 1612, мая 17 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 33–34.

¹²⁴ Память Пятому Григорьеву от Андрея Лысцова с указанием размеров содержания дворян, воротившихся с дороги от С. Л. Татищева «для литовских людей». 1612. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 472.

¹²⁵ Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

мена Геннадия, стольника кн. Ф. Т. Черного Оболенского и Смирного Отрепьева, прибывшее в Ярославль 24 июня. Посольство сообщило руководству ополчения лишь о присяге новгородцев Карлу Филиппу, там же ожидали большего — уже составленного договора с королевичем. Тяжелое впечатление на руководство ополчения произвело также то, что тот до сих пор не побывал в Новгороде и не принял православие. 26 июля в Новгород отправилось новое посольство из Ярославля во главе с Перфирием Секириным, вместе с которым были отпущены новгородцы¹²⁶. Они прибыли в Новгород в августе. 13 августа по Бельской дороге был отправлен подьячий Михаил Кудрявцев навстречу посольствам — игумена Геннадия «да московского государства от бояр и воевод и по избранью всех чинов от столника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи посланника Перфирия Ивановича Секерина с товарищи»¹²⁷. Секирин пробыл в Новгороде до 30 сентября¹²⁸. По мнению Замятина, долгое нахождение ополчения в Ярославле было связано именно с ожиданием известий из Новгорода¹²⁹. В конце лета ополчение выступило, наконец, к Москве. Отразив подошедшее вспомогательное войско гетмана Ходкевича, объединившись после долгих препирательств с Первым ополчением кн. Д. Т. Трубецкого, Второе ополчение вытесняет из Кремля поляков. Казаки Трубецкого берут почти полную власть над Москвой, а сам Трубецкой считается наиболее вероятным кандидатом на Московский престол. Однако под давлением казаков и вышедших из Кремля бояр 21 февраля 1613 г. на Московское царство избирается Михаил Романов. К лету 1613 г. его признает большая часть северо-восточных и южных уездов Московского государства.

Г. А. Замятин подробно рассмотрел переписку между руководителями Второго ополчения и Новгородом, показав, что первые вполне искренне желали избрания на престол одного из шведских принцев. В этом же ключе и вся риторика переписки между ополчением и новгородским правительством, продолжавшейся почти до самого избрания Михаила Федоровича. Последовавшие за этим избранием месяцы были временем утверждения на Московском престоле нового царя. В монографии Л. Е. Морозовой достаточно подробно рассмотрен процесс замещения ополченского руководства в Москве доверенными лицами юного царя¹³⁰. Именно московское правительство, окончательно сформировавшееся к июлю 1613 г., стало по-новому выстраивать отношения с новгородцами.

В 1612 г. Новгород выступает как сторона переговоров во взаимоотношениях с соседями — Псковом, Каргополом, Белозерском, Устюжной. События в Новгороде, успешный на первых порах контакт между новгородцами и шведами имели важнейшее зна-

¹²⁶ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 51–65.

¹²⁷ Грамота бояр и воевод подьячему Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.

¹²⁸ Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69. Л. 32.

¹²⁹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 51–67.

¹³⁰ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005.

чение для жизни других территорий русского Северо-Запада. Взаимоотношения Новгорода с этими территориями заслуживают отдельного рассмотрения.

Существует два взгляда на поведение новгородцев в 1613–1617 гг. Один сформулирован еще в 1620–1630-х гг. окружением патриарха Филарета Романова и нашел свое выражение в «Новом летописце». Согласно ему, новгородцы, принуждаемые насилием шведов, сперва целовали крест шведскому принцу Карлу Филиппу, а затем при первой возможности стали переходить на сторону Москвы. Вплоть до сегодняшнего дня многие ученые выступают с близких позиций, хотя, наиболее отчетливо такой взгляд высказывался в 1940–1950-х гг. В. Лилеевым. Другой взгляд сформулирован в начале XX в. доцентом Упсальского университета Х. Альмквистом и поддержан Г. А. Замятиным. Их мнение заключалось в том, что новгородцы, равно как и многие руководители ополчений, в частности кн. Д. М. Пожарский, всерьез полагали, что для Московского государства наибольшим благом будет избрать на трон «государева сына» — одного из шведских принцев; после избрания Михаила Федоровича на престол в Новгороде долгое время его считали очередным «казацким царем»¹³¹; только лишь неуспех переговоров новгородцев с ополчениями, равно как и с Густавом Адольфом, привел к провалу кандидатуры Карла Филиппа. Анализ новых обнаруженных мною документов приводит к несколько неожиданным выводам.

Видимо, самого по себе известия об избрании в Москве на царство Михаила Федоровича было недостаточно для того, чтобы новгородцы в массовом порядке стали «переезжать» на московскую сторону. Необходим был более серьезный импульс. Полагаем, что таким импульсом должны были служить распространяемые из Москвы грамоты.

В грамотах, вестовых отписках, расспросных речах, составленных в 1615 г. и позднее, новгородцы сообщали, что, узнав о царском избрании, они выказали ликование всем городом. Иного отношения после посольства Киприана в Москву они выказать и не могли: в то время уже было решено, что в ближайшие месяцы Новгород должен вернуться под власть московских царей. В то же время давно установлено, что первые сведения о событиях в Москве в январе – феврале 1613 г. у новгородцев, ранее присягнувших Карлу Филиппу, никакого восторга не вызвали. Риторика сообщения Богдана Дубровского о взятии Кремля ополчением, доставленного из Москвы 18 января 1613 г.,¹³² чрезвычайно напоминает риторику Повести о Земском соборе. В обоих докумен-

¹³¹ Я не могу согласиться с О. А. Курбатовым, утверждающим, что Делагарди намеренно ввел в заблуждение новгородцев, представив им Михаила Федоровича очередным казачьим царем (Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 19). Думаю, сознательная дезинформация новгородцев весной 1613 г. не входила в планы шведского руководства.

¹³² В расспросе перед боярами Б. Дубровский сообщал о взятии Кремля казаками и вознаграждении за взятие лучших и старших казаков сокровищами, о которых мечтали еще тушинцы: «...военачальники разделили между ними всеми доспехи, ружья, сабли и прочие вещи, а также найденные в Кремле деньги, так что каждый казак получит деньгами и ценными вещами по восемь рублей» (Арсеньевские шведские бумаги / Подг. М. В. Муравьев // Сб. НОЛД. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 16–18).

тах подлинными властителями Москвы именуется казаки¹³³. По мнению Г. М. Коваленко, после того, как польский гарнизон взял под контроль боярское правительство, «вся земля» отвернулась от боярского правительства¹³⁴. Однако в монографии Л. Е. Морозовой¹³⁵ высказано суждение о том, что окончательных решений ополчение и его лидеры не принимали. Высланные в свои поместья бояре вскоре оказались в Москве и вплоть до апреля 1613 г. принимали основные решения. Лишь позднее власть оказалась в руках Михаила Федоровича и его приближенных. Число репрессированных после взятия Москвы «коллорационистов» было крайне невелико, а их именной состав указывает на то, что вопрос об ответственности бояр позднее мог ставиться только в ходе местнических споров. Документы как «московского», так и «новгородского» происхождения крайне тенденциозны. Сложно определить, в каких случаях фигуранты тогдашней политической жизни (а ими в условиях гражданской войны были практически все социально активные жители Северо-Запада) были искренни в своем стремлении служить царю Михаилу Федоровичу или королевичу «Карлусу Филиппу Карлусовичу» — когда их поступками руководил страх, когда — стремление заслужить прощение за прежние проступки, а когда — стремление к «правде».

Еще один аспект проблемы восприятия в Новгороде Михаила Романова государем заключается в том, что изначально идея единства Московского государства определяется как господствующее настроение во всех частях и областях русских земель, которые к 1617–1619 гг. вновь были объединены вокруг Москвы. С точки зрения современников, видимо, все было не столь очевидно. Позиция новгородского гостя Степана Иголкина, высказанная в Выборге — об «историческом единстве» Новгорода и Москвы, вряд ли разделялась всеми новгородцами в 1612–1613, да и в 1614 г. То же самое, как известно, не может быть сказано и о позиции казанских властей в 1613 г.¹³⁶ Несомненно, вопрос о религиозной принадлежности государя и подданных был для людей XVII в. гораздо более важен, чем вопрос о политическом единстве (выше, в 3 главе, я писал об упреках ивангородцев новгородским дворянам в отступлении от православия и уклонении в

¹³³ Характерно, что такое мнение об избрании Романовых, видимо, было широко распространено вне Москвы. В очень близких тонах описывает воцарение Михаила Федоровича Жак Маржерет: «Ибо не может без обиды для знати и большей части страны быть то, что против их воли казаки, которые есть ничто иное, как сборище отребья и изгоев, большая часть которых многократно заслужила смертной казни, избрали названным образом ребенка не за его возраст и образованность, и, тем более, что он по крови не принадлежит к королевскому роду...» (Проект оккупации русского Севера, представленный королю Якову I. 1613, июль-октябрь // Жак Маржерет. Состояние Российской империи / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю, Уварова. М., 2007. С. 385-395).

¹³⁴ *Kovalenko G. Troubled years. The background of the Occupation // Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005.*

¹³⁵ *Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 178–179.*

¹³⁶ Подробнее: *Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства и социально-политическая борьба в Казани начала XVII в. // Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 189–197.*

«люторову веру»). Неслучайно и в XVII в. развитие этой идеи пошло в направлении тождества религиозной принадлежности и подданства¹³⁷.

Решение о встрече в Выборге было принято Густавом Адольфом в декабре 1612 г. 18 декабря он послал в Новгород Федора Боборыкина¹³⁸ с предписанием к началу 1613 г.

¹³⁷ *Страхова О. Б.* Несколько замечаний по поводу обращения в православие в XVII веке // *Palaeoslavica*. Т. 7. 1999. С. 343–350.

¹³⁸ Г. А. Замятин сомневался, может быть, речь шла о М. Б. Боборыкине, участнике посольства юрьевского архимандрита Никандра 1611 г.. Однако тот, вероятно, к этому времени скончался в Стокгольме. Более его имя в источниках не встречается. Федор Васильев сын Боборыкин был его дальним родственником. Имя его встречается в источниках, начиная с 1591/92 г., когда с ним и с его братом Тимофеем о беглых крестьянах Андрея Бачманова судился брат того Стахей (Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 288). Он назван среди помещиков Волокодержковского погоста в 1593/94 г. (Список с дозорных книг Бежецкой пятины дозору Воина Завалишина. 1593/94 г. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 731. Л. 29), 1606/07 г. (Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Бежецкой пятины Белозерской половины сбора губных старост Ивана Висленева да Льва Володимерова. 1606/07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 237) и в марте 1612 г. (Дозорные книги погостов Прокофьевского и Богородицкого на Белой, Покровского, Иванского и Никольского на Волоке Держкове и Петровского и Борисоглебского Боровицкого Белозерской половины Бежецкой пятины обыска Григория Полуэктовича Аничкова и Степана Артемьевича Лаптева. 1612, марта // RA, NOA. Serie 1:66. С. 36). Ф. В. Боборыкин записал за себя холопа в Белозерской половине Бежецкой пятины вместе с братом Тимофеем в 1593/94 и в 1594/95 гг. и один в 1602/03 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 361). По верстанию 1605/06 г. Ф. В. Боборыкин — городской сын боярский, со старым (1603/04 г.) окладом в 300 четвертей, новым в 550 четвертей. Он получал старого жалованья с городом 7 рублей, нового 12 рублей (Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 68). По списку Ивана Салтыкова конца 1610 г. Ф. В. Боборыкин имел оклад 650 четвертей. К этому времени он владел 350 четвертями поместья в Деревской и Бежецкой пятинах. (Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 52–53). К 20 декабря 1611 г. Боборыкин был определен к отправке в Швецию и получил грамоту, освобождающую от платежей его поместье в Григорьевой половине Морозова Деревской пятины (Отписка губного старосты Деревской пятины половины Григория Морозова Андрея Обуткова новгородским боярам и воеводам Якову Пунтосовичу Деллагарду и князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому о сборе на ратных людей денег и шуб с погостов и волостей Деревской пятины. 1611. 20.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 161. С. 281–283). Его приказчик в конце января или феврале (?) 1612 г. отказался платить что-либо, «сказывая у себя грамоты» (Челобитная (отписка) губного старосты Андрея Обуткова боярам и воеводам с отчетом о сборе шуб, денег и кормов с Григорьевой половины Морозова и просьбой уточнить некоторые особенности платежей. 1612, после января // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 176–179). Сын Федора, Роман, был включен в список находящихся в Новгороде пленных, составленный в Москве в апреле 1615 г. По словам шведских уполномоченных, «послан деи отец его был в посланных к Москве да не бывал, и нам бы деи и отца взять, не токмо что сына отдать» (Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 212–213). В. Г. Гейман не смог идентифицировать Федора Боборыкина с кем-то из новгородских дворян, предположительно связав его с известным по Бархатной книге Федором Федоровичем Боборыкиным, сыном Федора Борисовича Боборыкина, убитым «от самозванца под Москвой» и племянником Михаила Борисовича Боборыкина ([Гейман В. Г.]. Комментарии // *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 604). Однако в Бархатной книге «от самозванцов под Москвою» убит не Федор Борисович, а Федор Афанасьевич Боборыкин, действительно имевший младшего сына Федора («Бархатная книга», изданная Н. И. Новиковым. М., 1787. С. 120).

собраться в Выборге уполномоченным не только от Новгорода, но и от всего Московского государства¹³⁹. Однако было уже поздно. В Москву в это время уже съезжались выборные от «Всей земли». При этом Боборыкин отправился в Москву и, по некоторым сведениям, был там хорошо принят казаками, находился в Москве во время избирательного собора и позже был задержан¹⁴⁰. В июле 1613 г. Карл Филипп прибыл в Выборг, сопровождаемый новгородцами-участниками посольства архимандрита Никандра, еще в конце 1611 г. отправившимися в Стокгольм. Однако, ожидая встретить там посланных от всего Московского государства, он увидел в Выборге только новгородцев. Еще в конце XIX в. Г. В. Форстен подчеркивал, что инструкции, полученные королевскими уполномоченными примерно соответствовали тем ожиданиям, какие летом 1612 г. Ярославле связывали с Карлом Филиппом летом: вопрос о вероисповедании, свите принца, содержании принца во время царствования и т.п.¹⁴¹ Но время было упущено.

Г. А. Замятин первым рассмотрел состав посольства хутынского архимандрита Киприана в Выборг. Не будучи в то время знаком с источниками, происходящими из архива Новгородской приказной избы, Замятин все же справедливо предположил, что посланные были авторитетными людьми в новгородском обществе¹⁴². Интересен факт общения новгородских дворян — участников посольства в Стокгольме, с оказавшимся в Швеции одним из детей боярских, посланных за границу для обучения Борисом Годуновым. Во второй половине июля 1613 г. трое из посланных, дворянин московский Федор Бутурлин и новгородцы Лука Баранов и Гордей Судаков, обратились с письмом к находившемуся в Стокгольме Игнатию Андреевичу Кучину¹⁴³. В письме сообщается о прибытии всех троих новгородцев в Выборг из Стокгольма вместе с королевичем. Оно содержит просьбу выполнить некое поручение Бутурлина в Стокгольме. Это письмо — единственное свидетельство о контактах И. А. Кучина с новгородцами после установления в Новгороде правительства Делгарди—Одоевского. Его письма к семье исследованы и опубликованы С. В. Зверевым¹⁴⁴.

Разочарованный, после недолгих переговоров шведский принц 17 октября 1613 г. уехал в Швецию. Еще в мае начинается столкновение шведов и москвичей под Тихвинским монастырем, закончившееся поражением шведов.

С конца 1613 г. в Новгородской земле наступает ожесточение, все новые уезды целуют крест Михаилу Федоровичу. В сентябре 1613 г. из Выборга в Новгород были отпущены оставшиеся в живых участники посольства архимандрита Никандра, однако по дороге

¹³⁹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 26.

¹⁴⁰ Там же. С. 90.

¹⁴¹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб. 1894. С. 121-122.

¹⁴² Там же. С. 95.

¹⁴³ Письмо Федора Бутурлина, Луки Баранова и Гордея Судакова Игнатию Андреевичу Кучину в Стокгольм. 1613, июля после 12 // RA, Militaria: 1287: 1.

¹⁴⁴ Зверев С. В. Новые материалы о русских студентах в Любеке в начале XVII в. // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 260–269.

они были перехвачены в д. Суйда псковскими казаками и отправлены в Москву. Шведы взваливали вину за захват посольства Никандра в Суйде на Никандра – якобы тот «в течение восьми дней находился в шанце у Ньюена и послал тайно своего слугу во Псков»¹⁴⁵. 11 марта 1614 г. участники миссии архимандрита Киприана в Выборг послали челобитную от себя Делгарди с просьбой отпустить их в Новгород, но только 15 августа 1614 г. они вернулись домой¹⁴⁶.

При этом летом 1613 г., несмотря на поражения под Тихвином и Гдовом, в Новгороде и в уезде всерьез готовились к встрече Карла Филиппа. По станам на дороге ставили провизию, которую заготавливали в огромных объемах. Так, в Ладоге 24–30 июля 1613 г. было собрано 144 яловицы и 215 баранов из Заонежья.

Таблица 2. Количество мелкого рогатого скота, собранного в Ладогe 24–30 июля 1613 г. для королевича Карла Филиппа

Погост	Яловицы	Бараны
Оштинский стан, Воскресенский Важенский погост	59	59
Оштинский стан, Рождественский Пиркиничский погост	10	10
Водлозерский стан, Никольский Андомский погост	—	75
Ильинский погост в Винацах	28	28
Дмитриевский погост в Сотцких	2	2
Никольский погост в Шуе	31	29
Рождественский Остречинский погост	14	12
Итого	144	215

Источник: Отписка ладожского воеводы В. Ф. Бутурлина Якову Делегарди и боярину кн. И. Н. Большому Одоевскому о количестве скота, пригнанного из погостов в Ладугу с 24 по 30 июля для королевича Карла Филиппа и для шведов. 1612, июля после 30 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 524.

Подготовку к визиту Карла Филиппа можно сравнить с беспрецедентными по интенсивности правительственными мероприятиями накануне приезда в Московское государство датского принца Иоганна в 1602 г.¹⁴⁷

Поражение шведских войск под Тихвином в 1613 г. привлекает внимание исследователей с начала XX в. И. П. Мордвинов оценивал события 1613–1614 гг. под Тихвином как этап гражданской войны¹⁴⁸. В середине столетия о событиях в Тихвине писала К. Н. Сербина¹⁴⁹, впервые подробно рассмотревшая последовательность боевых действий. Недавно из печати вышла работа Ю. М. Эскина, в которой представлен уникальный источник по истории осады Тихвинского монастыря, составленный, видимо, со слов одного из важнейших инициаторов перехода Тихвина на сторону Москвы Андрея Гри-

¹⁴⁵ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 287-288.

¹⁴⁶ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 118.

¹⁴⁷ Об этом в моей работе: Селин А. А. Ивановская дорога. СПб., 1996.

¹⁴⁸ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999.

¹⁴⁹ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 39-43.

горьевича Трусова¹⁵⁰. Новый взгляд на события под Тихвиным 1613-1614 гг. содержится в недавно вышедшей в свет монографии московского историка Олега Курбатова¹⁵¹, которую я не раз упоминал и которую нет смысла здесь пересказывать, и в нескольких предшествовавших ей публикациях¹⁵². Согласно Курбатову, направленные к Пскову девять станиц казаков, оказавшихся летом 1613 г. в Бежецком Верху, к которым первоначально был прислан дворянин Владимир Аничков, а затем – молодой воевода кн. С. В. Прозоровский, фактически саботировали указание пробиваться к Пскову, стремясь пройти в неразграбленные части Новгородской земли. Известие о наличии в Бежецком Верху московского войска и побудило А. Г. Трусова к перевороту в Тихвине, после чего казаки вынудили воеводу С. В. Прозоровского идти к Тихвину монастырю, а не ко Пскову, чего требовал наказ из Москвы. Исследование О. А. Курбатова сегодня может считаться лучшим из тех, где развернуто представлена расстановка политических сил в районе Тихвина в середине 1613 года. Впрочем, в некоторых оценках ученого заметно использование непроверенных данных других исследователей, в том числе Е. И. Кобзаревой, что влечет за собой серьезные просчеты в оценке исторических событий. Совершенно несправедливо мнение о том, что шведы, находясь у власти в Новгороде, щедро жаловали своих сторонников (видимо, в ущерб противникам). Все поместные пожалования 1611–1616 гг. производились, так сказать, в текущем порядке. Основанием для пожалований были поместные оклады служилых людей, а не благоволение к тем или иным лицам администрации. Московский исследователь вслед за Кобзаревой употребляет ничего не значащий термин «судья по сбору пошлин» применительно к В. И. Трусову¹⁵³. Точно так же он повторяет достаточно спорный тезис Ю. М. Эскина о старинной службе Трусовых боярам Захарьиным (что, по мнению О. А. Курбатова, было одной из счастливых для Московского государства страниц, так как назначение шведами в тихвинские воеводы именно А. Г. Трусова привело к переходу новгородских служилых людей гарнизона на сторону Москвы).

Число новгородцев, «отъехавших» на московскую сторону после перехода гарнизона крепости на сторону Москвы и соединения его с отрядом кн. С. В. Прозоровского, видимо, составляет несколько сотен, однако далеко не все «тихвинские осадные сидельцы», упомянутые в десятне 1615 г., именно отъехали на московскую сторону. По убедительному замечанию О. А. Курбатова, большинство дворян и детей боярских Бежецкой (добавлю — видимо, и Обонежской) пятины оказались в войске кн. Прозоровского просто по пути движения к монастырю¹⁵⁴. Целые же территории востока Новгородской

¹⁵⁰ Эскин Ю. М. Местническое дело К.А.Трусов – князь Ф.Ф.Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV-XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексея. СПб., 2002. С. 300-307.

¹⁵¹ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

¹⁵² Преимущественно в Интернете. Ср., напр.: Курбатов О. А. Тихвинские «осадные сидельцы» 1613 года/ Первая победа царя Михаила Федоровича // Седмица. Ру 2004. (<http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=423&did=15368>; перепечатано также: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=318460>)

¹⁵³ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение... С. 27.

¹⁵⁴ Там же. С. 12.

земли, удаленные от городов и острожков, как прежде привечали источник стабилизации — войско кн. М. В. Скопина-Шуйского, затем отряды Эверта Горна и Н. В. Выше-славцева, так весной 1613 г. вливались в войска кн. С. В. Прозоровского. Там же, где были острожки, посланное из Москвы войско встречало упорное сопротивление. Зубчанин Алексей Брянцов, вышедший из новгородского плена 12 октября 1615 г., рассказывал о своем пленении следующим образом: «послан де он был ис под Москвы с князем Васильем Тюменским в Рогачево под литовских людей тому ныне четвертой год, а из Рогачева де им велено итти во Псков по вора по Матюшку. И пот Котлованом де их немецкие люди розгромили, и его де взяли в Великий Новгород в полон, а в Великом де Новгороде и по ся места был все за приставом у Монши Мартынова»¹⁵⁵.

Вопрос о том, что именно происходило весной 1613 г. в тихвинском гарнизоне, сложен и противоречив. О. А. Курбатов несколько преувеличивает значение осторожного предположения Ю. М. Эскина о службе предков А. Г. Трусова Романовым-Юрьевым¹⁵⁶, на каковую прямые указания источников отсутствуют. По мнению Курбатова, назначение Трусова в Тихвин — одно из роковых обстоятельств, предопределивших «первую победу царя Михаила Федоровича». Но не все оказывается столь просто, если обратиться к биографии Андрея Григорьевича сына Трусова.

У Григория Трусова, новгородского дворцового дьяка в 1600 г. и дьяка приказа Большого дворца в 1600/01 г.¹⁵⁷, был брат, Григорий Меньшой. Известны их дети Андрей Григорьев сын Большого и Андрей Григорьев сын Меньшого Трусовы. Оба они упомянуты в десятне Водской пятины 1605 г., оба с окладом в 600 четвертей; впрочем, второй служил также окладчиком Водской пятины¹⁵⁸. 17 октября 1611 г. какой-то из Андреев Григорьевичей Трусовых служил угличским или, скорее, устюженским воеводой¹⁵⁹. Сложность заключается в том, что в источниках 1611–1617 гг. нет упоминаний об Андрее Григорьевиче сыне Трусове с указанием — «Большого» или «Меньшого», последним таким упоминанием является именно замечание десяти. Это имеет большое значение, так как может служить указанием на то, что к 1611 г. один из них скончался, и в Новгороде было очевидно, что речь идет только о единственном оставшемся в живых А. Г. Трусове, в прошлом Большого или Меньшого. Источник, составленный в ию-

¹⁵⁵ Расспросные речи вышедших из Новгорода Юрия Третьякова Копнина с человеком и зубчанина Алексея Брянцева. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 305–311.

¹⁵⁶ Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посв. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 303.

¹⁵⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 527; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 17.

¹⁵⁸ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 468, 470.

¹⁵⁹ Ср.: «К сей послушной памяти воевода Ондрей Григорьевич Трусов печать свою приложил лета 7120-го октября в 17 день» (Ввозная грамота (по грамоте бояр и воевод кн. Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Мартиновича Заруцкого) воеводы Андрея Григорьевича Трусова и подьячего Василия Тимофеева Марии, вдове Алексея Сизова, с детьми Константином и Ульяной на поместье мужа д. Остров (Незаново) в Устюжне Железнопольской Угличского уезда. 1611. 17.10 // Акты служилых землевладельцев XV-нач. XVII века. Т. 2. М., 1998. № 391. С. 337-338).

не 1612 г., упоминает «опальную рожь Андрея Трусова»¹⁶⁰, которую предполагалось выдать жене кн. Ф. Т. Черного Оболенского, отправившегося с посольством в Ярославль. Кто из двух Андреев Трусовых мог быть назван «опальным», неясно. При этом именно в эти месяцы А. Г. Трусов назначается шведской администрацией в Тихвин. 1 ноября 1612 г. тихвинский воевода А. Г. Трусов получил указание из Новгорода собирать соль с торговых людей Тихвинского посада и послать ее в Черенский острог к ротмистру Францу Стрюйсу. Это указание А. Г. Трусов исполнил, послав 10 пудов соли на Черенск с Горчаком Ханыковым и написав, что может выслать при необходимости еще соли¹⁶¹. Однако есть упоминания о присутствии Андрея Трусова в Новгороде и после событий 25 мая 1613 г., последнее из которых датируется 10 марта 1614 г.¹⁶² Вполне вероятно, что вскоре после событий под Тихвинским монастырем А. Г. Трусов вернулся в Новгород и отъехал на московскую сторону вновь во время событий под Бронницами летом 1614 г. Включение его жены Ульяны в список, составленный для обмена пленными в Посольском приказе, вполне может относиться ко времени после

¹⁶⁰ Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланого в Ярославль кн. Ф. Т. Черного Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 81.

¹⁶¹ Отписка Андрея Трусова об исполнении поручения по сбору соли на Тихвинском посаде. 1612. после 1.11 // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 27

¹⁶² 14 июля 1613 г. Андрей Трусов поручился в Новгороде по Леонтии Андрееве Щепалове о его службе площадным подьячим (Поручная новгородцев по площадном подьячем Ларионе Андрееве Щепалове в государеву казну. 1613. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 20), а 5 сентября 1613 г. — по Кузьме Яковлеву сыне Колокольцеве (Поручная запись новгородских детей боярских по Кузьме Яковлеву сыну Колокольцеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:255). 28 октября 1613 г. А. Г. Трусов получил по приказу бояр и воевод 6 четвертей овса (Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 20). 6 декабря 1613 г. Андрей Григорьев сын Трусов бил челом боярам и воеводам о поместье Насона Пушкина и Варвары, вдовы Андрея Пушкина. В челобитной указал, что приехал из Пскова на государево имя, а его старое поместье отдано переводчику Бажену Иванову, «а мне в то место нигде не выдано ни одно четверти, а которые, государь, приехали к тебе, государю, со мною вместе, и после меня, и тех ты, государь, пожаловал старыми их поместьи и новыми». В той же челобитной он указал себе оклад в 800 четвертей. По выписке, действительно, по даче 1612/13 г. его оклад составлял 800 четвертей (выписка была сделана из прежней челобитной Андрея Трусова, в которой тот бил челом о поместье Изотика Неелова). Получил искомые поместья 19 января 1614 г. (Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05–1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237). 17 января 1614 г. поручился по кн. Ефиме Мышецком о неотъезде того из Новгорода (Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18–19). 19 января 1614 г. получил отдельную грамоту на поместье Юрия Пушкина, позже переданное его сыну Насону Пушкину (206 ч. в Водской пятине и 250 ч. в Шелонской пятине), Это поместье было пожаловано Трусову вместо старого поместья, конфискованного и переданного переводчику Бажену Иванову (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 42) и 10 февраля 1614 г. отделено (Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311). 19 января 1614 г. А. Г. Трусов поручился по Михаилу Афанасьеву Клементьеву (Поручная запись по Михаилу Фуникову Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 72). 10 марта 1614 г. искал на Никите Боркове 6 рублей с четью за камчатый кафтан (Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 84).

лета 1614 г.¹⁶³ Отмечу, что его имени не упоминает и десятина тихвинских сидельцев 1615 г. (как, впрочем, и никого из Трусовых).

Игумен Тихвинского Большого монастыря Иосиф в августе 1613 г. был доставлен в Новгород и там допрошен властями 30 августа 1613 г.: не поддерживали ли его в упорном сопротивлении шведам новгородцы? Игумен отвечал отрицательно, указывая, что лишь по собственному желанию и по желанию Пожарского он укрепился в Тихвине и защищался против шведов¹⁶⁴.

Есть информация и об участии новгородских татар и новокрещенов в боевом противостоянии под Тихвином. 17 сентября 1613 г. из новгородских дворцовых житниц был выдан хлеб 21 жене, матери или сестре новгородских татар и новокрещенов, находившихся на государевой службе под Тихвинским монастырем.¹⁶⁵

Осенью 1613 г., после поражения под Тихвином и получения новгородцами грамоты, отправленной из Выборга Карлом Филиппом, в которой тот высказывал желание, чтобы к новгородскому посольству присоединились посланные от других областей Московского государства, было снаряжено новгородское посольство в Москву во главе с игуменом Отенского монастыря Дионисием. В него были включены также дворяне Воин Новокшенов, Петр Лутохин, Иван Секирин¹⁶⁶ и Елизарий Корсаков¹⁶⁷. 17 сентября 1613 г. это посольство задержал в Торжке воевода кн. М. В. Белосельский, заявивший, несомненно следуя инструкциям из Москвы, что правительство Михаила Федоро-

¹⁶³ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе. 1615, мая // РГА-ДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами. 1615. 14.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

¹⁶⁴ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 111.

¹⁶⁵ Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10.

¹⁶⁶ Видимо, Иван Шея Григорьевич Секирин, ладожский воевода в 1612–1613 гг.

¹⁶⁷ Г. А. Замятин писал, что ему неизвестна судьба этого посольства, имея в виду, что неясно, что случилось с его участниками после задержания в Торжке. Ни один из участников посольства не упоминается в документах Новгородской приказной избы после осени 1613 г., хотя они не числятся и в изменниках. Поместье Воина Новокшенова, находившееся в Дмитриевском Городенском и Передольском погостах Водской пятины, числилось за ним и в августе 1615 г. (Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 64, 74). Его жена Арина в апреле 1615 г. била челом боярам и воеводам о посылке грамоты в Ивнинский острог к Ивану Захарьевичу Баранову об управе на ослушных крестьян. Ее дело было разрешено положительно (Дело по челобитью Арины, жены Воина Новокшенова на своих крестьян. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:30). Д. В. Лисейцев высказал смелое предположение о том, что схожим образом в Москве оказался в 1614 г. и дьяк Иван Грамотин — он был послан из Польши для переговоров (по предложению гетмана С. Жолкевского), остался в Москве, был задержан на подворье Соловецкого монастыря и вскоре восстановлен на службе (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 98–99). Примечательно, что к 1617 г. все участники посольства игумеа Дионисия оказались на воеводствах в сибирских городах — Иван Секирин — вторым воеводой в Тюмени, Петр Лутохин и Елизарий Корсаков — вторым и третьим воеводами в Тарке, Воин Новокшенов — вторым воеводой в Мангазее (Разрядная книга 7125 года // ВОИДР. 1849. Кн. 3. С. 134). Именно их судьба беспокоила шведских переговорщиков в 1616–1617 гг., и именно о них участники посольства Д. И. Мезецкого заявляли, что они посланы в Сибирь воеводами и головами (*Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 16).

вича не намерено вступать в переговоры со шведами через новгородцев¹⁶⁸. Вскоре после этого началось движение на Новгород войска кн. Д. Т. Трубецкого.

Поход боярина кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород был хорошо идеологически подготовлен. Еще в октябре 1613 г. боярин отправил в Новгород послание к новгородцам, копия которого сохранилась в шведских архивах. В листе объявлялось о цели похода: «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу идем мы на его государеву службу на очищение его царские отчины Великого Новгорода и новгородских пригородов от немецких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и с яицкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом». Новгородцы призывались, «помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от немецких людей» отстать и присягнуть царю Михаилу Федоровичу. Взамен им обещалось полное прощение и освобождение от насилий со стороны казаков и всего движущегося к Новгороду войска¹⁶⁹. Однако на этом этапе карьеры удача Трубецкому не сопутствовала, видимо, в силу разнородности его армии. Первые успехи московское войско одержало зимой: ему удалось закрепиться на восток от Ильменя, в двух острожках — Рамышевском и Новоселицком. Рамышевский острог очень высоко оценивался шведами — его укрепления считались неприступными. Согласно одному из описаний, «русские покрыли свои укрепления мокрыми бычачьими шкурами, так что огненные ядра шведов не приносили вреда»¹⁷⁰. Среди оборонявших Рамышевский острог от подошедших из Старой Руссы шведских войск было много дворян Деревской пятины, вероятно откликнувшихся на призыв Трубецкого. Некоторые из них — Сила Ивков, Осип Аничков, Захарий Дирин — позднее снова попали в плен и уже в 1615 г. были выменены московской стороной. Однако военной победы войску Трубецкого достичь не удалось.

Показательна судьба новгородца Угрима Лупандина. Он перешел на сторону Москвы еще под Тихвином, ранее июля 1613 г.¹⁷¹ После победы под Тихвином он, как один из отличившихся, был послан в Москву с сеунчем, получив за службу и сеунч сорок кунниц в 8 рублей, 8 аршин камки по 26 алтын 4 деньги и ковш стоимостью 2 рубля 2 ал-

¹⁶⁸ Лыжин Н. П. Столбовский мир... С. 10–11. Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 100.

¹⁶⁹ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // RA. Militaria: 1287: 13.

¹⁷⁰ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 128.

¹⁷¹ Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 4–7

тына¹⁷², а позднее — прибавку к четвертному денежному окладу¹⁷³. 21 февраля 1614 г. Угрим Лупандин приехал в Тихвин (вероятно, из Москвы) и тут же был послан на Пашу для того, чтобы возглавить находившихся там казаков — тихвинских осадных сидельцев, которых надо было вести на соединение с войском кн. Д. Т. Трубецкого. На Паше Лупандин почти никого не застал, так как казаки ушли оттуда в Заонежские погосты¹⁷⁴. Лишь небольшую часть «шарпальных казаков» он смог увести к Бронницам. Из Бронниц ему с казаками было поручено поставить острожек на левом берегу Мсты у д. Новоселицы, в чем Лупандин и преуспел. Однако вскоре в острожке было получено известие о движении туда войск С. Коброна. «А как, государь, нам ведомо учинилося про Самойла Кобринна с немецкими людми, что однолично будет под мой острожек, и казаки, государь, сведав про то, хотели бежати врознь, а острог покинуть. И я, государь, казаков уговорил и с ними в остроге сидел пять недель и помирал голодною смертию... А как, государь, пошел з Броннице твой государев боярин князь Дмитрий Тимофеевич с товарищи, а я, холоп твой, от немецких людей в острошке осажен накрепко, пройти было не мошно. И не потерпя, государь, я, холоп твой, голоду с казаки здался немецким людем. И многих, государь, казаки немецкие люди побили, а и наши братье побивали. А меня, государь, холопа твоего Угримка, отнял от смерти Самойло Кобрин и свел с собою в Ругодив, а хотел сослати в свою землю»¹⁷⁵. Позднее У. Лупандин целовал крест Густаву Адольфу, но перешел на сторону Москвы в Дедерине, вместе с Яковом Боборыкиным.

В июне–июле полковник С. Коброн нанес два поражения русским на Мсте, ряд московских укреплений у Руссы был прорван, Рамышевский острожек на Ловати оставлен. К 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было отбито от Новгорода¹⁷⁶.

Еще до отхода Трубецкого от Бронниц, 14 июня 1614 г. на его сторону перешла большая группа новгородцев во главе с кн. Ф. Т. Черным Оболенским. В это же время с согласия Деллагарди в контакт с московскими воеводами вошли новгородцы — Яков Боборыкин и кн. Никифор Мещерский, однако безуспешно. Они обратились к московским представителям с просьбой допустить новгородцев к переговорам с Москвой.

Чрезвычайно любопытен документ, исходивший от псковского воеводы Федора Леонтьевича Бутурлина к нарвскому коменданту с предложением установить договорные

¹⁷² Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 129; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 21.

¹⁷³ Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 93.

¹⁷⁴ Отписка воевод Федор Плещеева и Василия Неплюева об отсылке ими по государеву указу на Пашу к тихвинским сидельцам, атаманам и казакам в головы Угрима Лупандина. 1614, апреля // АМГ. 1890. Т. 1. С. 106.

¹⁷⁵ Челобитная Угрима Лупандина царю Михаилу Федоровичу с рассказом о своей службе и с просьбой не отнимать поместья. 1615, ноября до 13 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 246. По мнению В. Н. Козлякова (вслед за Новым летописцем), Новоселицкий острожек сдался «за крестным целованьем», но немцы всех побили (*Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 76–77*).

¹⁷⁶ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февр. С. 325–349; Сент. С. 185–213.

отношения между Московским государством и Швецией. Документ составлен через полгода после неудачной попытки кн. Д. Т. Трубецкого овладеть Новгородом и примерно за полгода до осады Пскова Густавом Адольфом, 15 октября 1614 г.¹⁷⁷. Документ, исполненный миролюбия, извещает нарвского коменданта о том, что царь Михаил Федорович «венчался царским венцом и диадемою по древнему своему царском чину и достоянью», после чего послал об этом известительные грамоты в разные «христианские государства». Бутурлин объясняет и то, почему такая грамота не была послана в Швецию: там умер король Карл IX, и в Москве не было известно, почему, на каком основании новым королем стал Густав Адольф: «как после государя вашего Свейского Карлуса короля нынешней государь ваш учинился на Свейском королевстве, и коруновался ль на Свейское королевство или нет». В грамоте провозглашается добрая воля московского государя, который «по своему царскому милостивому нраву, не хотя видети во всех христьянских государьствах кроворозлития, а хотя видети во всех великих христьянских государьствах мир и покой и тишину, и чтоб всем великим крестьянским государем меж себя учинясь в любве и в совете стояти против бесермен» прислал Бутурлину свое повеление первым сообщить в города Шведского королевства о том, что в Москве на царский престол избран Михаил Романов. В заключение Бутурлин высказывает стремление Москвы к обмену посольствами со Стокгольмом о заключении договора двух государств.

Именно в эти месяцы в Новгороде был поднят вопрос о присяге Густаву Адольфу, вызвавший резкое отторжение у новгородцев. Участник посольства архимандрита Киприана в Выборг Яков Боборыкин сообщал о недоразумении — прибывший к посольству посадский Томило Пристальцов сообщал, что «с ним с Томилом прислано от Исидора мирополита и от боярина от князя Ивана Одоевского и от ноугородцов ото всяких людей, чтоб послы королю крест целовали, и послы, которые с архимаритом Киприяном дворяне и всякие люди тех Томиловых речей не слышали, и королю креста не целовали». На это митрополит Исидор и кн. Одоевский отвечали Боборыкину, что они того Томилу не приказывали. Боборыкин сказал об этом Деллагарди. Деллагарди отвечал, «что он про то целованье то перво от него и слышит»¹⁷⁸. Проблема присяги или неприсяги Густаву Адольфу волновала новгородцев все последующие месяцы. Со сменившим Деллагарди Эвертом Горном новгородцам удалось договориться об отсрочке до Пасхи. После этого было принято решение послать в Москву новую миссию.

15 января 1615 г. в Москву прибыло посольство хутынского архимандрита Киприана. В него входили также дворяне Яков Боборыкин и Матвей Муравьев¹⁷⁹, имевшие офици-

¹⁷⁷ Лист псковского воеводы Федора Леонтиевича Бутурлина к ругодивскому державцу с предложением установить дипломатические отношения между Московским государством и Швецией. Список. 1614. 15.10 // RA, Militaria, М-1287:2.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 10–11.

¹⁷⁹ В сохранившемся выборном списке о посольстве среди тех, кого новгородцы «выбрали ехать от всего Ноугородцкого государства для великого Божья и земского дела з грамотою к Москве», упомянут также дьяк Семен Лутохин, по каким-то причинам в посольстве не участвовавший (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. л. 112).

альное обращение о мире, продиктованное Эвертом Горном¹⁸⁰, и тайную челобитную от новгородцев. Посольство было встречено холодно, новгородцы при встрече открыто были объявлены изменниками. На упреки они отвечали, что выступают совместно со шведами лишь потому, что терпят насилие от них: «А та их мысль по чему им ведати, а только б они у немецких людей были не в неволе, и были б им в силу, и оне б давно и сами сех немецких людей побили, а то им немецкие люди не в силу»¹⁸¹. 12 февраля, после встречи посольства боярами, их особо расспрашивал пристав Михаил Рчанин. Архимандрит Киприан, Яков Боборыкин и Матвей Муравьев говорили ему: «как они вчера были у государевых великих бояр на казенном дворе, и в те поры бояр было много, а они уж от Московского государства отбыли давно, лет уж с шесть, на Москве не бывали и иных бояр не узнали, а чаяли, что тут есть з бояры и не думные люди»¹⁸², поэтому они и не передали боярам тайную челобитную, опасаясь за оставшихся в Новгороде.

14 февраля 1615 г. в Аптекарской палате новгородцев тайно принимали боярин Б. М. Салтыков и думный дьяк Петр Третьяков. На приеме архимандрит Киприан сообщил о грамотах от псковских воевод в Новгород, пришедших вскоре после возвращения его из посольства в Выборг, в которых было написано «государево имя». «И как де новгородцы услышали, что в грамотах писано государево имя, и оне де все сняли шапки и государьскому имени обрадовались, да и досталь королю о крестном целовании отказали, а только б де не те псковские грамоты в ту пору прилучились, и многих деи новгородских торговых людей Иверт Горн и Монша Мартынов на королево имя х крестному целованью привели, обещая им от короля льготу и денги и золотые»¹⁸³. Просьба новгородских посланных заключалась в тайной грамоте от государя ко всем новгородцам, в которой бы содержались своего рода гарантии царской милости. Салтыков и Третьяков отговаривали послов: «Ныне такую грамоту государю послати страшно», «жалая о них же, о митрополите и о боярине и о всяких новгородских людех, что сведав про тое государеву грамоту в Новгороде немцы и досталь»¹⁸⁴ над новгородцами «разоренья и смертного посеченья не учинили», на что Киприан с товарищами утверждали, что они смогут доставить ее в Новгород тайным образом, так как до Старой Руссы обыскивать их некому, «а старорушане всем городом в совете со всем с Ноугородским государством, и им в Старой Руссе мочно что хотят, то оставить»¹⁸⁵.

Особое место в посольстве занимала фигура Якова Михайловича Боборыкина. Биографический очерк о нем, содержащийся в монографии Г. А. Замятина был написан на основании его челобитной о вознаграждении, поданной уже в 1622 г.¹⁸⁶ Примечательно,

¹⁸⁰ «А отпустил их Ивер Горн, и грамота писана в Розряде... А отпускал их Ивер Горн, и грамоты он сам в Розряде и чернил те грамоты Ивер Горн. А на отпуске им ныне Ивер Горн говорил, что ему Эверт Горну от государя ево от Свейского короля дана полная мочь».на переговоры (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 91).

¹⁸¹ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 106.

¹⁸² Там же. Л. 116–117.

¹⁸³ Там же. Л. 149.

¹⁸⁴ Там же. Л. 174–176.

¹⁸⁵ Там же. Л. 179.

¹⁸⁶ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 122–127.

однако, и поведение его во время посольских приемов в январе–апреле 1615 г. Так, на вопрос, на каких условиях шведы будут мириться, архимандрит Киприан ответил, что слышал, как Делагарди говорил с «немецкими людьми», что шведы готовы отдать царю Новгород, Порхов, Старую Руссу, Ладогу. Боборыкин повторил то же, прибавив, что за перечисленные города шведы «стоять не будут», «а постояв и Орешек отдадут». Они могут отдать также Ям и Копорье, а станут торговаться лишь об Ивангороде и о Гдове. Боборыкин же был уверен, что можно надеяться даже на восстановление границы по Тявзинскому миру. «А то он, Яков, подлинно ведает, что болши всего им говорить о денгах за свои убытки, ещо они считают царя Васильевы недодачи тритцать тысяч рублей». Те же платежи, которые шведы взяли с Новгорода и пригородов в 1611–1615 гг., они считают своими, т. е. не идущими в зачет долга. «И то де им лучилось многижда с немцы в спор говорить»¹⁸⁷. Боборыкин добавил также, что перед отъездом Эверт Горн обещал в случае успеха переговоров в Москве пожаловать его имением в тех городах, которые «король у государя отстоит». Если же мир будет заключен на условиях Тявзина и шведам придется уйти за Нарову, то Боборыкин получит имение в Лифляндии. «И он де Яков ему говорил, что он де королю служить никоим не хочет, а хочет служить Московскому государю». «То де Яков чает, что хотят они государю все города отдать», иначе не зашла бы речь об условиях Тявзинского мира и об имении в Лифляндии¹⁸⁸.

Обращает на себя внимание изобилие слов, запотокозированных писцами вслед за речью Я. Боборыкина, эмоционально насыщенной и полной подробностей. Это явно не ответы на вопросы, а поток живой речи. Так, без всякой связи с основной темой бесед, Боборыкин вдруг сообщает Третьякову, что, проезжая через Осташков, они обратили внимание, что «Осташков — место украинное, от немецких людей страх. А они де видели, что ратных людей мало да воевода¹⁸⁹ молод, ни в чем его не слушают»¹⁹⁰. Когда же Боборыкина спросили о лазутчиках, посланных под Москву и в другие города, то он разразился гневной тирадой: «и что болши тово лазутчества, что Василей Бутурлин, как стоял на Бронницах боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубетцкой да околничей князь Данило Мезецкой да Василей Бутурлин, и Василей в Новгород с Яковом Пунтусовым о всяких делех про Московское государство ссылался, и Яков им всем про то вслух говорил»¹⁹¹ (именно эта тирада стала впоследствии причиной часто встречающегося в историографии обвинения чашника В. И. Бутурлина в измене).

22 февраля 1615 г. Боборыкин и Муравьев втайне от архимандрита Киприана и посадских людей присягнули царю Михаилу Федоровичу в Мастерской палате. На предыдущей встрече Боборыкин дал совет дьяку Третьякову: лучше бы их слишком быстро не отпускали назад в Новгород, чтобы «немцы» не подумали, что москвичи торопятся за-

¹⁸⁷ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 153–155.

¹⁸⁸ Там же. Л. 155–156.

¹⁸⁹ Борис Иванович Кокорев.

¹⁹⁰ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 165.

¹⁹¹ Там же. Л. 171а–172.

ключить мир¹⁹². Это было разумно: в Новгороде уже волновались об их отсутствии, о чем Эверт Горн написал в Москву¹⁹³. Однако 15 апреля 1615 г. посольство было отпущено в Новгород, а Якову Боборыкину еще предстояло сыграть важную роль в ходе московско-шведского противостояния.

Находившееся в Москве посольство Киприана расценивалось боярским правительством как ценный источник информации о происходящем на Северо-Западе. Когда псковские воеводы получили известия об ожидаемом приходе войск Эверта Горна и в марте сообщили об этом в Москву, бояре обратились к Киприану с запросом, могут ли известия о возможном походе Горна быть достоверными¹⁹⁴.

Посольство архимандрита Киприана в Москву — один из самых важных этапов на пути замирения Московского государства и Швеции. Ожесточение предшествующего года было снято и путь к переговорам открыт.

В конце апреля 1615 г. в Новгород вернулись все участники посольства. Новгородец Федор Баишев сообщал позднее, что после их возвращения «собрали всех русских и немецких людей к лобному месту и сказали им про государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии к себе и ко всем ноугородским руским людям великую милость, и руские де власти и всяких чинов люди слыша к себе про великую государеву милость, почали быти радостны, и немецкие деи люди, видя что руские люди государевой милости обрадовалися, почали думать и удумали де всех русских людей привести ко крестуна королевское имя. И как де почали руским людям немецкие люди про то говорити, чтоб они целовали крест королю, и руские всяких чинов люди в том им отказали, королю деи нам креста не целовати, а и королевичю¹⁹⁵: де мы крест целовали на том, что чтобы король королевича которово ни будь дати на Московское государство и государю креститися было ему в нашу христьянскую в греческую веру». Шведские власти, поддержанные, вероятно, частью новгородцев, обратились к архимандриту Киприану с просьбой убедить-таки новгородцев присягнуть Густаву Адольфу. Однако Киприан «из кельи не пошел» и отказался благословить новгородцев на такое крестоцелование. Князя Мещерского и Киприана Горн за это посадил под домашний арест, а князя Ивана Кропоткина¹⁹⁶, Якова Боборыкина и Матвея Муравьева послал в Швецию¹⁹⁷.

¹⁹² Там же. Л. 191–193.

¹⁹³ Отношение шведского генерал-фельдмаршала Эверта Горна в боярскую думу на имя князя Федора Мстиславского в Москву. 1615. 21.03 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делгарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 5. С. 22–28.

¹⁹⁴ *Замятин Г. А.* "Псковское сиденье" (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. Вып. 40. 1952. Приложение 1. С. 212.

¹⁹⁵ Это единственное известное мне сообщение о публичном отказе новгородцев от присяги Карлу Филиппу.

¹⁹⁶ Бывший воевода Орешка.

¹⁹⁷ Расспросные речи новгородца Федора Баишева о новостях в Новгороде и в немецком стане. 1615.16.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 201.

По идеологическим памятникам более позднего времени и по некоторым субъективным данным, современным этим событиям (таким, как челобитная дьяка Пятого Григорьева царю Михаилу Федоровичу)¹⁹⁸, в новгородцах в это время царило «единачество», характерное для умонастроений и в других городах во время Смуты¹⁹⁹. Все они стремились якобы для виду сохранять верность прежней присяге Карлу Филиппу, в душе же надеясь на скорое возвращение под власть Москвы. Однако даже сопоставление двух синхронных событиям и очень субъективных сообщений в Москву от дьяка Пятого Григорьева и старорусского подьячего Григория Сулешова, показывает, что такого «единачества» среди новгородцев не было. Князь Никифор Мещерский, отказавшийся прикладывать руку к верительной грамоте, где он был записан «королевским дворянином», мотивировал свой отказ: «мы-де королевичевы, а не королевские». Это свидетельствует о том, что безоговорочной поддержки у Михаила Федоровича в Новгороде не было, а возможно — и о раздумьях и сомнениях у части новгородской элиты в те годы, а не о всеобщем страдании под насилием шведов или всеобщем прагматизме (хотя, видимо, и то и другое в новгородской жизни того времени присутствовало). Пятой Григорьев обвинял Петра Хомутова и иных дворян и детей боярских в том, что те «не истерпели» насилия и целовали крест королю.

Рассмотрим, сколько же человек действительно могло целовать крест Густаву Адольфу. Общих списков присягнувших в нашем распоряжении нет; количество крестоцеловальных записей исчерпывается единицами. Следует, вероятно, обратиться к данным челобитных: если они адресованы Густаву Адольфу, следовательно, лицо, от имени которого они написаны, также «не истерпело» мучений и согласилось обращаться к шведскому королю как к своему государю.

По словам старшего сына дьяка Третьяка Копнина Юрия, бежавшего из Новгорода осенью 1615 г., среди присягнувших Густаву Адольфу были Никита Калитин, Мурат Пересветов, Семен Муравьев, «ездовой подьячей» Гришка Собакин, «ездовой подьячей» Василей Чеботаев²⁰⁰, Угрим Лупандин, Ивашко Шваль, «а иным имен не упомнит. А Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел х королю подо Псков, а с ним в полку тотарова всего 25 человек». Среди инициаторов «всякого зла» в Новгороде Ю. Т. Копнин назвал также гостя Богдана Шорина и Володьку Устинова²⁰¹. В росписи шведских пленных, содержащихся в Москве, упоминалось также, что кроме

¹⁹⁸ Отписка С. Коробьина с товарищами царю Михаилу Федоровичу о состоявшемся размене пленными с приложением вестей из Новгорода, сообщенных Григорием Сулешовым, челобитной дьяка Пятого Григорьева и с сообщением, что осташковский воевода Б. И. Кокорев не выделит подвод посланному к Москве Дмитрию Коробьину. 1615, мая после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 263–268.

¹⁹⁹ Ср.: Кулакова И. П. Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 254–272; Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // ИЗ. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

²⁰⁰ На самом деле, псковский сын боярский.

²⁰¹ Расспросные речи Юрья Третьякова Копнина в Москве. 1615. 23.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 312–316.

шведов «еще на Москве полонен толмач Лука Боранов, которой в Новгороде ему королю крестьяным целованием укрепился и того бы выдали»²⁰². В январе 1617 г. новгородскому правительству была подана челобитная Г. С. Обольянинова, содержащая титул короля Густава Адольфа: «Велеможному и высокороженному князю и государю государю Густаву Адольфу Карлусовичю, Свейскому, Готцкому, Венденскому, избранному королю и вотчинному князю и великому князю Финские земли, арцуху Естерские и Веземерляньские земли бьет челом холоп твой Гриша Степанов сын Обольянинов»²⁰³; следовательно, среди присягнувших был и этот служилый человек. Присягу королю приносили не только служилые люди, но и дворцовые крестьяне. Сохранился документ, в котором священники и крестьяне Карачуницкого, Болчинского и Ясенского погоста именуют себя «государевыми королевскими дворцовыми крестьянами»²⁰⁴.

Лица, не давшие присяги Густаву Адольфу, подверглись чрезвычайному обложению (источники, повествующие о конкретных размерах обложения, рассмотрены в главе 1). Лазутчик Данилко Ржева, вернувшись из Новгорода, рассказывал в московском посольском стане на Песках о том, что «русским людем от немецких людей теснота великая и правежи немерные, побивают на правежах в денгах до смерти. А сказывал де ему посацкой человек Кирилко Бекин, что на нем емлют на всякой день по девяти рублей, а с ыных де емлют так же, смотря по животом. А то перво де на новгородцах на Иване Харламове да на Юрье Иголкине да на Истоме Демидове с товарищи на двунатцати человекех правят 1700 рублей».²⁰⁵

Н. П. Лыжин сравнил пребывавшего в Новгороде Якова Делагарди с Наполеоном в Москве. Эта характеристика подходит, вероятно, более всего для периода накануне Дедеринских переговоров, когда после нескольких лет сотрудничества обнаружилось явное неприятие значительной частью новгородцев шведской власти²⁰⁶. Согласно Галленбергу, в те дни Делагарди писал канцлеру Оксенштерне, что новые наместники на местах ничего не понимают в местных делах, а крестьяне из под Яма и Копорья разбегаются²⁰⁷. 18 августа 1615 г. Делагарди вернулся в Новгород после неудачи Густава Адольфа под Псковом. Король поручил ему возглавить переговоры с московскими посланными между Осташковом и Старой Руссой. По словам сотрудника английского посла

²⁰² Перевод росписи шведских пленных, переданной Яковом Делагарди послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами. 1616, февраля // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 24–27.

²⁰³ Челобитная Г. С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, января // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 115. Подобным же образом осажденные в Кремле бояре в 1611 г. обращались к королю Сигизмунду: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Арсений, архиепископ архангельский, и весь освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольничие» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 8. С. 636).

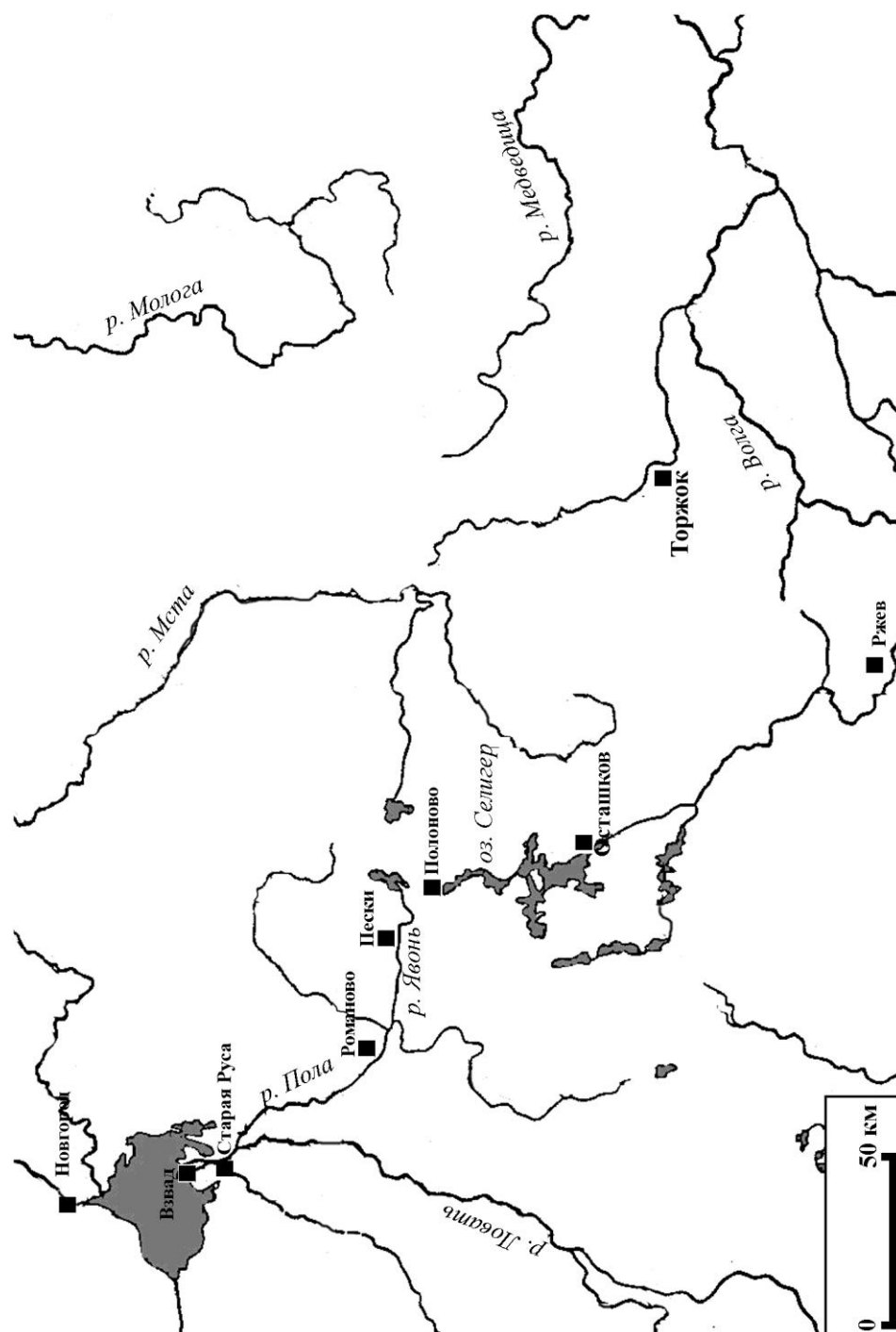
²⁰⁴ Доношение священников, старост и волостных людей новгородских погостов к графу Якову Делагарди. 1617, март // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 10. С. 37–40.

²⁰⁵ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

²⁰⁶ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 4.

²⁰⁷ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 400, сн. 180.

Джона Мерика «Павла Томасова», Делагарди не был доволен личностями послов: «не хочет с князем Данилом²⁰⁸ и говорить, да и съезду с ним не будет» и просил вместо кн. Мезецкого назначить кого-то из бояр — Ф. И. Шереметева или кн. И. С. Куракина²⁰⁹. С кн. Мезецким Делагарди сталкивался дважды: тот участвовал в Клушинской битве в 1610 г., а в 1614 г. был воеводой в войске кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами.

Карта 8. Район Дедеринских переговоров 1615–1616 гг.

²⁰⁸ Окольниковый кн. Даниил Иванович Мезецкий.

²⁰⁹ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 73–74.

Павел Томасов поделился и своеобразным взглядом части новгородцев на результат посольства Киприана. Они говорили, что, приехав в Новгород и не посоветовавшись с новгородцами, Киприан, Боборыкин и Муравьев показали Горну тайную грамоту, присланную новгородцам из Москвы, а «архимарит Ивет Горну сказывал, будто Московским государством владеют казаки и в боярех рознь, а в Москве Боборыкин сказал велику неправду, что он Яков все радеет Московскому государству, и от Ивет Горна навел на них на Якова и Матвея великую ненависть и гнев, и им Ивет Горн не поверил. И в те же поры Ивет Горн учал говорити митрополиту и борину князь Ивану Одоевскому и всех чинов людем Новгородского государства, чтоб они целовали крест свейскому королю». Именно после этого Боборыкин и был арестован. Киприан же сообщал новгородцам, будто он без Боборыкина и Муравьева у государя и государыни²¹⁰ был трижды, «и сказывал за собою тайные приказы». Думаю, что хутынский архимандрит в рассказе новгородцам о посольстве сильно преувеличил свою действительную роль. Во всяком случае, материалы Посольского приказа не сохранили информации о тайных встречах Киприана с кем-то из важных персон в Москве. Томасов сообщил о еще одном ярком эпизоде: после ареста, «...как де Якову и Матвею привели подводы и хотели садитца на лошади, ажно де пришли к ним от Ивет Горна толмачи Бажен Иванов да Олфер Северов и говорили им, что прислал их к ним Ивет Горн, а велел им сказать, что де князь Микифор Мещерской королю крест целует и иных русских людей на то хочет приводить, и Ивет Горн де князя Микифора за то в Выбор не посылает, а будет де только и они королю крест поцелуют, ино их в Выбор не пошлют. И они де Яков и Матвей в том им отказали ж, что им королю креста не целовати, а князь Микифор как захочет, так и делает»²¹¹. Делгарди взял арестованных с собой в Нарву, где Густав Адольф угрожал им ссылкой в Швецию. По просьбе молодого кн. И. И. Одоевского английский посол Джон Мерик ходатайствовал за них перед королем. По слухам, сообщенным П. Томасовым, кн. Н. Мещерский присягнул королю Густаву Адольфу и убедил присягнуть также многих новгородцев, сказав, что присяга — гарантия от ссылки в Швецию (известно, что слух этот оказался ложным). Посадских же людей уговорил присягнуть шведскому королю гость Богдан Шорин. О нем английский посол специально передавал в Москву: «ворует де в Новгороде вязмитин Богдашко Шорин, вмещает во всяких людей воровские слова, будто де казаки, которые на службе з боярином со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским все отъехали к Лисовскому и московских людей казаки многих побии, да иные де непригожие воровские слова для Смуты в всяких людей вмещает»²¹². Богдан Шорин был родственником Григория Шорина, привлеченного после взятия Москвы по обвинению в сотрудничестве с польским гарнизоном в

²¹⁰ Видимо, Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича.

²¹¹ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70–85.

²¹² Там же.

связи с делом Федора Андропова²¹³. Слухи об этом достигли и Новгорода. Лазутчик московских послов Данило Ржева сообщал: «Да сказывал де ему Онофреев человек Дьяконова Якушка Глухой, что ходила к Москве лазутчи жонка, а чья и как ее зовут, того не сказал, и та де жонка с Москвы пришла к Богдану Шорину и вести ему росказывала, да она ж де сказывала, что брату ево Григорью на Москве худо».²¹⁴ Все сообщенное Томасовым создает впечатление очень сильного сомнения среди новгородцев, отсутствия ясности перспективы.

Когда Джон Мерик вслед за Деллагарди двинулся к месту переговоров из Новгорода, с ним поехал новгородец Андрей Бачманов. В октябре 1615 г. он сумел пробраться в стан московских послов и сообщить им, что Яков Боборыкин и Угрим Лупандин, которых Деллагарди взял с собой на переговоры, с ним «приказывали, чтоб нам, холопом твоим, к ним приказывати всяких вестей проведывати, а что де государь оне проведуют, и оне де к нам, холопом твоим, отпишут. А написали де, государь, было оне грамотку, и хотели ему Ондрею зашити в кафтан, и поразмысля де государь, грамотку не послали, любо де станут на заставах обыскивати, и грамотку найдут, и они де от немец погинут»²¹⁵.

Дедеринские переговоры октября 1615 – февраля 1616 гг. — важный этап в замирении Швеции и Московского государства. Им предшествовала миссия С. Г. Коробьина и П. А. Обернибесова по обмену пленными со шведской стороной, состоявшаяся примерно в том же месте несколькими месяцами ранее. Об этом речь пойдет в отдельном разделе главы.

Стороны очень ответственно и с опаской отнеслись к подготовке переговоров в «деревне Андрея Палицына» Дедерине. Стороны очень долго не могли согласиться по поводу места переговоров. Шведы отказывались встречаться там, где им первоначально предлагали москвичи. Утверждая, что «для прибытия туда необходимо каждый раз переплывать большую реку, в которой вода осенью так высока, что доходит до седел лошадей; к тому же течение в ней так быстро, что слабых лошадей непременно снесет течением»²¹⁶. В результате и было выбрано компромиссное Дедерино. Оба посольских стана, московский и шведский, были укреплены. В селе Романове, где стояли шведы, переводчик Эрик Андерс для постройки острога пригнал из Старой Руссы 50 человек «подымных людей». До строительства острога Деллагарди и Мерик, выехав из Новгорода, остановились на Взваде, на южном берегу Ильменя.

²¹³ Дело о побеге Федора Андропова с двора князя Федора Ивановича Волконского из-под стражи. 1613. 24.03–16.05 // Смутное время Московского государства. Вып. 3. Акты времени междуцарствия. М., 1915. С. 61–80.

²¹⁴ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

²¹⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что исчезнувший гонец Федор Булганин приехал к ним, и о новых вестях из Новгорода. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 345–348.

²¹⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 139.

Одновременно шла борьба за Псков, куда были стянуты все шведские силы. Впервые подробно осада Пскова Густавом Адольфом в 1615 г. была рассмотрена в специальной книжке В. А. Бочкарева, изданной к трехсотлетию событий, в годы Первой мировой войны, за полтора года до занятия Пскова германской армией. Автор чрезвычайно справедливо отметил особую роль Гдовской крепости в стратегических и тактических планах шведского короля²¹⁷. Позднее к изучению осады Пскова обращались эстонский ученый Х. Сепп²¹⁸, Г. А. Замятин и сравнительно недавно А. Н. Кирпичников, обобщивший все известные на сегодняшний день графические источники по этому важному событию Смутного времени²¹⁹. В работе А. Н. Кирпичникова дана справедливо высокая оценка исследованию Г. А. Замятина, который для изучения истории осады Пскова 1615 и 1616 гг. привлек материалы архива Посольского приказа. Накануне осады, еще в августе 1614 г. король обратился к псковичам с грамотой, обещая, что при покровительстве шведов они будут жить лучше, чем при московских великих князьях²²⁰. Во время осады 1615 г. состоялся последний призыв новгородских воинских людей под знамена шведского короля. Подьячий Федор Витовтов сообщал о пропагандистских ухищрениях шведской администрации во время противостояния под Псковом. «А ныне из Новагорода хотят подо Псков посылати неволею дияка Семена Лутохина да выбрав с ним дворян для того чтоб им говорити псковичем, чтоб они королевской подъем подняли и убытки его, и король ис подо Пскова отойдет»²²¹. Лутохин действительно участвовал в походе, но о такой его миссии к псковичам мне ничего не известно. Витовтов говорил также и о намеренном распускании слухов теми новгородцами, которые сотрудничают со шведской администрацией: «А в Новгороде которые враги русские люди изо многих чинов люди, прелстяся к немецким державцом в народ во все лето доныне вмещают, что бутгося под Смоленском король с королевичем и со всею Полшею, и московских людей по Смоленском побили и идет к Москве и хотят де на Московское государство литовского королевича, для того и с Свийским королем хотят миритца вскоре, чтоб помирясь с свийским с литовским управливатца. И им деи доколе zde миритца, а король с королевичем и на Москве будет, и наворотцы б и иных городов люди, которые под Свейскою державою узнав московского государя безсилна, на тот мир не прелщались. Да и многие неподобные речи про государя в народ вмещают»²²². Полагаю, что среди недоброжелателей имелись в виду подьячий Григорий Собакин и Богдан Шорин Вязмитин, действительно в то время плотно сотрудничавшие со шведами. Но и они в свое время били челом московскому правительству с просьбой простить им такое

²¹⁷ Бочкарев В. А. Шведско-русские отношения в Смутное время и осада Пскова в 1615 г. Псков, 1916.

²¹⁸ Serr H. Stephan Báthory ja Gustav Adolfs Pihkva-vastased operatsioonid. Tartu, 1937.

²¹⁹ Кирпичников А. Н. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и Новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 424-450.

²²⁰ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 135.

²²¹ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 158-162.

²²² Там же.

сотрудничество. А так просил о помиловании сам подьячий Витовтов: «Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой Фетька Витовтов. Милосердый государь, царь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, покрой мою страдничью вину. Царь государь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси, смилуйся, пожалуй!»²²³

Московские послы в Дедерине опасались не только провокаций со стороны шведов. Большая опасность была также от отрядов Лисовского. Стоявший в Ржеве боярин Ф. И. Шереметев писал кн. Д. И. Мезецкому, что «октября де, государь, в 10 день, в вечерню, пришли подо Ржеву изгоном безвестно по Вяземской дороге с московской стороны Лисовской, а с ним де литовские многие люди и твои, государь, изменники русские воры, а вестовщиков, государь, из городов не пропустили. И пришед, деи, государь, стада отогнали и посады де пожгли во многих местех, и стали де против города на горелых местех. А выходцы де государь, которые от них ис полков утекают, им сказывают, что им, перелезчи Волгу, над городом Ржевою промышлять приступом и всякими промыслы, чтоб город взять, а ис подо Ржевы де, государь, итти под Осташков». Послы «по тем вестем из Осташкова на Полоново не пошли до коих мест Лисовской отойдет прочь, и в Осташкове, государь, осаду укрепили з досталными людми». В Осташкове осталось 200 стрельцов да 200 дворян, а 300 человек стрельцов для «острожного дела» и 100 человек дворян с запасом были отправлены к Полонову, где находился московский стан²²⁴.

Позднее небольшие отряды Лисовского видели верстах в 50 от Осташкова. Однако, несмотря на опасения, 20 октября послы выступили из Осташкова к Полонову, оставив в Осташкове стрелецкого сотника с сотней стрельцов и «укрепя осаду». От Осташкова до Полонова 40 верст нужно было идти водою, от Полонова до Песков 30 верст («и то, государь, нужной ход, ныне телегами с великою нужею пройти нелзе»), шведам же от села Романова, где они временно остановились, до места переговоров в Селищах идти было верст 30.²²⁵ По дороге кн. Д. И. Мезецкого с товарищами ждала очередная неприятность. Они проехали озером верст 7–8, «и озеро, государь, замерзло, и мы, холопи твои, воротитца мыслили, и пробовали лед и просекали топорами с великою нужею да прибились к Спасу к Сосницам, от Полонова за десять верст». После этого они двинулись на Полоновский стан по земле, «дорога уска, худа и груда великая»²²⁶.

Опасения провокации перед началом переговоров возникали и позже, во время Столбовских переговоров, а также и после установления мира. Когда в 1636 г. предполагалось обмениваться перебежчиками с обеих сторон границы, московские власти придали серьезное значение слуху о том, что перебежчиков будут сопровождать 500 человек

²²³ Там же.

²²⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о ходе подготовки к посольскому съезду. 1615, октября после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 322–330.

²²⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что они выступили из Осташкова к Полонову. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 338–344.

²²⁶ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о новых затруднениях по пути к Полонову из Осташкова. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 373–376.

ратных людей. Из Посольского приказа московскому уполномоченному Десятому Мельницкому дали память, в которой его успокаивали и указывали стоять на границе и меняться перебежчиками «безстрашно и необязненно от свейских дворян». В крайнем случае ему обещали подмогу из Новгорода²²⁷.

Карта 9. Район Столбовских переговоров 1616–1617 гг.

Переговоры, приведшие к заключению перемирия, были очередным успехом московской стороны. Посланные уверились в поддержке московской власти новгородцами, постоянно принимая в своем стане тайно приходящих к ним новгородцев, которые, впрочем, рассказывали друг о друге противоречивые вещи. Так, старорусский подьячий Григорий Сулешев, сначала передававший послам известия, а потом перешедший на их сторону окончательно, сообщил: «А во всем деи государю служит и прямит подьячей Григорей Собакин, ево де Григорья Сулешева из Новагорода отпускал, и все деи ему про Новгород и про Псков розказывал он. И вперед деи Григорей Сабакин каких вестей сведает, и он деи хочет с теми вестьми из Новагорода отпустить к государю дворян Федора Неклюдова да Семена Боборыкина. А с Яковом де Боборыкиным Григорей Со-

²²⁷ Память Десятому Семеновичу Мельницкому с товарищами о том, что со шведской стороны на размене перебежчиков будет 500 человек ратных людей с указанием бесстрашно стоять на размене и информировании новгородских властей обо всем происходящем на границе. 1636. 29.03 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 592.

бакин в совете и о государеве деле радеют заодин...»²²⁸ На заключительном этапе переговоров в московский стан выехали самые видные сторонники царя Михаила Романова в Новгороде — Яков Боборыкин и Угрим Лупандин. Стороны договорились о перемирии на лето и о начале следующих переговоров между Тихвином и Ладогой.

Интенсивные переговоры со Швецией сопровождались тайным контактом московских посланных с новгородцами. В посольские станы в Песках и Тихвине приходили перебежчики, лазутчики, там допрашивали пленных. Материалы этих допросов отложились в столбцах ф. 96 РГАДА. Кроме того, в посольские станы отсылалась информация, поступающая в Посольский приказ из других источников в том случае, если в Москве считали необходимым информировать своих посланных. В свою очередь, и посланные были обязаны сообщать в Приказ все вести, полученные в посольском стане, а также отправлять в Москву носителей информации; в наиболее важных случаях в Посольском приказе осуществлялся повторный допрос, часто дававший значительно больше сведений, чем те, которые ведущие первый допрос послы и воеводы считали нужным включать в свои отписки.

После возвращения с переговоров в Дедерине позиция Делагарди по отношению к Новгороду резко меняется. Теперь его интересуют только деньги. По словам перешедшего на сторону Москвы толмача Арна Бука, на Новгород были наложены непомерные платежи уже в начале февраля 1616 г.: «А в Новегороде ныне положено на досталных людей в тягло весь город в два рубли. А з дву денег емлют по пятнатцат рублев, а положил де толмач Ирик Ондреев»²²⁹. Это обозначает, что 1/200 часть платежа соответствовала 15 рублям.

Мотив непомерных платежей, наложенных на город, постоянно встречается в расспросных речах. Подьячий Третьяк Никитин, на допросе в Тихвине 3 июня 1616 г. сообщил раскладку платежей, предписанную неким «уложением» от 20 марта 1616 г. и напоминающую ту, что содержится в Росписях сбора кормовых денег из архива Новгородской приказной избы.

Таблица 3. Роспись денежных платежей каждые 10 дней с Новгорода по известиям от подьячего Третьяка Никитина по «уложению» от 20 марта 1616 г.

Платательщик	Сумма, руб.
митрополит, монастыри, попы, дьячки, пономари	350
посадские люди	350
дворяне, дети боярские, рассыльщики, подьячие, кроме тех, кто целовал крест Густаву Адольфу	150
митрополичий приказной Иван Лутохин	15
митрополичий приказной Степан Спячий	15
судья Василий Зиновьев	10
гость Истома Демидов	25
гость Первой Прокофьев	(пропуск)
торговые люди, которые тягло не тянут:	

²²⁸ Расспросные речи перед послами Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

²²⁹ Расспросные речи толмача Арна Бука перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 8.02 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 244–250.

Тимоха Хахин	25
Богдан Шорин	15
Онуфрий Вязмитин	15
славковский дьячок Сенька	10
ИТОГО	980 ²³⁰

Источник: Расспросные речи подьячего Третьяка Никитина о новгородских вестях. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 45–50.

Доходили до Тихвина отрывочные сведения и о притеснениях жителей других городов. Копоряне в июне 1616 г. сообщали: «А в Копорье де руским людем от немецких людей теснота великая, на правеже стоят днем и ночью, побивают до смерти»²³¹. По сообщению игумена Деревяницкого монастыря Иосифа, Делгарди специально распустил из Новгорода шведских солдат грабить окрестные погосты²³². Однако после ухода Делгарди из Новгорода на посольство в Ладугу, а затем — в Столбово притеснения только увеличились. По словам новгородских посадских людей, допрошенных в Тихвине 22 декабря 1616 г., после его отъезда переводчик Эрик Андерс и помогавший ему посадский Томило Пристальцов увеличили платежи, взимаемые с посада, «да на посадских же людех емлют солдатом шубы и рубахи и вское платье, курты и сапоги и чулки и рукавицы и побивает на правежах [...] подьячей Григорей Собакин»²³³.

Особое место в истории Новгорода этого времени занимают личности митрополита Исидора и хутынского архимандрита Киприана. Хутынский служка Куземка Яковлев сообщал 28 июля 1616 г. в Тихвине: «А в Нове де городе соборная церковь Софея Премудрость Божия по ся места цело, и пенье де всегда. А Яков де Пунтусов к соборной церкви грабежем заговаривает часто, и тое де церкви пасут митрополит Исидор да архимарит Киприан»²³⁴. В этой фразе имена двух выдающихся духовных руководителей Новгорода объединены не случайно.

Митрополит Исидор

Роль митрополита Исидора на протяжении всех лет существования новгородского правительствa 1611–1617 гг. вероятно менялась²³⁵. Этому деятелю новгородской жизни начала XVII в. посвящены обстоятельные биографические очерки Я. Г. Солодкина и Е. В. Крушельницкой. Последняя исследовательница показала личность Исидора как выдающегося книжника, чей келейный сборник сыграл заметную роль в дальнейшей ру-

²³⁰ Без Первого Прокофьева, с ним, вероятно, 1000 рублей.

²³¹ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

²³² Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с сообщением о новых выходцах из Новгорода. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 159–160.

²³³ Расспросные речи новгородских выходцев перед тихвинскими воеводами В. Ф. Неплюевым и И. Х. Харламовым. 1616. 22.12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 126–127.

²³⁴ Расспросные речи хутынского служки Куземки Яковлева, посылавшегося в Новгород перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами на Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 325–331.

²³⁵ Деятельность митрополита Исидора в начале Смуты рассмотрена в монографии В. И. Ульяновского, анализ которой приведен в главе 2.

кописной традиции²³⁶. В статье Л. Е. Морозовой о Смуте в Новгороде Исидору приписывается «план создания отдельного Новгородского государства во главе со шведским принцем Карлом Филиппом», которое, по мнению исследовательницы, фактически существовало с июля 1611 г. по 27 февраля 1617 г. С такой позицией, конечно же, согласиться невозможно²³⁷. Н. И. Костомаров упоминает о крестном ходе, который 9 июля 1611 г. Исидор совершил к Знамению, символу победы новгородцев над суздальским войском²³⁸. Участник переговоров со шведами и выработки договора 25 июля 1611 г., Исидор в первые годы новгородского правительства находится в тени от дел. По возвращении из Швеции И. Якушкина 8 апреля 1612 г. грамота нового короля Густава Адольфа была прочитана в присутствии Делагарди у митрополита Исидора²³⁹. Г. А. Замятин привел к характеристике Исидора его отписку в Москву от 15 ноября 1612 г., за три с небольшим месяца до царского избрания. В ней митрополит увещевает московское государство быть заедино с Новгородским и признать государем Карла Филиппа²⁴⁰. Из Москвы же митрополиту ответили уклончиво, но и не отказали: надо обособиться со всеми землями и подождать, пока принц приедет в Новгород.

Мы располагаем любопытным документом, связанным с новгородским митрополитом и тем отношением, которое он был вынужден высказывать к враждующим сторонам русского общества. Этот документ касается борьбы новгородцев с белозерцами, сторонниками московского царя Михаила Федоровича, за Тихвин монастырь. Традиционно в отечественной историографии господствовала точка зрения о правоте московской стороны, хотя еще И. П. Мордвинов обращал внимание на то, что в столкновениях под Тихвином с обеих сторон принимали участие русские люди²⁴¹. И вот как вынужден был высказаться митрополит Исидор: «идти им <ратным людям> на богоотступников на полских и на литовских и на русских воровских людей, на тех, которые полские и литовские и русские воровские люди в Обонежской пятине монастырь Пречистые Богородицы Тихвинские и иные монастыри выграбили, и у чудотворного образа пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад обобрали, и монастыри разорили и посад Тихвинской выжгли и Тихвинского игумена Иосифа и старцов и слуг и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поймали, и ныне воюют и разоряют многие места до основанья, а то розных денег с митрополита и с монастыри взято»²⁴². Этот текст, по всей вероятности, записан еще до начала основных боевых

²³⁶ Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 379–398.

²³⁷ Морозова Л. Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

²³⁸ Костомаров Н. И. Смутное время... Т. 3. С. 203.

²³⁹ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 66.

²⁴⁰ Там же. С. 109–110.

²⁴¹ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 20–21.

²⁴² Приходо-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:136. С. 767–768.

действий под Тихвином, однако направленность его именно против «героических защитников» Тихвина монастыря, которых в Новгороде называли «польскими и русскими воровскими людьми». Переход большой группы новгородских служилых людей на сторону Москвы весной–летом 1613 г. под Тихвином в 1612–1613 гг. воспринимались в Новгороде как измена. Вот такая характеристика дана тамошним событиям в челобитной о поместье Анцы (Ганса) Брякилева, шведа, испомещенного в 1612 г. в Обонежской пятине: «Было, государь, за мною, холопом твоим твое государево жалованье поместейцо в Обонежской пятине в Воскресенском погосте меж Тихвины и Ладоги на Сяси. И как, государь, на Тихвине тебе, государю, изменили, и то, государь, поместейцо мое от воровских и литовских людей разорено...»²⁴³

В 1613/14 г. произошло заметное событие в духовной жизни Новгорода. Шведские солдаты, стоявшие в Юрьеве монастыре, вскрыли гроб с телами св. кн. Мстислава и св. кн. Федора Ярославича, брата Александра Невского. Митрополит Исидор устроил торжественное перенесение мощей св. Федора: «сведав про се Исидор Новгородцкии митрополит и испросив у немецкого воеводы у Якова Пунтусова волю, да повелит ему взять мощи их из Юрьева монастыря, и взял сам митрополит со всем освященным собором честные их мощи и привез к Софии и положил с надгробным пением честне в церкви предреченной рожества Пресвятей Богородицы на леве в Софийском пределе»²⁴⁴

По мнению В. Г. Вовиной, в 1615 г. отношение московских властей к Исидору было жестким, в посланиях в Новгород и на переговорах в Москве его упрекали в слабости и непостоянстве, но позднее отношение к Исидору смягчилось, и в Новом летописце он изображен как страдательная фигура²⁴⁵. По сообщениям выходцев из Новгорода, в июне 1616 г. на дворе митрополита стояли шведские солдаты, на конюшенном дворе митрополита — ротмистр, «а немцы у митрополича крыльца стоят днем и ночью стерегут митрополита и церкви Софеи Премудрости Божии, чтоб церковные казны не перехоронили, по иным церквам и монастырям колокола переписали»²⁴⁶. Позднее митрополит был освобожден, но Делагарди приказал подготовить ему «на подъем» 6000 рублей сверх обычных платежей²⁴⁷. При этом сбор денег с новгородских церковей и монастырей в пользу шведской администрации также был оставлен за Софийским домом²⁴⁸.

²⁴³ Дело по челобитью о поместье Ганса Брякилева. 1613, осень // RA, NOA. Serie 2:19.

²⁴⁴ *Никольский А.* Описание Святой Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской области (до 1654 года) // ВАИ. Т. 14. 1901. С. 222–223.

²⁴⁵ Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 384–385.

²⁴⁶ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с сообщением о новых выходцах из Новгорода. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 159–160.

²⁴⁷ Допросные речи Деревяницкого старца Иосифа и кн. Ф. А. Нарымова с товарищами в Посольском приказе. 1616, июня после 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 161–162.

²⁴⁸ Расспросные речи торопецкого крестьянина Пашки Аксенова перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 17.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 130–131.

Хутынский архимандрит Киприан

Киприан был одной из самых противоречивых фигур в Новгороде Смутного времени. Как и большинство настоятелей важнейших новгородских монастырей, он участвовал в посольствах, направляемых из Новгорода в Швецию, Москву и другие города. Однако ничего не известно о роли, которую в этих посольствах играли, к примеру, вяжицкий игумен Геннадий или даже юрьевский архимандрит Никандр. Позиция же Киприана во всех посольствах выглядит яркой и самостоятельной. Его неординарная личность как при жизни, так и после смерти удостаивалась самых противоречивых оценок: от резко отрицательных до панегиричных²⁴⁹. Даже в околоисторической литературе, посвященной проблемам происхождения Русского государства фигурирует личность Киприана – «первого норманиста»²⁵⁰.

По возвращении из Москвы в апреле 1615 г. Киприан неоднократно подвергался допросам и арестам. Однако и находящийся под сильным давлением, архимандрит умело полемизировал со шведскими властями. Будучи допрошен сразу после возвращения из Москвы, он указывал на то, что Карл IX, умирая, наказывал Густаву Адольфу жить в мире с Москвой, «пусть Москва избирает себе государя из природных русских». Киприан сослался, что это ему говорили Делагарди, Горн и М. Пальм. Шведы, пусть не-

²⁴⁹ Киприан позитивно характеризуется Новым летописцем, созданным в кругах, близких к патриарху Филарету, как моливший верных Михаилу Федоровичу новгородцев, «чтобы пострадали за истинную православную христианскую веру» (Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 391). По мнению Л. Е. Морозовой, Киприан был автором Нового летописца (Морозова Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000). Это мнение было оспорено В. Г. Вовиной-Лебедевой, утверждающей, что нет достаточных оснований утверждать, что этот памятник был составлен духовным лицом (Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 32). Как справедливо отметила В. Г. Вовина, при этом в грамотах 1615 г., посланных в Новгород, Киприан, как и все новгородцы, обвиняется в измене (Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 385). В последнее время Я. Г. Солодкин высказал серьезные сомнения в том, что источником летописного рассказа о мучениях Киприана был сам архимандрит Хутынский (Солодкин Я. Г. О некоторых спорных вопросах происхождения Нового летописца // ОФР. Т. 9. 2005. С. 335–350). На посту новгородского митрополита Киприан возбудил против себя неприязнь определенной части городской элиты, что выразилось в возбуждении против него дела о «неправдах и непригожих речах» (Зерцалов А. Н. О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627–1633 гг.) // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. С. 1–36). Подробный очерк, посвященный Киприану написан Е. К. Ромодановской, отметивший масштаб личности архимандрита (позднее архиепископа Тобольского, митрополита Крутицкого и, наконец, Новгородского), продвигавшего культ новгородских святых и святынь в Сибири, инициатора сибирского летописания, создателя Чиновника Новгородского Софийского собора, возможного покровителя создания «Повести о Словене и Русе» (Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 156–163). В вышеупомянутом очерке В. Г. Вовиной отмечается также особая близость Киприана к Филарету и вместе с тем самовластность иерарха, велевшего, в частности, именовать себя «господином митрополитом» (Правящая элита... С. 389–390). Особое мнение о Киприане у Е. И. Кобзаревой, считающей, что Киприан — «человек достаточно трусливый, готовый во избежание неприятностей служить кому угодно» (Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 20), позволяющей себе говорить о Киприане, вернувшемся летом 1615 г из Москвы: «В очередной раз испугавшийся Киприан раскаялся в своих действиях» (Там же. С. 24).

²⁵⁰ Меркулов В. И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 40–41.

охотно, но признали заявление Киприана справедливым. «Не ведая на удачу, то мы говоривали ль?» возразил сначала ведущий допрос Монша... Но когда Киприан с жаром сказал: «да послух на то Анца, он перед нами мне то толмачил, ваши ль речи или будет он то собою замышлял», Монша согласился: «ино было так»²⁵¹.

В 1616 г. архимандрит Киприан был одним из самых аккуратных информаторов московских послов в Тихвине, несмотря на то недоверие, которое ему оказали в Москве его товарищи по посольству Яков Боборыкин и Матвей Муравьев²⁵².

Как отмечалось выше, в Москве интересовались сохранностью софийской казны, но одновременно частым вопросом было сохранение «пения», т. е. службы в новгородских церквях. В 1808 г. митрополит Евгений (Болховитинов) опубликовал роспись новгородских церквей, существовавших в 1615 г.²⁵³ В многочисленных исследованиях по исторической топографии Новгорода XIX – начала XXI в. эта роспись привлекалась в качестве важного источника по церковному строительству²⁵⁴. Подчас, опираясь на эту опись и на опубликованную В. Л. Яниным опись Новгорода 1617 г., ученые делают вывод о полном разорении новгородских церквей в годы шведского военного присутствия 1611–1617 гг. Впрочем, еще в трудах Г. А. Замятина было показано, что мотив разорения новгородских церквей встречается в посланиях из Москвы в Новгород как к новгородцам, так и к шведской администрации только с 1615 г., после посольства архимандрита Киприана. Зимой 1615 г. Киприан, Боборыкин и Муравьев говорили в Москве, что «монастыри и церкви в Новегороде и в уезде запутошены все опричь дву монастырей Спаса Хутыня да Онтоньева монастыря, а те все 70 монастырей разорены стоят без пенья»²⁵⁵.

Однако в архиве Посольского приказа сохранился документ, существенно дополняющий перечни церквей, содержащиеся в описи новгородских церквей 1615 г., опубликованной митрополитом Евгением (Болховитиновым) и в описи Новгорода 1617 г.

22 августа 1615 г. в Тихвин от хутынского архимандрита Киприана, арестованного в тот момент секретарем М. М. Пальмом, вышел служка Осташка Буравцов. Он принес

²⁵¹ Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 40–41. О том же, с. 210–211, сн. 19.

²⁵² 18 февраля 1615 г. в Москве Боборыкин и Муравьев просили принять от них крестоцелованье Михаилу Федоровичу втайне от Киприана и посланных с ними в посольстве посадских людей, «потому что они люди простые, приехав в Новгород, учнут всяким людем про то вмещати» (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 189).

²⁵³ Роспись, сколько в Великом Новегороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околородных монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году после опустошения, произведенного в Новгороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса дела Гарди // Митрополит Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода. М., 1808.

²⁵⁴ Отмечу здесь только наиболее важные работы последних лет: Сорокатый В. М. Великокняжеские патрональные и памятные посвящения храмов Новгорода в начале московского периода его истории // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. 2. СПб., 1997. С. 281–286; Петров Д. А. Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999; Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 95–157.

²⁵⁵ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 168.

воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому два документа — роспись, сколько «немецкие люди» разорили храмов в Новгороде, Новгородском уезде и новгородских пригородах и пятинах, «да в книжке, государь, немецкой писано прутом медным расход», сколько в каком году «немецкие люди» собрали денег с новгородского посада и монастырей. 24 августа воеводы отправили Буравцова в Разряд, позднее, видимо, его с этими документами затребовал Посольский приказ²⁵⁶.

При внимательном ознакомлении с первым из документов, принесенным Буравцовым в Тихвин²⁵⁷, выясняется, что именно этот документ назван митрополитом Евгением в 1808 г. «Росписью, сколько в Великом Новгороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околородных монастырей, местных храмов и приделов, учиненной в 1615 году после опустошения, произведенного в Новгороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса дела Гарди»²⁵⁸. При этом митрополит Евгений публиковал документ с сокращениями (чего он, впрочем, не скрывал) и перестановками в тексте, казавшимися ему логичными. В публикации 1808 г. была представлена только та часть документа, которая в основном описывает церкви самого Новгорода и часть пригородных монастырей. Роспись же, привезенная Буравцовым в Тихвин, включала в себя также храмы и монастыри Поозерья, дворцовых сел по южному берегу Ильменя, погостов к востоку от Ильменя, храмов Половатья и Поволховья. Отдельной частью в роспись 1615 г. включены храмы Старой Руссы. Крайней точкой на западе является церковь в Славковичах, на юге — Богословская церковь в Нагове в Старорусском уезде, на востоке — Рождественский монастырь в Передках, близ Боровичей, на северо-востоке — Середокорытный монастырь, а на севере — Никольский монастырь в Гостинополье на Волхове. О храмах новгородских пригородов и Гдова сказано общая фраза: «которые в уездах новгородских и кроме Оришья и Ладоги и Ямы и Копорья и Иванягорода и Вьдова и Порхова и кроме Заониских погостов монастырей и храмов и по селам выставочных погостов что вызжено, и того не счесть»²⁵⁹. Всего поименно в росписи дополнительно к публикации митрополита Евгения названо 44 пункта (в том числе, Старая Русса, в которой перечислено 26 храмов). Роспись не является описанием новгородских церквей, как часто называют ту часть документа, которая была опубликована митр. Евгением. В ней упоминается лишь посвящение главного и придельного престолов, а также каменный тот или иной храм или деревянный. Вероятно, в основе документа лежала какая-то платежная роспись Новгородского Софийского дома.

Неясно, что побудило архимандрита Киприана отправить в Тихвин эти документы; практической значимости для тихвинских воевод, да и для московских властей они в

²⁵⁶ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Разряд. 1615. 24.08 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 7. Л. 1.

²⁵⁷ Роспись церквам и монастырям Новгорода и округи. 1615 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 7. Л. 6–13.

²⁵⁸ *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 81–88.

²⁵⁹ Роспись церквам и монастырям... Л. 10 об., 11 об. Эта фраза, впрочем неточно, процитирована и в публикации митр. Евгения (*Митрополит Евгений (Болховитинов)*). Исторические разговоры... С. 88.

1615 г. явно не имели. Отпуск грамоты из Тихвина к Киприану, которая могла предшествовать посылке этих документов, должен был оказаться в делопроизводстве не Посольского, а Разрядного приказа, куда до 14 октября 1615 г. тихвинские воеводы отправляли все исходящие и поступавшие к ним документы, за что были удостоены жесткой отповеди из Посольского приказа²⁶⁰.

С данным документом в первой половине XX в. знакомилась Г. А. Замятин и В. А. Фигаровский. Последний, процитировавший часть росписи в своем исследовании о новгородском посольстве 1615 г., отметил, что в общем заключении Киприана о том, что «все те монастыри и храмы выжжены и разорены. Каменные... развезены на печи и домницы, а деревянные храмы развезены на дрова и в конюшни и в поварни» содержится «значительное преувеличение»²⁶¹.

Летом 1616 г. Киприану удалось отправить в Москву свою сестру (видимо, на ее дочери был женат И. П. Жеглов, заводила новгородского мятежа 1650 г.). Он и сам выказал намерение бежать из Новгорода, но эта попытка была пресечена властями, и Киприан был арестован²⁶². При аресте, «как пришли по него в монастырь Ирик Ондреев да Гришка Собакин, и у него де взяли в келье челобитную, писана от ноугоротцкого митрополита и от него и от всяких чинов людей, а в той де челобитной написаны Якова Пунтусова неправды». Незадолго до этого был разграблен и Хутынский монастырь: «А как деи в Спаском монастыре платитца стало нечем, и Яков де взял у них в уплату с чудотворца Варламия раку серебряну, а ныне деи в уплату продали паникадило меденое, а купил деи его Богдашко Шорин, дал 50 рублей, а цена де тому паникадилу была триста рублей, а вперед деи Футьнским старцам платитца нечем»²⁶³.

Челобитная, найденная у Киприана при аресте, была адресована Густаву Адольфу и содержала обвинения Делагарди в различных злоупотреблениях. Делагарди начал следствие. На следствии митрополит Исидор отказался от своей подписи на челобитной, хотя и был уличен своим дьяком Степаном Спячим. В то же время Киприан и дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев свои подписи признали. Киприан попал в тюрьму, откуда его выпустили по челобитной юного кн. Н. И. Одоевского, а дьяки были посажены под домашний арест²⁶⁴.

²⁶⁰ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о том, что они не получали указания отправлять всех выходцев и все посольские известия в Посольский приказ, а не в Разряд. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 85–87.

²⁶¹ *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 55.

²⁶² Расспросные речи посадского человека Фомки Игнатъева в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 254–257; Расспросные речи служки Хутынского монастыря Треньки Семенова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 136–138.

²⁶³ Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

²⁶⁴ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастыря перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

После возвращения Новгорода под власть Москвы Киприан прожил долгую, богатую событиями жизнь: успел побывать первым Тобольским архиепископом и основать там Софийский дом, позднее оказался на новгородском митрополичьем столе. Святитель довольно критически относился к такой фигуре, как патриарх Филарет. В. Н. Козляков отмечает: «Даже знаменитый новгородский митрополит Киприан публично "прохаживался" по церковным познаниям "святейшего патриарха": "Прислана де ко мне от патриарха грамота, велено поститься неделю, и в той де грамоте наврано ко мне просто, что к которому игумену можно было написать; ко мне не так, складнее того; яз сам соборный и келейный чин знаю, старее всех, как поститься". Киприан подвергал сомнению даже чин патриарха: "Какой де свят, коли де свят будет"»²⁶⁵.

Семья князей Одоевских

3 марта 1616 г. в Новгороде умер боярин кн. Иван Никитич Большой Одоевский, новгородский воевода с 1610 г. и номинальный глава правительства²⁶⁶. Парадоксально, что о его собственной, сколько-нибудь самостоятельной политической деятельности в годы новгородского правительства 1611–1617 гг. почти ничего не известно. Можно смело утверждать, что несмотря на то, что имя боярина стояло во всех мало мальски значимых правительственных документах, оно, как правило, ставилось чисто номинально. Так, 26 января 1615 г. в Дворцовый приказ пришел подьячий Григорий Собакин (которому суждено было через несколько месяцев возглавить Дворцовое ведомство), «а говорил боярина Эверт Карлусовича Горна словом, что с митрополичьих трех веж да с Клопского монастыря свежих рыбных ловцов рыбы на нынешний 123 г. до указу не собирать». По его словам была написана память от лица Эверта Горна и кн. И. Н. Большого Одоевского, имя которого было написано автоматически²⁶⁷.

Гораздо больше информации о частной жизни боярина. Женатый на Агафье Игнатъевне Татищевой, в бытность руководителем Новгородского государства, потерял двух сыновей — князей Ивана Ивановича и Василия Ивановича, похороненных в Антониеве монастыре²⁶⁸. Живя, вероятно, в самом Кремле, он был прихожанином Князь-Владимирской церкви в Каменном городе²⁶⁹.

²⁶⁵ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 312.

²⁶⁶ В генеалогическом исследовании Г. А. Власьева приводятся следующие данные о кн. И. Н. Большом Одоевском: 26 октября 1589 г. он упомянут как стольник, за столом государя сказывал «в большой стол»; 18 января 1590 г. рында при походе государя в Новгород; 8 мая 1592 г. и 1 марта 1593 г. рында на приеме литовского посла; 22 мая 1597 г. стольник, участвовал в приеме австрийского посла. С 1606 – боярин. В мае 1607 г. царь Василий Шуйский, выступая против Самозванца доверяет столицу ему и кн. Д.И.Шуйскому. С 1 мая 1611 по 1 сентября 1614 (?) г. первый воевода Новгорода. Умер 7 марта 1616, погребен в Троице (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. СПб., 1906. С. 74-75).

²⁶⁷ Память из Дворцового приказа подьячим Л. Перфирьева и Б. Бересскому о несобирании до указа оброчной рыбы с митрополичьих вежек и рыбных ловцов Клопского монастыря. 1615. 26.01 // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 79.

²⁶⁸ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатъевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

²⁶⁹ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 31.

После его смерти в Новгороде остались сыновья Иван (умер к осени 1616 г.)²⁷⁰ и Никита, дочь и вдова, княгиня Агафья Одоевские. Княгиня имела родственников в Москве (Татищевых, в первую очередь — Ю. И. Татищева), которые ходатайствовали в Посольском приказе о помощи в возвращении княгини в Москву²⁷¹. Дело шло медленно, однако об Агафье Одоевской расспрашивали всех выходцев из Новгорода. В июне 1616 г. княгиня Агафья жила в новгородском «посаде, на Футынском подворье на Торговой стороне, а переведена де из города стояти на Футынское подворье по ее челобитью. А поместья деи за нею мужа ее в Ноугородцком уезде по-прежнему, тем де она поместьем с сыном и с людьми и кормитца, а приставов за нею и за сыном ее немецких людей нет»²⁷². Однако выезд за город княгине и ее детям, как и всем новгородцам, был запрещен. «А как деи княз Микита у Якова Пунтусова отпроситца в Онтоньев монастырь к родителем, и за ним де Яков посылает салдатов для обереганья»²⁷³. Сама княгиня лично пыталась отпроситься у Делагарди отпустить ее в Москву, но тот ответил отказом²⁷⁴.

Весной или ранним летом 1616 г. кн. Н. И. Одоевский бил челом о даче ему на оброк под сенокос пустоши Пруды. Его челобитная была адресована «государю королю Густаву Адольфу Карлусовичю». Вообще-то это должно указывать на то, что семья князей Одоевских присягнула королю²⁷⁵. Нахожу это предположение весьма вероятным.

Только к декабрю 1616 г. вдовая княгиня Одоевская выехала из Новгорода в Ладугу, откуда ей позволили ехать в Тихвин вместе с сыном князем Никитой и с конвоем из роты шведских солдат. Узнав об этом, кн. Д. И. Мезецкий велел охранявшему московский стан Столбовских переговоров Филиппу Арцыбашеву встретить княгиню с сотней стрельцов. Встретив, Арцыбашев препроводил княгиню с сыном к Тихвину, куда та приехала 15 декабря 1616 г. Княгиня передала послам разные известия от новгородцев (в основном содержавшие уверения в преданности царю Михаилу Федоровичу) и просьбу заплатить за них деньги, полагающиеся Якову Делагарди²⁷⁶. После расспросов

²⁷⁰ По данным Г. А. Власьева, кн. Иван Иванович, большой «убил себя сам из пищали в Новгороде», не служил (*Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. СПб., 1906. С. 77*). Благодарю П. В. Седова за указание на это замечание.

²⁷¹ В апреле 1616 г. думному дьяку П. Третьякову доложили, что о тех шведах, которые сидят в тюрьме на Москве, «бьют челом о размене боярина княж Ивановская жена Одоевского вдова княгиня Огафья з детми со князем Иваном да со князем Никитою, а ныне оне в полону у немецких людей в Новгороде» (Память думному дьяку Петру Третьякову о присылке в Посольский приказ пленных немецких людей и роспись пленных. 1616. 26.04 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 306–311).

²⁷² Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

²⁷³ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастыря перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

²⁷⁴ Расспросные речи дьячка Никольского монастыря с Островка Ульянка Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 25.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 384–387.

²⁷⁵ Дело по челобитной кн. Никиты Одоевского о пожаловании ему на оброк для косьбы в Холынской волости на Пшаге пустоши на Пруды для косьбы. 1616 // RA, NOA, serie 2: 209.

²⁷⁶ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, май–декабрь (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 200–203. пизод со встречей

послы отпустили княгиню в Москву, а проводить ее велели двоюродному брату дмитровцу Ивану Татищеву.²⁷⁷

Надо полагать, на дальнейшей судьбе кн. Никиты Одоевского период жизни в Новгороде сказанся чрезвычайно. По данным Ю. В. Арсеньева, князь родился около 1601 г.; таким образом он в 15-летнем возрасте пережил смерть отца (равно как и обоих братьев). Оказавшись в Москве, он получил чин стольника и в 1618 г. во время осады Москвы принцем Владиславом, он упоминается среди стольников, которые «малы, а были вверху у государя и в сполохи в полки ездили собою». В 1622 г. он женился на дочери боярина Ф. И. Шереметева Евдокии²⁷⁸. Что было особенно важно для его карьеры, с ноября 1625 г. кн. Н. И. Одоевский назван комнатным стольником (спальником) царя Михаила²⁷⁹.

Московская сторона на подготовке переговоров в Тихвине

С осени 1613 г. главной опорной базой Москвы на Северо-Западе становится Тихвинский монастырь. Несмотря на некоторые неудачи московских войск зимой 1613/14 г. (казаки, составлявшие значительную часть защитников Тихвина монастыря осенью 1613 г., зимой ушли на Пашу и Свирь, и было неясно, подчинятся ли они воеводам в будущем), именно в Тихвине и Устюжне собирались московские войска для противостояния Новгороду. После событий ноября 1613 г. Тихвин становится местом, куда из Новгорода приходят перебежчики. К августу 1615 г. здесь находится несколько сотен новгородских дворян и детей боярских.

В отличие от сообщения с Псковом, с Тихвином Москва поддерживала более или менее стабильную связь через Устюжну и Углич. Однако не стоит представлять, что здесь у московской власти все шло удачно. Десятня тихвинских осадных сидельцев содержит глухое упоминание о коллективной челобитной детей боярских Бежецкой пятины об оставлении тяжелой тихвинской службы: «И били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, а сказали: живут они на государеве службе на Тихвине бес съезду, и вперед на государеве службе быти хотят, а об отставке государю не били челом, а били де челом государю Бежецкие пятины дети боярские, которые не хотят быти на государеве службе на Тихвине, а их де Обонежские и иных пятин детей боярских писали в челобитную с собою за очи ложно»²⁸⁰.

После переговоров в Дедерине в январе 1616 г. шведские и московские посланные договорились о новой встрече между Тихвином и Ладогой. Но такое обозначение места

княгини и ее сына описан Г. А. Замятиным по материалам архива Посольского приказа (*Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории.* СПб., 2008. С. 398, сн. 119).

²⁷⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ, что Мерик отпросил у шведов княгиню Агафью, вдову кн. Ивана Большого Одоевского с сыном. 1616, декабря после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 158–166.

²⁷⁸ *Арсеньев Ю. В.* Ближний боярин Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной. Б.м., б.г. С. 4-5.

²⁷⁹ *Павлов А. П.* Комнатные стольники царя Михаила Романова // *Времена и судьбы.* Сборник статей в честь 75-летия В. М. Панеяха. СПб., 2006. С. 79.

²⁸⁰ Десятня беспоместных тихвинских сидельцев. 1615 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 125. Л. 58.

для встречи было чрезвычайно неточным, и в июне 1616 г. из Тихвина был послан голова Семен Дунилов для выбора предполагаемого места встречи (именно тогда в качестве одного из таких мест была предложена деревня Столбово²⁸¹).

Обе стороны переговоров остро нуждались в информации, которая поступала из следующих источников: сообщения из центра (для московских послов — из Посольского приказа) и сведения, собираемые непосредственно на месте. Здесь источниками были «вести», сообщаемые лазутчиками, перебежчиками и пленными. Лазутчиков рассылали обе стороны, но москвичи находились в заведомо выигрышном по отношению к шведам положении. Письма, посылавшиеся в Новгород из посольских станов, играли свою роль: новгородцы и жители пригородов были «распропагандированы» в пользу Михаила Федоровича и охотно сообщали вести, впрочем, подчас носившие совершенно мифический характер. Прибывшие в Тихвин в июле 1616 г. послы кн. Д. И. Мезецкий с товарищами, обеспокоенные известиями о возможных передвижениях шведских войск, распорядились всех приходящих в Тихвин непременно приводить к себе в съезжую избу, а также переписать все дворы в остроге, настрого запретив жить в них без явки послам или воеводам, «и в нищих велели голове стрелецкой с сотники и с стрелцами беречь и розсматривать, чтоб лазутчики в нищем платье в острог не вошли и в монастырь не ходили и не жили»²⁸².

После появления послов в Тихвине и их первых непосредственных контактов со шведами у москвичей объявилось множество сторонников-ладожан, стремившихся заслужить себе прощение и «явно» показать свою верность царю Михаилу Федоровичу. Одним из информаторов стоявших в Тихвине монастыре кн. Д. И. Мезецкого с товарищами был строитель ладожского Ивановского монастыря с Малышевой горы Варсонофий²⁸³. Летом 1616 г. он регулярно на свой страх и риск отправлял в Тихвин свежую информацию.

Первый контакт с москвичами Варсонофий начал в начале июля, сообщив в Тихвин, что у него имеются вести, предназначенные для московских послов. Варсонофий сообщил лазутчику Ларке Федотьеву о приходе в Ладугу крупного военного контингента из

²⁸¹ Роспись головы Семена Дунилова о предполагаемом месте съезда. 1616. 18.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 219–226.

²⁸² Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладугу крупного отряда немцев и об известиях от Выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. 1616, июля после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

²⁸³ Варсонофий в качестве строителя Ивановского монастыря известен с 1612 г. (Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349)). Ранее, в 1608 г., монастырь возглавлял его вероятный предшественник игумен Дионисий (Обыскные книги житничного ключника Афанасия Лопухина и подьячего Юрия Юмина о числе посадских дворов на Ладожском посаде и рыбных ловлях ладожских посадских людей в Ладуге и в погостах Ладожского уезда. 1608. 29.08–7.09 // Дело по челобитной ладожских посадских людей о невзимании с них оброчных денег за рыбные ловли за прошлые 116, 117, 118 и 119 годы. 1608. 12.05 – 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 142–155). Среди других упомянутых в документе монахов Ивановского монастыря старца Варсонофия нет.

северных областей Финляндии во главе с Гансом Мунком²⁸⁴. Ранее же в Ладугу, по словам Варсонофия, пришел выборгский наместник Арвид Теннисон с сотней человек. «А острошку у Арвея нет, стоит в шатрах без острошку, а в полку де у Арвея три пушки, уставлены на три стороны, по Тихвинской да по Орешковской дороге, а запасу всякого в Ладугу хлеба и коров и боранов и коз и питья всякого привозили из Немецкие земли добре много, а ссыпаны де всякие хлебные запасы в Ладуге в житницы, а питья ставили по погребом, а животны ныне не бьют, пасут на поле, а сена де на зиму припасают немецкие люди добре много, а говорят де немецкие люди, что в Ладугу немецкие прибыльные люди из Лопи ещо будут, а вскоре ль будут и сколко человек, того не ведает»²⁸⁵. Кроме того, по словам Варсонофия, в Невском устье стоит большой военный корабль, «с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцат пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»²⁸⁶. Примерно в то же время вышедший в Тихвин сын боярский Михаил Рындин сообщал на допросе, «что служат государю и прямят в Ладуге Иванна Предтечи строитель Варсунофей да посадцкой Клементьевской поп Иван да староста Ивашко Григорьев да посадцкой человек Михалко Казанцов»²⁸⁷. Примечательно, что в очень похожих терминах участники миссии хутынского архимандрита Киприана Я, М. Боборыкин и М. В. Муравьев говорили о «прямящих» царю Михаилу Федоровичу боярине Одоевском, дьяке Семене Лутохине и митрополите Исидоре, а вышедший из Москвы в Тушино подьячий Чубаров утверждал, что «из бояр прямят государю Димитрию Ивановичу князь Борис Лыков, князь Иван Куракин, князь Василий да князь Андрей Голицын, да князь Иван Дмитриевич Хворостинин, а с ними дворяне, дети боярские и торговые люди, а сколько их человек и кто именно, того не упомянет»²⁸⁸.

16 августа 1616 г. строитель Варсонофий сообщил казаку, посланному Ч. Спешневым под Ладугу «для вестей», что шведы не признают казаков Спешнева государевыми «и называют немецкие люди тех казаков ворами, что де будто те казаки твои государевых послов ни в чем не слушают, а поставили де государь острожек будто самоволством»²⁸⁹.

18 августа того же года сам строитель Варсонофий отправляет в Тихвин «вестовую память» следующего содержания:

²⁸⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладугу крупного отряда немцев и об известиях от выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. 1616, июля после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

²⁸⁵ Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Расспросные речи сына боярского Михаила Рындина перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (все листы перепутаны). 1616, июля после 19 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 187–191, 182.

²⁸⁸ Соловьев С. М. История России. Т. 8. М., 1989. С. 517.

²⁸⁹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ с изложением расспросных речей казака, посылавшегося Ч. Спешневым под Ладугу (без конца). 1616, августа после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 1–10.

«Великаго государя царя и великаго князя [Михаила] Феодоровича всеа Русии самодержца [и мно]гих государств обладателя милости его царския в[...] послов околничему и суждалскому наместнику князю Данилу Ивановичю да дворянину и наместнику шацкому Алексею Ивановичю да диаком Миколая Микитичю да Добрыне Семеновичю Иван[овского] монастыря Малышевской Горы нищей чернец Варсонофьище молю и до лица земнаго челом бью. Да велели вы, наши государи, проводнику Нехорошему у нас, нищих, вестей спросити, и мы, нищие, лико ведаем, толико и пишем. Нынешнего, государи, 124-го году августа в 6 ден пришел из Новагорода кровопролица и человекоедец и крестопреступник Яков Пунто-сов разслаблен, а с ним и Монша, а ратных конных рота, а ротмистр Лаврин²⁹⁰, а в роте пятьдесят человек, а салдатов сто семдесят, то у него и надежа. А о старых людех прежде сево писано. А подо Псково выблядок²⁹¹ послал семсот от себя, а велел им поставить таборы на том месте, где сам король стоял и по милости Пресвятыя Троица и Пречистыя Богородица посылку встретили за Елизаровом мононастырем и топтали до Сыренца и многих языков поймали и немецкой острожек взяли, а в нем было полтора ста латышев, всех посекли. И тот выблядок со всеми людми сам ходил [...] так же встретили и до Вдова топтали. И он, государи, и в Ругодив збежал. А те, государи, вести нам сказывал псковской казак, на деле его взяли да привели в Ладогу, а впредь что же о том, кое объявится, и мы тотчас человека своего пошлем к вам. Да что, государи, по вашему велению, стоят на Сяси в острошки, и вы, государи, велите им стояти бережно, потому умышляют над ними немецкие люди, а говорят: то де воры стоят, а не по государеву указу. То, государи, наза наши вести. Государи, смилуйтесь, пожалуйста, которое от нас, нищих писмишко приходит, и то, государи, сохраните во своих селеутробных сокровищех. А писал нищей чернец Варсонофьище своею рукой. Августа в 18 ден»²⁹².

После окончания Смуты имя строителя Варсонофия вновь встречается в источниках в связи с делом о тюремном содержании литовцев, плененных под Ладогой в 1619 г. Их поместили в Ивановский монастырь: «...и ныне, государь, те литовские люди посажены в тюрьму, а мы, нищие, из всего Ладожского присуду к тюрьмам наймем сторожей, а даем, государь, на месяц сторожем по 40 алтын, и нам, государь, от тех тюремных сторожей наймующи на порубежном на пустом городе великая шкота ставитца».²⁹³ По сведениям Н. Е. Бранденбурга, в 1624 г. строитель Варсонофий еще продолжал возглавлять Ивановский монастырь, а к 1628 г. его сменил игумен Иона²⁹⁴.

В канун Столбовских переговоров до послов, находившихся в Тихвине, дошло еще известие о документальном подлоге, который предполагают осуществить в Тихвине шведы. Все «доброжелатели» Москвы в Новгороде — дьяк Пятой Григорьев, кн. Н. Я. Мещерский и М. Ш. Муравьев сообщали послам о том, что новый руководитель шведской администрации Новгорода Сванте Баннер отправил в Ладогу к Делагарди новгородские

²⁹⁰ Лоренц Вагнер.

²⁹¹ Незаконнорожденный сын Карла IX Карл Карлсон Юлленгельм.

²⁹² Вестовая память строителя Ивановского монастыря Варсонофия послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами. 1616. 18.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 35.

²⁹³ Список с челобитной монастырей, дворян и детей боярских Ладожского присуду о переводе плененных литовцев из Ладоги в Новгород. 1621, янв. // СПбИИ. Ф. 109. Д. 563.

²⁹⁴ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 53, прим. 2.

писцовые книги²⁹⁵. 22 декабря 1616 г. в Тихвин пришли новгородцы — посадский человек Петрушка Данилов и дьячок Солецкого погоста с Волхова Андриюшка Никифоров. Они выполняли, в частности, поручение новгородского подьячего Данила Ракова, который просил их сообщить послам: «есть де в Новегороде писцовая книга Дмитрея Китаева, а как писана тому 123 лета. И в той де книге писан Новьгород и Ноугородцкой уезд и пригороды и которые волостки и погосты х которому городу приписаны. И с тех де книг выписал Анца Брякилев Лопских сем погостов, а смежни те погосты с Олонечким и Заонежскими погосты. А приписаны те погосты к Новугороду, и им бы те погосты приписать х Кореле или к Орешку. А доходу с тех погостов государю на год по 120 рублей, а угодыя в тех погостех звериная ловля. Да ис тех же книг выписал Старорусского уезду Сомерской погост, а хотят приписывать к Иваню городу или к Яме, для того, что де ныне на Москве тех книг нет. И государевым де послом про то неведомо, что те погосты приписаны к Ноугородцкому уезду. И после де того как поехал из Новагорода воевода Свант в Ладогу, и он де книги взял с собою, и государевым де послом те книги ведомы были, чтоб на них о тех погостех слатца, что они приписаны к Новугороду»²⁹⁶. Послы, уже находясь в Столбове, уведомили о такой каверзе шведской стороны Посольский приказ. Приказ особенно заинтересовался судьбой Лопских погостов и провел расследование. «А в чертежу и в росписи, каковы чертеж и роспись присланы были к вам с Микитою Тырковым Лопских погостов не написано, а написано х Кореле семь погостов, а к Орешку по сю сторону Невы реки и за Невою восемь погостов... а сказывал вам Микита Тырков, что сказывал ему на Москве подьячий Иван Федоров, что есть Кореле и Корелскому межеванью в Посолской Верхней полате межевые книги». Однако в Москве никаких межевых книг сыскано не было, а подьячий Федоров сказал, что никаких книг не видел и Тыркову ни про какие книги не говорил. Послам было отправлено указание опираться на то, что по Тязвинскому миру шведы вернули только те погосты Корельского уезда, которые есть, а ни о каких Лопских погостах речи не шло²⁹⁷. К концу 1616 г. новгородцев в Новгороде почти не осталось. По словам пришедшего в Тихвин одним из последних юного новгородца Федора Жданова Обольянинова, «а русских людей в Новегороде всего детей боярских человек с 30 да посадцких людей с 200, а с Покрова Святей Богородицы все хотели из Новагорода идти, потому что им от великих правежев прожить не мочно». Хлеб в Новгород привозят из Корелы и других шведских городов²⁹⁸.

²⁹⁵ Статейный список... Л. 214–215.

²⁹⁶ Расспросные речи новгородских выходцев перед тихвинскими воеводами В. Ф. Неплюевым и И. Х. Харламовым. 1616. 22.12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 126–127.

²⁹⁷ Грамота из Посольского приказа послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами по их отписке о том, что немцы взяли в Новгороде писцовые книги. 1617. 3.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 12–21а. В начале XVI в. Лопские погосты были частью Водской пятины и, видимо, ее Корельского уезда. Однако уже после Ливонской войны они были сохранены за Московским государством и не переданы Швеции вместе с Корелой.

²⁹⁸ Расспросные речи в Посольском приказе новгородцев Водской пятины Федора Жданова сына Обольянинова с людьми. 1616. 7.10 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 87–89.

С декабря 1616 г. послы уже не столько призывают новгородцев уходить в Тихвин, сколько обращаются к оставшимся с призывом о терпении и с обещанием ожидающей их царской милости²⁹⁹. В ответ послы получили грамоту от новгородцев за подписью митрополита Исидора, написанную 18 декабря 1617 г. В ней содержались примечательные слова о молитве всех новгородцев о здравии государя, государева отца митрополита Филарета Никитича, государевой матери инокини Марфы Ивановны. Митрополит писал о своем увещании новгородцев, обнадеживании их грядущей царской милостью. Даже тем, кто «прямили немцам или по грехом крест целовали» Густаву Адольфу, он обещал от имени царя прощение, так «как было отпущено тем, кто прямил польским и литовским людям»³⁰⁰.

Кроме обращений ко всем новгородцам, послы адресовали свои призывы конкретным видным фигурам, в первую очередь — архимандриту Киприану. Борьба шла уже не за Новгород, который очевидно возвращался под власть Москвы, но за души новгородцев. В ноябре 1616 г. Деллагарди послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина да Сенку Игумнова да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве». После этого в Новгород к архимандриту Киприану отправился служка Хутынского монастыря Куземка Яковлев. Ранее Б. Шорин уже обращался к послам с принесением своей вины, и послы решили переломить ситуацию в свою сторону. Они велели архимандриту Шорина «и иных людей, которые немецким людям прямиат» призвать к себе и тайно их уговаривать, чтобы они не служили шведам и не переманивали новгородцев на шведскую сторону. Кн. Д. И. Мезецкий писал в Москву: «И ты, государь, их пожалуешь, хотя буде чья вина, вину им отдашь, то ся делало от неволи, бояся от немецких людей смертново убийства и грабежу, и то ныне все будет твоей царскою милостью покрыто и вперед не памятно». Киприан, по словам послов, в Новгороде уговаривал оставшихся людей «чтоб не ослабело х концу и не смутились, а были б надежны на твою царскую милость». Шведы же давали льготу тем, кто уходит на «немецкую половину». Те, кто «доброхотает свейскому королю», боятся от московской власти опалы и смерти, «и от боязни хотят ехать в Свею». Архимандрит же и антоновский игумен Павел «тех людей розговаривают и емлют на свои души клятвою и дают в поруке Софею Премудрость Божию и ноугородцких чюдотворцов, что им от тебя, государь, будет милость»³⁰¹.

Целовал крест царю Михаилу Федоровичу даже Тимофей Хахин, житель Корелы, служивший в Новгороде переводчиком в 1611–1617 гг. и после Столбовского мира остав-

²⁹⁹ Список с грамоты английского посла Джона Мерика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. 1616. 5.12 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 221–223.

³⁰⁰ Список с грамоты, присланной к послам из Великого Новгорода от митрополита Исидора и всех новгородцев, о том, что они надеются на государеву милость и многих собравшихся ехать в Швецию уговорили остаться на стороне Московского государя. 1616. 18.12 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 212–220.

³⁰¹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладogi. 1616, декабря после 9 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 137–140.

шийся под властью шведской короны. Когда в 1620-х между новгородским воеводой и корельским комендантом велась переписка о взаимной выдаче перебежчиков и других «обидях», комендант Корелы Г. Монсон адресовал новгородскому правительству упрек в невыплате долгов новгородцами Т. Хахину. На это назначенный в Новгород воеводой боярин кн. Д. И. Мезецкий, ведший в 1615–1617 гг. длительные переговоры со шведами в Дедерине и Столбове, упоминал в своей отписке на имя царя Михаила Федоровича: «А то, государь, писано про нево для тово, что тот Тимоха, целовав крест тебе, великому государю, с Тихвины збежал в их сторону изменю, да и ныне меж государств ссору делает и затевает ложные слова, чево и не бывало»³⁰². Находившемуся в Тихвине в 1616–1617 гг. кн. Мезецкому должны были быть известны обстоятельства «измены» Хахина, хотя прямых указаний в источниках на нее я не нашел³⁰³.

Надо сказать, что и по окончании переговоров, заключении мира и возвращения Новгорода под власть Москвы судьбы вчерашних присяжных подданных шведского короля не переставали интересовать шведскую сторону. Еще на переговорах в Столбове шведские послы беспокоились об освобождении плененных москвичами новгородцах и о восстановлении разлученных таким образом семей путем отдачи пленных шведам, если члены их семей присягнули шведскому королю. Москвичи же отвечали, что государь пленным вину простил, а выдать православных людей шведской стороне они не могут: «и им как то сделать: оставя свою веру и природное государство, идти к государю вашему служить в Свюю». О тех, кто якобы сослан в Сибирь, москвичи отвечали, что они посланы в Сибирь не в ссылку, а на службу, воеводами и головами³⁰⁴.

Особое место занимала личность Никиты Калитина, в 1620 г. включенному в состав шведского дворянства. По словам шведов, у него в бою с москвичами было взято в плен двое братьев. Г. А. Замятин отмечает, что, согласно документам архива Делагарди, Калитин целовал крест королю «с братьею»³⁰⁵. Русские переговорщики отвечали, что братья Калитины присягнули царю Михаилу Федоровичу и утверждают, что Никита Калитин просит их о помощи в освобождении из шведского «плена». Шведы были ошарашены таким утверждением. По их словам, такое было совершенно невозможно, а если же так, то русским людям ни в чем нельзя верить. Они предложили сделать очную ставку на границе, но, по словам москвичей, «таких государевых природных людей ставить непригоже». На этом спор был прекращен³⁰⁶.

27 февраля 1617 г. был подписан мир, и послы из Столбова двинулись к Новгороду принимать его под царскую руку. На въезде их встречали митрополит Исидор с остав-

³⁰² Отписка новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого и дьяков Михаила Милославского и Добрыни Семенова о переписке с корельским державцем Генрихом Монсоном. 1623. 26.01 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 117.

³⁰³ Биографические сведения о Тимофее Хахине с 1607 по 1622 г., базируясь преимущественно на материалах Посольского приказа и отчасти на кабалах и переписке об аресте новгородского купца И. Вруцкого, привел на страницах своей работы Г. А. Замятин (*Замятин Г. А. Россия и Швеция...* С. 454-455).

³⁰⁴ *Якубов К. Россия и Швеция...* С. 16.

³⁰⁵ *Замятин Г. А. Россия и Швеция...* С. 397, сн. 117.

³⁰⁶ Там же. С. 18–19.

шимися немногочисленными новгородцами. Через две недели московская власть вошла в Ладугу и Порхов. Пропуск через границу (которой, впрочем, еще толком не существовало) без документов был запрещен. Так, кн. Д. И. Мезецкий писал губернатору Ингерманландии К. К. Юлленгельму: «Ныне в Новгороде учинили заповедь, чтоб немецких людей без отпускных не принимали, и в Тесове поставили на заставе голову Григорья Обольнянинова с стрелцы, а не велели ваших неметцких людей в Новгород без отпускных пропускати, а велели отказывать»³⁰⁷.

Выход из Смуты не повлек за собой репрессий ни в Москве в 1612 г., ни в Новгороде в 1617 г. Патриарх Филарет в 1619 г. согласился с сохранением новгородцами поместий, полученных ими в центре государства³⁰⁸, однако пожалования при шведах в спорных случаях за новгородцами не утверждались.

Смута кончилась восстановлением гражданского мира. В результате воцарения Романовых властная элита объединила представителей старомосковской знати и тушинских выдвиженцев. Еще С. В. Бахрушин в 1924 году писал об обилии тушинцев, «вдруг всплывших» с приходом к власти Романовых, особенно после возвращения из польского плена патриарха Филарета³⁰⁹. С этим обстоятельством связано большое число полемических литературных трудов, которые дала Смута в России и для западной и для европейской политической мысли. Наиболее известны Новый летописец, «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Повести» князей М. П. Катырева-Ростовского и И. А. Хворостинина, «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея. Но все эти работы — результат длительного литературного творчества — призваны обосновать ту или иную политическую платформу или найти оправдание тем или иным действиям личности или корпорации. Их объединяет то, что все они созданы значительно позже описанных в них событий. Представляется важным осветить, как в повседневной работе идеологов выражались те или иные политические приоритеты и образы, актуальные для риторики того или иного узла политических противоречий, выявить идеологические схемы, использовавшиеся для решения конкретных тактических проблем разных политических сил 1604–1617 гг. и диалога между ними в условиях гражданской войны «всех против всех». Кроме того, исследование литературных памятников Смутного времени — задача давно и успешно решаемая. Гораздо менее изучен вопрос о способах обоснования властью своих конкретных действий.

Новгород и его соседи

Политический распад Московского государства после середины лета 1610 г. создала такую политическую ситуацию, когда отдельные города вынуждены были строить особые отношения с соседями. Такие отношения носили сложный характер и серьезно ме-

³⁰⁷ Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 13. С. 57–63.

³⁰⁸ *Козляков В. Н.* Михаил Федорович... С. 161.

³⁰⁹ *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 79–110.

нялись в ходе развития политической жизни и постепенного утверждения власти правительства Михаила Романова. Для Новгорода такими соседями прежде всего были Псков и Каргополь, в меньшей степени Торопец, Ржева Пустая и Осташков.

Новгород и Псков

События Смутного времени в Пскове — одна из малоизученных страниц истории начала XVII века. Отечественная историография прежних лет преимущественно исследовала те социальные группы, которые участвовали в перевороте в пользу Тушинского вора. Согласно последним исследованиям И. О. Тюменцева, основной базой для сторонников Лжедмитрия II во Пскове были служилые люди по прибору, как, впрочем, и повсеместно³¹⁰. С этой мыслью Тюменцева солидарна его ученица Н. В. Рыбалко: «1-2 сентября 1608 г. Псковский мир, как показывает исследование И.О.Тюменцева, оказался перед выбором и раскололся, что было вызвано появлением у ворот города новгородско-шведского и тушинского отрядов. "Худые людишки" открыли ворота войску самозванца»³¹¹.

Противостояние Новгорода и Пскова в годы Смуты в последнее время становится объектом пристального внимания исследователей. Наиболее развернутые исследования событий, происходивших во Пскове, принадлежат В. А. Аракчееву. Ученому удалось создать новый взгляд на политические перемены в городе в 1608–1610 гг., в частности на взаимоотношения Пскова с Лжедмитрием III и с новгородцами. На мой взгляд, однако, В. А. Аракчеев слишком трагически воспринимает переход Новгорода в июле 1611 г. под управление совместной со шведами администрации, противопоставляя «стратегию» новгородцев «стратегии» псковичей, шведов в город не впусивших (однако некоторые время признававших «тушинскую» администрацию, а позднее принявших «вора Матюшку»)³¹².

Специальную статью о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в 1611–1616 гг. опубликовала Е. И. Кобзарева. Исследовательница, напротив, не будучи знакома с новейшим взглядом на Смуту во Пскове, сформулированным В. А. Аракчеевым, описывает новгородско-псковское противостояние более осторожно, без однозначных трактовок. Интересно наблюдение Е. И. Кобзаревой о том, что весной–летом 1611 г. оба города апеллировали к Подмосковному ополчению. Важно также наблюдение о единичных отъездах псковичей в Новгород и о небольшом количестве псковичей, появившихся в Новгороде в 1611–1612 гг. (как, кстати, и дворян Обонежской и Бежецкой пятин)³¹³.

³¹⁰ Тюменцев И. О. Смута в России... С. 272-273.

³¹¹ Рыбалко Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV-Начала XX века. Сб. статей памяти Н.Е.Носова. СПб., 2007. С. 297.

³¹² Аракчеев В. А. 1) Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 165–200; 2) Псков и Новгород: две стратегии в хаосе Смуты // Чело. 2004. № 3. С. 25–32. Эти работы В. А. Аракчеева остались неизвестны виднейшему сегодня исследователю Тушинского движения И. О. Тюменцеву (*Тюменцев И. О. Смута в России...* С. 264 и далее).

³¹³ Кобзарева Е. И. Противостояние Пскова и Новгорода в период Смуты // Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию летописного упоминания). Псков, 2003. С. 295–302.

Вспомним, как развивались события в 1608–1610 гг. После Пасхи 1608 г. из Москвы во Псков прибежали дети боярские во главе с Борисом Неведревым и стрельцы со стрельцким головой Афанасием Огибаловым и сотником Матвеем Блаженковым, ранее взятые в плен Тушинским вором, целовавшие ему крест и распущенные по домам. Во Пскове Огибалова и Блаженкова посадили в тюрьму.³¹⁴

Псков целовал крест Тушинскому вору летом 1609 г. Тогда же от Вора в город приехали воевода и тушинский боярин кн. Александр Жировой-Засекин, пан «православной веры» Андрей Троянов и дьяк Иван Леонтьевич Луговской, «доброй муж в разуме и в седилах». Почти в то же время, 19 августа 1609 г. происходит и первый конфликт псковичей с новгородцами, в котором с самого начала участвуют немецкие люди Эверта Горна.

19 августа 1609 г. под Псков пришли новгородские и псковские дети боярские, а также атаман Тимофей Шаров с казаками и шведские войска. Многие псковские дети боярские склонялись к этому войску, после чего начались репрессии против больших людей и бояр (пытали сына боярского «Прокофья Окунева; а брат Михаило, и прочих на пытках с Немцам бы подо Псковом и вси псковские дети боярские»), которые проводили кн. Александр Жировой-Засекин и Иван Луговской «и старосты псковские и посадские мелкие люди». Осенью того же года под Псков пришел кн. И. А. Мещерский «с немецкими и русскими людьми». Псковские летописи под тем же самым временем помещают известие о том, что «в то же время на Москве и в Торопце и в Новгороде при Салтыкове целовали крест королевичу литовскому Жигимонту», однако, как известно, присяга Салтыкову в Новгороде произошла только в ноябре следующего, 1610 г. Ранее, на Масленицу 1610 г., во Псков из новгородского Порхова дошла грамота о том, что «табары разорены, и иныя многие прелести и соблазны». Псковское дворянство после этого известия справедливо стало опасаться псковских стрельцов — самую надежную опору Самозванца, стоявших на Запсковье. Это вызвало внутригородской конфликт (горожане были склонны впустить стрельцов в город), в результате которого тушинский боярин Александр Жировой Засекин, «и други с ним, и дети боярские и гости и владычни, Семен Порываев и прочии, всякое их многое собранье, 300 человек выехаша во Власьевские ворота на Великую реку, на Снетную горы и в Новгород, а иныя в Печоры, а многие по домом схоронились до времени». После этого псковичи переписали имущество тех, кто отъехал, за исключением оставшихся во Пскове и в Печорах³¹⁵.

Именно с этими событиями, по всей вероятности, связано появление в Новгороде большого числа псковичей — детей боярских и подьячих. И гостя Семена Порываева мы находим на новгородской службе уже в сентябре 1611 г., когда в течение всего 7120

³¹⁴ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 268–274.

³¹⁵ Там же. С. 274–275.

г. он с новгородским сыном боярским Иваном Григорьевичем Барановым служил при государеве кабаке на Торговой стороне³¹⁶.

Особое место в новгородско-псковских взаимоотношениях эпохи Смуты занимает история «Псковского вора» — Лжедмитрия III, появившегося в Ивангороде. Псковские летописи так писали об этом: 4 ноября 1611 г. «пришел сквозь Немец вор во Псков». Вор пробыл во Пскове зиму, до конца мая 1612 года, когда 20-го числа «во Псков вора привели и в полату посадили». Однако, пожалуй, именно присяга псковичей этому новому вору и скомпрометировала их в глазах новгородского правительства. В то же время нельзя не отметить, что среди служивших Лжедмитрию III и даже его приближенных были и многие известные новгородцы, в первую очередь Никита Зиновьев, оказавшийся в стане Вора еще под Ивангородом³¹⁷, Пятый Воронин, Дмитрий Чортов³¹⁸, Иван Мунзорин³¹⁹. Имен псковских дворян, «прямивших» Вору, нам доподлинно не известно, но, возможно, это обусловлено плохой сохранностью псковских архивов за Смутное время.

Новгородское правительство было не в состоянии обеспечить охрану дорог из Псковской земли в Новгородскую. Однако еще в 1613 г. правительство Делагарди—Одоевского пыталось контролировать торговые взаимоотношения между Новгородом и Псковом. 13 января 1613 г. кн. В. И. Белосельский вместе с С. Ф. Тимашевым подал боярам и воеводам челобитную о незаконной торговле старорусских крестьян с псковскими торговыми людьми и мужиками. После этого они же проводили обыск по данному делу³²⁰.

Рассмотрим судьбы псковичей, оказавшихся в Новгороде, и новгородцев, оказавшихся в Пскове. Надо заметить, что представители и тех и других смогли занять важное место в гражданском и военном управлении. Выявить всех псковичей, служивших в Новгороде в 1611–1617 гг., возможным не представляется. В некоторых случаях происхождение разных лиц устанавливается лишь по косвенным данным. Явно псковского происхождения Григорий Рокотов, получивший в 1612/13 г. поместье в Шелонской пятине, так как именно псковичи — дети боярские Степан Тимашев, Федор Неклюдов и Андрей Ногин, были среди переводчиков его долговых обязательств³²¹.

³¹⁶ Книги государева кабака на Торговой стороне Ивана Григорьева сына Боранова, Семена Порываева и кабацких голов Якова Григорьева сына Шолковника и Матфея Левонтьева с товарищами. 1611. 1–15.09 // RA, NOA. Serie 2:110. Л. 5–7; Книги государева кабака на Торговой стороне у Ивана Григорьева Боранова и Семена Порываева да у кабацких голов у Кирилы Федорова да у Василья Кузмина сына Мясника. 1611. 15.09 по 1.07. 1612 г. // RA, NOA. Serie 2:110. Л. 8–11, 16–19, 26–29, 30–33, 38–40, 44–48, 54–57, 58–61, 76–80, 87–89, 90–92, 100–102, 109–111.

³¹⁷ Выпись из судного дела между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 4 об., 5 об., 6, 6 об., 7.

³¹⁸ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–А.

³¹⁹ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова (продолжение) // RA, NOA. Serie 2:193–В. Л. 1–7.

³²⁰ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворянских сел с псковичами. 1613. 13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.

³²¹ Книги записи поместных пошлин с трех пятин — Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35–36.

Самый видный пскович на новгородской службе — **Андрей Тимофеевич Ногин**. Скорее всего, он попал в Новгород вместе с сыном Петром еще до массового выезда псковичей весной 1610 г. с кн. Александром Засекиным, так как уже в 1609/10 г. А. Т. Ногин служил, по всей видимости, приказчиком копорских дворцовых сел и по грамоте царя Василия Шуйского должен был отделить дворцовую деревню Черемниково Венедикту Хомутову³²². В 1613/14 г. Андрей Ногин занял должность новгородского судьи (вместе с Михаилом Злобиным Аничковым³²³), сменив на этом посту Третьяка Якушкина. В 1613–1614 гг. А. Т. Ногин часто привлекается к подписыванию поручных записей³²⁴, в 1614 г. просит пожаловать изменничьим хлебом³²⁵, в 1613–1615 гг. выполняет разные земские службы (дозоры и обыски³²⁶), с окладом в 600 четвертей владеет поместьями в Деревской и Водской пятинах³²⁷. Ногин вместе с немногими новгородцами дождался возвращения московской власти в Новгород. После Смуты Андрей Тимофеевич Ногин оказывается вновь в Пскове. Он был погребен в Псково-Печорском монастыре под именем схимника Антония 21 июня 1632 г.³²⁸

Другой пскович — **Петр Андреевич Ногин**, сын предыдущего, вероятно, прибыл в Новгород вместе с отцом, Андреем Ногиним. По всей вероятности, в 1610 г. ему было около 30 лет (если считать, что он был поверстан в новики в 1596 г., как и полагалось, в 15-летнем возрасте³²⁹). Ранее 1612 г. Петр Ногин служил дозорщиком Зарусской половины Шелонской пятины³³⁰. В феврале 1612 г. Петр Ногин находился в Порховском уезде при сборе кормов (его товарища, сына боярского Шелонской пятины Сергея Константинова, мы увидим после лета 1614 г. среди перешедших на сторону Пскова)³³¹. В

³²² Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.

³²³ Книги сбора судной пошлыны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 5.

³²⁴ Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6; Поручная запись по Никите Матвееву сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

³²⁵ Память воеводе Григорию Степановичу Оболянинову об отдаче псковскому помещику Андрею Ногину половины ржи из усадьбы Петра Нелединского в Бутковском погосте Водской пятины. 1614. 25.10 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 572.

³²⁶ Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10–1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2:101–В; Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02 – март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 14.

³²⁷ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 25; Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 36; Книги записи поместных пошлын с трех пятин... С. 48, 51–52; Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 49.

³²⁸ *Плешанова И. И.* Каменные надгробные плиты Псково-Печорского монастыря // НЭ. Т. 12. 1978. С. 63–184, № 45.

³²⁹ *Лихачев Н. П.* Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 200.

³³⁰ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 148–150.

³³¹ Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129; Грамота бояр и воевод в Порхов кн.

августе 1612 г., имея такой же, как и у отца оклад в 600 четвертей, Петр Ногин является помещиком Шелонской и Деревской пятин³³². В 1613 г. Петр Ногин служил на земских должностях в Старой Руссе³³³. Сохранился целый комплекс документов, посвященный тамошней деятельности Ногина. 20 августа он должен был сменить на посту сборщика («выдельщика») государева хлеба в старорусских погостах другого псковского выходца Степана Тимашева (о нем ниже)³³⁴. Первоначально Петр Ногин, именуемый в документах «Петром Андреевичем», жалуется на отсутствие у него рассыльщиков, позднее вообще сообщает о саботаже крестьян при сборе хлеба со времени, «как немецкие люди пришли в Старую Русу, и казаки из Русы побежали, и к нам околорусские крестьяне и выборные хлебные целовальники по ся мест не бывали»³³⁵. Позднее, будучи не в силах собрать корма, он ссылается уже не на саботаж, а на присутствие в погостах Старорусского уезда, особенно в южных, воровских людей и казаков³³⁶.

В январе 1614 г. Петр Ногин уже на военной службе — он был послан с князем Никифором Мещерским по Московской дороге для поимки языков (видимо, в связи с начавшимися боевыми действиями против Москвы)³³⁷. Зимой следующего, 1614/15 г., он собирал корма на немецких людей (прапору ротмистра Нильса Ащерсона) с Бурезского погоста³³⁸. А летом 1615 г. Ногина перевели на Волхов, к Водосскому острожку. 9

Ивану Афанасьевичу Мещерскому с товарищи об оказании всяческой поддержки кормовым сборщикам Ногину и Константинову. 1612. 12.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 142–143; Челобитная порховских кормовых сборщиков Петра Ногина и Сергия Костянтинова о сборе кормов порховским ратным людям и роспись кормов с погостов. 1612. 29.02 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 8–12.

³³² Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 262; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг... Л. 26; Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 13.

³³³ Грамота бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о том, что Петр Ногин подал роспись выдельного хлеба 14 декабря 1613 г. и о сборе доимочного хлеба. // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 52–53; Челобитная старорусского дьяка Федора Витовтова новгородским боярам и воеводам о степени исполнения старорусскими властями боярского указа о сборе и высылке в Новгород государева выдельного хлеба. 1613, декабрь // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 57–59.

³³⁴ Память Петру Андреевичу Ногину, посланному вместо Степана Тимашева для выдела хлеба на государя в Старорусском уезде. 1613. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 544.

³³⁵ Отписка Петра Ногина Якову Делегарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности свозить государев хлеб из уезда в Старую Русу вследствие отсутствия подвод, о неявке рассыльщиков, посланных из Руссы и об отказе кн. Шаховского дать новых или сыскивать прежних рассыльщиков. 1613, до 27.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 550.

³³⁶ Отписка Петра Ногина Якову Делегарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548; Отписка Петра Ногина Якову Делегарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности хлебного сбора в Старорусском уезде вследствие частых казацких наездов. 1613, до 14.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 549.

³³⁷ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 29–30.

³³⁸ Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02 – март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 7.

ноября 1615 г. он вместе с «немецким приказчиком» Ларионом Андреевым и мужиками из Солецкого погоста пришел в Тихвин, к московским послам³³⁹. После Смуты Петр Ногин вернулся на службу в Псков. В годы Смоленской войны он служит в Пскове стрелецким головой и участвует в походе под Себеж в январе 1634 г.³⁴⁰ Скончался Петр Ногин в Пскове. Его жена Ульяния (в схиме Улита) — среди похороненных в Псково-Печорском монастыре (умерла 14 мая 1647 г.)³⁴¹.

Еще один представитель этой семьи на службе в Новгороде 1611–1617 гг. — **Богдан Третьяков (Нефедьев, Муратов) Ногин**. О нем на новгородской службе известно с августа 1612 г., с этого времени подпись Богдана Ногина стоит под многими поручными записями³⁴². Еще два упоминания о псковском помещике Богдане Ногине относятся к маю 1613 г., когда он через суд возвратил себе долг подьячего Родиона Бабина (в 3 рубля)³⁴³ и к сентябрю того же года, когда он добился уплаты долга (в рубль) от сына боярского Никиты Боркова³⁴⁴.

Другая псковская семья, члены которой оказались на службе новгородскому правительству, — Тимашевы.

Александр Фомин Тимашев. Об Александре Тимашеве, псковском помещике на новгородской службе, известно с августа 1612 г. Этот дворянин, обладая окладом в 650 четвертей, владел поместьями в Порховской округе³⁴⁵. В одном из дел Новгородской приказной избы сказано, что поместный оклад Александру Тимашеву был установлен «по его сказке» — т. е. по его собственным показаниям — в 1611/12 г.³⁴⁶ Как порховский помещик, он исполнял разные службы. Так, 13 февраля 1613 г. он был послан из Порхова в Новгород (куда приехал 15 февраля) с отпиской от воеводы кн. И. А. Ме-

³³⁹ Грамота из Посольского приказа послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами о посылке к ним расспросных речей новгородского выходца Петра Ногина и переводов с немецких грамот. 1615. 3.12 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 358–362.

³⁴⁰ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 283.

³⁴¹ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты... № 80.

³⁴² Поручная запись по Федору Васильеву о службе посыльных подьячих Поместной избы. 1612. 6.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 20; Поручная запись по Федору Прокофьеву о бытии в посыльных подьячих Поместного приказа. 1613, февр. // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46; Поручная запись по Хрисанфу Иванову Грязному о бытии в государеве Поместной избе посыльным подьячим. 1613. 17.02 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 43; Поручная запись по Степану Кирилову сыну Псковитину о бытии в рассыльных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48; Поручная запись по подьячему Дмитрию Афанасьеву сыну Маслоу о службе в Поместном приказе в посыльных подьячих. 1613. 14 (11?).03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 50–51; Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6.

³⁴³ Книги сбора судной пошлыны. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 92.

³⁴⁴ Книги сбора судной пошлыны 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 14.

³⁴⁵ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 390; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 6; Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова с. Дирина. 1614, авг. 1615 – март // RA, NOA. Serie 2:152; Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.

³⁴⁶ Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева...

щерского³⁴⁷. В сентябре 1613 г. вместе со Степаном Тимашевым Александр обвинил порховских помещиков Мокея Скобельцына и Федора Воронова в измене — в отъезде в Псков во время прихода казаков³⁴⁸. В августе 1614 г. Александр Тимашев обвинил в измене (также с целью получения поместья) Ивана Негодяева, но не смог получить поместья, так как вынужден был уехать из Новгорода, не дождавшись решения дела³⁴⁹. В эти же годы имя Александра Тимашева фигурирует в мелких судебных делах³⁵⁰ и в поручных записях³⁵¹. В августе 1615 г. поместье Александра Тимашева перешло к его брату Степану; видимо, Александр Тимашев к этому времени умер³⁵².

Его брат, **Степан Фомин Тимашев** — сын боярский, псковский помещик, также оказался в Новгороде. 4 января 1611 г. «псковитину Степану Тимашеву» было дано «для раны» ведро вина из новгородского винного погреба³⁵³. Около 7 февраля 1612 г. он служил вторым воеводой Порхова и вместе с первым воеводой кн. И. А. Мещерским писал в Новгород из Порхова о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. В их распоряжении, по отписке, почти не было и кабацких доходов, а для «курения» нового вина отсутствовали средства. Посланные ими в уезд сборщики Федор Воронов и Петр Ногин писали воеводам, что им не удалось собрать корма и отсутствуют средства на жалованье стрельцам.³⁵⁴ В 1612–1614 гг. он владел различными поместьями в Шелонской³⁵⁵ и Водской пятинах³⁵⁶, имея оклад в 600 четвертей, подписывал поручные записи³⁵⁷.

Интересно, что именно пскович С. Ф. Тимашев 13 января 1613 г. вместе с кн. В. И. Белосельским подал боярам и воеводам челобитную о незаконной торговле старорусских крестьян с псковскими торговыми людьми и мужиками. После этого они же проводили обыск по этому делу³⁵⁸. Не вполне ясно, почему к началу 1613 г. Тимашев оказывается

³⁴⁷ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 30–32.

³⁴⁸ Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых д. Тимашева...

³⁴⁹ Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова сына Дирина. 1614, август–1615, март // RA, NOA. Serie 2:152.

³⁵⁰ Книги судного двора. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 107.

³⁵¹ Поручная запись по Никите Матвееве сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

³⁵² Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского... 35.

³⁵³ Сборник памятей. Л. 54.

³⁵⁴ Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129.

³⁵⁵ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 262; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг... Л. 4; Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского... С. 35.

³⁵⁶ Дозорные книги Водской пятины Корельской половины кн. Ивана Семеновича Путятина да подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 33–36.

³⁵⁷ Поручная запись по Федору Прокофьеву о бытии в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46.

³⁵⁸ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева...

в Старой Руссе, где вплоть до конца августа 1613 г. он безуспешно пытается собирать корм с дворцовых старорусских погостов и уходит с поста выдельщика только по болезни³⁵⁹.

В марте–апреле 1614 г. Степан Тимашев был русским воеводой Зарецкого острога. 14 апреля ему была послана грамота с требованием привести к послушанию крестьян д. Смолковы Горы, оказывающих неповиновение своему новому помещику Б. И. Тыркову³⁶⁰. Но после 1617 г. Степан Тимашев остался на «государевой стороне». В 1618/19 г. он считался псковским помещиком, получающим из Устюжской четверти оклад в 23 рубля³⁶¹.

Известен еще один Тимашев, **Андрей**. В августе 1612 г. он привез в Новгород отписку из Порхова³⁶², но в 1613 г. оказался уже на стороне противников новгородского правительства. 31 декабря 1613 г. из Пскова от воевод в Москву прибыл Андрей Тимашев с известием о том, что «подо Гдовом немецких многих людей побили и языки и знамена, и набаты поймали, а з досталными людьми Явер Горна отбили, а он, Ондрей, сидел во Гдове с воеводы и был в головах»³⁶³.

Псковские помещики **Семен** и его сын **Василий Гавриловы**, чьи владения, надо полагать, находились в непосредственной близости к Порхову³⁶⁴, в 1612–1613 гг. служили в Порхове кормовыми сборщиками³⁶⁵. После взятия Порхова осенью 1613 г. они вместе с другими порховскими детьми боярскими оказались в Пскове. Весной 1614 г. оба они упомянуты в псковской десятне³⁶⁶.

В 1607 (?) г. псковский помещик **Федор Кожа Булгаков Неклюдов** выехал вместе с окольным князем Александром Засекиным «из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород». Позднее, видимо в 1609 г., с Эвертом Горном он участвовал в походе на Псков и Порхов, «как был бой подо Псковом боярину князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому, и под Порховым с Полскими и с Литовскими людьми, с Рус-

³⁵⁹ Отписка Пятого Григорьева Степану Фомичу Тимашеву, бывшему у хлебного выдела в Старой Руссе о возвращении его в Новгород по болезни и о назначении на его место Петра Ногина и передаче последнему наказа, росписи и ведомости по выделу хлеба на государя. 1613, ок. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 543; Отписка Степана Тимашева новгородским боярам и воеводам Якову Делагарди и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о положении хлебного сбора в Старорусских погостах до приезда Петра Ногина, назначенного на место Тимашева. 1613, до 31.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 546.

³⁶⁰ Дело по челобитью Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:90.

³⁶¹ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 712.

³⁶² Челобитная приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова о невозможности косить сено на государя по причине опустения сел и близости литовских людей. 1612, июля // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 545.

³⁶³ Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 22.

³⁶⁴ Дело о выделении С. И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2:50. Л. 9–10.

³⁶⁵ Приходо-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48. С. 7, 16, 19.

кими воры». За это тогда же, при царе Василии Шуйском ему было пожаловано 14 рублей в год из Костромской четверти³⁶⁷.

В июне 1612 г. Ф. Б. Неклюдов — помещик Струпинского погоста Шелонской пятины³⁶⁸. С 1613 г. и до апреля 1615 г. о нем упоминают многие документы архива Новгородской приказной избы: он поручается за разных дворян³⁶⁹, участвует в сборе кормов для шведских солдат (в Медведском погосте, близ собственного поместья³⁷⁰), судится за хлебные припасы³⁷¹. По всей видимости, Неклюдов продолжал оставаться в Новгороде до эвакуации шведского корпуса, и только в августе 1618 г. он восстановил свой оклад с учетом своих заслуг, в том числе и на службе против «псковских воров».

Гдовские помещики.

Гдовские помещики в Новгороде — в большинстве своем группа детей боярских, лишь недолгое время служивших новгородскому правительству. Специфическая роль Гдова как объекта почти непрерывных боевых действий в течение 1611–1619 гг. привела к тому, что гдовичи постоянно переходили с одной враждующей стороны на другую.

Одним из самых известных гдовских служилых людей эпохи Смуты может считаться **Парфений Иванов сын Елагин**, гдовский помещик (известен с 1585/87 г., Парфений Салтанаков сын Елагин)³⁷², назначенный воеводой в Гдов после первого занятия его шведами зимой 1611/12 г. Пост воеводы он занимал, во всяком случае, до августа 1612 г.³⁷³ В придачу к своему гдовскому поместью Парфений Елагин в 1611/12 г. получил часть дворцовых волостей в Карачуницком погосте³⁷⁴. В 1612/13 г. его поместья были конфискованы — скорее всего, Парфений Елагин был среди тех, кто в 1613 г. изгнал шведов из Гдова. Его сын, **Степан Парфеньев**, 7 марта 1617 г. был поверстан на государеву службу в Пскове. Ему сразу же был назначен четвертной оклад в 14 рублей «за отца его и за брата его службу и за смерть»³⁷⁵. Видимо, тогда он был очень молодым человеком. С. П. Елагин скончался 10 марта 1668 г. монахом Псково-Печорского монастыря (в иночестве схимник Сергей). Он сделал яркую карьеру, прослужив, в частности, на по-

³⁶⁶ Книга сыскная дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации)

³⁶⁷ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н.Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 85.

³⁶⁸ Обыкновенные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 44.

³⁶⁹ Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 35–36; Поручная запись по Никите Матвееву сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19; Дело по челобитью псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

³⁷⁰ Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02–март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 9–10.

³⁷¹ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 37–38, 95.

³⁷² Платежная книга Псковской земли по писцовой книге псковских пригородов Воронача, Выбора, Гдова, Дубкова, Изборска, Кобылья, Острова и их уездов писцов Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина. // Сб. МАМЮ. 1913. Т. 5. С. 240, 243, 245, 249.

³⁷³ Грамота от бояр и воевод гдовскому воеводе Парфению Елагину о непосылке в Лядский погост за кормами. 1612. 16.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 111.

³⁷⁴ Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятине. Без начала и конца. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–41; Обыкновенные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 197–200.

³⁷⁵ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг... С. 56.

сту гдовского воеводы уже при царе Михаиле³⁷⁶, а в годы русско-шведской войны 1656–1657 гг. оборонял Лавуйский острог³⁷⁷.

Другие представители фамилии Елагиных в годы Смуты известны на обеих противоборствовавших сторонах. Так, **Крюк Иванов Елагин** еще 16 апреля 1613 г. судился с вдовой Федосьей, женой Леонтия Толмачева, выдвинув ей претензии на «своего живота на 30 рублей»³⁷⁸. Уже 10 октября этого же года его поместье было отдано И. Ф. Амине-ву³⁷⁹, гдовскому воеводе, подчинявшемуся новгородскому правительству. Другой Елагин, **Михайло Васильев**, служил в осаде в Гдове, видимо, вместе с Парфением Елагиным, а к 1612/13 г. оказался в Пскове³⁸⁰.

Другой сын боярский, **Афанасий Своитинов сын Бачин**, в середине марта 1615 г. «приволокся» в Новгород из Пскова, оставив жену и детей в Гдове. Ранее, в 1611/12 г. он был пожалован поместьем Ивана Черкасова, 150 четвертями в соседнем с Гдовским уездом Щепецком погосте. Его оклад тогда составлял 500 четвертей Но в 1611/12 г. его поместье было отписано на государя, так как Бачин остался во Гдове, и отдано Григорию Обольянинову. В марте 1615 г. при разборе своего дела Бачин сказал, что в 1611/12 г. его поместье было дано Обольянинову, в то время, когда Бачин «сидел во Гдове в осаде... И как де Гдов во 120-м же году государю королевичю добил челом», Бачину вернули часть его поместья (ту, что не была отделена Обольянинову). «А как Гдов государю королевичю изменил, и тем Григорьевым поместьем Обольянинова, что ему дано Офонася Бачина 190 четей, владели ко Гдову». В 1615 г. Афанасий Бачин вернул свое прежнее поместье, так как Обольянинов к этому времени получил поместье в Водской пятине, а поместье в Щепецком погосте забросил³⁸¹.

Особая коллизия связана с взаимоотношениями помещиков Чиркиных. Они были среди владельцев сельца Вейно в Кушельской губе Гдовского уезда еще по писцовой книге 1585/87 г.³⁸² Когда один из Чиркиных, Григорий Лытаев сын, был назначен воеводой в Корелу, Чиркины «поступились» этим поместьем в его пользу. Однако вскоре Григорий Чиркин умер, и в годы гражданской войны его поместье перешло к его сыну Ивану (до 1615 г.)³⁸³ Это вызвало недовольство его двоюродного (?) дяди, **Тихона Чиркина**, к началу апреля 1615 г. вышедшего из Пскова «на королевичеву милость» и бившего в

³⁷⁶ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты... № 150.

³⁷⁷ Селин А. А. Городок на Лаве: Первые итоги новых исследований // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. 6 чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2002. С. 199–206.

³⁷⁸ Книги сбора судной пошлыны. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 87.

³⁷⁹ Книги записи поместных пошлын с трех пятин... С. 27.

³⁸⁰ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг... С. 107.

³⁸¹ Дело по челобитной Шелонской пятинны Афонасия Своитинова сына Бачина о поместье. 1615, 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34; Дело по челобитью о поместье Афонасия Своитинова сына Бачина. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:113.

³⁸² Платежная книга Псковской земли... С. 242.

³⁸³ Книги записи поместных пошлын. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 93.

апреле 1615 г. челом о том, что Иван на тот момент был «во Пскове в измене» и получившего поместье племянника³⁸⁴.

Еще один гдовский помещик, **Сергей Воронцов**, в 1615 г. обратился к Густаву Адольфу с просьбой возместить убытки от постоя шведов во время похода короля под Псков. Интересно, что в своей челобитной Воронцов именуется свое поместье дачей «...от твоей, господине, королевской милости», то есть, скорее всего, эта дача должна была произойти именно во время похода, так как Полянская губа, в которой оно находилось никогда не была под контролем новгородской администрации³⁸⁵.

К гдовским же помещикам относились братья **Лука** и **Дмитрий Егнутьевы**. После первого взятия Гдова немцами в 1611 г. они были пожалованы поместьями по особому указанию Эверта Горна. Но уже в сентябре 1613 г. В. Б. Назимов и Василий Чеботаев били челом о поместье Егнутьевых, утверждая, что те сдали псковичам Гдов и отъехали в Псков³⁸⁶. Гдовлянка, **вдова Тимофея Перетрутова Авдотья** с детьми **Терентием** и **Гаврилом**, получила от новгородских властей мужнино поместье в Гдовском уезде в 1612/13 г.³⁸⁷ Возможно, гдовским помещиком был также **Богдан Малков**, получивший тогда же 100 четвертей в Гдовском уезде³⁸⁸.

«Байоры» из псковичей

Особое место в истории Смуты на Северо-Западе и ее последствий занимает вопрос о русских служилых людях, после Столбовского мира 1617 г. присягнувших Густаву Адольфу и поступивших на шведскую службу. Среди них были как новгородцы, так и псковичи. Переход псковичей на шведскую службу был в значительной степени связан с походом короля Густава Адольфа под Псков в 1615–1616 гг., когда король лично посетил северные погосты Псковщины. Самый известный род, оставшийся в новой шведской провинции Ингерманландии, — род Аминовых, потомки которого живут и в наши дни — псковского происхождения. Множество его представителей известно нам по писцовой книге 1585/87 г. А в начале Смуты они оказываются на службе новгородского правительства, на руководящих должностях в Гдове, а позднее — в Ивангороде.

Исай Федоров Аминев. Впервые о нем становится известно осенью 1613 г., когда он бил челом Эверту Горну о поместье Крюка Елагина в Гдовском уезде: «Королевского величества боярину и ратному воеводе Эверт Горну Карловичю бьет челом Исаико Федоров сын Аминев. Служу я, государь, осмой год без поместья, а как, государь, ты, великой боярин, взял Вдов, и с тех, государь, мест, я служил под Иванем городом, и бился, и в полон был взят и ограблен, а на ином бою, государь, под Иванем городом

³⁸⁴ Дело по челобитью псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

³⁸⁵ Челобитная Сергей Воронцова Густаву Адольфу о возмещении убытков. 1615 // RA, Militaria: 1287: 17.

³⁸⁶ Дело по челобитной о поместье Василия Назимова и Василия Чеботаева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:233; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. ... Л. 9.

³⁸⁷ Там же. Л. 6.

³⁸⁸ Там же. Л. 12.

подо мною лошадь убили, а как, государь, Вдов воровские люди взяли, и я, государь, четыреже ходил подо Вдов с немецкими людьми и служил и бился, и от Поплера, государь, с Руи был в четырех посылках с немецкими людьми, и службенко, государь, мое видели немецкие люди с кем посылан бывал, а пожаловал, государь, ты мне, великой боярин, помещьца в Кобыльском уезде за Вдовом шездесят верст сто чети, и то, государь, помещьце завладели псковские воровские люди, с тех мест, как ты, государь, Вдов взял, не имывал с нево не одное денги, а служил з баткова помещьца, а ныне, государь, и у батка помещьце завладели воровские люди»³⁸⁹. Таким образом, Исая Аминев, склонивший в 1617 г. большинство ивангородцев остаться на своем посаде и не переходить на московскую сторону, начал свою службу новгородскому правительству еще после первого взятия Гдова «немцами» в конце 1611 г.

Не менее известным деятелем Смуты является отец Исая, **Федор Григорьев Аминев**. В конце XVI в. он служил гдовским стрелецким сотником, а к 1601 г. был переведен в Ивангород³⁹⁰. В 1609 г. он был взят в плен шведами и провел некоторое время в тюрьме в Нарве³⁹¹. Осенью 1611 г. Аминев продолжал служить в Ивангороде, который в то время подчинялся Лжедмитрию III. После взятия Новгорода войсками Делагарди, Аминев прибыл в Нарву для переговоров. По королевской инструкции, данной 17 октября 1611 г. наместник Нарвы Арвид Педерсен должен был богато одарить Ф. Аминева, если тому удастся склонить Лжедмитрия отдать Швеции Ивангород, Ям, Копорье и Гдов и предаться Швеции³⁹². Судьба Псковского вора, как известно, сложилась иначе, но Аминев оказывается на шведской службе, видимо после взятия Ивангорода 4 декабря 1612 г.³⁹³ С 1615 г. Федор Аминев служит дьяком в Гдове. Весной этого года ему приходится отделять поместья новым гдовским помещикам — Афанасию Бачину³⁹⁴ и Тихону Чиркину³⁹⁵. В 1616 г., находясь на службе в Ивангороде, Федор Аминев писал в Новгород о разграблении мужиками-шарпальниками из Сумерской волости (территории, лежавшей близ линии фронта и в годы Смуты фактически не подчинявшейся ни

³⁸⁹ Дело по челобитной о поместье Исая Федорова сына Аминева. 1613, октябрь // RA, NOA. Serie 2:99.

³⁹⁰ Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель – 1601, июль // РИБ. Т. 38. Л., 1926 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Стб. 270–308.

³⁹¹ Лист ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о титулах царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) и о размене пленных. 1609. 9.10 // RA, Militaria, М–1287:4.

³⁹² *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 87-88.

³⁹³ Г. А. Замятин полагал, что в донесении Эверта Горна королю, в котором говорится, что «боярин... бывший воеводой в Гдове, когда ваше королевское величество овладели им, недавно тайно прибыл оттуда (из Пскова – Г. А. Замятин) с женой и ребенком...» и рассказал о голоде во Пскове, говорится о Федоре Аминева. Но совершенно неясно, когда бы он успел побывать в осажденном королем Пскове (*Замятин Г.А.* Россия и Швеция... С. 309).

³⁹⁴ Дело по челобитной Шелонской пятинны Афонасия Своитинова сына Бачина о поместье. 1615, 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34.

³⁹⁵ Дело по челобитью псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

какой власти) судна английского посла Джона Мерика³⁹⁶. Дочь Федора, Агафья Аминева уже при шведах вышла замуж за другого байора, Мурата Пересветова, родоначальника шведской дворянской фамилии Пересветовых-Муратов³⁹⁷.

Среди байоров псковского происхождения также и **Василий Семенович Чеботаев**. Этот гдовский сын боярский в 1613/14 г. имел оклад в 400 четвертей. Тогда же он был пожалован поместьем известных нам Луки и Дмитрия Егнутьевых в Гдовском уезде³⁹⁸. Оставшись на шведской службе после Столбовского мира, Чеботаев владел землями в Ямском и Копорском уездах по крайней мере до 1623 г.³⁹⁹, служил воеводой в Копорье⁴⁰⁰. Его потомки, как и потомки Аминева, приняв в XVII в. лютеранство, под фамилией Опалевых долго служили шведским монархам⁴⁰¹.

Псковичей на новгородской службе мы неожиданно встречаем в поместных делах. В сентябре 1612 г. было возбуждено дело о поместье Филиппа Матвеева сына Арцыбашева, помещика Деревской пятины, имевшего личный конфликт с Эвертом Горном, отъехавшего с группой новгородских дворян в Псков, а после Смуты служившего дьяком в Новгороде. Среди претендентов на это поместье встречаем двух псковичей — **Севастьяна Квашнина** и **Михаила Воинова Ордина Нащокина** и одного пусторжевца, **Емельяна Дмитриева Ротиславского**. Их претензия на поместье Арцыбашева была подкреплена, как было принято, обвинением того в измене, а также приписыванием себе больших поместных окладов: псковичи указали себе по 650 четвертей, а пусторжевец целых 900. Бояре отказали всем троим соискателям, так как те сообщили о своих чрезмерно больших окладах. В тогдашних новгородских архивах не было ни псковских, ни пусторжевских верстальных списков и десятиен для справки⁴⁰². Севастьян Квашнин в 1612/13 г. все же приискал себе поместье в Гдовском уезде⁴⁰³, об остальных этих дворянах на новгородской службе слышно не было; надо полагать, что вскоре они оказались на московской стороне.

³⁹⁶ Отписка Ф. Аминева новгородскому воеводе Гансу (Анцу Мартыновичу) Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на р. Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород. 1616, до 30.06 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. I. Д. 580.

³⁹⁷ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие байор'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

³⁹⁸ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. ... Л. 9.

³⁹⁹ Списки русских перебежчиков, на которых были заявлены претензии со стороны шведских властей. 1618–1623 // РИБ. Т. 38. (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 455–484.

⁴⁰⁰ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию...

⁴⁰¹ Подробнее о происхождении и генеалогических связях Аминева, Чеботаева и других байоров см.: *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000.

⁴⁰² Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева Арцыбашева. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:65; Дело по челобитной Семена Матвеева Арцыбашева о поместье. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:229. Л. 1–48.

⁴⁰³ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. ... Л. 12.

Видимо, вместе с другими дворянами и детьми боярскими в Новгород из Пскова бежала и «служилая мелкота» — новокрещенные татары (по имени нам известен один из них — **Алабердей Карамышев**, выехавший в октябре 1610 г в Новгород с 32 товарищами, татарами и казаками⁴⁰⁴), архиепископские дети боярские, подьячие, нашедшие, впрочем, себя на новом месте службы. Известно о службе в Новгороде псковских подьячих Степанке Кириллове⁴⁰⁵, Грязном Иванове⁴⁰⁶. Уникальным свидетельством массового появления таких псковичей в Новгороде является поручная запись по Терентию Васильеву сыну Воинову о службе в посылочных подьячих в новгородской Поместной избе⁴⁰⁷. Среди поручителей Воинова — дети боярские псковского епископа **Никита Степанов Симанской** и **Иван Прокопьев Москва**, псковские подьячие **Федор Никитин Голощанов** и **Перфирий Калинин Моревков**, псковские рассыльщики **Артемий Иванов Назаров**⁴⁰⁸, **Михаил Дмитриев Порецкий**, **Иван Михайлов Бовыкин** и **Степан Вешняков сын Самарин**, а также слуги Снетогорского монастыря **Богдан Оксентиев** и **Иван Омелянов**. Позднее сын боярский псковского епископа Иван Прокопьев Москва уже в 1613 г. участвует в поручительстве по другому псковскому подьячему, Степане Кирилове сыне Псковитине о бытии того в рассылочных подьячих Поместной избы⁴⁰⁹. С 1611 г. Иван Москва служит в новгородском дворцовом ведомстве, исполняя службу приказчиком поочередно в новгородских дворцовых селах Тесово и Королево. Более всего известен полный тезка Ивана Москвы — **Иван Прокофьев** (Иван Прокофьев Псковитин), ставший местным подьячим Поместного приказа, и прослуживший в Новгороде до конца новгородско-шведского политического альянса⁴¹⁰.

Новгородцы в Пскове

Первые новгородские дворяне попадают в Псков уже вместе с Лжедмитрием III. Загадочна судьба дьяка Михаила Милославского, захваченного Вором в Ивангороде и слу-

⁴⁰⁴ Сборник памяти. Л. 9.

⁴⁰⁵ Челобитная псковского выходца Степанка Кирилова о бытии его в Разрядной избе в посылочных подьячих // RA, NOA, serie 2:174. Л. 64.

⁴⁰⁶ Челобитная псковского выходца рассыльщика Грязнухи Иванова о бытии в Поместной избе в рассылочных подьячих // RA, NOA, serie 2:174. Л. 65.

⁴⁰⁷ Поручная запись по Терентии Васильеве сыне Воинове, посылочным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

⁴⁰⁸ Артемий Иванов Назаров, псковский рассыльщик, 25 апреля 1601 г. был послан в Москву, а 3 мая привез в Москву из Пскова известие о намерении Конрада Буссова перейти на московскую службу и склонить к такому переходу город Алыст (Отписка псковского воеводы кн. Голицына о желании шведа Кондратия Буша быть русским подданным и отдать в русские руки город Алыст. 1601. 25.04 // РГАДА. Ф. 96. 1601. Д. 2).

⁴⁰⁹ Поручная запись по Степане Кирилове сыне Псковитине о бытии в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48.

⁴¹⁰ Поручная запись по Логине Перфирьеве о бытии в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11; Обыск Н. Я. Тыркова в с. Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 4.02 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 60–61; Отписные книги хлеба в Никольском Будковском погосте Водской пятины Григория Оболянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1: 56.

жившего Вору дьяком. Некоторое время его судьба не прослеживается, но уже с октября 1612 г. он был вторым псковским воеводой (в товарищах у кн. И. Ф. Хованского)⁴¹¹. Уже с 1613 г. одним из направлений отъездов, измен новгородцев становится Псков. Важнейшими событиями, вызвавшими массовый отъезд новгородцев в Псков, является поход под Порхов псковичей во главе с Артемием Лодыгиным, произошедший летом (?) 1613 г. Тогда на сторону противника перешли почти все порховские дети боярские во главе со вторым воеводой Порхова Иваном Ивановичем Крюковым, назначенным туда только в конце февраля–начале марта 1613 г., ранее служившим на командных должностях в Тихвине⁴¹² (интересно, что их поменяли должностями с кн. И. А. Мещерским, который, соответственно, был переведен из Порхова в Тихвин⁴¹³). Еще будучи порховским воеводой, Иван Крюков писал в Новгород о том, что им нечем кормить порховских стрельцов, так как ротмистр Карбел запечатал государевы житницы в Порхове своей печатью и давать грамотчикам и стрельцам не велел, аргументируя это тем, что этот запас, по его словам, предназначен немецким ратным людям для осадного времени⁴¹⁴. Как писал вновь возвратившийся на службу в Порхов в 1614 г. князь Иван Мещерский, в бытность Крюкова в Порхове, «у Ивана, государи, у Крюкова после меня был розрят и писчим всяким делам было в остроге, а ключи, государи, городовые и казенные и житничные вси у Ивана у Крюкова поимал Карбел себе»⁴¹⁵. В феврале 1614 г. прежний оклад Ивана Крюкова в 40 рублей из Владимирской четверти был увеличен на 5 рублей, а в апреле — «за Порховскую службу», т. е., вероятно, за сдачу Порхова, еще на 12 рублей. В деле отмечено, что Крюков взял деньги сам 28 апреля 1614 г., следовательно, в это время он находился в Москве⁴¹⁶.

Однако Крюков был только виднейшим из порховских дворян, перешедших в 1613 г. на сторону Москвы. Кормленная книга Костромской четверти упоминает целый ряд новгородцев, в первую очередь дворян Шелонской пятины — участников боевых действий под Псковом в 1615–1616 гг. на стороне Романовых, а приходо-расходные книги Владимирской четверти и Разряда существенно добавляют имена новгородцев, перешедших на московскую сторону в районе Пскова.

К 12 мая 1615 г. число перебежавших в Псков дворян Водской пятины достигло 89 человек (во главе с Федором Лугвеневым, Богданом Самариным, Петром Обольяниновым, Иваном Ожогиним и Василием Назимовым⁴¹⁷), а Шелонской пятины — 55 человек (во главе с Андреем Нащокиным, Степаном Пустошкиным и Григорием Милослав-

⁴¹¹ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 278.

⁴¹² Челобитная Семена Пустошкина о разведке местоположения литовских людей в Обонежской пятине. Без даты // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 56–58

⁴¹³ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 41.

⁴¹⁴ Дело о выделении С. И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба...

⁴¹⁵ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 69–70.

⁴¹⁶ Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. ... Ст. 105.

⁴¹⁷ 31 марта 22 выходцам из Водской пятины было пожаловано по 2 рубля человеку за выход — см. Таблица 4, тж.: Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 331.

ским), при том, что собственно псковских детей боярских в это время в городе служило всего 131 человек⁴¹⁸.

Таблица 4. Новгородцы и псковичи-ветераны боевых действий под Псковом 1615–1616 гг.

Имя	Пятинка или город	За что пожалован в четверть
1. Федор Андреев Курицын	Шелонская пятинка	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»
2. Давыд Федоров Курицын	Шелонская пятинка	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
3. Борис Афанасьев Симанский	Шелонская пятинка	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
4. Василий Никитин Левшин	Водская пятинка	«Из чети при царе Василье 10 рублев»; «в 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
5. Степан Парфеньев Елагин	Псков	«В 125 г. за отца его и за брата ево службу и за смерть давать из чети вновь по 14 рублев»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
6. Максим Власьев Харламов	Шелонская пятинка	«при царе Василье за Тулскую службу велено давать из чети вновь по 6 рублев»; «придано за Новгородскую службу и за осадное сиденье, как он был с боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским»; «придано за Порховскую службу, и за осадное сиденье и за рану»; «придано за Псковскую службу и за рану, как он был под Псковом с князем Иваном Мещерским»
7. Сергей Михайлов Костянтинов	Шелонской пятинки	«При царе Василье оклад 12 рублев»; «20 августа 123 г. за Порховскую службу придано 2 рубли»
8. Федор Булгаков сын Неклюдов	Псков	«При царе Василье за выезд, как он выехал из Пскова с околничим со князем Олександром Засекиным из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород и за Псковскую и за Порховскую службы, как был бой подо Псковом боярину князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому, и под Порховым с Полскими и с Литовскими людьми, с Рускими воры, велено давать из чети вновь по 14 рублев».
9. Артемий Хвостов	Шелонская пятинка	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 8 рублев, за прежние за Псковские службы придано 2 рубля»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов».
10. Михайло Васильев Елагин	Псков	«За Гдовское осадное сиденье и за Псковские службы 121 и 122 и 123 году велено придать к прежнему окладу 4 рубли»; «во Псковском списке 122 г. оклад царя Василья из чети 8 рублев».
11. Иван Кряков сын Косицкой	Шелонская пятинка	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 6 рублев»; «за Изборскую да за Псковскую службу 123 г., что служил до большого осаду придано 3 рубли»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов».

⁴¹⁸ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. ... Стб. 340.

12. Богдан Григорьев сын Желнынской	Псков	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 8 рублев»; «да за Гдовскую и за прежние Псковские службы, что служил до осаду, придано 3 рубли».
13. Игнатей Борисов сын [С]назин	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье денежной оклад из чети вновь 9 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу как стоял подо Псковом Карло Карлусов».
14. Иван Мягкой	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье написан ему денежной оклад 8 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
15. Никифор Олферьев Кольчев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов придано ему к 8 рублем 3 рубли»; «а во 125 году старово ево окладу не сыскано. В 125 г. послан с Москвы с казной»
16. Афанасий Семенов Уской	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье денежной оклад из чети вновь 9 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
17. Богдан Васильев Еремеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов».
18. Захарий Матвеев Назимов	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов».
19. Лаврентий Иванов Пустошкин	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
20. Афанасий Блаженков	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
21. Степан Александров Пантелеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
22. Максим Андреев Парской	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
23. Иван Александров Пантелеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
24. Никита Степанов Косицкий	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
25. Иван Семенов Неплюев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
26. Яков Андреев Неплюев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»

27. Воронец Бедринской	Псков	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено ему давати из чети вновь по 7 рублев»
28. Алексей Дмитриев Харламов	Шелонская пятинна	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено ему давати из чети вновь по 7 рублев»
29. Егуп Степанов Плешков	Шелонская пятинна	«В 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
30. Юрий Игнатъев Назимов	Шелонская пятинна	«В 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
31. Никифор Васильев Мягкого	Шелонская пятинна	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давати из четверти вновь по 6 рублев»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
32. Иван Григорьев Пестриков	Деревская пятинна	«В 129 г. за Псковские службы 123, 124 и 125 и за осадное сиденье и за раны написан ему денежной оклад из чети вновь 7 рублев».
33. Федор Иванов Самарин	Водская пятинна	«Государева жалованья на нынешней на 122-й год за псковскую службу 2 рубли»
34. Иван Федоров Гурьев	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
35. Борис Темирев Неелов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
36. Матвей Темирев Неелов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
37. Гаврило Темирев Неелов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
38. Федор Михайлов Нелединский	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
39. Василий Михайлов Нелединский	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
40. Афанасий Семенов Хвостов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
41. Ждан Семенов Хвостов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
42. Семен Иванов Кошкаргов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
43. Богдан Васильев Левшин	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
44. Ахмат Дмитриев Желтухин	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
45. Василий Ефимов Колобов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
46. Василий Воронин	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
47. Григорий Назимов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
48. Ждан Языков	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
49. Фока Бурков (Борков?)	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
50. Степан Редров	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
51. Ждан Колачов	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
52. Федор Петряшев	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
53. Акинф Муравьев	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
54. Меньшой Борков	Водская пятинна	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»

55. Иван Трусов	Водская пятин	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
56. Игнатий Жданов Харламов	Шелонская пятин	«123 г. Псковскому же сидельцу 15 рублей дано. Деньги взял сам, и с Москвы послан на службу во Псков за денежною казною».
57. Иван Никифоров Румянцов	Шелонская пятин	«Послан из Москвы во Псков»
58. Андрей Харламов	Шелонская пятин	«125 г. 20 февраля послан з государевыми грамоты во Псков»
59. Федор Парской	Шелонская пятин	«Станичник, в 125 г. послана полтина»
60. Богдан Парской	Шелонская пятин	«Станичник, в 125 г. послано полтора рубля»
61. Иван Иванов Большой Овцын	Шелонская пятин	«В 125 г. послан с Москвы с казною»
62. Андрей Володимиров Пушкин	Шелонская пятин	«В 125 г. послан с Москвы с казною»

Источники: Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894; Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 1–116; Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 275–508; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Там же. С. 509–682.

Еще во время похода под Псков Густав Адольф очень рассчитывал на то, что часть тамошних служилых людей перейдет на его сторону: «предь сего во Пскове воровство ставилось, на то де король надеялся, пошел подо Псков». Якобы псковичи писали в Гдов, чтобы король шел подо Псков, а они сдадутся, «а быти б Пскову под королевскою державою, что и Колывань, а служилые и посадцкие люди про то письмо не ведают»⁴¹⁹.

Последний отъезд из Пскова на сторону новгородского правительства относится, видимо, к ранней весне 1616 г. В это время туда бежало 50 псковских казаков, которые общили Делагарди: «буде вскоре государевы люди с королем не помирятца, и изо Пскова де товарищей их 500 человек, радеют королю, и приказали с ними к Якову, толко придет подо Псков король или он Яков, и им бы учинили прежде весть, и оне займут все ворота и учнут их приходу дожидать, и тем станут промышлять, чтоб короля или ево Якова пустить во Псков. И ныне де их казаков Яков Пунтусов излюбив, подавал им лошадей и корма им на них и на лошедей дает доволные»⁴²⁰. В это время, после снятия осады Густавом Адольфом, сами псковичи оценивали состояние Пскова и псковского гарнизона достаточно критично. Допрошенный в Посольском приказе новгородец Шелонской пятин Матвей Блажонков жаловался: «А во Пскове купить хлеб четь ржи в 6 рублей, жита четь в 4 рубли, овса четь в 60 алтын, а покупают тот хлеб и привозят во Псков из Литовские земли, и от хлебные дорогови многие люди во Пскове помирают голодом, а иные посадцкие и всякие люди от хлебные дорогови разбрелись за рубеж, и во Псковские пригороды да ныне бредут». Стоящие в Пскове псковские,

⁴¹⁹ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70–85.

⁴²⁰ Расспросные речи немецких выходцев в Посольском приказе. 1616. 27.05 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 272–278.

новгородские и пусторжевские дворяне и дети боярские, выдержавшие осаду города королем Густавом Адольфом, по словам Блажонкова, были «все голодны». Старые и новоприборные стрельцы, свидетельствовал он, разбрелись от голода и неизвестно, сколько их осталось, конных и пеших казаков в Пскове насчитывалось 100 человек. По словам псковских посадских, также прибывших в Москву, «...покупать хлеб никуда не послано, потому что казаки на рубежи позадуrowали». При этом шведские гарнизоны Гдова и Порхова поддерживали с псковичами видимость перемирия: «И из Гдова да ис Порхова неметцкие державцы писали во Псков к гостем и ко всегородным старостам и к посадским людям, чтоб из Пскова ратные люди не ходили на Порховские и на Гдовские места, а ис Порхова и из Гдове неметцкие люди не станут приходить на псковские места, и из Пскова гости и всякие люди писали к ним, что псковские ратные люди на порховские и на гдовские места ходить не станут, а немцы б потому же не ходили. А меж себя псковичи с немцы никакова укрепления в той войне не учинили опричь ссылки, а всего немецких людей в Порхове и во Гдове по 100 человек».⁴²¹ Г. А. Замятин привел сведения из архива Делагарди, противоречащие этому утверждению. Там сохранилось письмо псковского воеводы И. Д. Плещеева в Гдов Сванте Баннеру 1616 года и копия ответа последнего от 24 июля 1616 г. Плещеев ссылается на прежнее письмо от Баннера и Г.Грасса (порховского коменданта) с просьбой, чтобы Плещеев не посылал людей и не допускал кровопролития. Плещеев строго запретил своим людям нападать на шведов. Но сами шведы нарушили перемирие и силой увели на Пейпусе ладьи дерптских купцов. Баннер в ответ обвинял в нарушении перемирия псковских воевод⁴²².

Новгород и Каргополь

В течение осени–зимы 1611/1612 гг. новгородское правительство попыталось поставить под контроль фактически утраченные сельские территории, приведя их к присяге королевичу Карлу Филиппу. Для этого в Заонежские погосты было послано новгородско-шведское войско во главе с Гансом Мунком, сыном боярским Богданом Лупандиным, переводчиком Гансом Бракилем и подьячим Федором Витовтовым. К тому моменту север Новгородской земли был занят каргопольцами во главе с воеводой Максимом Васильевичем Лихаревым. Возник конфликт, причина которого заключалась в путанице при установлении административных границ, возникшей еще в годы опричнины.

В годы правления Ивана IV активно проводилось преобразование территориального деления южных районов Новгородской земли, где в ходе опричной перекройки земель сильно изменились границы между Деревской пятиной, Ржевским, Новоторжским и Торопецким уездами, был образован новый Холмский уезд. Наиболее систематично информация об этом изложена в монографии В. Л. Янина⁴²³. На севере Новгородской

⁴²¹ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

⁴²² Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 373.

⁴²³ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничная ситуация XIII–XV вв. М., 1998.

земли изменения границ происходили в районах, выделявшихся в опричные/дворовые волости. В летописях того времени отчетливо зафиксирован один из опытов создания государевой опричной волости близ самого Новгорода, в дворцовом селе Холыни: «Да того же месяца в 24 (24 августа 1571 г. — А. С.), в неделю, в Новгороде кликали, которые люди кабальные и всякие и монастырские, чей кто ни буди, и они бы шли в государьскую слободу на Холыню, и государь даст по пяти рублев, по человеку посмотря, а льготы на пять лет»⁴²⁴.

Одна из таких волостей была создана на границе Обонежской пятины и Каргопольского уезда из Водлозерского погоста пятины и Водлозерской волости уезда: В 1568/69 г. А. И. Плещеев и подьячий Ушак Никитин отмежевали от находившейся в те годы в земщине Обонежской пятины к опричному Каргополю Водлозерскую волость — часть Водлозерского погоста⁴²⁵. Характерно, что старостой Водлозерской волости тогда стал Микула Григорьев Тяполков (по наблюдениям Ю. С. Васильева, среди переведенных в Москву в конце XVI в. торговых людей-каргопольцев был и Никула Григорьев Тяполков)⁴²⁶, происходивший из своеземцев Обонежской пятины большинство которых к тому времени оказались на службе у новгородского архиепископа⁴²⁷.

После ликвидации деления страны на земщину и опричнину/двор неопределенность границы Обонежской пятины и Каргопольского уезда сохранялась. В начале XVII столетия, когда Новгород и Каргополь оказались подчинены разным политическим лагерям, эта неопределенность в Водлозерье привела к началу боевых действий.

Первое столкновение, впрочем невооруженное, относится к 1608/09 г., когда с помощью шведских войск Новгород был освобожден от осады, и была сделана первая попытка вернуть государственную власть на территории Новгородской земли. В Водлозерскую волость были посланы денежные сборщики Яков Отяев и подьячий Одиноц Иванов, руководствовавшиеся тем, что в 1607/08 г. указом царя Василия Шуйского Водлозерская волость была приписана к дворцовым Заонежским погостам. Но «Водлозерские волости крестьяне им тех денег не дали, а сказали, что их волость велено ведать х Каргополю по прежнему»⁴²⁸. Сборщики вернулись в город ни с чем, позднее слабость центральной власти вплоть до конца 1611 г. не позволяла контролировать находившиеся вдалеке от Новгорода сельские районы.

Книги денежных доходов с Заонежских погостов, сохранившиеся в архиве Новгородской приказной избы тех лет, упоминают о столкновениях новгородцев с каргопольцами летом 1611 г.: «С Николского погоста с Пудоского тех денег не доправлено, потому что в том погосте стоял Максим Лихарев с воры, а как с Максимом учинился мир, и

⁴²⁴ Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 174.

⁴²⁵ Садиков П. А. Московские приказы-«четверти» во времена опричнины (1565–1584) // Изв. Т. 10. 1941. С. 133–134.

⁴²⁶ [Васильев Ю. С.] Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги исследования. Л., 1978. С. 58.

⁴²⁷ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. С. 525.

⁴²⁸ Книги денежных доходов с Оштинского стана Заонежских погостов за 119 год и доимочных денег за 118 год. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:42. С. 77–78

пошел Максим с своими людьми за рубеж, а немецкие люди да и русские до Свирь по договору отошли в Шалской погост, а для тех денег послали сына боярского Второво Скрыпова»⁴²⁹. Следовательно, летом 1611 г. линией, разделившей военные силы Новгорода и Каргополя, стала река Свирь, но каргопольцы признали власть Новгорода над Заонежскими погостами. Впрочем, «после того каргопольцы, заворовав, пришли опять в Пудоской погост и сына боярского Второво Скрыпова и наказ взяли...»⁴³⁰. Причиной того, что летом 1611 г. с Водлозерского погоста деньги взяты не были, прямо называется близость этой сельской территории к Каргопольскому уезду: «Каргополской рубеж к тому погосту подошел блиско, и погост захватили воры...»⁴³¹.

В результате новгородско-ярославских переговоров летом 1612 г. было достигнуто соглашение о перемирии. После этого взаимными грамотами о непролитии крови примерно в те же дни обменялись присланные из Новгорода в Заонежские погосты воеводы и каргопольцы, поддерживавшие Ярославль. Так, каргопольцы писали «что отписали мы к вам о добром совете, чтоб меж людьми и вами розни не было и кровь крестьянская унялась и стояти б нам с вами вместе на обших наших врагов полских и литовских людей». Однако прения о том, к ведению Новгорода или Каргополя относится Водлозерская волость, не прекратились⁴³².

В посланиях новгородцев к каргопольцам содержится увещание противников и призыв к отказу от пролития «христианской крови»⁴³³. Риторика этих документов созвучна той, что содержится в посланиях патриарха Гермогена и в переписке между городами в годы подготовки ополчений — памятниках вполне синхронных.

Летом 1612 г. посланных прежде в Заонежские погосты Б. Лупандина и Г. Бракиля сменили Василий Федорович Неплюев и Василий Иванович Змеев. Неопределенное политическое положение в Заонежских погостах заставляло крестьян искать поддержки у обеих сторон. Летом 1612 г. крестьяне удаленного Шунгского погоста просили у новгородских властей освободить их от излишних кормовых платежей, указывая, что им приходится давать корма и каргопольским отрядам, и шведско-новгородскому войску Ганса Мунка: «...а хлеба, государи, нам, сиротам вашим, привести не возможно, и взяти негде, потому что стало блиско Студеного моря, вызебаает, и приезжают праветчики ис полков от вашего ратного воеводы Анц Мунка Михайловича с товарищи... Да мы же, государь, привезли кормовых денег на Олонец немецкому воеводе Анцу Мунку Михайловичю с выти по два рубли, и в тех, государи, денгах и корму отписи нам в том

⁴²⁹ Там же. С. 61–62.

⁴³⁰ Там же. С. 62.

⁴³¹ Там же. С. 71.

⁴³² Отписка новгородских бояр и воевод Якова Делегарди и боярина кн. Ивана Никитича Большого Одоевского Ивану Зюзину и всем каргопольцам о том, что денежные сборы в Водлозерской волости производятся Анц Мунком по их воеводскому распоряжению ввиду того, что названная волость принадлежит Новгородскому уезду. 1612 (?). 10.07 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 533.

⁴³³ Лист шведского дворянина Ганса Мунка с товарищами к Максиму Васильевичу Лихареву и ратным людям и жителям Заонежских и Оштинских погостов с увещанием, чтобы они дали присягу в верности шведскому королевичу. 1611 // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 76. С. 110–111.

не дают, емлют глухо... Да преж, государи, сего к нам приезжал Максим Лихарев с ратными людьми и на нас, сиротах ваших, имал денги и кормы и всякие доходы безчестно, а что, государи, было хлеба, и то от ратных людей вытравлено...»⁴³⁴ Справедливости ради следует отметить, что в ходе гражданской войны новгородские власти зачитывали крестьянам платежи, уплаченные всем конфликтующим сторонам, в случае предъявления сельскими общинами документов.

10 июля 1612 г. Неплюев и Змеев получили указание из Новгорода урегулировать отношения с каргопольцами, с которыми снова вышел спор о принадлежности Водлозерской волости: «Писали вы к нам, что посылали вы в новоприписную в Водлозерскую волость, которая была отписана от Каргопольского уезда для данных денег правечников детей боярских Обиду Бухвостова и Богдана Скрыпова... и Водлозерские волости старосты и целовальники и все крестиане тех детей боярских из волости выслали и денег на себе править не дали, а сказали, что оне платят в Каргополь, да вы ж прислали отписку с Каргопольским стрелцом с Ондрюшком им по той отписки писали в Каргополь к приказным людям, и вы о том в Каргополь писали не единова и к вам ис Каргополя писал Алексей Зюзин и дворяне и дети боярские и посацкие и всякие люди буттоса вы с Каргополем задор чините и в Водлозерскую волость посылаете для денежных доходов понапрасну»⁴³⁵. Вероятно, вскоре Неплюев и Змеев оказались на стороне противников Новгорода: осенью 1613 г. они получили четвертной оклад в Москве из Владимирской четверти⁴³⁶.

Хотя летом 1612 г. была достигнута договоренность новгородских властей с руководством ярославского ополчения о прекращении военных действий и координации общих усилий по борьбе с поляками и литовцами, 30 июля 1612 г. в Андомский погост Обонежской пятины пришли кормовые сборщики из войска воеводы Алексея Зюзина, чей восьмитысячный отряд угрожал из Каргополя Ладоге и Новгороду. Появление этого отряда вблизи заонежских рубежей напугало посланных для кормового сбора в Заонежские погосты новгородцев Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова, которые остановились в укрепленном Александро-Свирском монастыре, не переходя Свири⁴³⁷. В августе 1612 г. Апрелев и Ханыков были отставлены от сбора кормов с Заонежских погостов и заменены Григорием Бешенцовым и подьячим Родионом Бабиным⁴³⁸. Вероятно,

⁴³⁴ Челобитная крестьян Никольского Шунгского погоста о том, чтобы им не платить хлебных кормов немецким ратным людям. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 1.

⁴³⁵ Грамота новгородских бояр и воевод Якова Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского дворянам и ратным воеводам Гансу Мунку (Анц Мунку Михайловичу), Василию Федоровичу Неплюеву да Василию Ивановичу Змееву об урегулировании отношений с Каргополем по поводу принадлежности Водлозерской волости. 1612, до 10.07 // RA, NOA. Serie 2:339. Л. 1–2.

⁴³⁶ Приходно-расходная книга Владимирской чети... Стб. 93

⁴³⁷ Челобитная Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова о сборе кормов про королевский обиход с погостов: Спасского Кижского, Никольского Шунгского, Петровского Челмужского, Егорьевского Толвуйского и на Кузаранде. 1612, июля после 30 // RA, NOA. Serie 1:51. С. 78–80.

⁴³⁸ Грамота новгородских бояр и воевод Григорию Васильеву сыну Бешенцову и подьячему Родиону Бабину о назначении их в Заонежские погосты вместо Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова. 1612, августа // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 26–27.

впрочем, что они в Новгород не вернулись. С осени 1613 г. Апрелев и Ханыков находились на службе московскому правительству⁴³⁹.

Последняя попытка новгородского правительства удержать Заонежье относится к августу 1612 г., когда туда были посланы Яков Колокольцев и подьячий Пахом Бобровский⁴⁴⁰. После перехода Москвы и Новгорода к открытому противостоянию вся борьба была сосредоточена южнее, в районе Тихвина монастыря. К 1613 г. за Свирью, близ Пудожского, Шальского и Андомского погостов, возникли укрепленные острожки с казацкими гарнизонами, которые после осенних событий под Тихвином установили прочную связь с этой базой московской власти (подробнее в главе 3). В это время сил новгородских властей для боевых действий в Обонежье, а уже тем более в Каргополье, не хватает. Эти районы вплоть до 1615 г. оказываются занятыми казаками. По данным А. Л. Станиславского, в конце 1614 – начале 1615 г. в Каргопольском уезде находились станицы Василия Булатова, Александра Трусова, Герасима Обухова, Ивана Пестова, Ермолая Терентьева, Федора Ослоповского и Ермолая Поскочина (большинство атаманов, судя по фамилиям, происходили из новгородских детей боярских. — А. С.). В уезде погибло более 2000 крестьян⁴⁴¹. Лишь в 1615 г. там устанавливается хрупкий гражданский мир.

Устюжна

Другим пунктом, где сосредотачивались сторонники Москвы на Северо-Западе, была Устюжна Железнопольская. В XIX в. был опубликован памятник местного летописания XVII в. под заголовком «Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия»⁴⁴². Этот памятник был первоначально востребован в церковно-исторических исследованиях⁴⁴³. История Устюжны в годы Смуты с XIX столетия не привлекала внимания исследователей, хотя здесь, как и в Тихвине, находили убежище (и получали поместья) новгородцы, перешедшие на сторону Москвы. Попытка оценить те изменения, которые произошли в составе дворянства Устюженского уезда в годы, когда Тихвин являлся важнейшей базой московских войск в противостоянии с новгородско-шведским правительством, была сделана в одной из работ П. А. Колесникова⁴⁴⁴. Однако исследователь не смог справиться с поставленной задачей. Появление в Устюженском уезде дворян — родственников новгородских помещиков он связал с испомещением новгородцев «в центральных замосковных уездах, в том числе и в Устюжно-Железнопольском» после

⁴³⁹ Приходно-расходная книга Владимирской чети... Стб. 96.

⁴⁴⁰ Память бояр и воевод Якову Макарьевичу Колокольцову да подьячему Пахому (?) Бобровскому ехать в Заонежские погосты для сбора на корм немецким людям по 4 рубля с выти. 1612, августа // RA, NOA. Serie 2:339. Л. 16–18.

⁴⁴¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 127.

⁴⁴² Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия // Русский вестник. Т. 5. 1842. № 3. С. 338–355.

⁴⁴³ Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание г. Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897.

⁴⁴⁴ Колесников П. А. Дворянство Устюженского уезда // Устюжна. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. 1993. С. 42–61.

присоединения Новгорода к Москве в конце XV в. При этом источником для его построений являлась писцовая книга Устюжно-Железнопольского уезда 1628/30 г.

Устюжна Железнопольская, соседка Новгородской земли на дороге в Вологду и Ярославль, в 1607–1608 гг. дважды испытала атаки тушинцев: в декабре 1607 г. до Устюжны дошел отряд Иосифа Застолбского, часть войска полковника Кернозицкого, а в феврале 1608 г. под Устюжну пришел Микулай Косаковский. Оба приступа кончились для тушинцев неудачей⁴⁴⁵. С. М. Соловьев очень красочно пересказал историю осады устюжан от тушинских отрядов в январе-феврале 1608 г. после разгрома их войска при деревне Батневке. «На их счастье поляки возвратились от Батневки назад: этим воспользовались устюженцы и стали делать острог день и ночь, рвы копали, надолбы ставили, пушки и пищали ковали, ядра, дробь, подметные каракули и копья готовили; Скопин прислал пороху и 100 человек ратных людей. Но вслед за ними прискакали подъездные люди с вестию, что поляки под начальством Казаковского идут под Устюжну, и действительно, 3 февраля караульные увидели с башен неприятеля, и литву, и черкас, и немцев, и татар, и русских людей. Как дождь напустили они на острог; осажденные с криком: "Господи помилуй!" начали отстреливаться и делать вылазки. Неприятель отступил, но в полдень опять двинулся на приступ и опять должен был отступить. В последний час ночи поляки повели новый приступ, но горожане отбили и его, сделали вылазки, отняли у осаждающих пушку и прогнали за четыре версты от города. 8 февраля, получив подкрепление, поляки снова приступили к Устюжне с двух сторон и снова были прогнаны с большим уроном, после чего уже не возвращались. Как ясно видно из рассказа об осаде Устюжны, горожан подкрепляло религиозное одушевление. До сих пор 10 февраля празднуют они спасение своего города от поляков крестным ходом, в котором носят чудотворную икону Богородицы»⁴⁴⁶. В приведенном С. М. Соловьевым рассказе отчетливо видно использование «Легенды об избавлении Устюжны», написанной, по всей вероятности, много позже описанной в ней событий.

Видимо, в 1609 г. войско Никиты Вышеславцева и Григория Бороздина шло на Вологду и Ярославль также через Устюжну⁴⁴⁷. О судьбе города в 1610–1611 гг. известно мало; вероятно, там первоначально признали Владислава Сигизмундовича. Во всяком случае, в 1611/12 г. устюжане настороженно отнеслись к новому новгородскому правительству. Осенью 1611 г. на Устюжну был послан сын боярский Бежецкой пятины Иван Савельев сын Страхов «от воевод з грамотою на Устижно Железополскую, чтоб государю королевичю крест целовали, сидел у них за приставом десят день». По дороге его также

⁴⁴⁵ Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия // Русский вестник. Т. 5. 1842. № 3. С. 338–355.

⁴⁴⁶ Соловьев С. М. История России. Т. 8. М., 1989. С. 504–505.

⁴⁴⁷ Отписка ратных голов Скорятина, Стафурова, Дербышева и Трусовых Ильмурзе Исупову и романовцам о том, что они идут с поморской ратью для приведения к покорности государю Ярославского и Пошехонского уездов, также и к ним, если не отстанут от самозванца. 1609. 9.02 // АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 150. С. 175–176; Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 108–115.

ограбили «литовские люди»: «отгромила литва трое лошадей, службишко все поймали, а сам ушел на лес душой да телом...»⁴⁴⁸

По сведениям Г. А. Замятина, 8 мая 1612 г. Я. Делагарди все же получил письмо из Устюжны, которая ожидала великого князя из Швеции (равно как и прибывшие в Новгород дворяне из Торопца), о чем тут же написал королю⁴⁴⁹.

В феврале 1612 г. произошло еще одно нападение устюжан на новгородцев. 4 февраля в Устрецком стане началась паника в связи со слухом о приходе в Боровичи крупного отряда «литовских людей и казаков», намеревающихся идти походом на Устреку. «И Устрецкого стану старосты и целовалники и все волостные люди все до единого человека от страха розбежались». Находившиеся в то время в Устреке дети боярские Григорий Негановский и Елизарий Корсаков, а также подьячий Богдан Михайлов в страхе покинули Устреку. Негановский побегал спасаться в поместье матери на Волоке Держкове, а Корсаков с подьячим сперва на Липенский Котлован, а затем оттуда — в Тихвин. Однако все дороги на Тихвин были заняты «литовскими людьми». Им удалось подойти к Устюжне на расстояние в десять верст, «и сведали про нас на Устюжни, и послали про нас с Устюжна Федора Нелединсково да Ратмана Черкасова да Василья Улыбышева с товарищи, и велели нас, связав, привести на Устюжно и мы, государь, утекли верхи на своих лошадех душой и телом, а сани да в санех платье и всякую рухлядь пометали, и пронялись Белозерскою дорогою на Суглецу, и иные дороги все заняли литовские люди, и я, государи, стал в Суглецы, а отпустил от себя в Великий Новгород подьячего Богдана Михайлова об указе». Все это произошло в достаточно сжатые сроки, так как 18 февраля Богдан Михайлов уже подал в Новгороде челобитную⁴⁵⁰.

После 1613 г. Устюжна быстро признает власть Михаила Романова. До взятия Тихвина этот город на Мологе не имеет большого значения. Когда осенью 1613 г. Тихвин становится важнейшей базой московских войск на Северо-Западе, Устюжна, через которую шла связь Тихвина с центром государства, вновь приобретает значение. Устюженские же дворцовые земли идут в поместную раздачу сидящим в Тихвине новгородцам.

Белозерск

Белозерск — еще один сосед Новгорода с востока, неоднократно разорванный тушинцами в 1607–1608 гг. Позиция белозерцев в 1610–1611 гг. неясна; однако с 1613 г. Белозерск быстро признает правительство Михаила Романова. Однако отношение к событиям, происходившим в Новгороде в 1611–1613 гг., на Белоозере было явно неоднозначным. В апреле 1612 белозерские воеводы и игумен Кириллова монастыря сообщали в Ярославль о грамоте из Новгорода с просьбой «радеть государьскому сыну», т. е.

⁴⁴⁸ Челобитная сына боярского Бежецкой пятины И. С. Страхова о вспомоществовании. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 12.

⁴⁴⁹ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 69.

принцу Карлу Филиппу⁴⁵¹. 21 июня 1612 г. посланные в Заонежье из Новгорода полковник Ганс Мунк с новгородцами получили из Белозерска от воеводы Степана Чепчугова и подьячего Богдана Ильина о том, что те знают о приходе новгородского и шведского войска на Ошту, «со всеми людьми и с нарядом», а также о том, что каргопольские воеводы Алексей Зюзин и дьяк Богдан Губин сообщили им о приходе шведского авангарда к Пудогге. Мунк и новгородцы отвечали и в Белозерск, и в Каргополь о том, что не имеют никаких агрессивных намерений, а лишь фискальные. Важно, что в грамотах Мунка содержалась информация, будто бы королевича Карл Филипп уже идет к Новгороду⁴⁵².

11 апреля 1613 г. на Белоозере была получена грамота из Устюжны с вестями о передвижениях шведов. Ранее, 17 марта туда приехал строитель новгородской Арсеньевой пустыни Гаврило и старец Мисаил, отправленные в Белозерск митрополитом Исидором и дьяком Семеном Лутохиным с известием о том, что Делагарди рассылает по городам для сбора вестей «дворян и детей боярских, которых к себе прикормил». Велено было также сообщить, что Эверт Горн начал поход под Псков, полковник Франц Стрюйс пошел в Заонежье и планирует дальнейшее движение на Устюжну и Белозерск.⁴⁵³

В январе–феврале 1614 г. белозерский воевода Петр Иванович Чихачев и дьяк Шестак Копнин допрашивали прежнего воеводу Степана Чепчугова, на которого был подан донос о том, что тот в годы противостояния со шведами выказывал последним если не поддержку, то симпатию. По словам доносчиков, белозерцы поставили засеки около новгородского рубежа, воевода же Степан Чепчугов эти засеки отменил. Кроме того, воевода, по словам доносчиков, поставил светлицы, где ждал прихода «немецких людей». Однако вызванные на суд свидетели показывали, что во всяком случае частично донос был ложным: «А светлиц в тою пору себе Степан не ставил, а велел миром на приказных людей двор поставить, где он жил, горницу, для того, что старые хоромы огнили, и та, государь, горница в приход литовских людей в трубах згорела на берегу. А меды Степан Чепчугов ставил или нет, при себе или про ково ставил, и того, господине, мы не ведаем, и чаял ли на Белоозеро приходу немецких людей или нет, и не чаял ли Московскому государству быти по прежнему во благочестии встречу немцам почесть учинити хотел ли, того, господине, мы не ведаем и не слыхали ни от кого ничего». Впрочем, Чепчугов успел выказать и явную трусость: в момент прихода к Белозерскому посаду «литовских людей» он уехал под защиту стен Кириллова монастыря. Также Чепчугова в доносе обвиняли, что он арестовал и пытал белозерца приказного

⁴⁵⁰ Отписка Е. Корсакова Московского и Новгородского государства боярам и воеводам о бегстве своем сначала из Устрецкого стана на Котлован, а потому оттуда в Суглицы. 1612. Между 4 и 18.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 151–152.

⁴⁵¹ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 71.

⁴⁵² Челобитная (отписка) боярам и воеводам от Ганса Мунка, Василия Неплюева и Василия Змеева о переписке с белозерскими и каргопольскими властями, о посылке в Каргополь сына боярского для договора и о начале посылки в Ладогу кормов на королевичев приход. 1612, между 29.06 и 7.07 // RA, NOA, serie 2:355. Л. 24–27.

⁴⁵³ Грамота царя Михаила Федоровича Белозерскому воеводе С. Н. Чепчугову об обороне Белозерска от шведов. 1613. 11.04 // *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты... С. 391–393.

человека Михаила Светикова, которому жители Белозерска били челом через голову Чепчугова об установлении засек на новгородском рубеже, для того чтобы оберегать Белозерский уезд от «немцев»⁴⁵⁴.

Что в этом деле ложного, а что истинного, сказать сложно. Однако характерно само обвинение воеводы в ожидании шведской власти. Видимо, известие об эмиссарах новгородского правительства в Устюжне и Заонежье дошли до Белозерска, и какие-то настроения в пользу шведов там вполне могли присутствовать.

В отличие от псковского дворянства, ни одного каргопольца, белозерца или устюжанина в Новгороде мне найти не удалось. Напротив, число новгородцев, «отъехавших» в эти города, равно как во Ржев, Осташков, Торжок, чрезвычайно велико.

Измены и плен

Измены

В политическом дискурсе новгородско-шведского альянса существенным было понятие об измене. Рассмотрю его подробнее. Понятие об измене широко входит в политический обиход Московского государства в середине XVI в. Как показал М. М. Кром, именно в это время возникает противоречие между принятым в предшествующее время понятием княжеского «отъезда» и формирующимся понятием о подданстве.⁴⁵⁵ В политическом дискурсе опричной эпохи понятие об измене — одно из самых культивируемых в риторике Ивана Грозного. Но после почти полного отказа от политики репрессий в годы правления и царствования Бориса Федоровича Годунова обвинения в измене надолго исчезают и вновь в большом количестве появляются на страницах источников с началом Смуты, в первую очередь после прихода на Северскую Русь первого Лжедмитрия и начала гражданской войны в Московском государстве, и особенно в 1606–1607 гг., когда возникает проблема иностранного присутствия и одновременно двух постоянно сосуществующих лагерей (первоначально — Тушинского и Кремлевского). Появившись в официальной идеологии, термины «измена», «изменничий» и т. п. приходят и в язык московской деловой документации (в данном случае под «московской» я подразумеваю не документы, созданные в Москве, а документы, появившиеся в московской традиции делопроизводства, в том числе и составленные в Новгороде). Достаточно хорошо известно, что обвинения в измене содержатся в обширной полемической литературе Смутного времени (отметим здесь в первую очередь не раз издававшийся *Временник* Ивана Тимофеева, часто служащий основным источником для иллюстрации, а то и исследования новгородской повседневной жизни Смутного времени). С легкой руки С. Ф. Платонова мы знаем о «перелетах» — тех, кто служил то тушинцам, то

⁴⁵⁴ Обыск на Белоозере про кабацкое вино, оставшееся в кабаке после того как в 119 году белоозерцы отставили кабак и про поступки воеводы С. Н. Чепчугова в Смутное время. 1614. 29.01–18.02 // Смутное время Московского государства. Вып. 5. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. М., 1911. С. 138–153.

⁴⁵⁵ Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

Шуйскому, в зависимости от своих сиюминутных выгод⁴⁵⁶. О таких «перелетах» яркое представление дают и памятники деловой документации. Так, летом 1613 г. в Новгороде разбиралась челобитная князя Семена Афанасьевича Мещерского на своего двоюродного брата Богдана⁴⁵⁷, в которой тот описывает так его «приключения» в годы Смуты: «а сын, государи, княж Кудеяров, князь Богдан, был в измене у вора во Пскове, отъехал от нас из Орешка, изменил и крест поцеловал на Ивангород к вору, а преж, государи, тот князь Богдан изменил, с Москвы отъехал к вору в табары, и от вора отъехал к королю в Литву, и из Литвы к Москве, и нынеча, государи, тот князь Богдан приехал изо Пскова к вам, великим бояром в Новгород...»⁴⁵⁸

В недавней популярной статье Б. Н. Флоря попытался оценить понятие измены в 1610 г., указав, что в поддержку Владислава высказывались разные сословия русского общества, собравшиеся в Москве в 1610 г.⁴⁵⁹ Возможно, именно по этой причине бывшие сторонники Владислава не преследовались руководством ополчения.

Нестабильная и напряженная политическая ситуация в России начала XVII в. ставила историков XIX–XX вв. перед необходимостью оценивать события Смуты в рамках современной им политической конъюнктуры. В связи с этим определение «изменник» в историографии применялось к деятелям той эпохи в зависимости от политических пристрастий историка (проромановская позиция историков XIX в., антигерманская в 1940-х гг. и т. д.⁴⁶⁰). Я далек от того, чтобы попытаться оценить, кого в действительности в политической жизни Новгородской и Московской земель начала XVII в. считали изменниками, но рассмотрю, как термины «измена» и «верность» употреблялись в деловой документации Новгорода 1611–1616 гг.

В 1611–1616 гг. наиболее часто в челобитных новгородских помещиков встречается фраза о том, что прежний помещик «отъехал во Псков» (вар.: «к Московским людям», «в Осташков»): «А Елизарей де <Самсонов сын> Пушин государю королевичю изменил, отъехал во Псков»⁴⁶¹, Петр Нармацкий просил себе изменничье поместье Андрея

⁴⁵⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 5-е изд. М., 1995. С. 272.

⁴⁵⁷ Этот князь Семен Афанасьевич Мещерский был к тому же родным братом порховского воеводы кн. И. А. Мещерского. Их родство с кн. Б. М. Мещерским фиксируется Кормленной книгой Галицкой четверти 1604 г. — в ней упомянут получивший оклад в 5 рублей, кн. Булат княж Михайлов сын Мещерской, а «деньги взял брат его двоюродной, князь Иван князь Офонасьев сын» (Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. // Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.) (Смутное время Московского государства. 1604–1613. Вып. 9). М., 1912. С. 37).

⁴⁵⁸ Дело по челобитной о поместье кн. Кудеяра Мещерского, отписанного на государя. // RA, NOA. Serie 2:230. Л. 7.

⁴⁵⁹ Флоря Б. Н. Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 48–52.

⁴⁶⁰ Достаточно привести пример оценки в русской историографии личности В. И. Бутурлина в событиях весны–лета 1611 года в Новгороде. Этот вопрос рассмотрен подробно П. В. Седовым. (Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г.... С. 126).

⁴⁶¹ Дело по челобитной о поместье Ивана Старкова сына Неелова. Не позднее 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:130. Л. 3.

Палицына «за то что он изменил, отъехал из Новагорода к Москве»⁴⁶². «Измена» ставится «отъехавшим» в вину и дает право претендовать на поместье, изменническое земельное владение приравнивается к выморочному. В качестве же собственной заслуги обычно указывается верность (как противоположность измене) и неустроенность, так: «служу 15 лет безпоместно» и т. п. В то же время изменой назывался не только отъезд в Псков, к московским людям и т. п., но и просто из Новгорода к себе в поместье. «А у выписки Пятой Мусин сказал: князь Федор да князь Захарей князь Богдановы дети Кропоткина да Иван Иванов с. Коротнев да Роман Бабкин з государевы службы из Великого Новагорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»⁴⁶³ Часто в качестве обоснования необходимости собственного испомещения челобитчики указывали на невозможность владения уже имеющимся поместьем в силу политических обстоятельств, т. е., строго говоря, по вине правительства: к примеру: «а в даче за мною сто четви, и то ноне за воры, я им не владею»⁴⁶⁴, «а поместья за мною холопом твоим в Обонежской пятине на Пчшеуже да на Сяси семдесят две чети с полосминою, а то, государь, мое поместьецо блиско Тихвины и разорено до основанья, и яз холоп твой им не владею с тех мест, как на Тихвине тебе, государю изменили»⁴⁶⁵.

Здесь рассмотрен наиболее простой вариант, когда челобитчик почти автоматически получает такое изменническое поместье, ибо ответчик (то есть изменник) находится вне досягаемости политической власти правительства. Однако большинство рассматриваемых казусов гораздо сложнее и включает в себя состязание сторон. В этом отношении характерен спор из-за усадища Иккуево в Ижерском погосте между сыном боярским Дмитрием Ивановым сыном Тырковым и вдовой Антония Чортова Маврой. Вдову поддерживал ее зять, муж дочери Мавры и Антония Натальи помещик Деревской пятины Артемий Пуляев (известный как один из членов новгородского посольства в Выборг для встречи принца Карла Филиппа, а после 1616 г. получивший чин жильца в Москве⁴⁶⁶). Характерно, что спор из-за поместья возник еще в 1611 г., когда Артемий только что женился на Наталье «и, женяся, о том их прожиточном поместье бил челом под Ла-

⁴⁶² Дело об отписном хлебе по челобитью Семена Палицына и об отдаче поместья Андрея Палицына Петру Нармацкому. 1611, декабрь–1612, март // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 29–37.

⁴⁶³ Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева сына Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132. Л. 9.

⁴⁶⁴ Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова сына Неелова... Л. 1.

⁴⁶⁵ Дело по челобитью о поместье Васки Чистого и Лариона Лазарева. до 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 84.

⁴⁶⁶ В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу, написанной ранее 19.03.1616 г., А. Пуляев писал о своих подвигах дошведского периода: «Да мне же, холопу твоему, придано при царе Василье же Ивановиче в московскую осаду за мои службы и за руку, как меня ранили на бою в Духов день, восемь рублей» (Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // *Сухотин Л. М.* Четвертики Смутного времени (1604–1617 гг.)... С. 225–226. Артемий Пуляев упомянут как служащий по Московскому списку также в 7135 и 7137 гг. ([*Иванов П.*]. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении МАМЮ. М., 1853. С. 343).

догою Ивану Салтыкову...»⁴⁶⁷ Свадьба произошла в великий мясоед 7119 года, т. е. после Рождества, значит, челобитная Ивану Салтыкову была подана, скорее всего, до весны 1611 г., когда в Новгородской земле Салтыков и Плещеев были еще в силе. Однако Дмитрий Тырков оспаривал челобитную Мавры и ее зятя Пуляева следующим образом: во-первых, Наталья умерла в Ильин день (т. е. 20 июля) 1611 г., пробыв замужем 3–4 месяца, и ее муж Артемий Пуляев более не имеет прав на бывшее ее прожиточное поместье, а во-вторых, вдова Мавра, мать Натальи, ни в чем не нуждается, так как живет в Орешке. Замечу, однако, что Орешек в первой половине 1611 г. еще не был занят шведами и не подчинился администрации Новгорода⁴⁶⁸. Указание на то, что вдова живет в Орешке, было своеобразным доносом об измене. При этом Тырков уверяет руководителей Новгорода в своей верности и беззаветной службе: «а я, государи, пять лет живу з женишкою и с людийками, волочюся меж двор, а поместье, государи, мое пусто в Копорском уезде, а тем, государи, завладели воры Иваногородские и Копорские, а о Тесовском, государи, кругу мы били челом вам, государи, на пристани⁴⁶⁹, и вы, государи, отказали, не дали, а велели приискивати, а мне, государи, головы приклонити негде...»⁴⁷⁰ В то же время выясняется, что Мавра Чортова была челом в Новгород, находясь в стане политических противников новгородской администрации. Споря с Тырковым уже в 1613 г., Пуляев своеобразно апеллирует к принимавшему решение боярину Одоевскому: «а что Иван Салтыков дал мне грамоту о поместье, о том ведомо князю Ивану Большому Одоевскому, ...и грамота моя у подьячих утерялась»⁴⁷¹. Дополнительным аргументом, приведенным Дмитрием Тырковым в свою пользу, было то, что он «выехал» на «государеву» (т. е. королевича Карла Филиппа) сторону из Пскова, из враждебного лагеря. Характерен и боярский приговор по этому делу: не давать это поместье никому из названных челобитчиков, фактически приравнять его к выморочным и дать беспоместному новику Даниле Скрипицыну⁴⁷².

⁴⁶⁷ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138. Л. 12. Интересно, что они сговорились пожениться еще в 116 (1607/08) г., еще при жизни отца невесты, Антония Чортова, которого на «государеве службе на Москве не стало», вероятно, примерно в это время.

⁴⁶⁸ 1 апреля 1611 г. Деллагарди сообщал королю, что жители Нотебурга три недели назад вместе с другими северо-западными крепостями, за исключением Пскова, Ивангорода, Ямы, Копорья, отреклись от поляков и соединились друг с другом. Город принял администрацию из Новгорода только после мая 1612 г. (Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 44, 69).

⁴⁶⁹ Вероятно, «Тесовский круг» состоялся в конце мая 1611 г., когда Я. Деллагарди отвел свои войска от Новгорода. О местоположении Тесовской пристани я писал ранее (Селин А. А. Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Старолadoжский. СПб., 1997. С. 119–124).

⁴⁷⁰ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138. Л. 17–18.

⁴⁷¹ Там же. Л. 38.

⁴⁷² Интересно, что Данило Скрипицын получил это поместье приблизительно 6 марта 1613 г. В то же время, уже 13 ноября этого года во Владимирской чети была выдана память на придачу к денежному окладу сыну боярскому Водской пятины Даниле Алексееву сыну Скрипицыну к 5 рублям. Таким образом, весной он получил поместный оклад в Новгороде, а уже в конце осени получал деньги во Владимирской чети в Москве, т. е. изменил новгородскому правительству.

Часто, получив изменничье поместье, сын боярский вскоре и сам оказывался в лагере изменников. В этом отношении характерно дело о поместье отъехавшего в Псков Василия Ефимьева сына Колобова, на которое в мае–июне 1615 г. претендовало трое детей боярских Водской пятины. При выяснении дела обнаружилось, что в 118 (1609/10) г. Василию Колобову в свою очередь было отделено «в Вотцкой пятине в Дягиленском погосте... изменничья поместья Линева...»⁴⁷³. Линева в то время мог быть изменником по отношению к царю Василию Шуйскому, т. е. тушинцем.

Практика взятия поручных записей о неотъезде из Новгорода не спасала новгородское правительство от потери людей. По Богдану Петрову сыну Тушину и его брату Федору 23 декабря 1613 г. в государеву казну поручилось более десяти детей боярских- новгородцев⁴⁷⁴. 17 января 1614 г. он сам поручился по кн. Ефиму Мышецкому⁴⁷⁵, 14 мая 1614 г. — по Федору Богданову Баишеву и по Дорофею Федорову сыну Бобошину⁴⁷⁶. Однако уже к 10 августа 1614 г. Б. П. Тушин оказался на стороне Москвы, оставив в Новгороде жену Анастасию Афанасьевну (в девичестве Еремееву) и 10-летнего брата Федора. Жена его 21 августа 1614 г. получила по челобитной 8 четвертей ржи из изменничьего хлеба⁴⁷⁷.

Взаимные обвинения друг друга в измене новгородскими дворянами и детьми боярскими возникали в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в Новгороде — победы той или иной группировки. Так, в 1610–1611 гг. крупными фигурами среди сторонников царя Владислава являлись Иван Салтыков и Лев Плещеев. После установления в Новгороде администрации Делаярди–Одоевского оба этих деятеля (Салтыков к тому времени уже был казнен новгородцами) стали считаться изменниками. Это обстоятельство использовали в борьбе за поместья новгородские дети боярские, обвиняя друг друга в связи с ними.

Рассмотрим дело о выморочном поместье Ильи Плещеева, ведшееся в 1611–1613 гг. Уже упоминавшийся помещик Деревской пятины Пятый Ратаев сын Мусин бил челом о поместье Ильи Плещеева, утверждая, что в 1610 г. «завладел тем Ильинским поместьем Плещеева без дачи (т. е. без отдела государственным чиновником) сын его Артемей»⁴⁷⁸, в то время как уже существовало решение об отделе этого поместья Пятому Ратаеву сыну Мусину, но «тот Артемей Плещеев приехал в Великий Новгород с Иваном с Салтыковым да со Лвом Плещеевым и его де ис того поместья выслал вон насил-

⁴⁷³ Дело по челобитью о поместье Федора Мисюрева Бестужева, Григорья Петрова Хомутова, Ивана и Михаила Александровых Сусловых. 1615, май–июнь // RA, NOA. Serie 2:113. Л. 1–10.

⁴⁷⁴ Поручная запись новгородских детей боярских по Богдану и Федору Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128.

⁴⁷⁵ Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18–19.

⁴⁷⁶ Поручная запись новгородских детей боярских по Федору Богданову сыну Баишеву и Дорофею Федорову сыну Бобошину. 1614. 14.05 // RA, NOA. Serie 2:262.

⁴⁷⁷ Книга хлебной раздачи новгородским дворянам, детям боярским, вдовам и девкам хлеба из изменничьих поместий кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614, августа 17–ноября 30 // RA, NOA. Serie 1:11. С. 4

⁴⁷⁸ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна–1613. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 49.

ством, не бив челом бояром и без указу то поместье у нас отнял»⁴⁷⁹. При этом попытки Пятого Мусина жаловаться тогдашней тушинской администрации ни к чему не привели: «И он де того Ортемья в том его насилстве о том своем поместье бил челом Ивану Салтыкову, и его де Максима Иван Салтыков бил и в тюрьму сажал, а тот деи Ортемей со Лвом Плещеевым в ызмене и в воровстве с литовскими людми, а мать его Олена⁴⁸⁰ и брат де его Матвей в том поместье живут насилством»⁴⁸¹. На самом деле, 31 мая 1610 г. по грамоте Василия Шуйского у вдовы Ильи Плещеева было отобрано прожиточное поместье и передано Максиму Первого сыну Мусину⁴⁸².

Митрополит Исидор в один из критических для Новгорода дней, 16 мая 1611 г., когда Салтыковы и их сторонники были уже признаны изменниками, когда светская администрация В. И. Бутурлина и кн. И. Н. Большого Одоевского уже велела «Ортемьеву мать Плещеева и сына ее Матвея Плещеева и их людей выслати вон со всем их животом и крестьяном их ни в чем слушати не велено»,⁴⁸³ вступился за упомянутую вдову Ильи Плещеева, Елену Матфееву дочь. Видимо, митрополит был последней надеждой вдовы Елены, в своей челобитной она отходит от привычного формуляра: «Била челом Московского государства бояром вдова Олена Ильинская жена Плещеева с своею дочерью с Марьею, как де мужа ее в животе не стало, и после деи мужа ее тем мужа ее поместьем пожаловал царь и великий князь Василей Иванович всея Руси, ее вдову з детми. И во 119 году на зиме из Великого Новагорода сын ее Ортемей послан к Москве, и про то де она не сведает, что сын ее на Москве жив или мертв, другой де ее сын Матвей Плещеев лежит от ран болен, ноги переломаны. И о том деи ее поместье бьет челом бояром Деревские пятины сын боярской (т. е. Пятой Мусин. — А. С.) по своему старому ложному челобитью...»⁴⁸⁴ 3 июня 1611 г. «что дано было во 118-м году по грамоте бывшего царя от великого князя Василья Ивановича всеа Руси по отделу губного Ондreja Обуткова Максиму Первого сыну Мусину прожиточное Ильинские жены Плещеева вдовы Олены з детми мужа ее Ильинского поместья Плещеева усадище да к усадищу пашни семдесят пять чети, и по указу и по грамоте Московского государства боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского да чашника и воеводы Василья Ивановича Бутурлина да дияка Семена Лутохина и о выписи с книг за приписью дияка Семена Лутохина то ей вдовы Оленино прожиточное поместье Тимофеем Зеленой перед

⁴⁷⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁸⁰ Отдел поместья вдове Ильи Плещеева произошел 3 июня 1611 г. (Отдел неслуживым Тимофеем Зеленым прожиточного поместья вдове Ильи Плещеева Елене с дочерью Марьей в Ситенском погосте Деревской пятины, отобранного у нее ранее и переданного Максиму Первого Мусину. 1611. 3.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 373–379 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 296). 1 января того года Плещеев был еще жив, в этот день ему было отделено поместье в Полоновском погосте (Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятины. 1611. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 659–663 (копия без пагинации СПБНИИ, м/ф 296).

⁴⁸¹ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева... Л. 50.

⁴⁸² Отдел губным старостой Андреем Обутковым Максиму Первого Мусину поместья Ильи Плещеева в Ситенском погосте Деревской пятины. 1610. 31.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 185–189 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 294).

⁴⁸³ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева... Л. 52–53.

тем игуменом и перед священником и перед волостными людьми отделил в поместье еи вдове Олене Ильинской жене Плещеева з дочерью яе с Марьею селцо Горнечно на озере на Боровни...»⁴⁸⁵

Другой, более яркий пример. В конце 1612 г. в Деревской пятине возникло дело о поместье в связи с «изменой» известного в будущем новгородского дьяка Филиппа Арцыбашева. О поместье бил челом его брат, Семен Матвеев сын⁴⁸⁶: «служу, государи, я пятнатцать лет, а оклад мне поместной пятьсот четверти, а поместьеца, государи, за мной нет ни одной четверти, а живу, государи, я в Новегороде без съезду... [пожалуй, государь,] отца моего Матвеевым поместьем Арцыбашева, а брат, государи, которой служил в отца моего место нонече во Пскове...» — так мягко он сообщил об «отъезде» брата, по сути — «измене»⁴⁸⁷. На то же поместье претендовал другой сын боярский, новик Осип Дружинин сын Оничков, так описывавший отъезд Филиппа: «а тот, государь, Филипп отъехал во Псков с Ывашком с Севериным, остался, государь, отец ево стар и слеп да мать, а два брата, государь, большие верстаны надвои, и те не служат, живут дома, а третей, государь, мал, не служит же...»⁴⁸⁸ Вскоре появились и еще претенденты, о которых следует сказать особо, — «беспоместные детишки боярские» псковский помещик Михалка Воинов сын Ордин Нашокин (дядя А. Л. Ордин Нашокина) и пусторжевский помещик Омельяно Дмитриев сын Ротиславской⁴⁸⁹. Новгородскую администрацию было не так легко провести, «бояре и воеводы» приговорили отказать псковичу и пусторжевцу, «потому что оне в челобитьях своих написали оклады себе великие, по девятисот, а иному по семисот, по штисот четвертеи, а в Новгороде их окладов версталных списков нет...»⁴⁹⁰ Результатом же челобитий Аничкова и Арцыбашева был розыск, в ходе которого выяснилось, что «служил с его Матфеева поместья (Арцыбашева. — А. С.) сын его Филип, и сын его Филип своровал, отъехал во Псков, да и потому ж, как шол королевского величества ратной воевода Иверн Горн Карлусович с ратными людьми⁴⁹¹, и тот Матфеев сын Филип своровал, Иверн Горна Карловича на двор стояти не пустил, и говорил непригожие слова, а Осип Оничков службы служит, а

⁴⁸⁴ Там же. Л. 53–54.

⁴⁸⁵ Отдел неслуживым Тимофеем Зелениным прожиточного поместья вдове Ильи Плещеева Елене с дочерью Марьей в Ситенском погосте Деревской пятины, отобранного у нее ранее и переданного Максиму Первого Мусину. 1611. 3.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 373–379 (копия без пагинации СПбИИ, м/ф 296).

⁴⁸⁶ И Семен Арцыбашев, и его отец Матвей, и его дядя Федор упоминаются в Кормленной книге Галицкой четверти еще в 1604 г. (Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. ... С. 17, 28).

⁴⁸⁷ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. Сент. 1612 // RA, NOA. Serie 2:229. Л. 1.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 2.

⁴⁸⁹ В августе 1602 г. Е. Д. Ротиславский был среди пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. В то время его поместный оклад составлял 300 четвертей (Списки детей боярских, новокрещенных татар всех пятин, торопчан, холмичей, невлян, пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. 1602, авг. // СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38. Л. 12).

⁴⁹⁰ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье... Л. 13.

⁴⁹¹ Скорее всего, имеются в виду боевые действия зимы 1611/12 г. в районе Устрецкого острожка.

поместья за ним не было ни одной чети...» Однако, согласно приговору воевод, спорное поместье все же разделили между братом Филиппа Семеном и Осипом Аничковым⁴⁹².

Приведу пример подобного челобитья, исходящего из противоположного стана. 17 августа 1611 г., в период активности Первого ополчения владимирский дворянин Григорий Орлов подал челобитную на имя короля Сигизмунда III и королевича Владислава, в которой претендовал на «изменничье поместье» князя Дмитрия Пожарского, «а князь Дмитрей вам, государем, изменил, отъехал с Москвы в воровские полки и с вашими, государевыми, людьми бился в те поры, как на Москве мужики изменили, и на бою в те поры ранен»⁴⁹³. Как видим, те формулы, которые использовались в деловой практике Новгорода, характерны и для всего Московского государства.

Отношение в Москве к новгородским дворянам и детям боярским было настороженным. В пору открытого конфликта Москвы с Новгородом в 1614 г. стороны открыто объявили друг друга врагами. После отступления московской рати от Бронниц во второй половине лета 1614 г. в Разряде было заведено дело о сношениях Ратмана Вельяминова, воеводы в полку князя Трубецкого, князей Андрея и Григория Шаховских с дядей последних «новгородским изменником холмитином князем Андреем Константиновичем Шаховским»⁴⁹⁴. На всем протяжении следствия новгородцы назывались изменниками. Однако после 1617 г. всем оставшимся в Новгороде дворянам, детям боярским, священнослужителям и посадским людям было объявлено полное прощение и приказ продолжать государеву службу⁴⁹⁵.

Отношение к «изменам», «отъездам» в Новгороде в 1611–1616 гг. было спокойным и ровным. «Измена» входила в повседневную практику, «изменяли», по сути дела, все. При том, что в решении конкретных личных проблем новгородец апеллировал понятиями «измены» своего противника и, напротив, своей «верности», службы «без отъезду», в определенных обстоятельствах новгородский дворянин руководствовался личными приоритетами — случайная обида, низкий поместный оклад мог служить причиной отъезда в лагерь политических противников. Нестабильность политической ситуации, неясность положения — никто не знал, на чьей стороне «правда», — все это провоцировало к тому, что к таким «отъездам», являвшимся государственными преступле-

⁴⁹² Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье... Л. 12.

⁴⁹³ Челобитная польскому королю Сигизмунду III и сыну его великому государю королевичу Владиславу Сигизмундовичу от Григория Орлова: о пожаловании ему во владение поместья в Суздальскому уезде сельца Нижнего Ландеха с деревнями, принадлежащего кн. Дмитрию Пожарскому, за измену его против их, государей. Тут же и жалованная на поместье от имени бояр Орлову. 1611. 17.08 // СГГД. Ч. 2. 1819. № 267. С. 566–567.

⁴⁹⁴ *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 57, прим. 3.

⁴⁹⁵ Грамота государя царя и великого князя в Новгород митрополиту Исидору и всем духовного и светского чина людям известительная: о заключении с шведским королем Густавом Адольфом мирного договора, по коему Новгород возвращен паки к Российской державе; о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам. 1617. 27.02 // СГГД. Ч. 3. 1822. № 34. С. 149–154.

ниями, общество и администрация относились довольно спокойно и специальных розысков об изменах не устраивали.

Очевидно, эти наблюдения можно толковать и шире. Вероятно, не лишено резона наблюдение О. Бакуса о неразработанности понятия «измены» в русской культуре вообще⁴⁹⁶. В статье, посвященной русским изменникам в войне 1812 г.⁴⁹⁷, А. И. Филюшкин указывает на общую мягкость правительственного отношения к служившим Наполеону русским подданным. Возможно, такая же мягкость, традиционная для Московского государства и связанная с тем, что измена не трактовалась как тяжкое преступление, была характерна и для политического режима, сложившегося в Новгороде в 1611 г.

По мнению Дж. Х. Линда, Михаил Клементьев, Василий Чеботаев, особенно Мурат Пересветов, Никита Калитин и Федор Аминев остались на территории Ингерманландии после 1617 г. так как опасались преследования со стороны московских властей⁴⁹⁸. Возможно, эта мысль справедлива: хотя нам и неизвестно о каких-то репрессиях по отношению к сотрудничавшим со шведами новгородцам, именно эти люди могли опасаться такого преследования — перешедший к шведам под Тихвином ростовский сын боярский Мурат Пересветов, бежавший в стоге сена из Пскова новгородец, потомок своеземцев Никита Калитин и склонявший целые города к переходу на сторону шведов бывший стрелецкий сотник Федор Аминев.

Споры о толмаче и торговце Тимохе Хахине и его правах на возвращение долгов с новгородцев продолжались длительное время после 1617 г. По московскую сторону границы воспринимали только как изменника. Ни о какой справедливости для него в Московском государстве речь идти не могла. Все призывы ингерманландского губернатора Юлленгельма к международному праву и выполнению договора на словах принимались русской стороной, однако мотивы их противодействия Хахину и Пристальцову были иными: они – изменники. Представление же о байорах как об изменниках сохранялось и в 1630-е годы. Так, Никита Яковлевич Тырков в 1631 г. служил заставным головой Тесовской заставы. 8 июня 1631 г. он не пропустил в Московское государство Павла Алабердеева и, руководствуясь указом новгородских воевод, запер Алабердеева с домочадцами, а также 38 крестьянами-перебежчиками во дворе Зверинского монастыря и 27 июня 1631 г. сдал их всех шведскому прапорщику Поликарпу Ибарпану, В своей отписке в Новгород Тырков именовал Алабердеева изменником, хотя тот уже более десяти лет был законным подданным шведской короны⁴⁹⁹.

⁴⁹⁶ *Backus O. P.* Treason as a concept and defections from Moscow to Lithuania in the Sixteen Century // *Forschungen für östaeuropische Geschichte*. Bd. 15. 1970. На эту работу я обратил внимание после появления статьи М. М. Крома «Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский» (ОФР. Вып. 4. М., 2000).

⁴⁹⁷ *Филюшкин А.* От худости сердца. Измена в Отечественную войну 1812 года // *Родина*. 2000. № 8. С. 44–48.

⁴⁹⁸ *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре»... С. 63.

⁴⁹⁹ Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков. 1631 // *АМГ*. 1890. Т. 1. С.330–332.

Плен

Судьбы плененных в истории раннего нового времени часто бывали трагичны. Многие проводили в заточении долгие годы. Специально вопрос о русских плененных в Литве (и попытках их обмена) в XVI в. рассмотрен в небольшой монографии М. М. Крома. Ученый пишет, что на переговорах в Москве 1537 г., предшествовавших заключению перемирия стороны не смогли прийти к соглашению о плененных. Московские бояре предлагали освободить плененных всех, без всяких условий. Литва же упирала на то, что «у нашего государя люди добрые, а у вашего – худые мелкие людишки». Аргументация русской стороны, по мнению Крома «сочетала в себе практицизм и апелляцию к христианским ценностям»⁵⁰⁰. Такие же основания мы встретим и при рассмотрении переговоров об обмене пленными, происходившими в 1615-1616 гг. между московскими и шведскими уполномоченными.

Далеко не все «отъезды» новгородцев были добровольными. В конце июля 1614 г. Иван Большой Бестужев считался в Новгороде изменником, вместе с братом Дмитрием «отъехавшим» в московские полки. Впрочем, Ульяна и Аксинья Назимовы в своей челобитной о закреплении за ними поместья уточняли, что Ивана Большого и Дмитрия свели с собой «шиши» во главе с кн. Федором Оболенским.⁵⁰¹ Однако определить действительное или мнимое насилие при взятии в плен удается редко.

Примерно в октябре 1614 г. подъячий Иван Сидоров бил челом Карлу Филиппу об освобождении на поруки из тюрьмы, куда был посажен за неудачную попытку бежать из Новгорода, «за то что с великие бедности хотел из Новагорода збрести, а которые, государь, иманы в Новгород в языцах, и те по твоей государевой милости многие освобождены на поруки ис темницы, а за меня, государь, бедного, побити челом тебе государь и твоим государевым бояром некому»⁵⁰². 19 октября 1614 г. по нему, «московскому подьячему», была взята поручная запись о неотъезде из Новгорода⁵⁰³.

Обмен пленными обсуждался воюющими Москвой и Новгородом и в месяцы наибольшего напряжения. В начале марта 1614 г. к воеводе Рамышевского острожка А. Ф. Палицыну обратился Лоренц Вагнер с предложением об обмене плененных на тело убитого капитана Бакнера. Палицын по инстанции обратился к кн. Д. Т. Трубецкому, тот запросил Москву. Из Москвы по государеву указу Вагнеру было предложено в обмен на тело Бакнера выдать «князь Петрова сына Пронского князя Михайла да Томилова сына Луговского, да Васильевых да Ефимовых детей Телепнева да детей боярских да атаманов и казаков». Позднее, 31 марта, новый воевода Рамышевского острога Федор Левашов сообщал, что сразу, как он принял должность, к нему приходили служилые люди и

⁵⁰⁰ Кром М. М. Стародубская война 1534-1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 98.

⁵⁰¹ Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73.

⁵⁰² Челобитная бывшего подьячего Ивана Сидорова об освобождении его из темницы на поруки // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 116.

⁵⁰³ Поручная по подьячем Иване Сидорове о жительстве его в Новгороде и не съезде отсюда без боярского ведома. 1614. 19.10 // АЮБ. Т. 2. № 261. Ст. 814–815.

просили взять на обмен ранее добытых в языки детей боярских. Левашов списался с Вагнером и послал грамоту от Вагнера кн. Трубецкому, а тот переслал ее в Москву⁵⁰⁴. В грамоте Вагнера, впрочем, содержится не только предложение выдать тело Бакнера, но и просьба похоронить убитых под острожкой шведских солдат. Вагнер прибавляет, что мы-де шведы «побитых ваших ратных людей похороняем»⁵⁰⁵. Обмена пленными в тот момент, однако, не произошло.

Особенно большое число пленных оказалось в Новгороде летом 1614 г., после отхода от Новгорода войск кн. Д. Т. Трубецкого и капитуляции Новоселицкого острожка на Мсте. Именно о них, а также о семьях оставленных в Новгороде перебежчиками, зашла речь при переговорах 1615 г., предшествовавших Дедеринским. Подготовка к большой операции по обмену пленными между Полновским погостом и селом Романово на Поле началась в апреле 1615 г.⁵⁰⁶. Обе стороны предложили большие росписи пленных как находящихся у них, так и тех, которых бы хотелось получить⁵⁰⁷.

Стороны долго препирались, каких полоняников предполагалось получить, а каких нет, включать ли в число обмениваемых пленных тех, что были захвачены под Псковом или нет. Росписи их не сходились, посланные их сверяли и высчитывали разницу⁵⁰⁸. Московская сторона выражала серьезные претензии по церемонии переговоров, особенно резко выступая против участия в них переводчика Ганса Бракиля, откровенно выказывавшего неуважение к титулу московского государя. Москвичи писали в Посольский приказ: «А все, государь то воровство делает Анца Брякилев, единово слова не говаривал, что к доброму делу пристойит». Москвичи предлагали обменивать по принципу

⁵⁰⁴ Отписка боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого царю Михаилу Федоровичу из Бронниц о событиях под Бронницким острогом. 1614, между 31 марта и 15 апреля // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 49–50.

⁵⁰⁵ Грамота старорусского воеводы Лоренца Вагнера воеводе Рамышевского острога Федору Левашеву. 1614, между 27 и 31 марта // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

⁵⁰⁶ Интересно, что позиция новых московских властей на переговорах со шведами в 1610-х годах сильно отличалась от той, что была занята московскими послами на переговорах на р. Плюссе в 1589–1590 гг. и в Тязвине в 1594–1595 г. И в наказе послам, и в протоколах тех переговоров неоднократно фиксируется однозначное намерение москвичей сначала добиться мирного соглашения – «великого государева дела» и лишь по его достижении начинать переговоры об обмене пленными (Отправление послов окольничего и наместника Старицкого кн. Федора Ивановича Хворостинина, казначея и наместника Можайского Деменшу Ивановича Черемисинова и думного дьяка Дружины Петелина на съезд на реке Нарове с шведскими послами графом Акселем Расборгом и Клаусом Белке. 1589. 14.08 – 1590, января (без начала) // РГАДА. Ф. 96. Посольские книги. Д. 6. Л. 23–23 об.; Наказ послам кн. Ивану Самсоновичу Туренину с товарищами, отправленным к Ругодиву для заключения мирного договора со Швецией. 1594, октября // РГАДА. Ф. 96. 1594. Д. 2. Л. 37–38). В этом отношении Посольский приказ Михаила Романова занял более «гуманистическую» позицию.

⁵⁰⁷ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

⁵⁰⁸ Роспись русских пленных, чьи имена есть в шведском списке и отсутствуют в списке Посольского приказа // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 205–208; Роспись русских пленных, оставленных в Новгороде для размена на взятых под Псковом шведов // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 209–211; Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 212–213.

«всех на всех», однако шведы возражали и предлагали меняться «врознь»: человека на человека или двух, и сначала меняться «худыми» людьми, а после «добрыми». «А свалом де нам с вами всех на всех не оменивати». В наказе московских представителей С. Г. Коробьина и П. А. Обернибесова было написано: «врознь с ними полоняниками розмениватца и договор чинити не велено». За лучших пленников — Никиту Остафьевича Пушкина и Фому Дурова шведы запросили денег, так как их Делагарди выкупил у запорожских казаков⁵⁰⁹. Позднее договорились все же о поименном обмене по шведскому сценарию⁵¹⁰.

Во время переговоров возникали альтернативные предложения обменов. К Семену Коробьину обратился старорусский воевода кн. А. К. Шаховской. В ходе рейда шведы пленили ржевитина Александра Матвеева сына Голенищева. После этого, в 1614/15 г. на р. Полу приходили казаки атамана Балаша и в д. Онтипове взяли в плен Ула, слугу ротмистра Лоренца Вагнера. Шаховской просил обменять Ула на Голенищева. «Ныне Александр ротмистру Лаврентью Ивановичю бил челом, чтоб ево пожаловал, велел об нем к вам отписати, а Александр Голенищев ротмистру в том верился, что человека его тово немчина Ула за него Олександра отпустят»⁵¹¹. Голенищев переправил к послам из старорусской тюрьмы грамоту, адресованную своему дяде, С. С. Голенищеву:

«Государю моему дядюшке Степану Семеновичю Алеша Голенищев челом бьет. Буди государь здоров и на многие лета и со всеми нашими рожными и приятели. А пожалует государь, похочешь про меня просити, и я в полону в Старой Русе живот свой мучаю да ва[...]ют жив. Да писал обо мне князь Андрей Костянтинович Семену Гавриловичю Коробьину да Петру Агеевичю Обернибесову, что бутося я верился ротмистру Лаврентью, что одадут на меня человека ево Ула. И им бы то пожаловать, роз[с]удить, что князь Андрей писал, повеле тварить. А я надежа государя своего, царя и великого князя Михайла Федоровича всея Руси, и на его всещедрую милость, а тебе бы государю моему дядюшке пожаловать обо мне промышляти, как тебе Бог известит. А Семену Гавриловичю и Петру Огеевичю и Ивану Офонасьевичю о том бить челом, чтобы им то пожаловать, расудить. А я тебе, государю своему, многа челом бию до лица земнаго»⁵¹².

Переговоры об обмене затянулись. Пленники, находившиеся в шведском стане сумели передать в московский стан грамоту следующего содержания:

«Государю Семену Гавриловичю, Петру Агеевичю, Ивану Офонасьевичю полоняники, которые сидим на Селище, Дмитрий Плещеев, Осип Оничков, Федор Исаков, Тугарин Полозов, Сила Ивков, Захарей Дирин челом бьют. Смилуйтесь государи, Семен Гаврилович, Петр Агеевич, Иван Офонасьевич, не дайте нам умереть голодною смертью, уже пятой день травою питаемся, были болны, а ныне и досталного нет и сами припухли з голоду, год мучи-

⁵⁰⁹ Отписка С. Г. Коробьина с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров о размене пленными 11–12 мая 1615 г. 1615, мая после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 119–131.

⁵¹⁰ Список, поданный С. Г. Коробьину шведскими уполномоченными 15 (14?) мая 1615 г. с предложениями, кого из пленных на кого обменивать // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 136–138.

⁵¹¹ Грамота старорусского воевода кн. А. К. Шаховского московским посланным С. Г. Коробьину с товарищами об обмене ржевитина А. М. Голенищева на Ула, человека Л. Вагнера. 1615, мая около 3 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 110.

⁵¹² Грамота ржевитина А. М. Голенищева своему дяде С. С. Голенищеву об обмене его на человека Л. Вагнера Ула. 1615, мая около 3 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 112.

лись, а ныне на достал. Смилуйтесь, не дайте нам умереть напрасною смертью, милость государя царя и великого князя Михайла Федоровича всея Руси слыша, а вам бы смилонатца, промыслити наши головами, и мы вам, государем своим, будем работати головою своею за ваше жалованье, а мы вам, государем своим, много со слезами челом бьем. А о чем будет у вас спор, и вы то после договаривайтесь, ныне не губите напрасной смертью»⁵¹³

Нескольких пленных у Делагарди отпросил находившийся там английский посол Джон Мерик. Придя к С. Г. Коробьину, они рассказывали истории своего пленения. Так рассказывал Иван Моклоков: в 1614 г. он был взят в плен в Новоселицком острожке под Новгородом вместе с упомянутым выше воеводой Федором Левашевым (ведшим в 1614 г. переговоры с Лоренцом Вагнером) «на Ильин день святого пророка». Моклокова посадили в тюрьму. 25 сентября 1615 г. «на Сергеев день с утра выпечаловал деи его у них аглинского короля посол». Из его соратников в тюрьме последними оставались ржевитин Иван Семенов сын Пушкин с пятью товарищами и старичанин Иван Романов сын Кознаков с тремя товарищами. «И Иван де с товарищи с Сергеева дни в ночи дверь розломали и с тюрмы утекли, а в тюрмы остался в сторожне ржевитин Офонасей Данилов сын Елчанинов, для того, что он болен». Моклоков поделился и очень личным переживанием — контактом со шведом, проявившим сочувствие к пленному: «яз де сам был в полону, а вы де не скорбите, а чаят де милости Божии и немецкие люди, хотят миритца вскоре, а стоят де крепко за три города, за Орешек, за Корелу да за Ивангород»⁵¹⁴.

Пленные бежали из новгородских тюрем или старались найти того, кто мог бы выкупить их. Так, во Псков 31 декабря 1614 г. оказался Матвей Евреев, можайский сын боярский, плененный под Бронницами. Его выкупил из плена новгородец Григорий Муравьев⁵¹⁵.

Большая группа бежавших из Новгорода пленных появились в московском стане на Песках около 7 октября 1615 г.⁵¹⁶ Они подробно рассказали о своих приключениях. «А в роспросе сказали: в прошлом во 122-м году на Ильин день Святого пророка взяли де их немецкие люди в полон с Федором Левашевым в Новоселицком острошке и привели де их в Новгород и посадили их в Новгороде в тюрьму каменую. И в нынешнем во 124-м году сентября в 24 день против 25 числа ночью, тюрьму они розломав, утекли ис тюрмы к реки Волхову и реку переплыв шли к Осташкову Бронницкою дорогою»⁵¹⁷.

Менее эмоциональна история другого освобожденного Мериком пленного, старичанина Макара Бехтеева. Он также был пленен в Новоселицком острожке. По дороге из

⁵¹³ Грамота русских полоняников, стоящих на стану в Песках, к С. Г. Коробьину об их скорейшем освобождении. 1615, мая между 14 и 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 189.

⁵¹⁴ Расспросные речи Ивана Софонова и Ивана Моклокова в Осташкове. 1615. 30.09 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 36–41.

⁵¹⁵ *Замятин Г. А.* "Псковское сиденье"... Приложение 1. С. 210–211.

⁵¹⁶ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что к ним из Новгорода вышли пленные дворяне. 1615, октября после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 238.

⁵¹⁷ Расспросные речи вышедших из Новгорода пленных ржевичей и старичан в Осташкове. 1615. 7.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 239–241.

Новгорода, в Старой Руссе, ему передал вестовой список о новостях из-под Пскова старорусский подьячий Федор Витовтов, каковой Бахтеев и привез к Коробьину⁵¹⁸.

12 октября на стан к С. Г. Коробьину вышел сын дьяка Третьяка Копнина Юрий, рассказавший также свою историю. Его отец, Третьяк Копнин, при царе Василии Шуйском был назначен дьяком в Старую Руссу. В конце 1611 г. он был включен в состав посольства юрьевского архимандрита Никандра (характерно, что Юрий Копнин упирает на то, что посылал его в посольство «Яков Пунтусов»). После того как Копнин со всем посольством отправился из Выборга в Новгород, находившийся при отце Юрий был оставлен при Карле Филиппе «и был де он в немцах 30 недель». У Карла Филиппа его отпросил только следующий новгородский посол, хутынский архимандрит Киприан. Придя в Новгород, Копнин застал там мать с меньшими братьями. Не получив разрешения М. М. Пальма покинуть город, Ю. Т. Копнин бежал⁵¹⁹.

По возвращении Новгорода под власть Москвы, а до того при переходе на сторону Москвы многие новгородские служилые люди оправдывали себя тем, что ранее были у немцев «в полону». Такой ход встречается в челобитной кн. И. С. Путятину. В 1617 г. он бил челом о даче его детям и внукам корма по 1 алтыну на человека в день. В челобитной указал, что выехал «ис полону» из Новгорода от немецких людей, оставив в Новгороде детей и внуков⁵²⁰. Кн. И. С. Путятин был одним из последних приехавших в Тихвин новгородских детей боярских⁵²¹. Тот же мотив в челобитной Никиты Тыркова. В 1617 г. он прибыл в Москву в качестве выходца из шведского плена, после чего был назначен к службе в Посольский приказ «у чертежу и у распросу про рубеж». По его «сказке» была составлена роспись «государевым и немецким свейским городом и их уездом, в которых местех по рубежом государева земля с немецкою со свейскою землею сошлася»⁵²².

Сложная политическая ситуация, в которой оказались новгородцы в 1611–1617 гг., требовала от них ответственных решений. Источники, составленные в противоборствующих лагерях, не позволяют в полной мере оценить, как в действительности новгородцы относились к политическим событиям, участниками которых они стали, насколько сознательным был их выбор в пользу Москвы или, реже, Швеции. Политическая риторика

⁵¹⁸ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о выезде к ним полоняника Новоселицкого острожка Макария Иванова Бахтеева. 1615, сентября после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1615, д. 9. Л. 149.

⁵¹⁹ Расспросные речи вышедших из Новгорода Юрия Третьякова Копнина с человеком и зубчанина Алексея Брянцева. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 305–311.

⁵²⁰ Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича послам окольному и наместнику суздальскому кн. Данилу Ивановичу Мезецкому, дворянину и наместнику шатцкому Алексею Ивановичу Зузину да дьякам Николаю Новокшенову и Добрыне Семенову о выдаче кормов из новгородских доходов детям и внукам кн. Ивана Семенова сына Путятину по его челобитью. 1617. 5.04 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 70 об.–71.

⁵²¹ Расспросные речи новгородского выходца князя Ивана Путятину перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616, октября // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 161–170; Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе в Тихвин новгородского посылочного подьячего Постника Кувшинова и князя Ивана Путятину. 1616, октября после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 287–289.

документов, употребление терминов «измена», «плен» далеко не всегда отражают действительно сознательный вбор служилых людей или насилие над ними.

⁵²² Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 2. М., 2003. С. 313.

Глава 5. Служилые люди Новгорода начала XVII века: групповая характеристика

Озаглавив работу «Новгородское общество начала XVII века» и даже указав во введении, что рассмотрению будут подвергнуты только социально активные группы, сделаю еще одну оговорку. Разумеется, не менее, а иногда более активными участниками новгородской жизни, чем служилые люди, были также гости и купцы, многие посадские люди, занимавшие городские должности (целовальников, пятиконецких старост), церковники. Это может считаться заведомым недостатком выносимого на суд читателя труда.

В то же время, когда приходится говорить о представителях служилого сословия, в особенности — служилых людей по рождению, большая часть из них оказывается вне поля зрения. Неизвестен состав дворов многих людей, о которых я пишу. Несомненно, борясь за оклады и подавая челобитные о поместьях, они преследовали и интересы своих домочадцев. Так, во дворе дьяка Семена Лутохина в августе 1614 г. жило 40 человек¹, среди которых, видимо его родственники, чьи имена исчезают из источников с началом Смуты². Во дворе отъехавших за рубеж Парфения и Самойла Нарбековых после их бегства из Новгорода оставалось жить 14 человек³. Сколько было таких «клиентов» во дворах других «сильных» в Новгороде людей, сказать сложно. Позднее многие из них окажутся на государственной службе после возвращения Новгорода под власть московских царей.

Для новгородского служилого человека начала XVII в. жизненно важным было поместное обеспечение, которое было гарантировано государством дворянам и детям боярским через систему поместных окладов. Приказные служащие были верстаны денежным жалованьем. Но в Новгороде начала XVII в. можно наблюдать опыт замены годового денежного жалованья подьячим поместьем в соотношении 1 рубль за 10 четвертей поместной земли. Для софийских детей боярских поместное обеспечение гарантировалось митрополичьими вотчинами. Однако при смене владыки софийские помещики должны были получать новую жалованную грамоту (откуда и составились сборники поместных грамот). Такие же грамоты владычные помещики должны были получить и после возвращения Новгорода в марте 1617 г. под власть Москвы, несмотря на то, что митрополит Исидор скончался только в 1619 г.

Состав новгородского служилого люда в XVI–XVII вв. был пестрым. При этом социальная мобильность новгородцев, особенно в рассматриваемую нами эпоху, была достаточно высокой. Престижность тех или иных способов службы колебалась в зависимости от политической ситуации. Е. И. Кобзарева обратила внимание на падение пре-

¹ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жаловаья. 1614. 1.08 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

² Возможно, многие такие «потерянные» члены семей новгородских служилых людей — это достигшие возраста службы, но по каким-то причинам неженатые дети боярские. О женитьбе как о шаге в направлении повышения статуса у немецких чиновников XVI–XVII вв. писал К. А. Левинсон (*Левинсон К. А. Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв. М., 2000. С. 159–160*).

³ Допросные речи новгородцев об отъезде дворян Нарбековых. 1613. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 4–5.

стижа дворянской службы по отношению к приказной в Новгороде 1612–1617 гг.⁴ В недавней работе Т. А. Лаптева отмечено, что в те же годы у тех, кто оказался на стороне Москвы, напротив, именно дворянская воинская служба оставалась более престижной, чем какая-то иная⁵. Известны также данные о стремлении многих представителей дворянства оказаться в составе приказной группировки. Так, в 1612 г. местным подьячим Судного приказа стал Тимофей Федорович Одинцов, сын Федора Афанасьевича Одинцова, назначавшегося в начале XVII века на посты острожного головы и воеводы⁶. Однако после возвращения Новгорода под власть Москвы многие новгородцы, подвизавшиеся в 1611–1617 гг. на подьяческой службе, вновь верстаются поместными и денежными окладами и возвращаются к службе военной⁷.

Члены Государева двора и другие иногородние в Новгороде

Новгород эпохи Смуты, каким он предстает из материалов архива, не был закрытым городом. В разное время в нем волею судеб оказывались члены Государева двора (один из которых — боярин князь Иван Никитич Большой Одоевский, займет в начале 1611 г. роль фактического правителя города), думные люди дворов разных царей — Василия Шуйского, Лжедмитриев I, II и III, Владислава Сигизмундовича, казачьи атаманы и стрелецкие сотники, приходившие в Новгород с посланцами тех или иных правительств, городовые дворяне из разных городов Московского государства. Среди людей, принятых на службу в Новгороде, переводчики Ганс Бракиль (Анца Брякилев), Бажен Иванов и Олфер Северов⁸, «нововыезжие» польские паны, поверстанные поместным

⁴ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

⁵ Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // ОИ. 2003. № 5. С. 81–96.

⁶ Такая тенденция набора подьячих из низших рангов дворян и детей боярских была прослежена Н. Н. Оглоблиным довольно подробно в центральных уездах Московского государства в середине – второй половине XVII в. (Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 219–227).

⁷ Григорий Постников сын Якимов в 1612–1616 гг. был рассыльщиком новгородского Поместного приказа. По верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 300 четвертей и 9 рублей с городом (Десятина денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 68). Фаддей Федоров сын Змеев в 1612–1616 гг., как правило, выполнял службу пристава, по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Григорий Васильев сын Брянцов при шведах — рассыльщик Поместного приказа; по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Его брат Мокей, служивший в 1611–1613 гг. кормовым сборщиком, в 1621 г. — городской сын боярский с окладом в 650 четвертей и денежным окладом 19 рублей из четверти (Там же. Л. 19).

⁸ Происхождение Олфера Северова темное. Возможно, именно его, выходца-латыша Оллуйку Северова, 20 сентября 1600 г. подьячие новгородского Дворца Первой Карпов и Семейка Михайлов должны были устроить на пашне в дворцовых селах (Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель – 1601, июль // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 270–308). Согласно исследованиям Д. В. Лисейцева, О. Северов родился в Немецкой слободе в Москве и уже в 1604 г. перевел для Посольского приказа грамоту короля Карла IX (Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 2. С. 360). Новгородцы, сообщая в Дедерино послу Д. И. Мезецкому о событиях в Новгороде, так говори-

окладом.

С каждым из вновь назначаемых воевод в город прибывали представители московского дворянства. В исследовании И. О. Тюменцева приводится цитата из записок С. Немоевского о том, что по дороге в Новгород Скопина Шуйского сопровождало 200 конных новгородцев и 200 костромичей. Основная масса новгородцев вернулась в город только после поражения под Рахманцевым 22 сентября 1608 г.⁹ Зафиксировано, что с приездом кн. М. В. Скопина-Шуйского в Новгороде оказались Яков Дашков, Иванис Ададунов и Федор Чулков¹⁰. Яков Дашков, появившийся в Новгороде первоначально вместе с кн. М. В. Скопиным Шуйским, выполнял его важные поручения. По сведениям Г. А. Замятина, в июне 1609 к королю Карлу IX прибыл гонец от Скопина. Ученый не смог его идентифицировать. Канцлер А. Оксенштерна именовал его Яковом, король в ответе Скопину – игуменом (?) Яковом Оксентьевичем¹¹. Несомненно, это Яков Дашков.

Осенью 1610 г., при новой смене власти вместе с Иваном Салтыковым в Новгород прибыли опять Яков Дашков и Матвей Муравьев (последний был новгородцем, сидевшим в Москве в осаде от Тушинского вора¹². С февраля–марта 1611 гг. шел интенсивный приток в Новгород представителей подмосковного ополчения¹³. По мнению современной исследовательницы Е. И. Кобзаревой, оказавшиеся в Новгороде к 1611 г. представители Ополчения (из текста неясно, какого), к весне 1613 г. стали определять политику и придавать особое значение переговорам с Москвой. Как считает Кобзарева, «Представители... ополчения остались для Новгорода инородным телом»¹⁴. Однако наблюдается известная особенность: многие из отправляющихся в Новгород с тем или

ли о Северове: «Ино ведают немцы, что его праздник, да и тому Иверн Горн и Монша смеялись, что он сам толмача Олфера провожал, а он веть некрещеной был, все ведают, что на Москве он родился в Кукуе, а некрещен, а мать и братья его и ноне на Москве, да и сам он про него говаривал со мною, что он некрещен, али будет того забыл» (Посольство кн. Д. И. Мезецкого с товарищами. Часть 2. 1615, сентябрь // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 220).

⁹ Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 269.

¹⁰ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850.

¹¹ Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 424.

¹² Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей в Псков, Ивангород, Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610. 17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452–463.

¹³ Последнее обстоятельство рассмотрено мною в специальной статье: *Селин А. А.* Политическая жизнь и Государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // *Palaeoslavica*. Vol. 13. Nr. 1. P. 149–157.

¹⁴ *Кобзарева Е. И.* Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // *Novgorodica* 2006. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. В. Новгород, 2007. С. 179–194.

иным воеводой выборных и московских дворян были и ранее связаны службой с Новгородом.

Вместе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским в Новгороде оказался И. Н. Ржевский, трагически погибший летом 1611 г. в подмосковных казацких таборах. В 1609 г. он был послан в Ладогу встречать вспомогательное шведское войско¹⁵. Однако еще в 1601/02 г. Ржевский был в Новгороде с ответственной миссией хлебной раздачи (в годы голода!)¹⁶. Возможно, по Новгороду служили его родственники: в 1586 г. известен Матвей Никитин сын Ржевский, сын боярский Шелонской пятины¹⁷.

Иван Михайлович Салтыков в 1610 г. оказался в Новгороде далеко не впервые. Пятью годами ранее он выехал к отцу, служившему в Ивангороде воеводой и проводившему осенью этого года верстание детей боярских Шелонской и Водской пятин¹⁸. Тремя годами ранее М. Г. Салтыков встречал в Ивангороде датского королевича Ганса, в 1607/08 г. служил на воеводстве в Орешке. Надо предполагать, что Салтыков имел какие-то знакомства и связи на Северо-Западе, полученные в более раннее время.

То же, видимо, можно сказать и о кн. С. Г. Звенигородском, тушинском боярине и дворецком, оказавшемся в Новгороде весной 1611 г. в качестве одного из представителей Подмосковного ополчения. При Борисе Годунове с февраля 1599 г. он служил первым воеводой в Копорье¹⁹, продолжал служить там же и в 1600/01 гг.²⁰, был смещен 25 января 1601 г.²¹, но в 1607 г. был вновь назначен воеводой в Копорье²².

Часть представителей московского дворянства, оказавшись в Новгороде, в дальнейшем там и оставалась, занимая видные посты в структуре управления. Таков Третьяк (Семен) Семенов сын Якушкин. В 1588/89 гг. он — выборный дворянин по Вязме с окла-

¹⁵ Опись и продажа с публичного торга... С. 2.

¹⁶ В составе Киевского списка Разрядной книги 1564–1604 гг. (НБУВ. Ф. I. № 5579. Инв. № 19504), под 7110 г.: «Того году послан в Ъвангород хлеба роздовать Олексей Фомин Третьяков да Иван Микифорович Чепчугов. А в Новгород послан Иван Микитин Ржевской да дьяк Нечай Федоров. А во Псков послан Тимофей Лазорев да дьяк Иван Палицын» (Цит. по: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII века. М., 2005. С. 334–335).

¹⁷ Платежная книга 1586 г. погостов Зарусской половины Шелонской пятины // *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1908. Т. 2. Ч. 2. С. 522–523.

¹⁸ Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. // *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI – XVII вв. Л., 1924. С. 132–134.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 78

²⁰ Там же. С. 102; Дело о трех беглых латышах. 1600, апрель // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 267–269.

²¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. ... С. 112; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 2. Ч. 1–2. С. 185.

²² Письмо к воеводе Копорскому князю Семену Григорьевичу Звенигородскому, от шведского фельдмаршала и Выборгского ландсгевдинга Акселя Рининга просительное, о свободном пропуске шведских войск, по обещанию российских послов, чрез Российскую область, для учинения полякам отпору в нападении на Лифляндию, и о даче оным войскам за наличный платеж съестных припасов // Реестр грамотам шведского двора // ДРВ. 1782. Ч. 2. № 19. С. 57.

дом в 500 четвертей²³. В 1590/91 гг., в годы русско-шведской войны он служит стрелецким сотником в Ивангороде²⁴. Через десять лет, в 1602–1603 гг., мы вновь находим Третьяка Якушкина среди выборных по Вязьме, но уже с окладом в 750 четвертей (в Новгороде того времени столь высоких окладов не было). Тогда Якушкин назначается на ответственную службу в Путивль²⁵ (а годом ранее он служит воеводой в другом южном городе, Валуйках)²⁶. Однако, когда в Новгород воеводой был послан кн. М. В. Скопин-Шуйский, мы вновь находим там Т. С. Якушкина. На распродаже имущества убитого М. И. Татищева он купил «полог полотнян пошовной, каймы шиты шолком черным, ветчан»²⁷. Не покинул Якушкин Новгород и в ходе бурных политических коллизий 1610–1611 гг. В городе в это время оказалась и его семья. В марте 1612 г. Третьяк Якушкин бил челом новгородскому правительству о пожаловании ему денег на погребение умершей 19 марта жены. В челобитной он указал на свою бедность: «нит ни хлиба, ни соли и нит единые денги, а яз, государи, человек заезжий, и не пожалованной, безпоместной». В это время младший Якушкин, Иван Третьяков сын, был послан в Швецию²⁸. По возвращении сына, 1 марта 1613 г., Третьяк Якушкин купил дом «на Михайлове улице, меж дворов Семена Лутохина и Александро-Свирского монастыря», близ двора Спасского Старорусского монастыря²⁹, а в 1613/14 г. он был назначен новгородским судьей³⁰. Более позднее, относящееся к 13 сентября 1614 г., известие о Якушкине сообщает о краже у него судна — соймы, зимовавшей под его поместной пустошью неподалеку от устья Шелони³¹. По всей видимости, Якушкин относился к верхам новгородского общества в последние годы режима Делагарди—Одоевского. Между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. в числе наиболее зажиточных новгородцев, отказавшихся от присяги Густаву Адольфу (среди которых были дьяк Семен Лутохин, митрополичий приказной Степан Спячий и другие), Якушкин уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 50 рублей³².

Возможно, большое число астраханских детей боярских и стрельцов в Новгороде 1610–1611 гг. связано с событиями более раннего времени. Астраханские стрельцы осенью 1591 г., в связи с развернувшимися боевыми действиями со Швецией, в частности — с попыткой занять Нарву, вместе с головой Иваном Кашкаровым оказались в Новгоро-

²³ Боярский список 1588–1589 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 203–248

²⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 456.

²⁵ Боярский список 1602–1603 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 258–291.

²⁶ Разрядная книга 1550–1636 г. ... С. 193.

²⁷ Опись и продажа с публичного торго... С. 7.

²⁸ Челобитная Третьяка Якушкина о даче ему денег на погребение и на помин жены. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:288. Л. 9.

²⁹ Купчая на дом. 1613. 1.03 // АЮБ. Т. 2. № 148.VIII. Ст. 390–391.

³⁰ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 5.

³¹ Челобитная Третьяка Якушкина королевичу Карлу Филиппу о том, что зимовавшее у него под пустошью судно — сойму украли крестьяне дворцового села Голина. 1614. 13.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 8.

³² Роспись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

де³³. В 1591/92 г. астраханский стрелец Михалко Михайлов зарезал попа церкви Михаила Архангела из Земляного города Ивана³⁴. В 1610–1611 гг. в Новгороде находились 16 астраханских детей боярских и стрелецких сотников. Они участвовали в осаде Ладogi зимой 1610/11 г. Но ни один из астраханцев не упоминается после 16 июля 1611 г. Видимо, все они ушли на восток, к Торжку и далее к Москве вместе с В. И. Бутурлиным и Л. А. Плещеевым.

Сведения о людях эпохи Смуты крайне противоречивы. О многих участниках событий того времени исследователи пишут очень вольно. Пример тому судьба дьяка Афиногена Голенищева.

В указателе С. Б. Веселовского о дьяке Афиногене Голенищеве, находившемся в Новгороде накануне событий 4 (?) июля 1611 г., говорится, что тот «умер в воровских таборах». Веселовский здесь ссылается на слова Ивана Плещеева, просившего в октябре 1611 г. у правительства королевича Владислава поместья покойного дьяка в Ярославском уезде³⁵. Однако совершенно определенно известно, что Голенищев погиб при взятии Новгорода шведами и ни в каких «воровских таборах» не участвовал, получив пять ведер вина из Новгородского винного погреба 2 июня 1611 г.³⁶

Другим примером может служить фигура Василия Бутурлина. Исследователи часто путают трех Василиев Бутурлиных. Самый важный — чашник Василий Бутурлин, верный сторонник Шуйского, в феврале 1611 г. посланный от Подмосковного ополчения в Новгород и возглавивший переговоры с Делагарди, но в итоге их проваливший. После штурма Новгорода шведами Бутурлин ушел из города, ограбив торговые ряды и позднее, вместе с Леонтием Вельяминовым, разорив часть восточных областей Новгородской земли. В те же годы действовал Василий Федорович Бутурлин Клепик, заслуженный новгородский сын боярский, участник боевых действий под Ладогой в начале 1611 г. на стороне Ивана Салтыкова³⁷, а в ноябре того же 1611 г. штурмовавший Ладогу вместе со шведским полковником Клаусом Слангом³⁸. После взятия Ладogi надолго занял пост русского воеводы этого города. Однако их обоих часто путают с Василием Васильевичем Бутурлиным, юношей, взятым шведами в плен в 1614 г., после очередного падения Гдова, вывезенном в Швецию, поступившим там на службу и достигшим чина

³³ Указная грамота царя Федора Ивановича в Новгород стрелецкому голове Ивану Азарьевичу Кашкарову о выступлении со стрельцами в Торжок, раздаче стрельцам денежного жалованья и пребывании в Торжке до снятия застав от морового поветрия. 1593. 15.02 // Акты Юшкова. № 257.

³⁴ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 281–281 об.

³⁵ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 120.

³⁶ Сборник памятей о выдаче вина. 1610/11 // RA, NOA, serie 2:124. Л. 158.

³⁷ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 105–106.

³⁸ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

ротмистра³⁹. Эту же ошибку, путая чашника Василия Ивановича Бутурлина с Бутурлиным-гдовичем, делает новейший комментатор к запискам Н. Мархоцкого Е. Куксина, утверждающая, что В. Бутурлин «в 1613 был направлен с войском к Новгороду, попал в плен к шведам при взятии Гдова. Поступил на службу в шведское войско, с 1649 г. подполковник»⁴⁰. Несомненно, эти сведения относятся к юному В. В. Бутурлину. В публицистической и поэтому лишенной научного смысла статье В. Лилеева, вышедшей в 1940 г., Василий Бутурлин (чашник) однозначно именуется изменником⁴¹. В работе П. В. Седова, в которой исследуется захват шведами Новгорода, такая точка зрения корректируется: ученый справедливо отмечает, что В. И. Бутурлин умер в 1614 г., при отступлении войска кн. Д. Т. Трубецкого от Бронниц⁴², но в то же время он утверждает, что на сторону шведов перешел В. Ф. Бутурлин. Неясно, имеет ли П. В. Седов в виду службу Новгородскому государству В. Ф. Клепика Бутурлина или он вновь путает его с юным В. В. Бутурлиным, так как из всех трех упомянутых нами Бутурлиных, на службе шведским королям после 1617 г. оказался только юный Василий Васильевич Бутурлин⁴³, а Клепик Бутурлин служил шведам только в том смысле, что осенью 1611 г. участвовал вместе с другими новгородцами в осаде Ладоги, а после занятия этой крепости исполнял в 1612 г. должность ее русского воеводы. Замечание же П. В. Седова о том, что все источники новгородского происхождения именуют В. И. Бутурлина изменником, неудивительно: для правительства Одоевского—Делагарди разграбивший новгородские торговые ряды и разоривший район Устрецких волостей В. И. Бутурлин, несомненно, представлялся политическим противником (что, собственно, признает и П. В. Седов). В. Г. Вовина-Лебедева, пытаясь объяснить позитивную трактовку Новым летописцем личности Ф. И. Бутурлина и негативную – личности чашника В. И. Бутурлина, склоняется к тому, что во время создания памятника среди служивших в составе Государева двора Бутурлиных в 1630-е годы существовали разные кланы. Некоторая неточность исследовательницы заключается в том, что, среди Бутурлиных 1630-х годов она упоминает Василия Никонова сына Бутурлина, чей отец, Никон Федоров сын, в годы Смуты пробился в московский список; родство его с чашником В. И. Бутурлиным следует оценить как весьма дальнее⁴⁴.

³⁹ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 18–19. Дж. Линд считает юного В. В. Бутурлина представителем одной из знатных ветвей рода, так как он находился под прямой протекцией короля. Это маловероятно: в Гдове находились лишь помещики Гдовского уезда и соседних погостов Шелонской пятины. В начале XX в. комментатор документов из семейного архива графов Делагарди архивариус Юрьевского университета Г. Саблер предположил, что юный В. В. Бутурлин — сын чашника В. И. Бутурлина, что неверно (Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. С. 54, прим. 29).

⁴⁰ Мархоцкий Н. История Московской войны / Пер., введ. ст., комм. Е. Куксиной. М., 2000. С. 141–142.

⁴¹ Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С. 108.

⁴² Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Т. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.

⁴³ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре»... С. 18–19.

⁴⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 289–290.

Еще один московский дворянин, оставшийся в Новгороде после 16 июля 1611 г., — Федор Васильевич Бутурлин. Когда в городе установилось правительство кн. И. Н. Большого Одоевского и генерала Я. Делагарди, к октябрю 1611 г. Ф. В. Бутурлин получил поместье в Карачуницком погосте Шелонской пятины, выделенное из дворцовых сел⁴⁵. 25 декабря 1611 г. он подписал приговор об отправке в Стокгольм посольства Юрьевского архимандрита Никандра с предложением престола одному из шведских принцев⁴⁶ и сам в составе дворян посольства (другими дворянами были новгородцы Полуэкт Матвеевич Колычев и Михаил Борисович Боборыкин), с дьяком Третьяком Копниным и гостями Степаном Иголкиным и Иваном Харламовым отправился к Карлу IX⁴⁷. Чин московского дворянина, вероятно, придавал посольству архимандрита Никандра большой авторитет. Как и другие участники посольства, он был на обратном пути захвачен казаками и 4 апреля 1614 г. доставлен в Москву⁴⁸. Его же новгородское поместье было пожаловано кн. Ивану Афанасьевичу Мещерскому⁴⁹.

Новгородцы — дворяне и дети боярские

Новгородские дети боярские представляли собой довольно разнородную группу. Общеизвестно, что правительство само проводило довольно сложную стратификацию дворянских корпораций. В основе ее лежало установление поместного и денежного оклада. С начала XX в. обсуждается проблема соотношения городских детей боярских и четвертчиков. Еще Л. М. Сухотин писал: «Я полагаю, что преимущество четвертного жалованья перед жалованьем с городом состояло главным образом в том, что оклады четвертного жалованья увеличивались по мере службы четвертчиков, между тем как оклады получавших деньги с городом были ограничены предельным 14-рублевым окладом»⁵⁰. Позднее проблема соотношения между городскими детьми боярскими, получавшими денежное жалованье из четверти и «с городом», рассматривалась в работах А. Л. Станиславского и А. П. Павлова. По мнению К. Ю. Ерусалимского, поддержавшего мнение Андре Береловича, «выплаты денежных жалований московским и провинциальным дворянам, и выводы Андре Береловича позволяют по-новому, хотя и в развитие

⁴⁵ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногины и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 33; Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 189–190.

⁴⁶ Приговор новгородского митрополита Исидора, воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения Российского престола одному из шведских принцев. 1611. 25.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 162. С. 283–285.

⁴⁷ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 21.

⁴⁸ Перечень посольства юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм, захваченного по дороге обратно и отправленного в Москву. 1614. 4.04 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 4–5.

⁴⁹ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 43.

⁵⁰ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. XV.

наблюдений Р. О. Крамми, представить русскую финансовую систему XVII в.: назначение денежной «подмоги», как и борьба за оклады, было в первую очередь фактом престижа, а не благосостояния. За сами выплаты служилым людям приходилось бороться по пять лет и часто более; естественно, многие дворяне сталкивались в повседневности со штрафами и долгами. Обособление от простонародья и от других знатных родов также происходит обычно по более или менее явным схемам»⁵¹. Однако в Новгороде после 1611 г. не известно ни об одной денежной раздаче детям боярским. Ни в одном деле не сделано выписки о денежном окладе челобитчика. Все производившиеся раздачи того времени — хлебные. Они никак не соотносились с размерами окладов. Вероятно, этот уровень стратификации дворянства в годы Смуты здесь временно потерял свою актуальность.

Однако размеры поместных окладов новгородцев начала XVII в. действительно могли считаться фактом престижа, тем более что они крайне редко реализовывались в поместных дачах. Сам принцип поместного обеспечения, лежавший в основе службы детей боярских, на поддержание которого были направлены невероятные усилия бюрократии, видимо, стоит рассматривать не как эффективно функционирующую систему, направленную на баланс сил в организации содержания войска, но скорее как своего рода мину под государством. Мне близко мнение Р. Хелли о том, что реформирование войска Иваном III и образование сословия помещиков было минутной уступкой великого князя военной касте⁵², которая давала о себе знать вплоть до XX в. В то же время именно такая уступка уже в XVI в. сформировала ту этику служилого человека, о которой писали в последнее время В. Н. Козляков, О. Е. Кошелева, И. Л. Андреев, М. По⁵³. Иное представление о новгородских служилых людях содержится в работах Е. И. Кобзаревой. По ее мнению, в Смутное время они исповедовали принцип: «служу тем, кто может обеспечить поместным жалованьем... если условия не удовлетворяют — мщущему государю»⁵⁴. Полагаю, что все же новгородские дворяне не были наемниками.

⁵¹ *Ерусалимский К. Ю.* Долгий XVII век в России: антропологическая перспектива // Русский журнал. 2003 (www.russ.ru/krug/20030520_erus.html).

⁵² *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.

⁵³ *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 226–230; *Андреев И. Л.* О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; *Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М.* Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226; *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соиск. учен. степени доктора истор. наук. СПб., 1999.

⁵⁴ *Кобзарева Е. И.* Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации Новгорода (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 116.

Их связь с городом, с поместьем, с семьей была гораздо сильнее. Каждый отъезд — это мучительное решение для новгородца.

Смутное время раскидало новгородцев по разным фронтам гражданской войны. Новгородец Бежецкой пятины Иван Афанасьевич Плещеев в начале сентября 1611 г. подал в Москве челобитную на имя царя Владислава о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского, скончавшегося в 1610/11 г. в Новгороде⁵⁵. Вскоре он бил челом о поместье в Ярославском уезде. В челобитной И. А. Плещеев указал, что был арестован в Новгороде после того, как его брат Лев (известный кравчий Владислава Лев Афанасьевич Плещеев) отправился в посольство под Смоленск, и находился в тюрьме вплоть до присяги новгородцев царю Владиславу Сигизмундовичу. Вскоре после этого И. А. Плещеев уехал в Москву и сидел в осаде вместе с войсками Гонсевского⁵⁶.

Иной пример перипетий службы дает судьба сына боярского Шелонской пятины Докучая Власьева сына Харламова. Он рядом со своими братьями Иваном и Максимом исправно служил в Новгороде в 1611–1613 гг. Еще 5 июля 1613 г. он привез в Новгород деньги из Порхова⁵⁷. Однако вскоре он оказывается на стороне Москвы (видимо, вместе с другими порховичами во главе с Иваном Крюковым осенью 1613 г. бежит в Псков). 28 февраля 1614 г. ему было поручено провозить плененное на дороге из Стокгольма в Новгород посольство архимандрита Никандра из Пскова к Москве. 4 апреля 1614 г. Докучай Харламов вместе с посольством приехал в Москву⁵⁸. Однако уже в октябре 1614 г. он снова находится на службе в Порхове, вместе со Степаном Пустошкиным отписывая хлеб из поместий детей боярских, «отъехавших» из Порхова к Москве, видимо, одновременно с самим Докучаем⁵⁹. Вновь Докучай Харламов появляется на страницах источников до Столбовского мира: 7 января 1617 г. псковские воеводы послали грамоту к послу кн. Д. И. Мезецкому с Докучаем Харламовым⁶⁰.

В некоторых деревнях доживали свой век участники Ливонской войны, причем ее первого этапа. Таким был Илья Филиппов сын Корсаков. В годы перемирия с Речью Посполитой 1570–1572 гг. он владел поместьем в присоединенном к Московскому государству Нещердском уезде. После оставления Нещерды И. Ф. Корсаков получил в сен-

⁵⁵ [Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского в Бежецкой пятине. 1611, сентября 6–25] // *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 92–93.

⁵⁶ Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье в Ярославском уезде // *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 93–95.

⁵⁷ Приходо-расходные книги за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:104. С. 81–82.

⁵⁸ Роспись имущества участников посольства архимандрита Никандра, доставленных в Москву. 1614, около 4.04 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

⁵⁹ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

⁶⁰ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 386.

тябре 1572 г. поместье в Лядском погосте Шелонской пятины⁶¹, а 7 августа 1576 г. получил поместье в Никольском Пшегужском погосте Обонежской пятины⁶², затем в других погостах Обонежья. Илья Корсаков продолжал жить в своих обонежских деревнях и в марте 1612 г.⁶³

Пример службы неграмотного, но умудренного ратным опытом воина дает судьба Степана Андреева сына Пустошкина. Он известен среди помещиков Щепецкого погоста в 1571 г., получив поместье незадолго до этого описания пятины⁶⁴. В 1611/12 г. его поместный оклад составлял 550 четвертей⁶⁵. 25 декабря 1611 г., явно для военных целей, С. А. Пустошкин купил гнедого мерина⁶⁶. 30 июля 1612 г. он бил челом о пожаловании за службу и полученные раны. В челобитной писал, что в столкновении с псковскими воорами у деревни Требехи он командовал немецкими и русскими людьми, ходившими на псковичей из Порхова, «и воров розгромил, а иных побил, и языки послали к вам, великим боярам, в Великой Новгород». После этого псковичи осадили Порхов, и Степан Пустошкин командовал «немецкими» и русскими людьми, вышедшими за город «и с ними бился за государя королевича до смерти и меня на том деле ранили ис пищали по правой ноги выше колена...»⁶⁷ В конце 1612 г. Пустошкин, оправившись от ран, командовал сотней в отряде Самуила Коброна, оставленном Эвертом Горном под Гдовом⁶⁸. После этого пожилого воина (ему было не менее 55–56 лет) перебрасывают на восток. Осенью–зимой 1612/13 г. Пустошкин был послан на разведку, следить за передвижениями «литовских и воровских людей» под Тихвином. Так он докладывал в Новгород о своих действиях: «...велено, государи, мне по вашему боярскому указу идти к Сомою за литовскими людьми и провеживать, куда литовские люди пошле и где стоят, и я, государи, из Грузинские волости з деревни Хотетова шол за литовскими людьми до Оскои, и с Оскои шол сорок верст к Сомою в Никольской погост на Пшевужу до князя Ивана усадища Кропоткина до Хотец...» Узнав, что литовцы повернули с большой дороги от Воскресенского Липенского погоста, не доходя Тихвина, С. А. Пустошкин отправил Афанасия Лутовинова с этим известием в Тихвин к ротмистру Францу Струку,

⁶¹ Ввозная грамота Илье Филипову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без конца) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.; Роспись поместьям нещерцев Корсаковых. 1572. 10.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 33–38 об.

⁶² Отдел сыном боярским Иваном Степановым сыном Борановым Илье Филипову сыну Корсакову поместья, бывшего за Григорием и Игнатием Колычовыми в Никольском Пшегужском погосте. 1576. 7.08 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 35–38 об.

⁶³ Книги дозорные Никольского погоста с Ояти Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 21.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 55–63 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 313); Дозорные книги Михайловского Гедевского погоста Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 121–138 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 313).

⁶⁴ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 458.

⁶⁵ Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86. С. 18.

⁶⁶ Книги конской покупки. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 105.

⁶⁷ Челобитная С. А. Пустошкина о деньгах за раны, полученные в сражении. 1612. 30.07 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 2.

Эрику Берку и Ивану Крюкову⁶⁹. В марте 1613 г. сын боярский Шелонской пятины Степан Пустошкин назначен быть в Новгороде, а не послан в Старую Руссу, где соби-рался отряд кн. Ф. Т. Черного Оболенского⁷⁰.

В 1614 г. служба С. А. Пустошкина была связана с Порховом. Он не присоединился к большой группе порховских детей боярских во главе с воеводой И. И. Крюковым, которые попытались сдать город псковичам, а после неудачи в начале осени 1613 г. бежали в Псков. Еще в октябре 1614 г. С. А. Пустошкин вместе с Докучаем Харламовым отписывал хлеб из поместий детей боярских — товарищей И. Крюкова в Порховском уезде⁷¹. Но уже 12 мая 1615 г. Пустошкин находился в Москве. В тот день он получил в Разряде деньги для раздачи новгородцам Шелонской пятины, находившимся в Пскове. Именно из этой записи следует, что С. А. Пустошкин был неграмотен: за него расписались его товарищи Григорий Милославский и Андрей Нащокин⁷². 30 июня 1617 г. Пустошкин вновь повез деньги из Москвы для раздачи новгородцам, находившимся в Пскове⁷³. 4 июля 1621 г. служил окладчиком при денежной раздаче новгородцам Шелонской пятины. По верстанию 4 июля 1621 г. Пустошкин — дворовый сын боярский с окладом в 800 четвертей и с четвертным окладом в 31 рубль⁷⁴. Он продолжал служить окладчиком Шелонской пятины и в 1624/25 г.⁷⁵ Последнее служебное назначение 75-летнего С. А. Пустошкина относится к 29 мая 1630 г. Тогда он был назначен головой на Сомерскую заставу, располагавшуюся сравнительно недалеко от его поместья⁷⁶.

После Смуты, около 1619/20 г., Пустошкин вернул себе разоренное войной поместье в Прибужском и Щепецком погостах⁷⁷. В начале 1620-х гг. он бил челом государю о розыске своих людей, ушедших за рубеж в Гдовский уезд, находившийся тогда еще под контролем шведской администрации. Крестьянин Пустошкина бежал еще 14 мая 1617 г. из д. Скородно в Прибужском погосте в Гдов. В 1619/20 г. он подговорил его «ста-

⁶⁸ Дело по челобитью Федора Семенова сына Харламова о поместье. 1612. 16.01–1613. 13.01 // RA, NOA. Serie 2:80.

⁶⁹ Челобитная Степана Пустошкина о разведке местоположения литовских людей в Обонежской пятине. Без даты // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 56–58.

⁷⁰ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170–В. Л. 10.

⁷¹ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

⁷² Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 340.

⁷³ Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 650.

⁷⁴ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 6 об., 7 об.

⁷⁵ Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 14.

⁷⁶ Память Степану Андреевичу Пустошкину от новгородских воевод стоять на заставе в Сумерской волости. 1630. 29.05 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 543; Роспись казаков и стрельцов, посылаемых на заставы. Без даты // СРБИИ. Кол. 109. Д. 544.

⁷⁷ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожных земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 677, 723.

ринного человека», и тот ограбил Пустошкина, взяв «ларчик, а в нем ожерелье жемчужное женское, пугвицы серебряные да трои серги да шесть перстней да трои ферези женские зендинные холодные да две косы». К моменту подачи челобитной они оба жили во Гдове⁷⁸. Еще один крестьянин Пустошкина с характерным прозвищем Черкас бежал от него в Гдов около 1619 г., уведя с собой двух лошадей и большое количество хлеба⁷⁹.

Некоторые дворяне и дети боярские поступали на службу, даже военную, в чрезвычайно юном возрасте. Сын боярский Водской пятины Семен Григорьев сын Ожогин по ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. был в возрасте 11 лет⁸⁰. Однако через два года он участвовал в борьбе против Болотникова под Ельцом, по дороге откуда он и скончался в январе 1607 г.⁸¹

Если С. Г. Ожогин в 13-летнем возрасте участвовал в подавлении «воровского движения», то другой мальчик, также сын боярский Водской пятины Федор Андреев сын Бровцын, в 14 лет оказался «в воровстве». Он рано потерял отца. 9 марта 1599 г., будучи меньше года от роду, Ф. А. Бровцын вместе с матерью вдовой Марьей и сестрой Стефанидой получил часть отцовского поместья в Дудоровском и Корбосельском погостах⁸², к северу и югу от Невы. По ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. он был в возрасте семи лет и продолжал жить в отцовском поместье⁸³. В мае 1611 г. Ф. А. Бровцын вместе с Иваном Петровым сыном и Дмитрием Игнатьевым сыном Чортовыми был взят в своем поместье в плен Пятым Ворониным и Никитой Зиновьевым и увезен в Ивангород к Вору⁸⁴. 27 марта 1612 г. был лишен своего поместья в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах за то, что был «в воровстве в Иванегороде» (оно отошло Ивану Кузминскому и Михаилу Клементьеву). В том же году получил прожиточное поместье Елены, вдовы Ивана Воронина (140 четвертей), но вступить во владение поместьем не успел — оно было передано Тихону Воронину, а Бровцын остался без поместья. Последнее упоминание о Ф. А. Бровцыне относится к 13

⁷⁸ Челобитная Шелонской пятины Степана Андреева сына Пустошкина царю Михаилу Федоровичу о розыске его людей, бежавших в Гдовский уезд и роспись бежавших крестьян. Начало 1620-х // СПбИИ. Кол. 109. Д. 72.

⁷⁹ Роспись живота Степана Пустошкина, снесенного за рубеж его крестьянином. После 1619 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 75.

⁸⁰ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н.В.Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 496.

⁸¹ Обыск неслуживого Афанасия Ачкасова в Ильинском Тигодском погосте о поместье Семена Григорьева сына Ожогина в Тигодском и Ярвосольском погостах и отдел этого поместья Василию Никитину сыну Хвостову и Лутьяну Захарьеву сыну Баранову. 1607. 20.01 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 65–70. Возможное сомнение в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице, снимается при рассмотрении десятни Водской пятины 1605 г.: там только единственный сын боярский с таким именем, отчеством и фамилией.

⁸² Отдел губным старостой Борисом Вельяшевым прожиточного поместья Марье, вдове Андрея Бровцына, с сыном Федором и дочерью Стефанидой, в Дудоровском и Воздвиженском Корбосельском погостах из поместья ее мужа, а другой части поместья Андрея Бровцына (в Рождественском погосте на Паше и в Никольском Ижерском погосте) — Ивану Романову Бровцыну. 1599. 9.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 83–93 об.

⁸³ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 498.

⁸⁴ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–A.

марта 1613 г., когда он спорил с Игнатием Носакиным о даче в пожить прожиточного поместья его двоюродной сестры Марии, жены Ивана Большого Кишкина⁸⁵. Видимо, вскоре Ф. А. Бровцын скончался.

В монументальной работе П. В. Седова, посвященной придворной жизни Московского государства второй половины XVII в. затрагивается судьба юного А. В. Ордина Нащокина. По сведениям, происходящим, вероятно, от его ближайших родственников, отца его, Лаврентия Денисьевича, «убили в воровстве в Великом Новгороде, как служил свейскому королю». В 1613/14 г. его вдова Акулина с восьмилетним сыном Афанасием и дочерью выехали из Новгорода в Москву. По мнению Седова, «в Новгороде при шведах Афанасий (восьми лет! - А. С.) имел случай познакомиться с иноземцами и не питал впоследствии к ним предубеждения...».⁸⁶ Исследование землевладения А. Л. Ордина Нащокина, предпринятое В. А. Аракчеевым показало, что юный Афанасий в 1621 г. был впервые верстан на службу, а ранее получил часть дедовского поместья в Опочецком уезде. Это поместье было пожаловано на прожиток его матери, ему и сестре по государевой грамоте 119 (т. е. 1610/11) г. Именно тогда, видимо, и погиб Лаврентий Ордин Нащокин⁸⁷.

При разгроме атамана Баловня и пленении значительной части его казаков была выяснена судьба еще одного мальчика, Федора Иванова сына Квашнина. После гибели отца в «Московское разоренье» он был взят в плен «Литвой» вместе со своей сестрой Варварой. Несколько позже в Новгородском уезде казаки отгромили его у Литвы и взяли с собой. Так юный Федор попал в войско Баловня. После разгрома последнего бывший сын боярский был брошен в тюрьму. Узнав об этом, его мать Акулина подала челобитную об освобождении сына. Примечателен состав поручителей за Ф. И. Квашнина. Это все – помещики Деревской пятины, возможно соседи его отца по поместью⁸⁸.

Вышеприведенные примеры судеб детей служилых людей – это удачно сложившиеся по меркам начала XVII в. Большинство же таких мальчиков, видимо, гибла или была уведена в плен.

Начатая в раннем возрасте служба могла дать хороший стартовый задел для дальнейшей карьеры. Особенно это становится справедливым в Смутное время. Известный впоследствии «русский интеллигент» Андрей Федорович Палицын по верстанию

⁸⁵ Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина. 1612, март (без конца) // RA, NOA. Serie 2:185; Отдел Данилом Ласунским поместья Федора Бровцына в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах Водской пятины Михаилу Клементьеву и Ивану Кузминскому пополам. 1612. 27.03 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 209–212.

⁸⁶ Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 545.

⁸⁷ Аракчеев В. А. А.Л. Ордин-Нащокин в 1610–1642 годах: землевладение и служба. Опубликовано: <http://culture.pskov.ru/ru/persons/object/14>

⁸⁸ Станиславский А. Л. Документы о восстании 1614-1615 гг. // АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 285-307. Среди поручившихся помещики Деревской пятины: Осан Ондреев сын Хвостов, Ортемей Яковлев сын Бараков, Пятой Ратаев сын Мусин, Захарей Фадеев сын Дирин, Юрьи Давыдов сын Дирин, Гарасим Тимофеев сын Зеленой, Иван Яковлев сын Бараков, Сила Вешняков сын Ивков. Они же все – ветераны похода кн. Д. Т. Трубецкого к Новгороду 1614 г.

1605/06 г. был неслуживым новиком⁸⁹. Уже через пять лет, не достигнув 20-летнего возраста, он представлял Шелонскую пятину в посольстве к королю под Смоленск в сентябре 1610 г.⁹⁰ Дальнейшая карьера — достижение воеводских должностей и служба по московскому списку — была ему обеспечена. Уже 18 ноября 1610 г. он получил пожалование от короля Сигизмунда под Смоленском: «стряпчему Андрею Федоровичу Палицыну... в Новгородском уезде в Деревской пятине селцо Тысво и две деревни к тому же сельцу...»⁹¹. С января 1611 г. по королевскому листу А. Ф. Палицын получил чин стряпчего с платьем⁹². 23 августа 1611 г. (уже после взятия Новгорода Делагарди, в тот момент, когда он уже не контролировал свое поместье) Палицын пожаловал в Троице-Сергиев монастырь село Тисву — свою выслуженную вотчину, оставляя за собой право пожизненного ей владения. Вотчина располагалась смежно с монастырским селом Сытино. В его данной завещается устроить корм 20 марта и поминать инока Саватею, инока Ферапонта, Марью, Анну, Фотинию, Авксентия, Петра, Петра, Ивана убиенного⁹³.

Известно, что первый этап такой рано начатой службы мог протекать со службой сына при отце⁹⁴. Иван Салтыков находился при отце в Ивангороде в 1605 г.⁹⁵ В 1610 г. в королевском лагере под Смоленском оказались одновременно Аксентий Сназин и его сын Прохор⁹⁶. Вместе с С. Л. Татищевым из Ярославля в Новгород в мае 1612 г. прибыл его сын Федор⁹⁷.

Далеко не только военная служба составляла основное занятие новгородских детей боярских. Значительная их часть в рассматриваемый период привлекалась к сбору кормов, молочению, к дозорам пятин и уездов. После массовых отъездов второй половины 1613 — начала 1614 г. и появления большого числа изменничьих, брошенных поместий возникла необходимость сбора с них хлеба. Этим занималось Дворцовое ведомство,

⁸⁹ Десятня Деревской пятинны верстанья кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладыина и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 299

⁹⁰ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

⁹¹ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. № 538. С. 380.

⁹² Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 84.

⁹³ *Кириченко Л. А.* Акты землевладения и хозяйства Троице-Сергиева монастыря. 1584–1641. М., 2006. С. 38, 55, сн. 143, с. 179. № 109

⁹⁴ Видимо, такая модель службы характерна не только для московской традиции. К. А. Левинсон фиксирует службу с малых лет при отце в немецком городе XVI–XVII вв. (*Левинсон К. А.* Бюрократия немецкого города... С. 164).

⁹⁵ Из умолотных книг Полянской волости 1605 г...

⁹⁶ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 392. № 651)

широко привлекавшее местных детей боярских к жатве и молотье хлеба, шедшего в дворцовые житницы. Сохранилась приходная книга Бельского острожка, фиксирующая привоз детьми боярскими в острожек хлеба в течение января–марта 1612 года⁹⁸. В ней упомянуто 33 сына боярских и двое подьячих, которые в течение трех месяцев свозили на Белую хлеб в основном из прилежавших деревень Будковского погоста, но иногда доезжали до сравнительно отдаленных Косицкого и Сабельского погостов. Практически каждую неделю дети боярские, руководимые острожным головой Григорием Обольяниновым, который, кстати, присваивал часть привозимого хлеба⁹⁹, занимались организацией сельскохозяйственного труда со сложным измерением и учетом.

Взаимоотношения среди детей боярских, назначенных к сеянию, сбору и молочению хлеба, не всегда складывались успешно, и новгородское правительство вынуждено было их как-то разрешать.

Один из видных и наиболее порядочных новгородских деятелей Г. Н. Муравьев писал в Новгород уже в начале 1612 г. о нравах своего подчиненного: «...и посылал в село в Тесово к зборщику к Ондрею к Боркову с товарищи дворян и детй Тимофея Вильяшова с товарищи о немецких кормех, говорити, чтоб ко мне из села ис Тесова и с погостев корм присылали для немецких людей. И Ондрей Борков с товарищи дворяном отказал, я де прислан из Новагорода, а не от Григория, и Григорьева указу не слушаю, и корму никакова ко мне по 30 число (декабря 1611 г — А. С.) не присылывал, и стоя в государеве в селе в Тесове пьет и бражничают, а корму ко мне не присылывает и старосту и крестьян держит у себя»¹⁰⁰. Сам Муравьев был поставлен в довольно сложные условия, так как именно ему приходилось общаться с солдатами: «...а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят с кручиною и о том: корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам денги, да корму добыти негде и купити zde ни у кого, с торгом из Новагорода нету никого, а в Новгород нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять денег да помереть над денгами голодом...»¹⁰¹ Почти то же самое писал в Новгород уже через два месяца сменивший Г. Н. Муравьева Ф. М. Муравьев: «...велено мне быти на заставе в Тесове на Григорьево место Муравьева з дворяны и з детми боярскими и с неметцкими ратными людми, и здесь, государь, осталось немец Анц Боева полку сорок человек да Степан Барбелса шесть, и те, государь, неметцкие люди Анцы Боева полку, приходя ко мне, просят корму недоплатного на другой месяц... А

⁹⁷ Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

⁹⁸ Приходные книги Бельского острожка. 1612, январь – март // RA, NOA. Serie 1:36.

⁹⁹ Так, из привезенных 7 марта Михаилом Нееловым 15 четвертей жита Григорий Обольянинов взял 3 четверти жита к себе на двор (Приходные книги Бельского острожка... С. 18).

¹⁰⁰ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. Начало 1612 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 64–66.

¹⁰¹ Там же.

кормовые зборщики Федор Одинцов¹⁰² стоит в Тесове, нигде в погостех не бывал и кормов не собирает...»¹⁰³ Толмачей в Тесове использовали «немецкие торговые люди», порой насильно захватывая с собой знающих немецкий язык¹⁰⁴. Остается только гадать, как такая яркая речь могла звучать по-немецки (или по-шведски?). Упомянутому Андрею Боркову пришлось столкнуться с таким толмачом в дальнейшем: «толмач Тимоха», по наущению сына боярского Степана Лаптева, не дал Боркову собирать корма в д. Заполье, что вынудило Г. Н. Муравьева еще раз написать в Новгород, что «немецким людям корму в привозе ни денег в собрание ниотколе нету же, и немецким людям корму дати нечего»¹⁰⁵.

В октябре 1614 г. кн. Гаврилу Гагарину было велено явиться в Новгород в связи с его отказом служить вместе с Семеном Муравьевым, отвечавшим тогда за обмолот ржи с изменничьих поместий Будковского погоста¹⁰⁶.

В 1611–1617 гг. служба в городских воеводах, острожных головах, приказчиках дворцовых волостей, губных старостах все больше и больше определялась хозяйственной нагрузкой. Назначавшиеся туда дети боярские входили в непосредственное соприкосновение с процессом сбора, учета и распределения кормов, строительства инженерных сооружений, сбора посошных людей, расчета урожая, посева озимых и яровых культур на государственных (дворцовых) землях для государственных же нужд. Все должностные лица несли личную материальную ответственность за выполняемые работы. Известные многочисленные случаи преследований и взысканий, которым подвергались дети боярские, связаны либо с их некомпетентностью, либо со злоупотреблениями. Как правило, в товарищи к сыну боярскому назначался подьячий для ведения дел. Это была давняя московская традиция управления. Еще Сигизмунд Герберштейн писал об управлении городами в Московии, что в них назначается воевода, абсолютно некомпетентный в делах, и секретарь (дьяк), который реально и осуществляет управление. Во всяком случае, на уровне управления небольшими территориями в Новгородской земле начала XVII в. такое утверждение справедливо.

¹⁰² В 1595/96 г. в Новгороде слушалось дело о потравлении собаками Федора Одинцова крестьян его поместной деревни Савлова (Копии переписные делам Новгородского судного приказа. 1600–1602 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 835. 4^о. Л. 12).

¹⁰³ Челобитная Федора Максимовича Муравьева о том, что не удается собрать корма на немецких людей, стоящих на заставе в Тесове. 1612. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 41–42.

¹⁰⁴ Челобитная подьячего Ивана Армячникова. 1613. 17.07 // Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 67.

¹⁰⁵ Челобитная Григория Муравьева Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, отказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1612, январь – февраль // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.

¹⁰⁶ Отписка новгородских воевод Якова Деллагарди и кн. Ивана Никитича Большого Одоевского Григорию Степановичу Обольянинову о посылке к Семену Муравьеву половины детей боярских, имеющих у него на службе, и росписи государева хлеба и о присылке в Новгород князя Гаврилы Гагарина, не желающего служить с Муравьевым. 1614. 3.10 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1, карт. IV. Д. 569.

Среди губных старост новгородских пятин конца XVI – начала XVII в. самой яркой фигурой был Паук Косицкий. Его имя упомянуто в опубликованном Д. Н. Альшицем «Списке опричников» 1573 г. (дворовый сын боярский с окладом в 20 рублей).¹⁰⁷ Судьба его в конце царствования Ивана IV мне не известна, однако с середины 1590-х гг. имя Паука Косицкого упоминается в источниках. В 1594 г. с его поместья в Опочком погосте служил его племянник Г. В. Косицкий, не явившийся на государеву службу в Ивангород: «В Опотцком погосте отписано на государя царя и великого князя у нетчика у Гаврила Володимерова сына Коситцкого все его поместье, а в выписных книгах... и за Гаврилом то поместье не написано, а написано то поместье в писцовых книгах за Пауком за Косицким, а государеву службу служил тот Гаврило Косицкой в дяди своего в Пауково место Косицкого с того с дядина поместья...»¹⁰⁸ Поместье у Паука Косицкого было отписано, при этом «ввозные грамоты и писцовы выписи Паук Косицкой не сказал, а сказывал, что де ввозную сожгли литовские люди»¹⁰⁹. Однако через два года Паук Косицкий служит уже в губных старостах Залесской половины Шелонской пятины, в товарищах с Федором Вельяминовым¹¹⁰. 1 сентября 1596 г. он описывал находившийся неподалеку от его поместья Ильинский Опочкий монастырь¹¹¹. Продолжал Паук Косицкий свою службу в губных старостах также в 1597/98¹¹² и 1601/02 гг.¹¹³, видимо, до декабря 1612 г., когда был сменен Симоном Блажонковым и Гаврилом Мякининым. Незадолго до смещения всю деловую документацию у него отняли «воровские люди»¹¹⁴, таким образом он вторично лишился важнейших документов.

Примером того, насколько сложна была служба сына боярского без подьячих, служат мытарства Г. Н. Муравьева на головстве Тесовской заставы в 1611–1612 гг. Особенно тяжело было Муравьеву зимой 1612 г. В январе он бил челом в Новгород, что назначенный к нему в помощь дворцовый подьячий Улан Собакин не может по болезни исполнять свои обязанности и все делопроизводство остановилось¹¹⁵. А через месяц, в первой половине февраля 1612 г. Муравьев повторно бьет челом в Новгород о том, что собрать корма для стоящих в Тесове солдат Ганса Бойе он не может, так как назначен-

¹⁰⁷ Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949.

¹⁰⁸ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора. Д. 16947) // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 116.

¹⁰⁹ Там же. С. 117–118.

¹¹⁰ Книги переписные судным и разбойным и татинным делам... Л. 142 об.

¹¹¹ Опись Ильинского в Опочечком погосте монастыря. 1596. 1.09 // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 175–178.

¹¹² Дело по челобитью рассыльщика Андрея Черкасова о поместье // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 7.

¹¹³ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева... Л. 153 об.

¹¹⁴ Отписка Новгородского государства боярам и воеводам графу Якову Делагарди и боярину князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому Шелонской пятины губных старост Симона Блажонкова и Гаврила Мякина о земских распорядках. 1612, декабрь // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 176. С. 308–309.

¹¹⁵ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают...

ный к нему в помощь подьячий Богдан Березский бежал от него со всеми документами¹¹⁶.

Однако иногда и помощь подьячего не помогала. После прекращения боевых действий в Тесовской округе к августу 1614 г. новгородское правительство начало восстановление хозяйства в дворцовой Тесовской волости. Для организации сельскохозяйственных работ были назначены сын боярский Никита Тырков и подьячий Иван Прокофьев. В наказе им было написано: «велено нам в твоем государеве дворцовом селе в Тесове и в присельях на твоей государеве десятинной пашни и на пустых участках рожь и яровой всякой хлеб жати и молотити и ко 123-му году паренина на рожь поднять десять десятин и рожь посеять, а рожь и всякой яровой хлеб обмолотя, прислати в Великий Новгород в государевы житницы с старосты и с целовалники и с волостными людьми летним путем». Приехав в Тесово 8 августа, Тырков и Прокофьев собрали разбежавшихся по лесам крестьян, «которые остались от воровских и от немецких люди войны живы» и уже через три дня заставили их работать на государевой десятинной пашне. От жатвы и молотыбы крестьяне не уклонились, но на принуждение распашать находившиеся под паром лучшие десять десятин дворцовых земель отвечали жестким отказом, отговариваясь своим разорением, а также тем, что «земля, государь, на твоих государевых десятинах утравила горазно, а пора, государь, до нашего приезде давно минула, а как твой государев боярин и болшой ратной воевода Яков Пунтосович стоял в Тесове, и мы, холопи твои, ево о тои твоей государеве десятинной пашни докладывали, что орати поздно, да и не на чом». Всего, по словам крестьян, у них оставалось 10 лошадей, да и те, «которые, государь, у нас клячи собраны, и мы на тех клячах, выбирая на лутчих десятинах, учнем паренину орати, сколько будет мочно поднять, а до сех, государь, местех, паренина и впервые орати не почата». Расспрошенные крестьяне соседних погостов также убеждали Тыркова и Прокофьева, что если в это время (в середине августа) начать пахать «паренину», то к новому году хлеб уродиться не может. В то же время крестьяне предложили им посеять рожь на месте только что сжатой: «толка деи ныне рожь зжав и на тех деи ржыщах чаят ржи лутчи». И сын боярский, и подьячий оказались в недоумении и запросили особый указ из Новгорода о своих дальнейших действиях — следовать советам крестьян или все же вспахать паренину по наказу¹¹⁷.

Но распространена была и некомпетентность детей боярских в поручаемых им учетных, канцелярских и сельскохозяйственных службах. Григорий Обольянинов после четырех месяцев руководства Тесовским острожком, им же построенном на новом месте, 4 декабря 1614 г. был снят с воеводства и заменен князем Гаврилом Нарымовым¹¹⁸. Обольянинов был переведен служить в Ивнинский острог и вскоре заключен там под

¹¹⁶ Отписка боярам и воеводам Григория Муравьева о невозможности собирать корма и о побеге от него подьячего Богдана Березского со всеми документами. 1612, февраль // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 149.

¹¹⁷ Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2:284. Л. 3, 3 об.

¹¹⁸ Книги сбора и раздачи кормов в Тесовском острожке при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь – 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87.

стражу по обвинению в хищении хлеба, конфискованного в изменничьих поместьях.. Он бил челом боярам и воеводам о повторном розыске, причем обвинял в злоупотреблениях при хлебных конфискациях бежавшего в Псков подьячего Ждана Малеванова, который, воспользовавшись слабой грамотностью Оболянинова, сплутовал в книгах и отъехал в Псков¹¹⁹.

Другие новгородские дети боярские, напротив, вполне успешно справлялись с сельскохозяйственной работой. Сыну боярскому Шелонской пятины Сергею Михайлову сыну Костину (Константинову) в конце января 1612 г. было поручено принимать немецкие корма в Порхове, против его желания, хотя, по словам второго воеводы Порхова Ф. О. Воронова, «приход и расход немецким кормовым збором ему, Сергею, ведом»¹²⁰. Костин собирал корма в Порхов с окрестных погостов вплоть до своего перехода на сторону Москвы осенью 1613 г.

Разбирающимся в тонкостях учета новгородским служилым людям гражданская служба позволяла присваивать огромные суммы денег. Так, осенью 1614 г. на приписках была поймана комиссия управляющих дворцовым селом Голиным во главе с сыном боярским Деревской пятины С. В. Боборыкиным. В конце сентября 1614 г. Семен Боборыкин, вместе с подьячим В.Заденским и Лучанином Еремеевым, был обвинен в разворывании государева хлеба в с. Голине, причем «Семен Боборыкин с товарищи ездили дозировать, и с ними де ездили староста и целовалник и волостные люди и я, дьячок, с ними же был. Да с теми людьми в деревнях крестьян спрашивали по имяном, хто на какове участке живет, да писали на столбцы, да с тех столбцов писали в книги, а книги деи он писал трои, одни в Дворец, а другое себе, а третьи в волость, а черные деи книги чернены немного, где как перечет не сойдетца, а ино тут и почернетца». По приговору новгородских властей (нач. октября 1614 г.?) с Семена Боборыкина, Лучанина Еремеева и Василия Заденского было велено за списывание крестьянских сбавочных участков «за то их воровство... взяти сто пятьдесят рублев...»¹²¹

Среди гражданских служб новгородских детей боярских важное место занимали отдели поместий. Отдельщиками назначались «неслуживые» дети боярские, либо престарелые, либо чрезвычайно молодые, иногда своеземцы. Одним из самых юных отдельщиков был сын боярский Деревской пятины Первой Дорофеев сын Микулин. По верстанию 1605/06 г. он обозначен как недоросль семи лет, в службу не поспевший и живущий в поместье в 100 четвертей с двумя сестрами¹²². Однако уже 25 ноября 1611 г. П.

¹¹⁹ Дело по челобитной Г.Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б.Ододурова и Б.Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

¹²⁰ Челобитная (отписка) боярам и воеводам и дьякам Федора Воронова о сложностях в организации кормовых сборов немецким ратным людям в Порховском уезде. 1612, января после 25 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 26–28.

¹²¹ Дело по челобитной попа Ильи Васильева (Голинского погоста) на подьячего Василия Заденского и приказчика Лучанина Еремеева о том, что они не велели ему быть у дозора, а потом заставили приложить руку к составленным ими дозорным и умолотным книгам. 1614. 28.09 // RA, NOA. Serie 2:76.

¹²² Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева... Л. 334.

Д. Микулин как неслуживый сын боярский отделил поместье Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины¹²³. Ему было лет 13. Можно предположить, что роль сына боярского в таких случаях была чисто представительская, а фактическую работу осуществляли заинтересованные в отделе лица руками взятых в понятия сельских священников и дьячков. Часто отделы поместий производились губными старостами; известен факт отдела поместья городовым приказчиком¹²⁴. Как и в случае с сельскохозяйственными работами, для отдела поместий сыну боярскому нужен был компромисс с сельскими жителями. Служба, связанная с применением насилия, была наиболее сложна. Отсутствие специального аппарата принуждения и личная ответственность за исполнение поручения приводили детей боярских попросту в тупик. Губной староста Деревской пятины Андрей Михайлович Обутков 16 июня 1610 г. не смог выполнить данного ему поручения об отделе нескольких поместий в Усть-Воломском, Холовском, Ситенском и Черенчевицком погостах. Единственный священник округа, «Усть-Воломского погоста черной поп Пахнутей», сбежал. Окрестные крестьяне «прогонов на себя править не дали и губного Ондreja били и прогонов не дали»¹²⁵. Сходные ситуации встречаются и в более ранних документах, но в годы Смуты поражает бессилие должностных лиц, не способных исполнить сравнительно несложную работу.

Неявка на службу

Неявка на службу, «нетство» — характерная черта московского служилого общества, которое, разумеется, не представляло собой благолепной картины всеобщего истового и честного служения, которую пытаются писать некоторые современные историки и публицисты. В годы Смуты и всеобщей борьбы за поместные дачи обвинения соперников в нетстве и дезертирстве — едва ли не самые частые. Однако многим обвиненным удавалось оправдаться.

По челобитной неизвестного лица в ноябре 1609 г. был произведен обыск о поместье Богдана Васильева сына Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте Деревской пятины.¹²⁶ В самом наказе обыщику губному старосте Андрею Обуткову содержалось обвинение: «...нетчик Богдан где нынеча и сколько у него крестьян...». По словам волостных крестьян, «Богдан Васильев сын Курицын з государевы службы домой при-

¹²³ Отдел неслуживым Первым Микулиным поместья Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1291–1294 (копия без пагинации СПбИИ, м/ф 296).

¹²⁴ Описан мной в работе: *Селин А. А.* Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 126–129.

¹²⁵ Отдел губным старостой Андреем Обутковым вдове Домне, жене Ивана Никитина Трофимова с дочерью девкой Ульяной прожиточного поместья в Усть-Воломском и Холовском погостах Деревской пятины, а части поместья Ивана Трофимова в Ситенском и Черенчевицком погостах — Федору Васильеву Боборыкину. 1610. 16.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 169–175 (копия без пагинации в: СПбИИ, м/ф 294).

¹²⁶ Сыск губным старостой Деревской пятины Андреем Обутковым про нетчика Богдана Васильева Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте. 1609. 5.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 13–19 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

езжал после Семеня дни в нынешнем во 118-м году и дома жил три недели и хлеб свои молотил ржаной и яровой и продавал, и на государеву службу в полки поехал, а теперь его дома нет. А лошади у него Богдана двое в его усадище, меринко рыже да кобыленцо голубо, а коров две коровы да восемь овец да боран, а иного, господине, живота нет никакова». Обмолотив и продав весь хлеб, Б. В. Волков-Курицын поехал на службу. Поместье у него было конфисковано. Но 28 апреля 1610 г. Б. В. Волков-Курицын получил от царя Василия оправдательную грамоту по своей челобитной. В челобитной он объяснял свой отъезд из полков кн. М. В. Скопина-Шуйского: «а для бедности и разоренья ис Калязина монастыря ездил к себе в поместье, приехал на нашу службу в Олександрову слободу и жил на нашей службе всю зиму бес съезду, а поместье его в Деревской пятине все пусто разорено от литовских людей и от воровских». Между тем «в Водской пятине поместье его лучшее живущее» М. В. Скопин-Шуйский отдал Феокисту Муравьеву. «А в воровских деи полках он Богдан нигде не бывал, и как деи послан был боярин и воеводы князь Иван Семенович Куракин да Семен Васильевич Головин под Дмитров, и он деи Богдан под Дмитровым нам служил, и у острогу в приступе был». По приговору новгородского воеводы кн. А. Б. Куракина с товарищами поместье было ему возвращено в июне 1610 г., однако при Иване Салтыкове в 1610/11 г. часть его была вновь взята «за нети» и отдана Никите Вышеславцову¹²⁷.

Сходным образом, 3 мая 1611 г. Пятой Ратаев сын Мусин в своей челобитной назвал Романа Григорьева Бабкина, на чье поместье он претендовал, нетчиком, утверждая, что тот с другими детьми боярскими «з государевы службы из Великого Новагорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»¹²⁸

Однако на материалах архива Новгородской приказной избы можно реконструировать лишь один «нетный» список, составленный в 1611–1617 гг. В делах архива сохранились «Книги денег, взятых на дворянах Деревской пятины за псковские нети по переводным записям» 25 декабря 1612 г. со скрепою дьяка Семена Лутохина¹²⁹. Видимо, деньги были собраны с детей боярских Деревской пятины, не явившихся летом 1612 г. в войско Н. В. Вышеславцева, вместе с Эвертом Горном безуспешно осаждавшее Псков. Всего среди нетчиков упомянуто 48 человек. Многие из них позднее продолжали служить новгородскому правительству.

Погоня за поместьями

Новгородец — служилый человек или приказной бюрократ был одновременно и городским и сельским жителем. Сложно, практически невозможно определить, сколько времени новгородцы проводили в городе, а сколько в поместье, зачастую почти пустом, где на небольшой господской пашне работали его домочадцы. Соседство с такими же

¹²⁷ Дело о поместье Богдана Волкова-Курицына и его детей. 1609. 13.10 – 1612. 28.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 1–21, 25–34, 39–47, 35–38.

¹²⁸ Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева с. Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132.

¹²⁹ Книги записи денег, взятых по переводным записям с помещиков Деревской пятины за псковские нети. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

помещиками создавало сложные жизненные коллизии: часто находившиеся в имущественном споре дворяне в бою должны были выступать плечом к плечу, подчас одновременно находя свой конец где-нибудь под Болховом или Изборском. Однако и в это время служилый человек не забывал о своей поместной даче.

Как пишет Р. Хелли, смысл жизни служилого человека заключался в борьбе за землю (желательно населенную), это его поглощало целиком. Большие номинальные оклады поддерживали это стремление. Если бы правительство попыталось выполнить все свои обязательства по окладам, потребовалось бы в два раза больше земли, чем наличествовало¹³⁰. Любая возможность утвердить за собой хоть 50 добавочных четвертей приводила к серьезным усилиям, подчас сопряженным со значительным риском. Е. Ю. Люткина подробно рассмотрела накал борьбы за семейное поместье в среде патриарших дворян XVII в. Каждый раз при переходе поместья от родственника к родственнику нужно было брать грамоту у владыки. Это приводило к жестким противоречиям между сводными братьями и сестрами, между дядьями и племянниками¹³¹. Материалы Новгородского Софийского дома дают очень схожую картину. Б. Д. Греков в свое время рассмотрел пример такой борьбы в связи с судьбой владений владычного сына боярского Матвея Федорова сына Левского. После него осталась молодая вдова Стефанида с сыном Семеном и двумя девками. На ней скоро женился другой софийский сын боярский Несмеян Ржевской, но скоро тоже умер, оставив сыновей Андрея и Ивана¹³². 8 апреля 1609 г. поместье, перешедшее от М. Ф. Ржевского к Н. Ржевскому, было записано за их детьми и вдовой Стефанидой¹³³.

В одном из дел Новгородской приказной избы содержится копия грамоты, выданной в Москве в горячую эпоху весны–лета 1605 г. Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева было предварительно завершено 21 февраля 1613 г. Согласно приговору бояр и воевод, детям боярским Лугвеневым было велено отделить поместье их покойной двоюродной сестры Настасьи в Дудоровском погосте (сама Настасья умерла в Орешке в 1611/12 г. при осаде его шведами). 23 февраля губному старосте Ивану Пушкину была выдана грамота о даче братьям Федору и Лобану поместья их сестры¹³⁴. Это поместье было частью разделенного в 1609/10 г. поместья их умершего дяди, Ивана Лугвенева (100 четвертей которого было дано на прожиток вдове Ивана Марье и ее дочерям Татьяне и Настасье). По всей вероятности, из всех участников раздела к 1613 г. в живых остались только братья Федор и Лобан. В 1612 г.

¹³⁰ *Hellie R.* Why did the Muscovite elite not rebel? // *Russian History/Histoire Russe*. Vol. 25. № 1–2 (Festschrift for A. A. Zimin). 1998. P. 155–162.

¹³¹ *Люткина Е. Ю.* Государство, церковь и формирование статуса патриарших дворян и детей боярских в XVII веке // *Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.* Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 293–305.

¹³² *Греков Б. Д.* Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914. С. 492–494.

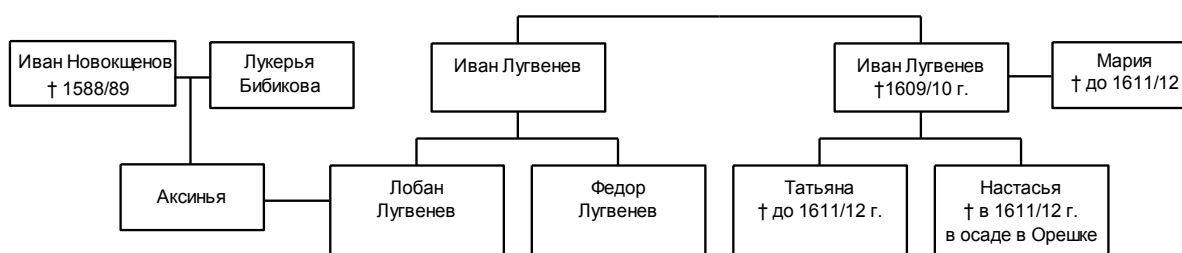
¹³³ Память новгородского митрополита Исидора софийским детям боярским Семену Левскому, Андрею и Ивану Ржевским с матерью и сестрами. 1609. 8.04 // *АИ*. Т. 2. СПб., 1842. № 191. С. 221–222.

¹³⁴ Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613, февраль // *RA, NOA. Serie 2:129. Л. 13.*

оба они значатся среди помещиков Никольского Будковского погоста. В ноябре 1612 г. именно крестьяне Лобана Лугвенева были наиболее дисциплинированными в округе и оказались среди немногих заплативших корма в Тесовский острожек¹³⁵.

К делу приложена грамота от царицы-вдовы Бориса Годунова Марии Григорьевны и царя Федора Борисовича новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку Нелюбу Суколепову о даче Лобану Лугвенеvu в пожить (т. е. до своей смерти в пожизненное владение) поместья его тещи, Лукерьи, вдовы Ивана Новокщенова, в 50 четвертей (рис. 1). В грамоте пересказывается челобитная Л. И. Лугвенева, из которой следует, что он показал себе оклад в 350 четвертей и 233, 75 четвертей наличного поместья, и «ему с того поместья наша служба служить и теща своя вдова Лукерья до ее живота кормити». Интересно, что в Новгород эту грамоту привез 18 мая 1605 г. сам Лобан Лугвенеv (вероятно, он сам ездил в Москву хлопотать по своему делу). Как показывают дальнейшие документы дела, в 1605 г. тещино поместье отделено Лобану не было.

Рис. 1. Схема родственных отношений Лугвенеvых с Новокщеновыми и Бибиковыми.

Но отделом 21 февраля 1613 г. дело не кончилось. Уже 27 февраля Л. И. Лугвенеv подал боярам и воеводам новую челобитную. В ней он показал себе оклад уже в 600 четвертей и ссылался на то, что теща, Л. Новокшенова, дает ему свое поместье «в пожить» «по московской здашной грамоте» и по своему челобитью (за Л. Новокшенову на обороте челобитной подписался ее племянник Иван Никифоров Бибиков). Челобитной был дан ход, и подъячий поместного приказа Афонька Лебедев выписал из отдельных книг 97 (1588/89) года, что по смерти мужа Лукерье Новокшеновой с дочерью Аксиньей (будущей женой Лобана) было дано на прожиток 100 четвертей из поместья Ивана Новокщенова (сельцо Заболотье в Хрепельском погосте), а остаток отделен «нововыезжим татарам» Акназару Елмомотеву и Еболде Елумиеву. Именно из этого поместья в 105 (1596/97) г. Лобану Лугвенеvu было уже дано прожиточное поместье Аксиньи, дочери Ивана Новокщенова (видимо, в приданое). Интересно, что именно этим годом (точнее, 29 июня 1597 г.) датирована полученная Л. И. Лугвенеvым кабальная грамота¹³⁶.

¹³⁵ Челобитная Воина Новокщенова и Андрея Трусова с погостов Водской и Шелонской пятин. 1612, после 11.11 // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 28.

¹³⁶ Кабалы, поданные Лобаном Ивановым сыном Лугвенеvым. 1598. 7.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 181–182. Стб. 65.

7 марта 1613 г. новгородское правительство вынесло положительное решение по челобитной Лобана Лугвенева и дало грамоту к губному старосте Сильвестру Зиновьеву о проведении очной ставки между Л. И. Лугвеным и его тещей Л. Новокщеновой, и если выяснится, что та действительно согласна передать свое поместье в пожить Лобану Лугвенеvu, то отделить Лобану просимые им 50 четвертей.

Скорее всего в том же 1613 г. Лобан Лугвенеv отъехал из Новгорода в Псков. 29 июня 1614 г. из изменничьих поместий Будковского погоста воеводой Г. С. Оболяниновым и губным старостой Михаилом Нееловым описывали рожь, сеянную в поместьях изменников — детей боярских, отъехавших в Псков. Среди этих детей боярских названы Лобан и Федор Лугвенеvы¹³⁷.

10 ноября 1614 г. русским воеводой Тесовского острожка была выдана память человеку Филона Михайловича Аничкова на семена с поместья Лобана Лугвенева¹³⁸. Сделано это было по памяти из Поместного приказа от августа 1614 г.¹³⁹ Тогда же Ф. М. Аничкову были пожалованы 217 четвертей из поместья Лобана Лугвенева (за исключением той части, которая находилась в Корбосельском и Дудоровском погостах, «потому что те погосты удалели, и отделяти ехать нелзе было»¹⁴⁰). Тогда же 202 четверти из поместья Лобана Лугвенева получил дьяк Пятой Григорьев. Оба они получили поместье Л. Лугвенева не непосредственно, а после других помещиков, кн. Ф. Т. Черного Оболенского и Курапа Мякинина, перешедших на московскую сторону 14 июня 1614 г. под Бронницами¹⁴¹.

В 1613/14 г. на службе в Новгороде оставался только один представитель рода Лугвенеvых — Федор Володимеров. В том же году он получил значительную часть поместий свйоих родственников: 68 четвертей из поместья Ф. И. Лугвенева в Дудоровском погосте, 40 четвертей поместья Второго Лугвенева и 22 четверти прожиточного поместья вдовы Михаила Лугвенева Пелагеи¹⁴².

Иногда борьба служилых людей за пустое поместье достигала чрезвычайного накала. Характерно дело о поместье Дмитрия Чортова, за которое спорили десять других служилых людей.

¹³⁷ Обыскная книга о ржи, сеянной в изменничьих поместьях в Бутковском погосте Водской пятины. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2:270. Л. 3, 7.

¹³⁸ Память человеку Филона Михайловича Аничкова Григорью Ларионову о получении семян из поместья Лобана Лугвенева. 1614. 10.11 // RA, NOA. Serie 2:298.

¹³⁹ Память Г. С. Оболянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Аничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA. Serie 2:148. Л. 13.

¹⁴⁰ Это тот редкий случай, когда отдельщик признавал, что не выезжал на место поместного отдела. Часто отдельщик писал, что отделил все поместье согласно полученной им отдельной грамоте, хотя сам на место не выезжал (Дело о пожаловании в поместье Семену Федорову сыну Муравьеву поместных деревень Степана Муравьева, Филона и Ивана Оничкова и Ивана Борисова сына Секерина Стаи, Батецко и Торковичи. 1615. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:216. Л. 9–10).

¹⁴¹ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–22.

¹⁴² Там же. Л. 30.

6 августа 1611 г. Григорий Оболянинов бил челом боярам о пожаловании его поместной деревней Дмитрия Чортова Слудицей, указав, что «поместья у меня подо Вдовом за воры, а пустошей у меня под Новым городом 50 чети, и туто нет ни едины души крестьянские, а я, государь, на службе и по сию пору как воровская смута учинилась бессездно, и в осаде с боярином со князем Михаилом Васильевичем Шуйским сидил, и нонеча в Великом Новгороде что было моего прожитка лошадей и коров и платышка и служулюю рухлядь поимали немецкие люди». Дмитрия Чортова Оболянинов обвинял в том, что тот отъехал к Вору в Ивангород. Решения тогда принято не было, но уже 2 сентября 1611 г. о поместье Дмитрия Чортова бил челом Дмитрий Самсонович Пуштин. 5 сентября свои претензии на поместье Дмитрия Чортова заявил Федор Иванович Мунзорин, указавший, что он служит без поместья 10 лет, а Дмитрий «в прошлом во 119-м году из Орешка збежал к вору на Ивангород». 5 же сентября о поместье Дм. Чортова бил челом кн. Данило Степанович Елецкий, подчеркнувший свою длительную службу без поместья и также указавший на то, что Дмитрий Чортов «в прошлом во 119 году из Орешка збежал к вору на Ивангород». Интересно, что челобитная Федора Мунзорина почти дословно совпадает с челобитной его отца, Ивана Мунзорина, поданной на следующий день, 6 сентября. Тогда же, 6 сентября, в челобитной о поместье Дмитрия Чортова, поданной Афанасием Хвостовым, впервые появляется информация о том, что тот «в воровстве умер». О смерти Чортова не знали подавшие 6 сентября челобитную Иван Суслов и Тимофей Вельяшев (последний писал, что Дмитрий «в измене и по сию пору на Иванегороде у вора»). 7 сентября Григорий Оболянинов вторично бил челом об этом поместье, указав, что Чортов «отъехал к ворм, и того его Дмитрея подо Псковым убили в воровстве, а детей у него и жены не осталось». В тот же день высказал претензии на поместье Чортова Андрей Жданов сын Милославский, утверждавший, что его поместьем в Копорском уезде «владеют иванегородцкие и ямгородцкие и копорские воры четвертой год, а я, государи, по ся мест скитаюся с женишком в Великом Новгороде меж двор». Кроме того, 7 сентября Тихон Мартьянов и Богдан Забелин написали, что «Дмитрей, государи, ныне в измене, служит вору, а ныне ранен насмерть за воры», на основании чего также просил о деревне Слудицы. О смертельном ранении знал и сын Богдана Забелина Крик, тоже 7 сентября высказавший претензии на его поместье. Новгородские власти запросили информацию о Дмитрие Чортове. В делах Новгородской приказной избы нашлась отписка кн. Михаила Мышецкого, присланная из Орешка, вероятно, еще до захвата Новгорода шведами, 13 мая 1611 г. «были в Орешке дворяне и дети боярские Дмитрей Игнатъев сын Чортов с товарищи пять человек, и те де дети боярские из Орешка поехали в свои деревни, а Микита Супонев, приехав в Орешок, сказал ему князю Михайлу, что де те дети боярские из Ъжерского погоста поехали к вору в Ъваньгород». 20 сентября 1611 г. поместье Дмитрия Чортова было разделено между отцом и сыном Мунзориными и Григорием Оболяниновым. Но дело на этом не закончилось. Через восемь месяцев в Новгороде объявился сам Дмитрий Чортов и 15 июля 1612 г. подал челобитную боярам, в которой писал: «Был, государи, я на службе в Орешке, и из Орешка просился в деревнишка для хлеба, и о те поры, государи, ходила от вора с Ъваньгорода повытка в Ъжерской погост, и меня взяли

и привели к вору в Ывангород, и вор меня дал на поруки на крепкие, что мне в Новгороде не отехати и после, государи, меня то мое поместьецо роздано в роздачу Ивану Мунзорину с сыном да Григорью Обольянинову». Правоту его слов подтвердили как «ореховские сидельцы», так и собственно захвативший Д. Чортова в поместье Пятой Воронин, также в это время вернувшийся на службу в Новгород. Оспорил слова Чортова, причем довольно эмоционально, только Иван Мунзорин: «а Дмитрей, государи, изменил, отъехал из Орешка к вору на Ивангород з братом своим с Ыаном Чортовым, и Ивана, государи, брата его, под Псковым убили, а его Дмитрея ранили, а у вора, государи, Дмитрей был временник и стольник, и вор, государи, ему Дмитрею и поместья дал из Копорских из дворцовых сел, и как, государи, во Пскове вора изымали, и ему Дмитрею детца было негде для того, что его Дмитрея, псковичи хотели изымав послати с вором вместе так же, как и иных воровских изменников. И прибежал, государи, в Новгород и бьет челом о старом своем поместье, что вы нам пожаловали ложно, а сказал, что будто его взяли воровские люди, и про их, государи, измену и воровской отъезд писали из Орешка в Новгород к боярину и воеводе ко князю Ивану Никитичу к Большому Одоевскому воевода князь Михаило Мышецкой, что Дмитрей з братом своим с Ываном и с товарищи отъехали к вору, а у Дмитрея, государи, помесье отца его пятсот деветнатцат чети, вси за мачехою да за меншою братьею, а братья, государи, не служивали, да и ныне не служат, а жыл, государи, тот Дмитрей у мачехи своей с меншою своею братьею вместе, а не в розделе, и к вору, государи, поехал от братьи своих, а то, государи, помесье, что вы нам пожаловали, было не отца Дмитриева, поместья Онтонья Чортова, а за сынишком, государи, за моим опрично того изменничья поместья нет ни заgonу... а Дмитрею, государи, служат можно с отца своего поместья и мачеха своя и братью кормити... и ту отписку, что из Орешка писал воевода князь Михайла Мышецкой про их измену велите перед собою положить и про его воровской отъезд сыскати». Из челобитной Мунзорина видно, что Дмитрия Чортова ранее перепутали с его братом Иваном Чортовым, действительно убитым под Псковом. 18 декабря 1612 г. бояре присудили все жи спорное поместье — деревню Слудицы — вернуть Дмитрию Чортову¹⁴³.

Разделение Водской пятины в 1617 г. на ту часть, которая осталась в составе Московского государства, и часть, отошедшую к Швеции, создало новые коллизии. В XVI в. в Лопском и Теребужском погостах, лежавших после 1617 г. по разные стороны государственной границы, укрепились два клана служилых людей — князья Мышецкие и Овцыны. Владения представителей обоих родов находились и в том и в другом погостах. Однако после Смуты все переменялось. Ни один из князей Мышецких и Овцыных не стал «байором», все они остались на службе Московского государства, таким образом, их поместья располагались на самой границе. В течение XVII в. во взаимных претензиях ингерманландской и новгородской администраций встречаются имена как князей Мышецких, так и детей боярских Овцыных. 20 марта 1662 г. Василий Овцын бил челом

¹⁴³ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–A.

на зарубежных крестьян, укравших у него восемь лошадей¹⁴⁴. Шведская администрация адресовала в Новгород претензии своих подданных, что князя Савелий и Матвей Мышецкие (последний — вместе с двумя сыновьями) на десяти лошадях вывезли из Лопского погоста несколько сотен возов сена.¹⁴⁵ После русско-шведской войны 1650-х гг. местные помещики уже не боялись селить крестьян неподалеку от границы, и вскоре Теребужский и соседний с ним Успенский Городенский погосты наводнились перебежчиками. Крестьян, выходящих из-за рубежа, принимал и голова Лавуйского острога Фома Неплюев, и кн. Савелий Федорович Мышецкий, и названный в шведских источниках «байором» Василий Кондратьевич Овцын¹⁴⁶. Последний в 1686 г. был головой Лавуйского острожка. 10 июня этого года к острожку с отрядом в 50 человек «с пицальми, и с топорики, и з бердаши» из соседней Путиловской мызы (из Лопского погоста в шведской Ингерманландии) пришел некий приказчик Якушка выручать пойманного за конокрадство и заключенного в Лавуйском острожке «латыша Ирика Пентивартиева». Пришедший отряд разгромил острожек, избил гарнизонных стрельцов, окрестных крестьян и разграбил житницы с хлебом. Сам приказчик Якушка «жену его, Васильеву, хотел заколоть в лицо шпагою до смерти и заставного стрелца Сеньку Шишкина бил смертным боем, да князь Дмитриева крестьянина Мышецкого Федьку Миронова он де, приказчик, сек шпагою и по голове пицальным стволом бил»¹⁴⁷. Такое крупное столкновение не привело к вооруженному конфликту, но было предъявлено в качестве одной из ежегодных претензий московского правительства шведам. Надо думать, что воспоминания об утраченных их предками поместьях по другую сторону границы будоражили чувства помещиков Теребужского погоста, что, помимо меркантильного интереса, и вызывало такую их активность в пограничье. И в конце 1610-х — начале 1620-х гг. их отцы, выросшие в деревнях Лопского погоста, взирали на зарубежную сторону с чувством серьезной утраты.

В 1623 г. вместе князя Мурза Федоров и Федор Семенов Мышецкие были обвинены нотебургским наместником Нильсом Юхансоном в обиде шведских подданных — крестьян Лопского и Ярвосольского погостов на пиру, устроенном Кондратием Овцыным: «...и те князя позорили и насильство учинили, нашего велеможнейшего государя короля его королевского величества хрестьяном в том, что оне без вины тех крестьян би-

¹⁴⁴ Списки с листов, посланных к гуенерад-губернатору Ингерманландии и присланных из городов Ингерманландии в Великий Новгород о порубежных делах. 1660–1664 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 59–59 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 167–167 об.

¹⁴⁶ Kort förteckningh oppå Bönderna aff Sahl. Mengdens Jordans godz i Loppis pogost och nu innehafwer Artollerie Öfuersten Willb. Jakob Stahl ähro finnandes Rät när öfuer Grentzen en som effter nembl. 1672. 29.10 // *Saloheimo V. Käkisalmeen läänistä ja Inkerinmaalta reptuurin aikana 1656–58 paenneet ja poisviedyt Joensuu*, 1995. P. 66–67. (University of Joensuu. Studies in History. Nr. 11).

¹⁴⁷ Обидные дела, которые учинили великие государи его царского величества подданным с стороны его королевского величества Свейской от подданных после последнего Московского подтверждения с прошлого со 192 году (Samling av ryska befolkningens vid svensk-ryska gränser klagomål angående oförrätter av olika slag, som tillfogades dem från svensk sida. Denka samling

ли и грабили, взяли у старосты Лопского погоста сто рублей, что он по крестьяном собрал во всей волости и сильно взяли оне с собою воровского беглеца Степанка Офонасьева, которой двожды к вам перебежал, преж сего толко его мы щадили, потому что начаялись от него вороту и смиренья»¹⁴⁸. Новгородский воевода кн. Г. П. Ромодановский провел следствие по обвинению, выдвинутому нотебургскими властями. По его указанию бывшие на пиру Агиш Уваров и Кондратий Овцын были допрошены. На допросе они полностью отрицали какое-то насилие в адрес шведских подданных, исходившее от князей Мышецких. 1 декабря 1622 г. Кондратий Овцын справлял поминки по своим родителям, на которые съехались соседние помещики и крестьяне из шведского Лопского погоста и московского Теребужского. По словам Овцына, князя Мышецкие воспротивились насильному вывозу на шведскую сторону одного из крестьян, Степана Назынца. Этот крестьянин перешел жить на московскую сторону в 1621/22 г. и официально записался в Ладого у воеводы В.Ф.Неплюева. «И они де, государь, тово крестьянина бес твоего государева указу им отдати не смели, а старосты де, государь, и зарубежных крестьян не били и не грабили»¹⁴⁹.

В архиве графов Делагарди, хранящемся в Тартуском университете, находится челобитная Ф. Г. Аминова, очень точно передающая отношение новгородского служилого человека (пусть к тому времени и присягнувшего шведскому королю) к своей поместной даче, к заведенному на ней хозяйству. Аминев жалуется Делагарди, что тот велел отписать на себя его поместье в Дудоровском погосте Ореховского уезда¹⁵⁰. Аминев пишет: «...а вины, государь, своей перед тобою, государем, некоторые не ведаю, только поминаюче твое жалованье к себе, за твое государьское многолетнее здоровье Бога молим, да попомни, государ Яков Пунтосович, милостивое свое слово ко мне, как ты, государь, дал». В случае же, если на него поступил донос, Аминев просит дать «милостивый сыск». Помещик обещает, что если с его поместья требуются люди для службы в Орешек — то он тут же готов их поставить, если же люди не нужны — просит обложить его оброчными платежами по смете. Далее Ф. Г. Аминев яркими красками описывает ценность для него поместной дачи: «...тебе, государю, дано от Бога разумети свыша, какова человеку земля помесная; болно не вели отнят, четвертой, государь, год с тово Дудоровсково поместья не имывал плами ни з одное дани, хлеба ни одново зерна: все то давал тем же бобылем в подмогу да скоплял на бедных, да де-

användes vid dåtidens svensk-ryska förhandlingar och bör därför placeras vid sidam av motsvarande förhandlingsprotocoll) 1697/98 // RA, Muscovitica: 112. Л. 6 об.-7 об.

¹⁴⁸ Перевод листа от наместника Орешка Нильса Юхансона к новгородскому воеводе кн. Г.П.Ромодановскому с уведомлением о получении грамоты от Ромодановского и упреком в невыдаче перебежчиков. 1623. 9.03 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 193.

¹⁴⁹ Отписка новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского с товарищами в Посольский приказ о подготовке к съезду со шведскими представителями для размена перебежчиками с изложением переписки с наместниками Орешка, Нарвы и Корелы. 1623. 17.05 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 257.

¹⁵⁰ Оно известно по мантальному описанию этого погоста 1617-1618 гг. Крестьяне Федора Аминова жиди в Suodila by, Perekyla by, Paimos by, Spymala by, Moris by, Kyllnis by, Mirbois by (Mantals Register ofwer Nottborgs Lähn. 1617-1618 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424. Л. 8 об.-10).

нег дал рублев з дватцат им же на лошади, да ужо, государь, и к нынешнему лету хлеба им дано на емена и на семена, а иные прошают милости, государь, у тебя»¹⁵¹.

В Новгороде начала XVII в. ценились пригородные поместья, особенно в последние годы перед Столбовским миром, когда выезд из города был ограничен шведской военной администрацией, да, впрочем, и небезопасен. Хорошо известен опубликованный еще в первой половине XIX в. документ, призывавший новгородцев в феврале 1611 г., вскоре после отстранения от власти Ивана Салтыкова, ехать «в осаду в Великий Новгород», чтобы они «у себя в поместьях по домам не жили, чтоб под ними неметцкие люди никакого дурна не учинили»¹⁵². В последние годы деятельности новгородского правительства эти поместья выступали в роли своего рода подсобных хозяйств, позволявших семьям детей боярских выжить в ситуации голода. Осенью 1616 г. княгиня Татьяна, жена головы Тесовского острожка кн. Г. И. Нарымова отправилась за город для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а также для осмотра посаженного там хлеба. Для ее пропуска кн. Нарымов бил челом новгородскому правительству и вынужден был искать поручителей в лице Григория Негановского и Гаврила Воронина¹⁵³.

Службы новгородцев после 1617 г.

Оказавшись в московском лагере, новгородские дети боярские сохраняли свою корпоративность. Возможно, это было связано с особенностями учета служилых людей в Московском государстве. Так, в осажденном Пскове в 1615 г. отдельно учитывались новгородские дети боярские Шелонской и Водской пятин, за много месяцев до этого утратившие свою связь с поместьями в пятинах. Иногда такая корпоративность зависела от обстоятельств перехода на московскую сторону. Так, в 1617 г. из Москвы к Николе Угрешскому были посланы те дети боярские Водской пятины, которые вышли на Тихвин 20 октября 1615 г.

По окончании Смуты среди московских чинов встречается довольно много новгородцев. Так, по наблюдениям А. П. Павлова, с приходом патриарха Филарета в 1619 г. в думные дьяки пожалован новгородец по происхождению Томило Иудич Луговской, но после 19 июня 1622 г. отставлен из этого чина в московские дворяне. После смерти Филарета, 21 декабря 1635 г. Т. И. Луговской пожалован в думные дворяне, а 25 февраля 1638 г. постригся и скоро умер¹⁵⁴. Чином думного дьяка в 1626 г. был пожалован новгородец Ефим Григорьевич Телепнев, но в 1630 г. отставлен и подвергнут опале¹⁵⁵.

¹⁵¹ Прошение шведского дворянина Федора Григорьевича Аминева к графу Якову Делагарди. Б. д. // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 14. С. 63–64.

¹⁵² Память посланному в Водскую пятину о посылке дворян и детей боярских в Новгород и другие места для безопасности от немецких людей. 1611, февр. // ААЭ. Т. 2. № 172. С. 294–295.

¹⁵³ Челобитная кн. Гаврила Нарымова и Михаила Неелова о пропуске их жен для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а князя Гаврила для осмотра посаженного там же хлеба через Славенские ворота. 1616 (?) // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 21.

¹⁵⁴ Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 314, 317.

¹⁵⁵ Там же. С. 315.

22 октября 1648 г. в думные дворяне пожалован новгородец Бежецкой пятины Богдан Федорович Нарбеков¹⁵⁶. Незадолго до 21 сентября 1635 г. в стряпчие с ключом был пожалован новгородец Деревской пятины И. М. Аничков, а 13 июня 1646 г. он был произведен из постельничих в думные дворяне¹⁵⁷. Ю. М. Эскин обратил внимание на то, как хорошо И. М. Аничков был знаком с документами начала XVII столетия. В местническом споре 1643 г. он ссылался, скорее всего на десятню Деревской пятины 1603/04 г.: «А отец ево служил прежним государем, и в списке был с Деревские пятины другой человек, а стоял выше князей Ростовских, Оболенских, Крапоткиных, Вадбольских... и тех де списков и ныне книга 112 году за дьячей приписью цела»¹⁵⁸.

Всего, по подсчетам А. П. Павлова, в 1613–1626 гг. 23 новгородца были пожалованы в московские дворяне (больше пожалованных было только среди смолян)¹⁵⁹. Интересна судьба новгородца жильца Ивана Андреевича Трусова, бывшего челом о своей бедности: «за мной поместья и вотчины нет, живу у дяди роднова Ивана Григорьева сына Трусова, он меня поит и кормит и на службу сподобляет»¹⁶⁰. Надо думать, что И. А. Трусов — сын защитника Тихвинского монастыря А. Г. Трусова, который, действительно, приходился братом И. Г. Трусову. Однако то, что Иван Трусов, не обладая высокими чинами, в 1643 г. жил в Москве, да еще и оказывал помощь племяннику, — по истине удивительно¹⁶¹.

Еще один пример долгой и успешной карьеры показал дворянин Бежецкой пятины Афанасий Самуилов сын Нарбеков. Его имя появляется на страницах источников 11 июля и 29 октября 1613 г., когда он упомянут среди живущих во дворе Настасьи Нарбековой, в то время как его отец Самуил бежал на московскую сторону. В допросе 11 июля 1613 г. Афанасий Нарбеков показал, что его отец перед отъездом сказал, что едет в Хутынский монастырь в гости к архимандриту Киприану¹⁶². 20 ноября 1613 г. по нему была взята поручная запись¹⁶³. Юному Нарбекову удалось пережить Смуту. В апре-

¹⁵⁶ Правящая элита... С. 319. 1 сентября 1649 г. боярину кн. И. Н. Хованскому, думному дворянину Богдану Федоровичу Нарбекову и дьякам И. Патрекееву и А. Хватову было велено дать «государева жалованья в стола место свейскому резиденту Карлу Померининку» (Из русских актов, касающихся пребывания в Москве шведского резидента Карла Поммеринга. 1648–1651 // Якубов К. И. Россия и Швеция в XVII в. СПб., 1897. С. 388–406).

¹⁵⁷ Там же. С. 317, 319.

¹⁵⁸ Эскин Ю. М. Смута и местничество // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 63–124. С. 77.

¹⁵⁹ Правящая элита... С. 331.

¹⁶⁰ Там же. С. 342.

¹⁶¹ И. Г. Трусов к этому времени должен был быть очень пожилым человеком. Он начал службу не позднее 1582 г., когда свидетельствовал кабальную сделку кн. М. А. Мещерского (Кабалы, поданные кн. Матвеем Афонасьевым сыном Мещерским. 1598. 3.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 124–144. Стб. 44–50), следовательно, родился не позднее 1568 г.

¹⁶² Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3; Допросные речи новгородцев об отъезде дворян Нарбековых. 1613. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 4–5.

¹⁶³ Поручная запись по Федосье, жене Богдана Лупандина, Анне Матвеевой, матери Угрима Лупандина, Настасье Ивановой, матери Парфения Нарбекова, Авдотье, жене Парфения Нарбекова, Афанасии Самойлове сыне Нарбекова, Григории Парфеньеве сыне Нарбекова, Степане

ле 1615 г. он был включен в московский список для размена пленных (надо думать, по инициативе своего отца). По словам шведских уполномоченных, к этому времени «в городе (Новгороде. — А. С.) и в ыных городех их нет и не бывали»¹⁶⁴. Так или иначе, юноша выжил и после Смуты сделал успешную карьеру в столице. В 1645/46 г. он служил воеводой в отдаленном Нарыме¹⁶⁵, но вскоре оказался в Москве. Афанасий Самуйлов Нарбеков упомянут как судья Галицкой четверти 21 сентября 1654 г., 31 марта и 29 ноября 1655 г.¹⁶⁶ и как казначей с 5 апреля 1663 г. по июль 1676 г.¹⁶⁷. Замечу, что казначеем прежде него (до 1661 г.) служил другой новгородец, Богдан Дубровский, чья судьба описана мной в отдельном очерке.

Среди новгородцев-ветеранов Смуты, сделавших успешную военную карьеру стоит назвать кн. Е. Ф. Мышецкого, в 1611-1612 гг. сидевшего в осажденном шведом Клаусом Слангом, отъехавшем в Москву после марта 1614 г., позднее назначенном на воеводство в Саратове¹⁶⁸, а во время войны с Речью Посполитой 1632-1635 гг. занимавшего важные воеводские посты. Позднее он отличился на дипломатическом поприще. И. Е. Забелин и, недавно, Н.Ш. Коллманн обратили внимание на события, случившиеся в Кремле на Постельном крыльце в 1646 г., когда два служилых человека оскорбили князя Ефима Мышецкого и его сына, князя Данила, героя обороны Вильно 1660 г.¹⁶⁹. Замечу, что живший в Новгороде в 1612-1616 гг. князь Ефим – к тому времени видный военачальник, участник Смоленской войны, был оскорблен двумя новгородцами же, Иваном Бужаниновым и Федором Васильевым сыном Нащокиным. За четыре года до событий на крыльце князь Ефим с сыном Даниилом ездил в долгое и сложное посольство в Кахетию. По дороге, в Астрахани, его принимал воевода кн. Н. И. Одоевский, единственный выживший сын боярина и воеводы кн. И. Н. Большого Одоевского. В Царицыне сидел на воеводстве еще один новгородец по происхождению и активный участник событий Смутного времени, А. Ф. Палицын¹⁷⁰. На обратной дороге от кн. Е. Ф. Мышецкого к Арап-хану Шемахинскому бежали кабальные люди, там они «бусульманились», а позднее просили у него «своих животов». В Шемаху судиться о людях и животах был послан кн. Данило. Бывшие холопы кн. Ефима не поверили его крестному

Андрееве сыне Нарбекова, Степаниде Максимовой дочери Нарбекова, Прасковье и Федоре Парфеньевых дочерях Нарбекова о неотъезде их из Новгорода. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 17–18.

¹⁶⁴ Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 212–213.

¹⁶⁵ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства. XVII в. СПб., 1902. С. 145.

¹⁶⁶ Богдаевский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 41.

¹⁶⁷ Там же. С. 71–72.

¹⁶⁸ Благодарю Я. Н. Рабиновича за возможность познакомиться с его неопубликованной работой о саратовских воеводах кн. Е. Ф. Мышецком и кн. Ф. Т. Черном Оболенском.

¹⁶⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец. М., 1990. С. 277-279. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 304.

¹⁷⁰ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643 гг. / Подг. и изд. М. А. Полиевктов. Тифлис, 1928 (Международные сношения Грузии с иноземными странами. Вып. 2). С. 62, 85, 95, 96.

целованию и потребовали, чтобы «шехислан велел князь Данилу и всем государевым людям, сняв с себя кресты, класть под ноги». Князь Данило же отвечал бывшим холопам отца: «велите де свою куранную книгу взять и положить им под ноги». За такие дерзкие слова его задержали, но потом отпустили¹⁷¹.

Служилая мелкота

Большинство новгородских служилых людей не имело шансов достигнуть высоких чинов. Кроме нескольких сотен детей боярских в состав служилого сословия в Новгороде начала XVII в. входили крещеные и некрещеные татары, своеземцы, дети боярские новгородского владыки. Не случайно новейший исследователь Смуты И. О. Тюменцев утверждает, что именно служилая мелкота была важнейшей социальной базой самозванцев. Не располагая прочными связями в городе, представители этих категорий служилого люда чаще меняли политический лагерь гражданской войны. Не случайно большинство способных к службе новгородских новокрещенов в 1609 г. поддержало тушинские отряды, подошедшие к Новгороду, а в 1616 г. присягнуло королю Густаву Адольфу.

В Новгороде начала XVII в. представители низших чинов служилого люда заметно повысили свой статус. Шведской администрации было довольно сложно разобраться в тонкостях московской терминологии. Известно, что «дети боярские» часто именовались «боярами». Старорусский рассыльщик Петр Корповский, отправленный в первых числах мая 1615 г. из Старой Руссы в Дедерино вместе со шведом Гансом фон Ретелем («Анцей Фанретелом») для «укрепления» с московскими посланными Семеном Коробьиним с товарищами, был назван «сыном боярским добрым»¹⁷².

Своеземцы

Выделение своеземцев из всего состава новгородских вотчинников небоярского происхождения периода новгородской независимости достаточно условно. Известно, что члены одной и той же семьи после конфискации Ивана III могли частью сохранить владения, а частью лишиться их. Таким образом, нет различия между мелкими вотчинниками, утратившими свои вотчины и их сохранившими.

В ряде случаев боярщины, владельцы которых имели сходные прозвища и о которых почти наверняка можно говорить как о состоявших друг с другом в родстве, располагались в непосредственной близости друг от друга. Это указывает на то, что в прошлом такие группы владений составляли цельную волость, принадлежавшую «родоначальнику» всех более поздних владельцев. Такие волости иногда образуют значительные территории, и, что чрезвычайно важно, их владельцы не соотносятся с каким-либо известным по другим письменным источникам боярским родом, т. е. со всей уверенностью можно отнести их к житейным людям. Таковы Слuzовы, Победицкие, Сарские, Тро-

¹⁷¹ Там же. С. 167-169, 174.

¹⁷² Грамота капитана С. Аппельмана и Г. Бракилева об их прибытии на съезд для размена перебежчиками. 1615. 3.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 107–109.

ицкие. Обращение к материалам о владельцах эпохи новгородской независимости в Водской и Шелонской пятинах также дает немало примеров соответствия топонимов фамильным прозвищам владельцев. Эти прозвища, данные по главному (и, возможно, наиболее раннему по времени возникновению) селению волости, к концу XV в. принимают, по всей видимости, родовой характер. В течение XVI в. значительная часть своеземческих родов разрослась, следствием чего было дальнейшее измельчание их владений¹⁷³.

Следует подчеркнуть, что картина, которую удастся реконструировать на основании самых ранних сохранившихся писцовых книг рубежа XV–XVI вв. — это определенный итог, результат мобилизации этих владений. Наверняка многие из них к моменту конфискаций подверглись наследственному разделу, куплям, обмену и т. п. Причем, вероятно, эта мобилизация проходила одновременно с дальнейшей колонизацией земель. На это в первую очередь указывает компактность расположения владений землевладельцев-родственников и, с другой стороны, их явная неравноценность в рамках владений одной фамилии. В результате перехода владений из рук в руки своеземцы Облуцкие¹⁷⁴ стали помещиками Копорского уезда¹⁷⁵, а Ровдицкие, компактно проживавшие на границе Лядского и Бельского погоста Шелонской пятины, оказались землевладельцами Дворецкого погоста¹⁷⁶.

Обращает на себя внимание один район Шелонской пятины (ныне это пограничье Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области). Его особенностью является необычная для Полужья и Поплюсья удаленность поселений друг от друга. Ко времени описания рубежа XV/XVI вв. практически все население этого района составляли своеземцы. Большинство этих своеземцев принадлежало к низшей категории — они платили подможные деньги земцам дальней службы¹⁷⁷.

Важнейшим источником, впервые фиксирующим фамильные прозвища своеземцев этих погостов, является писцовая книга Залесской половины Шелонской пятины Яныша Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова, составленная около 1571 г. и опубликованная в 1905 г.¹⁷⁸

¹⁷³ Преемственность своеземческих фамилий в XVI в. была подмечена Н. В. Мятлевым (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 450 (далее — Десятня 1605)).

¹⁷⁴ Прозвище Облуцких несомненно соотносится с названием Облуцкого погоста Шелонской пятины — ныне в Порховском районе Псковской области.

¹⁷⁵ Десятня 1605. С. 495; Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 31

¹⁷⁶ Т. е. переместились примерно на 70 км на восток, с территории современного Плюсского района Псковской области на территорию Порхова (ср. д. Ровдицы, Плюсский район; д. Дворец, Порховский район).

¹⁷⁷ Что особенно примечательно, почти все своеземческие фамильные прозвища, связанные с населенными местами этого района, сохраняются в источниках вплоть до середины XVIII в.

¹⁷⁸ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилки Кистечкова. 1571 (без начала) // НПК. Т. 5. СПб., 1905 (далее в сносках ПК 1571). Стб. 538–541 и далее.

Вердужские

Фамильное прозвище своеземцев Вердужских связано с д. Вердуга, в Доложской трети Бельского погоста, неподалеку от Сяберского монастыря¹⁷⁹. Единственный раз своеземцы Вердужские упомянуты в 1571 г. Это Истома и Федор Есипов Вердужские, чьи деревни к тому времени стояли пустыми¹⁸⁰. В более поздних описаниях 1582 и 1628/29 гг. упомянуты только порозжие земли этих землевладельцев¹⁸¹. Заметим, что во всех случаях они также самой деревней Вердугой не владеют.

Вешенские

Этот род получил фамильное прозвище по д. Вешень. До 1572 г. эта деревня была «за Ивашком, Юшком, Худячком, Федком, Миткой Лукиными», позднее отдана переведенным из Нещердского уезда помещикам И. Т. Онিকেеву и В. С. Лаптеву¹⁸². В течение Смутного времени и в первые годы царствования Романовых никакой информации о Вешенских не фиксируется ни в писцовых книгах, ни в десятиях. Но в переписной книге Шелонской пятины 1678 г. фигурирует землевладелец Бельского погоста Лука Вешенский¹⁸³. В марте 1691 г. упомянут его сын, Кирилл Лукин Вешенский¹⁸⁴, а в переписной книге 1706/07 г. — внук, Кондратий Кириллов Вешенский¹⁸⁵. В течение этого времени Вешенские владеют не д. Вешень, а близлежащим усадищем Сабицы с деревнями. Напрашивается мысль о том, что фамильное прозвище Вешенские сохранили с XVI в., временно утратив владения в годы Смуты, но вновь получив поместные оклады в середине XVII столетия.

Дворецкие

Дворецкие — самый разветвленный род среди своеземцев Лядско-Бельского пограничья. Фамильное прозвище они получили по д. Дворец, неподалеку от центра Лядского погоста. В середине XVI в. этой деревней владели земцы Микифорко Терентиев и его сын Иванко¹⁸⁶.

¹⁷⁹ Ныне д. Сяbero в Лужском районе Ленинградской области.

¹⁸⁰ ПК 1571. Стб. 537.

¹⁸¹ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорозжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800 (далее в сносках ДК 1628/29). Л. 436 об.; Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма писца Л. Аксакова. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 957 (далее в сносках ПК 1582). Л. 1045 об.

¹⁸² Ввозная грамота Ивану Тимофееву сыну Онিকেеву и Василию Суморокову сыну Лаптеву на земецкие поместья в Лядском погосте Шелонской пятины. 1572. 29.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 202 об.–204.

¹⁸³ Подлинная переписная книга поместных и вотчинных сел и деревень, дворов и людей Шелонской пятины Залесской половины стольника Степана Оничкова и подьячего Антипа Федорова. 1678 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8570 (далее — ПК 1678). Л. 236, 343.

¹⁸⁴ Записная книга крепостных актов по Шелонской пятине. 1671–1701 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 357. F⁰. Л. 156.

¹⁸⁵ Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 225.

¹⁸⁶ Ввозная грамота Илье Филипову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без окончания) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.

В писцовой книге 1571 г. четко указано родовое гнездо Дворецких — д. Дворицы в Лядском погосте, — прежде находившееся в вотчине деда земцев, упомянутых в этой книге, Якова Никифорова, а в описываемое время разделенное между внуками: Андреем и Селянином Григорьевыми, Ездоком и Федором Васильевыми, Звягой, Шарапом, Шатуном, Харлантеем и Шестаком Степановыми детьми Дворецкого¹⁸⁷, из которых Шарап Дворецкий владел также поместьем в соседнем Дмитриевском Бельском погосте¹⁸⁸. Один из детей Якова Никифорова, Василий, дожил, впрочем, до 1600 г., получив 2 сентября этого года поместье в Быстреевском погосте¹⁸⁹. В 1571 г. никто из Дворецких не нес самостоятельной службы. Все они платили подможные деньги соседу, земцу «большой службы» Федору Должинскому¹⁹⁰. Шарап Дворецкий оставался помещиком этих погостов и в 1582 г. (правда, уже без братьев)¹⁹¹. В 1594 г. ему было поручено отделить поместье Зверю Корсакову¹⁹², а в 1596/97 г. Шарап пахал пустошь Витонез в том же погосте¹⁹³. В Смутное время о Шарапе Дворецком не было слышно ничего, его пустое поместье в Бельском погосте упомянуто в дозорной книге 1628/29 г.¹⁹⁴

В 1571 г. впервые упомянут Нечай и его брат Семен Александровы дети Дворецкие, помещики Бельского погоста¹⁹⁵. Нечай («с братьей») сохранил свое поместье и в 1582 г.¹⁹⁶, равно как и в 1628/29 г., когда был упомянут также его сын Неклюд.¹⁹⁷ Семен Александров (Олисов) Дворецкий 12 мая 1600 г. получил еще и поместье в Быстреевском погосте¹⁹⁸. Ни в десятнях, ни в других источниках эпохи Смуты эта ветвь Дворецких не упоминается.

Кроме Нечая с братьями известно еще несколько Дворецких конца XVI в., которых не удается соотнести с генеалогической схемой (рис. 2). Так, до 1592/93 г. пустошь в Ко-

¹⁸⁷ ПК 1571. Стб. 563.

¹⁸⁸ Там же. Стб. 546.

¹⁸⁹ Отдел неслуживым Первым Пажинским поместья Василия Боброва в Быстреевском погосте Шелонской пятины Василию Яковлеву сыну Дворецкому и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 2.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 12–13 об.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 563. Семейное прозвище Должинского связано с д. Должицы, ныне в Плюсском районе Псковской области.

¹⁹¹ ПК 1582. Л. 1054 об.–1055..

¹⁹² Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... С. 126.

¹⁹³ Дело по челобитной Зверя Корсакова о том, что его поместные пустоши дозорщики признают оброчными и взыскивают за них оброк. 1596. 21.09–14.10 // Дела Тайного приказа. Т. 4. (РИБ. Т. 38). Л., 1926. № 4. Стб. 18–29.

¹⁹⁴ ДК 1628/29. Л. 438 об.

¹⁹⁵ ПК 1571. Стб. 546–547.

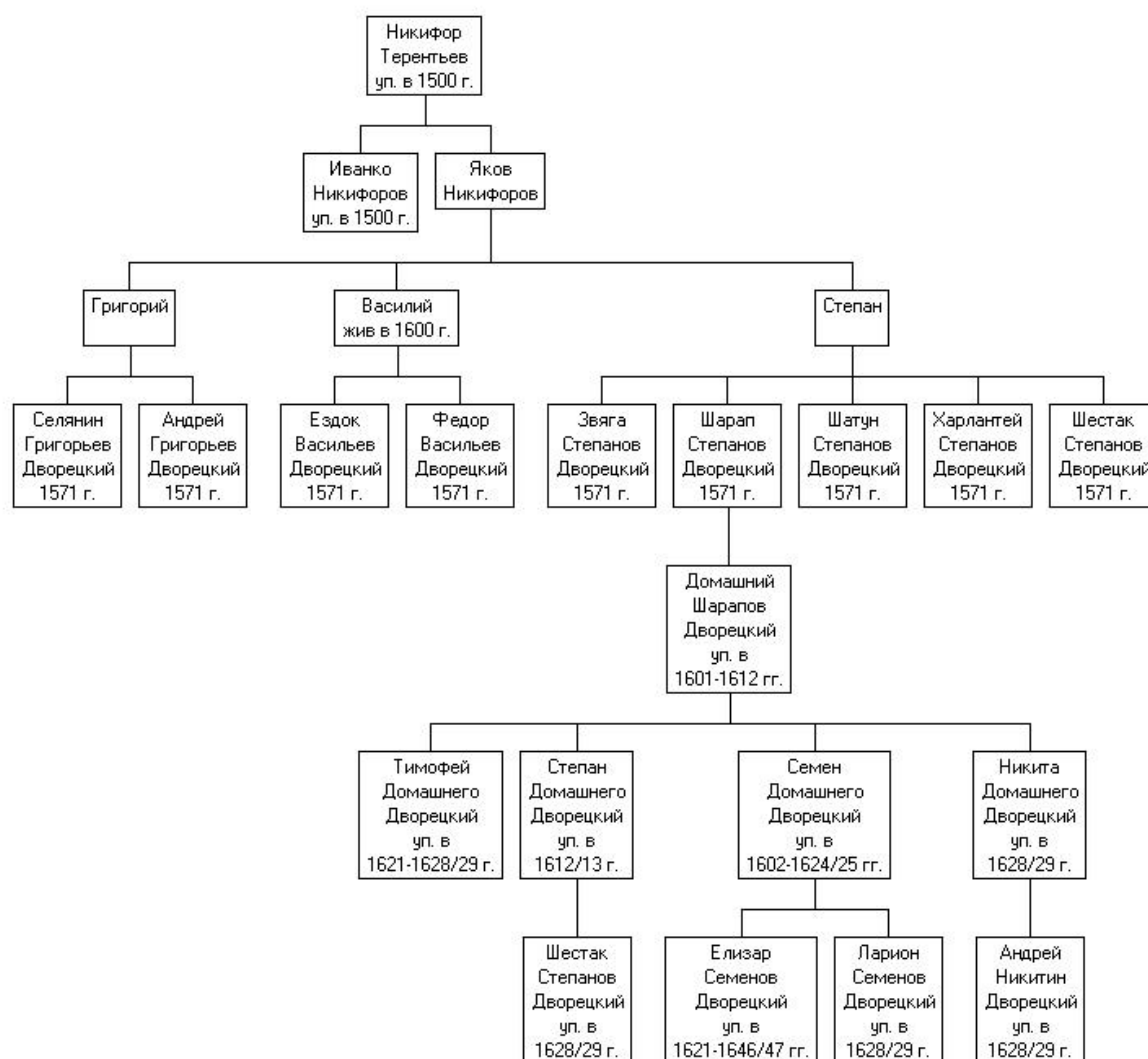
¹⁹⁶ ПК 1582. Л. 1057 об.

¹⁹⁷ ДК 1628/29. Л. 439.

¹⁹⁸ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстреевском погосте Шелонской пятины и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 12.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 3–5 об.

сицком погосте владел Сидор Дворецкий¹⁹⁹, в 1596 г. среди верстанных новиков известен Афанасий Яковлев Дворецкий²⁰⁰.

Рис. 2. Род своеземцев Дворецких в XVI – начале XVII в.

Хорошо известен сын Шарапа Дворецкого, Домашний Шарапов Дворецкий. В 1601/02 г. он, а также его сын Семен, записали за себя холопов в Новгороде²⁰¹. В конце августа 1612 г. он отделил Дмитрию Федорову Курицыну поместье в Щепецком, Прибужском и Лядском погостах, скрепив отдельные книги своей рукой (следовательно, был грамотен)²⁰².

В 1615/16 г. шведы вывезли из Новгорода Митьку (Дмитрия?) Иванова сына Дворецкого. Он вошел в число русских пленных, освобожденных после ратификации шведской

¹⁹⁹ Дело по челобитным Василия Бутурлина и кн. Тимофея Шаховского о поместье А.Обухова. 1614, март // RA, NOA. Serie 2:98.

²⁰⁰ Десятиа новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. П. Лихачевым // ИРГО. 1909. № 3. С. 199.

²⁰¹ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 368.

²⁰² Отдел Домашним Дворецким поместья Дмитрию Федорову сыну Курицыну изменничьего поместья Дмитрия Константинова сына Скобельцына в Щепецком погосте Шелонской пятины. 1612. 23.08 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 587–591.

стороной Столбовских договоренностей в сентябре 1618 г. Запись о его освобождении звучит очень трогательно: «Мальчик Митка, новгородца Иванов сын Дворецкого, взят во 124-и году в Новгороде, а которой пятины отец его, тово не помнит»²⁰³. Пятина, разумеется, была Шелонской. Судьба маленького Митьки Дворецкого неизвестна.

Земельные владения Василия Дворецкого в Лосицком погосте по отделу 1612/13 года были розданы в поместья Степану Домашнего Дворецкому и Ивану Андрееву Толбугину²⁰⁴. Неслуживым новиком с окладом в 100 четвертей и 4 рубля денег был записан в 1621 и 1624/25 г. брат Степана Дворецкого, Семен²⁰⁵. В 1628/29 г. он назван владельцем деревни Житковичи и трех пустошей в Бельском погосте²⁰⁶ и сельца Заполье в Лядском погосте.²⁰⁷ Еще один их брат, Тимофей Домашнего Дворецкий в 1621 г. был записан земцем с большим окладом в 450 четвертей и 14 рублей с городом²⁰⁸. В 1628/29 г. он владеет пустошей Вешень и Озереву в Лядском погосте²⁰⁹. В десятне денежной раздачи 1621 г. упоминается Елизар Семенов Дворецкий с окладом в 150 четвертей и 6 рублей с городом (вероятно, сын Семена Домашнего Дворецкого)²¹⁰. В 1624/25 г. он отделял поместье одному из помещиков Быстреевского погоста²¹¹, а в 1628/29 г. сам назван помещиком этого погоста (владел ползовиной деревни Зовка)²¹². В 1646 г. у него уже было поместье в Лосицком погосте, где он жил и сам в д. Щербова Гора на речке Дряжне²¹³.

Самым большим поместьем в Лядском погосте владел Никита Домашнего Дворецкий — собственно сельцом Дворицы и девятью с половиной пустошами (из них две — Дворец Другой и Вешень)²¹⁴. Интересно, что при этом в десятнях он не упоминается и, следовательно в 1620-х гг. службы не служил. Тремя пустошами в Лядском погосте

²⁰³ Роспись русских полоняников, пришедших вместе с послами кн. Ф.П.Борятинским из Швеции. 1618, сентября // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 1. Л. 175-181.

²⁰⁴ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 13, 14.

²⁰⁵ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131 (далее Десятня 1621). Л. 81 об.; Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 15. Полагаю, Семен Домашнего Дворецкий был младшим братом Степана. Последний, видимо, к 1601/02 г. уже жил отдельно от отца, а Домашний Дворецкий записал за себя холопа вместе с жившим с ним сыном Семеном, который должен был родиться незадолго до 1601/02 г., так как к 1621 г. имел минимальный новичный оклад.

²⁰⁶ ДК 1628/29. Л. 415 об.-416.

²⁰⁷ ДК 1628/29. Л. 473.

²⁰⁸ Десятня 1621. Л. 79 об.

²⁰⁹ ДК 1628/29. Л. 473 об.

²¹⁰ Десятня 1621. Л. 81.

²¹¹ ДК 1628/29. Л. 224.

²¹² ДК 1628/29. Л. 234.

²¹³ Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Степана Глебова. 1646/47 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 310 (далее — ПК 1646). Л. 521 об.-522.

²¹⁴ ДК 1628/29. Л. 471 об.-472 об.

владели также земцы Шестак Степанов и Андрюша Никитин Дворецкие²¹⁵, и тремя пустошами в Лосицком погосте — Ларион Семенов Дворецкий²¹⁶.

Генеалогическая связь Дворецких середины XVII – начала XVIII вв. с более ранними Дворецкими мною не прослежена. В 1646 г. деревни Дворец и Вешень находились во владении Дмитрия Иванова сына Дворецкого. Неясно, кем он приходился Никите Домашнего Дворецкому. В соседнем сельце Заполье жил брат Дмитрия, Семен Дворецкий²¹⁷. В 1678 г. в Шелонской пятине известно четыре помещика Дворецких — Григорий Абрамов сын (жил в усадище Винкина Гора в Лосицком погосте), Алексей Дмитриев сын, живший в усадище Дворицы²¹⁸, не названный по имени сын Тимофея Дворецкого, живший в д. Заозерье²¹⁹, и Тимофей Семенов сын, живший в Бельском погосте²²⁰. В 1693/94 г. Иван Семенов Дворецкий поменялся с будущим новгородским комендантом Иваном Юрьевичем Татищевым задворным человеком²²¹. В переписной книге Шелонской пятины 1706 г. упомянуты помещики Алексей Дмитриев (помещик Лядского погоста) и Козьма Семенов (живший в усадище Дворицы и владевший д. Житковичи) Дворецкие²²². В 1727 г. владельцем усадища Дворицы и двух соседних деревень, Новогоща и Струска именуется Никита Дворецкий²²³.

Шестаковы-Дубровицкие

Особое место среди своеземцев пограничья Лядского и Бельского погостов занимают Шестаковы. В 1683 г. один из Шестаковых, Григорий Васильев, подал челобитную на Ивана Юрьевича Татищева, который утверждал, что Шестаков — его крестьянин. Шестаков неплохо ориентировался в документах и показал, что записанные в писцовых книгах Яныша Муравьева 1571 г. земцы Офонос Парфеев и Первуша Шестаков, населявшие вместе с другими восемь своеземцами деревню Дубровичи Бельского погоста, — его родня²²⁴. В конце XVI в., по словам Г. В. Шестакова, жило три брата, Первой, Перха и Друган-Никита, дети Осипа Шестакова. У Перхи было три сына, старший Офонос, упомянутый в писцовой книге Яныша Муравьева, Тимофей-Козел, служивший и умерший в псковских конных казаках, и отец Григория Шестакова, Василий. Все старшие Шестаковы, по челобитной, погибли «в немецкое разорение», кроме Никиты-

²¹⁵ ДК 1628/29. Л. 481–481 об.

²¹⁶ ДК 1628/29. Л. 600, 600 об.

²¹⁷ ПК 1646. Л. 398–399.

²¹⁸ Очевидно, сын Дмитрия Иванова Дворецкого — помещика 1646 г.

²¹⁹ ПК 1678. Л. 179, 203, 233.

²²⁰ Там же. Л. 332.

²²¹ Меновные записи разных лиц о промене крестьянами с И. Ю. Татищевым. 1673. 4.01–1693. 16.10 // РГИА. Ф. 878. Оп. 2. Д. 39.

²²² Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 197 об., 224 об., 219 об., 225.

²²³ Книга Новгородские епархии Шелонской пятины Залеской половины Лядского погоста попа Ильи Афанасьева с причетники записная о прихотских тоя церкви людей на три части кто имена когда родились, браками венчались и померли 1727 года генваря с 1 числа. // Сборник записных метрических книг. 1727 // ЦГИА СПб. Ф.19 (Петроградская духовная консистория), оп.124. Д. 138. Л. 196.

²²⁴ ПК 1571. Стб. 545.

Другана, а также Тимофея и Василия Шестаковых. Василий был самым младшим и рос в Сяберском монастыре, Тимофей, как было сказано, служил в казаках, а дядя их Друган, по выражению Г. В. Шестакова, в то время был «в гульбе». Василий Шестаков, уйдя из монастыря, пошел в добровольные бобыли к боярину кн. Ивану Федоровичу Хованскому, куда, придя из «гульбы», подселился и Друган-Никита (он вскоре ослеп). Это поместье находилось в районе села Боброво Лядского погоста и было выделено боярину в бытность того псковским воеводой из дворцовых волостей Шелонской пятины. После смерти кн. И. Ф. Хованского, когда его вдове Марье выделяли прожиточное поместье²²⁵, за ней был записан Друган Осипов Шестаков и малой Васька (Василий) Друганов Шестаков. По точному выражению Г. В. Шестакова, отчество Василия Шестакова было не «Друганов», а «Перхин», хотя и «отец их, Васка того дядю своего Другана имал себе вместо отца». Надо сказать, что в переписной книге 1646 г. описана вотчина княгини Марьи Афанасьевны Хованской; однако среди ее крестьян ни Д. О. Шестакова, ни В. Д. Шестакова мне найти не удалось²²⁶. После смерти княгини Марьи Василий Шестаков и родившийся к тому времени Григорий жили добровольно, без порядной записи, в крестьянах за Иваном Алексеевым Татищевым, после смерти которого они были отделены племяннику того, Ивану Юрьевичу Татищеву, который и пытался насильно взять с них порядные записи, «и он де, земец Гришка з братьею, не хотя у него, Ивана, жить в порабощении, учили о том бити челом великому государю, и он де, Иван Татищев, сведал их челобитье, учал их бить и в железа ковать и всячески изгонять и истыжать, и он де Гришка з братьею не стерпя ево изгоненья, бьет челом великому государю, по родству земцы, против прежних родичей своих». 14 июля 1683 г. воевода П. В. Шереметев решил дело в пользу земцев «Гришки да Пентюшки да Тимошки да Петрушки Васкиных детей Шестаковых»²²⁷.

Обращение к писцовой книге Яныша Муравьева 1571 г. дает дополнительную информацию о роде Шестаковых. Среди земцев Лядского погоста Шестаковы совершенно определенно именуются Дубровицкими (по названию деревни Дубровичи, где они жили). Кроме того, назван их дед, Терех Ульянов. При этом Афанасий Перхин Дубровицкий и его брат Иван, не известный Г. В. Шестакову, с поместья в Лядском погосте служили службу самостоятельно, а с других земель вместе со своими родичами платили подмогу «земцу большие службы» Тимохе Укретцкому²²⁸.

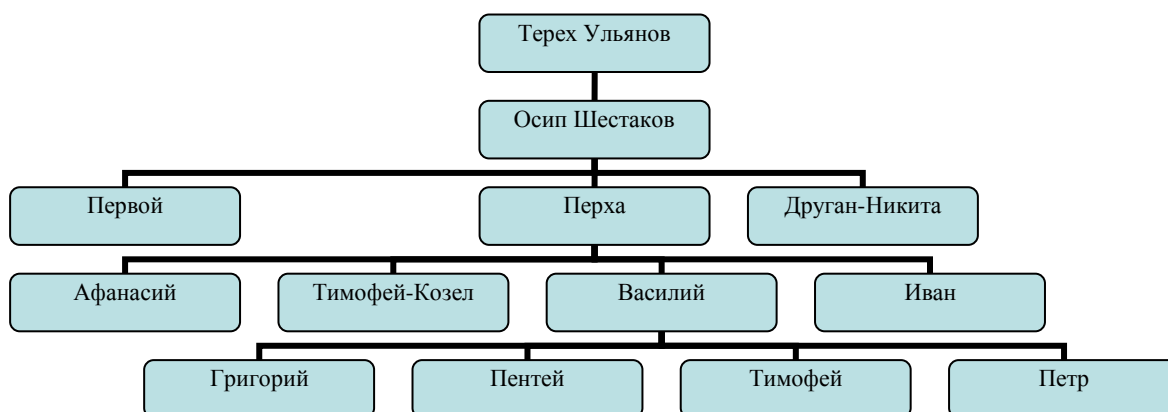
²²⁵ Это произошло в 1625/26 г. (ДК 1628/29. Л. 454).

²²⁶ ПК 1646. Л. 483 об.–485.

²²⁷ Расспросные речи земца Григория Васильева сына Шестакова, которого И. Ю. Татищев насильно записывает в крестьяне. 1683 // *Селин А. А.* Генеалогические и историко-географические заметки о своеземцах // *Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева.* М.; СПб., 2006. С. 331–332..

²²⁸ ПК 1571. Стб. 563.

Рис. 3. Род своеземцев Шестаковых-Дубровицких

Житковские (Житковы)

Фамильное прозвище Житковских связано с д. Житковичи на севере Лядского погоста²²⁹.

Впервые Житковские упомянуты в 1571 и 1572²³⁰ гг. Тимофей Иванов и Третьяк Наумов Житковские тогда владели деревнями Житковичи, Сварец и пустошью Вешняя (Вешень)²³¹. Прежние владельцы этих деревень, упомянутые в писцовой книге 1571 г., Максим Степанов и его братанич Иванко Гридин — по всей вероятности, предки Тимофея и Третьяка — прозвища Житковских не носили.

В 1599/1600 г. земцу Лаврентию Степанову Житковскому (Житкову) была отделена часть поместья Афанасия Андреева Еремеева в Лосицком погосте. При царе Василии Шуйском он бил челом о намеренном неправильном отделе ему в 1606/07 г. части поместья Петра Скобельцына в Лосицком погосте (10 четвертей на пустоши Гостичеве) Янышем Опалевым, который лучшую долю выделил вдове Петра Скобельцына с детьми: «да тод же, государь, Яныш, нарояси, отписал еси у меня половину закусу на Дряжне рекою... да на Широкой... да на Лютой рекою...»²³². 12 мая 1600 г. поместье Мира Тыртова в Быстреевском погосте получил также брат Лаврентия, Пантелей²³³. После 1617 г. Житковские сходят со сцены, а деревня Житковичи, давшая им фамильное прозвище, переходит во владение Ровдицких.

²²⁹ Ныне д. Большие и Малые Житковичи Плюсского района Псковской области.

²³⁰ Ввозная грамота Ивану Черницыну сыну Корсакову на поместье в Бельском погосте Шелонской пятины. 1572, сентябрь (без окончания) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 38–39 об.

²³¹ ПК 1571. Стб. 540, 541.

²³² Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентий Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

²³³ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова...

Ровдицкие

Фамильное прозвище этим своеземцам дано по названию д. Ровдицы. Впервые оно встречается в писцовой книге 1571 г., где упомянуто пять братьев — Третьяк, Томило, Ждан, Богдан и Поздык, дети Нечая Александрова Ровдицкого и владельцы 12 деревень на периферии Бельского погоста (деревни Ровдицы среди них не было)²³⁴. Их брат Неклюд Нечаев и, вероятно, двоюродные братья, Данило и Иван Семеновы, Иван Докукин, а также Ждан и Нехороший Максимовы Ровдицкие владели пустой деревней Ровдицы. Писцовая книга Я. Муравьева особо отмечает, что единственным служащим земцем с этого поместья был Данило Ровдицкий (служивший в Новгороде в Поместной избе, вероятно рассыльщиком), остальные же земцы платили подможные деньги в государеву казну²³⁵. В феврале 1573 г. упомянут выборный целовальник Залесской половины Шелонской пятины Томило Ровдицкий²³⁶. Полагаю, что он, равно как и выступавший в декабре 1586 г. одним из поручителей по недельщику Шелонской пятины Томило Степанов Ровдицкий²³⁷, — это известный по писцовой книге 1571 г. Томило Нечаев сын. Писцовая книга 1582 г. лишь повторяет имена Нечая Ровдицкого с братьями, также Третьяка Нечаева сына и называет его брата, Неклюда Ровдицкого с братьями. Все они — прежние владельцы, к 1582 г. их поместья стояли пустыми. Именно Неклюд с братьями жил в д. Ровдицы Конец на речке Вердуге до ее запустения²³⁸. Вновь Ровдицкие встречены мной в дозорных книгах Дремяцкого погоста 1595 г. В начале 1590-х поместье здесь получил земец Истома Ровдицкий, а в 1591/92 г. — уже многократно упомянутый Томило Ровдицкий²³⁹.

Несколько Ровдицких жило в далеких от Бельского погоста частях Новгородской земли. Петр Михайлов Ровдицкий, согласно десятне 1598/99 г., служил земцем Водской пятины с окладом в 200 четвертей и к 1603/04 г. скончался²⁴⁰ (вероятно, в 1599/1600 г., когда 100 четвертей его поместья в сельце Остров Хрепельского погоста отошло Дмитрию Досадину)²⁴¹. Еще двое Ровдицких, Данило (возможно, известный по писцовой книге 1571 г. Данило Иванов сын)²⁴² и Михаил упомянуты в качестве помещиков Дво-

²³⁴ ПК 1571. Стб. 543–545.

²³⁵ ПК 1571. Стб. 546.

²³⁶ Обыскная книга Ивангородского околородья. 1573. 25.02 // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 336–340.

²³⁷ Поручная запись по недельщике. 1586, дек. // Из архива Л. Н. Целепи // *Сборник НОЛД.* Вып. 5. 1911. С. 6–7.

²³⁸ ПК 1582. Л. 1052–1054 об., 1056 об.

²³⁹ Дозорные книги порожних земель Дремяцкого погоста Шелонской пятины дозора подьячего Суботы Никифорова. 1595. 20.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 973. Л. 121, 122.

²⁴⁰ Десятня 1605. С. 508.

²⁴¹ Дело по челобитью сына боярского Водской пятины Васки Григорьева сына Есипова о поместье. 1613, до 18.03 // RA, NOA. Serie 2:220.

²⁴² Дозорные книги Заруской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

рецкого погоста на Шелони в начале XVII столетия. Последний, Михаил, в октябре 1611 г. жил в крестьянском дворе в своей деревне Выбити²⁴³.

Среди помещиков Шелонской пятины, живших сразу после Смуты, известен один Ровдицкий, Иван Мартьянов (Воинов) сын, получивший с двумя сестрами-девками прожиточное отцовское поместье в Лядском и Бельском погостах в 1617/18 г.²⁴⁴ Видимо он не достиг даже новичного возраста к 1624 г., так как не упомянут в десятне денежной раздачи. Иван Ровдицкий сохранил поместье в Бельском погосте и в 1646/47 г.²⁴⁵ Позднее Ровдицкие мне не известны.

Пажинские

Фамильное прозвище Пажинских происходит от д. Пажино Бельского погоста, располагавшейся на границе современных Лужского и Плюсского районов соответственно Ленинградской и Псковской областей. Впервые это прозвище встречается у своеземцев в 1571 г. В писцовой книге Я. Муравьева упомянуты Неклюд, Ждан, Дмитрий и Савелий Андреевы, Осталец, Федор и Григорий Константиновы, Третьяк Мартемьянов и Первой Васильев Пажинские²⁴⁶. Все они жили в деревне Пажино и владели совместно еще тремя деревнями (одна из них пустая).

Первой Васильев Пажинский известен и по более поздним источникам: в 1599/1600 г. как неслуживый сын боярский Шелонской пятины он отделил в Лосицком погосте поместье А. А. Еремеева своеземцу Л. С. Житкову²⁴⁷, а 12 мая 1600 г. — поместье в Быстреевском погосте его брату Пантелею²⁴⁸.

Довольно подробно известна история службы его младшего современника, Ивана Васильева Пажинского. На верстании 1605/06 г. ему был назначен оклад в 150 четвертей и 6 рублей денег с городом. 5 июля 1612 г. он отделил поместье вдове Полуэкта Колычева Матрене в Бельском погосте Шелонской пятины²⁴⁹. При разборе 2 мая 1619 г. ему был подтвержден оклад, положенный по десятне 1605/06 г.²⁵⁰, а 4 июля 1621 г. по какой-то причине денежный оклад был уменьшен до 5 рублей²⁵¹. По дозорной книге

²⁴³ Отдел губным старостой Борисом Мякининым Семену Павлову сыну Бровцыну поместья вдовы Григория Харламова в Доворецком погосте Шелонской пятины. 1610. 28.04 // RA, NOA, Serie 1:41. С. 68–71; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подъячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

²⁴⁴ ДК 1628/29. Л. 413 об.. Л. 465.

²⁴⁵ ПК 1646. Л. 445 об.

²⁴⁶ ПК 1571. Стб. 541.

²⁴⁷ Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентия Степанова сына Житкова...

²⁴⁸ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстреевском погосте...

²⁴⁹ Отдел неслуживым Иваном Пажинским вдове Матрене, жене Полуэкта Колычева, с детьми поместья в Дмитриевском Бельском погосте Шелонской пятины. 1612. 5.07 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1302–1305 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 296).

²⁵⁰ Сыскная десятина о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Шелонской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в походах на восставших в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Тулу и Каширу. 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 282.

²⁵¹ Десятня 1621. Л. 57.

1628/29 г. он владел поместьем в Бельском погосте (пустошь Горнечно у кладбища)²⁵², а также недавно пожалованным ему поместьем земца Гриши Анофриева в Лядском погосте (пустошь Пожарища и еще три пустоши)²⁵³. Возможно, его сын, Никифор Иванов Пажинский, согласно той же писцовой книге, владел третьей д. Житковичи²⁵⁴.

В десятне 1621 г. упомянут другой служилый земец Никифор Петров Пажинский, с таким же окладом в 150 четвертей и 5 рублей денег с городом²⁵⁵. Дозорная книга 1628/29 г. знает его как помещика Бельского погоста (близ погостского центра)²⁵⁶, а также упоминает как помещицу его мать Акулину и младшего брата Степана, живших в д. Пажино на реке Черной и владевших еще тремя пустошами²⁵⁷. Никифор Петров Пажинский был помещиком Бельского погоста в 1646 г., как и его дети Сидор и Антип (последний — в Лядском погосте)²⁵⁸. В это время известны также братья Томило и Степан Петровы Пажинские, в чьем владении была деревня Пажино (Пажа), давшая фамильное прозвище этому роду²⁵⁹.

В переписных книгах 1646 и 1678 гг. упомянут потомок Ивана Васильева Пажинского Максим Федоров, живший в усадище Горнечно, а также владевший поместьем в Лядском погосте²⁶⁰. Последний известный нам Пажинский — это отставленный от службы около 1698 г. сын боярский Шелонской пятины Гаврила Степанов сын Пажинской²⁶¹.

Представители этих шести своеземческих фамилий населяли болотистые районы пограничья Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины. Создается впечатление, что большое число своеземческих семей, видимо родственных между собой, заселивших практически монополюсь пустошные земли водораздела Луги и Плюсы, представляют собой группу колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно разработавших незаселенные пространства и получивших их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками. Вероятно, потребности правильного составления разрядной документации в XVI в., а также тенденция к нивелировке различий внутри служилого сословия привели к тому, что за своеземческими родами укрепляются фамильные прозвища, которые давались по тем деревням, которые были родовыми гнездами этих родов. Дальнейшая мобилизация поместий, особенно проявившаяся после конфискаций поместий у земцев-нетчиков в начале 1590-х гг., привела к потере многими своеземческими родами этих гнезд (карта 10).

²⁵² ДК 1628/29. Л. 412 об.

²⁵³ Там же. Л. 470 об.—471.

²⁵⁴ Там же. Л. 417.

²⁵⁵ Десятня 1621. Л. 70 об.

²⁵⁶ ДК 1628/29. Л. 414.

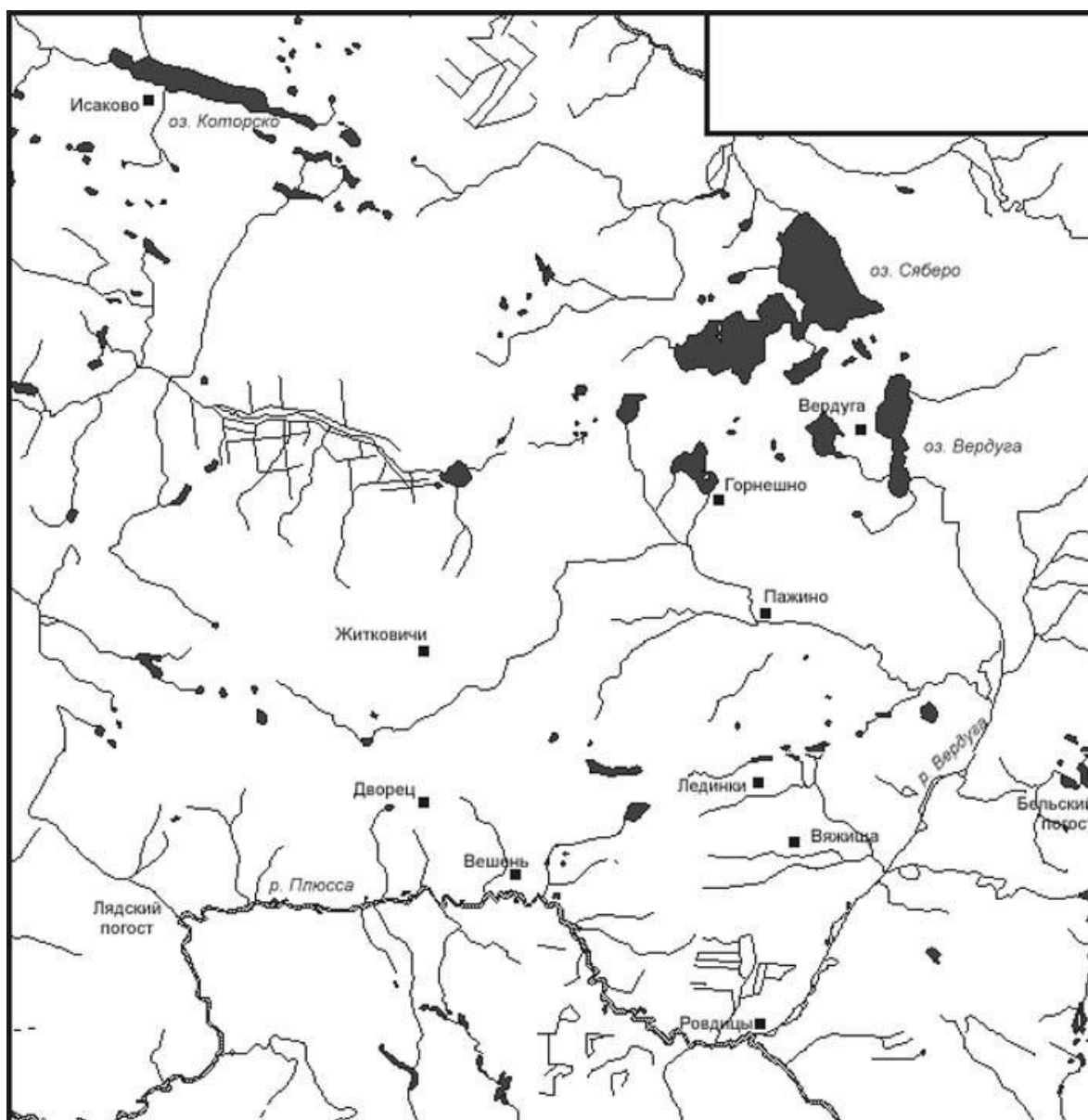
²⁵⁷ Там же. Л. 414 об.—415.

²⁵⁸ ПК 1646. Л. 446, 478.

²⁵⁹ Там же. Л. 445.

²⁶⁰ Там же. Л. 444 об.; ПК 1678. Л. 234 об.—235, 338.

²⁶¹ Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПБНИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 5 об.

Карта 10. Район владений своеземцев на границе Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины.

В годы Смуты большинство своеземцев Шелонской пятины исчезает из поля зрения источников (за исключением самого разветвленного рода Дворецких). Типичные судьбы представителей этой социальной группы продемонстрированы на примере Дубровицких-Шестаковых — «гульба», верстание в конные казаки. После Смутного времени своеземцы Лядского и Бельского погостов постепенно возвращаются в ряды служилого сословия и верстаются поместьями, начиная с минимальных окладов. К концу XVII в. они в целом растворяются в рядах мелкопоместного новгородского дворянства, сохранив тем не менее тягу к своим родовым вотчинам.

Судьбы своеземцев Водской пятины, чьи имена известны по документам Смутного времени, имели свою специфику. Несколько своеземческих фамилий еще на рубеже XV–XVI вв. имели владения в болотистых верховьях рек Рыденка (левый приток Оредежа) и Тосна, на границе Климентовского Тесовского, Никольского Ижерского и Никольского Будковского погостов. В начале XVI в. самым представительным из свое-

земческих родов этого района был род Кречатниковых, к концу столетия исчезнувший. Кроме того, с 1500 г. известны своеземцы Сочевицины и Буйносовы, жившие с Кречатниковыми чересполосно и, по всей видимости, находившиеся с ними в родстве²⁶². Последние достаточно часто встречаются в Новгороде эпохи Смуты.

Согласно писцовой книге 1500 г., владения Игната Митрофанова Буйносова (жившего на погосте Будково)²⁶³, Андрея Матфеева Сочевицина и Филиппа Фомина Сверчина-Кречатникова (живших в д. Сверчино)²⁶⁴ на Тосне располагались в тесном соседстве. Представляется, что здесь можно говорить о неких совместных усилиях этих семей по колонизации незаселенного пространства к северу от основных владений. Отметим также на примыкающие к ним деревни своеземцев другого смежного Тигодского погоста, где в течение XVI в. прослеживается род своеземцев Котельниковых, также живущих на явно недавно заселенных территориях, поодаль от крупных вотчин и погостских центров²⁶⁵. Если в 1500 г. известно семеро представителей семейства Буйносовых²⁶⁶, то на рубеже XVI–XVII вв. упомянуто уже девять членов этой фамилии, причем все они сохраняли принадлежность к служилому сословию. В конце XVI в. некоторые из них были поверстаны новыми поместьями в других районах пятины. Так, братья Яков и Богдан Федоровы дети Буйносовы получили поместья в Коломенском и Петровском погостах на Волхове²⁶⁷, по соседству с другими своеземцами Дымскими. Богдан Буйносов умер в 1611/12 г. 29 августа 1612 г. его поместье в Петровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины было отделено его вдове Марье²⁶⁸. Его сын Васька, известный по десятне 1598/99 г., к 1605 г. поступил в холопы к Никите Вельяминову²⁶⁹. Другой сын Б. Ф. Буйносова, Иван, в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, но 27 сентября 1605 г. в Ивангороде был верстан на 100 четвер-

²⁶² Подробнее о Кречатниковых: *Селин А. А.* К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 304–315; *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 316–338.

²⁶³ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 2 // ВОИДР. Т. 11–12. 1850 (далее — ВОИДР). С. 430–431.

²⁶⁴ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 1 // НПК. Т. 3. СПб., 1868 (далее — НПК. Т. 3). Ст. 75–76; ВОИДР. С. 431.

²⁶⁵ НПК. Т. 3. Ст. 408–411; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... Л. 166.

²⁶⁶ Гридя и Васко Есиповы дети, Федор да Степан Михайловы дети, Игнат да Васко Митрофановы дети и Офанаско Кузмин сын (НПК. Т. 3. Ст. 96. 100–101, 300, 353, 354, 356; ВОИДР. С. 430–431).

²⁶⁷ Отдел губным старостой Корельской половины Водской пятины Третьяком Савиным поместий земцев Васюка Невежина и Офони и Поздыка Самсоновых, что было за Степаном Вышеславцовым Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьеву и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Коломенском погосте на Волхове. 1585. 9.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 110а–111; Отдел губным старостой Третьяком Савиным земецкого поместья Михалки Кипреянова да Степанка Тимофеева Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьева и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Петровском погосте на Волхове. 1585. 13.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 115 об.–116.

²⁶⁸ Отдел неслуживым Кузьмой Лыньским поместья Богдана Буйносова в Петровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины его вдове Марье и отписка оставшейся части поместья на государя. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 371–373.

²⁶⁹ Десятня 1605. С. 503.

тей²⁷⁰. 29 августа 1612 г. он получил поместье своего брата (двоюродного?) Ивана Захарова Буйносова²⁷¹. В последний раз И. Б. Буйносов упоминается 11 июля 1615 г., когда он поручился по Ждане Володимерове о службе того в рассыльщиках Поместного приказа²⁷². В десятне 1605 г. упомянут еще один сын Богдана Буйносова, Роман. Где он находился во время Смуты неясно. В ходе разбора Водской пятины, осуществленного 2 мая 1619 г., ему был подтвержден его прежний оклад. Ни о каких придачах Р. Б. Буйносову десятня 1619 г. не сообщает; вероятно, он в эти годы от службы уклонялся²⁷³. Упомянутый Иван Захаров Буйносов в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, а 27 сентября 1605 г. верстан на 100 четвертей, как и его родственник И. Б. Буйносов²⁷⁴. К 1609/10 г. он переходит на приказную службу, первоначально — в недельщики Судной избы²⁷⁵, а потом — в рассылочные подьячие²⁷⁶.

Еще один представитель этой семьи, Макар Федоров Буйносов, возможно, младший брат Якова и Богдана Буйносовых — 20 октября 1615 г. в составе большой группы детей боярских Водской пятины вышел из Тесова к Тихвину²⁷⁷, а в 1617 г. бил челом вместе с Иваном Колобовым об увеличении денежного жалованья²⁷⁸.

По источникам известна также вдова некоего Остафия Буйносова Фетинья. 17 ноября 1613 г. с ней судился Степан Теглев, обвиняя ее в утрате «посыльной рухляди» на 15 рублей²⁷⁹. Возможно, к фамилии новгородцев земцев Буйносовых относился также и Иван Буйносов, казак станицы Ивана Микулина, привезший 15 апреля 1614 г. в Посольский приказ отписку из Бронниц²⁸⁰.

Другая группа своеземцев Водской пятины была связана с городами Копорьем и Ямом. В отличие от Новгорода, эти города признали Тушинского вора, а позднее — Псков-

²⁷⁰ Там же. С. 489.

²⁷¹ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 20; Отдел неслуживым Кузьмой Лыньским поместья Ивана Захарьева сына Буйносова в Петровском погосте на Волхове Водской пятины Ивану Богданову сыну Буйносову. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 363–367.

²⁷² Поручная запись по Ждану Володимерову о службе рассыльщиком Поместного приказа. 1615. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:348—В. Л. 8.

²⁷³ Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Водской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в боях с восставшими под Москвой в 1606 г. и в походах в том же году под Елец и в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Каширу, Тулу, Кропивну и Болхов 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 278.

²⁷⁴ Десятня 1605. С. 489.

²⁷⁵ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.

²⁷⁶ Поручная запись по Терентии Васильеве сыне Воинове о службе посылочным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

²⁷⁷ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о выходе к ним детей боярских Водской пятины. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 88–90.

²⁷⁸ *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI — начала XVII веков. Кн. 2. М., 1994. С. 50.

²⁷⁹ Книги сбора судной пошрины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 39.

²⁸⁰ Отписка боярина и воеводы кн. Дм. Т. Трубецкого царю Михаилу Федоровичу из Бронниц о событиях под Бронницким острогом. 1614, между 31 марта и 15 апреля // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 49–50.

ского вора. Так, дети боярские Водской пятины описывали судьбу двух копорских земцев, Филимона Заболоцкого и Тимофея Шавкалова: они «...служили копорскую осадную службу, и как Копорье заворовало, и оне заворовали ж с нашими изменники, и их неметцкие люди в прошлом во 117-м году побили на выласке»²⁸¹. Примечательно, что представители рода Шавкаловых при Борисе Годунове также служили в Копорье: Степан Константинов сын Шавкалов назван копорским городовым приказчиком в июне 1599 г.²⁸² После Смуты они оказались на московской стороне — с октября 1631 г. по август 1633 г. Никифор Федоров Шавкалов служил губным старостой Полужской половины Водской пятины²⁸³. Имя этого копорского земца, впрочем, встречается в источниках с конца 1590-х годов²⁸⁴. В 1609 г. Н. Ф. Шавкалов служил в Новгороде рассыльным подьячим²⁸⁵. К 1612 г. он обзавелся поместьем в Климентовском Тесовском погосте, поселившись в д. Лазарево. Видимо наличие поместья в той части Водской пятины, которая после Столбовского мира осталась за Москвой и обусловила «политический» выбор Н.Ф.Шавкалова.²⁸⁶

Фамильное прозвище своеземцев Ласунских связано с деревнями Ласуни и Поддубье Ласуни в Каргальском погосте Водской пятины, в которых в 1500 г., согласно писцовой книге Дм. Китаева, проживало пять человек своеземцев²⁸⁷. Староста Тесовской дворцовой волости в 1620 г. Даниил Ласунский²⁸⁸, без сомнения, то же лицо, что и Даниил Юрьев Ласунский — земец Водской пятины с окладом в 200 четвертей, упомянутый в десятне 1605 г.²⁸⁹ В 1612/13 г. он получил поместье в Кипенском погосте Водской пятины (причем часть поместья — из бывшего поместья земца (ореховского?) Тимофея Плавковского)²⁹⁰ и, вероятно, «малую треть» в Климентовском Тесовском по-

²⁸¹ Дело о поместье Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142.; Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Куракину, М. Б. Боборыкину и дьяку Ивану Тимофееву по челобитной дворян Водской пятины Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.

²⁸² Отдел копорским городовым приказчиком Степаном Шавкаловым Данилу Ласунскому переложных земель во Вздылицком погосте. 1599. 27.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 166–167.

²⁸³ *Панеях В.М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // ВИД. Т. 11. Л., 1979. С. 89–100.

²⁸⁴ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 276 об.; Десятня 1605. С. 483.

²⁸⁵ Челобитная неслуживого сына боярского Шелонской пятины Григория Постникова Якимова о службе в рассыльных подьячих и поручная запись по нему. 1609. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 1–2.

²⁸⁶ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 19.

²⁸⁷ НПК. Т. 3. Ст. 547.

²⁸⁸ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я.И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

²⁸⁹ Десятня 1605. С. 483; там же упомянут его родственник Андришка Падоркин Ласунский — с. 489.

²⁹⁰ Отдел Водской пятины сыном боярским Григорием Ручилицким поместья Андрея Желтухина в Кипенском и Вздылицком погостах Водской пятины Данилу Ласунскому. 1612. 5.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 518–523.

госте²⁹¹. В 1615 г. он владел частью деревни Дорошково во Взылицком погосте (одним из его совладельцев был земец Иван Большой Ласунский, двумя другими — земцы Самсон и Анкудин Облущкие²⁹²), а после Смуты, к 1620 г., покинул Копорье и перешел на московскую сторону, на территорию Новгородского уезда. В 1620 г. он назван старостой села Тесова без указания социальной принадлежности²⁹³, а в 1629 г. записан среди других помещиков — дворян и детей боярских²⁹⁴. Позднее, в XVII–XIX вв. известны помещики Ласунские, владевшие землями в районе Тесова.²⁹⁵ Род Ласунских представляет собой наглядный пример того, как потомки новгородских землевладельцев в течение XVI–XVII столетий успешно инкорпорируются в дворянскую среду.

Новгородские своеземцы, составляя особую группу служилого люда, уже к началу Смуты начали терять свою идентичность, частью сливаясь с городскими детьми боярскими, частью с приказной средой и служилыми людьми по прибору.

Специфической группой своеземцев были городские своеземцы – потомки служилых людей, помещенных в новгородские пригороды на рубеже XV/XVI вв. для несения преимущественно пограничной службы. Ямгородские, копорские, ореховские земцы, принадлежавшие к низам служилого сословия были активными участниками Смуты на Северо-Западе. Особой была судьба ямогородских земцев, присягнувших Густаву Адольфу и ставших жителями шведской Ингерманландии и некоторых ореховских земцев. Служба их после Столбовского мира была примерно той же, какую исполняли их отцы и деды в XVI в. — посыльная и проч. Интересно, что в русских документах этого времени они продолжают именоваться своеземцами. Так, в документах новгородского

²⁹¹ Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по посошному человеку Ивану Зиновьеву, данная Никите Матвеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 1.

²⁹² Дозорные книги Полуужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. Л. 152–154.

²⁹³ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

²⁹⁴ Выпись из писцовых книг письма и меры Федора Маврина да подьячего Андрея Коломского 1629 г. за приписью дьяка Филиппа Арцыбашева // СРБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 244.

²⁹⁵ В 1623 г. упоминается Андрей Ласунский, сын боярский Водской пятины (Челобитная Водской пятины сына боярского А. Ласунского о беглых, ограбивших его. 1623 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 120). 18 июля 1650 г. под Псковом был убит новгородец Савватий Ласунский (*Окулич-Казарин Н. Ф.* Старинные синодики. Синодик Псковского Троицкого собора // Труды ПАО. Вып. 6. Псков, 1910. С. 67). В 1771 г. подпоручик Емельян Иванов сын Ласунский владел землей в Быстреевском погосте Шелонской пятины (Купчая на землю отставного подпоручика Емельяна Иванова сына Ласунского в Новгородском уезде в Быстреевском погосте, проданную отставному капитану Петру Алексееву сыну Шаблыкину за 20 рублей. 1771. 10.01 // СРБИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 666). Секунд-майор Ласунский в 1844 г. был одним из совладельцев пустоши Моглогостье в районе Тесовского погоста, капитан Ласунский в том же году владел пустошью Залешье в соседнем Лусском погосте (Уменьшенный план Ведомства Новгородской удельной конторы лесных дач Новгородского удельного имения Новгородского уезда, состоящих в Тесовском приказе с показанием предположения о назначении оных заказных рощ и отделений на годовые лесосеки. 1844 // РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 482). В современной деревне Озерешно живут люди под фамилией Ласунские, почти наверняка – потомки своеземцев. Пользуясь случаем поблагодарить И. В. Стасюка за ценный совет и возможность использовать его полевые наблюдения.

Посольского стола земцем именуется привезший 1 января 1623 г. в Новгород лист от коменданта Орешка (Нотебурга) Тихонко Никитин²⁹⁶.

В начале XVII в. в был известен ямогородец Зверь Брюхов. В 1601/02 г. он судился с огородником Бориском о краденной точке (?)²⁹⁷. Его сын, Никита Зверев сын Брюхов, ямогородский земец, в 1603/04 г. был верстан на 20 четвертей и служил осадную службу. На верстании в Ивангороде 27 сентября 1605 г. его оклад был поднят до 150 четвертей, а сам он написан «с пятиной вместе»²⁹⁸. При этом других земцев Брюховых в десятне нет. Никита Брюхов в 1610 г. поддержал «Ивангородского вора» и в 1610/11 г. получил в пожалование 20 четвертей в Водской и Шелонской пятинах, ранее принадлежавшие земцу Постнику Язычкову. В 1612/13 г. его поместье отошло другому ивангородскому земцу Гаврилу Вердяеву²⁹⁹. Другой сын Зверя Брюхова Семен пошел по пути подьяческой карьеры. Он служил в Новгородском Дворце уже в 1607/08 г.³⁰⁰ 25 мая 1610 г., когда его брат «воровал» в Яме, Семен Брюхов поручился по Василию Павлову сыну Бражникову о бытии того в рассыльщиках Поместной избы³⁰¹. К 1614 г. Семен Брюхов получил назначение в дворцовое село Коростыни. Именно отсюда он бежал со службы в неизвестном направлении. В декабре 1614 г. крестьяне Коростынской волости дали ему лошадь крестьянина Первого Иванова. Семен Брюхов дал эту же лошадь внаем целовластнику Коростынской волости Матвею Сергееву. Уже в январе 1615 г. его нигде не мог разыскать³⁰². На его поручителях, среди которых находим его отца, Зверя Брюхова, 17 января 1615 г. было взыскано 3 рубля за присвоенного мерина³⁰³.

Судьба ямогородских своеземцев Рыжковых в первые годы после Смуты проясняется из челобитной поданной одним из членов этой семьи в Посольском приказе. После Столбовского мира они, как и большинство ямогородцев остались в Яме. Однако в 1623/24 г. они решили уйти из Ингерманландии на московскую сторону. Четверо братьев Рыжковых, старшие Степан и Петр с семьями и два младших братьев, Иван Большой и Иван Меньшой вместе с матерью перешли границу, видимо на реке Луге. Они оставили свою мать в Шелонской пятине, а сами объявились в Москве. Однако из Москвы Рыжковых выслали в Новгород, а оттуда (6 мая 1624 г.) – за рубеж, назад в Ингерманландию, во исполнение Столбовского договора. После возвращения в Ингерманландию ивангородский комендант посадил их в тюрьму в Яме и написал об их бегстве за рубеж королю. В тюрьме Рыжковы сидели десять недель, после чего были выпущены

²⁹⁶ Перевод с листа, присланного в Новгород от Орешковского воеводы Нильса Ансона. 1622. 26.12 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 104.

²⁹⁷ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 191.

²⁹⁸ Десятня 1605. С. 490.

²⁹⁹ Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 93-94.

³⁰⁰ Дело по челобитной вдовы Аксины, жены Ратая Крекшина о том, что деньги в Дворцовый приказ за 116, 117 и 118 годы ей уже уплачены. 1612, марта // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 382-387.

³⁰¹ Поручная запись по Василии Павлове сыне Бражникове о службе в рассыльщиках Поместной избы. 1610. 25.05 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 5.

³⁰² Допросные речи крестьян дворцовой Коростынской волости о лошади крестьянина Первого Иванова. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 52.

³⁰³ Память из Дворцового приказа подьячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 1615. 17.01 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 53.

ны по королевскому приказу и отданы на поруки. Поручителей по старшим братьям, Степане и Петре найти удалось, а двоих Ивашек выпустили без поручной. В 1625/26 г. Степан Рыжков и Иван Меньшой были отправлены в Стокгольм. Перед отъездом Степан Рыжков³⁰⁴ просил губернатора Н. А. Маннершельда, чтобы тот отпустил Ивашка Большого (челобитчика) на московскую сторону, где оставалась жить их мать. Она жила в Сомерской волости, у своего зятя сына боярского Макария Плешкова. Маннершельд отпустил Ивана Рыжкова идти куда захочет, и 2 сентября 1626 г. он приехал в Новгород с отпускной грамотой. В ней, написанной, вероятно, по-русски 8 августа 1626 г., было отмечено, что «он здесь у нас не нужен, потому что он неполново разума». Из Новгорода Иван Рыжков был отправлен в Москву в Посольский приказ. Там он в распросе сказал то же, что и в Новгороде, «что они по государеву указу четыре их брата, высланы за рубеж в немцы, а мать их для увечья, что она слепа, за рубеж не выслана, и ныне живет в Ноугородцком уезде у зятя своего у ноугородца сына боярсково у Ивана Глотова, а на него на Ивашка на Москве знатцы есть, брат ему двоюродный Онанья Пятин сидит в Поместном приказе в подьячих, и порука по нему на Москве во всяком воровстве будет»³⁰⁵. Примечательно, что он назвал другое имя своего зятя. Онанья же Пятин, служащий подьячим Поместного приказа, вероятно также происходил из ямогородских земцев.

Новокрещены и татары

Новокрещены и татары в Новгороде представляли собой особую группу служилых людей, с трудом смешивавшуюся с другими служилыми корпорациями. В какой-то мере, разумеется, это было связано с религиозными и языковыми особенностями этой группы, в какой-то мере, вероятно, с их компактным поселением в волостях Новгородской земли. Особенно крупные локальные группы новгородских татар и новокрещенов образовались в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины. Так, удомельские новокрещены были летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ганса, собраны в городе для рассылочной службы.³⁰⁶ Как представляется, к началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Полагаю, что это также связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Так, верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в осо-

³⁰⁴ В 1636 г. имя Степана Рыжкова встречается в дипломатической переписке между Новгородом и Нарвой. В ней он именуется «Ивангородским подьячим» (Лист новгородского воеводы кн. П. А. Репнина нарвскому губернатору Н. А. Маннершельду с претензией, что тот не принял прежний лист и с запросом титулов королевы Кристины. 1636. 3.03 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 573).

³⁰⁵ Дело по челобитной выходца Ивана Рыжкова о даче ему жалованья за выход. 1626, октября после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1626. Д. 3. Л. 242-250.

³⁰⁶ Отписка царю Борису Федоровичу от новгородского воеводы кн. В. И. Буйносова-Ростовского и дьяка Второго Поздеева с извещением о выборе по государеву указу из всех пятин новгородских детей боярских по четыре человека с пятины и новокрещеных татар. 1602, августа после 9 // СПбИИ. Кол. 183. Карт. I. Д. 18.

бой десятне³⁰⁷. В связи с этим парадоксальным кажется подход Е. И. Кобзаревой, утверждающей, что в процессе противостояния между Новгородом и Москвой «решался вопрос, на чьей стороне будут служить татары», поселенные в Бежецкой пятине, и тут же рядом приводящей примеры набегов романовских татар на шведские войска под Тихвином и в Обонежской пятине³⁰⁸.

Примером корпоративного единства новгородских татар и новокрещенов может служить история записи новокрещеном Денисом Евгостеевым за себя холопов. 6 января 1616 г. он записал за себя холопов, среди которых одного послужильца — Ивана Курлакова, затем — новокрещена Василия Бабаева и новокрещена Ивана Танаева (у последнего тот жил в бобылях)³⁰⁹.

При Борисе Федоровиче Годунове около 1598/99 г. действительно какая-то группа новокрещенов была помещена в Деревской пятине. В то время между татарами Семеном Багридовым, Павлом Таребердеевым и Иваном Обреимовым было разделено поместье Докучая Небарова в Ручьевском погосте³¹⁰. В Полоновском погосте получил поместье знатный татарин, шурин ургенчского царевича, Ондогул-мурза Маметев³¹¹.

Однако новгородцами в начале XVII в. татары и новокрещены воспринимались как инородная группа. Татары, владевшие поместьями, нередко обвинялись в излишнем насилии. По словам крестьян Ручьевского погоста, «из-за тотарина из-за Иева Сарбышева да из-за его детей из-за Исая да Онтоня Сарбышевых детей и от них насилства крестьяни за Павла за Федорова сына Клементьева прибрели душею да телом сами».³¹² Впрочем, справедливости ради надо заметить, что в «насилстве» часто обвинялись и новгородцы нетатары.

В Новгороде начала XVII в. находились не только татары и новокрещены — потомки помещенных при Иване IV и Борисе Годунове казанцев и астраханцев, но и оказав-

³⁰⁷ Десятня новгородских новокрещенов Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятин. 1605/06 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Е. И. Кобзарева, зная эту десятню, но, видимо, незнакомая с ее текстом, утверждает, что «новые переселения татар были осуществлены в 1606 г.» (Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 22).

³⁰⁸ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой... С. 22

³⁰⁹ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 72–73.

³¹⁰ Отдел неслуживым Мосеем Небаровым Ивану Мещерскому поместья в Ручьевском и Тухольском погостах Деревской пятин. 1610. 14.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 211–218 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294); Дело по челобитью Павла Тарбердева, Ивана Осанова и Семена Григорьева сына Бахтина о поместье Давыда Курицына. 1613, сент. // RA, NOA. Serie 2:126; Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Деревской пятин сбора губных старост Тимофея Шамшева и Андрея Обуткова 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 181.

³¹¹ Отдел губным старостой Деревской пятин Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятин. 1611. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 659–663 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

³¹² Обыск губным старостой Деревской пятин Андреем Обутковым в Локоцком погосте Деревской пятин, вывел ли Федор Клементьев крестьян из бывшего поместья Иева Сарбышева в Локотцком погосте. 1610. 14.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 113–115 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

шиеся здесь служилые люди других городов. Таковы кормовые³¹³ татары Василий Кангильдеев и Никита Максutow. Летом 1614 г. они били челом о поместьях Софонтия Оклячиева и Ивана Дементьева, только что отъехавших на московскую сторону: «... а нас, государь, холопей твоих, посылают на службу в Порхов... а жены и детишка наши остаются, есть и пить нечего». В записных книгах 1606/07 г. их оклад был записан следующим образом: «новокрещеным, которые сидели в Твери в тюрьме за Васильем Хангилдеевым с товарищи велено за человеком по двести четей учинити, и в которой пятине кто приищет»³¹⁴. У прибывших из Твери всего за несколько лет до взятия Новгорода шведами новокрещенов, действительно, в Новгороде были жены (возможно, и дети). Известна жена Никиты Максutowа Мария³¹⁵ и жена Василия Кангильдеева Хавронья³¹⁶. Интересно, что если их мужья выступали совместно, то жены не просто ссорились, но и дрались друг с другом. Никита Максutow 22 сентября 1614 г. обвинял жену Василия Хангелдеева Хавронью в избиении и «изроне» своей жены и требовал с нее возмещения ущерба на 12 рублей, а та встречно за своё избиение требовала с Н. Максutowа 18 рублей³¹⁷.

По окончании Дедеринских переговоров, в 1616 г. шведские власти усилили давление на новгородцев, принуждая их присягнуть Густаву Адольфу. По словам одного из выходцев на посольский стан в Тихвин, в Новгороде в то время стояли «правежи великие, от этих правежей новгородске новокрещены целовали крест, а татарове шертовали 13-го ноября» королю, «а приневолил их целовать крест, угрожая твой государев изменник Тимоха Хахин»³¹⁸. Вышедшему в московский стан вместе с княгиней Агафьей Одоевской попу Федору «...приказывали... новокрещены Иван Муралеев да Иван Тонаев с товарищи дватцать шесть человек, которые целовали свейскому королю крест, а татарове шертовали неволею, что де после того целованья целовали они новокрещены крест, а тотаровя верились по своей вере, что им служити и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят»³¹⁹. Позднее новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, как Иван Танаев и его товарищ Гаврило Охкобяков, а часть осталась на службе шведскому королю. Танаев и Охкобяков уже летом 1617 г. били челом о вспомоществовании, утверждая, что перед передачей Новгорода Москве они «...покиня в Новгороде жон своих и дети и со

³¹³ Т. е. не имеющие поместья и получающие лишь корм или кормовые деньги.

³¹⁴ Дело по челобитной о поместье кормовых татар Никиты Максutowа и Василия Хангилдеева. 1614, лето // RA, NOA. Serie 2:25.

³¹⁵ 21 июня 1613 г. она искала на посадском человеке Трешке Хлебнике 1 рубль за серьги (Книги судного двора 121 г. // RA, NOA. Serie 1:64. С. 101).

³¹⁶ 17 сентября 1613 г. ей в числе других 21 жен, сестер и матерей служилых татар и новокрещенов был выдан государев хлеб, так как ее муж находился на государевой службе под Тихвином (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10).

³¹⁷ Книги сбора судной пошлины. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:4. Л. 9–10.

³¹⁸ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ, что Джон Мерик отпросил у шведов княгиню Агафью, вдову кн. Ивана Большого Одоевского с сыном. 1616, декабря после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 158–166..

³¹⁹ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, мая – декабря (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 205.

всеми животы и после де их неметцкие люди жон их и детей мучили на пытках огнем жгли животы их все поймали и хотели жон их и детеи свесть съ собою в свою Немецкую землю на поруганье». В Новгороде их выкупили Водской пятины дворянин Григорий Никитин Муравьев, дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, а также торговый человек Богдан Шорин³²⁰.

Упомянутый Иван Муралеев, назначенный на службу в Копорье, как и значительная часть новгородских татар и новокрещенов, остался в Ингерманландии. Писцовые книги Ижорской земли 1618–1623 гг. называют д. Лапин Конец владением группы татар (Tartarne), д. Забродье — владением троих татар³²¹.

Судьба одного из новгородских новокрещенов после Столбовского мира была рассмотрена О. А. Курбатовым. В военно-инженерный полк А. Грановского, выступавший в поход против Речи Посполитой в 1654 г., набирались земляные рабочие — «пиунеры». Им подыскивались младшие командиры — сотники. Среди последних оказался новгородский новокрещен Кузьма Иванов сын Исупов. «Его отец, потомок крещеного татарина, поселенного в Новгороде при Иване Грозном, был уведен в Швецию после Столбовского мира 1617 г. и умер на чужбине³²². Говорившего по-русски мальчика взяли в

³²⁰ Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича в Новгородскую четверть боярину князю Григорию Петровичу Ромодановскому и дьякам Алексею Витовтову и Павлу Матюшкину о выдаче новокрещенам Ивану Танаеву и Гавриле Охлобьякову по их челобитью половины выкупа за их жен из немецкого плена. 1617. 3.07 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.–70.

³²¹ *Jordebocker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. СПб., 1859. С. 107, 108.

³²² Иван Исупов, новокрещеный татарин, как упомянутые Кангильдеев и Максотов, попавший в Новгород из Твери. В июле 1614 г. он подал вместе с Иваном Девлетевым челобитную, в которой они просили 90 четвертей Ивана и Дмитрия Бестужевых. По выписке оклад в 200 четвертей ему был установлен в апреле 1607 г. «апреля в 4 день привез государеву грамоту тверской рассылщик Нехорошко Лавров за приписью дьяка Тимофея Витовтова: велено за новокрещены, которые сидят в Твери в тюрьме, за Иваном Исуповым с товарищи учинить оклады по 200 чети человеку» (Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73). В июне 1612 г. он находился на службе в Порхове (Приходные книги порховским немецким кормам сбору Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабря – 1612, января // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229–237), а в 1613 г. был послан под Тихвин (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10). К 1615 г. он получил поместье в Керестской волости Грузинского погоста (Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 8, 2–28, 29) и назначен на службу в Водосский острожек на Волхове. 7–9 августа 1615 г. Иван Исупов ходил с П. А. Ногиным и Василием Ушаковым в Ильинский Тигодский погост из Водосского острожка и был послан ими назад в острожек с известием о походе казаков к Сольцам, намеревающихся переправиться в Сольцах через Волхов (Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка 1615, середина августа // RA, NOA. Serie 2:52). В сентябре 1615 г. он поручился за освобождаемого из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева (Челобитная татарина Павла Таребердеева о вызволении из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева и дело по ней. 1615, сент. // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 2–3). В конце июля 1616 г. он несколько раз возил отписки в дворцовый Коростынский погост из Новгорода и обратно (Дело о сборе вишен на государев обиход с Коростынских садов. 1616. 18.07 – 30.07 // RA, NOA. Serie 2: 40. Л. 21–24, 26–27). 8 февраля 1618 г. он прибыл от шведов из Зарецкого острога к московским межевым послам С. Жеребцову с товарищами, укрывшимися на Вяжищах от литовских людей

толмачи при шведском после, и в 7142 (1633/34) г. он оказался в Москве». В Москве Кузьма, вероятно сбежав, бил челом о службе, но в Посольском приказе его не стали и слушать, не желая осложнять отношений с Швецией в разгар Смоленской войны. «...и помнючи я, грешны, свою православную крестьянскую веру и святое крещение, — писал Исупов в челобитной, — отстал от тово посла на Москве и съехал по обещанию своему в Соловецкий монастырь». На Соловках он устроился в гарнизон пушкарем, а в 1654 г. пришел в Москву. Здесь о нем узнал полковник Грановский. В дальнейшем даточных людей — «пиунеров» было велено подчинить воеводам у наряда³²³, в сотниках они более не нуждались, и Исупов был переведен в профосы³²⁴.

Софийские (владычные) дети боярские

Особой группой новгородского служилого люда являются митрополичьи дети боярские. Участвуя наравне с другими дворянами и детьми боярскими в политических событиях Смутного времени, они в массе своей мало бывали в Новгороде, находясь по большей части в своих поместьях, расположенных компактно на северо-востоке Новгородской земли, в районе рек Свири, Паши и Ояти. На всем протяжении новгородской истории группа софийских служителей была довольно многочисленной. Так, в 1725 г. в Новгородском архиерейском доме помимо духовных персон служило около 1233 соборян, приказных, стряпчих, комиссаров и дворян³²⁵. О компактном проживании этих людей в пределах рек Ояти и Паши писал в своем краеведческом очерке И. П. Мордвинов³²⁶. Их потомки, кстати, продолжали компактно проживать в Винницкой и Шимозерской волостях Лодейнопольского уезда до 1930-х гг.³²⁷ Не случайно в документах эпохи Смуты упомянуто относительно малое количество этих людей. Основным источником по истории этой группы служилого люда являются поместные грамоты новгородских владык, включенные в один из сборников Коллекции актовых книг Новгородского Софийского дома³²⁸. Именно эти документы легли почти столетие назад в основу

(Две отписки С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1618. 1.02 и 1618, февраля между 15 и 22 (листы перепутаны) // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 294-312, 314, 318-320, 317, 315, 321-334, 336). Его жена и, видимо, мать Кузьмы, Лукерья, упомянута в 1613 г. (Расходные книги государственной хлебной казны... С. 9–10).

³²³ Т. е. артиллерийским командирам.

³²⁴ Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.

³²⁵ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. С. 122.

³²⁶ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 15.

³²⁷ Ср.: «Внутри района, занимаемого вепсами, встречаются русские деревни. Крестьяне таких деревень являются обедневшими потомками русских мелкопоместных приютских дворян-помещиков... На 1910 г. вепсы Винницкой и Шимозерской волостей являлись бывшими государственными крестьянами, а вепсы Шапшинской волости бывшими помещичьими крестьянами» (Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930. С. 167).

³²⁸ СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74.

монографии Б. Д. Грекова, в которой происхождению и судьбам этой группы новгородцев уделено заметное внимание³²⁹. Греков отмечал, что софийские дети боярские очень отличались по материальному уровню. «Рядом с крупным капиталистом Жегловым или Балавенским встретим сына Прокофьева Колымаева, по нужде идущего за плугом»³³⁰.

Фамилия Жеглова не случайно упомянута Б. Д. Грековым в этом отрывке. Известный лидер новгородского мятежа Иван Прокофьев сын Жеглов в 1627 г. жил во дворе гостя Истома Демидова, женившись на племяннице знаменитого митрополита Киприана, бывшего в начале XVII в. архимандритом Хутынского монастыря. Этот двор находился на Лубянице в Лукинской трети: палата каменная, под ней «два погреба каменные ж, а у той полаты и у погребов двои двери железные, а третьи двери деревянные, у полаты два окна с затворы з железными». 20 июля 1648 г. у него под залог своей вотчины в Деревской пятине занял 230 рублей Андрей Михайлов сын Милославский. В первой половине XVII в. И. П. Жеглов взял из Софийской казны ссуду в 300 рублей, и вообще «Софейские казенные деньги по кабалам и бескабально имал себе». В 1651 г. его двор перешел в Софийский дом, а в 1668 г. его купил софийский дьяк Степан Балавенской³³¹. Вновь об исключительном положении рода Жегловых в Софийском доме ученый пишет, говоря о редкости получения вдовами и детьми софийских детей боярских прожиточных поместий после смерти или гибели мужей и отцов. Единственный такой пример, найденный Б. Д. Грековым также связан с этим родом. Жена Григория Жеглова вдова Фетинья и дочь девка Лукерья получают после смерти Г. Жеглова его поместье на прожиток³³².

Ученый специально рассмотрел порядок набора на службу софийских детей боярских, выяснив, что, как и у государевых служилых людей, в основе службы были верстание окладом и поместная дача, а условием софийского верстания — «повсеместность и всеобщность». По окладам софийские дети боярские делились на три статьи³³³. Б. Д. Греков привел и пример такого верстания, происшедшего при отправке в Новгород нового митрополита Варлаама в 1591 г. При назначении царь указал ему перебрать софийских детей боярских и слуг³³⁴. Как и у государевых служилых людей, оклад и дача владычного помещика друг другу не соответствовали. По Грекову, обычно софийский сын боярский начинал службу с 2 обеж (20 четвертей), высший оклад мог доходить до 15–20 обеж (соответственно, 150–200 четвертей)³³⁵.

Кроме службы Софийскому дому, владычные дети боярские участвовали и в государевых военных походах. Б. Д. Греков перечислил известные случаи участия софийцев в боевых действиях: в 1573 г. они воевали под Коловерью в «Немецкой зем-

³²⁹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914.

³³⁰ Там же. С. 482.

³³¹ Там же. С. 480–481.

³³² Там же. С. 506.

³³³ Там же. С. 483–485.

³³⁴ Там же. С. 476–477.

³³⁵ Там же. С. 494–496.

ле», в 1575 г. снова воевали в Ливонии, служили «под Сиверами» в 1607 и 1608 гг., уже после Смуты — под Смоленском в 1633 и 1634 гг. и в 1664 г. в «Польской земле»³³⁶. Как и государевы помещики, софийские карались за нерадение и «нетство». В 1603 г. вновь принятый на софийскую службу Исак Кузьмин сын Болотов при испомещении обязался не обращаться к царю Борису Федоровичу о своем старом поместье. Позднее он стал «бездельно жить»: «запустошил» свое поместье, довел своих крестьян до бегства насилием и поборами и в конце концов был изгнан с софийской службы³³⁷.

И. А. Чернякова в монографии, посвященной истории Карелии в XVII в., специально остановилась на отдельной группе сельского населения, которая может быть отнесена как к московскому служилому сословию, так и к старинной местной знати еще эпохи новгородской независимости. Речь идет о своеземцах, по мнению И. А. Черняковой, потомков «“пяти родов корельских детей” и их современников — около половины пашни в этой части Корельского уезда числилось за “своеземцами”»³³⁸. Именно И. А. Чернякова впервые указала на то, что часть этих своеземцев позднее стала служилыми людьми Новгородского Софийского дома³³⁹.

Негосударевым служилым людям посвящено несколько работ Е. Ю. Люткиной. Основным предметом ее исследований являются светские слуги московской митрополичьей, позднее патриаршей кафедры. Как и в случае с новгородскими софийскими детьми боярскими, среди патриарших дворян обнаруживается наследственность фамилий. Генеалогический анализ показывает, что большая часть известных патриарших дворян XVII в. — потомки митрополичьих дворян предшествующего столетия. Эта социальная группа, как и новгородские владычные помещики, несла государеву службу, но отдельными отрядами. Кроме военной службы патриаршим дворянам поручались дозоры, обыски, землеустройство³⁴⁰.

«Нетство» среди владычных детей боярских особенно заметно проявилось на начальном этапе Смутного времени. 27 сентября 1609 г. у Остафия Андреева Пустошкина было отобрано поместье за то, что он «на государеву службу не поехал и впредь государевы службы служить не хочет». 21 ноября поместье было ему возвращено, так как он снова вернулся на службу³⁴¹. В 1607 г. ранее других софийских детей боярских «в Сиверы», на борьбу с болотниковцами, был послан Субота Захарьев Бухвостов. Но он отказался ехать в столь дальний поход, заявив, что стар и службы служить не может³⁴².

Однако и среди софийских служилых людей были видные в Новгороде 1611–1617 гг. деятели. Наиболее заметен Степан Спячий, митрополичий дьяк в 1607–1616 гг., до-

³³⁶ Там же. С. 498.

³³⁷ Там же. С. 528.

³³⁸ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 15–16.

³³⁹ Там же. С. 82.

³⁴⁰ Люткина Е. Ю. 1) Государство, церковь...; 2) Генеалогический состав митрополичьих светских слуг. Историография проблемы и ее дальнейшее изучение // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 83–85.

³⁴¹ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии... С. 499.

³⁴² Там же. С. 499–500.

вольно часто упоминаемый в источниках как поручитель по другим служилым людям, исполнитель поручений митрополита, оброчник пригородного рыболовецкого угодья. 27 июля 1613 г. он, в числе прочих подписал приговор о посылке в Выборг посольства с приглашением Карла Филиппа в Новгород³⁴³, а между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 100 рублей³⁴⁴. Последнее обстоятельство указывает не только на «экономические» возможности дьяка Спячего, но и на то, что он оказался среди неприсягнувших Густаву Адольфу новгородцев.

В этом же ряду находится Василий Леонтьевич Зиновьев. Он был братом (видимо, младшим) Сильвестра Зиновьева, губного старосты Полужской половины Водской пятины в начале XVII в. В октябре 1586 г. он служит недельщиком, видимо в Водской пятине³⁴⁵. В 1611 г. В. Л. Зиновьев назван вкладчиком Троице-Сергиева монастыря, получившим вместо своего вклада «четыре обжи белые нетяглые земли» в монастырской вотчине близ Новгорода, в Сытинском погосте³⁴⁶. С установлением в Новгороде администрации кн. Одоевского — Я. Делагарди вотчина Троице-Сергиева монастыря была приписана к Новгородскому дворцу. После этого В. Л. Зиновьев оказывается на приказной службе у митрополита Исидора. Уже 14 сентября 1611 г. он получил от митрополита грамоту на поместье в Пиркиничском и Никольском Городищском погостах³⁴⁷. Зиновьев, так же как и Степан Спячий, не присягнул Густаву Адольфу, но и не отъехал на сторону Москвы. В сентябре 1616 г. он уже не находился на софийской службе, но назван новгородским судьей³⁴⁸. В другом источнике он назван новгородским городовым приказчиком 1616/17 г.³⁴⁹

Приказная бюрократия

С первых шагов московской власти в Новгороде в новоприсоединенном городе появились элементы центрального управления — избы и лица, это управление реализовывавшие, — московские дьяки и подьячие. В конце XV — начале XVI в. приказные на-

³⁴³ Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы кн. И. Н. Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613. 27.07 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 5–8.

³⁴⁴ Роспись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

³⁴⁵ Поручная запись по недельщике Водской пятины Иване Меншого сыне Косицком. 1586. 15.10 // Из архива Л. Н. Целепи // Сборник НОЛД. Вып. 5. 1911. С. 9–10.

³⁴⁶ Книги сбора судной пошлыны. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. Лист, вложенный между с. 2 и 3.

³⁴⁷ Отметка о выдаче Исидором, митрополитом Великого Новгорода и Великих Лук, жалованной грамоты своему сыну боярскому приказному Василью Левонтьеву сыну Зиновьеву на поместье в Пиркинском и Никольском Городищском погостах Обонежской пятины. 1611. 14.09 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 143 об.

³⁴⁸ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11.10 // RA, NOA. Serie 2: 165. Л. 13–14.

³⁴⁹ Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347–367.

значались из Москвы и никак не были связаны с Новгородом³⁵⁰, со временем в приказной прослойке стали появляться местные уроженцы. Первоначально, скорее всего, это были родственники испомещенных на новгородских землях московских «переведенцев». Однако дьяка Андрея Васильева сына Буйносова, известного под 1566 г.³⁵¹, мы можем связать уже с местными уроженцами — своеземцами Буйносовыми, о которых говорилось выше. Одновременно с центральным управлением в Новгороде строилось управление духовными вотчинами. Та стройная система владычного двора, которая блестяще исследована в классической монографии Б. Д. Грекова, в основном сложилась не в домосковский период, а именно в XVI столетии, во многом копируя современные им институты Московского государства³⁵². Приказные и дети боярские Новгородского Софийского дома как служилые люди, обеспеченные владыкой земельными пожалованиями, появились в Новгороде едва ли к середине XVI столетия, когда мы впервые встречаем эти категории людей как компактную группу.

В течение XVI в. многочисленный новгородский служилый люд прошел развитие вместе со всем городом, участвуя во всех политических событиях и неурядицах. Социальная мобильность этих людей была достаточно велика. Не раз, как и повсеместно в Московском государстве XVI в., мы встречаем перетекание людей из одной социальной группы в другую. Особенно это заметно на переломе новгородской истории, в 1611–1617 гг. В это время служба в приказах становится более престижной и доходной, нежели обычная (воинская) служба служилого человека. Вероятно, именно в связи с этим большое число новгородских детей боярских просит зачислить их в рассылочные подьячие (самые низы бюрократии)³⁵³.

Персональный состав Новгородской администрации рассматриваемого периода насчитывает более 250 человек. Разумеется, не все они служили в городе одновременно. Огромное большинство этих людей — люди в приказах случайные, сумевшие попасть на службу в поисках источников для существования. Нам еще предстоит ответить на вопрос о том, каковы были реальные механизмы занятия должности рассыльщика или посылочного подьячего, откуда открывался путь к дальнейшей карьере. Внешне все обстояло просто: подавалась челобитная, которая вскоре удовлетворялась. Однако мне не

³⁵⁰ Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков за службу в Новгороде в XVI веке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 85–90.

³⁵¹ Грамота новгородских дьяков Андрея Васильева сына Буйносова и Леонтия Ананьина Вязицкого монастыря игумену Арсению с братьею об отдаче половины обжи в вопчей деревне Горке в додачу за половину обжи по Ивангородской дороге, взятой на государя. 1566. 27.03. Список XVIII в. // СПбИИ. Кол. 174. Оп. 1. Д. 275.

³⁵² Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии...

³⁵³ Поручная запись по неслуживом сыне боярском Иване Гаврилове сыне Толмачеве о службе в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1612. 20.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 7; Челобитная неслужилого сына боярского Докучая Степанова сына Мартьянова о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы. 1610. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 62; Челобитная Первого Иванова сына Шибяева о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы 1612/13 (?) // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 64, мн. др. Выражаю свою глубокую признательность Лайле Нордквист за указанные мне документы.

известны отвергнутые челобитные, что позволяет предположить скрытый, не отраженный в источниках механизм занятия приказных должностей.

Состав новгородского дьяческого корпуса Смутного времени довольно четко подразделяется на тех, кто оказался в городе по назначению из Москвы, и тех, чье происхождение связано с Новгородом. В то же время многие дьяки, служившие в столице, также имели новгородское происхождение. Важнейшее место здесь занимает Ефим Григорьевич Телепнев, помещик Обонежской пятины, служивший в Новгороде в 1606–1607 гг. (и враждовавший с Иваном Тимофеевым), позднее перебравшийся в Москву, но оставивший в Новгороде четверых сыновей и брата, известных по документам из архива Новгородской приказной избы³⁵⁴. Известный думный дьяк Томило Луговской также начинал карьеру в новгородских подьячих, и в 1602/03 г. он был записан среди помещиков Шелонской пятины³⁵⁵. Таким образом, нельзя согласиться с Н. Н. Оглоблиным, утверждавшим что «провинция не производила дьяков, в провинциальных земских избах служили подьячие и дьячки»³⁵⁶. По наблюдениям И. О. Тюменцева, дьяк Томило Луговской был одним из тех, кого царь Василий Шуйский приблизил к себе в 1609 г.³⁵⁷ Возможно, Луговской оказался в Москве также вместе с царем Василием, кога-то служившим новгородским воеводой.

Примерно до 1603 г. все (или почти все) новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы. С началом Смуты наблюдается обратная тенденция: среди дьяков Новгорода множество местных уроженцев (Григорий Трусов, Корнил Иевлев, Ефим Телепнев³⁵⁸, Семен Лутохин, Андрей Лысцов, Томило Сергеев), в то же время в Москве

³⁵⁴ О блестящей карьере Е. Г. Телепнева в свое время писал В. И. Корецкий (*Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 153–154.*)

³⁵⁵ Дело по челобитью о поместье Григория Якимова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 1–4. 29 мая 1602 г. новгородский городской приказчик Неждан Луговской (отец Томила) был послан в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение, по результатам определить, кого отправлять в Ивангород (Наказ городовому приказчику, посланному в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение. 1602. 29.05 // Дела Тайного приказа. Т. 2 (РИБ. Т. 22). СПб., 1908. Стб. 437–441). Через 13 лет, в 1615 г., когда в Москве, где Томило Луговской служил дьяком Разрядного приказа, обсуждался вопрос о размене пленными с занявшими Новгород шведами, предполагалось выменять в частности оставшегося в Новгороде сына Томилы Луговского (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ... Т. 1. С. 78.*)

³⁵⁶ *Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 122–125.*

³⁵⁷ *Тюменцев И. О. Смута в России... С. 343.*

³⁵⁸ Полагаю, что Ефим Телепнев шел на вершину карьеры вслед за своим братом Василием, который, несомненно, также имел новгородское происхождение. Так, 27 марта 1595 г. он записал за себя холопа в Новгороде вместе с братом Ефимием (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. Ст. 92–94). О карьере Василия Телепнева см.: *Лисейцев Д. В. Посольский приказ... С. 75 и далее.* При этом в конце XVI в. положение рода Телепневых в Новгороде было незавидным; они начинали службу с самого низа приказной иерархии: так, в 1586/87 г. упомянут рассыльщик Иван Телепнев (Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 232–232 об.). Василий Телепнев выдвинулся, вероятно, на рубеже XVI/XVII вв., принимая участие во встрече шведского посланника в Новгороде в январе 1599 г. (Грамота из Посольского приказа в Новгород воеводе кн. Д.А.Ногтеву и дьяк Дм. Алябьеву с сообщени-

чина думного дьячества достигают новгородцы по происхождению (Ефим и Василий Телепневы, Томило Луговской). Связано это, как мне представляется, с теми карьерными возможностями, какие открыла перед провинциальными служилыми людьми Смута (не будем забывать, что и другие новгородские дьяки того времени, к примеру — Третьяк Копнин, происходили из провинциальных дворян), и с дезинтеграцией Московского государства в Смуту.

Все новгородские дьяки в рассматриваемую эпоху — яркие и оригинальные фигуры. Самый известный из них, Иван Тимофеев, автор «Временника»³⁵⁹, уже не служил собственно дьяческую службу, хотя и оставался в городе весь срок существования новгородско-шведского политического альянса. Иван Тимофеев в годы альянса не входил в новгородское правительство (занимая ключевые должности раньше, при воеводе кн. Андрее Куракине³⁶⁰), хотя и выполнял какую-то приказную службу вплоть до 1617 г.³⁶¹ Тимофееву приписывают составление первого проекта договора Новгорода с Я. Делагарди, отвергнутого (по Л. В. Черепнину — дьяками П. Григорьевым³⁶² и С. Лутохиным). Ошибочно считать, что в 1611-1617 гг. Тимофеев исполнял, как пишет Я. Г. Солодкин, «дьячью» должность в Новгороде³⁶³; скорее, не лишившись дьячьего чина, Тимофеев лишь выполнял разовые поручения новгородского правительства.

Личные отношения дьяка Тимофеева с коллегами на новгородской службе складывались плохо. Почти обо всех дьяках, служивших с ним одновременно, говорится как о его врагах. Примечательны обнаруженные В.И. Корецким сведения о взаимоотношениях Тимофеева со своим товарищем дьяком Ефимом Телепневым. Еще в марте 1607 г. Тимофеев вел дело о передаче Телепневу поместья умершего В. И. Белеутова в Воскресенском погосте Обонежской пятины³⁶⁴ (именно здесь летом 1616 г. будут искать место для будущих Столбовских переговоров). Возможно, В. И. Корецкий прав в том, что испортил отношения с Телепневым в годы службы в Новгороде, в 1629 г., после его

ем о движении к Новгороду шведского посланника Андрюши Брюшмана и русских посланников Василия Сукина с товарищами. 1598/99 // РГАДА. Ф. 96. 1598. Д. 1. Ч. 1. Л. 47-53).

³⁵⁹ Подробный разбор мнений (и сомнений) об авторстве «Временника» встречен мной в статье Я. Г. Солодкина. Ученый убеждает читателя, что все же наиболее вероятно именно авторство Тимофеева (*Солодкин Я. Г. О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 83-94*). По меткому замечанию В. Г. Вовиной-Лебедевой, высказанному в устной беседе с автором этих строк, окончательно вопрос об авторстве Тимофеева в принципе неразрешим.

³⁶⁰ По мнению Я. Г. Солодкина, служба Тимофеева в Новгороде закончилась в марте 1610 г. (*Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 14-20*).

³⁶¹ Еще в 1613 г. Тимофеев так описывал своё бедственное положение в челобитной о выдаче хлеба из казны: «Ныне ничем не пожалован, без приказу волочюсь я пять лет, ... а к твоему государеву приказному делу, к счоту, волочюсь сяж день рано и поздно пеш» (Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничьей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 13).

³⁶² Нет уверенности в том, что П. Григорьев в то время находился в Новгороде.

³⁶³ *Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев сын Семенов...*

³⁶⁴ *Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 153.*

опалы Тимофеев позволил себе выпады против Телепнева³⁶⁵. Еще Андерс Шёберг³⁶⁶ и Л. В. Черепнин³⁶⁷ писали о его двух врагах, обвинявших дьяка в утайке казенных драгоценностей. Мне кажется, что в Новгороде у Ивана Тимофеева врагов было немало: так, будучи допрошен в апреле 1611 г., он просил не верить показаниям против него, данным ранее дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, «а оне ему были недрузи»³⁶⁸. Такие слова прозвучали у дьяка в момент подачи на него изветной челобитной всесильным дворцовым дьяком Пятым Григорьевым. Складывается впечатление, что дьяк, находясь в Новгороде без официального статуса, лишенный надежного источника существования, был окружен недоброжелателями. Так, летом 1614 г. Иван Тимофеев бил челом о пожаловании ему ржи. В челобитной писал, что ничем не пожалован, без приказа волочитя пять лет, «а к твоему государеву приказному делу, к счету, волочюсь сязь день рано и поздно пеш»³⁶⁹.

Неожиданный взгляд на дело Ивана Тимофеева 1611 и 1615 гг. продемонстрировал украинский ученый Д. А. Рыбаков, знакомый с материалами архива Новгородской приказной избы. Ученый подробно рассмотрел историю обнаружения и исследования памятника, наметил те биографические черты дьяка Тимофеева, которые вроде бы указывают на его авторство «Временника» (служба под началом кн. И. М. Воротынского³⁷⁰). Рыбаков поставил вопрос о том, является ли памятник законченным произведением или лишь черновыми набросками, которые автор впоследствии предполагал переработать³⁷¹. Примечательно, что ученый остановился на личности обнаружившего документ дьяка Тимофея Кудрявцева. Предполагаю, что этот Тимофей Кудрявцев — то же лицо,

³⁶⁵ Там же. С. 164.

³⁶⁶ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies in Novgorod // *Scando-Slavica*. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

³⁶⁷ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // *ТОДРЛ*. Т. 7. 1961. С. 464–465.

³⁶⁸ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // *RA, NOA. Serie 2:55*.

³⁶⁹ Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничьей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // *RA, NOA, serie 2:289*. Л. 13.

³⁷⁰ Особая близость Тимофеева к князьям Воротынским была отмечена В. И. Корецким, который даже предположил, что боярин кн. М. И. Воротынский в 1615 г. был тем лицом, которое просило отпустить в Москву дьяка с дочерью (*Корецкий В. И.* Новые материалы... С. 155–156).

³⁷¹ *Рыбаков Д. А.* «Временник» Ивана Тимофеева – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 2 (28). С. 60–65. В популярной статье, также посвященной личности дьяка Тимофеева, Рыбаков допускает явную модернизацию языка, употребляя такие термины, как «бухгалтер», «компромат», при этом автор не владеет терминологией источников XVII в. Так, дьяка Пятого Григорьева он именуется «Пятункой», видимо, не понимая, что так о себе дьяк писал в третьем лице в челобитных на государево имя и именовать его так в тексте статьи несколько странно. Полтреди тысячи — это не 1500, а 2500 рублей. Дьяк Тимофеев, по Рыбакову, выглядит человеком с «недюжинными адвокатскими способностями», лучшим специалистом приказного дела, чем П. Григорьев, что не соответствует действительности (*Рыбаков Д.* «За бочешную рыбу». Судебная эпопея дьяка Тимофеева // *Родина*. 2006. № 6. С. 41–44).

что и подьячий Тимофей Афиногенов сын Кудрявцев, служивший в Новгороде в 1611–1615 гг. и несомненно знакомый со знаменитым дьяком³⁷².

Среди реально действовавших представителей верхов бюрократии Новгорода той поры следует назвать довольно быстро перешедшего на московскую службу дьяка Третьяка (Мелентия) Копнина³⁷³ и Томила Сергеева — участников посольства к Карлу IX, все-сильного дьяка Пятого Григорьева, с конца 1612 г. возглавлявшего Дворцовое ведомство, и Семена Лутохина, второе лицо в приказной администрации Новгорода, первоначально (в 1611–1612 гг.) ведавшего Дворцом, а позднее переведенного ведать Разряд и Поместный приказ.

Новгородские подьячие представляли собой достаточно открытую социальную группу. Впрочем, уже в начале XVII в. обнаруживается тенденция к возникновению подьяческих кланов. Среди одновременно служивших в новгородских приказах известны отец с двумя сыновьями (Петр-Башмак Кондратьев, Третьяк Башмаков и Казарин Башмаков³⁷⁴), три брата (Иван, Василий и Постник Ананьины дети Заденского), Хамантовы, происходившие из семьи мелких вотчинников и постепенно внедрявшие в приказную среду своих представителей³⁷⁵, целая семья Лазаревых (Петр Лазарев, Константин и Фока Петровы Лазаревы, Иван Лазарев, Ларион Лазарев).

На полях документов из архива Новгородской приказной избы сохранилось несколько записей, характеризующих повседневный быт новгородских подьячих. В одном случае, на деле по челобитной о поместье — просто приписка: «Помилуй мя Боже, по велицей милости»³⁷⁶. В другом случае — это, скорее заговор: на броте написано: «По Милости

³⁷² Поручная запись по Логину Перфирьеву о службе в рассыльных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11; Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках. 1614, август–сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 1–2; Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 39.

³⁷³ И. О. Тюменцев приводит довольно определенные характеристики дьяка Третьяка Копнина. Он именует Копнина опытным человеком, тушинским городовым дьяком. По мнению ученого, в связи с подходом к Ярославлю войск Н. В. Вышеславцева, в городе возник заговор, в котором дьяк Т. Копнин принял участие (*Тюменцев И. О. Смута в России...* С. 369, 468, 606). Ученица Тюменцева, Н. В. Рыбалко замечает, что в Ярославле в 1609 г. Третьяк Копнин служил совместно со знаменитым приверженцем Первого и Второго самозванцев Богданом Сутоповым (*Рыбалко Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV-Начала XX века. Сб. статей памяти Н.Е.Носова. СПб., 2007. С. 305*).

³⁷⁴ В сентябре 1669 г. думный дьяк Дементий Минич Башмаков, разозлившись на иверских старцев, очень эмоционально обвинял их в подаче ложной челобитной. В гневной речи дьяка промелькнули слова: «а я сам новгородец» (*Седов П. В. Закат Московского царства...* С. 27). Полагаю, думный дьяк Башмаков происходил из новгородских подьячих Башмаковых, потомков Петра-Башмака.Кондратьева.

³⁷⁵ Подробнее: *Селин А. А. Ладога при Московских царях. Изд. 3-е, испр. и дополн. СПб.; Стара-Ладога, 2008. С. 16-17.*

³⁷⁶ Отдельная грамота на поместье Афанасия Бачина (без начала, 1 л.). 1615. 28.03 // RA, NOA, serie 2:118.

Божией и великого чудотворца Николы», а ниже, вверх ногами: «Тот мяст реке залог по вятие воды и по черному лесу полезе по вешней воде ставят концы»³⁷⁷.

Рассыльщики и посылочные подьячие — это огромная армия мелких служилых людей, кормившаяся от дел. В делах Новгородского оккупационного архива мы встречаем множество челобитных о пожаловании в рассыльщики в Поместную или Дворцовую избы, причем челобитные сопровождаются ссылками на обнищание челобитчика, невозможность прокормиться. Более того, в челобитной бедного сына боярского Юрия Лутовинина содержатся указания на его героическую службу: «был я, холоп твой государев здесь в Великом Навегараде в асаде, а галава был Микиты Вышеславцев, а ради тел мои братея теперече тебе государю служит, а брата, государь, у меня убили на твоей государеве службе под Колугою, а плямяника у мяни убили под Русою...»³⁷⁸ Эти аргументы приводились для большей убедительности челобитной. Единовременное число рассыльщиков в новгородских приказах установить не удастся; о некоторых рассыльщиках есть только единичные упоминания.

Замечу, что в системе расходов новгородских приказов денежное (или, соответственно, хлебное и поместное) жалованье рассыльщикам не предполагалось. Вероятно, возможности кормиться «от дел» были в то время чрезвычайно высоки, почему даже должность рассыльщика была столь притягательна.

Служба в рассыльщиках давала возможность дальнейшего карьерного продвижения. Среди новгородских подьячих в 1621 г. (таблица 5) есть те, кто в начале 1610-х гг. служил рассыльщиком своего приказа (Дружина Харитонов, Богдан Березский).

В Новгороде в годы совместной шведско-новгородской администрации приказная прослойка начинает играть большую роль, несравненно бóльшую, нежели в предшествующее время. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, уже с 1611 г. начинает именоваться с «вичем», т. е. с полным отчеством, значительно большее число людей, чем в предыдущие годы или даже в то же время, но в других областях Московского государства. Во-вторых, приблизительно с 1612 г. подьячие «против денежного жалованья» получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими, причем рубль денежного жалования приравнивается к 10 четвертям поместного оклада³⁷⁹. Это

³⁷⁷ RA, NOA, serie 2:351. Л. 444 об.

³⁷⁸ Челобитная неслуживого Бежецкой пятины Юрия Лутовинова царю Василию Шуйскому о службе в Поместной избе рассыльщиком // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 9.

³⁷⁹ «По государеву указу против денежного жалованья Василию против 22 рублей 220 чети, а Лариону против 15 рублей 150 чети» (Дело по челобитью о поместье подьячих Васьки Частого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89). Замена денежного оклада подьячих поместным воспринималась как временная мера, ср.: «Того ж числа (4 ноября 1613 г. — А. С.) дана отдельная грамота подьячему Семену Шустову на Романово поместье Солецкого... как учнут давати государеву денежное жалованье, и те пошлинные деньги зачесть в оклад...» (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35).

Об обеспечении дьяков и подьячих в более раннее время см.: Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков... Есть, впрочем, сведения о том, что и в конце XVI в. подьячие жаловались поместьями. В 1596 г. отставленный подьячий Ждан Алабухин был лишен своего поместья в Усть-Волмском погосте Деревской пятины, размер которого составлял 50 четвертей. Не думаю, что

много: прожиточное поместье вдовы сына боярского составляло 50–100 четвертей, а годовой оклад земского дьячка (они, разумеется поместного жалованья не получали) — 7 рублей³⁸⁰, оклады же новгородских подьячих средней руки составляли от 80 до 250 четвертей.

Служащие новгородских приказов в 1611–1617 гг., как правило, начали свою карьеру ранее, в начале XVII в. или в конце XVI. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде после июля 1611 г., привела к декларации новгородской самоидентичности, отличности Новгорода от основной территории Московской державы. В то же время принципы делопроизводства, употреблявшиеся в новгородских приказах 1611–1617 гг., были абсолютно идентичны московским. Ничего специфически новгородского здесь не наблюдается.

Новгородские приказы

Приказное управление городом и пятнами, сложившееся в годы деятельности новгородского правительства, продолжало те традиции, которые были заложены в XVI в. Но статус новгородских учреждений в этот период повышается: приказные избы все чаще именуются приказами. Однако еще Хагар Сундберг заметила, что верховное руководство русской администрацией — приказами — осуществлялось шведскими властями во главе с М. М. Пальмом³⁸¹.

Исследование принципов управления Русским государством проведено в серии статей и монографии Н. Ф. Демидовой³⁸². Во многом ее труды восходят к поискам истоков формирования отдельных групп приказных управленцев и других категорий московских делопроизводителей в конце XIX – начале XX в.³⁸³ Исследовательница в первую очередь рассматривала общие принципы управления страной, состав московской бюрократии, истоки ее формирования и изменение в социальном статусе. В недавнем прошлом эти же проблемы нашли свое отражение в диссертационном исследовании Н. Г. Юркина, смело ставящего ранее не затронутые вопросы особого социального статуса этой бюрократии. Впрочем, это исследование представляется во многом спорным³⁸⁴.

это было единственным жалованьем подьячего, скорее, поместный оклад был дополнительным по отношению к денежному (Грамота на поместье Саввину монастырю, бывшее за подьячим Жданом Алабухиным. 1596. 15.06. // Краткая летопись о монастыре преп. Саввы. 3-е изд. СПб., 1849. С. 25–27).

³⁸⁰ Приходо-расходные книги государевых денежных доходов при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 16.

³⁸¹ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 2.

³⁸² *Демидова Н. Ф.* 1) Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // ИЗ. 1972. Т. 90; 2) Государственный аппарат России в XVII в. // ИЗ. 1982. Т. 108; *Она же.* Приказная бюрократия в России XVI–XVII вв. М., 1983.

³⁸³ *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 118–150; 219–241; *Лихачев Н. П.* Площадные подьячие XVI столетия // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 139–143.

³⁸⁴ *Юркин Н. Г.* Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Иваново, 2002.

Значительное число дел архива Новгородской приказной избы относится к делам о поместьях. При наделении поместьями соискателей были задействованы силы нескольких учреждений. Поместный приказ владел информацией о наличном поместном фонде и практически осуществлял наделение поместьями — отделял помещику искомое поместье. Разряд обладал информацией о правомочности соискателя претендовать на тот или иной объем поместной дачи — его поместном окладе и присутствии/отсутствии в нетном списке.

Наличная информация в Новгороде, сосредоточенная в данных приказах, имела свои особенности. Сложная политическая ситуация создала обстоятельства, когда дьяки имели возможность пользоваться только теми книгами и верстальными списками, которые к июлю 1611 г. оказались в Новгороде³⁸⁵. Это не мешало приказам успешно работать. В 1612 г. оба приказа возглавил дьяк Семен Лутохин, и в представлении многих новгородских бюрократов (во всяком случае соискателей приказных должностей) Поместный приказ и Разряд представляли собой единое целое.

Приказ Большого прихода сосредоточил в себе сбор всех недворцовых доходов (и, соответственно, расходов) в Новгороде. В течение всего периода новгородско-шведского политического альянса роль приказа Большого прихода неуклонно снижалась. В 1612 г. приказ возглавлял дьяк Андрей Лысцов. В то время в стандартном формуляре документов, исходивших от Новгородского правительства, первыми фигурировали имена «бояр и воевод» Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского, а также дьяков Семена Михайловича (Лутохина) и Андрея Константиновича (Лысцова). Однако с начала 1613 г. число таких документов ничтожно, а после смерти Андрея Лысцова (примерно апрель–май 1613 г.) имена дьяков из формуляра пропадают. А основные доходы Новгорода концентрируются в Дворцовом ведомстве, под управлением дьяка Пятого Григорьева.

Новгородский Судный приказ (не дворцовый) также переживал в начале XVII в. не лучшие времена. В XVI столетии исполнение судебных обязанностей в значительной степени лежало на детях боярских — недельщиках³⁸⁶. Однако чрезвычайные обстоятельства Смуты в 1609 г. препоручили исполнение службы приставов низшим подьячим, прежде всего — посылочным и рассыльщикам. Когда после снятия осады с Новгорода в 1609 г. предполагалось возобновить существовавшую до Смуты систему, новгородские подьячие воспротивились этому и били челом Василию Шуйскому: «Служим твои посылочные и городовые службы днем и ночью и, в осаде сидючи, были мы приставлены у ворот и у башен и к тебе государю к Москве и по городом з грамоты проезжали сквоз воровские полки и в полон иманы и всякую нужу терпели и острог,

³⁸⁵ Подробнее: *Селин А. А.* 1) Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. Приложение 3; 2) Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда кон. XVI – нач. XVII вв. // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* 2001–2002. Псков, 2003. С. 143–150.

³⁸⁶ Подробнее: *Алексеев Ю. Г.* Статьи о недельщиках. Реформа центрального судебно-политического аппарата при Иване III // *Вестник СПбГУ.* Сер. 2 (история, язык, литературоведение). 1999. Вып. 1. С. 3–14; *Стрельников С. В.* К изучению юридической терминологии в

государь, с своих дворишков ставили, а твоим, государь, жалованьем денежным и хлебным не пожалованы...»³⁸⁷ В годы осады новгородское правительство (формально кн. М. В. Скопин-Шуйский, а реально, видимо, дьяки Телепнев и Тимофеев) позволило подьячим и рассыльщикам «в Судной избе дела делати». Челобитная новгородских подьячих была удовлетворена, и число недельщиков из детей боярских и земцев с этого времени ничтожно. От деятельности Судного приказа сохранилось четыре книги. По всей вероятности, судебные дела велись регулярно на протяжении всего существования политического образования.

Как и в Поместном приказе и Разряде, исходная, так сказать, конституциональная, документация Судного приказа в Новгороде в это время была принципиально неполной. И в 1616 г. новгородская администрация, где роль дьяков — опытных бюрократов к тому времени резко снизилась (с начала 1616 г. Семен Лутохин и Пятой Григорьев были практически отстранены от дел из-за отказа присягнуть Густаву Адольфу, а приписи на большинстве документов этого времени принадлежат подьячему Григорию Собакину), вынуждена была обратиться к практике обычного права — иными словами, выносить судебное решение на основании мнения наиболее уважаемых новгородцев — князя Ивана Афанасьевича Мещерского, Григория и Матвея Муравьевых, Никиты Вышеславцова и Андрея Ногина³⁸⁸.

Совсем небольшим ведомством в эти годы являлся Новгородский ямской приказ, где служил лишь один подьячий, Постник Раков, ведавший всеми новгородскими ямскими делами. Надо сказать, однако, что ямское устройство в Новгородской земле в эти годы не отличается тот размах, какой оно носило в царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова, несмотря на необходимость качественных дорог в годы непрерывных военных действий. Среди таких мероприятий можно отметить лишь лихорадочные усилия

средневековой Руси X–XVII вв. («правда», «праветчик», «недельщик») // ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 58–74.

³⁸⁷ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.

³⁸⁸ Их привлекли для решения дела о конокрадстве в качестве экспертов в местном законодательстве для ответа на вопрос: «как у них у ково человек побежит, а сведет с собою лошади и иной какой живот снесет, взяв у ково у стороннево человека, и те лошади или иной какой живот те люди, у ково человек збежит, тем сторонним людем за своих беглых холопей платят и, и что у них тому земской указ». Ответ заключался, однако, в том, что «у них таких дел в Новгороде не бывало». Позднее, будучи спрошены повторно, дворяне вынесли вердикт: Семен Лутохин, Иван Шваль и конюх Радей виноваты только в побеге человека. Кроме того, особое определение было вынесено в адрес Ивана Шваля: «велено ему, Ивану Швалю, стоять на ставе и Новагорода остерегать ото всяково дурна, и он тово не уберег, что Семенов человек Лутохина Поташко за город прокрался и ево человек Харка с ево заставы побежал». Так как побежали они вместе, то Лутохин также был виноват в том, что не объявил о побеге своего человека воеводам. Конюх Радей виноват в том, что он, собственно, нанимался лошадей беречь и не уберег, и дал сбежать другим конюхам. Дворяне советовали воеводам: на Ивана Шваля и на Радея наложить компенсацию за лошадей, Швалю потерю лошади не компенсировать, а на Семена Лутохина возложить минимальную компенсацию. Истцов же допросить накрепко о цене лошадей и эту цену им заплатить (Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сент. после 17 – 11.10 // RA, NOA, serie 2:165).

новгородского правительства по обустройству Ивангородской дороги летом 1613 г.³⁸⁹, видимо в связи с подготовкой к предполагавшемуся приезду Карла Филиппа в Новгород.

Таблица 1. Новгородские недворцовые приказы к 1 сентября 1612 г.

Разрядный приказ	Поместные дела Водской, Шелонской и Деревской пятин	Поместные дела Бежецкой и Обонежской пятин	Судный приказ	Ямской приказ
Подьячий Василий Частой с товарищи	Подьячий Ждан Молеванов Подьячий Афанасий Бражников Подьячий Третьяк Башмаков	Подьячий Дмитрий Игнатьев Подьячий Иван Емецкий	Подьячие Семен Собакин Подьячий Тимофей Одинцов	Подьячий Постник Раков

Источники: Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140); Запись о выдаче подьячим четверти жалованья // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 53.

³⁸⁹ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 471–520.

Табл. 1а. Персональный состав и жалование подьячих Новгородского разряда в 1613/14 г.

Подьячие	Оклад, руб.
Василий Частой	22
Иван Заденский	13
Третьяк Никитин	6
Иван Крестьянинов	6
Казарин Башмаков	4
Тимофей Одинцов	4
Андрей Коломский	3
Семен Шустов	1,5
Данило Раков	1,35

Источник: Запись о даче жалования подьячим. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 90.

Таблица 2. Новгородские недворцовые приказы в 1620/21–1621/22 гг.

Дьяки								Оклады, руб.	
Михаил Милославский								150	
Добрыня Семенов								130	
Разрядный приказ		Большой Приход		Поместный приказ		Судный приказ		Ямской приказ	
Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.
Родион Юрьев	25	Данило Раков	25	Третьяк Башмаков	20	Семен Шустов	15	Иван Пахомов	17
Первой Андреев	22	Константин Петров	20	Дмитрий Игнатъев	15	Гуляй Заливнев	15	Дружина Харитонов	8
Григорий Федосеев	17	Иван Лазорев	20	Иван Панфилов	5	Афанасий Бражников	12		
Василий Ногавицын	12	Ананья Нечаев	10	Первой Томилов	5				
Иван Карпов	3								

Источник: Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 176–239.

Из сравнения вышеприведенных таблиц видно, что многие подьячие остались на службе и по возвращении Новгорода под власть Москвы. Некоторые из них сменили ведомство; так, Афанасий Бражников перешел из Поместного приказа в Судный. Подьячий Данило Раков — самый низкооплачиваемый подьячий Разряда в 1613/14 г., спустя не-

сколько лет назван первым среди подьячих Большого прихода. Младший подьячий Поместного приказа в 1621 г. Первой Томилов — это сын Томила Сергеева, старорусского дьяка в 1611/12 г. Разрядный подьячий Родион Юрьев после службы в Новгороде был переведен в Москву в Посольский приказ, где позже служил подьячим также его сын, Е. Р. Юрьев³⁹⁰. Но в новгородском Разряде он продолжал служить еще в 1631 г., когда 18 марта 1631 г. скрепил разборную десятню новгородских атаманов и казаков³⁹¹. Особым учреждением в управлении Новгорода в рассматриваемый период являлся Новгородский дворец (или Новгородский дворцовый приказ). Должность дьяка — управляющего Дворцовым приказом была ключевой. Именно во Дворец обращались главы новгородского правительства при необходимости получения чрезвычайных доходов. В течение рассматриваемого периода Новгородский дворец поочередно возглавляли дьяки Семен Лутохин, Третьяк Копнин и Пятой Григорьев. Именно в годы деятельности последнего Новгородский дворцовый приказ достигает своих максимальных успехов. Доходы с недворцовых волостей и иные в 1612–1616 гг. резко снижаются, а постоянная нехватка средств вынуждает власти постоянно обращаться во Дворец за средствами. В ведение Дворца в эти годы входят доходы с оброчных сенокосов, пашней, рыбных ловель, дровяных рубок. Огромные территории находятся под управлением Дворца, где, в отличие от земель с поместным хозяйством, продолжают жить и хозяйствовать крестьяне. Парадоксальная ситуация сложилась, к примеру, в районе Тесовской волости: на многие версты в поместных деревнях вдоль Рыденки, Тесовой, озер Пристанского и Тесовского нельзя было найти ни одного крестьянина, целые деревни были заселены дворянскими семьями. В то же время рядом находилась огромная Тесовская волость, где жили десятки дворцовых крестьян.

Таблица 3. Новгородский дворцовый приказ к 1 сентября 1611 г.

Глава приказа — дьяк Семен Лутохин		
Подьячие Денежного дела	Подьячие Хлебного дела	Подьячие Судного дела
Старые подьячие	Старые подьячие	
Первой Карпов	Сидор Коптев	Никифор Коптев
Остафий Савин	Андрей Белого	Иван Кононов
		Василий Заденский
Молодые подьячие	Молодые подьячие	
Дмитрий Елисеев	Ждан Иванов	
Первой Андреев	Иван Великосельский	
Михайло Константинов	Андрей Коломский	
Матвей Помещиков		

Источник: Имена старым и молодым подьячим Дворцового приказа. Ранее 1611. 6.09 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 1 об.

³⁹⁰ *Беляков А. В.* Подьячие Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей. М., 2001. С. 214.

Таблица 4. Новгородский дворцовый приказ в 1612–1613 гг.

Глава приказа — дьяк Пятой Григорьев				Оклад 50 р.	
Подьячие Денежного дела		Подьячие Хлебного дела		Подьячие Судного дела	
Старые подьячие	Оклад, руб.	Старые подьячие	Оклад, руб.		
Никифор Коптев	25	Сидор Коптев	23	Имя	Оклад, руб.
Первой Карпов	23	Андрей Белого	20	Яков Лукин ³⁹²	15
Иван Кононов	12			Василий Заденский	11
Молодые подьячие	Оклад, руб.				
Дмитрий Елисеев	8	Молодые подьячие	Оклад, руб.		
Михайло Константинов	6	Иван Великосельский	9		
Гриша Федосеев	3	Игнат Васильев	3		
		Семен Яковлев	2		

Источник: Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 34. Л. 429–435; Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69.

Дворец представляется более сложно структурированным учреждением, нежели остальные новгородские приказы. Показательно, что новгородский Житный двор, на всем протяжении существования политического образования 1611–1617 гг. тесно взаимодействовавший с Новгородским дворцовым приказом, не был включен в структуру Новгородского дворца при правительстве Делагарди—Одоевского, но после 1617 г. оказался его составной частью (замечу, кстати, что там продолжал служить и подьячий Суббота Никифоров) (ср. таблицы 3–5).

Таблица 5. Новгородский дворцовый приказ в 1620/21 г.

Денежного дохода и расхода подьячие	Оклад, руб.	Хлебного стола подьячие	Оклад, руб.	Житного двора подьячие	Оклад, руб.
Иван Кононов	20	Иван Прокофьев	20	Суббота Никифоров	20
Богдан Березский	15	Андрей Коломский	15	Денис Деревецкий	12
Писчик Яков Власьев	2	Иван Великосельский	12		
		Юрий Собакин ³⁹³	12		

³⁹¹ Разборная десятина новгородских атаманов и казаков разбора боярина и воеводы кн. Ю. Я. Сулешева и кн. С. Н. Гагарина. 1631 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 297. Л. 109 об.

³⁹² В 1612 г. у судных дел не служил, находился в посольствах в Швецию, позднее — в Ярославль.

Источник: Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // *Опись Новгорода 1617 г.* Ч. 2. М., 1984. С. 240–301.

Особое место в системе управления Новгородского дворца в годы Смуты (вероятно, и ранее) занимал приказной аппарат Старой Руссы. Если в других новгородских пригородах подьячие назначались из Новгорода, как бы во временные командировки, то в Старой Руссе существовал самостоятельный приказной аппарат, обеспеченный за счет старорусских доходов. Причина этого, как мне кажется, кроется в особом месте Руссы в системе обеспечения Новгорода средствами. Старорусская соль и доходы дворцовых старорусских погостов требовали, вероятно, достаточно оперативного управления. Еще в 1597/98 г. штат старорусской бюрократии был расширен до 12 человек. А с 1610 г. второе лицо в управлении Старой Руссой (после воеводы) — дьяк, а не подьячий. Упоминается и старорусский Разряд или Разрядная изба. 11 старорусских погостов и сам город Русса — особый район, управлявшийся с большим или меньшим успехом непосредственно Новгородским дворцом, начиная с зимы 1611/12 г.

Таблица 6. Жалованье приказным Старой Руссы в 1610–1612 гг.

Старорусские приказные		Оклад	
Имя	Должность	Денежный, руб.	Поместный, четверть
Григорий Нечаев	Подьячий	10	50 ³⁹⁴
Федот Кожарин	Подьячий	8	20
Михаил	Подьячий	8	20
Андрей Бадаков	Подьячий	8	20
Ждан Рябинин	Подьячий	8	50
Алексей Мосорин	Подьячий	8	50
Петр Корпов (Корповский)	Рассыльщик ³⁹⁵	—	10
Григорий Порецкий	Рассыльщик	—	10
Василий Григорьев сын Мартемьянов	Рассыльщик	—	10
Михайло Лизунов	Рассыльщик	—	10
Андреян Федоров	Рассыльщик	—	10

Источник: Роспись старорусских подьячих и рассыльщиков с указанием денежного и поместного оклада. 1612, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 41–43.

В течение существования альянса осуществлялись попытки проконтролировать деятельность новгородских приказов. 17 августа 1613 г. свою ревизию Дворцового и Поместного приказа начал дьяк Иван Тимофеев, знаменитый автор «Временника». Ему в помощники был определен подьячий Никифор Коптев, наиболее заслуженный подьячий Дворцового приказа (ср. табл. 3–4). «Счет» дьяка Ивана Тимофеева продолжался по

³⁹³ Видимо, представитель разветвленной фамилии подьячих Собакиных, служивших в Новгороде в конце XVI – начале XVII в.

³⁹⁴ С 1612 г. — 15 рублей, 150 четвертей.

³⁹⁵ По указу царя Федора Ивановича 1597/98 г. в Старой Руссе было велено устроить шесть рассыльщиков.

крайней мере до сентября 1614 г., когда он лишился своего помощника — Никифор Коптев, находясь в своей поместной деревне, попал в плен к псковским «шишам» (а возможно, добровольно перешел на сторону Москвы)³⁹⁶. Думаю, что именно ревизия Тимофеева приобрела ему недоброжелателя в лице дьяка Пятого Григорьева, о чем еще несколько десятилетий назад писали А. Шёберг³⁹⁷ и Л. В. Черепнин³⁹⁸ (и сам дьяк так думал)³⁹⁹. Заметим, кстати, что в полемике с дьяком Григорьевым дьяк Тимофеев показал себя гораздо более слабым бюрократом, а свои просчеты был вынужден оправдывать «простотой». Как тут не усомниться в его авторстве «Временника»!

Серьезные претензии члены новгородского правительства предъявляли и к другим приказным служителям. Невнимательное чтение наказа Иваном Коковцовым и подьячим Осташем Симановым привело к конфликтной ситуации с ладожским комендантом Гансом Рекинбергером, ликвидировать которую должна была центральная власть. Кто-то из новгородских дьяков (полагаю, Семен Лутохин) так пенял Ивану Коковцову 15 марта 1612 г.: «и то вы делаете не гораздо, не вычитав наказов, каковы вам даны, не диво старому вору Осташу Симанову, что он ворует, диво тебе, Ивану, что на такова вора смотришь и наказов не вычитаешь». По памяти Симанова вызывали в Новгород, заменив его Иваном Прокофьевым⁴⁰⁰.

Пример вызова на службу в 1613/14 г. безместного дьяка Ивана Тимофеева показывает, что в какой-то момент (видимо, к 1613/14 г.) новгородское правительство столкнулось с острым дефицитом приказных управленцев. Известен случай, когда на приказную службу вызывались и ушедшие от дел новгородские подьячие. Таков Ждан Алабухин. Его карьера закончилась еще в 1596 г., однако в конце сентября 1613 г. он был вызван в Поместный приказ и справил дело по челобитной о поместье Семена Гулидова⁴⁰¹.

Судное дело указывает также на некоторые особенности хранения дел в новгородских приказах начала XVII в.⁴⁰² В изветной челобитной на Тимофеева дьяк Пятой Григорьев перечисляет, в чем хранились дела Дворцового приказа в 1612/13 г. Он упоминает «ко-

³⁹⁶ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

³⁹⁷ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and his Two still Unidentified enemies...

³⁹⁸ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры...

³⁹⁹ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева...

⁴⁰⁰ Память И. Н. Коковцову и подьячему О. Симанову с выговором о неправильном следовании наказу. 1612. 15.03 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 15-16.

⁴⁰¹ Дело по челобитной о поместье Семена Копосова сына Гулидова. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:114.

⁴⁰² Вопросы хранения дел в городских архивах немецких городов XVI-XVII в. касается в своей монографии К. А. Левинсон. По наблюдениям ученого, очень часто при обращении чиновникам к архивам необходимые документы было сложно найти. Часть их хранилась дома у чиновников (*Левинсон К. А.* Бюрократия немецкого города... С. 46-47). То же фиксируется и новгородским материалом начала XVII в. В 4 главе я упоминал о том, что после убийства Ивана Салтыкова верстальный список, составленный при Салтыковской администрации в Новгороде, хранился у князя Никифора Яковлевича (Кудеярова сына) Мещерского, видимо дома (Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль – 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18; Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:65).

робьи и ящики и ларцы и сундуки» и, видимо лежавшие отдельно, книги. Пятой Григорьев, несомненно здесь проявил большую заинтересованность (как глава ревизуемого ведомства) и хорошую осведомленность. Склеенные столбцы, помещавшиеся в перечисленные емкости в большинстве своем помечались по столам «Старорусский», «По-местный», проч., и по годам.

Глава 6. Стратегии поведения и повседневная жизнь новгородцев в начале XVII в.

Исследование повседневной жизни — одно из заметных в последние несколько десятилетий направлений историографии. Обилие источников по истории жизни «простого человека» Московского государства, относящихся к концу XVI в. — XVII вв., возможность реконструировать биографии отдельных людей создают возможность приблизиться к пониманию этики человека прошлого, реконструкции его социального портрета, ценностей и приоритетов. Эпоха Смуты начала XVII в. — «кризисное» состояние новгородцев; как полагает современная антропологическая мысль, именно кризисные эпохи наиболее подходят для исследования повседневной жизни, являясь своего рода «моментом истины» для людей прошлого.

Разумеется, такое знание с трудом поддается верификации. Применяемый в таких случаях микроисторический метод, одно из наиболее перспективных направлений в современной мировой историографии, по-видимому, был вызван кризисом послевоенной европейской исторической мысли. Этот подход тем не менее находит все новых и новых сторонников и пока, вероятно, является достаточно продуктивным при разработке конкретных исторических вопросов. В данной главе я попытаюсь осветить основные, как кажется, аспекты жизни некоторых наиболее активных слоев новгородского общества — служилых людей, в широком смысле этого слова — дворян и подьячих.

Состояние источников таково, что многое в поведении наших героев мы вынуждены объяснять социально-экономическими причинами. Только некоторые акты да полемика между политическими партиями вскрывают неэкономические мотивы людей. Количество нижеследующих тем можно было бы увеличить, но не все они в достаточной степени обеспечены источниками.

1. Новгородцы и шведы

Постоянное, фактически с конца 1608 г. присутствие шведов не только во властной структуре, но и в каждодневной жизни простого новгородца требовало и новых стратегий поведения. Новгородцы и шведы строили личные контакты; выработывались определенные стереотипы восприятия чужого.

Проблема взаимоотношений новгородцев и шведов в начале XVII века довольно сложна. Представляется, что на микроуровне, на уровне личных контактов, она не сводилась к антагонизму. Известно, что большая часть конфликтных ситуаций, зафиксированных источниками, была связана с малозначительными хозяйственными и бытовыми столкновениями, где актуальным было не противопоставление «швед — нешвед», а скорее «порядок — беспорядок». Как показал С. П. Орленко, в историографии утвердилось мнение о религиозной неприязни русского населения к иноверцам. Однако такое мнение скорее сформулировано отечественными политиками — идеологами эпох, отличавшихся ксенофобией и обскурантизмом. Для XVII в. это, в первую очередь, времена

патриархов Филарета и Никона¹. В повседневной русской жизни раннего Нового времени особенного неприятия иностранцев не наблюдается. Еще в 1629 г. немцы в Новгороде жаловались на то, что их дразнят «шалапушниками и куриными татями». При этом упреки иностранцев в еретичестве не встречаются. В XVII в. для обывательских контактов преградой к общению служили не религиозные убеждения, а политика московских церковных иерархов.

Типичные обвинения, предъявлявшиеся шведам в годы московско-шведского противостояния начала XVII в., заключались в разорении церквей и «великих правежей». Они появились в полемических посланиях не ранее апреля 1615 г., когда шведская администрация, следуя предварительным договоренностям с новгородцами, после Пасхи (в 1615 г. — 9 апреля) начала приводить жителей города к присяге королю Густаву Адольфу. Несогласные присягать облагались чрезвычайными поборами. Ни одного конкретного известия о побуждении (или одобрении) шведской администрацией церковных грабежей ранее возвращения из Москвы посольства Киприана мной не зафиксировано.

Взаимоотношения шведов и русских, даже в дни наиболее острых конфликтов, были интенсивными и допускали компромисс. Характерно общение ротмистра Лоренца Вагнера с головой Рамышевского острожка Федором Левашевым в марте 1614 г. Сам повод общения — обмен русских пленных на тело убитого шведского капитана Бакнера — был, так сказать, рыцарским. Примечательно, что Вагнер сравнивал Левашева с прежним головой Рамышевского острога, известным А. Ф. Палицыным: «И яз, узнав, что ты прямые р[атные] природы человек и ратное тебе дело заве[домо?...] о ратных людех не замешкав, а не так как глу[пый] Ондрей Палицын»².

Особую роль в общении шведов и новгородцев играли переводчики. Бажен Иванов, австрийский подданный, знавший французский язык, вывезенный дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым³ в Московское государство, в августе 1609 г. оказался в войсках Деллагарди. Туда он попал, видимо, из Новгорода, так как «после Офонася (Власьева. — А. С.) жил он у Михаила у Татищева»⁴, растерзанного новгородцами осенью 1608 г. В августе 1609 г. Б. Иванова приняли на службу переводчиком Посольского приказа, одновременно отправив к Деллагарди уже официально, «для того, что у них толмачей францовских нет, опроче его». Его жене, оставшейся тогда в Москве, был на-

¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 69–81.

² Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. 1614, марта после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

³ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 66.

⁴ Приезд и отпуск шведских ротмистров Якова Декарбеля, Индрика Душанфееса и Анца Франсбека, присланных к царю Василию от Деллагарди для испрошения шведским войскам денег и отдачи в силу договоров г. Корелы. 1609, авг. // Смутное время Московского государства. Вып. 2. Акты времени царя Василия Шуйского (1606, 19 мая – 1610, 17 июля) / Под ред. А. М. Гневушева // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. № 117–119.

значен корм из Приказа.⁵ Дьяки Посольского приказа обратили внимание на возможность сближения Б. Иванова (вероятно, протестанта) со шведами. По их замечанию, «немцы... того толмача называют своим», «а он де с ними и в постные дни мясо ест». Посланным в войско Делагарди дворянам было велено «того беречь, чтобы тот толмач Бажен с немцы в свою землю не уехал»⁶. Видимо, Бажен Иванов весной 1610 г. действительно остался в Москве. Но в феврале 1611 г. он уже был в Новгороде⁷, приехав туда скорее всего с Иваном Салтыковым. При правительстве Одоевского—Делагарди Б. Иванов жил в Новгороде, получив поместье в Водской пятине⁸, а после Столбовского мира остался в Ингерманландии и уже в 1636 г. под именем Бенджамина Барона участвовал в размене перебежчиков между новгородскими и ингерманландскими властями⁹. Его жена, Еска, была племянницей тушинского дьяка Дениса Софонова¹⁰.

Другой переводчик, Ганс Бракиль, товарищ Б. Иванова, также оказался в Новгороде уже в 1608 г.¹¹ По данным Д. В. Лисейцева, Бракиль был уроженцем Немецкой слободы в Москве, родственником переводчика Анцы (Ганса) Арпова, по протекции которого попал на службу толмачом в Посольский приказ (при царе Василии Шуйском, не позднее 1609 г.). По отзыву современников, до своего назначения был «самый последней худой убогой человек, и знать его было некому, кормился питишком, корчму держал, всем про то ведомо». Бракиль был прикомандирован к корпусу Я. Делагарди, после чего поступил на шведскую службу. По отзывам новгородцев, в Швеции были невысокого мнения о достоинствах Брякилева: «а которые ты грамоты переводишь, да посылают х королю, и переводчики там прямые за то тебя лают»¹². Уже в 1611 г. Г. Бракиль получил поместный оклад от новгородского правительства¹³. Он сыграл особую роль в ходе переговоров об обмене пленными летом 1615 г. Несмотря на острый конфликт и неприязненное отношение к переводчику Гансу Бракилю, московский посланный для перего-

⁵ Грамота царя Василия Шуйского кн. М. В. Скопину-Шуйскому о том, что толмач Бажен Иванов принят на службу в Посольский приказ и о том, чтобы не отпустить его в Швецию. 1609. 22.08 // РГАДА. Ф. 96. 1609. Д. 2. Л. 95–96.

⁶ Там же. И он в конце концов уехал, только в 1617 г.

⁷ 23 февраля 1611 г. он получил из Новгородского винного погреба «марта с 1 апреля по 1» ведро вина (Сборник памятей на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2:124. Л. 92). 17 марта 1611 г. получил за срок с 19 февраля по 1 марта 4 кружки вина (Там же. Л. 107).

⁸ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 83, 125.

⁹ Память воеводе Ивану Денисьевичу (?) в Гдов от новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского и дьяков М. Милославского о помощи в розыске перебежчика, бежавшего от переводчика Бажена Иванова. 1621–1624 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 817; Отписка Десятого Мельницкого и Силы Свербеева новгородским воеводам кн. П. А. Репнину с товарищами о прибытии на Осиную Горку и первых контактах со шведами. 1636. 1.04 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 601.

¹⁰ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2:24.

¹¹ Он записал за себя холопа в Новгороде в 1608/09 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 362).

¹² Лисейцев Д. В. Посольский приказ... С. 374.

¹³ Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86. С. 19–20.

воров об обмене пленными С. Г. Коробьин предпринимал усилия, чтобы склонить того на службу царю Михаилу Федоровичу. Он пытался связаться с находившимся в Новгороде кн. Н. Я. Мещерским — «доброхотом» царя Михаила для того, чтобы тот всячески склонял «Анцу Брякилева» немецких людей отставить, «и тебе великому государю службу свою показал»¹⁴.

За несколько лет совместной службы между шведскими и новгородскими бюрократами установились тесные деловые отношения. В 1615 г. подьячий Григорий Собакин, заслуживший доверие шведов после устранения от дел не присягнувших Густаву Адольфу дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева, почел за благо войти в контакт с Москвой через старорусского подьячего Григория Сулешева. Собакин был в коротких отношениях с Эриком Андерсом («Ириком Ондреевым»), переводчиком, служившим в шведской администрации Новгорода и замещавшим М. М. Пальма в 1615–1616 гг. По словам Сулешева, «...свейской толмач Ирик Ондреев Григорью Собакину друг, и ничево от него не таит. И Григорей Собакин сказывает Ириковы речи, на ково надеетца, а иных и русских людей блюдетца, чтоб ему от немецких людей вперед не огласитца. А проводывая всякие вести писать государю с ведомым человеком, кому можно верить»¹⁵. Характерен такой диалог между двумя этими людьми: «...говорил деи ему (Григорию Собакину. — А. С.) Ирик толмач: по грехом деи король подо Псков притти испоздал, пришл под осень, а толко б деи пришел рано, с весны, и он бы де мног добра учинил, и надо Псковом бы де мог промыслить. И Григорей де ему Собакин молвил: а ныне де для чего надо Псковом прмысел не учинитца? И он де ему молвил: есть де дело, да не сказал. И Григорей деи ему молвил, нечто деи салдаты зимы терпеть не умеют, и он деи ему молвил: то деи на нас и лихо».¹⁶

Длительные взаимоотношения между двумя бюрократическими традициями вызвали к жизни и процессы смешения культур делопроизводства. В коллекции документов Новгородской приказной избы я обнаружил три, составленных на русском языке, где употреблен счет лет от Рождества Христова.

1 января 1612 г. Парфений Максимович Нарбеков получил указание лично от Делагарди ехать в дворцовые волости Устрецкого стана за хлебом, насыпанным в житницы¹⁷. Дата в этом документе поставлена от Рождества Христова. 3 июня 1612 г. была послана грамота от бояр и воевод Степану Теглеву с указанием дать 15 четвертей ржи оставшимся в Новгороде жене и сыну кн. Ф. Т. Черного Оболенского, отправленного с посольством в Ярославль с датой: «Писан в Великом Новегороде лета от Рожества Хри-

¹⁴ Отписка Семена Коробьина с товарищами о ходе переговоров с немцами о размене пленными и о выполнении ими указаний из Посольского приказа. 1615, мая не ранее 6 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 80–83.

¹⁵ Расспросные речи старорусского подьячего Григория Сулешева перед послами кн. Д. И. Мещерским с товарищами. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

¹⁶ Там же: *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 339–340.

¹⁷ Наказ Якова Делагарди Парфению Максимовичу Нарбекову ехать в дворцовые волости Устрецкого стана за хлебом, насыпанным в житницы. 1612. 1.01 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 1.

стова 1612 июня в 3 день»¹⁸. 18 июня 1612 г. в Ладогу из Новгорода была послана грамота с указанием не брать корма с поместий Нагорной половины Обонежской пятины с датой: «Писана в Великом Новгороде лета от Рожества Христова 1612-го июня в 18 день» (на оборотах двух последних грамот было помечено: «Кормовой 120-го году»)¹⁹. Возможно, обе грамоты были составлены одним и тем же подьячим, «принявшим» шведскую систему летосчисления²⁰.

Шведская военная администрация стремилась не обострять отношения с новгородцами. Очень многое зависело от личности офицера, командовавшего войсками. Так, 20 ноября 1612 г. Делгарди лично распорядился вернуть лошадей, отнятых рейтарами поручика Якова Тубала у крестьян с. Тесова²¹. При этом шведский комендант Ладоги Ганс Рекинберг, напротив, прославился своей жестокостью по отношению к местным жителям²².

В том же селе Тесове в октябре 1614 г. местная выборная администрация вместе со шведскими солдатами вызвала равное раздражение волостных людей своими бесчинствами. 20 октября староста Тит Романов вместе с детьми Иваном и Евтропием и «немецким» приставом Христофором «с саблями и с ослопы да с ножи» пришел на съезжий двор, где находился подьячий Иван Прокофьев, публично оскорбил его «всякою неподобною лаею». Пьяные Тит Романов с сыновьями и со шведом избили И. Прокофьева ослопами, отодрали за волосы, угрожали зарезать и вдобавок отняли «пояс шолковый с мощной и денги два рубля и опояску с ножи». Причиной такого нападения были ранее неоднократно высказанные Прокофьевым Романову обвинения в беспутной жизни его дочери Дуньки, сожительствовавшей с вышеупомянутым шведом. Тесовские крестьяне отбили подьячего Прокофьева у нападавших и позднее свидетельствовали в его пользу, «не хотя волости всей безголова».²³

После Столбовского мира новгородцы и шведы остались по разные стороны новой государственной границы. Но это не прекратило контакты, завязавшиеся до 1617 г. Один

¹⁸ Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланного в Ярославль кн. Ф. Т. Черного Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 81.

¹⁹ Челобитная боярам и воеводам детей боярских Обонежской пятины Нагорной половины о невзимании с них кормов в Ладогу, так как они приписаны кормом в Новгород, и грамота по ней ладожским воеводам 1612, июня // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 86–87.

²⁰ Есть и документ, составленный шведами с использованием летосчисления от Сотворения мира. Это – отпускной лист нарвского губернатора Нильса Ассерсона Маннершельда, написанный 2 августа 1626 г. для отпускаемого в Московское государство ямогородца Ивана Рыжкова и датированный 7134-м годом (Дело по челобитной выходца Ивана Рыжкова о даче ему жалованья за выход. 1626, октября после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1626. Д. 3. Л. 242–250). Маннершельд в 1615 г. был комендантом Зарецкого острога и, видимо, достаточно тесно сталкивался с новгородцами..

²¹ Письма Якова Делгарди к разным лицам. 1613 // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 3. Л. 4–6 об.

²² Подробнее: *Селин А. А.* Ладога при московских царях. Изд. 3-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2008. С. 56–57.

²³ Обыск Н. Я. Тыркова в с. Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 4.02 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 60–61.

из самых видных подьячих 1611-1617 гг., Василий Федоров сын Частый²⁴ в 1618-1620 гг. принимал участие в размежевании в Карелии²⁵. 20 февраля 1619 г. ему лично была послана царская грамота (из Посольского приказа) ехать на межевую службу бессрочно²⁶. В 20-х числах июня 1619 г. шведская межевая комиссия во главе с Гансом Мунком воспротивилась тому, что имя подьячего В. Ф. Частого упоминается в посольских отписках, что вызвало возмущение русских послов и челобитную Частого в Посольский приказ²⁷. Посольский приказ отправил на межу указание послам сказать про Василия Частого, что в его присутствии на переговорах «нарушенья никакого нет», и из-за этого шведы затягивают переговоры «не делом». На случай, если шведы заупрямятся, что Василий написан четвертым в заголовке посольских документов, то пусть дьяк Шестой Копнин (третий) не съезжается, а третьим едет Василий Частой²⁸. Это указывает на то, сколь высокое значение Москва придавала участию В. Ф. Частого в межевании. 28 июля 1619 г. шведы вновь отказались принимать от русских межевщиков грамоту с именем Василия Частого. То же повторилось и 7 августа, хотя русские послы настаивали на том, что Василий Частый – полноправный участник переговоров²⁹. Вопрос о Василии Частом на переговорах отразился даже в переписке царя Михаила Фе-

²⁴ О его службе в Новгороде известно по меньшей мере с 1608 г. На распродаже имущества казенного М. И. Татищева купил один из «лутчих» саадаков (Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 15). Подьячий Разрядного приказа в 1612 г. 31 августа назван первым среди подьячих этого приказа. (Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140). Л. 579). 10 апреля 1613 г. купил двор с хоромами на Конской Горке. «Двор стоит лицом на Конскую Горку, а по стороню – Дмитриевского дьякона, а по другую – Дмитриевской проскурницы дверь, а задом тот двор на Лубянице улице» (Купчая Дмитриевского дьячка из Торгу Ермолы Федорова сына Чеховского и Емельяна Степанова сына подьячему Василью Частому на церковный двор с хоромами на Конской Горке. 1613. 10.04 // АЮБ. Т. 2. № 148. XI. Ст. 393). Осенью 1614 г. В. Частой вместе с подьячим Ларионом Лазаревым бил челом об сдаче 40 четвертей в пустоши Радоли, а взамен просил поместье Алены, вдовы Ивана Краснослепова. В челобитной Частый указывал: «а поместья за мною холопом твоим в Обонежской пятине на Пчшеуже да на Сяси семдесят две чети с полосминою, а то, государь, мое поместьецо блиско Тихвины и разорено до основанья, и яз холоп твой им не владею с тех мест, как на Тихвине тебе, государю изменили». Алену Краснослепову Частый обвинял в том, что она «в измене во Пскове». 10 сентября 1614 г. получил отдельную грамоту на искомое Краснослеповой, а от пошлин был освобожден «для того, что ныне подьячим государево денежное жалованье не сполна дано» (Дело по челобитью о поместье Васьки Частого и Лариона Лазарева. до 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83-89; Книги записи поместных пошлин. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 85).

²⁵ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 482.

²⁶ Царская грамота (из Посольского приказа) подьячему Василию Частому ехать на государеву службу бессрочно. 1619. 20.02 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 4.

²⁷ Челобитная новгородского подьячего Василия Частого царю Михаилу Федоровичу с просьбой об указе о своем месте в посольстве и посольской переписке. 1619, июля // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 103-104.

²⁸ Царская грамота (из Посольского приказа) межевальным послам Г. И. Писемскому с товарищами с инструкциями о дальнейших переговорах. 1619. 3.08 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 122-127.

²⁹ Отписка межевых послов Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими уполномоченными в конце июля – первой половине августа 1619 г. 1619, июля около 15 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 133-137.

доровича с патриархом Филаретом Никитичем. Во время царского похода из Костромы царь Михаил писал отцу, что когда умер главный межевой посол Гаврило Писемский, послов осталось три человека (Н. В. Вышеславцев, Ш. Копнин и В. Ф. Частый), но шведы отказываются съезжаться, хотя ранее они упирали на то, что в предварительном договоре было сказано о трех послых на межевании, «и то знатно, что все делают в отволоку». В грамоте Михаила Федоровича подчеркивалось, что государь может по своей воле послать на межевание кого хочет, «а им в том указывати непригоже и бездельем заминать непристойно, а Василей Частой искони вечной наш подданной, а не свеянин, а с их стороны переводчики хотя и прямые наши изменники, а ныне служат свейскому королю, и наши послы тех дел не отсылают. И ныне с ними на съезде толмач Ирик был московской немчин, а на Москве с послы их был толмач Анца Брякилев, бывал московской же немчин»³⁰. Это важное указание. Эрик Андерссон, игравший важную роль в управлении Новгородом в 1615-1617 гг., а позднее – в управлении Ингерманландии, как выясняется, так же, как Ганс Бракиль и Олфер Северов происходил из «московских немцев», так же, как они появился в Новгороде при шведах.

Шведские уполномоченные на карельском межевании особенно негативно относились к присутствию Василия Частого на переговорах и, высказывая свои претензии, особенно упирали на роль Частого: «Внегда же мы инако не можем верити, что в речи сказали, яко и у иных крестьянских людей великой сором, что явственно лгали. И нам еще и тово дивнее, что ты Василей Частой не соромилсе вчерась отвечать нам как мы на твои писмена слалися, сказал, что как ты свои листы писал, и ты бутто в те поры был на озере на льду, а не в своих станех, а озеро за неволю для сорома»³¹. Шведы упрекали Василия Частого, что летом 1620 г. он уговаривал крестьян Сердобольского погоста потерпеть, пока они вновь не станут подданными Московского царства. В. Частый полностью это отрицал: «И так же затеяв на меня, холопа твоего Ваську, сверх первых же своих затей, буттось я, холоп твой, апреля во 12 числе на леду на Унус ярве сказал старому старосте Сердобольского погоста Лучке Васильеву и иным государя их крестьяном, которые с ним стояли, чтоб оне терпели меньшее, к чему их опростанье будет, тем де недолго дожидатца, что им быть опростанным от короля свейского владенья»³². Частой оправдывался (письменно) перед шведами следующим образом: «Так же в том своем листу написали есте вы такое порожнее припоминанье ложно, что буттос говорил я, Василей старому старосте Лучке и иным, которые с ним стояли и на то наше припоминаем вам, опроче того времени, в которое с обе стороны о том в письмах и в (с)сылках немком (так) годно такое ни к чему, без имочно тот поклеп лживому себе держать, по-

³⁰ Грамота царя Михаила Федоровича своему отцу патриарху Филарету о грамотах в Новгород с указанием воеводе кн. Д. И. Мезецкому написать письма К. К. Юлленгельму и Я. Делагарди о промедлениях шведских межевальщиков и об английских посланниках в Холмогорах. 1619, сентября после 5 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 2. Л. 143-147

³¹ Грамота шведских межевальных послов Г. Мунка с товарищами русским межевальным послам Н.В.Вышеславцеву с товарищами, с упреком в явной лжи. 1620, января 6 // РГАДА. Ф. 96. 1620. Д. 2. Л. 124-130.

³² Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведами в июне и июле. 1620, июля около 29 // РГАДА. Ф. 96. 1620. Д. 2. Л. 518-523.

тому что от него и не отбудет, только безо всякого плодословия, что к тому и довелось выговорить. Припоминаем вам, не можем ложные от Бога добра приобретения получить и будет от неправды кривой с товарищи своими возданную от Господа Бога начало приобред и учинился косен не одними глазами и про свою ложь и товарищей своих, что оне после своих первых речей о пустоши линдозерской по вашему велению ныне лгут, говорят вам, и вам с ними о том надлежаще вместе имети б, а инако того не превращати»³³.

Слог, как видно, тяжелый и витиеватый. Скорее всего, именно к Василию Частому относились укоризненные слова дьяков Посольского приказа, обращенные к межевым послам: «А подлинно всего дела нам по вашим отпискам знать нелзе, обычей пишете ни по-русски, ни по-немецки, а больши пишете с немецкого обычею, непоследствования и недостойнства... и неизвольня и разуметь нельзя, неведомо что врете». Послам было указано делать все так же, «и во всем велено вам наше межевое дело делати по нашему наказу и по грамотам с русково обычая, как и прежде сего наши послы и межевальные судьи делывали и говаривали и писывали по-русски, а не по-немецки, а не по-книжному»³⁴. Именно этот книжный язык, видимо, и принадлежал В. Ф. Частому, так раздражавшему шведских уполномоченных. Что-то еще вызывало неприязнь уполномоченных к Частому, скорее всего, связанное со службой его в Новгороде в 1611-1617 гг. и с тем, что Частой после Столбовского мира остался на московской стороне.

Случаи мелкой мести за прошлые обиды встречались в дипломатической практике первых лет после Столбовского мира достаточно часто. Московские гонцы К. А. Кафтырев и С. Реткин, отправленные в 1619 г. в Швецию, добравшись до Выборга, были разведены по разным дворам, чем оказались очень недовольны. Пожаловавшись своим приставам, они услышали в ответ лишь насмешку: «И Петр и Пантелей говорили им, смеясь: то де вам самим от собя, потому что посылан был он, Пантелей, от Якова Пунтусова из Выбора в Великий Новгород» к воеводе кн. И. А. Хованскому с грамотой. В Новгороде его держали под замком, не выпускали со двора,, Кормом он тоже оказался недоволен, «и толко б у него своего корму и питья не было, и ему было умереть». Подводы, на которых он прибыл в Новгород, воевода кн. И. А. Хованский взял и поставил на митрополичье дворе. «И те его подводы в те четыре недели уморили и кормили их навозом и возили на них дрова и воду беспрестани. А как деи он из Новагорода поехал к себе, и ноугоротцкие люди хотели его убить и лаели его в очи, а говорили: такого де жидовина

³³ Лист от русских межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами шведским межевым послам Г. Мунку с товарищами с изложением претензий шведской стороне и отводом шведских претензий. Список. 1620, июля до 29 // РГАДА. Ф. 96. 1620. Д. 2. Л. 528-555.

³⁴ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами с подтверждением прежних инструкция и с упреком в неграмотности. 1620, августа после 14. Без окончания // РГАДА. Ф. 96. 1620. Д. 2. Л. 572-577.

и в город не пустя всадили в воду. Да в том во всем клялся и говорил: будет он то все сказывает им, затеев, и ему дай Господи то, чтоб душу его черт взял»³⁵.

Слухи

Задача настоящего раздела — не определить, что происходило в Новгороде в 1611–1617 гг., а показать, что и о чем говорили новгородцы.

С. В. Бахрушин в специальной статье исследовал сходную проблему применительно ко всему началу XVII века, поставив вопрос: о чем толковали люди тайным образом при Михаиле Федоровиче? Литературные источники об этом почти не известны. Голштинец Адам Олеарий записал несколько политических анекдотов. Но главный источник о слухах этого времени – это следственные дела по политическим преступлениям. Основная масса этих дел была возбуждена по поводу кем-то услышанной бессмысленной пьяной ругани по адресу высочайших особ. Дела о носителе верховной власти немногочисленны.

Психологическое настроение людей, испытавших ужас анархии в годы Смуты, по мысли С. В. Бахрушина, обеспечивало прочность новой династии. Но еще в 1625 г. в Ряжском кабаке вспоминали, как, когда в Калуге был Вор, сходились и выбирали себе царя. Царя Дмитрия вспоминали на сельских и городских посиделках в 1620-30-х гг. Люди ждали новых смут: толки о том, что царевич Дмитрий жив, были зафиксированы еще в 1620-х. Дела определили в целом низкий авторитет Михаила Романова. Очень плохо говорили о Марфе Ивановне, которая первопрестольствует при сыне, радовались ее смерти. Но основное раздражение недовольных режимом было направлено против патриарха Филарета. Интересен предмет слухов: более всего говорили о личной жизни царя. Политическое устройство занимало болтунов начала XVII в. гораздо менее. Царские женитьбы, его незадачливость в браке создавали пищу для слухов. В народе ждали женитьбы, с которой связывали мечту об амнистии. Царские дочери интересовали народ гораздо меньше, чем ожидаемый наследник. Примечательны истории о несостоявшейся женитьбе царевны Ирины Михайловны на датском принце Вольдемаре. С. В. Бахрушин не увидел в них ксенофобии, но скорее симпатии к королевичу. Интересен и вывод С. В. Бахрушина, являющийся точной характеристикой для всей русской народной политической культуры. Слухи объясняются не только малокультурной средой, в которой они бытовали и распространялись. Все государственное строительство после Смуты было основано на системе именно личной власти, строительства государевой вотчины. Личный характер верховной власти в Московском государстве определял столь пристальный интерес к царской жизни в очень широких массах населения³⁶

³⁵ Поездка дворянина Курдюма Кафтырева и подьячего Семена Реткина в Швецию с жалобой на промедление шведских межевых посолов на корельской границе. 1618. 2.10-1619. 17.08 // РГАДА. Ф. 96. 1618. Д. 8.. Л. 284-285.

³⁶ *Бахрушин С. В.* Политические толки в царствование Михаила Федоровича // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 87-118.

В монографии, посвященной повседневной жизни средневекового Пскова, В. А. Аракчеев коснулся проблемы передачи информации в русском городе XVI–XVII вв.: «Новости приходили по разным каналам, отчасти официальным: на рыночной площади подьячие зачитывали царские указы. Но чаще источником информации был любой приезжий человек; сказанное им передавалось из уст в уста, обрастая порой фантастическими подробностями»³⁷. Ученый справедливо сравнивает восприятие новостей жителями городов Московского царства с тем, как это происходило во Франции при «Старом порядке». По описанию Люсьена Февра, замкнутые и удаленные друг от друга группы людей жадно впитывали новости, приносимые «бродячими элементами», а почти постоянное голодное состояние приводило к экзальтированному восприятию этих новостей, обраставших разнообразными, подчас фантастическими подробностями. Нечто подобное происходило и на Северо-Западе Московского государства в начале XVII в. Огромные пространства пустых деревень, редкое население, то и дело скрывающееся в лесу от воинских отрядов, рыскающих в поисках фуража и пропитания и, кроме того, ожидание скорого окончания Смуты, вызывало повышенный интерес к распространяемым новостям.

В охваченном Смутой Московском государстве люди группами и поодиночке передвигались по безлюдным местам, опасаясь каждого встречного. Редкой удачей было встретить знакомых, чаще попадались доброжелатели, дававшие временный приют и сообщавшие слухи. Так, повезло выходящим в Тихвин из Копорья посадским людям, которых пустили к себе жить на две недели рыболовы из Калища³⁸. Сведения, случайно постулавшие в посольские станы, в ставки воевод, в Посольский приказ в Москве и в военную администрацию Новгорода, создавали некий общий информационный фон.

Распросные речи лазутчиков, посылавшихся всеми сторонами конфликта для получения информации, пленных и перебежчиков полны самыми разнообразными слухами. Их содержание интересовало и такие инстанции, как Посольский приказ. В наказы послов и воевод были включены требования собирать информацию по интересовавшим Приказ темам. Значительная часть этой информации принималась на веру и использовалась позднее на переговорах. Послы и воеводы пользовались, вероятно, неким «опросником», который дополняли по мере изменения политической ситуации, равно как и узнавая новые обстоятельства и события, случавшиеся на враждебной стороне³⁹.

Путь лазутчиков подчас был тернист, но им помогали личные связи и знание местности. В октябре 1615 г. московский лазутчик Данилко Ржева, посланный «для вестей», так описывал свой путь из Осташкова. Он покинул Осташков 27 сентября, добрался в тот же день до Никольского погоста на Горбу. Оттуда на четвертый день к вечеру он пришел в Руссу, где нашел приют у своего старого знакомого Ефима Кузьмина Сапожника. Ржева сказал своему хозяину, что пришел из Гдовщины, т. е. указал совершенно

³⁷ Аракчеев В.А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 214.

³⁸ Район совр. г. Сосновый Бор Ленинградской области.

противоположную московскому лагерю сторону. В Руссе Ржева смог связаться с подьячим Федором Витовтовым, передавшим с ним вестовую грамоту для послов и челобитную с просьбой простить ему службу шведам. Пробыв в Руссе два дня, лазутчик отправился в Новгород через Спасский монастырь на Взваде, откуда на судне через Ильмень добрался до города. В ночь на вторник, 3 октября Ржева пришел к Ануфрию Дьяконову, вяземскому купцу, жившему в Новгороде. Тот устроил ему еще одну встречу с другим вяземским купцом, Севастьяном (Савватеем?) Вощеницыным⁴⁰, продававшим сапоги и солдатские куртки в королевском лагере под Псковом. От них лазутчик получил информацию о расположении отдельных отрядов королевских войск на 28 сентября, т. е. практически на тот момент, когда он вышел из Осташкова. Кроме того, еще одну вестовую память он получил от Ануфрия Дьяконова⁴¹. 5 октября Дьяконов проводил его за три версты за город, и Ржева благополучно вернулся в Осташков⁴².

Ниже рассмотрим наиболее типичные слухи, циркулировавшие в новгородском обществе начала XVII в.

1) Церкви и софийская казна

Важное место при расспросах выходцев, пленных и лазутчиков в московских станах занимал вопрос о расхищении/нерасхищении церковных ценностей шведами. Наверное, сам вопрос попал в «опросник» в результате сообщения архимандрита Киприана в Москве весной 1615 г. о том, что ««монастыри и церкви в Новгороде и в уезде запустошены все опричь дву монастырей, Спаса Хутыня да Онтоньева монастыря, а те все 70 монастырей разорены стоят без пенья»⁴³. О вывозе колоколов и казны из Новгорода сообщалось также в Москву выходцем «римлянином» Павлом Ивановым. Он говорил, что в Новгород пришли из Швеции специально «по казну», и со всех храмов за городом и монастырей колокола снимают и хотят везти «за море»⁴⁴. Начиная с переговоров С. Г. Коробьина об обмене пленными летом 1615 г., среди задававшихся по наказу вопросов неизменно присутствовал вопрос о церкви св. Софии. Как правило, до конца лета 1616 г. ответ респондентов был примерно следующего содержания: все церкви разорены, но вот София стоит и «пение» в ней сохраняется. При этом в апреле 1616 г. старец Деревяницкого монастыря Иосиф ответил на допросе тихвинским воеводам, что шведские

³⁹ Вопрос о лазутчиках, как источнике информации для шведов в 1614-1615 гг. был подробно рассмотрен в монографии Г. А. Замятина (*Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 94-101*).

⁴⁰ В октябре 1614 г. Савватий Степанов Вощаницын был выбран к развозке на винную поварню в Алексеевской ямской слободе. Среди поручников упомянут Иван Трифанов Вязметин, торговый человек, живший на Иворове улице (Поручная запись новгородских посадских людей по Савватееву Вощаницыну о службе на развозке на Алексеевской поварне. 1614. 11.10 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 38).

⁴¹ Вестовая грамота к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами из Новгорода от Онуфрия Дьяконова. 1615. 5.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 303-304.

⁴² Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Руссу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294-302.

⁴³ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01-15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 168.

⁴⁴ *Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 292.*

военные власти опасаются, как бы новгородские духовные лица не перепрыгали казну Св. Софии, в связи с чем они приставили к митрополиту Исидору караул.⁴⁵

Только в октябре 1616 г. специально посланный в Тихвин архимандритом Киприаном хутынский служка Куземка Яковлев сообщил о болезни митрополита Исидора и о том, что «толмач Ирик Андреев да Гришка Собакин приходили в Софею Премудрость Божию и многую казну и поставленья пограбили, а досталь хотят из Софеи Премудрости Божии и из ыных церквей Божиих грабити»⁴⁶.

Однако летом 1616 г. в посольский стан в Тихвине вышло два новгородских посадских человека — **кожевника** (здесь и ниже выделено мной. — А. С.). Они на подобный вопрос отвечали, что, да, все церкви разорены, но Св. София и **церковь св. мученика Дмитрия в Кожевниках** стоят по-прежнему. Профессиональная принадлежность респондентов определила, вероятно, и их информированность о службе в церкви св. Дмитрия. После этого некоторое время стандартный вопрос следователей о «пении» в Св. Софии был переформулирован в вопрос о «пении» в Св. Софии и в церкви св. Дмитрия в Кожевниках, разумеется, вне зависимости от профессии допрашиваемого.

Данный пример очень хорошо иллюстрирует, насколько случайна была информация и насколько наивно, с точки зрения современного исследователя осуществлять поиск достоверных исторических событий, опираясь на эти сведения. В большей степени расспросные речи фиксируют те слухи, который носились в Новгороде в описываемое время (этому посвящена особая глава второй части). В то же время Посольский приказ придавал чрезвычайное значение поступающей от перебежчиков и лазутчиков информации; в особых случаях столбцы Посольского приказа сохранили материалы повторных допросов уже в Москве.

Еще один курьез, иллюстрирующий всю серьезность дьяков Посольского приказа при обращении с такого рода сведениями, касается информации о смерти Сигизмунда III, полученной от «литовского выходца» новгородца Ивана Толмачева⁴⁷, который об этом «подлинно» слышал от многих литовских торговых людей. Информация о смерти Сигизмунда была включена в грамоту послам, которые, по мысли дьяков Посольского приказа, должны были ею владеть при переговорах со шведскими послами.

2) Численность шведских войск в разных городах

Военные действия делали особо ценной информацию о численности гарнизонов и полевых армий. Накануне похода кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород 1613–1614 гг. к новгородской военной власти были приведены несколько человек, побывавших в стане у

⁴⁵ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с изложением речей новгородского выходца старца Иосифа из Деревяницкого монастыря. 1616, апреля после 22 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 108.

⁴⁶ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, май – декабрь (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6.

⁴⁷ Интересно, что еще в 1614 г. Иван Толмачев служил приставом при сопровождаемых в тюрьму выходцев из Сунбуловского стана в Новгород (Допросные речи побывавших в стану у Сунбулова // RA, NOA. Serie 2:167).

Исака Сунбулова, командовавшего одним из направляющихся к Новгороду московских отрядов. Они были подробно допрошены о численности надвигающегося войска. Трое — Никифор Неплюев (вероятно, новгородский сын боярский), ельчанин Ивашко и астраханец Аникейко Васильев показали одинаковую численность авангарда: 500 казаков у Сунбулова и дети боярские из семи городов и некоторое количество казаков у Трубецкого⁴⁸.

После начала переговоров в Дедерине осенью 1615 г. московская сторона также стала получать непрерывную информацию о шведских гарнизонах и перемещениях военных отрядов. Видимо, по большей части такая информация была достоверной: как правило, в близких по времени составления расспросных речах назывались приблизительно одни и те же цифры. Особняком стоят известия, сообщенные в Москве запорожским казаком, перешедшим из войск Густава Адольфа на сторону московских войск под Псковом. Он называл совершенно умопомрачительное число войск в городах Северо-Запада: 700 человек в Гдове, по 500 человек в Копорье и Ивангороде; вместе с тем утверждая, что с королем в Або находится также 700 человек⁴⁹.

Старорусский подьячий Федор Витовтов в сентябре 1615 г. имел доступ к информации, поступающей к шведам от лазутчиков, разосланных в города Московского государства. Он нашел возможность сообщать московским властям о вестях, приносимых лазутчиками в Старую Руссу. Так, в Осташкове говорили о движении атамана Баловня под Москвой: «А слышел де он (лазутчик. — А. С.) в Осташкове в розговорах ото многих людей, что стоят под Москвою казаков тысяч з десять, а просят у государя пяти человек больших, а кого просят, того не ведают. А приходят на государя и на бояр с великим голдованием, бутто бояре и дьяки государева жалованья сполна казаком не дают, что государь велит дати, и они то дают в полы или треть убавят, а просят у государя Сиверских городов за жалованье. А да(дут) жалованье, того часу идти иным к Новугороду с послы, а иным подо Псков»⁵⁰.

3) Ожидание боярина Федора Шереметева

В 1615 г. из Москвы во Псков были посланы новые воеводы, И. Д. Плещеев и С. Собакин. По прибытии в Торопец или Невель И.Д.Плещеев и Собакин должны были от себя в Торопец послать известие о том, что вслед за ними идет с войском боярин Ф. И. Шереметев. Он и правда был послан на подмогу осажденному Пскову, но был осажден во Ржеве Лисовским и так до Пскова и не дошел⁵¹.

⁴⁸ Допросные речи побывавших в стану у Сунбулова // RA, NOA. Serie 2:167.

⁴⁹ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106. Г. А. Замятин счел сведения черкашенина Федора Яковлева достоверными, достаточно точно выяснив, что тот действительно был очевидцем событий, о которых сообщал. Полагаю, это не означает точности сообщенных казаком сведений о численности гарнизонов (Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 371-372).

⁵⁰ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 158–162.

⁵¹ Замятин Г. А. Россия и Швеция... С. 329.

Среди героев слухов, гулявших в Новгороде (и в Пскове) в 1615–1616 гг., был боярин Федор Иванович Шереметев. Именно его ожидали как чаемого освободителя от иноземцев⁵². 5 октября 1615 г. новгородский посадский Ануфрий Дьяконов извещал востовой отпиской московских послов на Дедеринских переговорах о том, что известно Деллагарди о передвижениях московских войск. Он с некоторым злорадством сообщал: «Да тово Пундосов не ведает про государева боярина про князя Федора Ивановича Шереметева, что идет он подо Псков, да про то же государи у нас в Великом Новгороде и слуху нет»⁵³. Характерно, что посадский человек уважительно именовал Шереметева княжеским титулом, которого тот никогда не носил. Старорусский подьячий Григорий Сулешов сообщал также о слухах про Шереметева, циркулировавших в королевской армии под Псковом: «А как де у короля весть учинилась, что отпущен с Москвы боярин Федор Иванович Шереметев, и идет деи ко Пскову со многими ратными людьми, и король де подо Псковом стоял великим страхованьем, а толко б де Федор с людьми пошел ко Пскову, и король бы деи от Пскова отошел»⁵⁴. 20 октября вышедшие в Тихвин дети боярские Водской пятины говорили о разгроме Шереметевым королевских войск под Псковом как о свершившемся факте: «свейской король стоит подо Псковом, а немецких людей с ним сначала пришло 6000. И во Пскове де от немецких людей теснота была великая, стояли по Великой реки зделали через Великую реку мост на городнях, а идти им было ко Пскову на приступ. И пришел де ко Пскову на выручку государев боярин и воевода Федор Иванович Шереметев с ратными людьми и короля подо Псковом побил и Псков от немецких людей выручил, и король де сам ото Пскова отшел»⁵⁵.

Боярин Федор Шереметев с большой ратью, который придет и спасет от конечной гибели – образ, устойчиво встречающийся в воззваниях времен осады Москвы тушинским войском. Широко известны грамоты из Москвы, рассылавшиеся по городам, с известием о том, что Федор Шереметев с понизовой ратью идет на выручку, а также грамоты Скопина Шуйского, рассылавшиеся с той же целью в 1609 г. Они имели широкое пропагандистское значение (и, как известно, несколько приукрашивали действительную политическую ситуацию). Возможно именно поэтому имя Шереметева появляется в слухах времен Псковской осады.

⁵² Видимо ранее, в 1609 году, так ждали в разных областях Московского государства кн. М. В. Скопина Шуйского. Так Иван Зайцев писал в 1609 г. отцу из-под Москвы: «Князь Михаиле Васильевич идет со многими людьми и с немцы, а ждем его с часу на час; а у вас то ведомо ли? А яз тебе, государю твоему, мало пишу, а много челом бью» (Письма из разных городов 1609 г., около 19 июня. Ивана Зайцева к отцу, Несвитаю Зайцеву, из Москвы, с просьбой о присылке коня и с известием о побиении наголову приходивших к Москве литовских людей // Письма Смутного времени. С. 453).

⁵³ Востовая грамота к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами из Новгорода от Онуфрия Дьяконова. 1615. 5.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 303–304.

⁵⁴ Расспросные речи старорусского подьячего Григория Сулешева перед послами...

⁵⁵ Расспросные речи выходцев — детей боярских из Водской пятины в Тихвине. 1615. 20.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 91–92.e

4) Король Густав Адольф

Вообще личности короля Густава Адольфа, его местопребыванию в расспросах, равно как и в слухах, уделялось непомерно большое внимание. Вопрос о местонахождении короля задавался всем выходцам из вражеского стана. Молодой король, уже высказавшийся открыто по положению в Новгороде, принимавший лично новгородцев в Стокгольме и, наконец прибывший сперва в Финляндию, а затем в Ливонию пробуждал живой интерес. Перемещения короля тщательно фиксировались.

Совершенно невероятен слух, происходивший от подьячего Григория Собакина и переданный через Якова Боборыкина московским послам в Дедерине, о тайном приезде Густава Адольфа в Новгород: «...говорил Григорью Собакину Анц Бой, которому приказан Новгород в тайне, что писал к нему король: "пришел де он ныне в Копорью, а хочет быти в Новгород тотчас, а будет де в Новгород приезд его ночью, а людей де с ним будет немного, а быть де ему в Новгороде дни с четыре или с пять", а кормов де, государь, по дороге для славы готовить не велел, и ему де Григорью примечать в Новгороде»⁵⁶.

5) Александр Лисовский

Александр Лисовский – герой (и антигерой) множества произведений, прежде всего публицистических, как начала XVII века, так и последующих эпох, вплоть до современности. Его бесшабашные рейды в сотни верст, личная удаль и вероятное обаяние и популярность порождали страх у всех, кто ему противостоял⁵⁷.

Эпизод с задержкой Федора Шереметева во Ржеве Володимеровой характерен. Вот каким образом сообщали об этом в Посольский приказ послы из Дедерина. Из Ржевы к ним писал боярин Ф.И.Шереметев, что «октября де, государь, в 10 день в вечерню пришли подо Ржеву изгоном безвестно по Вяземской дороге с московской стороны Лисовской, а с ним де литовские многие люди и твои, государь, изменники руские воры, а вестовщиков, государь, из городов не пропустили. И пришед, деи, государь, стада отогнали и посады де пожгли во многих местех, и стали де против города на горелых местех. А выходцы де государь, которые от них ис полков утекают им сказывают, что им перелезчи Волгу над городом Ржевою промышлять приступом и всякими промысла, чтоб город взять, а ис подо Ржевы де, государь, итти под Осташков». Мезецкий с товарищами «по тем вестем из Осташкова на Полоново не пошли, до коих мест Лисовской отойдет проч, и в Осташкове, государь, осаду укрепили з достальными людьми». Таковых «достальных людей» в Осташкове оставалось 200 стрельцов да 200 дворян, а 300 человек стрельцов для острожного дела и 100 человек дворян с запасом были к моменту

⁵⁶ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об известиях о походе Густава Адольфа под Псков. 1615, между 18 и 26 декабря // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 28–29.

⁵⁷ Александру Лисовскому посвящено много научных и научно-популярных работ отечественной и зарубежной (прежде всего, белорусской) историографии. Стоит отметить научно-популярную статью Я. Леонтьева: *Леонтьев Я*, Казак с картины Рембрандта // Политический журнал. 2007. № 31 (174) (Интернет-версия: www.politjournal.ru).

прихода известий отпущены на Полоново⁵⁸. Страх, или как писали тогда, «сполох» был всеобщим.

Надо заметить, что жить Александру Лисовскому оставалось несколько месяцев. Зимой 1615/16 г. он скончался неподалеку от Вязьмы. Однако еще в 1619 г. казацкие отряды, действовавшие на свой страх и риск на Северо-Западе Московского государства прикрывались именем Лисовского⁵⁹.

б) Московские события 1613-1615 гг.

Влияние историографии XIX-XX вв. на оценку московских событий февраля 1613 г. чрезвычайно велико и востребовано современной политической конъюнктурой⁶⁰. Однако современный исследователь может оценить то, что говорили в Новгороде (да и, вероятно) в других областях Московского государства вскоре по воцарении Михаила Федоровича Романова.

С 1980-х гг. в отечественной историографии ведется дискуссия о достоверности сведений, содержащихся в «Повести о земском соборе», введенной в научный оборот А. Л. Станиславским и Б. Н. Морозовым. Ученые, впервые опубликовавшие памятник, справедливо, на мой взгляд, увидели в нем альтернативный традиционной историографии (восходящей, видимо, к Новому летописцу) взгляд на воцарение Романовых⁶¹. Позднее этот источник получал разные оценки; достоверность содержащихся в нем сведений подвергалась справедливому сомнению. Мнение большинства ученых состоит в том, что этот памятник сравнительно поздний и не отражает современных избранию Романовых событий. Однако, поставленный в более широкий контекст известий о московских событиях февраля 1613 г., доходивших, к примеру, в Новгород, место этого памятника может быть оценено иначе.

По возвращении из Москвы в январе 1613 г. Б. Дубровский был подробно расспрошен о виденном там. В расспросе перед боярами он сообщал о взятии Кремля казаками. По словам Дубровского, казаки получили вознаграждение за взятие Кремля: «...военачальники разделили между ними всеми доспехи, ружья, сабли и прочие вещи, а также найденные в Кремле деньги, так что каждый казак получит деньгами и ценными вещами по восемь рублей»⁶².

⁵⁸ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о ходе подготовки к посольскому съезду. 1615, октября после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 322-330.

⁵⁹ Казаки полковника Яроша Плецкого, явившиеся в начале февраля 1619 г. под Ладогу из-под Тихвина завяили, что они «Лисовского полку шляхта, а всех их 10 знамен, а под знаменем по 100 человек, опрочи пахолков» (Отписки ладожских воевод В.Ф.Неплюева и В.И.Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02-30.03 // СПБИИ, кол. 153, оп. 1, д. 52.2).

⁶⁰ Подробнее: *Назаров В. Д.* Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года? // Отечественные записки. 2004. № 5.

⁶¹ Повесть о земском соборе 1613 г. / Подг. Б. Н. Морозов, А. Л. Станиславский // ВИ. 1985. № 5. С. 89-95.

⁶² Арсеньевские шведские бумаги / Подг. М. В. Муравьев // Сб. НОЛД. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 16-18. Издатели «Арсеньевских бумаг» (М. В. Муравьев) заинтересовались личностью Богдана Дубровского, однако они нашли упоминание о нем лишь в опубликованном в ААЭ доку-

Очень похожие слова говорил в Новгороде в 1614 г. оказавшийся там московский гонец Яков Епанчин. В изложении подьячего Григория Сулешева, поведение Епанчина в Новгороде компрометировало московские власти. Подьячий утверждал, что «тот Яков ворует и изменяет» и убеждал написать в Москву, «чтобы государь не велел вперед Епанчина посылать в Новгород», так как тот «и сказывает про Москву и про все Московское государство великое нестроение и рознь» и другие бездельные речи. Шведы же его в Новгороде потчуют и про московские дела расспрашивают⁶³.

Видимо, не только Епанчин, вырвавшись из Москвы и почувствовав себя не под контролем тамошних властей позволял себе говорить лишнее. Ездивший в 1613-1614 гг. из Москвы в Данию немецкий переводчик Дмитрий Миколаев был, видимо, отчислен из Посольского приказа за недостойное поведение за границей. Там он говорил, что «на Москве государя выбирали... черные люди, а лутчие – бояре, и дворяне, и служилые люди хотели свейского королевича», «пил ежеден бес просвету, и с королевским перевотчиком у них драки бывали часто, в одну пору мало и ножевщины не было»⁶⁴.

Наконец, архимандриту Хутынскому Киприану, посетившему Москву весной 1615 г., приписывали следующие слова: «русских послов, отправленных отсюда (из Новгорода. - А. С.) Главкомандующим, великий князь сначала посадил под стражу на 6 недель, но потом выпустил, после того как они должны были делать подарки дьякам (канцлерам) Сыдавному Васильеву и Петру Третьякову, которые теперь главным образом правят на Москве»⁶⁵.

7) Псковские события 1615-1616 гг.

Важным наполнением сюжетов слухов явились события под Псковом осенью 1615 — начала 1616 г., связанные с личным участием Густава Адольфа в боевых действиях. Этот вопрос чрезвычайно волновал московскую сторону. Старорусский подьячий Федор Витовтов в сентябре 1615 г. сообщал кн. Д. И. Мезецкому, что замысел короля Густава Адольфа заключался не во взятии Пскова, но в принуждении московской стороны к миру: «А умышленье деи у короля и подо Псков пошел для того хотя деи мир будет с Московским государством, и я деи помирюся, стоя у Пскова, да и для псковского утеснения помиритца вскоре. И будет мир наш так же, как и преж сего царь Иван Васильевич помирился с королем полским, а полский король помирился, стоя у Пскова»⁶⁶. Характерна информированность подьячего о событиях тридцатилетней давности. Тот же Витовтов, будучи арестован по обвинению в сотрудничестве с Москвой, нашел

менте о возвращении поместья, пожалованного в Новгородской земле «при немцах», которое было отобрано в 1617 г. (Царская грамота старорусскому воеводе Боборыкину по челобитью старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских розданных им дворовых и черных волостей. 1617. 11.07 // ААЭ. Т. 3. № 91. С. 124–125).

⁶³ Отписка С. Г. Коробьина с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров о размене пленными 11-12 мая 1615 г. 1615, мая после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 119-131.

⁶⁴ *Лицейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 363-364.

⁶⁵ Арсеньевские шведские бумаги... С. 28.

⁶⁶ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. д 9. Л. 158–162.

случай сообщить московскому лазутчику Данилке Ржеве о диспозиции королевских войск под Псковом: «...в Новгороде он будучи слышал от гонцов, которые от короля ис подо Пскова пригоняют, в Великий Новгород, что король стоит подо Псковом у Печерской мельницы против Петровских ворот, а Самойло де Кобрин стоит у Снетогорской мельницы, а князь Иван де Мещерской стоит на Снетной горе з детми боярскими, а татаровя деи и черкасы стоят на Запсковье, а людей де с королем подо Псковом 12 тысячи, и будет деи з государевыми послы учнет делатца добре, и он деи ис подо Пскова поидет проч вскоре»⁶⁷. Расстановка войск дана подьячим очень подробно, хотя численность королевских войск явно преувеличена (даже вышеупомянутый склонный к фантазиям запорожец определял численность осаждавших Псков шведов в семь тысяч⁶⁸).

По мнению новгородских дворян, Эверт Горн во время рокового для него похода под Псков рассчитывал на измену: «Как де Ивер Горн пошел подо Псков, а хотели де мужики псковские государю изменить десеть человек, и то было Ивер Горну притит подо Псков, а им было под стену подкатить зелье, и Ивер де Горн подо Псков не поспел, а мужики де зелье под стену подкатали и стену розорвало, и тех де мужиков во Пскове переимали

и тое стену опять заделали»⁶⁹.

А в октябре 1615 г. новгородские посадские люди так толковали о причинах похода короля под Псков: «А привел де короля подо Псков иванегороцкой пушкарь, имени ему не упомнит. А наперед деи тово тот пушкарь сидел от неметцких людей на Тихвине, и как де государевы люди Тихвину взяли, и ево де тут же взяли, а ныне де у немец подо Псковом объявился и опять неведомо почему»⁷⁰.

8) Делгарди

Еще одним героем слухов, ходивших в Новгороде, был многолетний глава шведской военной администрации Яков Делгарди. Старорусский подьячий Григорий Сулешев так повествовал о предполагаемом посредничестве нидерландских дипломатов на русско-шведских переговорах: «А быть де ему с послы в королевскую сторону, доброхотая Якову Пунтосову, потому что де Яков Пуньтусов бывал у Маврициуса князя в салдатех, а из салдат деи взял ево к себе и жил у него в комнате. И как де Яков Пунтосов при царе Василье был на Москве и пришед в Свею, что привез с собою царя Васильево жалованье, многое узорочье послал к нему голанскому Маврициусу князю. А как де Яков взял Великий Новгород, и он де Яков из Новгорода к голанскому Маврициусу князю послал многую ж казну, и за то де ему друг великой галанской де князь тово посланника своего послал для вспоможенья Якову Пунтосову, чтоб Якову устоять в свою сторо-

⁶⁷ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы...

⁶⁸ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

⁶⁹ Приезд (возвращение) в Москву Якова Епанчина из Новгорода // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 1. Л. 3–4.

⁷⁰ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы...

ну государевых городов»⁷¹. В последние недели жизни в Новгороде перед отъездом в Ладогу на переговоры Делаярди заболел. Его болезнь однозначно трактовалась новгородцами как Божье наказание за совершенные преступления. «И многие де новгородские люди говорят, что де Яков перед своим походом просился у митрополита в соборную церковь в Софею Премудрость Божию смотрити церковные казны, и митрополит де ему отказал, и он де самовольством пошел в предел соборной церкви в темницу к Ивану архиепископу, и как де он дошел до гроба» (далее утрачен низ листа, разобрать можно только слово *расслабился*).⁷² По другой версии, Делаярди извлек из Божьего наказания урок: «И как деи государь немецкие люди в церковь для окладов и для церковной казны вошли, и Якова де Пунтусова ударило о землю и росслабило у него руки и ноги, и Яков в Новегороде и в ыных твоих государевых городех, которые ныне за немцы и по ся места церкви Божии грабити и разорять не велит»⁷³

9) Пожар в Ивангороде после Троицы 1616 г.

В мае 1616 г. в Ивангороде произошел пожар. Слух об этом дошел до Тихвина уже 13 июня 1616 г. и вызвал особый интерес воевод⁷⁴. Вопрос о том, как и при каких обстоятельствах город сгорел, стал одним из важнейших при допросах лазутчиков, выходцев и пленных в июне–августе 1616 г. Мне известно одиннадцать версий описания этого события.

Копоряне, появившиеся в Тихвине 13 июня 1616 г., первыми рассказали на допросе: «А Иван де город после Троицына дни выгорел весь, а загорелся де от бани, и в то де пожарное время немецкие люди почали грабить торговых людей дворы и лавки, и торговые люди грабить давать не почали, и неметцкие люди русских людей побили многих»⁷⁵. Казалось бы, здесь описывается простая бытовая история: грабеж на пожарах причиняли не меньшее бедствие, чем огонь, что неоднократно описывали отечественные источники XVII–XVIII вв.

Несколько иным было описание событий в Ивангороде хутынским служкой Тренькой Семеновым: «Да слухом де он слышал, что в Ъванегороду у неметцких людей была с рускими людьми драка, и в ту де пору Ивангород выгорел весь. А от кого задор учинился и чьи люди коих побили и коим обычаем город загорелся, того сказал не ведает».⁷⁶ Здесь уже именно столкновение «немцев» с ивангородцами ставится в прямую связь с пожаром, пожалуй, даже обозначается как причина последнего.

⁷¹ Расспросные речи старорусского подьячего Григория Сулешева перед послами...

⁷² Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ с изложением расспросных речей казака, посылавшегося Ч. Спешневым под Ладогу (без конца). 1616, августа после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 1–10.

⁷³ Там же.

⁷⁴ В монографии Г. А. Замятина этот пожар в Ивангороде рассматривается как событие, связанное с военно-политической борьбой тех дней (*Замятин Г. А. Россия и Швеция...* С. 366, 401, сн. 193–195). Мне здесь важно было показать тот резонанс, который пожар вызвал в Новгороде.

⁷⁵ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья, в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

Тесовские крестьяне через два дня, 15 июня, сообщали в Тихвине: «Да слухом де они слышали от иванегородских посадских людей, которые приходят из Ыванягорода в Тесово от бедности, что в Ыванегороде посад выгорел весь, а в городе дворы целы, а загорелось де на посаде у посадцкого человека от мылни, и в то пожарное время неметцкие люди почали грабить у посадцких людей дворы и лавки, и русские люди грабить себя не дали, и с неметцкими людьми поставили были драку. И пришед де русских людей с неметцкими рознять полковник Кобрин и дратца им не дал, а на драке убийство было кому или нет, того сказали не ведают». Здесь подтверждается первая версия: баня как причина пожара, и появляется новое действующее лицо: полковник Самуил Коброн, примиривший ивангородцев с «немцами»⁷⁷.

На следующий день, 16 июня, перед послами говорил новгородский посадский Фомка Игнатъев: «Да слухом де он слышел, что после Троицына дни в Ыванегороде неметцкие люди для грабежу зажгли и почали было грабить посадцких людей дворы и лавки, и иванегородцкие де русские люди грабить себя не дали и с ними дрались». В этом рассказе вновь всплывает мотив грабежа как причины пожара и столкновения между ивангородцами и «немцами». Однако тот же Фомка Игнатъев сообщал и другую версию, которую в Петров пост привез в Новгород переводчик Ганс Бракиль («Анца Брякилев»): «сказывал деи в Новегороде многим людем, что де Ивангород загорелся собою от таможной избы, а грабежу от неметцких людей и драки неметцким людем с рускими людми не бывало»⁷⁸. Возможно, в глазах Ф. Игнатъева, Бракиль — приспешник шведов, намеренно смягчивший остроту конфликта, произошедшего в городе.

В те же дни в Москве были допрошены приехавшие из Пскова сын боярский новгородец Матвей Блажонков и несколько псковских посадских людей. По их словам, примерно 25 мая в Псков вышли трое ивангородских стрельцов и пушкарь. Они сообщили псковским воеводам, что С. Коброн приказал своим солдатам зажечь баню, а когда ее стали тушить русские ивангородцы, то по приказу Коброна его люди бросились «русских людей грабить и побивать и острог весь выжечь». После этого все русские ивангородцы разбежались из города, «а в Ыванегороде остались одни неметцкие люди, а Самойло Кобрин стал на Нерове реке от Ыванягорода семь верст, а долго ль Самойлу Кобрину тут стоять или куды идти, про то не ведомо».⁷⁹

Через несколько дней, 19 июня, в Тихвине перед послами предстали софийский певчий дьяк Самуйло Евтихийев и федоровский дьячок Ивашко Михайлов, также вышедшие из Новгорода. По их словам, «После Троицына дни в Ыванегороде посад выгорел, а зажгли немецкие люди для грабежу и почали было грабить торговых людей лавки и дворы и русские люди грабить им себя не дали, и меж их де была драка, и немецкие люди

⁷⁶ Расспросные речи служки Хутынского монастыря Треньки Семенова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 136–138.

⁷⁷ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.

⁷⁸ Расспросные речи посадского человека Фомки Игнатъева в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 254–257.

⁷⁹ Расспросные речи Матвея Блажонкова...

русских людей посекали»⁸⁰. Таким образом, их версия во всем совпадала с тем, что сообщал посадский Игнатъев; в ней более остро встает мотив сопротивления ивангородцев «немцам». Однако они приводят в допросе не только свою версию происходившего, но и сообщение «изменника» Богдана Шорина: «А заговев де в Петров пост, приехал из Ыванягорода государев изменник Богдашко Шорин и сказывал в Новегороде всяким людем, что де в Ыванегороде посад загорелся собою, а грабежу де в Ыванегороде и драки неметцким людем с рускими людами не бывало». Как заметно, сведения, сообщенные якобы Шориным, совпадают со «смягчающей» версией событий Бракиля, изложенной ранее Фомкой Игнатъевым.

Как ни странно, наиболее пространное описание происходивших в Ивангороде событий дали послам 22 июня 1616 г. старцы Антониева и Юрьева монастырей: «Да сказывали деи им иванегородцы посадские люди, которые приезжают из Ыванягорода в Великий Новгород, а хто именем иванегородцов, тово не ведают, был деи в Иванегороде французской воевода Самойла Кобрин, а с ним деи немецких людей человек с 300, а служит деи свейскому королю из найму. И Самойло де Кобрин с немцы просил у иванегородских людей в корм денег займом и угрозом 500 рублей, и иванегородцы посадские люди с посаду дали 50 рублей, а боли того им в денгах отказали. И на Троецкой де вечерне Самойло Кобрин в Ыване де городе велел посад зажеч и посадских людей грабить, дворы и лавки, и посадские люди грабить себя не дали. И меж деи немецких людей с рускими людами была сеча великая на обе стороны. И немецкие де люди посадки выжегши весь, и награвив посадских животов, из Ыванягорода вышли и стали от Иванагорода в десяти верстах, да и ныне стоят тут же. И Яков деи Пунтусов к ним посылал, чтоб они в Великий Новгород шли, а идти де им с ним на послованье. И Самойло де Кобрин с немцы Якову отказал, что они идти с ним на послованье не хотят, чтоб де им Яков запластит и старые заслуженные гроши. И он деи им писал, чтоб они шли на посолство, а как де Яков Пунтусов у государевых послов за города денги возмет, и он де им гроши заслуженные запластит. И Самойло де Кобрин и по ся места с неметцкими людами в Новгород не бывал...»⁸¹ Таким образом, старцы новгородских монастырей напрямую обвиняли алчного до денег французского полковника Коброна в ивангородском пожаре и грабеже ивангородцев. Старцы подчеркивали, что Коброн фактически выступил против Деллагарди и самовольно ограбил важнейший новгородский пригород.

Еще одна версия ивангородского пожара содержится в допросных речах тихвинского стрельца Ларки Володимерова, посланного в лазутчики под Орешек. «И в Ыване де городе загорелось было у посадского человека мылня, и тое де было мылню затушили. И неметцкие люди в ту пору для грабежу на посаде нарочком зажгли и почали грабить торговых людей лавки и дворы. И иванегородцы де посадские люди грабит себя не дали и поставили с ними бой. И на том деи бою на обе стороны сеча была великая. А от

⁸⁰ Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

⁸¹ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастырей перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

того де пожару посад выгорел весь, а после де тово пожару ивангородские посадские люди вышли все во Псков. А которые де достальные остались в Ивангороде, и тех деи неметские люди, переграбив, сослани з женами и з детми в Свею в полон»⁸². Снова в качестве источника пожара называется пожар в бане у посадского человека, а грабежи немцев описываются как заурядные грабежи на пожарах, характерные для городской культуры раннего Нового времени. При этом лазутчик сообщал фантастические сведения о выходе ивангородцев в Псков и ссылке оставшихся в Швецию вместе с семьями.

Уже в июле 1616 г. о событиях в Ивангороде был опрошен вышедший в Тихвин ямогородец Федосейко Григорьев: «А Иван де город выжжен весь, а от ково вызжен, и многая де молва, что от немец, а иные говорят, что грехом загорелось от русских людей, а посадские люди многие после пожару побрели врознь в иные города, в Ругодив и во Псков, а иные живут тут по ямом и в Ругодиве»⁸³. Он, хоть и живший неподалеку от Ивангорода, не мог толком назвать причины пожара и его обстоятельств, констатируя только общее запустение города.

Последние сведения о событиях в Ивангороде уже в августе сообщили тихвинские стрельцы, ходившие в лазутчиках до самого Ивангорода. К этому времени, вероятно, обстоятельства троцкого пожара уже забылись. Источники тихвинских лазутчиков сообщали им лишь о политике шведского правительства по отношению к сожженному городу: «А в Ивангороде руским людем от немецких людей тесноты и насилства никакова нет, потому как де в Ивангороде летом посад выгорел, и ивангородские посадские люди послали свейскому королю челобитную, и король де для их разоренья дал льготы на три годы, а в льготные годы нынешних податей имать не велел»⁸⁴.

Надо сказать, что информация о пожаре в Ивангороде была далеко не самой важной для хода переговоров. В то же время упорство на допросах лазутчиков, перебежчиков и пленных по этому вопросу поражает. Исполнительность московских послов в Тихвине указывает на достаточную налаженность бюрократических процедур в Посольском приказе — несомненно, самом влиятельном и профессиональном учреждении тогдашнего Московского государства. Однако критика источников информации в начале XVII в. была минимальной. Таким образом, нельзя согласиться с мнением Д. В. Лисейцева и Н. М. Рогожина о «хорошей информированности» приказа о состоянии дел в окрестных государствах в начале царствования Михаила Романова; можно говорить скорее об

⁸² Расспросные речи тихвинского стрельца Ларки Володимерова, вернувшегося из-под Орешка, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 24.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 379–383.

⁸³ Расспросные речи ямогородского посадского человека Федосейка-Первушка Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 8.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 12–13.

⁸⁴ Расспросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

изобилии информации в приказе, далеко не всегда подвергавшейся анализу и использовавшейся эффективно⁸⁵.

После Столбовского мира внимание Посольского приказа к событиям на Северо-Западе несколько ослабло. Однако шведская администрация Ингерманландии получала сведения о происходящем за рубежом от русских байоров и крестьян-перебежчиков примерно таким же образом, каким ранее новгородцы информировали послов, ведущих переговоры со шведами. И. Ф. Аминев в феврале 1619 г. сообщал генерал-губернатору Ингерманландии К. К. Юлленгельму о мнимых событиях под Тихвином, основываясь на сообщениях крестьян, бежавших в занятый еще шведами Гдов из соседних погостов: «был де у них из Новагорода в Щепецком погосте сотник стрелецкой Григорей Обольнянинов, приехал женитца, и февраля де в 20 день, в ночи приехал к нему из Новагорода от отца от ево человек с вестью, а сказал, пришли де на Тихвину черкасы и Тихвину взяли и стали на Тихвине, а черкасов де сем тысяч, а про то де в Новгороде слух есть, что хотят идти на Сомерскую волость и на Гдовские места»⁸⁶.

Последний по времени слух, имеющий непосредственное отношение к событиям Смуты, но записанный много позже, связан с Муратом Пересветовым. В апреле 1636 г. на Осиновой Горке происходила очередная встреча московских и шведских посланных для обмена перебежчиками. Шведскую сторону представлял байор Мурат Пересветов. По окончании переговоров, он, будучи пьяным, говорил подьячему Богдану Воломскому: «...жаль де мне Росийского государства и Новагорода и своего поместья, что стало блиско дороги, и от немецких от ратных людей проходу будет пусто». Испугавшийся подьячий решил расспросить его подробнее. Мурат Пересветов сказал, что шведы готовят большую армию, «...а у свейских де у думных бояр на раде приговорено: буде де з государевы стороны по росписем перебежиков отдадут всех, и на государеву сторону потому ж всех отдати, а будет з государевы стороны перебежиков не отдадут или отдадут, а не всех, и тем людем, которые стоят в Ливонской земли, идти подо Псков да под Ладогу, да в Новгородские места, а дорога лежит мимо его поместья».⁸⁷

Слухи, передававшиеся в Новгородской земле в начале XVII в. были вызваны потребностью всех слоев общества в информации и, одновременно, большими сложностями при передаче этой информации. Знаковые фигуры, яркие (хотя подчас и случайные) события давали пищу для слухов и создавали информационный фон, в котором жили люди и которым пользовались и официальные учреждения.

⁸⁵ Лисейцев Д. В. Посольский приказ... С. 48–49. По мнению Д. В. Лисейцева, случаи предоставления недостоверной информации в Посольский приказ были весьма редкими, притом, что ему известно о случае неверной информации относительно смерти Сигизмунда.

⁸⁶ Донесение шведского дворянина Исаея Федоровича Аминева к фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. 1619, февраля после 19 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 15. С. 65–66.

⁸⁷ Расспросные речи подьячего Богдана Воломского о переговорах на Осиновой Горке. 1636. 7.04 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 613.

II. Распространение идей / идеология массового сознания

Идеологическая борьба за новгородцев в 1613–1615 гг. была безоговорочно выиграна московскими боярами. Они действовали гораздо более эффективно, чем Горн и даже Делгаарди. Позиция лучших из шведских дипломатов и политических деятелей в 1613–1616 гг. в этом направлении была значительно слабее, чем в 1610 и 1611 гг. Традицию «борьбы за души новгородцев» между Москвой и Новгородом можно проследить с Ливонской войны, когда, начиная с 1570 г., к русским воеводам городов Прибалтики и Северо-Запада рассылаются грамоты с обличением преступлений Ивана IV и предложением перейти на шведскую службу⁸⁸.

Религиозный аспект терпимости и нетерпимости во взаимоотношениях двух религий был сформулирован еще королем Юханом III, симпатизировавшим католицизму. Но и в 1610 г. убедительность «шведско-шуйской» аргументации для новгородцев не была очевидна. Не случайно в чемодане тушинского дьяка Дениса Сафонова лежали послания Курбского⁸⁹. Проблема распространения информации создала большинство коллизий «новгородского» эпизода Смуты. Важнейшая информация распространялась чрезвычайно медленно, все время опаздывала.

В ходе идеологической борьбы в начале XVII в. шведы успешно эксплуатировали миф о страшной испанской и католической экспансии. Так, в письме короля Карла, отправленном «ко всем чинам города Москвы, а также Новгорода», говорилось, что «поляки, подстрекаемые и поддерживаемые папой, испанцами и иезуитами, всеми силами добиваются гибели Московии; говорилось, что с этой целью недавно испанский король решил отправить несколько тысяч человек в гавань св. Николая»⁹⁰. Известие о том, что якобы Испания предполагает вмешаться в московские дела, видимо, льстила и полякам. Во всяком случае, во время переговоров с московскими послами польские послы для того, чтобы нарисовать образ гигантской умопомрачительной денежной суммы, сравнили ее с «годовым доходом Испанского флота»⁹¹.

При этом, события, происходившие в Балтийском регионе Европы действительно обращали на себя внимание тогдашних великих европейских держав. Разумеется, их интересовала в первую очередь борьба Швеции и Речи Посполитой за Прибалтику. После поражения Сигизмунда в 1598 «великий план» примирения выработал французский король Генрих IV, впрочем безуспешно⁹². Н. И. Костомаров подчеркивал, что мысль о

⁸⁸ Подробнее: *Селин А. А.* Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 34-37.

⁸⁹ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2:246.

⁹⁰ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны... С. 160; Ранее, в 1608 г., в обращениях к Скопину-Шуйскому Карл IX выставлял дело самозванца как интригу папы и Испании (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 83-84).

⁹¹ Поход его королевского величества в Москву 1609 года // РИБ. Т. 1. СПб. 1872. С. 509.

⁹² *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 337.

союзе с Генрихом IV, личность которого увлекала Первого самозванца, возникла в голове «царя Дмитрия», но, как и многое, не успела реализоваться⁹³

После свержения Лжедмитрия в документах, происходящих из московского правительства появляются устойчивые идеологические штампы. Мотив испанской/папистской опасности звучит во всех дипломатических документах, исходивших от Василия Шуйского. Н. М. Карамзин пересказал один такой документ, адресованный шведскому королю Карлу IX и привезенный в Новгород в 1608 г. кн. М. В. Скопиным Шуйским: «...Ляхи воцарением Лжедмитрия хотят обратить силы России на Швецию для торжества Латинской Веры, будучи побуждаемы к тому Папою, Иезуитами и Королем Испанским»⁹⁴.

По сообщению Видекинда, правительство Шуйского специально распространяло слух о том, что Сигизмунд «пришел в Московию для искоренения веры, что это — враг храмов, разрушитель обрядов, грабитель монастырей»⁹⁵.

Эти же мотивы охотно повторяются в письмах Делагарди к московским и новгородским властям. Уже 24 августа 1610 г., узнав о кандидатуре принца Владислава на московский престол, он убеждает во лживости поляков, ссылаясь на то, что их действия связаны с проискамит римского папы, все замыслы которого несут вред России, Швеции, другим государствам. 14 мая 1610 г. был убит французский король Генрих IV, недавно произошла попытка взорвать английский королевский дворец, война в Германии устроена папистами – все это звенья одной цепи враждебных действий⁹⁶. При этом сегодня мы знаем, что действия под Москвой Жолкевский предпринимал на свой страх и риск, не ссылаясь не только с папой и испанским королем, но и со своим государем.

Мысль о заговоре католических государей против Швеции и России вспоминалась на переговорах и после Столбовского мира. В 1626 г. проехавшие Новгород шведские послы говорили воеводе кн. Г. П. Ромодановскому, «что ты, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси с их свейским королем в любви и в совете не так, как ваш государев общей недруг польской король советует с папою римским да с королем испанским и хочет своею гордостью облаадати четвертою частью света Еуропию»⁹⁷.

Современные публицисты часто продолжают эксплуатировать миф о шведах-завоевателях, стремившихся в начале XVII в. поработить Россию. Однако если обратиться к посланиям Карла IX в Московское государство с призывом сохранять верность Шуйскому⁹⁸, то можно обнаружить, что идеология, содержащаяся в призыве сопротив-

⁹³ *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII века. Т. 1. СПб., 1868. С. 255.

⁹⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Кн. 12. С. 94-95.

⁹⁵ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны... С. 93.

⁹⁶ *Замятин Г. А.* Россия и Швеция... С. 37-38.

⁹⁷ Отписка новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского и дьяка Ф. Апраксина в Посольский приказ о приходе шведских послов на российскую территорию. 1626. 16.03 // РГАДА. Ф. 96. 1626. Д. 2. Л. 118-122.

⁹⁸ Лист Карла IX к патриархам, митрополитам, игуменам, воеводам, боярам и дьякам и всяким

ляться Литве и Польше, гораздо ближе современным ура-патриотам. Так писали в королевской канцелярии: «Вы уже много выразумели, коим обычаем как ести были литва и поляки, как вас оманули страдником Дмитрием, а который назывался блаженные памяти царевым Ивановым сыном Васильевича, и што вы отстали от царя⁹⁹ Василья Ивановича, которой прирожденной государь прямой русин, и пристали к страднику. Да и сами вы того не ведали, хто он таков был, отчево Литва и Полша осилили в Руской державе и взяли многие города и церкви Божии разоряли и грабили и монастыри, и животы имали, да и многие города сожоны ваши, да и сведены ваши жены и дети соромочены и побиты, где ково застали и погублены». Это не просто послание союзника политического, но скорее — единомышленника. В нем содержится прямое обвинение Литвы и Польши в стремлении истребить православие, более резкое, чем у Авраамия Палицына и даже у не запятнавшего себя связями с Литвой Ивана Тимофеева. Такие приемы идеологической борьбы Иероним Граля удачно описал как конспирологические усилия пропаганды, начиная с посланий Василия Шуйского. Сначала идет поиск иезуитского или испанского следа; в рамках той же конспирологии Тушинскому вору были подброшены еврейские книги. Ученый отметил, что московские эмигранты в Речи Посполитой — Салтыковы и Трубецкие, — заклеянные в Москве как изменники веры, сделали все для сохранения православия на Северщине, Черниговщине, Смоленщине¹⁰⁰.

Все эти усилия прессом давили в начале XVII века как на москвича, так и на провинциала. Но не стоит вслед за Е. И. Кобзаревой считать новгородцев 1611–1617 гг. совершенно не разбирающимися в ситуации, механически подчиняющимися приказам воевод, которые переходят / не переходят на сторону шведов. Новгородцев всерьез волновала проблема отъезда — не случайны сильные эмоции, связанные с этим хорошо заметные на примере дела Нарбековых¹⁰¹.

Что должен был чувствовать воевода Никита Вышеславцев, который в течение нескольких месяцев 1610–1611 гг. вынужденно, вместе с городом, менял союзников на противников, и наоборот? После начала движения Скопина к Троице он с другой частью новгородцев идет походом через Вологду на Ярославль, занимает его и обороняет от тушинцев. В марте 1611 г. он командовал сотней дворян Водской пятины и получил вино (три ведра, шесть стоп и шесть четвертей) на 108 человек своей сотни из Новгородского винного погреба вина за поход на Старую Руссу в составе войска Леонтия Вельяминова¹⁰². В июне 1611 года Вышеславцев стоял в Новгороде, вместе с другими новгородцами ожидая, чем кончится противостояние с осадившим город войском Делагарди. 25 июня и 1 июля 1611 г. он получил еще соответственно три и одно ведра вина

людям с призывом сохранять верность своему царю Василию Шуйскому. 1609, августа // RA, Militaria: 1287:11.

⁹⁹ Сверху приписано: «князя».

¹⁰⁰ Граля И. Код Речи Посполитой // Родина. 2005. № 11. С. 45–49.

¹⁰¹ Селин А. А. Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5–13.

¹⁰² Сборник памятней о выдаче вина. 1610/11 // RA, NOA. Serie 2:124. Л. 109.

на свою сотню¹⁰³. Это происходило непосредственно перед захватом Делгарди Новгорода и, соответственно, бегством из города посланцев Первого ополчения Л. А. Вельяминова и В. И. Бутурлина. Уже 30 ноября 1611 г. Н. В. Вышеславцев с новгородскими войсками стоял на Московской дороге под Коломенским острожком, где имел столкновения с «воровскими людьми», одним из военачальников которых был кн. В. А. Тюменский¹⁰⁴. В конце 1611 г. он был послан с ратными людьми через Боровичи на Устрецкий стан. Приход этого войска в Боровичи вынудил отойти к Устрецкому стану татар и казаков Василия Бутурлина и Леонтия Вельяминова. Позднее, придя в Устрецкий стан, Вышеславцев приводил к крестному целованью крестьян Устрецкой и Видимирской волостей. Это заняло десять дней. Из Устрецкого стана он пошел на Липенский Котлован, куда пришел в начале января 1612 г.¹⁰⁵. Под Котлованом и под Рождественским монастырем в Передках войска Вышеславцева имели столкновения с «воровскими людьми». Ранее 20 марта 1612 г. он был застигнут в Устрецком остроге «литовскими людьми» и потерпел от них поражение¹⁰⁶. В августе 1612 г. Вышеславцев идет походом на Псков, снова вместе с Эвертом Горном¹⁰⁷. В июле 1613 г. он был назначен в состав посольства хутынского архимандрита Киприана, посланного для встречи Карла Филиппа в Выборг¹⁰⁸. После возвращения Новгорода под власть Москвы, в 1618–1620 гг. Вышеславцев служил при размежевании новой русско-шведской границы (возглавив межевое посольство после смерти Г. И. Писемского), а закончил службу после 1627 г. в чине дворянина московского.¹⁰⁹

Сложные политические коллизии Смутного времени, в которых оказался обыватель того времени, дали новый смысл концептам, сформировавшимся в политической риторике Московского государства в XVI в. На наш взгляд, одним из таких центральных концептов оказалась «измена».

¹⁰³ Там же. Л. 194, 292; Приходо-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.03–1611, август // RA, NOA. Serie 1:60. С. 8, 17.

¹⁰⁴ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Проньки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 31.

¹⁰⁵ Челобитная боярам и воеводам от крестьян Устрецкой и Видимирской волостей о сбавке с них требуемых денег с перечислением своих несчастий. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 69–71

¹⁰⁶ Челобитная боярам и воеводам подьячего Семена Собакина о пожаловании за службу. 1612. 20.03 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 76.

¹⁰⁷ Челобитная Никиты Вышеславцова боярам и воеводам о том, с каких погостов ему брать корм, находясь с ратными людьми в Лядском погосте на Игомеле. 1612, августа после 14 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 93.

¹⁰⁸ Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы кн. И. Н. Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613. 27.07 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 5–8; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 95.

¹⁰⁹ По мнению Е. И. Кобзаревой, Никита Вышеславцев «с начала до конца оставался на службе у шведов». Исследовательница описывает (довольно неточно) его участие в боевых действиях 1609–1613 гг., в частности, оценивает поход лета 1612 на Псков как грабительский. По мнению исследовательницы, Вышеславцев участвовал в посольстве новгородцев в Выборг на встречу с Карлом Филиппом, «чтобы выслужиться перед шведами» (*Кобзарева Е. И.* Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // *Novgorodica* 2006. Материалы научно-практической конференции. Ч. 1. В. Новгород, 2007. С. 179–194).

Общеизвестно, что в риторике эпохи Ивана Грозного представление об измене — одно из центральных как для царя-публициста, так и для деловой документации. Собственно, именно в это время представление об измене постепенно, но неуклонно заменяет представление о боярской вольности и праве на отъезд¹¹⁰. Однако один смысл это понятие имело в годы существования пусть и расшатанного, но единого Московского государства при Иване Грозном и его ближайших наследниках и совершенно другой смысл приобрело в годы полного распада государства в 1608–1616 гг. Ниже я предлагаю рассмотреть следующие вопросы:

- 1) что, собственно, побуждало новгородцев (соответственно, псковичей, владимирцев и проч.) к изменам, т. е. к переходу во враждебный лагерь гражданской войны;
- 2) какие основные риторические приемы использовались при таком побуждении участниками противостояния;
- 3) каков был эффект от данных риторических приемов.

В фонде Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. нам удалось выявить комплекс документов, являющихся продуктом идеологической работы в новгородских приказах. Это указы и послания новгородского правительства к местной власти с указанием о том, как именно обосновывать реализацию тех или иных мероприятий правительства, носящих, прямо скажем, непопулярный характер. Рассмотрим несколько таких документов (по моим подсчетам, их было издано более двух десятков примерно одинакового содержания).

1) 9 февраля 1612 года. Наказ воеводе Матвею Большому Семеновичу Львову, стоявшему на стане в Югостицах: боярин и воевода кн. И. Н. Большой Одоевский и дьяки Лутохин и Лысцов ему писали, «а велели с ратными людми идти с Югостиц к Старой Русе... на врагов на литовских людей и промышляти вместе за один, сколько милосердый Бог помочи даст» (пересказ этого наказа содержится в поданной через несколько дней челобитной Львова)¹¹¹.

2) 14 февраля 1612 г. в Тесово к воеводе Григорию Никитичу Муравьеву была послана грамота с общим одобрением его действий и рекомендациями по дальнейшему управлению острогом: «а ныне нам поведали, что ты хочешь отъехать в Новгород, и ты бы Новгород счас не приехал, а был бы в Тесове, с ратными людми, стоял в Тесове. и збирал кормы немецким ратным людям, а ис Тесова не ходил, а корм собрав, отдал немецким ратным людям, а крестьяном бы говорил, чтоб они из домов своих не бегали, кормы б давали, и воровских и литовских людей не боялись, которые воры литовские были под Русою, и те побежали на Московскую дорогу, а за ними пошел королевского

¹¹⁰ Ср. *Кром М. М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

¹¹¹ Челобитная (отписка) Матвея Большого Львова боярам и воеводам с просьбой разрешить идти из Югостиц в Старую Русу не через Пшагу, а через Новгород и отправить дворян, не явившихся к Львову и живущих в Новгороде собирать корма в новопрписных погостах. 1612. 9.02 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 139–140.

величества воевода Иверт Горн с немецкими ратными людьми, и по дворян бы, которые у тебя в списке написаны, посылал, а велел им быти с тобою на стан в Тесово»¹¹².

3) 14 же февраля 1612 г. был составлен типовой наказ, отправлявшийся во все дальние уголки Новгородской земли к кормовым сборщикам, губным старостам и другим приказным людям. Прочитую такой наказ, данный кн. И. Н. Большим Одоевским и дьяками в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому: «и всяким людям говорили, чтоб оне немецким людем корм давали не скорбя, ведомо им дее, что неметцкие люди против врагов литовских людей за них стоят и головы свои кладут нещадно, толко б немецкие люди за них против литовских людей не стояли, и литовские б люди их и до сущих младенцев по своему злосердому умыслу побили и животы б их поимали».¹¹³

4) Менее развернутый наказ был дан в тот же день детям боярским, посланным вдоль трассы будущих передвижений войска Эверта Горна на восток Новгородской земли, по Дубецкой и Бельской дорогам: они должны были собирать корма, а собрав, держать его наготове для шведских войск. Окрестным крестьянам они должны были говорить, чтобы те не боялись, так как «немецкие люди ... идут противо недругов стояти за них и головы свои класти»¹¹⁴.

Общее ощущение, возникающее при чтении этих документов, — это чувство беспомощности, которое проявляют собственно адресанты наказов. Они предстают своего рода страдательной массой, которая не в силах самостоятельно защищать свои интересы¹¹⁵. Представляется, что именно это обстоятельство подчеркивается в наказах: само-

¹¹² Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о том, чтобы он оставался на заставе в Тесове и не уезжал в Новгород, о сборе кормов для шведских войск и о распространении известия о победах «немецких людей» под Старой Руссой. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 148.

¹¹³ Грамота кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков С. Лутохина и А. Лысцова в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому о сборе кормов на немецких людей с кого только возможно. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 144.

¹¹⁴ Грамота новгородских бояр и воевод Акинфу Муравьеву, Василию Левшину и подьячему Михайлу Бобровскому ехать в Деревскую и Обонежскую пятину около Бельской дороги и собирать корма на немецких людей Эверта Горна, которые пойдут по этой дороге. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 145–147.

¹¹⁵ Видимо, так было не везде. К примеру, Мартин Бер следующим образом описывает отношение крестьянского населения к тушинцам в северо-восточных уездах и Поморье: «В феврале, марте и апреле месяцах (1609 г. — А. С.), вспыхнул бунт в северо-восточных пределах России: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич изменили Димитрию; со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли Немцев и Поляков с неимоверною злобою. Беда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, от рук ея каждого честного воина! Причиною мятежа была наглость панибратов: эти пришельцы, недовольные усердием народа, охотно дававшего им все нужное для продовольствия, грабили без милосердия бедных Русских, как будто неприятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали их в землю; но и это не помогало. Весть о прибытии Скопина и Понтуса-Делагарди наконец ободрила притесняемых; народ вооружился и отмстил Полякам: иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в проруби, с такими словами: "Полно вам, глаголи, жрать наших коров и телят! Ступайте в Волгу ловить нашу рыбу"» (*Бер Мартин*. Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 2. СПб. 1859. С. 104). Сложно предположить, что немецкий пастор говорит здесь о служилых людях по прибору и прочей служилой мелкоте. В Новгородской земле, впрочем, таким районом, куда практически не входили ни шведы, ни москвичи, была Сумерская волость.

отверженность немецких людей, их готовность «положить свои головы нещадно» имплицитно противопоставляется крестьянскому бездействию и как бы свойству крестьянина избегать обязательных платежей денег и кормов.

Вышеприведенные документы появились в феврале 1612 г. — за год до избрания Романовых на престол, за три месяца до начала переговоров с Ярославлем. Документы эти могут быть сравнены с посланиями патриарха Гермогена, с перепиской между городами в годы подготовки ополчений, которым они вполне синхронны. Однако цитированные документы носят иной характер. Это указы и наказные памяти — документы императивные, обращенные к населению.

К маю–июню 1612 г. относятся еще два документа этого рода, содержащие более развернутые идеологические установки:

5) 19 мая 1612 г. (в последний день переговоров между прибывшим из Ярославля Степаном Татищевым и новгородским правительством) по Псковской и Ореховской дорогам были посланы кормовые сборщики, получившие следующий наказ: «А то волостным людям говорити, чтоб они из домов своих не бегали и пашен в нынешнее время не метали, кормы давали, чем немецким ратным людям сытым быть для своего покою и пашенново времени, а неметцкие ратные люди идут на врагов для крестьянского ж покою, чтоб православным крестьяном быти в тишине и в покое».¹¹⁶

6) 5 июня 1612 г., когда в Новгороде со дня на день ожидали прибытия шведского принца Карла Филиппа, в Заонежские погосты была отправлена грамота к воеводам Василию Федоровичу Неплюеву и Василью Ивановичу Змееву о сборе дополнительных кормов по случаю приезда королевича в Новгород, содержащая, в частности, следующие слова: «А то б волостным людям говорили, чтоб они ныне о том не поскорбили, дали с выти по яловицы да по борани х королевскому приезду с великою радостью, а как королевич Карла Филип Карлович будет в Новгороде, и их пожалует, велет им во всяких податех полготит, а ныне во Пскове вора, которой назывался царевичем Дмитрием псковичи связали, а связав повезли к Москве, а исо Пскова в Новгород на королевское имя дворяне и дети боярские и всякие люди отъезжают и будут в Новгород многие изо Пскова»¹¹⁷. (речь идет о свержении и аресте Лжедмитрия III в Пскове 20 мая 1612 г.).

Известно, что в результате новгородско-ярославских переговоров летом 1612 г. было достигнуто соглашение о перемирии, после чего взаимными грамотами о непролитии крови примерно в те же дни обменялись присланные из Новгорода в Заонежские погосты воеводы и каргопольцы, поддерживавшие Ярославль. Так, каргопольцы писали, «что отписали мы к вам о добром совете, чтоб меж людми и вами розни не было и кров

¹¹⁶ Память Андрею Волнину и подьячему Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 35–37.

¹¹⁷ Грамота от бояр и воевод в Заонежские погосты Василию Федоровичу Неплюеву и Василию Ивановичу Змееву о сборе дополнительных кормов по случаю приезда в Новгород королевича. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 47–49.

крестьянская унялась и стояти б нам с вами вместе на обших наших врагов полских и литовских людей»¹¹⁸.

Первый период новгородско-шведского альянса характеризуется регулярным управлением, установленным после 3–4 лет анархии. Политику в июле 1611 – июне 1612 г. определяли боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, митрополит Исидор, дьяки Андрей Лысцов и Семен Лутохин. Все эти люди, кроме кн. Одоевского, были новгородцами по рождению. Именно об этих лицах (кроме умершего к 1615 г. Лысцова) допрошенные в 1615 г. в Москве новгородцы Я. М. Боборыкин и М. Ш. Муравьев говорят как о радетелях Михаила Федоровича. Надо полагать, что именно члены русской части правительства 1611-1612 гг. – кн. Одоевский, Исидор, Лутохин, Лысцов — делали ставку на столь неординарное для отечественной политической и делопроизводственной практики действие: обращение с воззваниями и разъяснениями к плательщикам денег и кормов — крестьянскому населению, «страдательному элементу» Смуты, лишенному социальной активности. Своеобразие политической ситуации, присутствие иностранных войск требовало, по мысли новгородского руководства, своего обоснования для снижения социальной напряженности.

Очень похожие призывы, обращаемые к крестьянам, формулировали в те же дни (и чуть ранее) и сторонники царя Владислава Жигимонтовича. Так, в царской грамоте торопецким воеводам звучало: «А каторые люди будут еще не насытились межусобные крови, учнут слова бездельные вмещать или своим воровством учнут каким людем всякое насилство и грабеж и обиды чинити, и вы б тех людей сыскивали и по винам смотря, указ им делали, а иных смотря по вине, к нам к Москве прислали, чтоб в нашем Российском государстве вперед от воров смут и ссоры никакие не было, и жить бы всем православным крестьяном в тишине и в покое безо всякого суетного позыванья, а никто б никого не обидел»¹¹⁹.

После событий под Тихвином и Бронницами 1613–1614 гг. внутри новгородского общества наступает ожесточение. 30 августа 1613 г. шведы учинили в Новгороде допрос тихвинскому игумену: не поддерживали ли его в упорном сопротивлении шведам новгородцы? Игумен отвечал отрицательно, указывая, что он укрепился в Тихвине и защищался против шведов по своей инициативе и по желанию кн. Д. М. Пожарского¹²⁰. В 1613 г. Андрей Лысцов умер, а Семена Лутохина отеснил на второй план дьяк Пятой Григорьев.

¹¹⁸ Отписка новгородских бояр и воевод Ивану Зюзину и всем каргопольцам о том, что денежные сборы в Водлозерской волости производятся Гансом Мунком по их распоряжению ввиду того, что названная волость принадлежит Новгородскому уезду. 1612 (?). 10.07 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 533.

¹¹⁹ Указная грамота царя Владислава Жигимонтовича в Торопец воеводам Александру Игнатьевичу Чеглокову и Ивану Федоровичу Кафтыреву с извещением о возведении его польским королем Сигизмундом на русский престол. 1610. 17.12 // Акты служилых землевладельцев XV-нач. XVII века. Т. 2. М., 1998. № 185. С. 174-175.

¹²⁰ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 111.

1615 г. оказался переломным. С этого времени государства уже только делят земли — наступает время взаимных обвинений, огульных и лживых. Например, такое обвинение занявших Новгород шведов содержится в грамоте царя Михаила Федоровича к французскому королю в мае 1615 года: «И оплоша разговоры и ссылками, Новгород за ссылкою и крестным целованием взял, и многую крестьянскую кровь полили, и монастыри и церкви Божии разорили, больши семьдесят одних монастырей опричь мирских церквей, а мирских церквей больши 1500 без Божия пения учинили. И образы многих святых осквернили, и дворы всяких людей пожгли... И ныне в Новегороде и во всех наших городех, митрополита Исидора и боярина и воеводу князя Ивана Одоевского держит в неволе, и Новгородское государство и ноугородцкие пригороды и уезды разоряют и пустошают».¹²¹ Однако тремя годами раньше, в 1612 г., после возвращения в Ярославль посольства Степана Татищева, отзыв о «немцах» в Новгороде был вполне благоприятным, а известия о пленении шведами князя Одоевского и митрополита Исидора нельзя оценить иначе, как намеренное введение в заблуждение адресата послания. Шведы отвечали почти теми же словами. Именно в правление Густава Адольфа появляется такое отношение к москвитам: «Московиты... — те же турки» — так говорится в шведских геральдических легендах начала XVII в.¹²²

Осенью 1613 г., после окончательного утверждения в Москве Романовых, началось приготовление к походу на Новгород. Наиболее известные события того времени связаны с Тихвинским монастырем и т. н. «национальным и / или религиозным подвигом», совершенным в этой части Новгородской земли в ноябре 1613 г. Как показал О. А. Курбатов, события под Тихвином носили случайный характер и начались с похода нескольких казачьих станиц, посланных московским правительством в Псков, в малоразоренные области Новгородчины, где казаки и столкнулись с шведским гарнизоном, «выбитым» из Большого Тихвина монастыря Андреем Трусовым. В главе 4 мне приходилось упоминать о том, как события под Тихвином оценивались в Новгороде, в частности — главой новгородской церкви митрополитом Исидором¹²³.

Однако роль основной ударной силы, которая должна была выбить шведов из Новгорода, предназначалась не шедшим «самовольством» под Тихвин казакам, а армии кн. Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, посланного под Новгород по Московской дороге.

¹²¹ Грамота царя Михаила Федоровича к французскому королю от мая 1615 г. // *Берх В.* История Михаила Федоровича. СПб., 1832. Ч. 2. Приложение 15. С. 116–159.

¹²² *Юсим М. А.* Рец.: Лейф Тенгстрем. «Московиты... — те же турки»: русские атрибуты в шведской геральдике от Густава Вазы до Столбовского мира. Ювяскюля, 1997. Т. 1–2 // *Средние века.* Т. 61. 2000. С. 385–388.

¹²³ «...из Новагорода идти им на богоотступников на полских и на литовских и на русских воровских людей, на тех, которые полские и литовские и русские воровские люди в Обонежской пятине монастырь Пречистые Богородицы Тихвинские и иные монастыри выграбили, и у чюдотворного образа пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад обобрали, и монастыри разорили и посад Тихвинской выжгли и Тихвинского игумена Иосифа и старцов и слуг и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поймали, и ныне воюют т разоряют многие места до основанья, а то розных денег с митрополита и с монастыри взято» (Приходо-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:136. С. 767–768).

Официально московские власти уведомили новгородское правительство Делаярди — Одоевского об избрании на царство Михаила Романова только в октябре 1613 г. Грамоты были отправлены из находившегося в походе войска кн. Д. Т. Трубецкого как к Якову Делаярди¹²⁴, так и к новгородским дворянам «и всяким людям»¹²⁵. Интересно, что в грамоте к Делаярди Трубецкой не скрывает прежних сношений Подмосковного ополчения с генералом, однако упрекает шведского генерала в лицемерии и в недостаточном усердии в борьбе против поляков.

Если в 1612 г. посольство Степана Татищева доносило в Ярославль о «мирном сосуществовании» в Новгороде шведов-лютеран и православных, то в грамоте Трубецкого уже содержится упрек шведам в гонениях на православную церковь: «оплоша оманом взял и казну царскую всякую, что было в Новгороде и запасы всякие и наряд поимали, и митрополита и боярина и воеводу, и дворян, и приказных людей, и гостей и всяких служилых и жилетских людей переграбили, а многих побили и кровь крестьянскую невинно пролили, и церкви Божии и монастыри разорили и осквернили, и образы обдирали, всякое зло дела, чего слышети не годитца». Надо сказать что в более поздних документах такой упрек будет повторяться практически без изменений, как в посланиях, адресованных в Новгород, так и в грамотах, направленных за границу.

Однако грамота Трубецкого к Делаярди сохраняет возможность для совместных действий шведов и москвичей против Польши и Литвы: «А стояти б нам и вам всем на обших наших недрузей, на польских и литовских людей вместе заодин». Идея такого союза проговаривалась в посланиях Карла IX к Василию Шуйскому; сам союз был заключен в Выборге в начале 1609 г., ему же — что важно — следовали Подмосковное и Нижегородское ополчения в 1611–1612 гг. К идее такого союза дипломатия обеих стран придет после заключения Столбовского мира в 1617 г.

Однако в послании, направленном Трубецким к новгородцам практически одновременно с грамотой к Делаярди, содержится прямой призыв к оказанию военной помощи как путем поставок продовольствия, так и путем сообщения военной информации и прямого перехода на сторону Москвы: «И вы б помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Русии и ему, государю, служили и прямили и добра во всем хотели и с его государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст, и смотря по тамошнему делу в Нове б есте городе про всякие вести проведывали, много

¹²⁴ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого Якову Делаярди, извещающий об избрании на Московский престол царя Михаила Федоровича и о походе Трубецкого на Новгород. Список. 1613. 18.10 // RA. Militaria:1287:14.

¹²⁵ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающий о его походе на Новгород. Список. 1613, октябрь (?) // RA. Militaria:1287:13.

ль ныне в Новгороде (с) Яковом Пунтосовым неметцких и всяких воинских людей, и что его Яковлево умышление»¹²⁶.

Со времени публикации первых документов эпохи Смуты в начале XIX в. известно, что в эпистолярном наследии Смутного времени взаимные упреки в еретичестве, богоотступничестве и проч. были распространенным полемическим ходом. В Новгородских и Псковских землях на разных этапах гражданской войны начала XVII в. активными участниками политического противостояния были сторонники как шведской, так и польской ориентации; однако, разумеется, открытого (да и какого-то иного) отхода от православия ни одна из сторон не демонстрировала. Равным образом в посланиях зарубежных (соответственно, лютеранских и католических) политических игроков распространены обращения к православному духовенству Северо-Запада. В особенности это, разумеется, касается шведской стороны. Еще в августе 1609 г., в недели первых успехов совместного шведского и новгородского воинства на Верхней Волге, Карл IX обращается к духовенству тех уездов, которые присягнули Тушинскому вору с призывом сохранять присягу своему царю Василию Шуйскому¹²⁷, и уговаривает берегаться от польского короля и от помощников — от папы римского и короля «шпанского».

Важно подчеркнуть, что в посланиях кн. Д. Т. Трубецкого, обращенных к Делагарди и к новгородцам, в составе воинства, идущего с ним к Новгороду, так сказать, «особой строкой» выделены мусульмане.

Еще в грамоте из Ярославля к Делагарди, составленной в апреле 1612 г., состав ополчения перечислен следующим образом: «Дмитрей Пожарской с товарищи и чашники и стольники и дворяне большие и стряпчие и приказные люди и жильцы и дворяне из городов и дети боярские и головы стрелецкие и казачье и сотники и гости и торговые люди и стрельцы и казаки и Понизовских городов царства Казанского и иных всех городов князи и мурзы, и татарове, и Литва, и немцы, которые служат в Московском государстве, и всех чинов всякие люди»¹²⁸.

Гораздо более воинственно звучит перечень идущей на Делагарди армии кн. Д. Т. Трубецкого: «А будет ты из Новгорода не пойдеш, и мы, спрося у Бога милости, идем к Новугороду со многими великого государя нашего царьского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств и с Казанскою и с Астраханскою и иных Понизовными города с князи и с мурзы, и с татары, и з донскими и с волскими, и терскими, и яицкими, и сибирскими атаманы, и с казаки, и с стрельцы со многим огненным боем и многих Поморских городов с ратными людьми, и мордва, и черемиса»¹²⁹.

Примерно тот же перечень войска приведен и в послании Трубецкого новгородцам: «государя нашего царьского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных Понизовых городов с князи

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Лист Карла IX к патриархам, митрополитам, игуменам, воеводам, боярам и дьякам и всяким людям с призывом сохранять верность своему царю Василию Шуйскому...

¹²⁸ Грамота кн. Дмитрия Пожарского из Ярославля в Новгород Якову Делагарди о посылке к нему посольства С. Л. Татищева. Список. 1612, апрель // RA. Militaria:1287:8.

и с мурзы, и с татары, и з донскими, и с волскими, и с яицкими, и с сибирскими с атаманы и с казаки, и с стрельцы со многим огненным боем и многих Поморских городов с ратными людьми, и мордва, и черемиса, и з большим огненным нарядом»¹³⁰.

Рассмотрим, как могли отразиться эти послания на настроениях новгородцев. Сразу отмечу, что цитированные выше документы — это списки с московских грамот, снятые в Новгородской приказной избе для правительства Делагарди — Одоевского (и составившие впоследствии один картон фонда Militaria). Таким образом, конкретно очертить круг читателей этих грамот достаточно сложно.

Мне удалось выявить имена 415 новгородцев, отъехавших из Новгорода («в московские полки», в Осташков, в Псков и т. д.) в течение ноября 1611 г. — октября 1616 г. Нет сомнения, что этих людей было значительно больше; также нами в данном случае учтены лишь главы домов: многие новгородцы, как указывают источники, отъезжали с семьей и иными домочадцами; некоторые, напротив, покидали семью в Новгороде. Однако удастся проследить примерную динамику их отъезда.

Из 413 человек к январю 1613 г. на сторону политических противников Новгорода перешло всего 55 человек. Весна 1613 г. — время, когда на Московском престоле утверждался Михаил Романов, а воеводы Пожарский и Трубецкой постепенно теряли власть, принесла с собой отъезд еще примерно пяти-шести человек. Летом 1613 г. произошли существенные изменения. Гдов признал власть псковских воевод и «отложился» от Новгорода. Известны имена еще 15 новгородских дворян, отъехавших в это время (но далеко не все они связаны с Гдвом, в частности шестеро из них — это дворяне Нарбековы и их родственники, бежавшие непосредственно из Новгорода¹³¹). В августе 1613 г. стоявшие гарнизоном в Порхове новгородцы приняли решение передать город московским властям, попытались обезоружить шведский гарнизон, но, потерпев неудачу, бежали в Псков, прибавив к списку отъехавших еще 13 человек (их, несомненно было больше).

Но наступает поздняя осень, а потом и зима 1613/14 г. — время, когда, вероятно, уже все новгородцы знали, что в Москве избран царем Михаил Федорович. Количество новгородцев, бежавших из города и маленьких гарнизонов, а также из своих поместий увеличилось сразу на 35 человек. Еще 17 человек уехали весной, а летом 1614 г. отъезды приняли повальный характер: к 7 сентября 1614 г. уехавших новгородцев уже 160 (к 19 января их 85, т. е. за полгода их уехало почти столько же, сколько за предыдущие два с половиной), за оставшийся период прибавилось еще 45–46 человек.

Выше я упоминал о мусульманской составляющей московского войска. Парадоксом является то, что среди оставшихся на стороне правительства Делагарди — Одоевского число татар и новокрещеных было заметным: именно татар мы встречаем и отдельным воинским соединением в сражениях под Тихвинским монастырем осенью 1613 г., и

¹²⁹ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого Якову Делагарди...

¹³⁰ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям...

¹³¹ Селин А. А. Об «изменах» в Новгороде...

среди челобитчиков о поместьях «изменников» — новгородских дворян, отъехавших к Бронницам и Рамышевскому острогу летом 1614 г.

Интересен один из последних по времени документов, попавших в Новгород уже в апреле 1615 г. по окончании посольства в Москву архимандрита Киприана. Эта грамота адресована оставшимся в Новгороде жителям Освященным собором в Москве. Она содержит упрек в умалении чина Михаила Федоровича, которому новгородцы били челом, отправляя Киприана в Москву, — не назывании его «всеа Руси», притом что «в(с)е великие государи цесарский и король шпанский и вси крестьянские государи и короли и наивышший папа рымский и мусульманские великие государи, шах персицкой и салтан турецкой и иные мусульманские государи все описуют его царское именованье царем всеа Руси и самодержцем по его царскому достоянию». Новгородцы били челом царю Михаилу Федоровичу о начале переговоров, «как будто вы во многое времена о всяком добром деле о отечестве своем и о единовестве попечение имели и нам бы, господине отцы неотступно поминати и о том докучати великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси самодержцу». Однако в Москве такой доброй воли новгородцев уже не восприняли; все, на что им полагалось надеяться, следуя грамоте Освященного собора, — только на милость царя Михаила Федоровича: «государь, по своему царскому милостивому нраву рать посылая по христиан нашем верою не хотя видети в своей царской искони вечной (сверху: прародительской) отчине Новгородском государстве святых Божиих церквей и честных великих обителей досталь от германского зброду разорения, чюдотворных образов и мощей святых в обругании и вас, богомольцов своих и все(х) православных крестьян в конечном разореньи и опасеньи и в нестерпимых ваших бедах и в гонении еси в немилостивом мучительстве и чтоб наша истинная православная хрестьянская вера греческого закона его царским попечением и осмотрием и доброопасных содержательством во всех его великих государствах сияла яко под небесем пресветлое солнце по-прежнему». Выше я упоминал, что участники миссии — дворяне Яков Боборыкин и Матвей Муравьев — вступили в тайные переговоры с московскими боярами (при посредстве бывшего тушинского дьяка Петра Третьякова, с которым они должны были быть знакомы еще по деятельности того в Новгороде в месяцы правления Ивана Салтыкова) и были даже приведены к присяге царю Михаилу Федоровичу. Вернувшись в Новгород, оба дворянина были арестованы, а Яков Боборыкин¹³² чудом избежал казни. Однако мос-

¹³² Судьба Якова Боборыкина подробно рассмотрена в книге Г.А.Замятина (*Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 134–140*). Однако он не исследовал его жизни на московской службе по окончании Смуты. Мне известно вот что: в декабре 1617 г. Я. М. Боборыкин служил воеводой в Старой Руссе вместе с дьяком Ильей Дубровским (Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу Хованскому и Мирону Андреевичу Вельяминову да дьякам Андрею Варееву и Третьяку Копнину о покупке хлеба для ратных людей, о причислении Сумерского погоста и Старополья в ведение Старорусского воеводы и о большем радении о земских и государевых делах. 1617. 4.12. Список // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–9). Позднее он оказался в Москве, где служил судьей Поместного приказа с 14 ноября 1621 г. по декабрь 1628 г., при боярине кн. А. В. Сицком (*Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 121*). В боярской книге 1627 г. Я. М. Боборыкин —

ковское правительство, видимо, призадумалось. С конца 1616 г. из Тихвина в Новгород посылаются грамоты к новгородцам с убеждением потерпеть оставшееся до долгожданного мира время с уверениями в благорасположении к ним царя Михаила Федоровича. В марте 1617 г., когда в Новгород въехал назначенный из Москвы воевода кн. И. А. Хованский, он имел на руках грамоту царя Михаила Федоровича к митрополиту Исидору и всем новгородцам «о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам», в которой содержались слова о том, что «...мы, великий Государь, хотим вас всех жаловати нашим царским жалованьем против Вашей службы, и вы б все были на нашу царскую милость и жалованье надежны»¹³³. Таким образом, московские власти возвращались в Новгород на основе широкого компромисса: все службы новгородцев при шведах им засчитывались, а их пребывание под шведской властью объявлялось «немецким пленом». Думается, такая политика компромисса была связана с тем, что Филарет еще не вернулся из польского плена. С лета 1619 г. политика московских властей резко меняется в направлении ксенофобии и обскурантизма.

III. Жизнь и смерть

В годы Смуты, как и во время любой войны, ценность человеческой жизни резко падает. Но несмотря на общее ожесточение в Новгороде, несомненно присутствовавшее во все годы Смутного времени и никуда не исчезнувшее при шведской администрации, мне известно лишь об одной публичной казни в Новгороде в годы новгородско-шведского альянса. Казнен был пятиконецкий староста Андрей Ременников. Он стал своего рода «козлом отпущения» за всех новгородцев, так или иначе вступивших в контакт с Москвой во время Дедеринских переговоров. Среди вступивших в контакт были не только открыто перешедшие на сторону Москвы У. Лупандин, Я. Боборыкин, Ф. Витовтов, но и многие из тех, кто сохранил высокое положение в Новгороде вплоть до февраля 1617 г., такие как подьячий Григорий Собакин или кн. И. А. Мещерский. Однако лишь староста Ременников был казнен в середине июля 1616 г.: «а Новгородского пятиконецкого старосту Андрея Ременникова казнили тому недели с две, отсекли де голову, а тело покинули, а голову взакинули на кол, за то: как были государевы по-

дворянин московский (Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 70). По сведениям С. Шокарева, он скончался в 1631 г. ([Шокарев С.] Указатель имен // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 479).

¹³³ Грамота государя царя и великого князя в Новгород митрополиту Исидору и всем духовного и светского чина людям известительная: о заключении с шведским королем Густавом Адольфом мирного договора, по коему Новгород возвращен паки к Российской державе; о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам. 1617. 27.02 // СГГД. Ч. 3. 1822. № 34. С. 149–154.

слы на Песках с свейскими послы на съезде, и он тогда государю служил и к государевым послом на Пески (ездил)»¹³⁴.

Приговоренный в 1616 г. к казни за пропуск беглецов за Славенские ворота Федор Бестужев был прощен Делагарди и отдан на поруки. В апреле 1616 г. вместе с Игнатием Скобельцыным Федор Бестужев стоял на заставе в Славенских воротах. Согласно поданному на Бестужева извету, утром 27 апреля они нелегально пропустили через ворота около десяти новгородских посадских. Находившийся при воротах целовальник Иван Иванов поначалу воспротивился этому, но Бестужев и Скобельцын отвечали ему: «это не твоя наша (ноша?)». Вместе с новгородскими служилыми людьми на заставе у ворот стояли шведские солдаты и татары, что не помешало бегству посадских людей из города. На очной ставке с целовальником, проведенной перед дьяками Семеном Лутохиным и Пятым Григорьевым, судьей Василием Трусовым и подьячим Григорием Собакиным, Федор Бестужев на обвинения отвечал, что никого из пропущенных новгородцев не знает. Целовальник же И. Иванов показал, что за три дня до событий к воротам приходил никитский поп Никита и обратился к нему: «мочно ли проехать за город, а с Федором де у меня слово было, возми де ты себе на колачи... И показал мне в пясти денег много». Целовальник ему отказал, на что Бестужев стал браниться: «ты попа пропустить не хочешь, а он мне отец духовный». Спрошенный в связи с показаниями И. Иванова Ф. Бестужев отвечал, что ранее посылал целовальника осматривать судно, тот его не послушал, тогда Бестужев его ударил, в результате чего между ними возникла неприязнь. При допросе попа Никиты выяснилось, что Федор Бестужев ему не духовный сын, зато племянница Федора, которая замужем за Никитой Калитиным, — действительно духовная дочь попа. Допрошенные по этому делу посадские люди показали, что Ф. Бестужев пропустил десятерых человек во время обедни в Св. Софии, Бестужев же показал, что в обедню он был в Земской избе, а не на карауле. Вместе с Бестужевым и Скобельцыным на карауле находился также подьячий Третьяк Посадников. Он, видя, что Бестужев незаконно пропускает посадских, указал ему на это. Ф. Бестужев ему ответил: «ты мне, детина, указываешь!» Допрошенный 29 апреля, он обвинил Посадникова в том, что тот взял «скупу» с проехавших в полтора рубля. 29 мая переводчик Эрик Андерссон зачитал запутавшемуся в своих показаниях Бестужеву обвинение и приговор: «приговорил воевода Яков Пунтосович Делегард казнить тебя за твою вину смертной казнью». 1 мая Делагарди «положил милость: велел казнить не смертной, а торговой казнью Федора Бестужева. Бит кнутом, посажен в тюрьму до указа»¹³⁵.

В последние недели шведской администрации город опустел. Однако готовившиеся к уходу «немцы» продолжали педантично взимать платежи. Эскалация насилия не прекращалась. В вестовой грамоте, переданной в Тихвин через английского переводчика

¹³⁴ Расспросные речи лазутчика новгородца Родки-Нехорошки Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 297–299, 303, 300, 301, 304, 302, 305, 306 (листы перепутаны).

¹³⁵ Дело о пропуске сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славенских воротах заставы. 1616, апрель–май // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 77–78.

«Юрья Родионова», содержалось лапидарное сообщение: «Декабря 17 день на правежи убили Левку да Матюшу да Петрушу»¹³⁶.

Смертность в тюрьмах, гибель людей от болезней и голода были гораздо более массовым явлением того времени, нежели казни. Роспись шведских пленных, содержащихся в Тихвинской тюрьме с 1613/14 г., показывает, что большая часть пленных умирала. Роспись даже завершается словами: «А кто не послан к Москве, все померли»¹³⁷. Сходная картина наблюдалась и в Смоленской тюрьме времен осады города Сигизмундом в 1609–1610 гг.¹³⁸

Смерть — спутник человека во все эпохи, как в военные, так и в мирные. Новгородские документы начала XVII в. показывают такой пример смирения пожилого человека перед своим возрастом. Среди бежавших из Пскова в Новгород детей боярских был пожилой Семен Ишуков сын Матюшкин, еще в 1585/87 гг. служивший стрелецким сотником в Пскове или Изборске и владевший поместьями в Изборском и Дубковском уездах¹³⁹. Вскоре по прибытии в Новгород, в конце 1611 г., он бил челом Делагарди и Одоевскому с просьбой о даче денег на пострижение в монахи: «Служил я, государи, всякие службы бывшим государям царям пятьдесят лет, а нынеча, государи, я обнищал, животишка мой вес во Пскове и поместье, а я волочус в Новегороде другой год, стар и болен конечен, а призрити меня бедного некому». Бояре дали ему на пострижение и похороны рубль¹⁴⁰.

Близкие люди пеклись о правильных и своевременных похоронах умершего. Уже после Смуты у одного из помещиков Водской пятины, Ивана Борисовича Секирина, в разгар паники по поводу известий о моровом поветрии за рубежом, 21 декабря 1629 г., на пятом году жизни умер сын Савва от «огневой болезни». В связи с известиями о моровом поветрии за рубежом Иван Секирин бил челом царю Михаилу Федоровичу о разрешении отвезти тело сына в Новгород и похоронить его в Антониевом монастыре, добавляя, что «в том монастыре у меня лежит и отец и дядя и жена и дети»¹⁴¹. О других детях И. Б. Секирина мне не известно, но на схеме постараюсь показать других родственников служилого человека.

¹³⁶ Список с грамоты английского посла Джона Мерика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. 1616. 5.12 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 221–223.

¹³⁷ Роспись пленным, содержащимся на Тихвине. 1616, мая // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 34–40.

¹³⁸ Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609–1610 гг. // ИА. 1960. № 5. С. 129–139.

¹³⁹ Платежная книга Псковской земли по писцовой книге псковских пригородов Воронача, Выбора, Гдова, Дубкова, Изборска, Кобылья, Острова и их уездов писцов Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина. // Сб. МАМЮ. 1913. Т. 5. С. 312, 357, 358.

¹⁴⁰ Челобитная боярам и воеводам псковского помещика Семейки Матюшкина о даче денег на пострижение в монахи. 1611, конец // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 19.

¹⁴¹ Челобитная царю Михаилу Федоровичу сына боярского Ивана Борисовича Секирина о разрешении ему похоронить умершего сына в Антониевом монастыре. 1629. 21.12 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 476.

Схема 1. Родственные связи Ивана Борисовича Секирина

В том же Антониеве монастыре в начале XVII в. были похоронены убитый новгородцами М. И. Татищев, дети боярина кн. И. Н. Большого Одоевского Василий и Иван¹⁴², а в 1616 г., вероятно, и сам боярин.

IV. Семья и брак

Одна из важных проблем, встававших во время Смуты, — это потеря родственных и семейных связей, подчас сознательная, подчас произошедшая в силу обстоятельств. Во взаимоотношениях между противоборствующими сторонами важное место занимал вопрос о судьбах находящихся в противоположном лагере жен и детей. Примеров такого разделения семей новгородские материалы дают множество.

Вскоре после 21 июня 1611 г. из Новгорода отъехал кн. П. И. Пронский. Вскоре он оказался в подмосковных таборах. Однако в Новгороде осталась его жена, княгиня Авдотья, и малолетний сын Михаил. 14 марта 1613 г., через полтора года после отъезда мужа, который в то время служил холмогорским воеводой, княгиня Авдотья получила в Новгородском дворце три рубля на отъезд в Москву с гонцом Воином Богучаровым¹⁴³. Ее сын, юный князь Михаил Петрович, тем не менее остался в Новгороде. Следов его присутствия в городе материалы Новгородского оккупационного архива не содержат; однако он числился одним из самых важных пленных, удерживаемых в Новгороде¹⁴⁴. В

¹⁴² Мятлев Н. Место погребения Михаила Игнатъевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

¹⁴³ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 549–550.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 49–50.

марте 1614 г. воевода Рамышевского острога Андрей Федорович Палицын, следуя указанию из Москвы, требовал в обмен на тело шведского капитана Бакнера «князь Петрова сына Пронского князя Михайла да Томилова сына Луговского да Васильевых да Ефимовых детей Телепнева да детей боярских да атаманов и казаков»¹⁴⁵. Указаний на детей Василия Телепнева мне в новгородских документах не встретилось; дети же Е. Г. Телепнева Иван, Михаил, дочери Анна и Александра известны из источников¹⁴⁶.

На распродаже имущества казненного М. И. Татищева на торги были выставлены «постеля, зголовье, 3 подушки, наволоки на всех белые, цена пол-2 рубля, и бил челом о той постеле князю Михайлу Васильевичу Яков Микитин сын Вышеславцов: сказал, што та постеля была у Михайла отца ево Микиты, а Михайло был ему Якушки дядюшка, и та ему постеля по приказу боярина князя Михайла Васильевича отдана». Яков Вышеславцев — это сын виднейшего новгородского военачальника эпохи Смуты Никиты Васильевича Вышеславцева. Впоследствии о Якове Вышеславцеве известно, что в июле 1617 г. он приводил к присяге царю Михаилу Федоровичу жителей сельских районов Новгородской земли¹⁴⁷.

В 1608 г. младший Вышеславцев добился отдачи ему сабли из имущества Татищева¹⁴⁸, а также меринка, «голуб 7 лет... отдан по сыску Якушку Микитину сыну Вышеславцову без денег потому: бил челом о том меринке Якушко князю Михайлу Васильевичу, а сказал, что та лошадь ево Якушкова, приехал на той клячи из деревни перед Михайловой смертью незадолго, и жил у Михайла, а Михайло по матери был ему дядя»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. 1614, марта после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

¹⁴⁶ Челобитная боярам и воеводам детей Ефима Телепнева Ивашки да Михалки о том, что с их поместных деревень в Воскресенском погосте на Сяси берут кормов столько, сколько по дзорным книгам значится с поместья их отца, Ефима Телепнева, после смерти которого им дано только две деревни, а остальные пожалованы в поместье Гансу Бракилю. 1612 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 67; Выпись из росписи русских полоняников, оставленных шведами в Новгороде для обмена на пленных, взятых псковичами. 1615, мая // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 209–211. По мнению Д. В. Лицейцева, В. Г. Телепнев происходит от князей Телепневых-Оболенских, чем обусловлена быстрая карьера его в Посольском приказе (упомянут как подьячий в 1604 г., посольский дьяк с июня 1606 г., посольский думный дьяк с 1609 г.). В своей книге Лицейцев упоминает о службе Е. Г. Телепнева в новгородских дьяках, но не касается первых ступеней его карьеры в новгородских подьячих (*Лицейцев Д. В. Посольский приказ... С. 77–79*).

¹⁴⁷ Сын Якова Федор служил при царе Алексее Михайловиче ясельничим. Несколько эпизодов его биографии описаны в монографии П. В. Седова. Особенно характерен эпизод со сном, бывшим Ф. Я. Вышеславцеву в ночь на 18 марта 1677 г. о двое- и троеперстном крещении (*Седов П. В. Закат Московского царства... С. 187, 189, 272*).

¹⁴⁸ Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 8.

¹⁴⁹ Там же. С. 30. О том, что Никифор Федорович Вышеславцев — тесть И. П. Татищева, писал Ю. В. Татищев, обратив внимание на упоминание в Помяннике Московского Успенского собора среди рода Татищевых Никифора и Евдокии — тестя и тещи думного дворянина И. П. Татищева (*Татищев Ю. В. Татищевы и Писемские // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 70–79*). Н. Ф. Вышеславцев в «боярской книге» 1556/57 г. упомянут как наместник Ошты в 1553–1554 гг., владелец поместья в 24 выти (из термина неясно, в каком уезде), с окладом в 20 рублей (*Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып. 10. 2004. С. 102*).

Сестра убитого М. И. Татищева Агафья была замужем за боярином кн. И. Н. Большим Одоевским, который с 1608 г. находился в Новгороде. Весной 1611 г., после свержения Салтыкова он возглавил городскую администрацию. Тогда же было возбуждено дело о двух образах, оставшихся в Новгороде после убийства Татищева¹⁵⁰. По делу, в частности, привлекался один из правителей Новгорода боярин кн. И. Н. Большой Одоевский¹⁵¹. Во время допроса кн. Одоевский недвусмысленно именуется шурином убитого М. И. Татищева, получившего искомые образы «по московской грамоте»¹⁵². В новгородских кабальных книгах 10 марта 1616 г. упомянуто о записи за себя холопов «боярина и воеводы князя Ивана Никитича Большого Одоевского жены у княгине Огафье Игнатъевны»¹⁵³. В 1616 г. тело кн. И. Н. Одоевского было перевезено в Москву, о чем сообщал Джон Мерик¹⁵⁴. После Столбовского мира живыми в Москву вернулись только его вдова Агафья и сын Никита.

¹⁵⁰ Черепнин Л. В. Новые документы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // ИА. 1960. № 4.

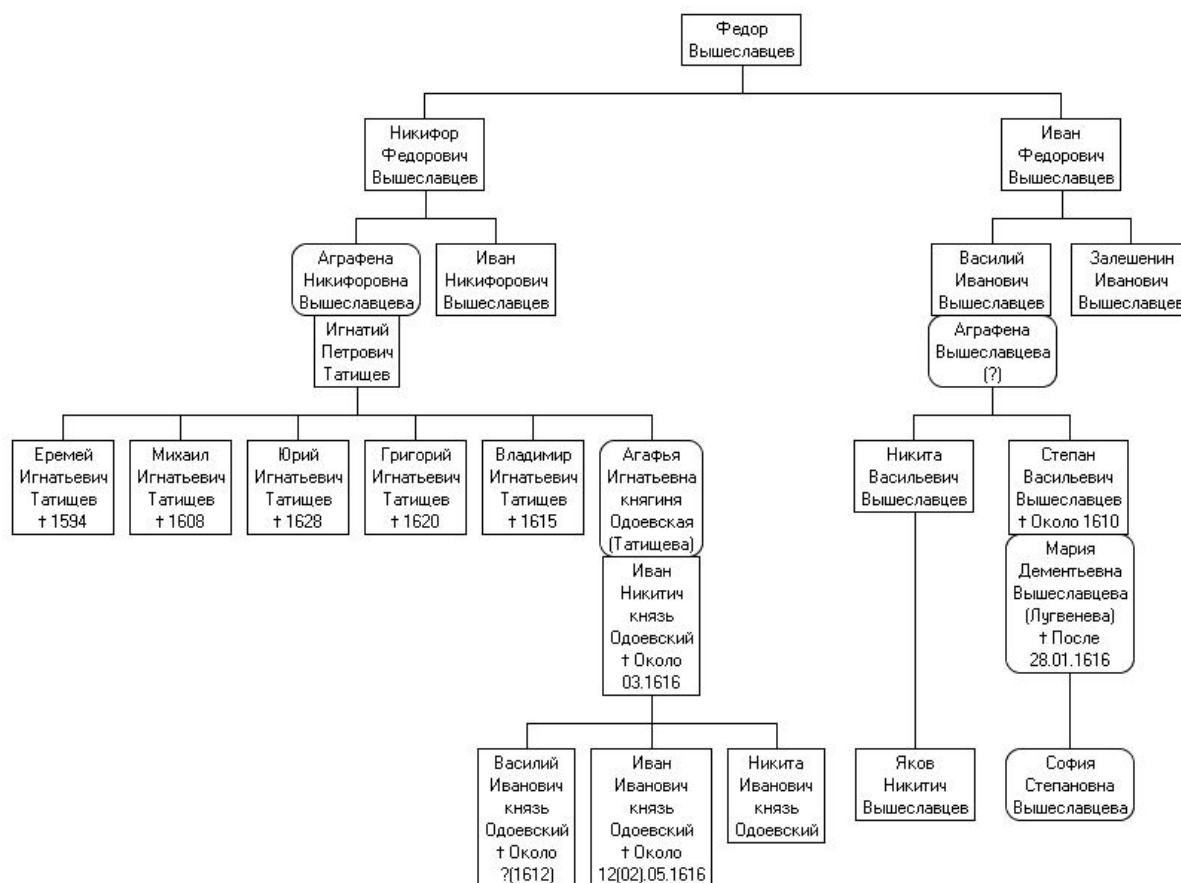
¹⁵¹ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

¹⁵² Полагаю, что инициатором сыска об этих образах, предпринятого в апреле 1611 г., был именно кн. И. Н. Большой Одоевский, пришедший к власти в Новгороде и являвшийся законным наследником убитого в Новгороде. Труд С. С. Татищева, посвященный родословию Татищевых, знает только братьев Еремея (ум. 1594 г.), Михаила (ум. 1608 г.), Юрия (ум. 1628 г.), Григория (ум. 1620 г.) и Владимира (*Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. СПб., 1900*). Видимо, у них была сестра, вышедшая замуж за кн. И. Н. Большого Одоевского. Не случайно, видимо, могила М. И. Татищева в Новгородском Антониеве монастыре располагалась близ могил малолетних князей Василия (ум. 1612 г.) и Ивана (ум. 1616 г.) Ивановичей Одоевских — его племянников (*Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатъевича Татищева...*).

¹⁵³ *Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. S. 88.* Видимо, именно около 10 марта 1616 г. кн. И. Н. Большой Одоевский скончался.

¹⁵⁴ Перевод письма Джона Мерика Якову Делгарди. 1616, апреля // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 216–218.

Схема 2. Родственные связи князей Одоевских с Татищевыми и Вышеславцевыми.

Существуют примеры того, как перешедшие на сторону противника служилые люди стремились установить связи с оставленными ими родственниками и облегчить их судьбу. Об этом свидетельствует включение в список пленных, содержащихся в Новгороде, жен и детей, оставленных отъехавшими на Московскую сторону. Оказавшийся в Москве старорусский подьячий Григорий Нечаев жаловался на арест своей жены в Новгороде английскому послу Джону Мериду.

Тот ходатайствовал за жену Нечаева перед Делагарди: «Да сказывал, господине, зде мне на Москве подьячей Григорей Нечаев, что жена ево сидела за приставом дватцат недел, а взяв из-за пристава посадили в тюрьму, а и ныне сидит в тюрьме. А мать ево и сестра и доч волочатца по двором, помирают голодной смертью. А которые, господине, бежали к государю наперед сего и после дворяне и подьячие, и их матерем и женам и детем никоторово де таково зла и худа не было»¹⁵⁵. Характерны эмоции Парфения Нарбекова, проявленные во время тайного отъезда из Новгорода. Он, прощаясь со своим сыном Григорием в 1613 г., заплакал и сказал: «Меня простите, а вас Бог. А ведаю яз и сам, что вам быти всем в тюрьме»¹⁵⁶. Большинство жен и детей, оставленных в городе, не сидели в тюрьмах; однако судьба их, оказавшихся без средств к существованию, бы-

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазарева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3.

ла трагичной. Эверт Горн, возглавивший новгородскую администрация зимой 1614–1615 гг., с удивлением писал королю 12 декабря 1614 г., в частности о том, что многие новгородцы бегут из города, оставляя жен и детей¹⁵⁷. Упоминавшаяся выше жена дьяка Третьяка Копнина Екатерина осталась в Новгороде с младшими детьми, когда ее муж Третьяк с сыном Петром поехал в Швецию в составе посольства юрьевского архимандрита Никандра в 1611 г.¹⁵⁸ Ее имя не упоминается в списках пленных, подготовленных в Москве (где после долгих скитаний в 1614 г. оказались ее муж и сын), равно как и в шведских списках хотя ее сын Юрий (будущий Порховский воевода) и бежал из Новгорода к московским послам. В 1617 г. она ехала в Москву. По дороге в 1617 г. ее взяли в плен «литовские люди», в восьми верстах от Устреки¹⁵⁹.

Взрослым мужчинам было легче. Вместе с Нечаевым об оставленных в Новгороде отце и племяннике бил челом в Посольский приказ пскович Петр Андреев сын Ногин, 9 ноября 1615 г. перешедший на московскую сторону под Тихвином¹⁶⁰. Отец Ногина, Андрей Тимофеевич Ногин, однако, в 1616 г. находился не за приставом, а на свободе, и был одним из тех наиболее авторитетных новгородцев, к кому Сванте Баннер и Ганс Бойе обратились за советом по запутанному судебному делу в сентябре 1616 г.¹⁶¹

Есть примеры воссоединения семей уже в процессе противостояния Новгорода и Москвы. Так, начиная с осени/зимы 1613 г. в Тихвине находится Игнатий Носакин. Его сын, Осип Носакин, служил в это время в Новгороде и выехал в Тихвин с группой дворян Водской пятины только 20 октября 1615 г. Вместе с ним вышел к Тихвину и Федор Павлов сын Гурьев, чей отец, Павел Афанасьев сын Гурьев, находился в Пскове с лета 1615 г.¹⁶².

Чаще всего оказавшиеся в Москве новгородцы упоминают об оставленных в городе женах. В первую очередь к размену предполагались жены самых видных лиц, причем не только в ходе больших переговоров, но и в ходе локальных перемирий. В 1614 г., к примеру, воевода Рамышевского острога А. Ф. Палицын предложил ротмистру Лоренцу Вагнеру обменять жену Смирного Отрепьева на двух шведов, «на Кашпира Рентебахера да на Анс-Индрика Флемина»¹⁶³. Однако у каждого были свои близкие. Яков Боборыкин, чье положение в 1614–1616 гг. менялось неоднократно, беспокоился о сво-

¹⁵⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. СПб., 1894. С. 129.

¹⁵⁸ Дело по челобитной Богдана Первого сына Мусина и дьяка Третьяка Копнина о пожаловании их семенным хлебом из пожалованного им поместья Федора Клементьева. 1612, авг. // RA, NOA, serie 2: 318.

¹⁵⁹ Отписка С. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ с сообщением о пленении жены дьяка Третьяка Копнина и об опасности дороги к Новгороду. 1617, августа около 17 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 9. Л. 148.

¹⁶⁰ Память думному дьяку Петру Третьякову о присылке в Посольский приказ пленных немецких людей и роспись пленных. 1616. 26.04 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 306–311.

¹⁶¹ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентября после 17 – 11.10 // RA, NOA. Serie 2:165.

¹⁶² Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о выходе к ним детей боярских Водской пятины. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 88–90.

их трех сестрах и тогда, когда колебался, переходить или не переходить на сторону Москвы, и тогда, когда уже оказался в московском лагере. Он, в частности, еще в конце октября 1616 г. волновался, что хлеб, посеянный им в Новгороде (имелось в виду, в пригородном поместье), был отдан не его сестрам, а Григорию Негановскому. Джон Мерик попытался ходатайствовать за сестер Боборыкиных перед Делагарди. Тот же считал, что когда Я. М. Боборыкин перешел в московский стан в Дедерине, то предал его лично, так как в 1615 г. Делагарди принял личное участие в судьбе Боборыкина и спас его от казни. Делагарди отвечал Мерику, «что Яковлевы сестры Боборыкина за его Яковлеву измену и потому достойны, что их в Свею ссылать и всякие де злые слова говорил»¹⁶⁴.

В годы Смуты, когда вдовство становится частым и распространенным явлением, повторные браки превращаются скорее в правило. Разумеется, такие явления можно зафиксировать и раньше. Так, 5 июля 1580 г. Богдан Иванов Скобельцын женился на княжне Домне, дочери кн. Матвея Мещерского¹⁶⁵. Однако в 1615 г. его вдову звали Татьяна; следует предположить, что это вторая жена¹⁶⁶. Е. И. Кобзарева проводит прямую линию между скоростью заключения браков и стремлением новгородских служилых людей приискать себе поместье. Думаю, такой вывод довольно поспешный. Далеко не все известные альянсы эпохи Смуты следует объяснять так рационалистически.

Количество браков Никиты Калитина сложно подсчитать. После гибели под Ельцом в 1606 г. сына боярского Григория Чуркина Калитин женился на его вдове¹⁶⁷. В 1616 г. он был женат на племяннице уже упоминавшегося Федора Бестужева (впрочем, вдова Чуркина вполне могла быть его племянницей)¹⁶⁸. Будучи ингерманландским байором, Калитин женился на дочери Исаия Аминева¹⁶⁹.

Источники сохранили сведения о браке еще одного известного новгородца начала XVII в., дьяка Андрея Константиновича Лыцова. Он происходил из новгородских подьячих и занял свое место в центральном аппарате только летом 1611 г. Лыцов был женат на Марии, дочери сына боярского Ивана Кузьминского. 12 апреля 1613 г. (за несколько недель до смерти) получил часть поместья Романа Неелова в Солецком и Петровском

¹⁶³ Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. 1614, марта после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

¹⁶⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе в Тихвин новгородского посыльного подьячего Постника Кувшинова и князя Ивана Путятин. 1616, октября после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 287–289.

¹⁶⁵ Кабалы, поданные Богданом Ивановым сыном Скобельцыным. 1598. 15.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 313–324. Стб. 112–117.

¹⁶⁶ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

¹⁶⁷ Списки русских перебежчиков, на которых были заявлены претензии со стороны шведских властей. 1618–1623 // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4) Л., 1926. Стб. 455–484.

¹⁶⁸ Дело о пропуске сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славенских воротах заставы...

¹⁶⁹ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие байог'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

погостах. Вместо него на отделе присутствовал его тесть, Иван Кузьминский, чье поместье находилось неподалеку. Не женился ли дьяк на соседке?¹⁷⁰

Интересно, что представления о благонравии совершенно не принимались во внимание при отделе поместий, хотя спорные с точки зрения нравственности ситуации несомненно возникали, в особенности в связи с массовой гибелью мужчин — служилых людей. Так, 22 мая 1611 г. в Молвятицком погосте Деревской пятины было отделено прожиточное поместье осиротевшим дочерям Игнатия Палицына Настасье и Фетинье. Возможно, за сестрами должен был приглядывать их дядя, Гаврило Палицын, но и он не дожид до момента отдела поместья своим племянницам. Девкам было отделено усадище Трубниково (Ярохово тож), в котором они жили, и еще соседняя пустошь. Однако среди жителей усадища был показан еще и бобыль Михалко Иванов¹⁷¹. Сложно сказать, какие отношения развились в усадище позднее между его жителями. Столь же сомнительная ситуация выявилась при отделе прожиточного поместья вдове Василия Литвинова Марии в Туренском погосте. Она получила в усадище Зехново «дворишко, где жил Василей». После отдела там поселилась сама вдова с детьми, «да с ними живет беспашенной бобыль Стешко Силин»¹⁷².

Некоторые родственные и брачные связи новгородцев фиксируются только по позднейшим расспросным речам. Сохранивший верность присяге Густаву Адольфу новгородский новокрещен Иван Муралеев остался после Столбовского мира в Копорье. Туда он вывез своего пасынка, Аникия Алексеева Харламова. Уже в Ингерманландии Иван Муралеев женил его на своей полонянке, дочери галичанина Федора Нелидова¹⁷³. Только в августе 1622 г. Харламов бежал вместе с женой и сыном из поместья отчима, бывшего в то время в походе с королем Густавом Адольфом, пришел в Новгород, где дал на себя поручную запись о неотъезде назад в Швецию.¹⁷⁴

Одна история, в которую оказались завязаны несколько новгородских семей, наложилась на бурные события Смутного времени и даже нашла отражение в материалах Посольского приказа.

Одна из крупных семей детей боярских Деревской пятины конца XVI – начала XVII в. — Мусины (позднее они восстановят в фамильном прозвище свое родство с Пушкиными и будут именоваться Мусиными-Пушкиными). Я насчитал 39 представителей этого рода, фигурирующих в документах конца XVI – начала XVII в. У одного из Мусиных,

¹⁷⁰ Отдел подьячим Семеном Михайловым поместий дьяку Андрею Лысцову и Михаилу Аничкову из поместья Романа Неелова в Солецком и Петровском погостах Водской пятины. 1613. 12.04 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 355–368.

¹⁷¹ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным прожиточного поместья дочерям Игнатия Палицына Настасье и Фетинье из поместья их отца в Молвятицком погосте Деревской пятины и части этого же поместья Гаврилу Палицыну. 1611. 22.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 753–757 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

¹⁷² Отдел губным старостой Андреем Обутковым прожиточного поместья Марье, вдове Василия Литвинова с детьми в Туренском, Пиросском погосте Деревской пятины. 1611. 5.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 383–387 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

¹⁷³ Видимо, родственнице Смирного Отрепьева.

Андрея Михайловича, было пятеро детей: Иван (о котором нет известий после 1607 г.), Сергей, ушедший в 1608/09 г. в казаки в стоявшее под Новгородом войско Кернозицкого¹⁷⁵, Федор, о котором известно только, что он скончался между 1 сентября и 1 декабря 1611 г., Богдан и Варвара. Варвара не позднее 1604 г. вышла замуж за Федора Семеновича Клементьева, от которого родила двоих детей — Павла и Ульяну. В сентябре 1607 г. Федор Клементьев погиб под Болховом.

Осенью 1610 г. в Новгороде сменился политический режим. Туда прибыл Иван Михайлович Салтыков, заставивший новгородцев присягнуть царю Владиславу. В это время Богдан Мусин, не нашедший себе отдельного поместья, служил службу с поместья, оставшегося за сестрой Варварой. В ноябре 1610 г. его посылают в Москву с грамотами; надо думать, он выполнял какое-то поручение нового правительства¹⁷⁶.

Вскоре после его отъезда появился претендент на поместье Варвары — ее двоюродный брат Богдан Первого Мусин, подавший челобитную новгородскому правительству. В челобитной Б. П. Мусин указал себе оклад в 300 четвертей и срок своей службы без поместья — 10 лет. Он сообщал, что сын Федора Клементьева мал и службы не служит, а дочь Ульяна — четырех лет. Рассмотрев его дело, 9 декабря 1610 г. Салтыков отказал челобитчику¹⁷⁷. При этом поместье за Павлом Клементьевым, равно как и за его дядей Богданом Андреевым сыном Мусиным, оформлено не было. Во встречной челобитной Павла (разумеется, за пятилетнего ребенка ее оформляла мать), было указано, что грамота на поместье в тот момент, осенью – зимой 1610 г., хранилась в Москве, у его дяди, стольника Ивана Ивановича Чепчугова.

Родство Чепчуговых и Клементьевых не самое дальнее. Оно может быть представлено следующей схемой (схема 3)¹⁷⁸:

¹⁷⁴ Расспросные речи выходца из-за шведского рубежа сына боярского Аникея Алексеева сына Харламова. 1622. 8.09 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 115.

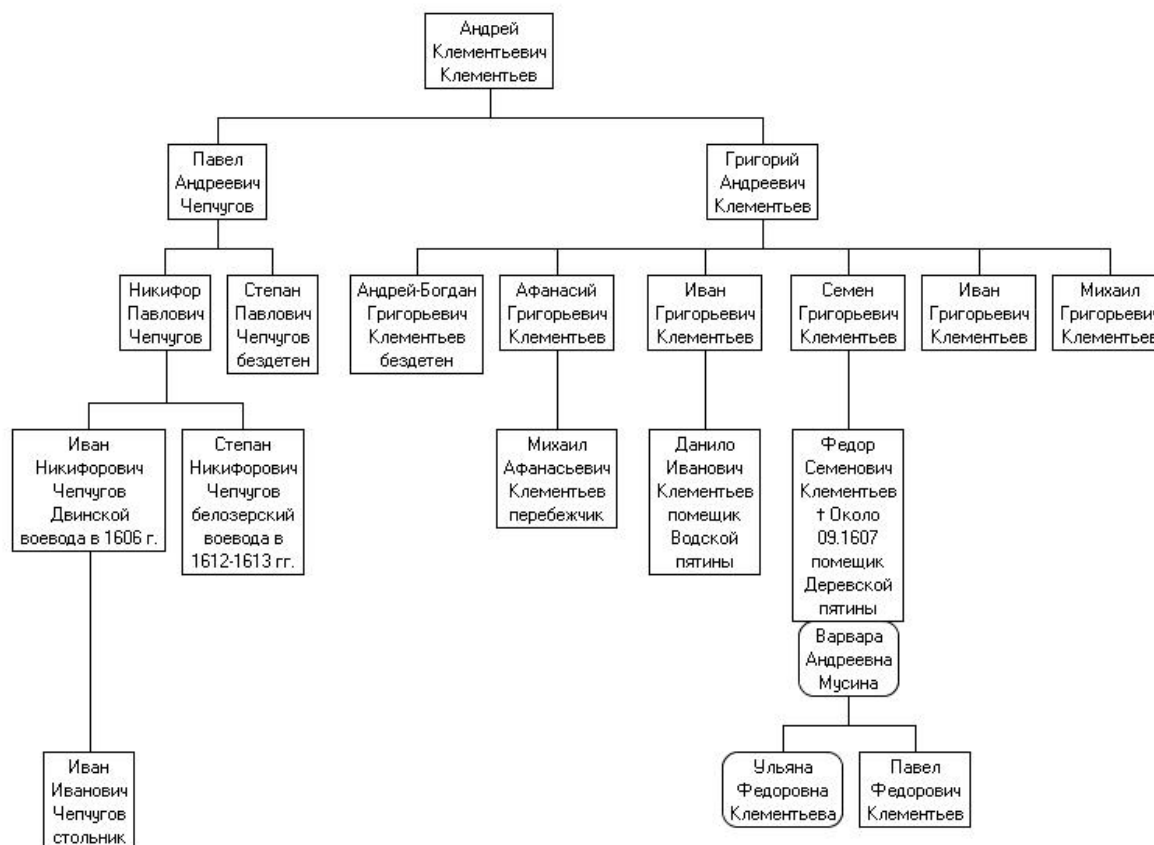
¹⁷⁵ Обыск губного старосты Андрея Обуткова о поместье Андрея Михайлова Мусина в Локоцком погосте Деревской пятины. 1611. 1.12 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1065–1070 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 296).

¹⁷⁶ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 – январь 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ В публикации «Тысячной книги», предпринятой Н. В. Мятлевым и Н. П. Лихачевым, городской сын боярский 2-й статьи Локотского погоста Деревской пятины Семейка Григорьев Клементьев и псковский городской сын боярский 2-й статьи из Опочки Степанко Чепчугов сын Клементьев связываются с лицами, упомянутыми в родословце кн. А. Б. Лобанова Ростовского: «А Клементья Лукича сын Ондрей, и у Ондрея дети Павел, от него пошли Чепчуговы да Григорей Клементьевы, от него пошли Клементьевы, а у Павла Чепчугова дети Микифор да Степан бездетен... а у Григорья Ондреевича Клементьева 6 сынов: Ондрей, прозвище Богдан, бездетен, да Офонасей Фуник да Иван да Семейка да Иван Шапка Меньшого да Михайло... а у Семейки сын Федор, убит под Болховым» (*Мятлев Н. В., Лихачев Н. П. Тысячная книга 7059 г. // ЛИРО. Год 7. Вып. 1–2. М., 1911. С. 134. № 410 и 411*). Никифор Павлович Клементьев Чупчугов в 1567 г. получил в кормление г. Опочку в Псковской земле (Жалованная кормленная грамота ц. Ивана Васильевича Никифору Павловичу Клементьеву Чепчугову на г. Опочка в Псковской земле с корчмой и пятном под Василием Вешняковым с продлением 1568 г., «сряду на другой год» 1567. 25.05 // *Акты служилых землевладельцев. Т. 1. М., 1997. С. 289*).

Схема 3. Родство Клементьевых и Чепчуговых

Таким образом, стольник Иван Иванович Чепчугов приходился Павлу Клементьеву не дядей, а четвероюродным братом¹⁷⁹. Его отец, Иван Никифорович Чепчугов, появился на Северо-Западе в 1601/02 г. с ответственной миссией: он был послан Борисом Годуновым в Ивангород для раздачи хлеба служилым людям, в товарищах у Алексея Фомича Третьякова¹⁸⁰, а в 1606 г. служил воеводой на Двине. После победы над Лжепетром и свадьбы Василия Шуйского ему было сказано думное дворянство¹⁸¹. В декабре 1610 г. в королевском лагере под Смоленском ему было сказано ясельничество¹⁸².

¹⁷⁹ В комментариях к «Истории» Юхана Видекинда А. Л. Хорошкевич отмечает, что генеалогию Клементьевых можно узнать по книге В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина» (М., 1981. С. 188-189). Но в этой книге говорится о Клементьевых-своеземцах. Михаил же Клементьев был из рода, испомещенного в Новгороде Иваном III ([Хорошкевич А. Л.]. Комментарии // Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 617, прим. 574).

¹⁸⁰ В составе Киевского списка Разрядной книги 1564–1604 гг. (НБУВ. Ф. I. № 5579. Инв. № 19504), под 7110 г.: « Т.г. послан в Ывангород хлеба роздовать Олексей Фомин Третьяков да Иван Микифорович Чепчугов. А в Новгород послан Иван Микитин Ржевской да дьяк Нечай Федоров. А во Псков послан Тимофей Лазорев да дьяк Иван Палицын» (Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 334–335).

¹⁸¹ Тюменцев И.О. Смута в России... С. 341.

¹⁸² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 315.

Впрочем, в 1610 г. грамота из Москвы в Новгород доставлена не была: «...с Москвы за воровской смутою и для Московского осаду прислати в Великий Новгород не с ким»¹⁸³. Стольник И. И. Чепчугов вновь оказался в Новгороде в 1614 г. 17 июня 1614 г. во время боев под Бронницами он был взят в плен и доставлен в Новгород вместе с московским дворянином Никитой Остафьевичем Пушкиным и дворянином романовцем Фокой Дуровым¹⁸⁴, лишь в 1615 г. он вернулся в Москву.

Осенью 1610 г. вместе с И. М. Салтыковым в Новгород приехал бывший тушинский думный дьяк П. А. Третьяков¹⁸⁵. Был он к этому времени, вероятно, вдовцом и в начале января 1611 г. женился на вдове Федора Семеновича Клементьева Варваре Андреевне. 7 января он бил челом о выдаче ему для свадьбы 10 «ведер вина горячего для того, что у него в здешнем городе поместья и вотчины нет»¹⁸⁶. Свадьба, надо думать, происходила в Новгороде, а через несколько дней, 12 января Третьяков уже получил новое вино — «для похода»: он шел в войско к Салтыкову, осаждавшему Ладогу¹⁸⁷. Примерно через месяц власть Салтыкова в Новгороде была низвергнута, сам он казнен, а дьяк Петр Третьяков, каким-то образом смог из города уйти. 20 августа 1611 г. он уже служил думным дьяком Поместного приказа в Подмосковном ополчении¹⁸⁸, в то время как в Новгородской земле установилась новая власть.

Уже 3 октября 1611 г. Богдан Первого Мусин вторично бьет челом о поместье своей двоюродной сестры, отмечая в челобитной, что служит без поместья уже 17 лет (за год до этого — 10 лет!), а сын Федора, шестилетний Павел Клементьев, из своего поместья бежал. Бояре приговорили отложить решение до Николина дня осеннего (т. е. до 6 декабря). Но уже 31 октября Б. П. Мусин повторил свою челобитную, указав, что Павел Клементьев уехал из поместья в Торжок в тот момент, «как учили государю королевичю целовати» (видимо, речь идет о присяге новгородцев шведскому принцу, имя которого, впрочем, тогда еще не было известно). 18 ноября 1611 г. новгородские власти приговорили пожаловать Б. П. Мусину 80 четвертей искомого поместья¹⁸⁹. Неясно, уехал шестилетний Павел Клементьев в Торжок один или вместе с матерью и сестрой; его

¹⁸³ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матвеева сына Арцыбашева...

¹⁸⁴ Арсеньевские шведские бумаги... С. 29–33; Интересно одно обстоятельство из биографии И. И. Чепчугова: 17 сентября 1613 г. с ним успешно местничал боярин кн. Д. М. Пожарский (*Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 138. № 991).

¹⁸⁵ Д. В. Лисейцев выдвинул предположение о том, что дьяк П. А. Третьяков — сын Алексея Фомича Третьякова и родственник Ховриных-Головиных, поступивший на службу в Посольский приказ после опалы на Головиных и благодаря своему происхождению быстро сделавший карьеру (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 110). По С. А. Белокурову, 28 августа 1610 г. тушинский дьяк принес вину Владиславу, после чего ему было велено состоять при И. М. Салтыкове, 7 сентября вместе с ним П. Третьяков выступил в поход на Новгород. (*Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. Приложение 2. Дьяки Посольского приказа. С. 108–109).

¹⁸⁶ Сборник памятей о выдаче вина. 1610/11... Л. 55.

¹⁸⁷ Там же. Л. 63.

¹⁸⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 522–523.

¹⁸⁹ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матвеева сына Арцыбашева....

следы с этого времени теряются; скорее всего, судьба мальчика была трагичной. А о его матери Варваре, точнее, о ее первом и втором браках, вспомнили уже после возвращения Новгорода под власть московских царей.

Как хорошо известно, большую роль в Дедеринских переговорах играл Яков Михайлович Боборыкин, информируя послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о намерениях шведских посланных, в частности доверявшего ему Якова Делагарди. В течение нескольких месяцев переговоров на сторону Москвы перешло несколько десятков новгородцев и шведских солдат; 22 января 1616 г. вынужден был оставить шведский лагерь и Яков Боборыкин. Через день, 22 февраля 1616 г. из московского лагеря в шведский неожиданно отъезжает новгородец Водской пятины Михаил Афанасьев сын Клементьев¹⁹⁰. Как он оказался в составе посольства кн. Д. И. Мезецкого? 19 января 1614 г. новгородское правительство отпустило его в поместье, расположенное в с. Скворицы Дягиленского погоста¹⁹¹, взяв предварительно поручную запись по нему¹⁹². Не участвовавший в боевых действиях, М. А. Клементьев перешел на сторону Москвы. Летом 1615 г. он был включен в состав посольства кн. Д. И. Мезецкого. Об отъезде Клементьева в шведский лагерь московские послы писали удрученно, причем их челобитная направлялась в Посольский приказ, фактическим главой которого в то время был думный дьяк Петр Третьяков, отчим П. Ф. Клементьева, который приходился М. А. Клементьеву двоюродным племянником. Мезецкий сокрушался: «изменил тебе, государю, новгородец Михайло Клементьев, отъехал ис станов к свейским послом, и выхотцы, государь, которые выходят от свейских послов, сказывают, что тот Михайло объявился у свейских послов в станех и про вести, де, государь, Яков Пунтусов ево роспрашивал наодине»¹⁹³. Материалы допроса Клементьева отразились в шведских архивах; русский перевод сообщения Клементьева Делагарди, в котором описывалось состояние Московского государства (Клементьев, в частности, упоминает о склонности Михаила Федоровича к содомии) опубликован Г. М. Коваленко¹⁹⁴. Позднее М. Клементьев остался в Ингерманландии, получив поместье в Замошском погосте в Бегуницах¹⁹⁵.

Однако свойство Михаила Клементьева с дьяком Петром Третьяковым было известно новгородцам. Дьяк скончался между 16 мая и 13 июня 1618 г.¹⁹⁶ Вскоре Посольский приказ возглавил Иван Тарасьевич Грамотин. Ему-то и подал челобитную Яков Боборыкин, считавший, что его заслуги по приведению Новгорода под власть московских царей не оценены по заслугам. По словам Боборыкина, Петр Третьяков по ненависти

¹⁹⁰ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 372–373.

¹⁹¹ Неподалеку от совр. г. Гатчина.

¹⁹² Поручная запись по Михаилу Фуникову сыну Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 72.

¹⁹³ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об измене новгородца Михаила Клементьева. 1616, января после 23 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 1. Л. 371.

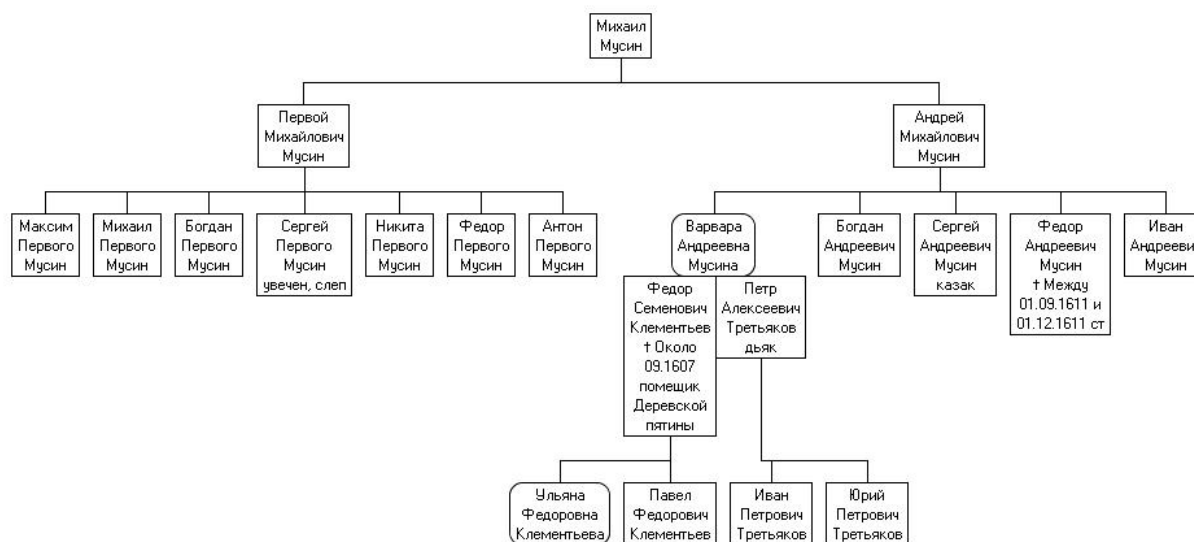
¹⁹⁴ *Коваленко Г. М.* Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1992. С. 128–131.

¹⁹⁵ *Jordebocker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1859. С. 82.

¹⁹⁶ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 118.

«во благополучное время государю не доложил» о его службе, стремясь приписать себе заслуги Боборыкина. Тут-то Боборыкин и вспомнил, что во время Дедеринских переговоров «ис посольства де отъехал от государевых послов к Якову Пунтусову Михалко Клементьев, а был он свой по жене дьяку Петру Третьякову и жил де у нево, а ево де тот Михалко у государевых послов, как он к ним приезжал ночью тайно, видывал... И отъездом де тово Михалка Клементьева в посольстве многое нарушенье учинилось»¹⁹⁷. Примечательно, что Боборыкин не только пользуется тем, что дьяк Петр Третьяков более не принимает решений в Посольском приказе, но и знает о его свойстве с предателем Клементьевым. Варвара Третьякова пережила мужа; видимо благодаря ее покровительству Клементьев нашел приют в доме посольского дьяка. Когда она оказалась в Москве, неясно; возможно, еще в мае 1611 г. она покинула Новгород, бросив там (или в Торжке?) шестилетнего сына, возможно, воссоединилась с ним позже. 13 июня 1618 г. она была челом государю. В 1618 г. Варвара Третьякова и ее дети Иван и Юрий наследовали вотчину дьяка в Арзамасском уезде¹⁹⁸.

Схема 4. Родство Мусиных-Пушкиных и Клементьевых с дьяком Петром Третьяковым.

V. Вдовство

Бурные события Смуты не остановили естественного течения жизни, но придали ему больший трагизм. Непрерывные боевые действия и низкий уровень безопасности, особенно вне городских стен, приводили к гибели новгородцев, в первую очередь мужчин, и, следовательно, к появлению большого числа вдов и сирот. В силу этих трагических обстоятельств 1611–1617 годы — период, когда число женских имен, упомянутых в источниках, несравнимо возрастает. Можно говорить о вдовстве как квинтэссенции социального портрета Смутного времени. Вопрос о судьбах женщин в Новгороде начала XVII в. был недавно поставлен в статье Э. Лёфstrand¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12. Л. 1–12.

¹⁹⁸ Лисейцев Д. В. Посольский приказ... С. 118.

¹⁹⁹ Лёфstrand Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.

Среди женщин Новгорода выделяются оказавшиеся вместе с мужьями и сыновьями знатные москвички. Вместе с Иваном Салтыковым в город прибыла его мать Ульяна (позднее источники о ней не упоминают; вероятно, судьба ее после казни сына была трагичной). Жена Якова Дашкова София скорее всего покинула город вместе с мужем, весной 1611 г. Княгиня Агафья Одоевская сумела пережить в городе гибель брата, М. И. Татищева, и смерть мужа, боярина кн. И. Н. Одоевского, и двух сыновей, князей Василия и Ивана, после чего в декабре 1616 г. оказалась в Тихвине. Княгиня Авдотья Пронская, прожившая в одиночестве год в Новгороде, скорее всего там и скончалась, хотя и получила разрешение выехать из города в марте 1613 г.²⁰⁰

Понятие «вдовы» в новгородской деловой письменности XVI–XVII вв. включало не только жен, чьи мужья умерли или погибли, но и тех, чьи мужья находились в плену или на стороне политических противников. Первые примеры этому можно встретить в документах времен Ливонской войны. Так, в 1580 г. вдовами названы Аксинья, жена Торопа Арцыбашева, несмотря на то, что ее муж был не убит, а взят в плен «в Кеское взятие»²⁰¹, и Авдотья, жена Елизария Неклюдова сына Качалова, которого также «на государеве службе в Кеси взяли в полон»²⁰². Более того, женщина, чей муж оказывался на противоположной стороне, в Новгороде начала XVII в. могла претендовать на прожиточное поместье и даже его получить. Так, жена Игнатия Носакина Федосья в 1613/14 г. получила с сыновьями Осипом и Дмитрием 199 четвертей на прожиток из мужнина поместья²⁰³.

Но вдовство большинства жен новгородского дворянства было действительно «горьким». Упомянутая выше вдова Василия Литвинова Мария осталась после смерти мужа с четырьмя малолетними сыновьями и дочерью²⁰⁴. 20 марта 1613 г. Аксинья, вдова Ратая Никифорова Крекшина, получила 192 четверти из поместья мужа вместе с детьми: сыновьями Андреем, Федором, Захарием, дочерьми девками Авдотьей Большой, Авдотьей Меньшой, Акулиной и Ириной²⁰⁵. Сколько из этих детей пережило Смуту, сказать сложно.

Гибель на войне мужей, отцов и братьев создавала своего рода демографический перекос. Некоторые усадьбы становились вдовьими. Так, в 1612 г. в усадище Березка в

²⁰⁰ Приходо-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 549–550.

²⁰¹ Обыск подьячими Собиной Ярлыковым и Иваном Бухвостовым в Спасском Шиженском погосте о количестве вдов, сирот, недорослей и неслужилых, а также о порозжих поместьях в погосте. 1580. 6.10 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 378 об.–388.

²⁰² Обыск подьячими Собиной Ярлыковым и Иваном Бухвостовым в Никольском погосте в Пелушах о количестве вдов, сирот, недорослей и неслужилых, а также о порозжих поместьях в погосте. 1580. 31.10 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 442–453 об.

²⁰³ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 33.

²⁰⁴ Отдел губным старостой Андреем Обутковым прожиточного поместья Марье, вдове Василия Литвинова с детьми в Туренском, Пиросском погосте Деревской пятины. 1611. 5.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 383–387 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²⁰⁵ Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 5–6; Отдел губным старостой Михаилом Нееловым поместья Ратая Крекшина в Климентовском, Спасском

Порховском околородье жили вдова Богдана Косицкого Варвара, ее невестка Акси́нья, вдова Максима Богданова Косицкого, с дочерьми Марией и Федосьей²⁰⁶, а также вдова Андрея Косицкого Домна (недавно похоронившая дочь)²⁰⁷. Другое такое «вдовье» усадище располагалось в соседнем Любынском погосте Шелонской пятины, где бок о бок жили вдова Василия Тыртова Лукерья, вдова Мирона (Мира) Тыртова Анна и невестка последней вдова Семена Миронова сына Тыртова Софья²⁰⁸. Известен случай, когда в одном с тремя вдовами усадище Липне (Мошино тож) в Деменском погосте Деревской пятины получил поместье служилый человек, Дружина Семенов сын Аничков²⁰⁹.

Часто в источниках путаются имена жен служилых людей. Так, вдова Ивана Разладина в даточных книгах 1611/12 г. названа Федосьей (владелица прожиточного поместья, где она жила вместе бабкой Авдотьей, матерью Марфой, братом Иваном и сестрой Марьей)²¹⁰. В челобитной своей бабки Марфы от 6 января 1612 г. она же названа Софьей²¹¹, а в росписи поместных дач 1611–1613 гг. — Акси́ньей²¹². Возможно, такая путаница была связана с малолетством вдовы. Вероятно, по той же причине дочь Никона Бутурлина, оставленная в Новгороде отцом, отъехавшим на московскую сторону, и жившая вместе со своей матерью Стефанидой и братом Василием, в росписях на обмен русских пленных 1615 г. была названа Аграфеной²¹³, а в поименной росписи, составленной при самом обмене, была названа Офросиньей²¹⁴.

и Лусском погостах Водской пятины его детям Андреяну, Федору и Захару Крекшиным с матерью и 4 сестрами. 1613. 20.03 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 637–639.

²⁰⁶ Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Иваном Ивановым Селивановым Степану Иванову Култашеву части поместья Максима Косицкого в Порховском околородье. 1611. 19.07 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 235–242 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 12–13).

²⁰⁷ Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 160; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины... С. 14.

²⁰⁸ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 7.

²⁰⁹ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным Дружине Семенову Аничкову поместья Ивана Рясницына в Деменском погосте Деревской пятины. 1612. 10.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1171–1174 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²¹⁰ Даточные книги Деревской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:20. С. 45–46.

²¹¹ Дело по челобитной о поместье Ивана Большого и Ивана Меншого Даниловых детей Розладина Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:15.

²¹² Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 11.

²¹³ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

²¹⁴ Поименная роспись обмененных русских пленных. 1615, мая после 22 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 252–257. Мне известны еще три случая такой путаницы имен: вдова Луки Корсакова в дачных книгах 1610/11 г. один раз названа Варварой, другой — Прасковьей (Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 39, 80–81). Жена Пятого (Ивана) Ворони́на в росписи поместий 1611/12 г. названа Еленой (Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie

Уникален случай отказа пожилой вдовы от полагавшегося ей поместья. Неслуживый сын боярский Богдан Воломский был послан отделять часть мужнина поместья вдове Анне, жене Степана Харламова. Приехав на место, отдельщик «вдову Анну наехал в поместье болну конечну, и она за собою государева жалованья на прожиток отперла и поместья за собою писати не велела»²¹⁵.

VI. Взаимоотношения поколений

В Новгороде начала XVII в. жило несколько поколений служилых людей. Многие из них успели повоевать на заключительном этапе Ливонской войны, вернулись с нее и в качестве «новых помещиков немецких городов» получили новые новгородские поместья, как правило, из пустопорожных земель. Пожалования, произведенные после вывода московских войск из Прибалтики в 1582 г., осуществлялись за счет пустых выморочных поместных и дворцовых земель. Из состава последних в Водской и Шелонской пятинах в раздачу пошли Бельская волость (вар. назв. «посопная волость Василия Онаньи́на») в Будковском погосте и Прибужская волость²¹⁶ в новгородско-гдовском порубежье. Решение о пожаловании поместий принимались не в Новгороде, а в Москве; при этом, по всей вероятности, вместе с земельными пожалованиями «новые помещики немецких городов» получали и некоторые иммунитетные привилегии.

Характерна судьба новгородца Михаила Григорьева Мустофина, видимо, в прошлом — новокрещена²¹⁷, разделившего 28 июля 1585 г. поместья в Бельской и Прибужской во-

2:79. Л. 19), а в дозорной книге 1612 г. — Агафьей (Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39. С. 148 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349). Жена Бориса Огарева в судном деле 1598/99 г. названа Агафьей (Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 308), а в двух позднейших поместных делах — Татьяной (Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54; Дело по челобитной Семена Муравьева о даче ему из порозжих земель в Городенском погосте Водской пятины п. Латовец. 1615. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:317. Л. 24–25).

²¹⁵ Отдел неслуживым Богданом Воломским Ивану Васильеву сыну Мусину поместья Степана Харламова в Ручьевском погосте Деревской пятины и отписка части этого поместья на государя. 1611. 31.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 299–304.

²¹⁶ Ср.: «Лета 7094-го июля в день, по Государеве Цареве и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте, и по наказу и по росписи за приписми Государевых дьяков Савы Фролова да Семейки Емельянова, Роман Остафьевич Долгоруков да подьячие: Богдан Седляков да Максак Семенов, в Шелонской пятине в Государеве в кормленной в Прибужской волости, что была приписана к Старой Русе, отделили в поместье детям боярским Вотцкие пятины, которые испомещены в треть окладов в Вотцкой пятине, против Копорских и Ямских поместей, в Государевых дворцовых волостях: в Хрепелской и в Белской в Васильевской волости Онаньи́на» (Отдельные книги земель в Прибужской волости отдела Романа Остафьевича Долгорукова, подьячих Богдана Седлякова и Максака Семенова. 1585/86 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 968. Л. 571). К сожалению, сведения о Прибужской волости/погосте до XVII в. отрывочны. Первое сохранившееся писцовое описание этой территории относится к 1628/29 г. (Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожных земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800).

²¹⁷ Во всяком случае, его вероятный родственник, новгородец Деревской пятины Евстрат Мустофин в 1605/06 г. именовался новокрещеном и даже служил окладчиком при верстании новго-

лостях с братьями Владимиром, Игнатием и Ефимом Молчановыми детьми Колобовыми²¹⁸. Уже через полтора месяца после отдела Михаил Мустофин вместе с другими дворянами и детьми боярскими Бельской волости и Хрепельского погоста (часть которого также пошла в раздачу помещикам «немецких городов») отказался дать подводы к устройству Дремяцкого яма: «у нас государева жаловальная грамота, что де нам своих поместьев никаких государевых податей ни подвод не велено давати... а учнете де вы к нам о посольских подводах вперед ездити, и нам вас бити и граби(ти)»²¹⁹. Думаю, что ссылка на государеву грамоту, данную по словам Мустофина с товарищами, не была пустой — вероятно, московское правительство стремилось всячески компенсировать убытки помещикам. Весной 1600 г. было заподозрено, что губной староста Сильвестр Зиновьев межевал поместные и дворцовые земли в д. Пантелеевичи, норовя Михаилу Мустофину. Был назначен обыск губного старосты соседней Шелонской пятины Федора Вешльяминова. По обыску выяснилось, что, действительно, во время раздела произошла ошибка, так как пожалование было осуществлено вскоре после окончания Ливонской войны. Тогда же Мустофин и его товарищ Иван Серков и поставили свои дворы близ дворцовых земель; до этого же их земли давно лежали пустыми. Более того, крестьяне через 15 лет после отдачи части бывших дворцовых земель в поместья уже не точно помнили межи²²⁰.

Видимо, эти люди сильно отличались от тех, кто начал службу после смерти Ивана Грозного, равно как и от тех, кто верстался на службу в 1605 г. и сразу же окунулся в события гражданской войны. Ценность комплекса десятиен 1605–1606 гг. заключается помимо всего в том, что она, фиксируя людей, вновь поверстанных на службу только при Лжедмитрии I, резко выделяет поколение тех, кто не знал сравнительно стабильной мирной жизни в 20-летие правления Бориса Федоровича Годунова. Это их отцы и старшие братья. Существенно важен в формировании облика новгородского служилого человека и его боевой (а следовательно, и нравственный) опыт. В нашем случае этот опыт особенный: это прежде всего участие в первом этапе гражданской войны — в борьбе с Первым Самозванцем и с Болотниковым.

Взаимоотношения между отцами и сыновьями в среде служилого сословия были далеки от беспрекословного подчинения родительской власти, как иногда пытаются изобра-

родских новокрещенов и служилых татар (Десятня новгородских новокрещенов Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятин. 1605/06 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 3, 11 об.).

²¹⁸ Отдел губными старостами Водской пятины Полужской половины Василием Пыжовым и Семеном Ожогиним поместья Петра Неелова Володимеру и Ефимью Молчановым детям Колобова и Михайлу Григорьеву сыну Мустофина в Никольском Будковском погосте в волостях Белой и Васильевской Онаньина. 1585. 28.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 153–153 об.

²¹⁹ Отписка с Дремяцкого стана подводных сборщиков Алекина и Копылова. 1585. 26.10 // Дела Тайного приказа. Т. 2 (РИБ. Т. 22). СПб., 1908. Стб. 199–201.

²²⁰ Обыск губного старосты Шелонской пятины Федора Вельяминова и подьячего Одинца Иванова в Будковском погосте о меже между дворцовыми обжами в д. Пантелеевичи и помещичьими землями в той же деревне. 1600. 3.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 266–270.

зять московскую традицию. В 1600/01 г. Григорий Бестужев судился со своим сыном Федором «о насильстве и кабальном человеке»²²¹.

Источники донесли до нас и драмы, разыгрывавшиеся в семьях. В. И. Корецкий упоминает о том, что в 1607 году Никита Калитин (впоследствии известный деятель времен оккупации и шведский байор, ротмистр армии Густава Адольфа) в начале 1607 г. обвинил Аксинью, жену своего брата Петра, в насильственном умерщвлении своего мужа. 25 февраля 1607 г. губной староста Шелонской пятины Федор Вельяминов начал расследование этого дела²²².

Смута раскидала поколения служилых людей по разным сторонам фронта. Псковский сын боярский Фома Андреев сын Тимашев весной 1614 г. был одним из самых заслуженных в городе. Он имел чин дворового сына боярского, со старым окладом (по верстанию 1605/06 г.) в 600 четвертей и 12 рублями из четверти²²³. В это время его дети, Александр и Степан, служили в соседнем (и враждебном) Новгороде. Юный Петр Игнатьев Чортов в 1612 г. жил вместе с мачехой Марией в пожалованном им осенью 1612 г. прожиточном поместье. Ему было семь лет²²⁴. И спустя три года, в 1615 г., мальчик с мачехой продолжал жить в своем усадище Линникала²²⁵. А его сводные старшие братья — Дмитрий, Григорий и Гаврило оказались в Тихвине, находясь, видимо, в составе гарнизона в мае 1613 г.

Подчас, однако, родственные связи заставляли принимать решение о выборе политического лагеря. Бегство детей боярских Бежецкой пятины Нарбековых из Новгорода в июле 1613 г. было бы не понятно, если не принять в расчет то, что большинство служилых людей Бежецкой пятины весной 1613 г. поддержало восстание в Тихвине. Кроме того, двоюродный (?) брат Парфения Нарбекова, Иван Дмитриев Нарбеков, был единственным новгородцем среди участников ярославского посольства С. Л. Татищева в Новгород в мае 1612 г.²²⁶

Разделил родственников и Столбовский мир. Многие байоры оставили за границей родственников. Происходивший из своеземцев Никита Калитин был разлучен с братьями и матерью. Петр Ермолич Хомутов, присягнувший Густаву Адольфу, среди прочих новгородских дворян, в феврале 1617 г. находился на службе в Копорье, но после подписания мира выехал в Новгород. Не то его двоюродный племянник Шум Хомутов, оставшийся в Ингерманландии.

²²¹ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 328 об.

²²² РГАДА, Новгородская приказная изба, стб. 42747, ч. III, дело из 16 л.. Л. 1-5, цит. по: *Корецкий В. И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 152.

²²³ Книга сыскная дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации).

²²⁴ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова (продолжение) // RA, NOA. Serie 2:193–В. Л. 1–7; Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 54–55.

²²⁵ Отдельные книги поместья литвину Христофору Канарскому в Никольском Ижерском погосте Водской пятины. 1615. 22.03 // RA, NOA. Serie 1:76.

²²⁶ Роспись жильцам и дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55 (Приложение 2 к главе 4 настоящей книги).

VII. Взаимоотношения соседей

Н. Ш. Коллманн в заключительной части своей фундаментальной монографии о московском обществе оценивает понятие честь как важную причину социального поведения служилых людей²²⁷. Именно честь заставляла дворян и детей боярских выступать друг против друга в судах, подчас затягивая тяжбы на десятилетия.

Рассматривая судебные дела новгородцев начала XVII в., можно заметить, что самые частые враги (точнее — оппоненты в суде) — это ближайшие соседи. Споря друг с другом в мирное время и во время передышек между боевыми действиями, в целом их судьбы во время гражданской войны были более чем похожи. Полагаю, в один день от литовских людей погибли кн. Федор Богданович Кропоткин со своим сыном и его постоянный оппонент Неугас Базаров, где-нибудь в районе Пиросского погоста. Та же участь постигла Осипа Пуляева и его соседей и извечных врагов князя Михаила Кропоткина с сыном Иваном.

Большинство конфликтных ситуаций относится к взаимоотношениям соседей по поместью. В 1601/02 г. с Федором Дмитриевым сыном Скобельцыным судился о вывозе крестьян Богдан Волков-Курицын²²⁸, его сосед по поместью и совладелец села Желомно с Никольской церковью²²⁹, прихожанами которой должны были быть они оба. Сын боярский Бежецкой пятины Андрей Иванов Елизаров в 1598/99 г. судился с Андреем Козляниновым о свозной ржи с пустоши Огафоновской²³⁰. Их поместья также располагались в непосредственной близости друг от друга²³¹.

Мелочные соседские склоки из-за приводили доносительству и ложным обвинениям, в которых уже в 1605 г. присутствовал некоторый мотив измены. Так новгородский помещик Иван Секирин обвинил своего соседа, Юшку (документ сохранился частично и фамилия неизвестна) в потравке дворцовых полос, примыкавших к его поместной земле. Новгородские власти послали подьячего для уничтожения москов, по которым стадо Юшки ходило на выпас близ дворцовых земель. Юшко пытался оправдаться, что «мостил... мостишко от своего усадища на свою пустошь для пашни, что моя пустош Дылово сошлась с твоею государевой землею с ряду с одного. И людишка, государь, мои ездили с сохами и з боровами для пашни. И твой государев подьячей Василей тот мой мост разметал. А я, государь, для твой государевой земли на ту свою пустошь на поместную живота своего не гоняю». Обвиняемый просил отсрочить выплату пеней, потому

²²⁷ Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 392.

²²⁸ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 206 об.

²²⁹ Отписка губным старостой Андреем Обутковым поместья Б.Волкова Курицына нетчика в Спасском Боровицком и Курском погостах Деревской пятины на государя 1609. 5.11 // РА, НОА. Serie 1:75. С. 21–29 (копия: СПБИИ, м/ф 294, без пагинации).

²³⁰ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 68.

²³¹ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пшальных и присудных денег Бежецкой пятины Белозерской половины сбора губных старост Ивана Висленева да Льва Володимерова. 1606/07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 240 об.

что должен был ехать на верстание в Ивангород (которое, как мы знаем, состоялось 27 сентября 1605 г.)²³².

В 1603/04 г. сын боярский Обонежской пятины Иван Васильев Базлов бил челом на губного старосту Афонасия Баранова и его товарищей, обвиняя их в «удавленной голове и в сносном животе» и о церковной краже в Воскресенском Лученском погосте. Кроме того он подал челобитную на Ивана Забелина с товарищами о грабеже и «иных во многих кражах и в одиначной памяти и во всяком воровстве и в пустых порозжих землях и в приговорных деньгах и в убийстве Иванова человека Забелина...»²³³. Дело не было вершено. К июлю 1607 г. Базлов получил часть поместья Ивана Степанова Забелина в Воскресенском погосте в Лучанех²³⁴.

Получившие после русско-шведской войны 1590-1593 гг. поместье в Озерецком погосте Водской пятины Федор Никифоров сын Нашокин и переводчик Гаврило Бекетов стали ожесточенно спорить о разделе земель. В 1597/98 г. с Нашокиным судился Гаврило Бекетов о жерновах и о земляной запашке²³⁵, а через год, в 1598/99 г. уже Нашокин обвинил крестьян Бекетова (равно как и крестьян других окрестных помещиков, Бориса Бекетова и Михаила Мякина) в свозе хлеба и потравке пожен²³⁶.

Новгородские материалы позволяют проследить и факты сманивания крестьян соседями. Артемий Власьев сын Опалев был одним из помещиков, получивших в 1602 г. земли из дворцовых волостей в Хрепельском погосте Водской пятины²³⁷ и в Прибужской волости Шелонской пятины²³⁸. Это была разовая раздача двух массивов дворцовых земель новгородским детям боярским. Вышедшие из-за него крестьяне 9 марта 1603 г. записались в холопы за Александра Андреева Квашнина – его соседа²³⁹.

Упомянутый Иван Борисов Секирин, сосед вдовы княгини Арины Мещерской по поместью, потерял в 1612/13 г. спорные с ней 95 четвертей ее мужа, кн. Василия Михайловича Мещерского. Они по приговору бояр и воевод были переданы вдове и ее детям князьям Петру и Федору.²⁴⁰ Отношения с княгиней от этого не улучшились. 26 февраля 1613 г. князь Булат Мещерский подал за свою родственницу княгиню Арину челобитную, в которой обвинял его в «бое и лае» вдовы, а также в ущербе в 12 коробей

²³² Челобитная сына боярского Водской пятины об отсрочке наложенных на него штрафных платежей. Без начала 1605, между 1 сентября и 1 октября // RA, NOA, serie 2: 122. Л. 49 об.

²³³ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 374 об.–375.

²³⁴ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны Нагорной половины Обонежской пятины сбора губных старост Бориса Унковского и Афонасия Яковлева сына Баранова. 1607, июля // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 151.

²³⁵ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 62

²³⁶ Там же. Л. 74.

²³⁷ Платежная книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Полужской половины губного старосты Селиверста Зиновьева. 1601/02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964. Л. 188 об.

²³⁸ Книга сбора денег на охотничьи прогоны с поместий и вотчин и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Шелонской пятины Залесской половины губных старост Паука Косицкого и Федора Вельяминова. 1601/02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16964. Л. 37 об.

²³⁹ Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 315-316.

²⁴⁰ Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 53.

овса и 3 коробей жита. Иван Секирин встречно искал на своей соседке-вдове ущерб в 14 четвертей овса, 4 четвертей жита, 25 алтын за капусту и рыжики, обвиняя также ее в бое своего человека Томилки²⁴¹.

Еще один пример такой вражды — противостояние Романа Томилова Солецкого и подьячего Семена Шустова. Первоначально, в феврале 1613 г. у них вышел спор из-за двух четвертей ржи²⁴². Но уже к ноябрю 1613 г. подьячий Шустов овладел всем поместьем Р. Солецкого в Скнятинском погосте²⁴³.

Вот пример вражды соседей в Водской пятине. В 1599/1600 г. Б. Скобельцын судился с Антонием Чортовым о бое и грабеже. Дело было не вершено и отсрочено при недельщике Леве Якимове. Вскоре Скобельцын вновь судился с Чортовым о краденых лошадях при недельщике Михайле Колачеве²⁴⁴, затем Скобельцын судился по третейской записи с братом Антония, Федором Чортовым, о 50 рублях при том же недельщике²⁴⁵. В 1602/03 г. Богдана Скобельцына в своем бесчестье обвинял уже Федор Чортов²⁴⁶; Скобельцын же судился с ним о своих беглых людях²⁴⁷. В тот же год обвинял его в сво-зе крестьянской ржи с ним судился третий брат, Игнатий Чортов²⁴⁸. А 20 января 1613 г. Богдан Скобельцын вместе с Григорием Ивановым Чортовым подал челобитную об обмене поместьями в Ижерском погосте²⁴⁹.

Очень часто соседи то мирились, то ссорились. Ульяна, вдова Андрея Масленицкого 6 января 1613 г. била челом на Михаила Андреева Обуткова в том, что «мужа, государи, моего в животе не стало четвертой год, а после мужа осталася ео мать да я, горкая вдова з детишками сама третья... а меня, сироту саму-четверту, тот Михаила гонит ис поместьица вон.... пожалуйста меня, сироту саму-четверту, ис того мужа моего поместьица для углишка на прожиток...» В январе 1613 г. она жила в поместье со свекровью Матреной и детьми Елисеем и Катериной²⁵⁰. А до этого, в октябре 1612 г. они с Михаилом разделили поместье ее мужа Андрея в Оксоцком погосте²⁵¹.

Бывали и другие жизненные истории, когда прежняя вражда переходила в близость и даже в родство. Иван Третьяков Кузьминский в 1587/88 г. судился с Борисом Секири-

²⁴¹ Книги сбора судной пошлыны. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 66.

²⁴² Там же. С. 62.

²⁴³ Книги записи поместных пошлын с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35.

²⁴⁴ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 316 об., 317.

²⁴⁵ Там же. Л. 317.

²⁴⁶ Там же. Л. 357.

²⁴⁷ Там же. Л. 361 об.–362.

²⁴⁸ Там же. Л. 362–362 об.

²⁴⁹ Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Пелагеи, жены Ивана Еремеева сына Чортова. 1613, янв. // RA, NOA. Serie 2:319; Даточные книги Водской пятинны (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 82–84.

²⁵⁰ Дело по челобитной о поместье Деревской пятинны Михаила Андреева сына Обуткова. 1612, октябрь–1613, январь // RA, NOA. Serie 2:9.

²⁵¹ Отдел неслуживым Третьяком Огалиным прожиточного поместья Ульяне, вдове Андрея Масленицкого и ее сыну Елисею из части поместья мужа в Оксоцком погосте Деревской пятинны и поместья Осипа Масленицкого — Михаилу Андрееву Обуткову. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1203–1207 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

ным в бое и грабеже 13 рублей без четверти²⁵². А 1 марта 1588 г. он женился на Акси́нье Никифоровой Секириной, сестре Федора и Афанасия Никифоровых Секириных²⁵³.

Тимофей Захарьев Кулюбакин вместе с братом Богданом в конце 1602 г. бил челом на своих соседей Ушаковых, Рудака Юрьева сына, Герасима Немирова сына, Илью Рудакова сына, а также на Афанасия, Остальца и Федора Ушаковых, обвиняя тех в убийстве своего двоюродного брата Ивана Васильева сына Бирюева, совершенном 2 декабря 1602 г. После этот сын Тимофея Кулюбакина Прохор подал челобитную губным старостам Гаврилу Теглеву и Ивану Саламыкову на стане в Боровичах за свою двоюродную тетку вдову Ивана Бирюева Соломонида, обвиняя убийц. Позднее Герасим Ушаков встречно бил челом на Ушаковых, обвиняя их в том, что они укрывают разбойников и разрешают тем прятать у себя во дворе «разбойную рухлядь», после чего Прохор Кулюбакин насильно был вынужден подписать мировую с Ушаковыми. В челобитной братья Кулюбакины просили о большом повальном обыске в Бежецкой и Обонежской пятинах «опроче Рудаковых и Гарасимовых роду и племяни и друзей и заговору»²⁵⁴.

Однако в начале XVII в. возможны были и другие, не враждебные отношения между соседями. Интересный материал о таких взаимоотношениях дает опубликованная Л. М. Сухотиным Кормленная книга Галицкой четверти. Как минимум дважды близкие соседи по поместьям берут в Четверти жалованье за себя и своих соседей: это Михаил Милославский, взявший деньги за своего соседа кн. В. Д. Кропоткина²⁵⁵ и Иван Шея Секирин, взявший деньги за своего соседа кн. М.Т.Мышецкого и его брата Данила²⁵⁶.

В годы Смуты, характеризующиеся скудостью и упрощением быта, позитивные взаимоотношения также не являются исключением. Помещик Егорьевского Теребужского погоста в 1612 г. Аггей Уваров в 1612 г. жил в поместье у Романа Кушелева, так как его усадище Иванково выгорело²⁵⁷.

Некоторые соседи становились сущим бедствием для окружающих. Историю одного такого «бедствия» можно рассмотреть на примере свадьбы, происшедшей в 1610 г. в Водской пятине.

В фонде Общества любителей древней письменности (ОЛДП) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится документ, повествующий о событии, произошедшем в Новгородской земле в последние месяцы царствования Василия Шуйско-

²⁵² Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 248.

²⁵³ Кабалы, поданные Степаном, Иваном и Михайлом Третьяковыми детьми Кузьминского. 1597. 25.12 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 36–46. Стб. 13–16.

²⁵⁴ Челобитная Тимофея и Богдана Захарьиных детей Кулибакиных царю Борису Федоровичу об убийстве и разбое. 1602 // СПбИИ. Кол. 238. Оп. 2. Д. 90/1.

²⁵⁵ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л.М.Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 10.

²⁵⁶ Там же. С. 17.

²⁵⁷ Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39. С. 106 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349).

го. Документ описан дважды — в описи древнерусских грамот, составленной В. Г. Гейманом²⁵⁸, и в каталоге древнерусских грамот, составленном Г. П. Ениным²⁵⁹.

Это челобитная сына боярского Водской пятины (из-за сильных повреждений документа его полное имя установить не удалось)²⁶⁰, в которой содержится жалоба на его соседа, ограбившего свадебный поезд холопа челобитчика и увезшего невесту к себе во двор. Нам известен нападавший: Увар Григорьев сын Борков, впервые упомянутый среди новиков, поверстанных в 1596 г. минимальным окладом в 150 четвертей²⁶¹. В 1605 г. Увар Борков был на верстании в Ивангороде вместе с другими детьми боярскими Водской пятины. Его новый поместный оклад составлял 250 четей²⁶², и примерно в то же время он был «пущен в недели», т. е. обременен службой в качестве служебного пристава²⁶³.

Его поместное владение — деревня Еванково — находилось примерно в 50 верстах к северо-западу от Новгорода, на южном берегу оз. Хвойно в Будковском погосте Водской пятины²⁶⁴. Первым из Борковых поместье в соседнем Климентовском погосте получил дед Увара Боркова, Афанасий Дмитриев Борков, при раздаче дворцовой Тесовской волости в поместья в 1541/42 г.²⁶⁵ Его сын, Григорий Афанасьев сын Борков — помещик Водской пятины в 1582 г.²⁶⁶ В 1584 г. он разделил с Григорием Нееловым и его братьями с. Белое и д. Иванково (Еванково)²⁶⁷. Григорий Борков скончался между 1599 и 1605 гг.²⁶⁸

В 1609 г. Увар Борков участвовал в походе армии кн. М. В. Скопина-Шуйского и Я. Делаярди на Торжок, Калязин, Александрову слободу. Из слободы Увар сбежал, не

²⁵⁸ Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (1269–1612 гг.) / Сост. В. Г. Гейман // Краткий отчет о новых поступлениях за 1939–1946 гг. Л., 1951. Вып. 1. № 239.

²⁵⁹ Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вып. 1 и 2. (1269–1612 гг.) / Сост. Г. П. Енин. СПб., 1992. № 569.

²⁶⁰ Оpubл.: *Селин А. А.* Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.

²⁶¹ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1909. № 3. С. 192.

²⁶² Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 481.

²⁶³ ОР РНБ, ОЛДП, Ф 125, сст. 1. Приношу глубокую благодарность С. В. Стрельникову за указание на этот источник.

²⁶⁴ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 85. Эта деревня находилась на южном берегу оз. Хвойно, между современными деревнями Хабалинка и Павшино Лужского района Ленинградской области.

²⁶⁵ Выпись из платежных книг Водской пятины Остафия Вышеславцева. 1550/51 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 781. Л. 26.

²⁶⁶ Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 1 об.

²⁶⁷ Раздел 6 августа 1584 г. крестьян по челобитью Григория Кренева и Григория Боркова в Бутковском погосте в волостях Бельской и Онаньинской Водской пятины // *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 509–510.

²⁶⁸ Десятня Водской пятины... С. 507.

пожелав далее находиться в действующей армии, где он состоял в отряде С. В. Головина, шурина кн. М. В. Скопина-Шуйского и участника похода из Новгорода к Торжку в 1609 г. Осенью того же года Головин возглавил поход на Переяславль-Залесский, Дмитров и к Троице. Вероятно, частью этого похода была осада «Ботова острожка Тятвичи», упомянутого в документе, который, по нашим наблюдениям, находился на Троицкой или Стромьинской дороге, там, где действовал Скопин в конце 1609 – начале 1610 г.²⁶⁹ Увар Борков дезертировал в четверг на Филиппов пост. В 1609 г. это могли быть 16, 23, 30 ноября и 7, 14, 21 декабря. Видимо, наиболее подходящим должно быть 7 декабря, так как, по сведениям, сообщаемым в дневнике Яна Петра Сапеги, именно 24, 29 и 30 ноября по новому стилю (т. е. 4, 9 и 10 декабря по юлианскому календарю) происходили столкновения в районе Ботова между войсками Семена Головина и паном Захорским²⁷⁰. О событиях под Ботовом есть сведения и в русских источниках. В Кормленной книге Костромской четверти упоминается ржевитин сын боярский Иван Рахманинов сын Нашекин, который, в отличие от Увара Боркова, остался на службе и участвовал в походе кн. М. В. Скопина-Шуйского на Торжок, Тверь, Ботов и Троицу, за что и получил к окладу прибавку в 5 рублей²⁷¹. Увар же Борков в конце 1609 г. уехал из полков к себе в поместье, в Будковский погост Водской пятины.

Описываемые челобитной события разыгрались в четверг пятой недели великого мясоеда. В 1610 г. это день приходился на 25 января²⁷². Холоп челобитчика, Иван Дылдин (возможно, отцом Ивана Дылдина был упомянутый в отписной книге 1573 г. крестьянин д. Березно дворцовой Тесовской волости Дылда Воронцов²⁷³), женился на девке Акулине. Венчались молодые в церкви св. Климента папы Римского на Тесовском погосте. Климентовский погост в Тесове известен с 1500 г.²⁷⁴ Церковь в XVI в. была деревянной и клетской²⁷⁵. Она не была разорена в 1581 г., когда боевые действия Ливонской

²⁶⁹ Имеется в виду поход части войск кн. М. В. Скопина-Шуйского осенью 1609 года на Дмитров и к Троице (*Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2–3. С. 17*). Ботов острожек, возможно, соотносится с д. Ботова, известной по списку насленных мест Владимирской губернии (д. Ботова, Александровского уезда, 1 стана, в 27 верстах от Александрова, по левую сторону Троицкого торгового тракта, рядом — погост Стоговский (Список населенных мест Владимирской губернии. СПб., 1862. № 558. С. 23)).

²⁷⁰ *Dziennik Janaa Piotra Sapiehi (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwow, 1901. S. 248–249.*

²⁷¹ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н.Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 67–68.

²⁷² В недавней работе Е. Куксиной (*Мархоцкий Н. История Московской войны / Пер., введ. ст., комм. Е. Куксиной. М., 2000*) указывается, что Пасха 1610 г. приходилась на 1(10) апреля (с. 138). Это неверно. Пасха этого года была неделей позже, 8 (18) апреля (ср.: *Романова А. А. Хронология // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 551*).

²⁷³ Отписная и межевая книга подьячего И. Петрова да рассыльщика Семенова на с. Тесово с деревнями. 1573. 3.11 (*Селин А. А. Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000*).

²⁷⁴ Писцовая книга Водской пятины письма Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 1 // НПК. Т. 3. СПб., 1868. Ст. 67.

²⁷⁵ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СРБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 174 об.–175.

войны охватили Тесовскую округу, продолжала существовать и на рубеже XVI–XVII вв.²⁷⁶ Обряд венчания должен был производить священник Богдан Клементьев. Климентовский погост располагался на холме, в низовьях реки Тесовой на правом берегу, недалеко от впадения ее в оз. Тесовское, в 200 м к западу от современной д. Заполье Лужского района.

С большой динамикой описано само нападение. Увар с товарищами напал на молодых на выезде из церкви. Нападавшие были «с каплючным делом»²⁷⁷, т. е. пьяные. Закричав «по-литовски»: «хапай-хапай, рубай-рубай»²⁷⁸ (что, вероятно, свидетельствует о боевом опыте Увара), они набросились на свадебный поезд, избивали до полусмерти жениха, сорвали с невесты свадебный убор, который главарь нападавших, Увар, надел на себя.

Увар забрал к себе и саму Акулину, продержав ее у себя в усадьбе²⁷⁹ два месяца с небольшим, до Пасхи (в 1610 г. — 8 апреля).

Борков отпустил невесту только после того, как его самого поймал «выбойщик»²⁸⁰. Матвей Никитич Ржевский (помещик Зарусской половины Шелонской пятины в 1586 г.²⁸¹). Этим и заканчиваются известия о беспутном молодом человеке, по всей видимости, погибшим вскоре после 1612 г.

Уже через год с небольшим после описываемых событий Новгород был занят шведами, а в 800 метрах от церкви, где происходило венчание, был поставлен острог, в котором стоял гарнизоном отряд шведских солдат. Интересно, что одним из первых сборщиков кормов для этих солдат был назначен дядя Увара, Андрей Афанасьевич Борков, также, по жалобам современников, отличавшийся невоздержанностью²⁸².

²⁷⁶ Отписная и межевая книга подьячего И. Петрова да рассыльщика Семенова...; Книга записей Софийской пошрины. 7085 г. // ОР РНБ. Соф. 1548. Л. 212–212 об.; Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В.А.Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584... Л. 174об–175; Межевая 20 июля 1585 г. поместья детей боярских Ивана Корина с товарищами Климецкого погоста в Тесове Вотской пятины // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 469–470; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора. Д. 16947) // *Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв.* / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПБНИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 162.

²⁷⁷ По всей вероятности, с выпивкой. Ср.: капильник — лавочник, трактирщик (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 63).

²⁷⁸ Ср. боевой клич финской конницы в XVII в.: «Накка räälle!» (*Курбатов О. А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 23).

²⁷⁹ Видимо, в своей поместной деревне Еванково.

²⁸⁰ «Выбойщиком», «выбуйщиком» называлось лицо, ведавшее отправкой на военную службу (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 180).

²⁸¹ Платежная книга 1586 г. погостов Зарусской половины Шелонской пятины // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 522–523.

²⁸² . Так, к примеру, написано о нем в челобитной воеводы Григория Никитича Муравьева: «...и посылал в село в Тесово к зборщику к Ондрию к Боркову с товарищи дворян и Тимофея Вельяшова с товарищи о немецких кормех, говорити, чтоб ко мне из села ис Тесова и с погостев корм присылали для немецких людей. И Ондрей Борков с товарищи дворяном и отказал: я де прислан из Новагорода, а не от Григория (Муравьева. — А. С.), и Григорьева указу не слушаю, и корму никакова ко мне по 30 число (декабря 1611 г. — А. С.) не присыльвал, и стоя в госуда-

Другие представители этого рода также встречаются в годы Смуты в ближайшем соседстве от Тесовского погоста: Яков Богданов и Иван Меншик Данилов Борковы упомянуты почти во всех дозорах 1612–1615 гг. По дозорной книге 1615 г. деревня Рыдно, примерно в 20 верстах к северо-востоку от погоста, принадлежала некоему Василию Боркову, но «по скаске волостных людей, Василей сшол во Псков... живет в ней брат его Харлам Борков»²⁸³. Среди дворян-новгородцев, перешедших на сторону Москвы и участвовавших в обороне Пскова в 1615 г. упомянут Фока Борков²⁸⁴. В середине XVII в. упомянуты другие Борковы, в частности — Василий Борков, заставный голова Онежицкой заставы²⁸⁵.

И после Столбовского мира отношения между служилыми людьми, сложившиеся в Смуту давали о себе знать. Допрошенный в 1622 г. о том, нет ли у него в поместье перебежчиков, Г. С. Обольянинов отрицал наличие таковых, упомянув лишь, что в 1616/17 г. к нему в поместье из-за рубежа вернулся его старый дворовый человек Алешка Андреев, «а тово де Олешку как неметцкие люди пошли из Новагорода отнял у нево у Григорья Мурат Пересветов силою и свез с собою за рубеж и тот де его Олешка пожил у Мурата всего з год, а от Мурата пришел к нему к Григорью и жил у нево у Григорья по 130-й год, и в прошлом де во 130-м году тот Олешка и з женою от нево от Григорья збежал за рубеж с ыными с его Григорьевыми людьми в Ругодивской уезд». К тому же Мурату Пересветову от Обольянинова, по его словам, после Столбовского мира, бежал другой «старинной человек». Позднее, осенью 1619 г., он на год вернулся к Г. С. Обольянинову, а затем снова ушел в Ореховский уезд²⁸⁶. Если учесть, что пути Обольянинова и Пересветова в годы Смуты достаточно тесно перескались, что следует предположить и некоторые личные (явно неприязненные) отношения после того, как граница развела их по разным государствам, и от одного к другому то и дело стали перебегать их люди.

реве в селе в Тесове пьет и бражничает, а корму ко мне не присылывает, и старосту и крестьян держат у себя, а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят: с кручиною и о том корму за которой корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам деньги для корму добыти негде, и купити zde ни у кого с кого, ч торгом из Новагорода нету никого, а в Новгород де нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять в денги да помереть над денгами голодом...» (Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. Начало 1612 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 64–66).

²⁸³ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 8.

²⁸⁴ Четвертчики Смутного времени... С. 169.

²⁸⁵ Память заставному голове Онежицкой заставы Василию Боркову о пропуске за рубеж ругодивца Т. Стралбона. 1659, июль // СПбИИ. Кол. 109. Д. 135.

²⁸⁶ Расспросные речи Г. С. Обольянинова о приходивших к нему из-за рубежа и об ушедших от него за рубеж людях. После 1621/22 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 807.

VIII. Люди и вещи

1) Жилье

Важнейший источник для определения характера жилья новгородцев конца XVI – начала XVII в. — это купчие грамоты на недвижимость, изданные И. Нордландер и К. В. Барановым. Эти источники проанализированы в недавней статье Г. Е. Дубровина и Н. Н. Фараджевой, археологов, исследовавших средневековую застройку Коржевой и Славковой улиц в Новгороде²⁸⁷. Будучи специалистами в изучении типов жилищ, исследователи очень точно определяют, что собственно комплексы городских жилищ являются совокупностью перечисляемых в актах построек. При анализе жилых комплексов Коржевой и Славковой улиц ученые объединили все источники о постройках, включая писцовые книги и актовый материал. Не вполне удачными представляются лишь попытки авторов делать биографические наблюдения над владельцами: ученые ограничиваются лишь привлеченными ими для других целей источниками, что не позволяет воссоздать полноценные биографические портреты.

Необходимость привлекать для осмысления археологических реалий, зафиксированных в Новгороде материалы купчих начала XVII в. первым обозначил в 1989 г. А. А. Молчанов, опубликовавший рецензию на монографию И. Нордландер. Несмотря на то, что в актах содержится весьма слабое отражение политических событий, купчие содержат ценнейшую информацию по топографии Новгорода: в них встечается 50 различных обозначений строений, схемы планировки, конструктивные и декоративные детали.²⁸⁸

Интересно, что в источниках конца XVI – начала XVII века описаны сельские усадьбы помещиков и городские усадьбы и дома посадских людей. Ни одного описания городского жилища служилого человека – новгородца мне не известно.

Сельское жилище Северо-Запада конца XVI в. исследовано в небольшой монографии А. А. Шенникова. Эта монография содержит толкования домостроительной терминологии XVI–XVII вв., а также реконструкции крестьянских усадебных жилищ этого времени²⁸⁹.

Номенклатура построек в дворянских «больших дворах», впрочем, не отличалась от той, что предложена А. А. Шенниковым.

В. А. Аракчеев рассмотрел дворянскую усадьбу кн. Ивана Бабичева, располагавшуюся в с. Озерцы Которского погоста Шелонской пятины. После гибели князя в 1572 г. его усадьба была описана: «Двор большой, на дворе хором две горницы с комнаты, да повалуша, сени одны, пивоварня, другая поварня естовная, две житницы, дворец конюшенной, на нем четыре конюшни, да сенник, да челяденной двор, на нем два подклета,

²⁸⁷ Дубровин Г. Е., Фараджева Н. Н. Сведения о населении и усадьбах Славковой и Коржевой улиц по актам передачи недвижимости конца XVI – начала XVII вв. // НИС. Вып. 10 (20). С. 176–194.

²⁸⁸ Молчанов А. А. Новая публикация новгородского актового материала начала XVII в. из Шведского национального архива // ИСССР. 1989. № 1. С. 219–223

²⁸⁹ Шенников А. А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб., 1993.

да изба, да за двором пять дворян люцких...»²⁹⁰ В усадище было 14 построек жилого и хозяйственного назначения.²⁹¹ В архиве Новгородской приказной избы мне удалось выявить шесть терминологически сходных описаний господских усадеб 1610–1613 гг. (таблица 1). Примечательно, что в отличие от городских дворов, чью рыночную оценку того времени мы знаем, никакого представления о денежной цене господских усадеб существующие источники начала XVII в. не дают.

Таблица 1. Усадьбы новгородских помещиков в 1610–1613 гг.

Иван Степанович Чубаров, с. Поддубье Будковского погоста	2 горницы на подклетах; 2 сеней; 2 повалуши; чулан в новых сенях; задняя горенка; баня; поварня; ледник; 2 житницы; 2 избы «в сукромех»; изба воротная; клеть; сенница большая; 3 конюшни; 4 клетки людских; 6 хлевов; приказчицкая изба с клетью	32 постройки
Смирной Самарин, Полицский погост Деревской пятины	горенка собрана, наряду в ней нет; горенка другая на челяденном дворе житецкая с подклитом; повалуша с подповалушьем, а синенки лисом забраны; мыльня нарежю; три хлева; конюшня; на верху синица; конюшня в забор забрана; сушило пополам перерублено; погреб; ледник; поварня; клиточка; изба гостина; клетешко; тре житенки	19 построек
Афанасий Григорьев Кобелев, д. Лодыгино на Узе в Михайловском погосте	изба новая наземная на вмостве; клеть; сенница; горенка; изба приказчика; клеть; изба наземная; житница; мшаник; 2 сенника на подклетах	11 построек

²⁹⁰ Обыск помещика и поместья кн. Ивана Бабицева в Которском и Бельском погостах Шелонской пятины. 1572 (без начала) // *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 438–440.

²⁹¹ *Аракчеев В. А.* Плюсский край в эпоху средневековья // Историко-краеведческий журнал «Псков». Вып. 14. 2001. Доступен также по адресу: <http://journal.pskov.ru/docs/number15/14.htm>

писчик Семен Пятого Базин, д. Новоселье Свинорецкого погоста	подклет горничной; повалуша на подклете; мшаник у ворот; 2 подклета сенничные с тыном; житница в огороде ²⁹²	6 построек
Татьяна, вдова Павла Аничкова, ус. Тоболка, Буховский погост	горница с подклетом; повалуша с подклетом; сени; изба людская; житница; мшаник; 2 сенника с хлебом ²⁹³	8 построек
Иван Федоров Кобелев, ус. Залужье, Карачуницкий погост	изба; сенцы; клеть; мшаник; пристань; у задних ворот изба; мельня; клеть; житница	9 построек
Матвей Большой Семенов Львов, сд Яковлевское, Заверяжский погост	горница; повалуша («хоромы ветчаны»)	2 постройки
Мосей Поскочин, Полищский погост Деревской пятины	горницы житецкая большая с полатой и с подклитами; повалуша большая с подповалушьем и с синьми и с подсиньем; три синничиска; изба житецкая людская; клитенка; житенка	8 построек

Источники: Отдел недельщиком Якимом Тимофеевым сыном Шишмаревым поместья Дмитрия Чюбарова в Никольском Бутковском, Никольском Передольском и Никольском Ижерском погостах Водской пятины Ивану Степанову сыну Чюбарову 1612. 24 и 28.03 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 123–134; Отдел губным старостой Юмраном Нарбековым Афанасию Григорьеву Кобелеву поместий его брата Никиты Григорьева Кобелева и княгини Марьи Костровой в Карачуницком, Михайловском, Шкнятинском и Ручьевском погостах Шелонской пятины. 1610, декабря // RA, NOA. Serie 1:41. С. 247–256 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Девятым Якимовым книги писчику Ямского приказа Семену Базину поместья его отца, Пятого Базина, а также поместья Никиты Базина вдове Марии, жене Третьяка Черкасова в Свинорецком и Ретенском погостах Шелонской пятины. 1612. 19.06 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 495–499.(копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым прожиточного поместья вдове Павла Аничкова Татьяне с дочерьми Марией и Домной и поместья брату Павла Аничкова Афанасию Иванову Аничкову в Буховском погосте Деревской пятины. 1610. 10.12 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 329–335 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296); Отдел подьячим Петром Башмаком поместья Андрея Лысцова в Ивановском Заверяжском погосте Матвею Большому Семенову сыну Львову. 1613. 18.07 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 665–667; Отдел губным старостой Юмраном Нарбековым Степану Иванову сыну Култашеву поместья Ивана Федорова сына Кобелева в Карачуницком и Свинорецком погостах Шелонской пятины и отписка оставшейся части поместья на государя. 1610. 30.07 // RA, NOA, serie 1:41. С. 83-88 (СПБИИ, м/ф. 293 (без

²⁹² Описываемое недвижимое имущество сгорело 27 апреля 1612 г.

²⁹³ Одну житницу вдова должна была отдать своему деверю Афанасию Аничкову.

пагинации); Отдел поместья Смирному Самарину, Василью Поскочину и вдове Марье, Васильевой жене Самарина в Полицском погосте Деревской пятины Степаном Бачмановым. 1612. 31.10 // RA, NOA, serie 1: 119, л. 75-92.

Восемь описаний помещичьих усадеб относятся к разным районам Новгородской земли. Все усадьбы обязательно включали горницу; все, кроме усадьбы Матвея Львова, — житницу. Примечательно, что самое богатое поместье, располагавшееся в живописном месте на берегу Поддубского озера, с баней на Оредеже, включавшее в себя три конюшни на конюшенном дворе, принадлежало ничем не примечательному человеку, Ивану Степановичу Чубарову, а самым бедным, находившимся в нескольких верстах от Новгорода помещиком, владел видный воевода Матвей Семенович Львов, побывавший в королевском лагере под Смоленском в 1610 г., а позднее, в 1613 г., состоявший «русским воеводой» при войске Эверта Горна в Старой Руссе (прежним владельцем этого поместья был новгородский дьяк Андрей Лысцов). Для сравнения: у большой, «неразделенной» семьи крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева во дворе было 10 построек, у их соседей, соответственно, 6, 5 и 3.

Единственный в своем роде документ, в котором специально описаны сельские помещичьи усадьбы, был опубликован кн. Н. В. Голицыным, разыскавшим его в архиве герцогов Курляндских в Митаве. Ученый датировал его первой половиной XVII в., однако, судя по именам помещиков, он был составлен примерно около 1600 г. Это доезжая память о помещичьих усадищах Лопского и Ярвосольского погостов Водской пятины, составленная со слов погостских целовальников²⁹⁴. В формуляр описания входят: название усадища, водообеспечение (наличие колодца, ключа, пруда), а также количество возов сена, которое следует с усадища и прилегающих пустошей. Особо выделяется усадище кн. Василия Ивановича Ростовского: «Усадище Гора князь Василья Ростовского; вода во дворе пруд да тут же другой пруд; ловят караси, рыбку малую; да под двором под горою озерко, и там есть караси больши тех, только не можно ловить, не даст цей (так! — А. С.); сена на болоте 40 воз»²⁹⁵. Никакого фискального смысла в таком описании нет; аналогов доезжей памяти мне не известно. Видимо, можно предположить, что такой документ мог оценить военно-стратегический потенциал этих территорий. Всего в источнике перечислено 9 усадеб в Лопском погосте и 12 усадеб в Ярвосольском погосте²⁹⁶. Более лапидарные описания помещичьих усадеб, кстати, тоже от-

²⁹⁴ Список боярских усадищ в Лопском и Ярославском погостах Водской пятины // *Голицын Н. В.* К истории русско-шведских отношений и населения пограничных со Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903. С. 5–7.

²⁹⁵ Князья Ростовские — последние владельцы этого усадища. При них там существовала каменная Покровская церковь, построенная еще в начале XVI столетия. Когда Ореховский уезд отошел к Швеции, церковь была заброшена. На карте Нотебургского уезда 1688 г. на месте усадища Гора обозначена öde kirkia Gorka Knasina (пустая церковь в Княжой Горе) (Geografisk Charta öfver Nöteborgs län Ingermanland Undantagauides Duderhof pogost. 1688 // RA. Lantmäteristyrelsen Leveranser. Nr. 307).

²⁹⁶ В Лопском погосте: усадище Петровшина князя Данила Мышецкого, усадище Калмуево князя Федора Мышецкого, усадище Патриково сына боярского Андрея Овцына, усадище Путилов двор сына боярского Ивана Путилова, усадище Вердиги сына боярского Ивана Кишкина, усадище Офонасьевщина князя Михаила Мышецкого, усадище Лукинско князя Ивана Мышец-

носящиеся к этой части Новгородской земли, относятся уже ко времени после Столбовского мира²⁹⁷.

Примечательны документы о разделе поместья между сыновьями кн. Тимофея Александровича Вадбольского князьями Богданом и Иваном. Поместье находилось в сельце Юршине, в Семеновском Удрицком погосте Деревской пятины. У князя Тимофея был лишь один усадебный двор. Он был разделен между братьями, причем на попечении старшего брата оставалась их сестра Мария, а на попечении младшего — их мать Агафья. Пополам были разделены также два отцовских сада и четыре двора клирошан «вопчего» Покровского храма.²⁹⁸ Выходит, что, несмотря на совместную жизнь в одном доме, ответственность за недееспособных родственников была разделена так же, как и имущество.

Несколько более сложная ситуация с разделом имущества и наследства прослеживается на примере Аничковых. После смерти (гибели?) Павла Аничкова две его дочери из трех остались в прожиточном поместье с матерью-вдовой, а третья была на обеспечении своего дяди, брата Павла, Афанасия Иванова сына Аничкова²⁹⁹.

Отдел одного и того же двора людям, не состоящим в родстве, также мог производиться. Так произошло в деревне Подлесье Фроловского погоста Шелонской пятины в марте 1613 г. Там вдове Андрея Блажонкова Настасье с двумя дочерьми была отделена половина мужнина двора. Вторая же половина досталась другому помещику, Михаилу Григорьеву Мустофину. Как они уживались в одном доме, представить себе сложно.³⁰⁰

кого, усадище Шевиткотола князя Семена Мышецкого. В Ярвосольском погосте: усадище Гора князя Василия Ростовского, усадище Лезья Василия Нащокина, усадище Воронье сына боярского Василья Муратова, усадище Косицкое Федора Косицкого, усадище Стехново Третьяка Воронина, усадище (без названия) Второго Лугменева, усадище Мья татарина Кондратия (Ермолина), усадище Надиевшина Дея Пущина, усадище «Микитин двор Хвостова», соответственно Никиты Хвостова, усадище у Онтонья (у церкви св. Антония Великого на Вагреселке) Григория Хвостова, усадище Кавгола Михаила Горбова и усадище Задняя Нурма Кондратия Боландина.

²⁹⁷ В итоге мантального описания Нотебургского (Ореховского) уезда 1617-1618 гг. перечислены пустые боярские дворы, к примеру в Лопском погосте: Iuan Hisnis (Ивана?), Iuan Putilof (Ивана Путилова), Knäs Danila Musoskoi (князя Данила Мышецкого), Knäs Roman (князя Романа), Knäs Vasilei (князя Василия), Knäs Mihaila (князя Михайла), Knäs Feodor (князя Федора), Andrej Offsina (Андрея Овцына) (Mantals Register ofwer Notteborgs Lähn. 1617-1618 // RA, Kammararkvet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424. S. 14). Такой же учет пустых боярских усадеб был произведен и в других погостах уезда.

²⁹⁸ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным отцовского поместья кн. Богдану Тимофееву Вадбольскому с сестрой княжной Марьей в Семеновском погосте Деревской пятины. 1611, июня // RA, NOA. Serie 1:75. С. 311–318; Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным отцовского поместья кн. Ивану Тимофееву Вадбольскому с матерью княгиней Агафьей в Семеновском погосте Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 1:75. С. 319–326.

²⁹⁹ Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым прожиточного поместья вдове Павла Аничкова Татьяне с дочерьми Марией и Домной и поместья брату Павла Аничкова Афанасию Иванову Аничкову в Буховском погосте Деревской пятины. 1610. 10.12 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 329–335 (копия без пагинации: СПБИА, м/ф 296).

³⁰⁰ Отдел губным старостой Залесской половины Шелонской пятины Федором Вельяминовым прожиточных поместий вдове Настасье, жене Андрея Блажонкова с двумя дочерьми Аринкою и Стефанидкою и сестре Андрея Блажонкова девке Улите во Фроловском погосте Шелонской

Крестьянские жилища того времени источники описывают не так обстоятельно, как помещичьи усадьбы. Так, восстанавливаемая после набега «литовских людей» деревня Наумово в Молвятицком погосте представляла собой в июне 1612 г. три избы и три клетки³⁰¹. На соседней пустоши Спасове помещик Шестой Бараков поставил «на себя» (вероятно, не для себя, а для своих людей) две избы, сенник и хлев³⁰².

2) Пожары

Одно из самых страшных бедствий Средневековья и Нового времени — пожар — в годы Смуты стало обычным явлением для сельского пространства Московской Руси. Нестабильность политической ситуации в Новгородской земле началась с 1570-х гг., сперва вдоль трасс, по которым проходили войска к линиям фронта, а с 1580–1581 гг. и повсеместно, после проникновения на Северо-Запад войск Стефана Батория, а потом — Понтуса Делагарди. В формулировках писцовых и дозорных описаний 1580-х гг. появились такие характеристики волостей, сел и деревень: «зжено», «зжено и воевано», «не зжено, а воевано». Эти характеристики в массовом порядке повторяются и во всех позднейших описаниях, вплоть до тех, что были составлены в 1620-е гг. Таким образом, сообщений о пожарах как экстраординарных событиях в источниках этого времени почти нет. Однако вышеупомянутый двор, который писчик Ямского приказа Семен Базин должен был получить после своего отца, сгорел за несколько месяцев до отдела. Это было особенно отмечено понятными: «а про тот двор в роспросе сказали Свинорецкого погоста волостные люди, что тот двор на горе згорел и с хоромы ныне на весны после Егорьева дня вешняго на четвертый день, а не ведаем от кого, потому што в те поры мы, свинорчане, розбежались по лесам от литовских людей, а та деревня за рекой за Шелонею, а от нас с версту и более»³⁰³.

3) Вещи

И. Граля и Ю. М. Эскин впервые указали на то, что перечни грабленного имущества представляют собой ценный источник для изучения материальной культуры. В опубликованных учеными документах из переписки полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского с воеводами соседних городов Речи Посполитой 1571–1572 гг. встречены описания одежды и имущества архиерейских детей боярских, помещиков, боевых хо-

пятины и части того же поместья — Михаилу Григорьеву Мустофину. 1611. 19.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 491–495 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

³⁰¹ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным прожиточного поместья вдове Милаве, жене Степана Баракова, из мужнина поместья в Молвятицком погосте Деревской пятины и остатка этого поместья Богдану Давыдову Дирину. 1612. 18.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1181–1187 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

³⁰² Там же.

³⁰³ Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Девятым Якимовым книги писчику Ямского приказа Семену Базину поместья его отца, Пятого Базина, а также поместья Никиты Базина вдове Марии, жене Третьяка Черкасова в Свинорецком и Ретенском погостах Шелонской пятины. 1612. 19.06 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 495–499 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293).

лопов³⁰⁴. В уже цитированном документе об ограблении свадебного поезда есть достаточно детальное описание костюма жениха и невесты. Они одевались богато и ярко — в лазоревые тона, на женихе была лисьья шапка, сапоги покрыты лазоревой зендью (хлопчатобумажная среднеазиатская ткань³⁰⁵), атласная шапка невесты была украшена жемчужной вышивкой. Жених был в однорядке из английского сукна — настрафила³⁰⁶.

Ценным источником для изучения имущества являются оценные и продажные списки «изменничьих» и «опальных» «животов», во множестве появившиеся в Новгороде в Смутное время. Самый ранний из сохранившихся — опубликованная опись имущества окольного М. И. Татищева, составленная незадолго до 14 октября 1608 г.³⁰⁷ Источник сообщает информацию о покупателях «опального» имущества. Среди них был Афанасий Бурцов, дворянин-пусторжевец, в середине сентября 1608 г., привезший в Новгород весть об отъезде Скопина, Татищева и дьяка Телепнева в Ивангород. Бурцов купил «кафтан холодной, сукно вишнево лундыш, ветчан, нашивка в 12 местех, шолк вишнев с серебром в полнос», «10 аршин тафты немецкие», «ожерелишко, бархат космат литовской чюбар, ветчано», «бобрик ярой»³⁰⁸.

Несколько типологически близких документов сохранилось и в составе архива Новгородской приказной избы.

Военные действия и политическая нестабильность привели к формированию большого фонда «изменничьего» имущества, привлекательного объекта для лиц, лояльных действующей власти. Наиболее часто среди таких объектов встречаются поместья и хлеб, остающийся в поместьях от покинувших свои дворы или умерших хозяев. В связи с этим в архиве сохранилось множество дел по челобитным служилых людей об изменничьих поместьях. Реже встречаются описания имущества, в этих поместьях содержащихся.

Таково дело о сыске живота Богдана Помещикова³⁰⁹, в августе 1613 г. покинувшего свою службу приказчиком дворцовых сел в Порхове и бежавшем в Псков вместе с женой. Большую часть имущества — «которое было платье и всякой судовой запас, и то все сvez Богдан Помещиков с собою в Порхов, как бывал в Порхове на приказе». В поместье сохранилось лишь часть движимого имущества — «рогатый живот» («рогатым животом» была единственная корова Помещикова, которую «по приказу бояр и воевод дьяк Пятой Григорьев взял себе безденежно»)³¹⁰, хлеб и сено.

³⁰⁴ Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод 1571–1580 гг.). М.; Варшава, 1998.

³⁰⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. С. 381–382.

³⁰⁶ Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.

³⁰⁷ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева...

³⁰⁸ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 326; Опись и продажа... С. 1, 5, 6.

³⁰⁹ Дело о сыске живота изменника Богдана Помещикова. 1613. 30.08 // RA, NOA. Serie 2:57. Л. 1–22.

³¹⁰ Там же. Л. 18.

Через несколько недель из Новгорода вместе со своими матерями отъехали дети боярские Бежецкой пятины Григорий Павлов сын и Иван Андреев сын Загоскины. Дело об обыске их городского и загородного имущества сохранилось в приказной избе полностью³¹¹. 3 октября 1613 г. в их дворы в Новгороде и в пригородную деревню Родионово были посланы для переписи имущества дети боярские Иван Выповский и Иван Аничков. Свое имущество на дворе на Славкове улице бросил только Григорий Загоскин; Иван Загоскин вывез все полностью. Найденное имущество Загоскиных было конфисковано и дано для оценки новгородским посадским людям. После 4 октября началась распродажа. Среди покупателей имущества Загоскиных много людей, в Новгороде известных. Так, черное медведно, оцененное в полполтины, было продано кн. Федору Черному Оболенскому, бывшему тушинскому стольнику и недавнему послу Новгорода к ополчению в Ярославль³¹². Латы ценой в 2 гривны купил переводчик Олферий Северов³¹³. Ветхий зендинный кафтан за 10 денег купил Венедикт Тимашев, ореховский воевода в 1610 г., назначенный туда Иваном Салтыковым. Большую часть провизии — подъячий Афанасий Бражников (замеченный, кстати, как один из самых активных покупателей при распродаже имущества М. И. Татищева). О даче бесплатно ржи, конфискованной в пригородном поместье Загоскина, били челом дьяк Иван Тимофеев и племянница Григория Загоскина девка-сирота Аксинья Михайлова дочь Мякинина (боярский суд решил дело в пользу последней, разделив рожь между челобитчиками)³¹⁴.

Некоторым детям боярским удавалось вывезти из Новгорода практически все свои животы, так что в продажу было почти что нечего пускать. Вскоре после Загоскиных к Москве бежали Федор Лодыгин и Иван Кадыев. От Лодыгина, жившего на Ильне улице, осталось только «огурцов соленых в кадочке с ведро», а после отъезда жившего на Лубянице Кадыева «осталось в дву мешках круп да толокна с осмерик»³¹⁵.

В 1615 г. была проведена серия обысков о животе упоминавшегося выше Ивана Борисова сына Секирина в Тигодском погосте. Этот сын боярский также оказался на стороне политических противников новгородских властей, и имущество его подлежало конфискации. Однако оставленное Секириным имущество властям не досталось: «А про Иванов живот сказали Иванов человек Секерина Томилко Кобелев да Ивановы крестьяне Секирина Иванко Сидоров да Якуш Шепарев приказан де был Иванов всякий живот при Иване и после Ивана Олеше Назарову да дворовому прикащику Овдокиму Казаринову, и Овдокима деи убили неметцкие люди, а после де Овдокима приказано было все Олеше. И лошади де и коровы и овцы и всякую животину и платье и казну серебряную и жемчужную и денги взяли воровские и немецкие люди в лесе при Иванове жене при Огафье, а про иной живот и про денги и про суды про серебряные и про оловяные и

³¹¹ Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10–1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2:101–B.

³¹² Там же. Л. 8.

³¹³ О нем подробнее: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию...

³¹⁴ Розыск об изменничьем имуществе... Л. 14.

³¹⁵ Обыск животов Федора Лодыгина и Ивана Кадыева Иваном Выповским да подъячим Харитоном Семеновым. 1613. 13.10 // RA, NOA. Serie 2:264. Л. 1–2.

про медяные и про всякие не ведают, потому что приказано де было Олеше Назарову. И Олеша Назаров у вобыску в роспроу не был, избегает неведомо для чево»³¹⁶.

Еще один имущественный казус связан с чемоданом, брошенном в Новгороде бывшим тушинским думным дьяком Денисом Софоновым во время его кратковременного пребывания в городе в начале лета 1611 г. Он оставил его на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова незапечатанным. По челобитной Дарьи в феврале 1615 г. этот чемодан у нее взял толмач Бажен Иванов «напоая ее, тому ныне с неделю». Б. Иванов оправдывался тем, что Софонов — дядя его жены Ески, но власти приказали вернуть чемодан в Разряд³¹⁷.

11 июля 1613 г. было описано имущество дворян Нарбековых, незадолго до этого бежавших из Новгорода к Москве³¹⁸, а позднее и других дворян, поздней осенью 1613 г. покинувших Новгород. Почти тут же о пожаловании «из опальной рухляди» Нарбековых и бежавшего вместе с ними Угрима Лупандина «двух полстей, двух медведен и сум больших» бил челом Томила Сергеев, бывший дьяк Старой Руссы, отправлявшийся в Выборг для встречи Карла Филиппа (собственно, и рухлядь была нужна ему «для государева похода»)³¹⁹.

Особняком стоит дело об оценке и продаже имущества Второго Голенищева (вероятно, родственника погибшего при штурме 16 июля 1611 г. дьяка Афиногена Голенищева), бежавшего из Новгорода после штурма. Его «живот» оценили только в ноябре 1613 г.³²⁰ Не истлевшая часть этого имущества была отдана старорусскому воеводе кн. Андрею Шаховскому. Боярин Одоевский и дьяк Семен Лутохин нашли виноватого в том, что часть вещей сгнила и исчезла. В декабре 1613 г. они приговорили доправить деньги за сгнившую и утерянную рухлядь на подьячем Иване Володимерове, к концу 1613 г. постригшемся под именем старца Ионы. Прежде на его дворе хранились вещи Голенищева.

Исследование описей выморочного, опального и изменничьего имущества дает возможность говорить о нравах новгородцев начала XVII в. Среди покупателей имущества изменников и опальных — представители высших слоев новгородского общества, не гнушающихся «ветчаными» деталями не только из татищевского имущества, но и из «животов» простых детей боярских.

³¹⁶ Роспись обысков Петра Ногина и подьячего Василия Ушакова о животе Ивана Секерина в Тигодском и Солецком погостах и в Кривинской волости // RA, NOA. Serie 2:160. Л. 1–10, 11 об.–19 об.

³¹⁷ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2:246.

³¹⁸ Об «измене» Нарбековых подробно: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде...

³¹⁹ Челобитная Томилы Сергеева о пожаловании ему из опальной рухляди Нарбековых и Лупандина для государева походу. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 13.

³²⁰ Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова да подьячего Митьки Игнатьева осталось в новгородское взятие после побега Второго Голенищева на его подворье образов, рухляди и съестного запаса, сколько запаса отдано князю Андрею Шаховскому, а также оценный и продажный список рухляди. 1613, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:292–А.

Важна также роль приставов и оценщиков имущества: первыми, как правило, выступает пара: сын боярский и подьячий, вторыми — посадские люди. Отметим, что при оценке икон в двух случаях упоминаются одни и те же лица — иконники вдовый поп Постник и дьякон Истома³²¹, служившие, вероятно, своего рода экспертами в иконописи при новгородском правительстве того времени. Ответственность оценщиков, впрочем, была довольно высокой: в случае непродачи имущества по их оценке те должны были выкупить данное имущество за назначенную прежде ими же цену, как и были вынуждены поступить упомянутые Постник и Истома после неудачной попытки продать иконы, оставшиеся после Второго Голенищева.

Кроме описей выморочного и опального имущества существовали описи поличного, арестованного судом и хранящегося в Судной избе. Двое крестьян д. Дураково Старорусского уезда стремились вернуть себе такой «поличный живот». Ранее у них хранились вещи казачки Офимьи, о которой предполагалось, что она держит связь с мужем, ушедшим в лес и воюющим против шведов. Вместе с ее вещами у них были взяты вещи, к Офимье отношения не имевшие: «выняли мы, государь, поличное женскую шапку черленой бархат у женки, у казачки у Офимьи, а вотчины не ведаю, а пропало, государь, у нас с тою шапкою шапка черна муская, да однорядка сеня, да два сарафана, да душагрея, да шапка черлена с пухом, да три ведра масла коровья, ведро меду, восемь четвертей ржи, овса двенадцать чети, двои серги, два перстни, четыре креста, а цена, государь тои нашей гибели платью кроме хлеба» 6 рублей 12 алтын³²². Поличный «живот» мог храниться в Судной избе по несколько месяцев, а то и лет, и его владелец, не дождавшись «вершения» дела, на весь этот срок имущества лишался.

Сложное дело о присвоении драгоценностей разыгралось в Новгороде в июле 1614 г. Подьячий судебных дел Дмитрий Игнатъев обвинил площадного дьячка Иванко Киприанова в том, что тот послал 15 июля к себе на подворье со своим соседом, сторожем Ветошного ряда Якушком большое количество драгоценностей («ожерелье женское жемчужное на серебряной цке, а у него восемь пуговиц серебряных з зернми бурминскими, цена 28 рублей да ожерелье жемчужное муское с 4 зернми бурминскими, 9 рублей, да серьги яхонты 8 рублей, да чепочка, а на ней 15 крестов с прокладки да 10 пугвиц опашных да 10 перстней женских и муских, весом 5 рублей 20 алтын, всего на 50 рублей 20 алтын»). Сторож Якушка вернулся к Д. Игнатъеву, сказав, что площадной дьячок Иванко Киприанов выманил у него эти вещи, от имени хозяина, подьячего Игнатъева. Игнатъев подал на Якушка в суд. Судьи М. Н. Аничков и А. Т. Ногин поставили Якушка и Иванко Киприанова на очной ставке. Якушка повторил свои показания, а Иванко сказал, что с Якушком не знаком. Игнатъев в своей челобитной утверждал, что ранее, при многих свидетелях И. Киприанов признавался ему в присвоении имущества и даже 19 числа отдал женское жемчужное ожерелье, на котором, впрочем, Игнатъев не

³²¹ Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова... Л. 6; Переписной и оценной список живота Федора Ларионова. 1613. 20.10 // RA, NOA. Serie 2:268.

³²² Челобитная крестьян д. Дураково Петровского погоста Старорусского уезда Сеньки Никифорова и Осейки Степанова о возвращении имущества, конфискованного у них вместе с поличным животом казачки Офимьи. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 119.

обнаружил пуговиц, ранее имевшихся. В своей челобитной подьячий Д. Игнатъев просил бояр и воевод о суде, «а вперед бы ему и иным вора́м неповадно было так воровати»³²³.

Имеется подробное описание имущества участников посольства Юрьевского архимандрита Никандра, отправленного из Новгорода в Стокгольм в самом конце 1611 г. и на обратном пути захваченного псковскими казаками и препровожденного в Москву (табл. 2).

Таблица 2. Роспись имущества участников посольства Юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм по прибытии их в Москву в 1614 г.

Участник	Имущество
Архимандрит Юрьева монастыря Никандр	панагея обложена серебром, шляпа да книг с ним в келье псалтырь да часовник да кануник письменные также да за городом... мерин рыж, цены 4 рубли с полтиною, полсть черная, шуба песцовая ветчана, тебяняк, сапоги, сумки, а в них платки да полатенцы и скатерть, две свечи
Игумен Благовещенского монастыря Антоний	на нем шуба боранья, ряска монахья Да за городом... ризы камчаты ветчаны, стихарь поризной полотнян, патрахил бархат отиной ветчан, поручи бархат ветчан, пояс ризной, ворворки низаны жемчугом, патрахил келейной отласная ветчана, другое патрахилишко выбойчатая ветчана. Книги: служебник писменой, потребник писменой, кануник да псалтырь писменные да в сумки платки и скатеришко. Да судов блюденных да торел оловянных, брусок винной, свитка черная, сковородка черная, ендовка белая, схима, образы, складни на золоти. Да ево ж рухледи у печерских слуг у Данилка Иванова да у Семейки Глухово, которые ехали с ними из Пскова: шуба боранья да котлик медяной в ведро, а где они ныне стоят, того не ведает.
Черный дьякон Юрьева монастыря Феодосий	На нем монахья да клобук, шуба боранья да тебячишко черное да шляпа черная да за городом... две свитки ветчаны.
Дьяк Третьяк Копнин	на нем шуба песцова под зенденью ветчана да зипун стеган ветчан. Да за городом...: полстишко серо, епончишко бело, рубашка ветчана шита золотом да портки да шубенко людцкое, да ево ж Третьяков в Посолском приказе кафтанишко ветчан на куницах, обери зелены
Федор Васильевич Бутурлин	в келье попона покрояная, епонча ветчана, сукно кострыж кропивна, шуба боранья да однорятко бурнатня, сковородка белая
кн. Василий Кропоткин	епанча лазорева медведна, ферезишко тофта желта ветчаны, блюдо белое да сковородка белая да однорядка да зипун, в чем ходит
Гордей Судаков	кроме однорядки да кофтана нет ничего
Дмитрий Зеленин	на нем однорядка да кофтан да епонча ветчана, полстишко да сковородка черная
Гость Степан Иголкин ³²⁴	епанчишко да полсти ветчанные плачены, шуба боранья, треух суконной да коробейка, а в ней рубашенко да портки ветчанные

Источник: Роспись имущества посольства Юрьевского архимандрита Никандра по прибытии его участников в Москву. 1614 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

Из таблицы видно, что участники посольства владели разным по объему и богатству имуществом. Особенно значительным было имущества церковников, включавшее в себя как предметы церковной утвари — панагии, книги, так и личные вещи. Все участники посольства имели зимние вещи — шубы, кроме самых бедных. Имущество благовещенского игумена своим объемом превосходило имущество главы посольства, архимандрита Никандра. Совершенно нищим прибыл в Москву Гордей Судаков, у которого «кроме однорядки да кофтана нет ничего».

³²³ Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатъева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15–19.06 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 6–9 об.

³²⁴ Имущество его брата, Ивана Юрьева Иголкина, не упомянуто.

Важными источниками по истории костюма новгородцев являются описания краденого имущества. Три таких описания позволили составить таблицы 3.1–3.3.

Таблица 3.1. Стоимость имущества, ограбленного у женки Настасьи Ивановой крестьянами Зверинского монастыря в 1616 г.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах ³²⁵
Заячья ферезь под крашениной	20 алтын	120
Суконный зеленый сукман	4 гривны	80
Шапка тафтяная	4 алтына	24
Серебряные серьги	Полтина	100

Источник: Челобитная Г. С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, января // РА, NOA. Serie 2:172. Л. 115.

Таблица 3.2. Стоимость имущества, украденного Кристиной Павловой у своего господина Семена Линева в 1619 г.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах
Ферези крашенинные	Рубль	200
Шапка черленая	20 алтын с гривной	140
Сапоги	4 гривны	80
Серьги	30 алтын без гривны	160
50 локтей полотна	Полтора рубля локоть	1500
Сумка	Полтина	100
2 рубахи	20 алтын	120

Источник: Челобитная сына боярского Водской пятины о сносе у него беглой девкой Семена Линева Кристиной Павловой живота в Ивангород. После 1619 сентября (без начала) // СПБИАИ. Кол. 109. Д. 926.

Таблица 3.3. Стоимость имущества, украденного у Андрея Пупилова его людьми в 1617 и 1622 гг.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах
Зипун серый	25 алтын	150
Кафтан бараний	Рубль	200
Белые сермяжные ноговицы	5 алтын	30
Шапка черного сукна, испод лисий с пухом	10 алтын	60
Сукман белый женский	13 алтын 2 деньги	80
Шуба баранья женская	40 алтын	240
Шапка тафтяная женская	13 алтын 2 деньги	80
Серьги	10 алтын	60
Кафтан белый сермяжный	8 алтын 2 деньги	50
Кафтан бараний	10 алтын	60
Ноговицы сермяжные	2 алтына 2 деньги	14
Сукман белый женский	5 алтын	30
Шуба баранья женская	10 алтын	60
Зипун лазоревый настрафильный	3 рубля	600
Кафтан бараний под лазоревой крашениной, пущен пухом бобровым да ожерелье кунье	Полтора рубля	300
Кафтан черный сермяжный	40 алтын	240
Кафтан бараний	Рубль	200
Шуба баранья	Пол-2 рубли	300
Зипун крашениной	16 алтын 4 деньги	100

³²⁵ В таблицах 3.1. – 3.3. для удобства сравнения цен на одежду и украшения я перевел все цены в минимальный номинал тогдашней денежной системы — деньги.

Шапка зеленого сукна, испод горлатный лисий	17 алтын 4 деньги	106
Штаны зеленые английские	20 алтын	120
Зеленая шелковая нашивка, женская	2 рубля	400
Ферези женские тепые под крашениной	Пол-2 рубля	300
Сукман белый нагольный, женский	13 алтын 7 денег	85
Шапка камчатая черевчатая	20 алтын	120
Серьги	17 алтын 4 деньги	106
Сапоги желтые бараньи	12 алтын	72
Зипун сермяжный	20 алтын	120
Кафтан бараний	13 алтын	78
Шапка черного сукна, испод лисий	8 алтын 2 деньги	50
Штаны лазоревые	10 алтын	60

Источник: Список сносного живота, унесенного за рубеж людьми Андрея Путилова в 1617 и 1622 гг. 1622, между 1 июля и 1 сентября // СПбИИ. Кол. 109. Д. 740.

Некоторые наблюдения над этим материалом можно сделать. Очень дорогим кажется женский костюм: цена всех его элементов превосходит цены на части мужского костюма. Разумеется, дорогой была вся меховая одежда; мех везде используется только бараний или лисий, за исключением украшения шубы припуском из бобрового меха с куньим воротником. Цены на ферези примерно одинаковы во всех росписях. То же относится к ценам на серьги.

Интересен состав имущества, украденный у Ивана Лугвенева в 1620/21 г.: «две пищали да две сабли да две шубы заечьи женских под киндяки да две шапки женских, одна отласна, а другая камчатая да кафтан лисий под сукном под зеленым да четыре рубашки женских тонких да пятьдесят локот полотна тонково да два кафтана сермяжных да три шубы бараньих да две шапки муских да два топора да двои рукавицы да двои ногавицы настрафилные да судно». У его товарища, Богдана Самарина человек украл «пищаль долгую птичью да два зипуна один лазорев, а другой бел сермяжной да кафтан теплой заечей под крашениною, штаны зеленые, ферези зендинные холодные лазоревы женские, шапку черевчату отласну женскую да шубу боранью, полотна тонково шездесят локот»³²⁶. У обоих помещиков было украдено оружие и достаточно много женской одежды; в то же время ларца с драгоценностями ворами обнаружить не удалось.

После Столбовского мира важной темой во взаимоотношениях новгородских властей с комендантами соседних городов Ингерманландии становится вопрос о перебежчиках. В 1620-х гг. претензии сторон друг к другу были примерно равными: как правило, перед побегом бежавшие прихватывали часть имущества своих владельцев.

14 мая 1617 г. от Степана Пустошкина из его поместной деревни Скородна в занимаемый шведами Гдов бежали люди, прихватив с собой «ларчик, а в нем ожерелье жемчужное женское, пугвицы серебряные да трои серги да шесть перстней да трои ферези женские зендинные холодные да две косы» (надо думать, что в ларце хранились только

³²⁶ Список беглых людей Богдана Самарина и Ивана Лугвенева. 1620/21 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 739.

ожерелье, пуговицы, серьги и перстни)³²⁷. У Фирса Страхова из Бежецкой пятины в 1617/18 г. за границу бежал человек³²⁸, укравший двух лошадей (одна из них — особо ценная — пегий черемисский конь), «да свез ларчик с казною, ожерелье жемчужное женское да двои серги, одне печата (?), а другие червен з жемчюги да восемь перстнев да манисто, а цена, государь, казни и ожерел тритцать рублей»³²⁹. У обоих пострадавших украденное имущество хранилось в ларцах. Скорее всего, укромно было укрыто и 70 золотников жемчуга стоимостью 60 рублей, украденных у детей Феоктиста Муравьева их человеком Иванком Карповым³³⁰. Вероятно, беглые люди знали, где что брать.

Лошади в перечнях украденного имущества фигурируют почти всегда: конокрадство было распространено; к тому же бежать на лошадях, вероятно, было легче. У тех же детей Феоктиста Муравьева в 1622 г. их люди увели за границу семь лошадей общей стоимостью в 155 рублей³³¹.

4) Грабежи

Если для недвижимого имущества бичом были пожары, то для движимого — грабежи, сопровождавшиеся насилием и физическим страданием жертв. Ограбленная и раздетая на лесной дороге накануне Рождества 1616 г. монастырскими крестьянами женка Г. С. Обольянинова Настасья Иванова получила обморожение рук и ног³³².

В сентябре 1615 г. на Ивангородской дороге на подьячего Константина Петрова сына Лазарева на Ивангородской дороге напали отъехавшие к тому времени во Псков новгородцы-дети боярские Василий Нелединский, Василий Колобов и Матвей Неелов (всего, по словам Петрова, 40 человек) и ограбили его, «взяли в лошадах и в платье и в хлебе и в ыной рухляди опроче денег на дватцат на сем рублей с полтиною да денег в мошне три рубли, а лошади де у него иманы в долг»³³³.

Через 10 лет после Столбовского мира 28 декабря 1627 г. помещик Богдан Григорьев сын Обольянинов бил челом о том, что в канун Фролова дня из его деревни Озеревы Щепецкого погоста бежали крепостные, заворовав. Поимали живота, платья и кузни на

³²⁷ Челобитная Шелонской пятины Степана Андреева сына Пустошкина царю Михаилу Федоровичу о розыске его людей, бежавших в Гдовский уезд и роспись бежавших крестьян. Начало 1620-х // СПбИИ. Кол. 109. Д. 72.

³²⁸ Человек тот бежал к известному байору Никите Калитину, на что имел определенные резоны. По словам челобитчика, ранее тот служил Богдану Калитину, «и от Богдана перешел как был Богдан в Сибири, и отпускная ему дана, и после того бил челом мне», т. е. Ф. Страхову.

³²⁹ Челобитная сына боярского Бежецкой пятины Фирса Страхова о возвращении из-за немецкого рубежа его беглого человека, ушедшего к Никите Калитину. После 1617 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 74.

³³⁰ Память об имуществе, украденном у детей Феоктиста Муравьева их холопами, бежавшими в Ореховский уезд. 1622. 7.04 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 720.

³³¹ Память об имуществе, украденном у детей Феоктиста Муравьева их холопами, бежавшими в Ореховский уезд. 1622. 7.04 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 720.

³³² Челобитная Г. С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, января // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 115.

³³³ Дело по изветной челобитной Поместного приказа подьячего Третьяка Башмакова на подьячего Константина Петрова. 1615. 3.01 // RA, NOA. Serie 2:204.

15 р. «А как, государь, они побежали, и живот мой поимали, и они, государь, женишко мое и сынишко и дочеришко, мучили до полусмерти и мучив заперли в клетки»³³⁴.

IX. Приход и религиозность. Монастыри и святыни

Повседневная жизнь человека начала XVII в. — жизнь, связанная с приходом, с церковным обиходом. Для новгородского дворянина церковь в его селе, кладбище при церкви или в монастыре — это важнейшие составляющие личного ландшафта. В то же время роль духовных отцов — сельских священников многозначна. Живший бок о бок с дворянином, свидетельствовавший подлинность его подписи, почти всегда зависимый от помещика, часто подвергавшийся насилию, духовный отец тем не менее был необходим каждому новгородцу. Документы начала XVII в. позволяют выявить некоторые особенности духовной жизни, религиозных практик, актуальных для того времени.

Сын одного из выдающихся деятелей эпохи Смуты кн. И. А. Мещерского Михаил, участвовавший в королевском походе под Псков 1615 г., в июле 1616 г. бил челом о поместье Густаву Адольфу: «Был, государь, я послан с твоим государевым дворяном с Мартыном с Лаком да з головою с Матвеем Муравьевым на воровских людей. И сошли, государь, воровских людей в деревни в Мороткине и воровских людей побили, а иных живых поимали, и яз, государь, тебе, государю служил, на том бою убил двух казаков, а третьево жива взял. Поместейцо, государь, у меня на Псковском рубеже, и пашня мне на собя в том поместье нелзя от воровских людей, а под городом, государь, у меня усадища нет. Милость, государь, покажи, пожалуй меня за мои службишко за нонешнее и за прежнее, пот Порховым дву монастырков землю, Спасково и Пречистенсково тремя обжи»³³⁵. Еще раньше известный в будущем «байор» Исай Федорович Аминев получил отдельную грамоту на часть вотчины церкви Воскресенья Христова «из Домантовы стены» в Гдовском уезде³³⁶. В обоих случаях ни порховские, ни псковские монастыри уже не могли считаться фактическими вотчинниками: порховские монастыри полностью опустели, а псковские находились далеко за пределами власти новгородского правительства; однако в обоих случаях речь шла об отчуждении церковного имущества. При этом, несмотря на жесткость военной власти шведов, особенно к 1616 г., данные пожалования шли явно вразрез с обязательствами Делагарди, принятыми им за будущего великого князя из династии Ваза, «не придавая даже значения, будет ли он вновь креститься, лишь бы он сохранил им в неприкосновенности древнюю религию греческого обряда и их привилегии»³³⁷.

Судьба сельских приходов в годы Смуты была, разумеется, связана с наличием прихожан и их способностью поддерживать и защищать приходские храмы. Пока дети бояр-

³³⁴ Дела о возвращении из-за шведского рубежа русских перебежчиков. 1627, август–1628, январь // Дела Тайного приказа. Т. 4 (РИБ. Т. 38). Л., 1926. Стб. 315–334.

³³⁵ Дело по челобитной о поместье кн. Михаила Ивановича Мещерского. 1616, июль // RA, NOA. Serie 2:100.

³³⁶ Книги записи поместных пошлин с трех пятин — Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 32; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 10.

ские имели связь с поместьями и хотя бы часть времени проводили в них, такая поддержка храмам постоянно оказывалась. То же касается и больших дворцовых волостей, где священники были защищены сильным сельским обществом. Так, поп Климентовской церкви в дворцовом селе Тесове Богдан Клементьев, начавший службу при этом храме не позднее ноября 1573 г.³³⁸, и продолжал служить там по крайней мере до конца августа 1615 г.³³⁹

С середины XVI в. источники фиксируют совместная забота соседей-помещиков о своей приходской церкви. В писцовой книге Шелонской пятины 1571 г. в Прибужском погосте значится сельцо Язвее с церковью св. Николая, стоявшей на городище. Она располагалась на земле «царя и великого князя», но находилась «вопче в приходе детей боярских»³⁴⁰. 1 февраля 1582 г. по челобитной группы детей боярских Деревской пятины была получена государева грамота, по которой «неслуживой сын боярской Остафей Вараксин отделил в Деревской пятине в Молвятицком погосте к Егорью Христову мученику на Любну земли мертвым на кладнице, а крылошаном под дворы и на пашню и под огороды» из выморочного поместья Ивана Кузьмина сына Печатникова³⁴¹. 20 марта он же отделил часть выморочных земецких поместий к церкви св. Георгия на самом Молвятицком погосте³⁴², а 15 мая того же года другой неслуживый сын боярский Михаил Ватутин отделил часть поместья Дмитрия Уракова сына Аничкова под церковь Ивана Предтечи в Деманском погосте³⁴³. В 1592 г. группа новокрещеных татар Удомельской волости била челом новгородскому митрополиту Варлааму о возобновлении стоящей в их приходе без пения уже более 25 лет церкви св. Дмитрия Солунского³⁴⁴.

Одна челобитная нескольких соседей-помещиков с просьбой о пожаловании части выморочного поместья церковному причту относится к весне 1613 г.³⁴⁵ Она обращена к

³³⁷ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 233–234.

³³⁸ Список с отписной и межевой книги подьячего Ивана Петрова на село Тесово с деревнями... С. 207–232.

³³⁹ Выдельные книги государева ярового хлеба в дворцовом селе Тесове Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:109. С. 317–340.

³⁴⁰ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 452–453.

³⁴¹ Отдел неслуживым сыном боярским Остафьем Семеновым Вараксиним кладбищенской земли к церкви св. Егория в Любне в Молвятицком погосте Деревской пятины. 1582. 1.02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 13 об.

³⁴² Отдел неслуживым сыном боярским Остафьем Семеновым Вараксиним земли к церкви св. Георгия в Молвятицком погосте Деревской пятины из поместий земцев Федки Дурнева с братьями. 1582. 20.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 24 об.–25.

³⁴³ Отдел неслуживым сыном боярским Михаилом Ватутиным в Деманском погосте Деревской пятины места под церковь Ивана Предтечи из поместья Дмитрия Уракова сына Аничкова. 1582. 15.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 31–31 об.

³⁴⁴ Жалованная грамота Варлаама, митрополита Новгородского и Великолуцкого, новокрещенам Бежецкой пятины волости Удомли Григорью Сюстееву с товарищами на разные льготы приходской их церкви Дмитрия Солунского. 1592. 26.06 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 160 об.–161.

³⁴⁵ Челобитная Деревской пятины Богдана Терпигорева, Михаила Иванова сына Лопухина, Рохманина Рупасова и всех помещиков-прихожан церкви св. Георгия Налюцкого погоста о пожаловании из выморочного поместья Осипа Иванова сына Ерохова земли к церкви на кладби-

новгородским правителям Якову Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому. В челобитной содержится примечательный упрек прежних помещиков, на земле которых стоял храм, в не прекращавшемся «насильстве», от которого священники «станового», т. е. погостского храма св. Георгия на Налюцком погосте, подолгу не задерживаются на своем месте, в связи с чем благочиние прихода пришло в упадок. В челобитной есть апелляция к «старине»³⁴⁶, когда, по словам челобитчиков, церковь стояла на «вопчей» земле окрестных помещиков. После же того, как земля вокруг храма была отдана Андрею Рясницыну и Осипу Ерохову, священники стали при возможности покидать приход. Теперь же после гибели Осипа Ерохова часть его поместья может, по мысли челобитчиков, отойти под церковную пашню и дворовые места.

Но картина была бы не полной без описания случаев насилия в отношении священнослужителей в начале XVII в. В сентябре 1614 г. подьячий Дворцового приказа Никифор Коптев и лебедчик Тренька Якольцов подали челобитную, повествующую об убийстве на дороге строителя Леохновой пустыни, находившейся в 20 верстах от Старой Руссы. Оба челобитчика были вкладчиками этого небольшого монастыря. Строитель Андроник накануне Троицы 1614 г. (в 1614 г. — 19 июня) пошел в Новгород по монастырским делам. По дороге между деревней Липицы и селцом Дворицы на него напала группа местных крестьян, из которых Коптев и Якольцов знали только одного, Иванка Красника из деревни Солопска. Они убили старца Андроника, забрав у него 30 рублей монастырских денег, а также ценные бумаги — «монастырские крепости, записи и кабалы». Старца Андроника заменил черный священник Корнил, который и вызвал челобитную вкладчиков (а не факт убийства старца Андроника, происшедшего за несколько месяцев до подачи челобитной). По их мнению, Корнил самоуправно жнет рожь на монастырской пашне и продает ее в Новгороде и вообще «владеет тем монастырем насильством без твоего государева указу и монастырь пустошит». При этом на нем не было взято поручных записей, следовательно, в любой момент он мог скрыться. Челобитчики просили об описи монастырского имущества и взятии Корнила на поруки. Резолюция дворцового дьяка Пятого Григорьева касалась как убийства, так и предполагаемого расхищения монастыря. Подьячий Иван Алексеев был послан для ареста и убийц, и старца Корнила, а также для переписи имущества Леохнова монастыря³⁴⁷.

В насилии обвинялись и священнослужители. В конце декабря 1616 г. (за неделю до Филиппова Заговенья, т. е. около 7 ноября) принадлежавшая Г. С. Обольянинову женка

ше, на церковные дворы и на церковную пашню. 1613, март–апрель // Дело о выморочном поместье Деревской пятины Осипа Иванова сына Ерохова. 1613, март–май // RA, NOA. Serie 2:310. Л. 7.

³⁴⁶ Понятно, что апелляция к «старине» в русской риторической традиции XVI–XVII вв. не имеет четкой хронологической привязки. Замечу, однако, что один из челобитчиков, Рахманин Федоров сын Рупасов, начал свою службу еще в годы опричнины. В списке 20 марта 1573 г. он записан как дворовый сын боярский, получавший жалованье с городом 11 рублей (*Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах Опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949. С. 27).*

Настасья Иванова, вызванная своим господином в Новгород из его поместной деревни Лысцова на Оредеже, забрела случайно на пустошь Озеречно, принадлежавшую Зверинскому монастырю³⁴⁸. Там по приказу настоятеля монастыря Дионисия она была ограблена монастырскими крестьянами. Дело было поздней осенью, и полураздетая Настасья «от того грабежу и ознобила руки и ноги»³⁴⁹. По челобитной Оболянинова в Тесовский острог к голове кн. Г. Д. Гагарину была отправлена память о взятии старца Дионисия на поруке и о сыске³⁵⁰.

Х. Девиантное поведение

Имеющиеся источники позволяют судить о том, какие нарушения общественной морали проявлялись в Новгороде и окружающем его сельском пространстве в начале XVII столетия. Надо сказать, что проявления такой девиантности в документах начала XVII в. в Новгороде чрезвычайно редки. Возможно, это связано с критическими обстоятельствами Смуты, когда почти ежедневные бытовые трагедии заслонили собой традиционные общественные язвы. Источники ничего не говорят о богохульстве (из чего не следует, что Новгород начала XVII в. был исполнен святости). Несмотря на постоянное насилие, присутствовавшее в повседневной жизни новгородцев, очень мало известно об изнасилованиях, хотя, вероятно, они сопутствовали грубым военным нравам того времени. Соглашусь с А. Б. Каменским, пишущим, что «многие из перечисленных выше явлений могут быть охарактеризованы как вполне типичные. Так, вполне типичным явлением практически для любой исторической эпохи и любого региона была проституция, а типичным явлением современности является наркомания, однако это не означает, что к ним неприменимо понятие девиантного поведения как *культурно осуждаемого отклонения* (курсив Каменского) от социальной или нравственной нормы»³⁵¹.

1) Проституция в Новгороде и Новгородской земле

В июле 1612 г. на Лубянице был раскрыт дом свиданий, располагавшийся в подызбице, где в доме Федора Портного мастера жил Денис Сапожник. Среди клиентов притона были шведские солдаты. Уличане показали, что «...как тот Денис сапожник жил у Федора портного мастера в подызбице, и немцы к нему ездили по вся дни и рано и поздно».³⁵² Жители Нутной улицы говорили более определенно: «...слух наш и ведом про

³⁴⁷ Дело по челобитной подьячего Никифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника. 1614. 11–15.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 10–11.

³⁴⁸ Пустошь Озеречно на притоке Оредежа Кремянке находилась к северу от д. Лысцово, в направлении, противоположном дороге на Новгород, пролежавшей вниз по Оредежу, далее к д. Горыни и Ивангородской дороге. Почему Настасья Иванова забрела в Озеречно, неясно.

³⁴⁹ Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря....

³⁵⁰ Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Деонисья. 1617. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 106.

³⁵¹ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 220, сноска.

³⁵² Обыск о воровстве на Лубянице в Егорьевской трети. 1612. 24.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 1.

того Дениску есть, что у него во дворце воровские жонки живут, и во двор к нему для тех жонак воровства неизвестные люди приходят, и в скопе нам уличаном десяти дворов десяцкой Иван Брага про Федора попа сказывал, что де тот поп Федор вышел ис того двора с товарищи своими с неизвестными людьми...»³⁵³ Следовательно, посещал притон и священник Федор. Уже в последние годы шведской власти еще один притон был раскрыт на Рогатице, в доме пана Остафия. 21 октября 1616 г. рассыльщик Иван Трубица обыскивал «о великом воровстве» на его дворе. Согласно его обыску, в этот двор «приходят женки и немецкие люди для бледни»³⁵⁴.

В сельской местности такое неблагоприятное поведение было замечено в начале XVII в. только за дочерью крестьянина дворцового села Тесова Тита Романова Дунькой. Волостные люди показывали, что «немецкой пристав Сифорко с Титковой дочерью з девкою з Дункою воровал и с нею жил». По наущению Т. Романова и его дочери «немчин Сифорко старосту Юрья бил и саблю сек, и нам волостным люем тот Сифорко по их наученью шкоту учинил». Позднее Дунька стала жить с другим немецким приставом, «Христофорком» и также пользовалась влиянием сожителя для сведения счетов с односельчанами. Волостные люди показывали, что «...ссоры у нас в волости та девка Дунка многие учинила, и корм наш волостной тот Титко со своею семьею едят, и от того пристава от Христофора по их наученью нам, волостным людям шкоту учинили». Чувствуя себя защищенным авторитетом шведского военного, Тит Романов настроил против себя волость, в пьяном виде стреляя в волостных людей из пищали, избив и сломав руку пономарю Климентовской церкви Давыду, ранив из пищали нескольких крестьян. Первый сожитель Дуньки, «немчин Сифорко», отнял у одного из крестьян серьги и подарил их своей подруге. Староста же села «для того утеснения от старощенья отказывался, боясь от них убивства»³⁵⁵.

Следствие по этому делу вел Никита Тырков. Допросив крестьян села Тесово, он получил от них следующие показания: Тит Романов с детьми и с немецким приставом Христофорком («Сифорком») приходил во двор к подьячему села Тесово Ивану Прокофьеву. И Тит Романов, и его дети, и немец «напився пьяны с сабли и с ослопы и с ножами приходили и подьячево Ивана Прокофьева матерны всякою неподобною лаею лаяли и ослопы били и зарезать хотели рняся тому, что он Иван ему Титку о воровстве перед нам волостными людьми говорил многожды, а то нам волостным людям все ведомо, что тот Титко и жена и дете ево то воровство, что дочь ево Дунка ворует, ведали, и за немчина за Христофорка тое девку сами выдали для своей безделной корысти, и от тово ево безделново волостным людем от нево Титка и от детей ево и по их наученью от немецких людей бой и всякая шкота была немерная, а как они Титко з детми и с немчи-

³⁵³ Обыск о воровстве на Нутной улице. 1612. 26.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 3.

³⁵⁴ Обыск рассыльщика Ивана Трубицы по приказу подьячего Григорья Собакина о великом воровстве на дворе пана Остафия на Рогатице улице. 1616. 21.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 105.

³⁵⁵ Обыск Н. Я. Тыркова о воровстве Дуньки, дочери Т. Романова. 1614. 27.12 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 99.

ном подъячего били и грабили и хотели зарезать, и мы волостные люди не хотя волости всей безголовья, Ивана отняли»³⁵⁶.

Надо сказать, что нападавший на стросту Юрия в 1615 г. Тит Романов еще в марте 1613 года сам был старостой дворцового села Тесова³⁵⁷.

Новгородские источники конца XVI – начала XVII в. дают лишь два примера насильственного принуждения к сожителству. В 1598/99 г. на сына боярского Шелонской пятины Степана Шаблыкина была челом вдова Ириньца, жена Степана Кавтанника, что Шаблыкин держит у себя насильно ее дочь³⁵⁸. Другой пример я уже приводил выше — это своз невесты Ивана Дылдина новгородцем Уваром Борковым.

2) Гомосексуализм

Сообщения о приверженности жителей Московии к содомии часто встречаются в описаниях иностранцами Московского государства, начиная с середины XVII в. Традиционно эти сообщения оцениваются в контексте неких стереотипных атрибутов, которые, по мысли европейцев XVI–XVII вв., должны были соответствовать образу схизматиков — дикарей-москвитов, часто именуемых и язычниками. Это связано с общим негативным отношением к московским нравам, сложившимся в западноевропейской (особенно протестантской) литературе с середины XVI в. Одной из причин такого отношения была трагедия шведского посла к Ивану IV Абосского епископа Павла Юстена, задержанного царем и проведенного около полутора лет в Московском государстве фактически на положении арестованного³⁵⁹. Во второй половине XVI в. Московия Ивана Грозного воспринималась как реальная опасность для Европы (в связи успехами русских в Ливонской войне и глубоком проникновении в «европеизированные» области Прибалтики, особенно в 1577–1580 гг.). Именно к этому периоду относится появление большого числа летучих листов в Германии, повествовавших о «московской» опасности. Как пишет Н. А. Лобанов, «летающие листки» и другие газеты, появившиеся в Германии еще в XVI в., играли огромную роль в складывании стереотипов о России³⁶⁰. В центре противостояния в Ливонии были москвиты, «самые непримиримые и ужасные враги христианства»³⁶¹.

Для иностранной памфлетной литературы характерны обвинения Грозного в немотивированной жестокости. Так, Николас Бассе описывал разгром Иваном Грозным Новгорода: «Стрельцы принуждали к блуду благородных и честных девиц и насиловали их

³⁵⁶ Обыск Н. Я. Тыркова в с. Тесове по челобитью подъячего Ивана Прокофьева о сводничестве старосты Титка Романова. 1615. 4.02 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 60-61.

³⁵⁷ Обыск губным старостой Михаилом Нееловым в дворцовом селе Тесове о поместье Ратая Крекшина. 1613. 20.03 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 633-635.

³⁵⁸ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел... Л. 309–309 об.

³⁵⁹ Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII веке... С. 7. Юстен Павел. Посольство в Московия 1569–1572 гг. / Пер. Л. Э. Николаева. Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2000.

³⁶⁰ Лобанов Н. А. Немецкая периодика XVI–XVII веков: взгляд на Россию // Славяне и их соседи. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 124.

³⁶¹ Там же. С. 131.

позорным образом» (в первом издании далее следовала фраза: «И они так бесстыдно насильовали их, что многие женщины из-за этого лишились жизни»). Далее тот же автор перечислял насилия (не сексуальные) над мужчинами, детьми, монахами, животными³⁶². Ульфельд в 1575 г. также описывает жестокости Грозного в Новгороде: «В выше названный день (15 сентября. — А. С.) нам встретилось много кораблей, которые тянули против течения лошади; все они были нагружены пленными, среди которых я заметил множество знатных женщин и девиц...»; «16-го сентября глубокой ночью мы прибыли к монастырю св. Николая, довольно красивому и расположенному в красивейшей местности, но находящемуся в запустении: царь, охваченный ненавистью к монахам, всех их лишил жизни и утопил в воде»³⁶³. Тот же автор, описывая нравы московитов, указывает на их нескромность, почти эксгибиционизм: «К нам всякий день приходили гудошники, разыгрывали комедии на свой лад, часто среди представления они обнажали зады и показывали всем срамные места тела, вставали на колени и поднимали зад кверху, отбросив всякий стыд и робость. То же самое иногда делали и женщины»³⁶⁴. Его удивляет и бесстыдство крестного хода с публичным омовением³⁶⁵. Сообщения иностранцев, побывавших в 1570 г. в Новгороде, в целом похожи друг на друга. Близкое описание опричных расправ встречаем и у других авторов (Гваньини, Юстен, Шлихтинг, Штаден). Однако никто из авторов не упрекает в содомии русское общество. Существуют лишь сообщения о приверженности к содомскому греху самого царя Ивана (его подозревали в связи с Федором Басмановым; это в один голос сообщали натерпевшиеся в Московии католик Альберт Шлихтинг и Генрих Штаден)³⁶⁶. В одной из работ Г. М. Коваленко содержится довольно убедительная «отповедь» европейцам в их упреках русских в язычестве и низкой бытовой культуре³⁶⁷. Сходные мысли высказаны в труде Г. С. Зелениной: буквальное толкование известий иностранцев о московитах-содомитах, дополненная встречающимися также описание московитов-скотоложцев, колдунов и беспробудных пьяниц, приведет к тому что «картина нравов русского общества перестанет быть доступной нашему воображению»³⁶⁸.

³⁶² *Скрынников Р. Г., Каппелер А.* Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // ОИ. 1991. № 1. С. 135.

³⁶³ *Ульфельд Якоб.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. Отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 338

³⁶⁴ Там же. С. 303–304.

³⁶⁵ Там же. С. 305–306.

³⁶⁶ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и прим. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 17. *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступ. ст. И. И. Полосина. [Л.], 1925. С. 96.

³⁶⁷ Г. М. Коваленко, кстати, первым обратил внимание на традиционные для шведов XVII в. упреки московитов в содомии, педофилии и зоофилии (*Коваленко Г. М.* Швеция и Россия в XVII веке. Из истории политических и культурных связей // Rapportserie utg. Av Forskningarkivet vid Umeå Universitet. Scriptum № 40. 1995. С. 5–6); впрочем исследователь никак не откомментировал это обстоятельство. Вероятно, оно соотносится с проблемой признания московитов христианами вообще, актуальной для шведской национальной, протестантской идеологии XVII столетия.

³⁶⁸ *Зеленина Г. С.* Свидетельства иностранцев XVI-XVII веков о московитах-содомитах // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 3. М., 2002. С. 195-213.

Действительно, заманчиво было бы объяснить многочисленные упреки европейцев лишь стереотипами в отношении москвитов. Тем интереснее найденный в Riksarkivet документ, свидетельствующий о существовавших в действительности гомосексуальных отношениях в новгородском обществе начала XVII в..

Важнейшими хрестоматийными описаниями Московии являются тексты Сигизмунда Герберштейна и Адама Олеария. Считаясь знатоком русской жизни, Герберштейн, к примеру, сомневался в существовании у русского простонародья исповеди, высказывая мнение о том, что исповедь — лишь для князей и пр.³⁶⁹ Но именно у Олеария впервые встречается развернутое описание содомии у русских. «Плотским побуждениям своим и любодеянию русские предаются до того, что некоторые из них грязнят себя отвратительным пороком, известным у нас под названием Содомского, и употребляют для этого не только ругос muliebriia pati asvetos, как говорит Курций, но даже мужчин и лошадей. И такие постыдные действия их доставляют материал для разговоров на их пирушках, так как обличенные в таких пороках строго не наказываются...»³⁷⁰ Олеарий подробно распространяется о совместном мытье в банях мужчин и женщин, об удовлетворении похоти в пьяном виде по рассказу великокняжеского переводчика в Великом Новгороде³⁷¹. Позднее обвинения русских в содомии довольно распространены в иностранных описаниях нравов Московского государства. Однако известны и два других сообщения, относящиеся к эпохе несколько более ранней, чем текст Олеария.

В годы Смуты в приверженности к содомскому греху москвитов упрекает, пожалуй, только Конрад Буссов, так описывая события в Москве весны 1611 г.: «куда бы москвиты не отступали, за ними гнались ветер и пламя, и ясно было, что господь бог хочет покарать их за кровавые убийства, клятвопреступления, лихоимство и эпикурейское содомитство»³⁷².

В 1994 г. Г. М. Коваленко опубликовал русский перевод сообщения о политической ситуации в Москве упоминавшегося выше новгородского сына боярского Михаила Клементьева, относящееся к 23 января 1616 г. В нем, в частности, приверженным к содомии называется молодой царь Михаил Романов. Однако это сообщение можно, пожалуй, расценивать как продолжение более ранних обвинений в адрес Ивана IV. Существует документ, появившийся всего за несколько недель до сообщения Клементьева, также содержащий данные о гомосексуализме, но в среде новгородского общества той поры³⁷³.

Документ происходит из небольшой коллекции, собранной в фонде Militaria-2 (картон 1287) и составленной из документов т. н. Русской войны (Ryska krig) 1609–1617 гг. Коллекция содержит довольно случайный набор документов, относящихся преимущественно к политической истории. Однако один из них — фрагмент челобитной юноши,

³⁶⁹ Алмазов. Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в Русской церкви. Казань, 1900. С. 33–34

³⁷⁰ Олеарий Адам. Записки о Московии. 1-е изд. СПб., 1870. С. 178.

³⁷¹ Там же. С. 179.

³⁷² Буссов Конрад. Московская хроника 1584-1613. М.; Л., 1961. С. 188.

чужого в Новгороде, но, по всей вероятности, проживавшего на территории, подчиненной Новгороду³⁷⁴. В опубликованном Л. В. Дрень печатном описании коллекции он именуется «Челобитная (автор и адресат неизвестны) о семейном конфликте с жалобой на некоего Федора»³⁷⁵. В челобитной содержится обвинение некоего Федора в том, что тот четыре года назад склонил челобитчика к гомосексуальным отношениям, пользуясь его малолетством. Теперь же Федор шантажирует челобитчика, угрожая сообщить о происшедшем его отцу и вымогая крупную сумму денег.

Решение по челобитной нам не известно, связать челобитчика и Федора с кем-то из известных лиц Новгорода начала XVII в. нам не удастся. Однако документ, как нам представляется, свидетельствует о том, что гомосексуальные отношения в Новгороде начала XVII в. не являлись чем-то экстраординарным: сам челобитчик жалуется не на сам факт содомии, а на склонение его к ней обманом и на денежную скудость.

³⁷³ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева...

³⁷⁴ Селин А.А. Новые материалы о гомосексуализме в Новгороде начала XVII в. // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. 19-21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 40-45.

³⁷⁵ Дрень Л. В. Русские документы XVI – начала XVII в. в архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7(17). 1999. С. 379–385.

Заключение

Данная книга – попытка исследовать основные стороны жизни новгородского общества начала XVII века. Не политическая жизнь эпохи, не архив Новгородской приказной избы, а именно новгородцы, жившие в те годы на Северо-Западе представляли главный объект исследования автора.

Основной источник проведенного исследования – архив Новгородской приказной избы, ныне разрозненный по нескольким архивохранилищам и лишь частично опубликованный – представляет собой целостный комплекс. Примерный его состав и номенклатуру документов мне, как кажется, удалось определить. Архив включает документацию новгородских Дворца, Разряда и Поместного приказа, действовавших в этот период и возглавлявшихся цветом новгородской бюрократии – дьяками Семеном Лутохиным и Пятым Григорьевым. Дьяк Иван Тимофеев, живший в Новгороде при шведах, активного участия в управлении городом не принимал.

Спорным остается вопрос о том, каким было реальное влияние на управление городом и землей шведской администрации. Предположу, что это влияние менялось со временем и усиливалось по мере того, как к шведским властям приходило понимание того, что из Новгорода придется уходить.

Материалы архива в сопоставлении с другими документами, связанными с Новгородом начала XVII века позволяют провести просопографическое исследование – проследить судьбы нескольких тысяч новгородцев, живших в изучаемый период. Это много. Известно, что к февралю 1617 г. в Новгороде оставалось лишь несколько сотен человек. Сохранившиеся дозорные и даточные книги 1611-1615 гг., а также подготовительные материалы к ним (обыски, росписи поместных дач и проч.) позволяют довольно точно исследовать состав новгородского служилого города и изменения в нем в годы Смуты. Бесценным дополнением к этим материалам служат комплексы дел о поместьях, достаточно полно сохранившиеся.

Документы архива Новгородской приказной избы представляют Новгород и Новгородскую землю как огромную, многообразную территорию, с живыми людьми, ее населявшими, боровшимися за поместья, воевавшими, любившими, доносившими друг на друга. Несколько тысяч человек, чьи судьбы затронуты в данной работе, выглядят не очень похожими, разнообразны и их жизненные пути. Политическое образование, к которому они в то или иное время относились, эпоха, исполненная бурных перемен, наложили огромный отпечаток на их судьбы.

Проблема новгородско-шведского альянса начала XVII в. должна рассматриваться как проблема взаимоотношения двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия. И Шведское, и Московское государства только что, в XVI в., пережили этап становления, включавший в себя, кстати, и утверждение государственной идеологии. Для Швеции это Реформация, проведенная королем-освободителем Густавом Вазой, для России — цепь религиозных реформ конца XV – начала XVI в., получивших свое оформление в актах Стоглавого собора. Ч. Даннинг убедительно показал, что рассматривать события начала XVII в. в Московском государстве следует в контек-

сте политических кризисов конца XVI – начала XVII в. во всех европейских странах¹. Это касается и наиболее близких соседей, Речи Посполитой и Швеции².

Режим, сложившийся в Новгороде в начале 1611 г. – был особым организмом, развитие которого удалось проследить более или менее подробно. По документам 1611–1617 гг. устройство альянса выглядит следующим образом: порядок в нем должны были поддерживать шведские военные гарнизоны, руководимые офицерами, а обеспечение этих войск должны были взять на себя новгородские дворяне. Это было составной частью договоренностей новгородцев со шведами и жестко соблюдалось. Именно новгородским дворянам, назначенным в «острожки» — небольшие земляные крепости, возведенные в 1611–1612 гг. по всей территории Новгородской земли, приходилось чаще всего общаться со шведами.

В 1611 г. Новгород вступил в переговоры с Делагарди. Соглашение об установлении мира и порядка хотя бы на территории, непосредственно прилегавшей к Новгороду, отвечало устремлениям широких слоев новгородского общества, в первую очередь наиболее социально активной категории населения — дворян и детей боярских. Приход шведов в 1611– начале 1612 г. оценивался новгородцами как установление твердой надежной власти. Но несколько дней, а то и недель после штурма порядка в городе не было. Он начал устанавливаться только к августу 1611 г. В делах этого времени почти незаметно шведское присутствие. Редкие упоминания о «новгородском взятии» и о деятельности (поездках, обустройстве в городе) генерала Делагарди лишь оттеняют течение повседневной жизни города. Этот этап, с лета 1611 до лета 1613 г. – время широкого компромисса между шведской администрацией и новгородцами. Обе стороны изо всех сил пытаются следовать взятым на себя обязательствам. Характер массовой кампании приобрел сбор денег для компенсации новгородцам за потравленное зимой 1611/12 г. шведской армией сено и на уплату заемных денег шведскому «палатнику Клаусу Храмбору». Ничего подобного в последующие годы документы не показывают. Лето 1612 г. – время относительных успехов в стабилизации фискального положения (собирались недоимки за прошлые годы с тех территорий, на которых в 1608-1610 гг. власти не было вовсе), успехов военных (подчинены все новгородские пригороды и Гдов), а также интенсивных (и конструктивных) переговоров с Ярославлем. Однако именно в это время отмечаются первые сбои в деятельности администрации. Не удается составить описание Старорусского уезда. Возникают перебои со снабжением шведских войск (в Старой Руссе и в Ладогe). Не удается наладить дорожную сеть в Новгородской земле. Зима 1612/13 г. прошла в ожидании царского выбора в Москве. Г. А. Замятин настаивает на том, что первоначально кандидатура шведского принца победи-

¹ *Dunning Ch. The precondition of Modern Russia's First Civil War // Russian History/Histoire Russe. Vol. 25. Nr. 1-2 (Festschrift for A.A.Zimin). 1998. P. 119-131.*

² Примечательно, что за несколько лет до Смуты Борис Годунов пытался влиять на политический кризис в Швеции, запирая и открывая дорогу из Выборга в Нарву, тем самым вмешиваясь в политику ближайшего соседа, имея целью аннексию прибалтийских городов. Таким образом, интерес Карла IX к делам в Московском государстве был вполне объяснимым.

ла на избирательном соборе. Однако уже к апрелю 1613 г. в Новгороде было известно об избрании Михаила Романова.

Лето 1613 г., ознаменованное началом массового перехода новгородцев на московскую сторону (известнее всего происходившее в Тихвине и Гдове) и одновременно выборгскими переговорами с Карлом Филиппом, было действительно кризисным. Несомненно, активность Москвы на северо-западном направлении имела большое значение. Поход Л. А. Вельяминова на Псков (закончившийся в Тихвине) и, особенно, начало движения войска к Трубецкому на Запад начало менять ситуацию в Новгороде. Политические силы начали соперничество за «тела и души» новгородцев. На стороне шведской партии было право присяги; на стороне Москвы – имя «природного государя». Именно в этом поле и проходила дальнейшая дискуссия.

Очень много новгородцев бежало во Псков (и, видимо в Торжок и Осташков) зимой 1613/14 г. – именно тогда, когда кн. Д. Т. Трубецкой посылает в Новгород листы-прокламации. Полагаю их действие было чрезвычайно эффективным. 1614 г., хоть и не принес московской власти однозначной победы (стояние Трубецкого под Бронницами – скорее военное поражение), но, тем не менее была одержана победа в борьбе «за души новгородцев». Вместе с тем, присоединение многих новгородских помещиков к московскому войску часто было связано с тем, что это войско проходило через их деревни. Как показал О. А. Курбатов, так обстояло дело при движении Л. А. Вельяминова к Тихвину³.

Этот период был достаточно тяжелым для тех, кто еще колебался. Окончательный выбор в пользу новой власти в Москве как новгородцами, так, возможно, и другими городами Московского государства, был сделан позже. Свою роль сыграла и перемена власти в Новгороде. Отъезд Делагарди в «отпуск» и смена его Эвертом Горном изменила взаимоотношения власти и общества. Именно к этому времени относится попытка привести новгородцев к присяге и отказ большинства присягать. Отсрочка с присягой и посольство хутынского архимандрита Киприана в Москву было, видимо, крупной победой тех новгородцев, кто, не представляя себе независимого Новгорода (или Новгорода в составе Шведского королевства), все же не слишком был уверен в позициях Михаила Романова на царском престоле и считал Новгород вправе именоваться «Новгородским государством». Имена этих людей известны. Несомненно, к ним принадлежал и архимандрит Киприан. Близких взглядов должен был придерживаться боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, кн. Н. Я. (К.) и И. А. Мещерские, Г. Н., Ф. Н. и М. Ш. Муравьевы, Н. В. и Я. Н. Вышеславцевы, представители дьяческого корпуса. После возвращения посольства Киприана из Москвы именно эти люди стали своего рода «пассивной оппозицией» в Новгороде, отказавшись от присяги Густаву Адольфу. Я нарочно не называю здесь Я. М. Боборыкина. Личность этого человека неоднократно подвергалась биографическому изучению. Для Г. А. Замятина основным источником для оценки Боборыкина была его челобитная 1622 г. О его политической позиции до участия в посольстве 1615 г. в Москву мало что известно.

Период после июня 1615 г. может именоваться «шведской оккупацией». Термин «оккупация» вызывает в современном русском языке коннотации, вызванные осмыслением трагических событий XX в. (ср. термин польская, польско-шведская «интервенция»⁴). В данном случае его применение, пожалуй, вполне правомерно. Именно после жесткого выбора, поставленного администрацией Горна перед новгородцами о присяге / неприсяге королю Густаву Адольфу и репрессивных мер по отношению к неприсягнувшим можно говорить и о коллаборационизме в Новгороде, выразившемся в присяге части новгородцев Густаву Адольфу. К отказавшимся подчиниться применен был в первую очередь финансовый гнет – непосильные денежные поборы. Казней и другого физического насилия шведская администрация не применяла. Показательно, что отказ дьяческого корпуса от присяги привел к переходу приказной власти к подьячему Григорию Собакину и назначению ему в товарищи (с правом визировать документы) загадочного по происхождению переводчика «Ирика Ондреева» (Эрика Андерссона). Именно после Пасхи 1615 г. боярин кн. И. Н. Большой Одоевский оказался фактически отстранен от власти.

Оккупационный режим Горна и позднее возвратившегося в Новгород и сменившего Горна фельдмаршала Делагарди был нацелен на то, чтобы в какой-то момент Новгород покинуть. Это осознавалось теми новгородцами, которые оставались в зоне оккупации. Вместе с тем весь период до марта 1617 г. – это попытка всех сторон договориться друг с другом, сопровождавшийся ограблением Новгорода шведскими войсками. Итогом новгородско-шведского альянса стал Столбовский мир 1617 г., по которому Новгород, Порхов, Ладога и Старая Русса возвращались под власть московских царей. Процесс возвращения Новгорода был политически продуман. Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614–1616 гг., а также зачет всех служб и пожалований⁵. Объявление социального мира в Новгороде было своевременным мудрым поступком московских правителей⁶.

³ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 12.

⁴ Ср.: Назаров В. Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения 2006. Н. Новгород, 2007. С. 236. Сн. 2. «Понятие интервенции применительно к захватнической политике Речи Посполитой, а также Швеции в отношении России в начале XVII в. закрепилось в советской историографии под влиянием оценок действий иностранных государств в России начала XX века. В этом смысле оно не соответствует «политическому словарю» XVI-XVII вв. Думаем, однако, что при ясном истолковании смыслового содержания этого термина нет нужды отказываться полностью от него».

⁵ Исключением может считаться опубликованное в «Актах Археографической экспедиции» дело, известное еще Г. А. Замятину, о попытке новгородцев Григория и Максима Загоскиных и Богдана Дубровского вернуть себе пожалованные им «при немцах» поместья в Старорусском уезде, вызвавшей резкую отповедь московского правительства (Царская грамота старорусскому воеводе Боборыкину по челобитью старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских розданных им дворцовых и черных волостей. 1617. 11.07 // ААЭ. Т. 3. № 91. С. 124–125). В то же время другие поместья, полученные в годы существования новгородско-шведского альянса, а также поместные и денежные оклады после 1617 г., пересмотрены не были. Оклады же подьячих только выросли.

⁶ Опыт таких компромиссов был у людей, пришедших к власти в Москве в 1613 и 1619 гг. Еще С. В. Бахрушин писал о том, что правители эти были преимущественно из бывших тушинцев.

Все эти политические события в целом достаточно хорошо исследованы. Интересно поведение самих новгородцев в эти годы, а также те факторы, которые определяли изменения в городской жизни.

Прежде всего, это характерная для начала XVII в. проблема распространения известий. Движение информации не поспевало за темпом политической жизни. Это равным образом относится как к событиям с избранием царей (Владислава, Карла Филиппа, Михаила Романова), так и к необходимости полководцам, одержавшим военные победы, оперативно принимать политические решения (Делагарди в Новгороде, Жолкевский в Москве), не имея возможности посоветоваться со своими монархами. Стороны были вынуждены пользоваться слухами о политических событиях, порой чрезвычайно фантастичными. Это приводило к политическим просчетам, неоправданным обещаниям.

Новгородско-шведский альянс был реальной альтернативой тому пути, по которому пошло Московское государство в 1613–1619 гг. В новгородском обществе в 1611–1617 гг. наблюдались серьезные изменения, касавшиеся повседневной жизни, причину которых следует искать не только в протекавших внутренних процессах, но и в контактах со шведами. Заметно повысилось значение и самоуважение дворян и детей боярских. Они перестали называть себя уменьшительными именами (что официально было отменено в России только в начале XVIII в. при Петре Великом). Гораздо большее число людей в Новгороде (практически все служилое сословие) получило право на уважительное обращение по отчеству (с вичем). Такая практика вошла в русский повседневный обиход окончательно только в начале XIX в. В то же время именно в Новгороде 1611–1617 гг. наблюдается засилье приказной бюрократии, такое, какого не было в России вплоть до XIX в. Бюрократы того времени представляются наиболее обеспеченным сословием. Возможности злоупотребления, открывающиеся перед ними – не сравнимы с теми возможностями, какие были у старших коллег в XVI в.

Новгородское общество начала XVII века представляется в высшей степени социально неоднородным. В городе присутствовали (волей обстоятельств и намеренно) члены Государева двора и другие иногородние. Преимущественно они интегрировались в городскую служилую корпорацию, но при первой возможности эмигрировали в Москву. Как и у новгородцев, у них были внятные взаимоотношения с шведской администрацией. Именно московские чины играли важную роль в дипломатической жизни Новгорода той поры.

Наблюдения показывают достаточно высокую социальную мобильность служилого сословия Новгорода. Источники фиксируют множество случаев перехода детей боярских в казаки, подьячие и рассыльщики. Следует специально остановиться на т. н. «служилой мелкоте» - своеземцах, новокрещеных и некрещеных татарах, владычных детях боярских. Именно эта социальная группа, по мнению многих исследователей, была опорой самозванцев. Полагаю, такое утверждение справедливо. Действительно, служилая мелкота представляется податливой средой, наиболее подверженной политическим

Сами ополчения создавались на началах широкого компромисса, в первую очередь политиче-

ветрам. Обращает на себя внимание высокая социальная мобильность и политическая неустойчивость городских своеземцев северо-западных крепостей, Орешка, Яма, Копорья. Они быстро приставали к «воровским» правительствам, отчаянно сопротивлялись осадам. Именно представители этой группы после Смуты наиболее активно интегрируются в другие страты общества.

Особое место в структуре новгородского служилого сословия занимала приказная бюрократия – дьяки, подьячие, рассыльщики. Они представляются наиболее консервативной средой. Не случайно именно низшие приказные продолжают служить на своих местах вплоть до марта 1617 г. Ничтожно мало их и среди перебежчиков на московскую сторону. Практически за полем документов остается информация о средствах существования этих людей, при мизерном жаловании распоряжавшихся крупными суммами. Информация о нескольких ревизиях приказов (самая известная была связана с судебным делом против Ивана Тимофеева) не отвечает на вопрос о том, откуда в руках приказных скапливались серьезные средства.

Исторический ландшафт Новгородской земли в начале XVII века заметно менялся. В первую очередь стоит отметить широкое строительство укреплений в сельской местности (после 1617 г. этот процесс продолжался уже как укрепление границ). После 1614 г. в Новгородской земле существовали значительные пустые пространства, вовсе лишенные населения. Выделяются целые районы где жили помещики без крестьян. Это создавало и специфический характер службы, особенно в 1615-1616 гг. Одно из дел Новгородской приказной избы дает возможность понять, из чего состояла такая служба уже в 1612 г.⁷ Приписанные к Бельскому острожку дети боярские должны были ездить по опустевшим деревням, конфисковывать хлеб у землевладельцев и крестьян и искать утаенный.

Рядом с такими разоренными территориями существовали довольно благополучные дворцовые волости (Тесово, Королево, Ракомо, Трясово), активная сельскохозяйственная жизнь в которых продолжалась до 1617 г.

Есть возможность составить мнение и о некоторых сторонах жизни новгородцев в 1611-1617 гг. Сохранившиеся документы позволяют судить о методах, использовавшихся в политической борьбе, о жилище новгородцев (в первую очередь, о сельских помещичьих усадьбах), о семейных и родственных отношениях, слухах, распространенных в Новгороде в рассматриваемый период, о приходской жизни новгородцев. Т. н. «горизонтальные связи» Новгородского общества, тот фон, на котором протекала их жизнь на исчерпывающем материале Новгородской приказной избы

В заключение вернусь к наиболее распространенным в историографии мнениям о «прямызне» и «кривизне» новгородцев 1611–1617 гг. Как представляется, всерьез принимать тезис о «немецком плене» новгородцев и «годах шведской оккупации/интервенции» не приходится. Однако и суждение о готовности большей части нов-

ского. Второе ополчение добавило к этому и компромисс социальный.

⁷ Приходные книги Бельского острожка. 1612, январь – март // RA, NOA. Serie 1:36.

городцев принять кандидатуру Карла Филиппа небесспорно. Тот эффект, каковой произвели на новгородцев грамоты Трубецкого, массовый отъезд новгородцев, начиная с лета 1613 г., сдача Гдова и Тихвина, попытка сдачи Порхова, не подтверждают это мнение безоговорочно. Надо думать, идея национального правительства среди новгородцев на заключительном этапе Смутного времени была достаточно популярна.

Приложение 1.1. Перечень дел архива Новгородской приказной избы, хранящихся в РГИА

1. Отписка новгородских воевод в Старую Руссу о даче жалованья 65 стрельцам приказа Ивана Шипилова. 1611/12 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 2.
2. Челобитная Максима Мусина о сборе в половине Григория Морозова Деревской пятины косцов и лошадей для кошения сена на государевых ратных людей. 1611/12 (?) // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 3.
3. Челобитная Петра Ногина о назначении к нему двух рассыльщиков для выделения и молочения государева четвертного хлеба в Старорусском уезде. 1613, между 29.09 и 9.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 4.
4. Память старостам Оштинских погостов о даче кормов сборщику Нехорошему Вельяшеву. 1612. 27.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 5.
5. Челобитная кн. Тимофея Шаховского, Федора Бестужева и Андрея Неелова о препятствиях в сборе хлеба с изменничьих поместий в Корельской половине Водской пятины и в Обонежской пятине. 1614, август // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 6.
6. Челобитная воеводам Я. Делаярди и кн. И. Н. Большому Одоевскому от Ивана Мунзорина о сборе хлеба немецким ратным людям с погостов Деревской пятины. 1611 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 7.
7. Челобитная Григория Муравьева о затруднении в сборе хлеба для немецких людей в округе Тесовского острожка 1611/1612, март // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 8.
8. Челобитная Григория Муравьева воеводам Я. Делаярди и кн. И. Н. Большому Одоевскому с жалобой на крестьян с. Тесова, оказавшихся давать деньги на немецкие корма 1611/1612, март // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.
9. Отписка новгородских воевод и дьяков Ф. М. Муравьеву о сборе кормов и вина для немецких ратных людей. 1612, после октября // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 10.

Приложение 1.2. Перечень следственных дел

Дела о государственных преступлениях (измены, непристойные речи и не-санкционированная связь с политическими противниками)

1. Дело по письму кн. Василия Иванова сына Белосельского и Степана Фомина сына Тимашева о незаконной торговле жителей Должинской волости Старорусского уезда и дворцовых сел Порховского уезда с псковичами. 1613. 13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.
2. Дело об отъезде из Новгорода Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского.
 - 2.1. Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3.
 - 2.2. Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 4–7.
 - 2.3. Допросные речи в доме кн. Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 8.
 - 2.4. Допросные речи новгородцев об отъезде дворян Нарбековых. 1613. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 4-5.
3. Сыск по изветной челобитной посадского человека Петрушки Шатая о бегстве из Новгорода Никиты Обольянинова с семьей. 1613. 21.10 // RA, NOA. Serie 2: 248.
4. Допросные речи (без начала) новгородских старост о том, что говорили Степан Дедышев, Максим Мухин и сын Пантелея Рыбника по поводу уплаты с лавок солдатских денег. Ок. 1614 г. // RA, NOA. Serie 2:198, 2 л.

5. Дело по челобитной Григория Обольянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Богдана Ададунова и Богдана Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

6. Сыскное дело о непристойных речах Сеньки Квасника с Федоровы улицы. 1615. 3.04, 14.05 // RA, NOA. Serie 2:35.

Дела военно-политические

1. Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30.09 // RA, NOA. Serie 2:39. Л. 1, 4.

2. Допросные речи побывавших в стане у И. Сунбулова // RA, NOA. Serie 2:167. Опубликовано: *Турилов А. А.* «Мелочи новгородской жизни» начала XVII в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2000. № 1 (1). С. 119–122¹.

Дела об уголовных преступлениях

1. Отрывок из судного дела о хищении казны Троицкой церкви из Паозерья. (без начала) // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 27 об.–30 об.

2. Дело о воровстве Дениса Сапожника

2.1. Обыск на Лубянице в Егорьевской трети о воровстве Дениса сапожника. 1612. 24.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 1.

2.2. Обыск на Нутной улице о воровстве Дениса сапожника. 1612. 26.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 3.

3. Дело о недовозе целовальником Федькой Тимофеевым 4 четвертей овса. 1613. 12.09 // RA, NOA. Serie 2:62. Л. 54–55.

4. Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатьева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15–19.06 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 6–9 об.

5. Отрывок из судного дела у дьяка Пятого Григорьева по поводу некоего Якуша (зачеркнуто, следовательно до сентября 1614) // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 22 об., 24 об.

6. Дело об ограблении шведского судна с рожью на р. Волхов.

6.1. Дело по челобитной Андрея Неелова на митрополичьих крестьян Черницкой волости и помещичьих крестьян Горчака Ханыкова, Семена Лутохина и Солецкого дьячка об ограблении немецкого судна с рожью. 1616, август // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 17–18.

6.2. Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках. 1614, август–сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 1–2.

7. Дело об украденных у выезджего пана Ивана Федорова лошадях

7.1. Челобитная литовского пана Ивана Федорова великому князю Карлу Филиппу, давшего Никите Калитину в его усадище на Плотичну лошадей (приводит описание), а их из его поместья украли 1614. 8.10 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 30.

7.2. Память подьячему Третьяку Посадникову о розыске в Полистском монастыре об украденных у литвина Ивана Федорова лошадях. 1614. 9.10 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 31.

8. Дело по челобитной подьячего Никифора Коптева и лебедчика Третьяка Якольцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника. 1614. 11–15.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 10–11.

9. Обыск Никиты Тыркова о воровстве Дуньки, дочери Титка Романова. 1614. 27.12 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 99.

¹ В публикации А. А. Турилова указан неверный архивный номер дела RA, NOA. Serie 2:16 (верно: serie 2:167).

10. Судное дело о лошади между крестьянином Клопского монастыря д. Наволока Иваном Нечаевым и крестьянином с. Королева д. Быкова Юшкой Трофимовым перед дьяком Пятым Григорьевым. 1615. 4.01 // RA, NOA. Serie 2:282.
- 11.1. Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 39.
- 11.2. Челобитная крестьянина Пятого Григорьева Сеньки Микифорова о даче пристава на поличное. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 112.
- 11.3. Челобитная крестьян д. Дураково Петровского погоста Старорусского уезда Сеньки Никифорова и Осейки Степанова о возвращении имущества, конфискованного у них вместе с поличным животом казачки Офимьи. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 119.
12. Допросные речи Ларионка Игнатьева перед дьяком Пятым Григорьевым об имеющейся у него золотой и серебряной казне. 1615. 3.02 // RA, NOA. Serie 2:85. Л. 5.
13. Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:31.
14. Судное дело между крестьянами Водской пятины о лошадях. 1615, апрель–май // RA, NOA. Serie 2:211.
15. Судное дело каменщика Худяка Потапова с крестьянином с. Королева Мелехом Онаньиным в лошади перед дьяком П.Григорьевым. 1615. 2–4.05 // RA, NOA. Serie 2:287.
16. Судное дело крестьянина Семена Муравьева Наума Петрова о ржи, привезенной из Ивангорода в Тесово. 1616. 21.06 // RA, NOA. Serie 2:140. Л. 3.
17. Судное дело о серебряном деле (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 52 об
18. Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 52.
19. Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11.10 // RA, NOA. Serie 2:165.
20. Обыск рассыльщика Ивана Трубицы по приказу подьячего Григория Собакина о великом воровстве на дворе пана Остафья на Рогатице улице. 1616. 21.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 105.
21. Дело об ограблении женки Григория Степанова сына Обольянинова монахами Троицкого Зверинского монастыря с Ивангородской дороги. Опубликовано: *Селин А. А., Магола А. А.* Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 79–115.
- 21.1. Челобитная Григория Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 115.
- 21.2. Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Дионисия. 1617. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 106.
- В том числе дела о присвоении государственной хлебной и денежной казны и злоупотреблениях властью**
22. Дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба. 1613 октября 25 – 1614 марта 21.
- 22.1. Список утаенного хлеба села Тесова по доносу Григория Микулина на выдельщиков Никиту Обольянинова, приказчика Ивана Порецкого и на целовальников. 1613. 25.10 // RA, NOA. Serie 2:78.
- 22.2. Список со следственного дела о ложном опытном умолоте с. Тесова приказчика Ивана Порецкого по челобитной бывшего приказчика Григория Микулина, проведенного Иваном Барановым (без начала и конца). 28 октября – 19 ноября 1613 // RA, NOA. Serie 2:244. Л. 1 об.–2 об.; 4 об.–9 об.
23. Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 33–35.
24. Допросные речи Григория Обольянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым. 1615. 11.03 // RA, NOA. Serie 2:249.

25. Отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста. 1615 // RA, NOA. Serie 2:250.

Дела по изветным челобитным

1. Дело между дьяками Пятым Григорьевым и Иваном Тимофеевым. Опубликовано: *Черепнин Л. В.* Новые документы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // ИА. № 4. 1960. С. 162–177.

1.1. Дело о двух образах, оставшихся после М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. 1611, апрель // RA, NOA. Serie 2:202.

1.2. Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

1.3. Список с судного дела дьяков Ивана Тимофеева и Пятого Григорьева // RA, NOA. Serie 2:247.

2.1. Дело по изветной челобитной Поместного приказа подьячего Третьяка Башмакова на подьячего Константина Петрова. 1615. 3.01 – март // RA, NOA. Serie 2:204.

2.2. Приговор о взыскании 30 рублей с подьячего Константина Петрова. 1615. 7.03 // RA, NOA. Serie 2:331.

3.1. Дело по извету Ивана Тыркова на Никиту Зиновьева о том, кто возил сено с государевых пустошей Порзниц и Новой Веси Дягиденского погоста. 1615, апрель–май // RA, NOA. Serie 2:197.

3.2. Отрывок из судного дела между Никитой Зиновьевым и Иваном Тырковым. Без начала // RA, NOA. Serie 2:251, 1 лист в десть.

4.1. Дело между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым о несправедном занятии последним изменничьего поместья Василия Шамшева. 1616, август // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 1 об.–5 об., 6–11.

4.2. Выпись из судного дела между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым, 1616 август // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 4 об., 5 об., 6, 6 об., 7.

5. Дело об украденной у крестьянина Первого Иванова лошади

5.1. Челобитная крестьянина Бурежского погоста Первого Иванова на рассыльщика Ониту Бобровского с требованием возратить мерина. 1614 декабря около 3 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 51.

5.2. Допросные речи крестьян дворцовой Коростынской волости о лошади крестьянина Первого Иванова. 1615. 12.01 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 52.

5.3. Память из Дворцового приказа подьячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 1615. 17.01 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 53.

5.4. Память из Дворцового приказа подьячему доправить на поручителях Семена Зверева 3 рубля и отдать их дворцовому крестьянину П. Иванову. 1615. 17.01 // RA, NOA, serie 2: 122, л. 53.

Приложение 1.3. Перечень дел по челобитным о поместьях

1. Дело по челобитной царю Федору Ивановичу Водской пятины Третьяка Григорьева Картмазова о поместье. 1591. 12.03 // RA, NOA. Serie 2:143. Л. 1–8.

2. Дело по челобитной царю Федору Ивановичу детей боярских Водской пятины Давыда Семенова сына и Федора Степанова сына Обольяниновых. 1591, май // RA, NOA. Serie 2:143. Л. 9–18.

3. Дело по челобитной о прожиточном поместье Василисы, вдовы Шарапа Глотова. 1592. 25.01 // RA, NOA. Serie 2:2.

4. Дело по челобитной Григория Васильева сына Тулубьева и Федора Рясницына. 1593. 27.06 – ноябрь // RA, NOA. Serie 2:136.

5. Дело по челобитной о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187.
6. Дело по челобитной Водской пятины Конана Яковлева сына Офремова царю Борису Федоровичу о поместной пустоши Остров во Вдицком погосте. 1604 (?) // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 1–5.
7. Дело по челобитной о поместье Истома Логинова сына Вепрюшкина. 1605 (?) // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 1–3.
8. Грамота новгородского воеводы М.П. Катырева–Ростовского и дьяков Василия Аладьина и Ефима Телепнева по указу царя Дмитрия Ивановича в Водскую пятину об отделе поместья Семену Андрееву сыну Кобылина по его челобитной. 1606, февраль // RA, NOA. Serie 2:106.
9. Дело по челобитной о поместье Михаила Петрова сына Аничкова. 1607, декабрь // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 1–5.
10. Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентия Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.
11. Дело по челобитной Никиты Оболянинова и Федора Скрыплева об обмене поместьями. 1608. 22.02 – 1612, май // RA, NOA. Serie 2:7. Л. 1–15.
Ввозная грамота на поместье Деревской пятины Никиты Оболянинова и Федора Скрыплева (без начала) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 59–59 об.
12. Дело о поместье Богдана Волкова-Курицына и его детей. 1609. 13.10 – 1612. 28.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 1–21, 25–34, 39–47, 35–38.
13. Дело по челобитной Шелонской пятины Дружины Федорова сына Зверева о поместье (без окончания). Ок. 1610 // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 1–3.
14. Дело по челобитной о поместье Никиты Солецкого. 1610 // RA, NOA. Serie 2:234.
15. Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Куракину, М. Б. Боборыкину и дьяку Ивану Тимофееву по челобитной дворян Водской пятины Василия Матвеева сына Зиновьева и Афанасия Степанова сына Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.
Дело о поместье Василия Матвеева сына Зиновьева и Афанасия Степанова сына Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142. Л. 3–11.
16. Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05 – 1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237.
17. Дело об обмене поместьями между Иваном Краснослеповым и Василием Левшиным. 1610. 30.05 – 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2: 83.
18. Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 – январь 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.
19. Дело по челобитной Воина Григорьева сына Строилова Деревской пятины о поместье. 1610. 16.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 23–24, 22, 51.
20. Дело по челобитной о поместье Степана Юрьева сына Редрова. 1611, январь // RA, NOA. Serie 2:4.
21. Дело о поместье вдовы Елены Матвеевой дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна–1613. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 47–57, 117, 58–61, 110–111.
22. Отрывок из дела по отделу поместья Тимофею Степанову сына Парского в Богородицком Бельском погосте Деревской пятины. 1611, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 113–115.
23. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138.
24. Дело по челобитной о поместье Пятого Ратаева сына Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132.

25. Грамота воевод кн. И. Н. Большого Одоевского и В. И. Бутурлина по челобитной о поместье Деревской пятины Мосея Бурмина сына Завалишина. 1611. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 6–7.
26. Дело по челобитной о поместье Богдана Игнатьева сына Линева. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:5.
27. Дело по челобитной о поместье Ивана Большого и Ивана Меньшого Даниловых детей Розладиных Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:15.
28. Дело по челобитной о поместье Михаила Томилова сына Нармацкого 1611. 9.06. – 17.05.1612 // RA, NOA. Serie 2:195.
29. Дело о спорном поместье Дмитрия Иванова сына Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–А.
Дело о спорном поместье Дмитрия Иванова сына Чортова (продолжение) 18.12.1612. // RA, NOA. Serie 2:193–В. Л. 1–7
30. Дело по челобитной Деревской пятины вдовы Федота Ватазина Авдотьи и Ивана Матвеева сына Ватазина (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:13. Л. 1–3.
31. Челобитная Якова Михайловича Боборыкина о поместье вдовы Перфирия Арцыбашева. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 4.
32. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Иванова сына Пестрикова. 1611. 29.10– 1612, январь // RA, NOA. Serie 2:205.
33. Дело по челобитной Шелонской пятины Кирилла Матвеева сына Скунщикова о даче ему ввозной грамоты на пожалованное ранее поместье Ивана Чихачева. 1611. 30.10 // RA, NOA. Serie 2:312.
34. Дело по челобитной Петра Лихарева и Ивана Негодяева о пожаловании им поместья Андрея Палицына. 1611, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:217.
35. Дело об отписном хлебе по челобитной Семена Палицына и об отдаче поместья Андрея Федорова сына Палицына Петру Нармацкому. декабрь 1611–март 1612 // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 28–37.
36. Дело по челобитной Деревской пятины Федора Третьякова сына Хвостова о поместье. 1611, 28.12 – 1612, январь // RA, NOA. Serie 2: 305.
37. Дело по челобитной о поместье Григорья Андреева сына Рясницына. 1612 // RA, NOA. Serie 2:127, л 1–6.
38. Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина (без окончания). 1612–1613, март // RA, NOA. Serie 2:185.
39. Дело по челобитной Федора Семенова сына Харламова о поместье. 1612. 16.01–1613. 13.01 // RA, NOA. Serie 2:80.
40. Дело по челобитной Ивана Негодяева о поместье. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:112. Л. 12–18.
41. Ввозная послушная грамота на прожиточное поместье вдове Ивана Дементьева Анне с детьми во Влажинском, Устьянском и в Борковском погостах Деревской пятины. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:218.
42. Дело по челобитной о поместье Петра Осипова сына Аничкова. 1612, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:117.
43. Дело по челобитной о поместье Дружины Семенова сына Аничкова. 1612. 31.03 –22.04 // RA, NOA. Serie 2:313.
Дело по челобитной о поместье Дружины Семенова сына Аничкова (без начала и окончания) // RA, NOA. Serie 2:314. Л. 1–3.
44. Спорное дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Богдана Андреева сына Мусина и Максима Первого сына Мусина. 1612. 14.04.–29.06 // RA, NOA. Serie 2:296.
45. Дело об обмене поместьями между Бежецкой пятины Гостем и Иваном Никифоровыми детьми Коковцова с Водской пятины кн. Иваном Федоровым сыном Мышецким. 1612. 29.05–3.06 // RA, NOA. Serie 2:133.

46. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова сына Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:8.
47. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины новика Афанасия Васильева сына Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:81.
48. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Обольянинова. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:97.
49. Дело по челобитной Акулины, вдовы Четвертого Веревкина о прожиточном поместье. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 10–14, 23
50. Дело о поместье Пополита Романова сына Бабкина (без начала). 1612. 18.06–20.08 // RA, NOA. Serie 2:112. Л. 1–11.
51. Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль– 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18. Опубликовано: *Селин А. А.* К истории Невского устья в Смутное время // *Приневье до Петербурга.* СПб, 2006. С. 94–98.
52. Челобитная вдовы старорусского рассыльщика Федора Корповского Агафьи о пожаловании ее чем-нибудь из поместья ее мужа, убитого на государевой службе. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 64.
53. Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Прасковьи, жены Лариона Тулубьева. 1612, август // RA, NOA. Serie 2:226.
Отдельная грамота на прожиточное поместье Водской пятины вдове Прасковье, жене Лариона Тулубьева (без начала). 1615. 22.06 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 7.
54. Дело о прожиточном поместье вдовы княгини Пелагеи, вдовы кн. Ивана Кропоткина с сыном кн. Федором. 1612, август – сентябрь // RA, NOA. Serie 2:149.
55. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:65.
56. Отрывок из дела по челобитной о поместье кн. Василия Петровича Кропоткина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:131. Л. 8 об.–10 об.
57. Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5.
58. Дело по челобитной о поместье Семена Копосова сына Гулидова. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:114.
59. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Федора Семенова сына Воропанова. 1612, сентябрь–октябрь // RA, NOA. Serie 2:320.
60. Челобитная Шелонской пятины Ивана Чортовского о поместье и решение по ней. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 6, 9–10.
61. Дело по челобитной о поместье Бежецкой пятины Матвея Степанова сына Зиновьева. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:101–А.
62. Дело по челобитной о поместье Обонежской пятины Богдана Федорова сына Забелина. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:135
63. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Михаила Андреева сына Обуткова. 1612, октябрь– 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:9.
64. Дело по челобитной о выделении части поместья в вотчину сыну боярскому Бежецкой пятины Артемию Пуляеву. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 11–27.
65. Дело по челобитным о поместье вдовы Изота Ротиславского Анны и Семена Филиппова сына Сьянова. 1612 (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:102–А.
Отрывок дела по челобитной вдовы Изота Ротиславского Анны, Прохора Александрова сына Обухова и Семена Филиппова сына Сьянова о поместье Изота Ротиславского. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:127. Л. 7.
66. Дело по челобитной вдовы Дарьи, жены Романа Бабкина. 1612 до ноября // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 1–5, 9–10, 18–28.

67. Дело по челобитной о прожиточном поместье Деревской пятины вдовы Авдотьи, жены Матвея Дирина с дочерьми Мариною и Ириною. 1612, ноябрь – 1613. 16.01 // RA, NOA. Serie 2:328.
68. Дело по челобитной Агафьи, вдовы Второго Корсакова о пожаловании ее прожиточным поместьем ее жениха Михаила Обуткова. 1612, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:10.
69. Дело по челобитной о поместье Степана Кузьмина сына Мельницкого. 1612, ноябрь–1613. 8.01 // RA, NOA. Serie 2:12.
70. Дело по челобитной о поместье Марьи, вдовы Неугаса Базарова с внуком и невесткой (без начала). 1613, январь (датировано по делу serie 2:12) // RA, NOA. Serie 2:13. Л. 4–6.
71. Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Пелагеи, жены Ивана Еремеева сына Чортова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:319.
72. Дело по челобитной о поместье Семена Григорьева сына Ерохова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:58.
73. Дело по челобитной о поместье дочерей кн. Федора Богданова сына Кропоткина. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:82.
74. Дело по челобитной о поместье Кирилла Русинова сына Хомутова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:200.
75. Дело по челобитной о прожиточном поместье вышедшей замуж Арины Строиловой. 1613, кон. января–февраль // RA, NOA. Serie 2:224.
76. Дело по челобитной Ивана Иванова сына Выповского о поместье (без начала). 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2: 21.Л. 5, 4.
77. Дело по челобитной Деревской пятины Дмитрия Прокофьева сына Оклячеева. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:147.
78. Дело по челобитной о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:129.
79. Дело по челобитной о поместье Аграфены, дочери Михаила Оклячеева, жены Федора Досадина и Ивана Михайлова сына Перхурьева. 1613. 14.02 – 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 90–109.
80. Дело по челобитной Водской пятины Василия Григорьева сына Есипова о поместье. 1613, до 18.03 // RA, NOA. Serie 2:220.
81. Дело по челобитной Григорья Андреева сына Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30–46.
82. Дело по челобитной о поместье Тимофея и Павла Яковлевых детей Ростопчинных. 1613, март // RA, NOA. Serie 2: 60.
83. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Тимофеева сына Жукова. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:325.
Отдельная грамота (отрывок, окончание) на отдел поместья Никите Тимофееву сыну Жукову // RA, NOA. Serie 2:347.
Отрывок из дела о поместье Никиты Жукова. 1613, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:44. Л. 6.
84. Дело о выморочном поместье Деревской пятины Осипа Иванова сына Ерохова. 1613, март–май // RA, NOA. Serie 2:310.
85. Дело по челобитной Водской пятины Ивана Осанова сына Серкова о поместье. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 37–40, 34, 50.
86. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Никиты Боркова. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:232.
87. Дело по челобитной об обмене поместьями между Дмитрием Ивановым сыном Тырковым и Федором Ивановым сыном Мунзориным 1613. 3.03 – 31.03 // RA, NOA. Serie 2:238.

88. Дело по челобитной о поместье Захара Иванова сына Долгово-Сабурова. 1613. 21.03–13.04 // RA, NOA. Serie 2:343.
89. Окончание отдельной грамоты. 1613. 29.03 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 127.
90. Дело по челобитной Ивана Порецкого о пожаловании ему поместья на прожиток после 44 лет службы с внуками. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:157–В.
Приговор бояр и воевод по челобитной Ивана Третьякова сына Порецкого о поместье (без окончания). 1613. 30.04 // RA, NOA. Serie 2:304. Л. 2.
Приговор по делу по челобитной Ивана Порецкого и отдельная грамота по нему. 1613. 30.04 // RA, NOA. Serie 2:239.
91. Отдельная грамота на поместье Семену Первого сына Аничкова в Деревской пятине. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:308. Л. 1–2.
92. Дело по челобитной о поместье кн. Кудеяра Мещерского, отписанного на государя. 1613, апрель–июль // RA, NOA. Serie 2:230.
93. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Прокофия Михайлова сына Лопухина. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:6.
94. Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Аксиньи, жены Ивана Гурьева. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:131. Л. 1–7.
95. Дело по челобитной о поместье Юрия Андреева сына Блеклого. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:14.
96. Дело по челобитной о поместье Венедикта Тимашева. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:16.
97. Дело по челобитной Никиты и Петра Михайловых детей Боборыкиных о поместье. (без начала). 1613, май // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 9 об.–11 об., 20 об.
98. Ввозная грамота от бояр и воевод Никите Федорову сыну Чортову на поместье в Солецком и Ижерском погостах Водской пятины. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:107.
99. Дело по челобитной Деревской пятины Александра и Ивана Перхуровых о сдаче последним первому 60 четвертей своего поместья. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:228.
100. Отдельная грамота (без окончания). 1613. 4.05 // RA, NOA. Serie 2:304. Л. 3.
101. Дело по челобитной Артемия Пуляева о дворцовой деревне Новинке. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:340.
102. Отдельная грамота на поместье вдове Домне, жене Ивана Розладина и Афанасию Терпигореву. 31.05.1613 // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 2–5.
103. Отрывок из дела о пожаловании Григория Посникова сына Негановского изменничьего поместья Угрима Лупандина. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 118.
Приговор по челобитной о поместье Григорию Негановскому. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 26.
104. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Богдана Ададурова. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 29 – 31, 49.
105. Дело по челобитной о поместье кн. Андрея Мышецкого. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:314. Л. 4–12.
Отрывок приговора о выделении кн. Андрею Мышецкому поместья его дяди, кн. Данила Мышецкого. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:348–В. Л. 2.
106. Дело по челобитной Ганса Брякилева о пожаловании его подгородной деревней Новоселицы в Холыньском погосте. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:222.
107. Дело по челобитной Ганса Брякилева о поместье (без начала) 1613. 10.07 // RA, NOA. Serie 2:17.
108. Дело по челобитной Ивана Захарьева сына Савина и Елизария Пущина о полюбовном разделе поместной дер. Поречье в Ярвосольском погосте Водской пятины. 1613. 12.07 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 62–70.

109. Дело по челобитной Богдана Ададунова о пожаловании его помещьем вдовы Алены, жены Ивана Краснослепова в пожить (без начала и окончания). 1613. 22.07 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 86.
110. Дело по челобитной о поместье вдовы Авдотьи, жены Игнатия Меньшого Палицына Деревской пятины. 1613, август // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 71–75.
111. Дело по челобитной о поместье Ганса Брякилева. 1613, осень // RA, NOA. Serie 2:19
112. Дело по челобитной о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашевых. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.
113. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Ивана Посникова сына Карцова. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:219.
114. Дело по челобитной о поместье Василия Назимова и Василия Чеботаева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:233.
Отрывок из отдельной грамоты на поместья Василию Назимову и Василию Чеботаеву на поместье в Шелонской пятине. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:196–В. Л. 1.
115. Дело по челобитной Павла Тарбердеева, Ивана Осанова и Семена Григорьева сына Бахтина о поместье Давыда Курицына. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:126.
116. Дело по челобитной о поместье Исаия Федорова сына Аминева. 1613, октябрь // RA, NOA. Serie 2:99.
117. Дело о поместье Саввы Михайлова сына Воронова. 1613. 20.09 // RA, NOA. Serie 2:316.
118. Дело по челобитной о поместье новокрещена Шелонской пятины Ивана Осанова. 1613. 26.10 // RA, NOA. Serie 2:191
119. Дело по челобитной о поместье Олфера Сиверова. 1614, января до 17 // RA, NOA. Serie 2:153.
120. Дело по челобитной Степана Теглева и Егула Боборыкина о поместье Антона Лихарева. 1614, до 20.01 // RA, NOA. Serie 2:315.
121. Дело по челобитной о поместьях Олфера Сиверова, Ивана Аничкова и Афанасия Истомина. 1614, январь // RA, NOA. Serie 2:151.
122. Дело по челобитной о поместье Ивана Старкова сына Неелова. 1614, февраль// RA, NOA. Serie 2:130
123. Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311.
124. Дело по челобитной Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:90.
125. Дело по челобитным Василия Бутурлина и кн. Тимофея Шаховского о поместье А.Обухова. 1614, март // RA, NOA. Serie 2:98.
126. Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева сына Обольянинова (без окончания). 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:123.
Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева сына Обольянинова (окончание, начало — д. 123). 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:124. Л. 209–212, 222.
127. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54.
128. Дело по челобитной о поместье кормовых татар Никиты МаксUTOва и Василия Хангилдеева. 1614, лето // RA, NOA. Serie 2:25.
129. Дело по челобитной о поместье подъячего Третьяка Башмакова и вдовы Татьяны Серковой. 27.06.1614 // RA, NOA. Serie 2:49.
130. Дело по челобитной новгородских кормовых татар и новокрещенов Павла Тербердеева, Богдана Терегулова, Еналея Бобракова и Христофора Иванова о поместье. 1614, июль – 1615, август // RA, NOA. Serie 2:72.

131. Дело по челобитным Семена Федорова сына Муравьева, Григория Степанова сына Обольянинова и кн. Ивана Семенова сына Путятина о поместье Богдана Иванова сына Ададурова. 1614, июль // RA, NOA. Serie 2:229.
132. Дело по челобитной о поместье кн. Гаврила Нарымова. 1614. 6.07 – 15.12 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 23–32.
133. Дело по челобитной о поместье Семена Васильева сына Боборыкина. 1614, июль–сентябрь // RA, NOA. Serie 2:27.
134. Дело по челобитной о поместьях новокрещенов Данила Секизова и Левы Авлешина. 1614. 30.07 – август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 11–28.
135. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова сына Дирина. 1614, август – 1615, март // RA, NOA. Serie 2:152.
136. Дача бояр и воевод Василию Леонтьеву сыну Зиновьеву в Сытенском погосте из новоотписных дворцовых сел, что была вотчина Троице-Сергиева монастыря сельца Лезье с пустошью. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:273. Л. 2 об.–1 об.
137. Дело по челобитной о поместье Ждана Квашнина. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:326.
138. Дело по челобитной о поместье подьячего Константина Петрова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:324. Л. 4–9.
139. Дело по челобитной о поместье Михаила Злобина сына Аничкова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:91.
140. Дело по челобитной о поместье Григория Якимова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 1–4.
141. Дело по челобитной рассыльщика Андрея Черкасова о поместье. 1614, август // RA, NOA, serie 2:145. Л. 5 – 10.
142. Дело по челобитной Михаила Дубровского о прожиточном поместье. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:307.
143. Дело по челобитной о поместье дворцового приказа подьячего Андрея Белого. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:324. Л. 1–3.
144. Дело по челобитной старорусского рассыльщика Петра Корповского о своем поместье. 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 1–2.
145. Дело по челобитной о поместье подьячих Васьки Частого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89.
146. Отрывок из дела по челобитной о поместье кн. Данила Елецкого (без начала и окончания). До 1614, 23.09 // RA, NOA. Serie 2: 317. Л. 5 об.
147. Дело по челобитной о поместье Угрима Иванова сына Лупандина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:227.
148. Дело по челобитной о поместье кн. Ивана Васильева сына Кропоткина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.
149. Дело по челобитным о поместье Провотарха Небарова его сына Федора и его невестки Степаниды. 1615, февраль // RA, NOA. Serie 2:146.
150. Дело по челобитной Якова Богданова сына Боркова о поместье в Климентовском Тесовском погосте. 1615. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:29.
Ввозная грамота бояр и воевод в Водскую пятину об отделе поместья Якову Богданову сыну Боркову. 1615. 17.03 // RA, NOA. Serie 2: 7. Л. 16.
151. Дело по челобитной Шелонской пятины Афанасия Своитинова сына Бачина о поместье. 1615. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34.
Дело по челобитной о поместье Афанасия Своитинова сына Бачина. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:113.
Отдельная грамота на поместье Афанасия Бачина. 1615. 28.03 // RA, NOA. Serie 2:118.

152. Дело о раздаче помещикам (Д. М. и И. М. Бестужевым и И. Н. Порецкому) поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апрель // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73.
153. Дело по челобитной о поместье Ерофея Колычева. 1615, май // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 94–96.
154. Отдельная грамота на поместье Григорию Петрову сыну Хомутову. 1615, май // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 1.
155. Дело по челобитной новокрещенов Иванка Танаева и Гаврилка Кобякова о поместье Степана Горихвостова в Андреевском Грузинском погосте Обонежской пятины. 1615. 1–3.07 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 83–87.
Отрывок грамоты об отделе поместий новокрещенам Ивану Танаеву и Григорию Кобякову // RA, NOA. Serie 2:188.
156. Отрывок из дела по челобитной о поместье Второму Гаврилову сыну Есипову. До 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:120. Л. 1 об.
157. Дело о пожаловании в поместье Семену Федорову сыну Муравьеву поместных деревень Степана Муравьева, Филона и Ивана Аничкова и Ивана Борисова сына Секерина Стаи, Батецко и Торковичи. 1615. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:216.
158. Дело по челобитной о поместье кн. Михаила Ивановича Мещерского. 1616, июль // RA, NOA. Serie 2:100.

Без даты

159. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Милюкова (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 10.
160. Выпись о поместных окладах Ивана Петрова и Дмитрея Игнатьева детей Чортовых // RA, NOA. Serie 2:142. Л. 7 об.
161. Дело о сдаче Яковом Гурьевым своего поместья Данилу Воловову (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:150.
162. Отрывок ввозной грамоты на деревни Лядского погоста Шелонской пятины // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 118.
163. Отдельная грамота на поместье Григория Шубина Деревской пятины Петру Иванову сыну Пестрикову в Вельевском погосте (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 84.
164. Выписка по делу о поместье Ивана Змеева (отрывок). До 1614 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 26 об., 25 об.
165. Выписка о поместном окладе Федора Бестужева (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 33.

Приложение 1.4. Перечень даточных книг и сопутствующей документации

1. Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38.
2. Даточные книги Водской пятины (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:21.
3. Даточные книги Деревской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:20.
4. Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86.
5. Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 / RA, NOA. Serie 1:37.
6. Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 1–20.
7. Роспись вдов и недорослей Деревской пятины половины Жихаря Рябчикова, с которых взяты деньги за даточных людей с 1 июня 1612 г. 1612. 16.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 1–17.
8. Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88.

9. Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–36.
10. Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139.

Приложение 1.5. Перечень дозорных книг 1611–1616 гг.

Водская пятина

1. Дозорные книги митрополичьих и монастырских волостей в Кречневском, Пидебском, Коломенском на Волхове, Грузинском и Ивановском Переездовском погостах и в Заверяжье Водской пятины дозора Якова Караулова и подьячего Одинца Иванова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:67 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 317).
2. Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. Список: RA, NOA. Serie 1:28. С. 407 и далее
3. Дозорная книга Корельской половины Водской пятины дозора М. З. Аничкова с товарищами (без начала). 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349).
4. Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6.
5. Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8.

Шелонская пятина

6. Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 1–178.
7. Дозорные книги Залесской половины Шелонской пятины Василия Федоровича Неплюева и подьячего Якима Вешнякова (погосты Косицкий и Сабельский). 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 1:17.
8. Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины Вильяна Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семейки Шустова. 1612, июль–август // RA, NOA. Serie 1:90. С. 31–305.
Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 1–406.
9. Дозорная книга Залесской половины Шелонской пятины дозору Вильяна Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семейки Шустова. 1612, август // RA, NOA. Serie 1:90. С. 339–386.
10. Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1.
11. Обыскная книга губного старосты Водской пятины Полужской половины Селивестра Зиновьева и подьячего Первого Андреева в Петровском погосте Залесской половины Шелонской пятины о запустевших после дозора Матвея Муравьева и Дмитрия Нефнева землях. 1615, октябрь // RA, NOA. Serie 2:33. Л. 1–2.
12. Обыскная книга губного старосты Водской пятины Полужской половины Селивестра Зиновьева и подьячего Первого Андреева в Передольском погосте Шелонской пятины Залесской половины о запустевших после дозора Матвея Муравьева и Дмитрия Нефнева землях. 1615, октябрь // RA, NOA. Serie 2:33. Л. 3.

В том числе Старорусский уезд

13. Дозорные книги Старорусского уезда дозора Луки Ивановича Милославского (без начала). 1611. Список // RA, NOA. Serie 1:113. С. 1–105.
Дозорные книги Старорусского уезда дозора Луки Милославского с товарищами. 1612. Список // RA, NOA. Serie 1:40.
14. Дозорные книги Офремовского, Должинского и Лосского погостов Старорусского уезда дозора Филона Михайловича Аничкова (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 107–202, 253–458.
15. Дозорные книги вотчины Старорусского Спасского монастыря дозора Тимофея Сьянова и подьячего Григория Нечаева. 1613. 26.02 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 657–685.
16. Дозорные книги вотчины Никольского Косина монастыря дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613, апреля до 20 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 689–700.
17. Дозорная книга Замошского стана Дретенского погоста дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613. 21.04 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 593–619.
18. Дозорная книга Должинского погоста дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613. 27.04 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 625–648.
19. Дозорная книга вотчины Звадского монастыря в Чертицком погосте дозора подьячего Михаила Нефедьева. 1613. 7.05 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 705–716.
20. Дозорные книги Коломенского и Троицкой трети Офремовского погостов Старорусского уезда дозора Мелентия Вараксина и подьячего Ждана Рябинина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 221–248, 463–546.
21. Обыскной список засеянного хлеба в Снежском, Дретенском и Лосском погостах Старорусского уезда и роспись пустых деревень с засеянными участками. 1614. 17, 25 и 30.08 // RA, NOA. Serie 2:84. Л. 4–18.
22. Обыск Луки Ивановича Милославского и подьячего Ивана Заденского в Рамышевском погосте в Верхнем и Нижнем концах и в Офремовском погосте о крестьянах живущих и о монастырских и дворянских вотчинах и поместьях. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 52–53, 58–59, 66.
23. Обыск Ивана Григорьевича Баранова и подьячего Афанасия Бражникова в Должинском, Снежском, Дретенском и Лосском погостах о монастырских и дворянских вотчинах и поместьях. 1614. 28–30.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 10, 12–14, 26–28, 45–46.
24. Дозорные книги Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского и Офремовского погостов Старорусского уезда письма и дозора Луки Ивановича Милославского и подьячего Ивана Заденского. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:106.
25. Дозорные книги Снежского, Дретенского, Лосского, Должинского погостов дозора Ивана Григорьевича Баранова с товарищами. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:29.
26. Дозорная книга Старорусского уезда дозора Григория Никитича Муравьева и подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA, NOA. Serie 1:7.

Бежецкая пятина

27. Дозорные книги погостов Прокофьевского и Богородицкого на Белой, Покровского, Иванского и Никольского на Волоке Держкове и Петровского и Борисоглебского Боровицкого Белозерской половины Бежецкой пятины обыска Григория Полуэктовича Аничкова и Степана Артемьевича Лаптева. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:66. С. 1–64.
28. Дозорная книга Устрецкой, Кострецкой, Видимирской, Глининецкой волостей Бежецкой пятины дозора Моисея Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 7–240 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 350).

Обонежская пятина

29. Дозорные книги вотчины Новодевичьего монастыря во Введенском погосте на Ояти дозора Дмитрия Нефниева и подьячего Константина Петрова. 1611. 11.10 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 199–230 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 313).
30. Дозорные перечневые книги по дозорным отписям Вельямина Трусова Обонежской пятины Заонежской половины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 175–195.
31. Обыскные и дозорные книги Заонежских погостов Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 18.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 1–166 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 313).
32. Обыскные книги разных погостов Оштинского стана Юна Ириксона, Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 19.07 // RA, NOA. Serie 1:66. С. 66–252.
33. Обыскные книги поместий митрополичьих детей боярских в Заонежской половине Обонежской пятины обыска Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 4.11 // RA, NOA. Serie 1:120.

Дозорные и обыскные книги Новгородских дворцовых сел

34. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Василия Заденского 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцового села Королева // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 20–26.
35. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Улана Собакина 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцового села Тесова // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 27–30.
36. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Василия Заденского 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцовых сел Ракома и Трясова // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 54–59.
37. Выпись из дозорных книг села Голина и присельных волостей из дозорных книг Семена Васильевича Боборыкина, Лучанина Еремеева и подьячего Василия Заденского. 1614/15 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 98–103.
38. Выпись из дозорных книг дворцового Медведского погоста Федора Неклюдова да подьячего Богдана Березского. 1614/15 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 103–106.
39. Обыск Федора Григорьевича Бутурлина и подьячего Василия Заденского в с. Королеве о живущих там крестьянах и бобылях. 1615. 7.05 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 33–33 об.
40. Обыск Федора Афанасьевича Одинцова в с. Тесове о беглых и обнищавших крестьянах и бобылях. 1615. 8.06 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 47–48.
41. Обыск о беглых и обнищавших крестьянах и бобылях с. Ракома. 1615. 8.06 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 62–63.
42. Обыск Андрея Тимофеевича Ногина и подьячего Андрея Коломского в с. Трясове о беглых крестьянах и бобылях. 1615. 5.04 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 87–88.

Приложение 1.6. Перечень обыскных, отдельных и отписных книг 1610–1616 гг.

Ниже следует перечень в первую очередь сборников обыскных и прочих книг. Содержание сборников не расписано ввиду своего большого объема. Не включенные в состав сборников отдельные и обыскные книги расписаны в данном перечне.

1. Обыск подьячего Селивана Фомина в Холыньском, Наволоцком и Бронницком погостах Деревской пятины о землях Бронницкого яма. 1590. 12, 13 и 17.08 // RA, NOA. Serie 2:1.
2. Книги отдельные и обыскные Шелонской пятины 1609/10, 1610/11 и 1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:41.
3. Книги отдельные и обыскные Деревской пятины. 1610/11–1612/13 // RA, NOA. Serie 1:75.
4. Обыск неслуживого Игнатия Куликова о прежних владельцах деревни Зародовичи Богородицкого Топальского погоста и о поместье Тимофея Якилиева и Кондрата Несибова в Богородицком погосте в Павске, Никольском Раевском, Никольском Ворожебском погостах Никольском Молдинском погосте в Филине слободке Бежецкой пятины. 1611. 13, 14 и 23.02 // RA, NOA. Serie 2:186.
5. Отдел ладожским городовым приказчиком Афанасием Любским прожиточного поместья дочери М. Б. Кушелева Марфе и поместья И. И. Шипилу в Ильинском Тигодском, Егорьевском Теребужском и Успенском Городенском погостах Водской пятины. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 1:25. Опубликовано: *Селин А. А.* Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 126–129.
6. Отдельные книги Водской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:62.
7. Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятине. Без начала и конца. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–41.
8. Обыск неслуживого Григория Игнатьева сына Сысоева о поместье Никиты Федорова сына Чортова в Солецком погосте Водской пятины и отдел этого поместья Роману Иванову сыну Неелову. 1612. 17.01 // RA, NOA. Serie 1:18.
9. Отдел неслуживым Михаилом Бахтиным Ивану Григорьеву сыну Баранову поместья Венедикта Хомутова в Воскресенском Лученском и Дмитриевском Капецком погостах Обонежской пятины и отписка остатка этого поместья на государя. 1612. 30.01 // RA, NOA. Serie 1:24. С. 1, 6, 10–21.
10. Отдельные книги Деревской пятины. 1611/12–1612/13 // RA, NOA. Serie 1:119
11. Отдел губным старостой Водской пятины Полужской половины Михаилом Нееловым поместья Ивану Иванову сыну Пушкину в Павском погосте Шелонской пятины. 1612. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:118.
12. Отдельные книги Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:69.
13. Отдел неслуживым Постником Губачевским Петру Селянину сыну Хомутову сдаточного поместья Ивана Михайлова сына Аничкова во Введенском Дудоровском погосте 1613. 13.10 // RA, Extranea. 156:1. Л. 23.
14. Отдельные книги Водской пятины. 1614 // RA, NOA. Serie 1:58.
15. Обыск Кондратием Баландиным поместья Игнатия Носакина в Ильинском Тигодском погосте Водской пятины. 1614. 17.01 // RA, NOA. Serie 2:338.
16. Обыскная книга об изменничьей сеяной ржи в Будковском погосте Водской пятины. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2: 270.
17. Отдел подьячим Федором Прокофьевым Никите Калитину поместья Ивана Ожогина в Андреевском Грузинском и Коломенском погостах и поместья Бориса Кобылина в Солецком погосте Водской пятины. 1614. 3 и 8.08 // RA, NOA. Serie 1:126.
18. Обыскные книги живущих вытей в Дудоровском и Ижерском погостах Водской пятины 1614. 14.08 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 560.

19. Дозорная память Ивану Никитичу Порецкому и подьячему Торопу Беляковскому об обыске охотничьих земель Бронницкого яма и д. Ямно Наволоцкого погоста. 1614. 15.08 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 27.
20. Обыск Ивана Никитича Порецкого и подьячего Торопа Беляковского об изменничьем поместье Силы Ивкова в Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятины. 1614. 27.08 и 3.09 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 29–30.
21. Обыск Ивана Никитича Порецкого и подьячего Торопа Беляковского об изменничьих поместьях в вотчине Троице-Сергиева монастыря в Сытинском погосте Деревской пятины и в Устьянском, Лажинском и Наволоцком погостах. 1614. 14, 16, 18 и 20.08 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 34, 35, 36, 38.
22. Отдел подьячим Константином Петровым Филону Аничкову и дьяку Пятому Григорьеву поместья Лобана Лугвенева в Никольском Будковском и Хрепельском погостах Водской пятины. 1614, август // RA, NOA. Serie 1:127.
23. Отдел подьячим Одинцом Ивановым литвину Христофору Канарскому поместья детей Игнатия Чортова в Никольском Ижерском, Дудоровском и Климентовском Тесовском погостах Водской пятины. 1615. 22.03 // RA, NOA. Serie 1:79.
24. Отдел Иваном Селивановым поместья кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому в Карачуницком погосте Шелонской пятины. 1615. 7.05 // RA, NOA. Serie 1:90. Л. 23–26.
25. Выпись из отдельных книг на поместье Никите Васильеву сыну Вышеславцову // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 34–35.

Приложение 1.7. Перечень поручных записей

Поручные по служилым людям об их неотъезде из Новгорода

1. Поручная запись по Никите Андрееву сыну Обольянинову. 1611. 25.12 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 1.
2. Поручная запись по Василию Андрееву сыну Пушину. 1612. 29.03 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 16.
3. Поручная по безместному дьякону Семену Иванову о неотъезде его из Новгорода. 1613. 3.02 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 21.
4. Поручная запись дворян и крестьян Водской пятины по губному старосте Ивану Васильеву сыну Пушкину. 1613. 23.03 // Дело по челобитной губного старосты Водской пятины Корельской половины Ивана Пушкина о даче ему пустоши, что была деревня Наволок на Волхове в Михайловском погосте на Ладожском пороге в 1612/13 г., засеять ее на 1613/14 год, а с 1614/15 по 1619/20 год давать оброк в государеву казну. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:353. Л. 18.
5. Поручная запись новгородских посадских людей по выходцам из Пскова и Старой Руссы. 1613. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:208.
6. Поручная запись по Субботе Гаврилову сыну Шапочнику, родом не новгородцу, и по новгородцу Юрию Дементьеву сыну Серебрянику. 1613. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 9.
7. Поручная запись по детям боярским Шелонской пятины Ивану Иванову сыну Селиванову и Лобану Курбатову сыну Лисичникову. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 51.
8. Поручная запись новгородских детей боярских по Кузьме Яковлеву сыну Колокольцеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:255.
9. Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6.
10. Поручная запись по Фомке Бутырскому. 1613, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 69.

11. Поручная запись по Григорию Ларионову сыну Попову. 1613. 6.11 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 2.
12. Поручная запись по Федосье, жене Богдана Лупандина, Анне Матвеевой, матери Угрима Лупандина, Настасье Ивановой, матери Парфения Нарбекова, Авдотье, жене Парфения Нарбекова, Афанасию Самойлову сыну Нарбекову, Григорию Парфеньеву сыну Нарбекову, Степану Андрееву сыну Нарбекову, Степаниде, дочери Максима Нарбекова, Прасковье и Федоре, дочерях Парфения Нарбекова о неотъезде их из Новгорода. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 17–18
13. Поручная детей боярских Водской пятины по сыну боярскому Ивану Крекшину. 1613. 17.12 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 8.
14. Поручная запись новгородских детей боярских по Богдану и Федору Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128.
15. Поручная запись кн. Ф. Т. Черного Оболенского и др. лиц по кн. Ефиму Федорову Мышецкому в том, чтобы быть ему неотлучно в Новгороде и не ссылаться с ворами. 1614. 17.01 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 553.
Опубликовано: Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18–19.
16. Поручная запись по Михаилу Фуникову сыну Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 72.
17. Поручная запись по ивангородским стрельцам. 1614. 25.01 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 3.
18. Поручная запись по татарину Богдану Терпигулову и казаке сибирского царевича Алтанея Кучумова Авдею Архипову. 1614. 16.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 114.
19. Поручная запись по Никифору Васильеву сыну Неплюеву. 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 57.
20. Поручная запись по кн. Федору Семенову сыну Мышецкому. 1614. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 81.
21. Поручная запись по сыну боярскому Деревской пятины Ивану Михайлову сыну Перхурьеву о том, что он не будет без боярского указа съезжать из Новгорода и пр. 1614. 26.04 // RA, NOA. Serie 2:102–В.
22. Поручная запись новгородских детей боярских по Федору Богданову сыну Баишеву и Дорофею Федорову сыну Бобошину. 1614. 14.05 // RA, NOA. Serie 2:262.
23. Поручная запись по вдове Татьяне Лутьяновой дочери, жене Петра, бывшего никольского дьячка. 1614. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 26.
24. Поручная запись по Никите Матвееву сыну Зиновьеву. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.
25. Поручная запись новгородских помещиков и подьячих по Богдану Степановичу Елагину в том, что быть ему в Великом Новгороде и не отъехать в «изменные» города. 1614. 27.06 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 554.
26. Поручная запись по служилому татарину Тарабею Алабердееву. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 4.
27. Поручная запись по ивангородскому стрельцу Федосейке Фадееву. 1614. 9.07 // RA, NOA. Serie 2:158.
28. Поручная запись по жене Максима Куликова Авдотье Максимовой дочери. 1614. 31.07 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 89.
29. Поручная запись по Федору Некрасову. 5.09.1614 // RA, NOA. Serie 2:175. Л. 1.
30. Поручная запись по старце Ситецкого монастыря Онуфрию. 1614. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:334. Л. 1.
31. Поручная запись по Григорию и Якову Богдановым детям Хорошева. 1615. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 76.

32. Поручная запись детей боярских Водской пятины по Семену Григорьеву сыну Бахтину приставу Семену Курбатову. 1615. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:256.
33. Поручная запись по Петру Бакакину сыну Неелову. 1615. 25.03 // RA, NOA. Serie 2:175. Л. 2.
34. Поручная запись по Никите Федорову сыну Супоневу. 1615. 14.04 // RA, NOA. Serie. 2:22. Л. 8.
35. Поручная запись по старцам Никольского Лисья монастыря. 1615. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 52.
36. Поручная запись новгородских детей боярских по Василию Тихонову сыну Аврамову. 1616. 25.07 // RA, NOA. Serie 2:259.
37. Список лиц, поручившихся за Казарина Башмакова по извету на него попа Шестака. 1616. 26.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 582.

Поручные по приказным

1. Челобитная неслуживого сына боярского Шелонской пятины Григория Посникова сына Якимова о службе в рассылочных подьячих и поручная запись по нему. 1609. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 1–2.
2. Поручная запись по посылочному подьячему Юрию Степанову сыну Лутовинину. 1609. 11.05 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 4.
3. Поручная запись по Василию Павлову сыну Бражникову о службе в рассыльщиках Поместной избы. 1610. 25.05 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 5.
4. Поручная запись по Докучаю Степанову сыну Мартьянову о службе в рассыльщиках Поместной избы. 1610. 28.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 2.
5. Поручная запись по Терентию Васильеву сыну Воинову о службе в посылочных подьячих Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.
6. Поручная запись по Фаддею Федорову сыну Змееву. 1611. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 6.
7. Поручная запись по Никите Филиппову о службе в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 31.01 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 7.
8. Поручная запись по Логину Перфирьеву о службе в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11.
9. Поручная запись по Третьяку Степанову сыну Посадникову о службе в подьячих Поместного приказа. 1611. 19.09 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 6.
10. Поручная запись по Семену Васильеву о службе в рассылочных подьячих Поместного приказа. 1611. 11.11 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 10.
11. Поручная по Михаилу Никитину сыну Кудрявцову о службе в рассылочных подьячих Поместной избы. 1612. 6.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 15–16.
12. Поручная запись по неслуживому сыну боярскому Ивану Гаврилову сыну Толмачеву о службе в рассылочных подьячих Поместной избы. 1612. 20.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 7.
13. Поручная запись по Андрею Третьякову сыну Черкасова о службе в рассылке в Поместной избе. 1612, генваря // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 18.
14. Поручная запись по Ивану Володимерову сыну Якимова о службе в посылочных подьячих Поместной избы. 1612. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 17.
15. Поручная запись по Савве Григорьеву сыну Резанову о службе в рассылочных подьячий Поместной избы. 1612. 29.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 19.
16. Поручная запись по Федору Васильеву о службе в посылочных подьячих Поместной избы. 1612. 6.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 20.
17. Поручная запись по Первому Иванову сыну Шибаеву о службе в рассылке в Поместной избе. 1612. 20.09 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 12.
18. Челобитная Богдана Иванова о принятии его в дьячую избу в рассылочные подьячие и поручная по нему. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 1–2.

19. Поручная запись по Мине Иванову сыну Белого о службе в Поместной избе в рассылочном приказе. 1612. 26 (?).10 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 3.
20. Поручная запись по Андрею Михайлову о службе в Поместной избе в посылочных подьячих. 1612. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 14.
21. Поручная запись по подьячему Никите Молчанову о службе в посылочных подьячих Поместной избы. 1613. 28.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 45.
22. Поручная запись по Хрисанфу Иванову сыну Грязному о службе в Государеве поместной избе посылочным подьячим. 1613. 17.02 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 43
23. Поручная запись по Федору Прокофьеву о службе в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46.
24. Поручная запись по Дружине Харитонову о службе в посылочных подьячих Дворцового приказа. 1613. 1.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 47.
25. Поручная запись по Степану Кирилову сыну Псковитину о службе в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48.
26. Поручная запись по Родиону Иванову сыну Бабину о службе в посылочных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 52.
27. Поручная по посылочном подьячем Остафию Симанову о службе в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1613. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 53.
28. Поручная запись по рассыльщике Семену Матвееву сыну Курбатову о службе в рассылке в Поместной избе и в Разряде. 1613. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 5.
29. Поручная запись по подьячему Дмитрию Афанасьеву сыну Маслову о службе в Поместном приказе в посылочных подьячих. 1613. 14 (11?).03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 50–51.
30. Поручная новгородских помещиков и подьячих по Ивану Васильеву сыну Брянцову о службе в Поместной избе в рассылке. 1613. 15.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 7.
31. Поручная запись по Петру Фролову сыну Резанцову о службе в Разряде и Поместной избе в посылочных подьячих. 1613. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 6.
32. Поручная запись по Василию Казаринову сыну Белеутову о службе в Поместном приказе в посылочных подьячих. 1613. 31.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 54.
33. Поручная запись по посылочному подьячему Харитону Семенову о службе в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613. 29.04 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 55.
34. Поручная по подьячему Василию Ушакову о службе в подьячих Поместной избы. 1613. 20.04 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 57.
35. Поручная запись по рассыльщику Поместной избы Денису Матвееву сыну Деревецкому о службе в рассыльщиках Поместного приказа. 1613. 2.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 8.
36. Поручная по Никите Нефедьеву о службе в Новгороде в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 58.
37. Поручная по Постнику Афанасьеву сыну Кувшинову о службе в Поместной избе рассылочным подьячим. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 56.
38. Поручная запись по Максиму Дмитриеву сыну Бешенцову о службе в Поместной избе в рассылке. 1613. 6.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 4.
39. Поручная запись по Петру Кондратьеву сыну Башмаку о службе в Поместной избе в езовых подьячих. 1613. 11.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 9.
40. Поручная новгородцев по площадному подьячему Лариону Андрееву сыну Щепалову в государеву казну. 1613. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 20.

41. Поручная запись по успенскому священнику Ждану Поликарпову. 1614. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 17.
42. Поручная запись по Юрию Иванову сыну Поскочину о службе недельщиком в государеву казну. 1614. 23.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 53.
43. Поручная запись по Федору Григорьеву о службе в посылочных подьячих Поместного приказа. 1614. 31.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 74.
44. Поручная запись по Федору Иванову сыну Змееву о службе недельщиком Поместного приказа. 1614. 22.02 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 75.
45. Поручная запись по Борису Дмитриеву сыну Мордвинову о службе недельщиком. 1614. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 77.
46. Поручная запись по охотнику Котельницкой слободы Томилке Поспелову. 1614. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:23. Л.5.
47. Поручная запись по площадному подьячему Софийской стороны Ивану Кипреянову о его службе. 1614. 8.06 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 88.
48. Поручная запись по Василию Федорову сыну Козлову о службе рассыльщиком. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 58.
49. Поручная запись тесовских ямских охотников по своим товарищам. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 61.
50. Поручная запись семи новгородцев по московскому подьячему Ивану Сидорову о жительстве его в Великом Новгороде. 1614. 19.10 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 571.
51. Поручная запись по новому площадному подьячему успенскому дьячку Семену Дмитриеву. 1614. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 67.
52. Поручная запись по Юрию Прокопьеву о службе в рассылочных подьячих в Поместной избе. 1614. 13.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 70.
53. Поручная запись по Первому Панкратьеву о службе в рассылочных подьячих Поместного приказа. 1614. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 71.
54. Поручная запись по Юрию Толмачеву о службе в рассыльщиках Поместного приказа. 1615. 10.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 104.
55. Поручная запись по Ивану Богданову сыну Михайлову о службе подьячим Поместной избы. 1615. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:348. Л. 7.
56. Поручная запись по Второму Яковлеву сыну Телепневу о службе ему в рассыльщиках (?) (сильно фрагментирована) 1613/14 или 1614/15. 11 числа // RA, NOA. Serie 2: 348–В. Л. 6.
57. Поручная запись по Степану Остафьеву сыну Микулину о службе недельщиком Поместной и Судной избы. 1615. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 102.
58. Поручная запись по Ждану Володимерову о службе рассыльщиком Поместного приказа. 1615. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:348–В. Л. 8.
59. Поручная запись по Ждану Степанову сыну Шуйне о службе в посылочных подьячих. 1616. 4.03 // RA, NOA. Serie 2:348–В. Л. 9.
60. Поручная запись по Грише Гаврилову сыну Нянину о службе в площадных подьячих. 1616. 10.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 18.

Поручные по волостным крестьянам

1. Поручная запись крестьян Еглинского погоста Деревской пятины по десяцкому Первушке Родионову в подможных деньгах. 1611. 4.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 9.
2. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по старосте Василию Петрову, крестьянине Спасского Хутынского монастыря в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 5.
3. Поручная запись крестьян Черенчевицкого погоста Деревской пятины по Климу Харламьеву в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 6.

4. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Данилке Иванову в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 7.
5. Поручная запись крестьян Заброцкой волости Полищского погоста Деревской пятины по старосте Калине Мартемьянову в подможных деньгах. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 8.
6. Поручная запись крестьян Бронницкого погоста Деревской пятины по Ивану Офромиеву, Афанасию Патракиеву и Ермолке Исакову в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 21.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 18.
7. Поручная запись крестьян Холовского погоста Деревской пятины по старосте Третьяке Юрьеву сыну Омле и волостных людях в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 22.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 19.
8. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Клементейке Иванову да по Андрейке Васильеву и других в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 20.
9. Поручная запись крестьян Хрестецкого погоста Деревской пятины по Алексею Васильеву, Семену Семенову и церковному бобылю Максимке Иванову в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 24.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 21.
10. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Семену Федорову, Василию Афанасьеву и других в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 22.
11. Поручная запись крестьян Забродской волости Полищского погоста Деревской пятины по волостным людям в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 28.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 23.
12. Поручная запись крестьян Оксоцкого погоста Деревской пятины по волостным людям в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 24.
13. Поручная запись рядовичей Березовского рядка по рядовитину Юрию Богданову сыну Селецкому в пищальных деньгах с Березовского рядка. 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 4.
14. Поручная запись крестьян с. Тесова по крестьянину Ивану Москве. 1612. 1.02 // RA, NOA. Serie 2:66. Л. 19 об., 16 об.
15. Поручная запись крестьян Богородицкого Бельского погоста Лишеновской волости по волостным людям о привозе кормов в Новгород немецким ратным людям. 1612. 2.01 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 38.
16. Поручная запись крестьян Спасского Боровицкого погоста по волостным людям, отпущенным в Новгород с кормом для немецких ратных людей. 1612.12.01 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 55–56.
17. Поручная запись крестьян Язвицкого погоста Ивану Александровичу Мунзорину и подьячему Селивану Фомину по волостным людям, отпущенным с кормами в Новгород. 1612, январь // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 87–88.
18. Поручная запись крестьян Липенского Котлована по Елизарке Васильеву о поставке тем в острожек на Устрецком стане шести колес для государева дела. 1612. 28.04 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 3.
19. Поручная запись крестьян с. Тесова по крестьянину Ивану Москве. 1613. 27.02 // RA, NOA. Serie 2:66. Л. 15 об.
20. Поручная новгородских посадских людей по Акилине Зиновьевой дочери, жене Ивана Торочкова в том, чтобы ей поставить своего мужа перед боярами и воеводами 29 июля 1613 г. 1613. 19.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 22
21. Поручная запись крестьян Сабельского и Передольского погостов по крестьянину Парфения Обухова Томилу Степанову, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 3.

22. Поручная запись крестьян Хрепельского, Городенского и Сабельского погостов по посошному человеку Василию Никонову, крестьянину Поздея Гурьева, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 4.
23. Поручная запись крестьян Бутковского погоста по конным посошным людям Федьке Павлову и Андрюшке Алексееву, крестьянах Михаила Колачева, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 5.
24. Поручная запись крестьян Передольского погоста по обводном старосте Томилу Степанову сыну, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 6.
25. Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по посошному человеку Ивану Зиновьеву, данная Никите Матвеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 1.
26. Поручная запись крестьян Полянской волости по Софийскому крестьянину Левке Захарьеву, данная государеву посланнику Никите Матвеевичу Зиновьеву. 1613. 17.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 2.
27. Поручная запись новгородских посадских людей по своим землякам — жителям Воздвиженской улицы. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:134.
28. Поручная новгородских посадских людей по торговому человеку Тимофею Калининину. 1613. 4.11 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 2.
29. Поручная людей Бажена Иванова по своим односельчанам. 1614. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 56.
30. Поручная запись по Осипу Никифорову, крестьянину Михаила Аничкова. 1614. 2.05 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 59.
31. Пятнадцать поручных записей новгородских рыбных ловцов по своим товарищам. 1614. 15.06 // RA, NOA. Serie 2:257.
32. Поручная крестьян Лажинского погоста по целовальнику о сохранности изменничьего хлеба. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 33.
33. Поручная запись крестьян Морилницкого стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Выдерского стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 16–17.
34. Поручная запись крестьян Выдерского стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Гачецкого стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 18–20.
35. Поручная запись крестьян Гачецкого стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Низовского стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 21–23.
36. Поручная запись крестьян Корстовского стана Дретенского погоста по крестьянам Замошского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 29–30.
37. Поручная запись крестьян Низовского стана Дретенского погоста по крестьянам Боровского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 33–34.
38. Поручная запись крестьян Туренского стана Дретенского погоста по крестьянам Полисского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 35–36.
39. Поручная запись крестьян Боровского стана Дретенского погоста по крестьянам Котецкого стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 37–38.

40. Поручная запись крестьян Тучинского стана Дретенского погоста по крестьянам Туренского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 39–40.
41. Поручная запись крестьян Дретенского погоста с погоста Дретоны по крестьянам Корстовского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 41–42.
42. Поручная запись крестьян Лосского погоста с по крестьянам того же погоста Сокольской волости в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 30.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 47–48.
43. Поручная дворовых крестьян Сытинского погоста по старосте о сохранности изменничьего хлеба. 1614. 4.09 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 28.
44. Поручная запись крестьян Офремовского погоста по своим землякам, что они к 123 г. ржи не сеяли. 1614. 23.09 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 64.
45. Поручная запись разных новгородцев по человеку Афанасия Иезекиева Терешке. 1614. 25.09 // RA, NOA. Serie 2:263.
46. Поручная запись крестьян Бурежского погоста по своим землякам посошным и по конным посошным. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 15.
47. Поручная запись крестьян Лажинского погоста по целовальнике о сохранности изменничьего хлеба. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 31.
48. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 23.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 62.
49. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 62.
50. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 63.
51. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 63.
52. Поручная запись крестьян Городенского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 28.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 64.
53. Поручная запись крестьян Передольского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 30.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 65.
54. Поручная запись крестьян Хрепельского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 3.11 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 66.
55. Поручные записи крестьян Тесовской волости по своим землякам. 1614, октябрь–ноябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 43.
56. Поручная запись помещиков и крестьян Водской пятины по крестьянину Никиты Зиновьева Митьке Юхтину Дягиленского погоста д. Париц. 28.03. 1615 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 3.
57. Поручная запись крестьян Коростынского погоста по посошным людям. 1615. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 2.
58. Поручная запись крестьян Бурежского погоста сельца Двориц по крестьянину их же сельца, служащему в Новгороде у винной поварни. 1615. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 3.
59. Поручная запись новгородцев по жильцам Звадцкого рядка в уплате оброчных денег за 121 и 122 гг. 1615. 23.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 1.
60. Поручная запись крестьян Коростынского погоста по посошным сенокосцам, данная приказчику Лучанину Еремееву и роспись имен сенокосцев. 1615. 5.07 // RA, NOA. Serie 2:341. Л. 38.
61. Поручная запись крестьян Бурежского погоста по посошным сенокосцам, данная приказчику Лучанину Еремееву и роспись имен сенокосцев. 1615. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:341. Л. 39.

62. Поручная запись Михаила Иванова сына Танаева и Якова Муралеева по крестьянину Ивана Танаева. 1616. 30.07 // RA, NOA. Serie 2:271. Л. 1.
63. Поручная запись по дьячку Солецкого погоста Андрею Никифорову. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 48.
64. Поручная запись по дьячку Солецкого погоста Андрею Никифорову. 1616. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:173².

Поручные записи по пленным

1. Поручная запись по кашинцу Якову Федорову сыну Дубовскому. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 1.
2. Поручная запись по белянину Павлу Иванову сыну Шепелеву. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 2.
3. Поручная запись по кашинцу Илье Карпову сыну Грушецкому. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2: 22.Л. 3.
4. Поручная запись по лушанину Григорью Иванову сыну Свистунову.. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 3.

Отрывок поручной записи. Без даты // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 6.

Приложение 1.8. Перечень книг сбора судной пошлины.

1. Книги Судного двора при судьбе Василии Ивановиче Трусове. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122.
2. Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64
3. Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5.
4. Книги сбора судной пошлины. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:4.

Приложение 1.9. Перечень приходо-расходных книг

Дворец

1. Отрывок расходных книг ружникам и оброчникам. После 1597/98 // RA, NOA. Serie 1:59. С. 31–32, 34, 33.
2. Роспись доимочных денежных и хлебных государевых платежей с новгородских дворцовых сел. 1602/03 // RA, NOA. Serie 2: 68. Л. 1об.–5 об.
3. Книга приходо-расходная с государевых садов яблок и груш. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:115.
4. Приходо-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:136.
5. Приходо-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34.
6. Книги хлебного расхода и прихода из государевых житниц. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:116.
7. Расходные книги государева хлеба, выданного после опечатывания дел Дворцового приказа для ревизии. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 41–48.
8. Расходные книги государевым ружникам и оброчникам. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:98.
9. Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 1–31.
10. Расходные книги додачи государевой хлебной казны ружникам и оброчникам. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 51–63.

² Данная поручная запись была взята в связи с тем, что дьячок был заподозрен в участии в разбойном нападении на судно, следовавшее по Волхову.

11. Приходные книги государева хлеба с дворцовых сел за приписью дьяка Пятого Григорьева. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 1–27.
12. Расходные книги хлеба из государевых житниц. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:76.
13. Книги кормового сбора немецким ратным людям с новгородских дворцовых сел. 1615. 23.02 // RA, NOA. Serie 1:27.
14. Приходные книги государева хлеба из дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:108.
15. Книги выделенного хлеба из дворцовых сел. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:109.

В том числе Старая Русса

16. Роспись прихода и расхода отписного хлеба со Старой Руссы и уезда за 1611/12 г. После 1612 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 28–31.
17. Роспись выделенного на государя ярового и озимого хлеба со Старорусского уезда по дозорным книгам Луки Милославского с товарищами, Филона Аничкова с товарищами, Другини Сьянова и подьячего Федота Кожарина и Мелентия Вараксина с товарищами, и остатка государева хлеба в Старой Руссе в государевых житницах. 1613. 11.08 // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 1–51.
18. Роспись прихода и расхода государева хлеба Старорусского уезда по умолотным и расходным книгам Алексея Колычева и подьячего Постника Кувшинова. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:68.
Роспись прихода и расхода государева хлеба Старорусского уезда по умолотным и расходным книгам Алексея Колычева и подьячего Постника Кувшинова. 1613/14 (продолжение) // RA, NOA. Serie 2:67.

В том числе ямгородские дворцовые села

19. Книги выделенного хлеба ямогородских дворцовых сел приказчика Ивана Тыркова. 1612. 18.08–сентябрь // RA, NOA. Serie 1:94. С. 1–149.
20. Книги выделенного хмеля в ямогородских дворцовых погостах приказчика Ивана Тыркова. 1612. 26–29.08 // RA, NOA. Serie 1:94. С. 155–206.

В том числе порховские дворцовые села

21. Приходные книги кормов с порховских дворцовых сел Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, май – август // RA, NOA. Serie 1:71. С. 3–17.
22. Расходные книги кормов с порховских дворцовых сел Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, май – август // RA, NOA. Serie 1:71. С. 21–41.
23. Приходные книги кормов с порховских дворцовых сел приказчика Богдана Помещикова. 1612, октябрь – 1613, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 47–54.

Большой приход

1. Приходная книга окладных денег, взятых с новгородских посадских людей. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:59.
2. Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140).
3. Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69.
4. Книга сбора государевых промытных денег хлебного и калачного ряда государевых весчих целовальников Гриши Прокофьева и Прошки Иванова. 1612. 28.09–1613. 15.04 // RA, NOA. Serie 2:201, тетрадь в конце столбца.

5. Приходо-расходные книги за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:104.
6. Запись прихода пошлинных денег. 1613. 1.05 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 60.
7. Отрывок из расходных книг государевой казны на 1613/14 г., в том числе оклад новгородским пушкарям. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 5 об.
8. Приходные книги пошлинных денег с записи челобитных. 1615/16 г. // RA, NOA. Serie 1:124

В том числе Заонежье

9. Книги денежных доходов с Оштинского стана Заонежских погостов за 1610/11 год и доимочных денег за 1609/10 год. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:42.
10. Платежная книга оброчных денег с погостов Оштинского стана, Заонежских и Лопских. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:92.

В том числе поместные пошлины

11. Книги денег, взятых на дворянах Деревской пятины за псковские нети по переводным записям. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.
12. Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Водской, Шелонской и Деревской. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:100.
13. Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 1–84.
14. Книги записи поместных пошлин. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 85–120.

В том числе солдатские деньги

15. Книги сбора и раздачи кормов немецким ратным людям. 1611, декабрь–1612, январь // RA, NOA. Serie 1:74.
16. Приходо-расходные книги сбора и раздачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48.
17. Счет деньгам (18 529 рублей 7 алтын 3 денги), выданным из Новгородской казны с 19.10. 1611 по 20.04. 1613 на наем немецким ратным людям. 1613, после 20.04 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 541, большой формат.
18. Расходные книги кормовых денег на немецких людей. Новгород. 1612/13–1614/15 // RA, NOA. Serie 1:123.
19. Книги сбора денег с новгородских посадских людей. 1614, январь // RA, NOA. Serie 1:35³.
20. Книги сбора солдатских денег с Новгородского и Старорусского посадов. 1613/14–1615/16 // RA, NOA. Serie 1:2.
21. Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:357.
22. Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:140. Л. 1 об.

В том числе приход и расход отписного хлеба из изменничьих поместий

23. Отписные и выдельные книги хлеба в изменничьих поместьях в погостах Дудоровском, Ижерском, Дмитриевском Кипенском, Суйдовском, Взылицком, Орлинском, Дягиленском Петра Ермолича Хомутова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1:49.

³ Датируется 1614 г. на основании: Память сборщику Овсею Дмитриеву сыну Резанову и подьячему Ивану Заденскому за приписью дьяка Семена Лутохина о взятии денег с детей Первого Прокофьева. 1614. 2.01 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 4.

24. Отписные книги хлеба в изменничьих поместьях Карельской половины Водской пятины и в Обонежской пятине отписи кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1:50.
25. Книги раздачи изменничьего хлеба Карельской половины Водской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова 1614, август // RA, NOA. Serie 1:51.
26. Отписная и зажинная книга хлеба в изменничьих поместьях Корельской половины Водской пятины и Обонежской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1:52 (копия serie 1:11 и 50)
27. Книга хлебной раздачи новгородским дворянам, детям боярским, вдовам и девушкам хлеба из изменничьих поместий кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614, августа 17–ноября 30 // RA, NOA. Serie 1:11.
28. Книги хлебной раздачи кн. Тимофея Андреевича Шаховского и Федора Ивановича Бестужева. 1614. 17.08 – 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:56.
29. Книги приходные и расходные государева отписного хлеба в Наволоцком, Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятины письма Никиты Дирина, Ивана Порецкого и подьячего Торопа Беляковского. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:13.
30. Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.
31. Расходные книги государева отписного хлеба Водской и Шелонской пятины Семена Муравьева. 1614, декабрь – 1615. 26.02 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 76–90.
32. Расходные книги государева отписного хлеба Водской и Шелонской пятины Семена Муравьева. 1615, февраль – 30.03 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 116–122.
33. Выдельные книги государева хлеба из усадьбы Белой Никольского Бутковского погоста Григория Обольянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1:135.
34. Выдельные книги четвертого снопа в бывшем усадище Никиты Тыркова Белой в Будковском погосте Григория Обольянинова да подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 12.07 // RA, NOA. Serie 2:110.

В том числе Государев винный погреб

35. Приходо-расходные книги Государева винного погреба. 1611. 28.03–31.08 // RA, NOA. Serie 1:60.
36. Приходо-расходные книги Государевых винных погребов погребного приказчика Григория Афанасьева и разных целовальников за приписью дьяка Семена Лутохина. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:11.
37. Приходо-расходные книги Рогатицкого кабака. 1614 или 1615, январь–март // RA, NOA. Serie 2:103. 2 листа
38. Приходо-расходный список денег, вина и пива на государевых Рогатицком и Витковском кабаках с 1.01 по 1.02. 1617 // RA, NOA. Serie 2:161.

Порхов

1. Приходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабрь – 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229–237.
2. Расходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабрь – 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 267–277

3. Приходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, январь – май // RA, NOA. Serie 1:71. С. 241–264.
4. Расходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Федора Олферьева сына Воронова, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, январь – апрель // RA, NOA. Serie 1:71. С. 285–300
5. Приходо-расходные книги кормов немецким людям по Порхову. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:117.
6. Книга раздачи опальной ржи немецким людям в Порхове Федора Култашева и целовальника Гриши Сереброва. 1613. 21.08 – 1614. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 121–125.
7. Книги расходные государевой хлебной казны в Порхове. 1614, февраль–июнь // RA, NOA. Serie 1:32.
8. Книги хлебной раздачи в Порхове Ивана Селиванова. 1614. 1.03 – сентябрь // RA, NOA. Serie 1:82.

Орешек

Черновые расходные списки немецких кормов и других расходов Ореховского (?) уезда // RA, NOA. Serie 2:258.

Острожки

Тесово

1. Книга сбора кормов с Полужской половины Водской пятины на Тесовский и Пентелеевский острожки. 1611, август – 1616, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:109, 1 л.
2. Книги сбора и раздачи кормов Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12–1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1:71. С. 57–128.
3. Книги раздачи кормов немецким ратным людям по Тесовскому острожку при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 23.12–1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 137–166.
4. Книга сбора кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве сыне Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 169–183.
5. Книга сбора кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве сыне Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 189–204.
6. Книга раздачи кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве сыне Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 207–226.
7. Книги сбора и раздачи кормов в Тесовском острожке при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь – 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87.
8. Черновая расходная роспись кормов Тесовского острога⁴. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 57–57 об.
9. Книги сбора кормов Тесовского острожка. 1615. 6.02–5.05 // RA, NOA. Serie 1: 9.
10. Книги раздачи кормов Тесовского острога при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1615. 6.02–март // RA, NOA. Serie 1:72.
11. Отрывок из росписи кормов Тесовского острожка. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 54–54 об.
12. Черновая роспись кормов Тесовского острога. 1615 (?)//RA, NOA. Serie 2:47. Л. 55–55 об.

⁴ Подобная предыдущей.

13. Черновая роспись кормов Тесовского острога. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 56.
14. Книги раздачи кормов Тесовского острожка при воеводе Федоре Одинцове. 1615, июль // RA, NOA. Serie 1:81.
15. Книги сбора кормов Тесовского острожка при воеводе Федоре Одинцове. 1615, июль–ноябрь // RA, NOA. Serie 1:73.
16. Книги раздачи кормов немецким людям Кристоанцовой роты при губном старосте Селиверсте Зиновьеве и Иване Баранове. 1615, ноябрь–декабрь // RA, NOA. Serie 1:132.
17. Книги раздачи кормов немецким людям Крестоанцовой роты при воеводе Федоре Одинцове и губном старосте Селиверсте Зиновьеве. 1615, декабрь – 1616, январь // RA, NOA. Serie 1:134.
18. Книги раздачи хлебных кормов Тесовского острожка при Федоре Одинцове. 1615, декабрь – 1616, январь // RA, NOA. Serie 1:89.

Белая

Книги приходные Бельского острожка. 1612, январь – март // RA, NOA. Serie 1:36⁵.

Заречье

Книги сбора и раздачи кормов Зарецкого острожка при Никите Зиновьеве. 1614. 15.07 // RA, NOA. Serie 1: 125.

Книги сбора и раздачи кормов Зарецкого острожка при Никите Зиновьеве. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:128.

Ивня

Книги сбора кормов Ивнинского острожка при Федоре Одинцове. 1615. 21.12 – 1616. 30.01 // RA, NOA. Serie 1:133.

Устрека

Отписная книга стоячего молоченого хлеба с побитых, сошных и выморочных участков в дворцовой Устрецкой волости с третями отписи Моисея Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 1.04 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 257–270 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 350).

Поход Вышеславцева на восток зимой 1611/12 г.

1. Книги приходо-расходные государевым денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 1–20.
2. Книги сбора и раздачи кормов немецким и русским ратным людям при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611, ноябрь – 1612, февраль // RA, NOA. Serie 1:97.
3. Отрывок приходной записи кормов с Кострицкой волости и с Боровицкого монастыря. 1612 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 36.

Чрезвычайные кормовые сборы с пятин

1. Книги сбора кормов немецким людям Симона Блаженкова, Гаврила Мякина и подьячего Никиты Нефедьева. 1612. 17.06 // RA, NOA. Serie 1:23. С. 1–12.
2. Книги сбора и раздачи кормов Бельского и Тихвинского станов Ивана Никифоровича Коковцова и Андрея Горемыкина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:101.

⁵ Книга датирована по упоминанию в ней в качестве лиц, которым был выдан хлеб дьяка Третьяка Копнина и Овсея Дмитриева сына Резанова, участников посольства архимандрита Никандра в Стокгольм.

Разное, отрывки

Отрывок расходной записи денег за яловицу, баранов, коз, зипуны сермяжные, фрезы женские. 1612 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 37.

Отрывок из приходо-расходной записи о государевом умолоченном хлебе (итог) // RA, NOA. Serie 2:162.

Отрывок из приходо-расходной книги. 1612, осень // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 128 об., 128.

Приложение 1.10. Перечень ужинных, умолотных и засевных книг.

1. Ужинные и умолотные книги яровой ржи в поместье Венедикта Тимашева ужина и умолота Григория Обольянинова. 1613. 15.07 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 643–645.
2. Засевные и ужинные книги в Городенском, Будковском, Передольском, Косицком, Сабельском и Петровском погостах Водской и Шелонской пятин ужина и умолота Семена Муравьева. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:55.
3. Ужинные и умолотные книги дворцовых сел Королева и Коростынского погоста. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:99
4. Ужинные, выдельные и посопные книги ярового хлеба дворцового села Тесова ужина и умолота Никиты Андреевича Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 257–318.
5. Ужинные и выдельные книги дворцового села Тесова ужина и умолота Никиты Андреевича Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613, август – 14.09 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 221–253.
6. Ужинные и умолотные книги государева хлеба на десятинной пашне в дворцовом селе Тесове ужина и умолота Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 7.08 // RA, NOA. Serie 1:109. С. 267–269.
7. Ужинные, умолотные и засевные книги дворцового села Тесова ужина, умолота и засева Никиты Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613. 4.07–11.12 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 93–118.
8. Ужинная и умолотная книга отписного хлеба в изменничьих поместьях во Влажинском и Сытинском погостах Деревской пятины ужина и умолота Ивана Порецкого и подьячего Торопа Беляковского. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 1: 83.
9. Ужинные и умолотные книги в изменничьих поместьях Хрепельского погоста Водской пятины ужина и умолота Якова Частого. 1614. 16.09 // RA, NOA. Serie 1:12
10. Ужинные и умолотные книги хлеба в изменничьих поместьях ужина и умолота Семена Муравьева и подьячего Казарина Башмакова. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:88.
11. Ужинные и умолотные книги в погостах Водской и Шелонской пятины ужина и умолота Семена Муравьева. 1614, ноябрь // RA, NOA. Serie 1:10. С. 1–73.
12. Выпись из ужинных и умолотных книг Алексея Колычова да подьячего Постника Кувшинова 122 г. в погостах Старорусского уезда. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:66.
13. Замолотные книги отписного хлеба в Бутковском и Хрепельском погостах. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 94–113.
14. Умолотная книга ржи в поместье Дмитрия Лодыгина в с. Торошковичи в Никольском Передольском погосте. 1615. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 62–63.
15. Ужинные и умолотные книги государева казенного хлеба в Никольском Бутковском погосте. 1616. 12.07 // RA, NOA. Serie 1:129.

16. Ужинные и умолотные книги хлеба в Никольском Будковском погосте Водской пятины ужина и умолота Григория Обольянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1:57.
17. Отрывок из выписи из умолотных книг Петровского (?) погоста Старорусского уезда // RA, NOA. Serie 2:64. Л. 1 об.

Список сокращений

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук.
АЕ	Археографический ежегодник
АИ	Акты исторические, собранные императорской Археографической экспедицией
Акты Юшкова	Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилого сословия после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. Ч. 1. М., 1898.
АМГ	Акты Московского государства
АРИ	Архив русской истории
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АЮБ	Акты юридического быта
ВАИ	Вестник археологии и истории
ВГ	Вопросы географии
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВИЖ	Военно-исторический журнал
ВОИДР	Вестник Общества истории и древностей Российских при императорском Московском университете
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	Государственная библиотека им. В.И.Ленина
ГИМ	Государственный исторический музей
ГУ	Государственный университет
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранным императорской Археографической экспедицией
ДРВ	Древняя российская вивлиофика
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИА	Исторический архив
ИЖ	Исторический журнал
ИЗ	Исторические записки
ИРГО	Известия Русского генеалогического общества
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛЗАК	Летопись занятий императорской Археографической комиссии
ЛИРО	Летопись Историко-родословного общества
МГАМИД	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГУ	Московский государственный университет

НБУВ	Национальная библиотека Украины
НГОМЗ	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	Новгородский исторический сборник
НОЛД	Новгородское общество любителей древностей
НПК	Новгородские писцовые книги, издаваемые императорской Археографической комиссией
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОИ	Отечественная история
ОЛДП	Общество любителей древней письменности
ОПИ	Отдел письменных источников
ОР	Отдел рукописей
ОФР	Очерки феодальной России
ПАО	Псковское археологическое общество
ПЛ	Псковские летописи. Т. 1. М., 1941. Т. 2. М., 1956.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
РШЭО	Русско-шведские экономические отношения. М.; Л., 1960.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПБНИИ	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СССР	Союз советских социалистических республик
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
УАК	Ученая архивная комиссия
УЗ	Ученые записки
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете
NOA	Oskupationsarkivet från Novgorod
RA	Riksarkivet, Stockholm

Оглавление

Введение	1
Глава 1. Источники исследования	16
Нарративные источники	30
Разрядные книги	32
Даточные книги и десятины	35
Кормовые книги Галицкой, Костромской, Владимирской четвертей	44
Дело о приезде королевича Иоганна в 1602 г.	44
Грамоты ополчений, новгородского правительства, городских воевод	45
Порубежные акты	48
Писцовые и дозорные книги	48
Отдельные, обыскные, отписные и платежные книги	59
Дела о поместьях	63
Книги сбора судной пошлины	67
Судебные дела	67
Переписные книги имущества	69
Поручные записи	71
Приходо-расходные книги и книги сбора и раздачи кормов	72
Ужинные и умолотные книги	77
Кабальные книги	78
Таможенные книги	83
Купчие записи на недвижимость	84
Книги конской покупки	85
Ямские книги	86
Актовые книги Новгородского Софийского дома	86
Другие источники	87
Глава 2. Историография	92
Глава 3. Новгородская земля в начале XVII века. Историко-географический обзор ...	122
I. Пригороды	124
Старая Русса	125
Порхов	129
Орешек	131
Ладога	133
Гдов	141
Ивангород	144
Копорье	150
Ям	153
II. Остроги	154
Невский острог	159
Остроги на Московской дороге	160
1. Бронницкий острожек	160
2. Винский острожек	161
3. Рахин острожек	162
4. Коломенский острожек	162
Остроги в Полужье	162
1. Тесовский острожек	162
2. Пантелеевский острожек	166
3. Бельский острожек	167
4. Зарецкий острожек	167
5. Ивнинский острожек	168
Остроги в Поволховье	169

1. Водосский острожек	169
2. Раванский острожек	169
Остроги в удаленных от Новгорода областях	170
1. Сумерский острожек	170
2. Устрецкий острог	170
3. Черенский острог	172
Казацкие острожки	173
Острожек на Сяси и укрепления округа Столбова	174
III. Дороги	176
Ивангородская дорога	184
Ладожская дорога	186
Ореховская дорога	187
Дорога из Ладоги в Орешек	189
Псковская дорога	191
Тихвинская дорога	193
Дорога между Тихвином и Ладогой	193
Дорога между Тихвином и Москвой	193
Московская дорога	194
Дубецкая дорога	195
Бельская дорога	195
Запустение пространства на периферии Новгородской земли	196
<i>Географические представления новгородцев</i>	199
<i>Дворцовые земли</i>	208
Глава 4. Очерк политической истории Новгородской земли начала XVII века	213
Новгород и его соседи	277
<i>Новгород и Псков</i>	278
<i>Новгород и Каргополь</i>	297
<i>Устюжна</i>	301
<i>Белозерск</i>	303
Измены и плен	305
Измены	305
Плен	314
Глава 5. Служилые люди Новгорода начала XVII века: групповая характеристика	320
Члены Государева двора и другие иногородние в Новгороде	321
Новгородцы — дворяне и дети боярские	327
Неявка на службу	340
Погоня за поместьями	341
Службы новгородцев после 1617 г.	349
Служилая мелкота	352
Своеземцы	352
Новокрещены и татары	370
Софийские (владычные) дети боярские	374
Приказная бюрократия	377
Новгородские приказы	384
Глава 6. Стратегии поведения и повседневная жизнь новгородцев в начале XVII в. ...	394
I. Новгородцы и шведы	394
Слухи	402
1) Церкви и софийская казна	404
2) Численность шведских войск в разных городах	405
3) Ожидание боярина Федора Шереметева	406
4) Король Густав Адольф	408
5) Александр Лисовский	408

6) Московские события 1613-1615 гг.	409
7) Псковские события 1615-1616 гг.	410
8) Делагарди.	411
9) Пожар в Ивангороде после Троицы 1616 г.	412
II. Распространение идей / идеология массового сознания	417
III. Жизнь и смерть	430
IV. Семья и брак	433
V. Вдовство	444
VI. Взаимоотношения поколений	447
VII. Взаимоотношения соседей	450
VIII. Люди и вещи	458
1) Жилье	458
3) Вещи	463
IX. Приход и религиозность. Монастыри и святыни.	472
X. Девиантное поведение	475
1) Проституция в Новгороде и Новгородской земле	475
2) Гомосексуализм	477
Приложение 1.1. Перечень дел архива Новгородской приказной избы, хранящихся в РГИА.	488
Приложение 1.2. Перечень следственных дел.	488
Приложение 1.3. Перечень дел по челобитным о поместьях	491
Приложение 1.4. Перечень даточных книг и сопутствующей документации	499
Приложение 1.5. Перечень дозорных книг 1611–1616 гг.	500
Приложение 1.6. Перечень обыскных, отдельных и отписных книг 1610–1616 гг.	502
Приложение 1.7. Перечень поручных записей.	504
Поручные по служилым людям об их неотъезде из Новгорода	504
Поручные по приказным	506
Поручные по волостным крестьянам	508
Поручные записи по пленным	512
Приложение 1.8. Перечень книг сбора судной пошлины.	512
Приложение 1.9. Перечень приходо-расходных книг	512
Дворец	512
Большой приход	513
Порхов	515
Орешек	516
Острожки.	516
Поход Вышеславцева на восток зимой 1611/12 г.	517
Чрезвычайные кормовые сборы с пятин.	517
Разное, отрывки	518
Приложение 1.10. Перечень ужинных, умолотных и засежных книг.	518